РУССКАЯ ИСТОРІЯ

И.
19
Б.
09
РУССКАЯ ИСТОРІЯ
ТОМЪ 2.
ИЗДАНІЕ Т-ВА „МІРЪ“
МОСКВА

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

С҄Ъ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

М. Н. ПОКРОВСКАГО,

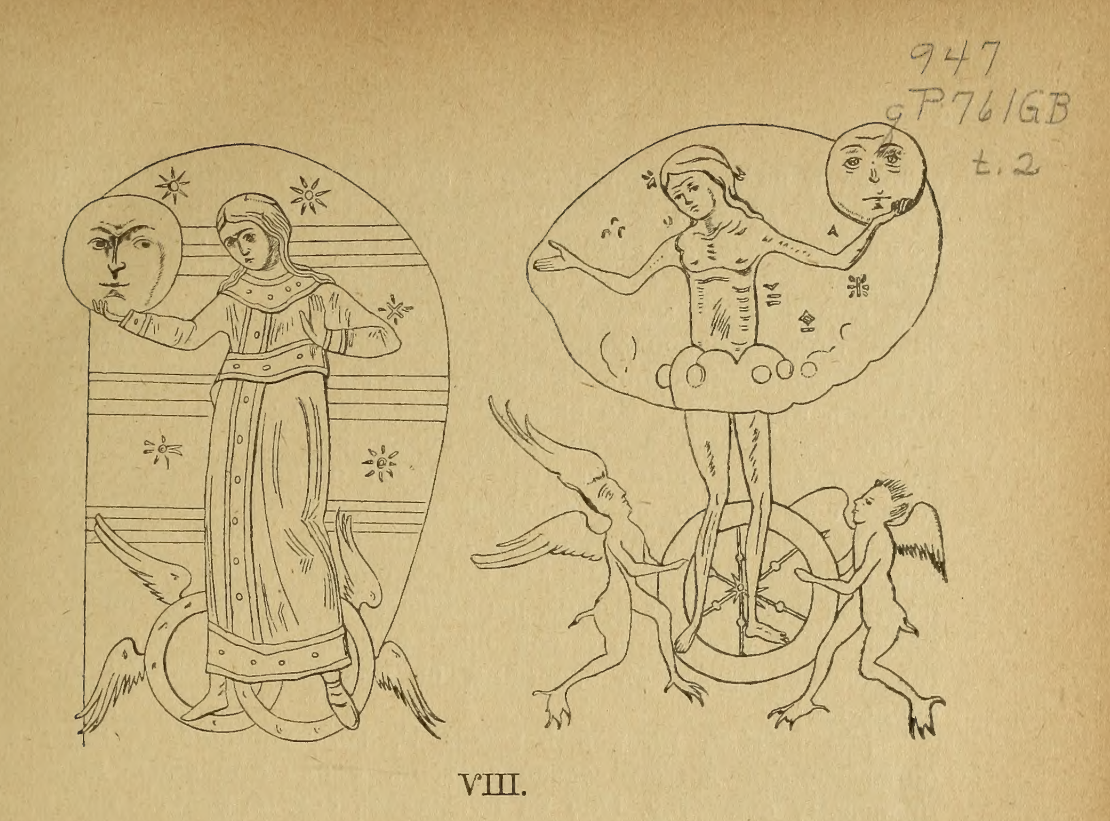
ПРИ УЧАСТІИ

Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева.

Томъ II.

Изданіе Т-ва „МІРЪ“.
МОСКВА

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва—1913.

VIII.

Народная религія и церковь въ XIV—XVI в.

Прошло около четырехъ вѣковъ съ того момента, какъ днѣпровскіе славяне стали офиціально именоваться христіанами; за это время произошло сравнительно мало измѣненій въ условіяхъ ихъ матеріальнаго быта. Правда, выяснился и получилъ законченное выраженіе феодальный характеръ общества, въ особенности послѣ разгрома днѣпровской Руси и перенесенія центра тяжести русской жизни на Оку и Волгу; правда, что въ связи съ этимъ земледѣльческіе промыслы получили рѣшительный перевѣсъ надъ охотничьими. Но феодализація болѣе всего захватила правящіе круги тогдашняго русскаго общества; закрѣпощеніе крестьянъ и превращеніе ихъ въ рабовъ было еще впереди; съ другой стороны, охотничьи промыслы, сохраняя перевѣсъ въ лѣсахъ Заволжья и Прикамья, не утратили важнаго хозяйственнаго значенія и въ центрѣ, сохранивъ свою жизненную необходимость даже въ боярскихъ и княжескихъ хозяйствахъ. Наконецъ, развитіе городской жизни шло крайне медленно; ростъ денежнаго хо-

зяйства и коллизія городского и феодальнаго общества были также еще дѣломъ далекаго будущаго. На такой почвѣ вѣрованія не могли преобразоваться по существу: соціальные кризисы, которые могли бы создать благопріятныя условія для возрожденія мотива искупленія, еще не наступили, а общій фонъ раздробленности и господства натуральныхъ примитивныхъ промысловъ не благопріятствовалъ трансформаціи старыхъ вѣрованій. Но эволюція феодальнаго строя и возвышеніе „державы“ Московскаго князя въ XVI в. оказали немаловажное вліяніе на церковную организацію, которая совершенно отсутствовала въ языческую эпоху и создалась только послѣ принятія христіанства. Подъ христіанскими византійскими формами здѣсь, однако, сложилось чисто мѣстное содержаніе; форма церковнаго господства пріобрѣла феодальный характеръ и совершенно спаялась въ одно органическое цѣлое съ формами свѣтскаго феодальнаго господства.

Мы видѣли въ концѣ главы V, что христіанство, какъ опредѣленная догматическая система, плохо привилось днѣпровскому обществу. Оно не нуждалось еще въ религіи искупленія; для него религія была прежде всего практическимъ дѣломъ текущаго момента, дѣломъ соглашенія между человѣкомъ и таинственными для него явленіями природы, иногда враждебными, иногда дружелюбными. Вслѣдствіе этого христіанскія вѣрованія и обряды, принесенные изъ Византіи, потерпѣли странное превращеніе, перемѣшавшись съ анимистическими и фетишистскими вѣрованіями и съ тощими ростками политеистическаго натурализма. Искупительные мотивы новой религіи стерлись и отошли на задній планъ; обрядъ и реликвія завоевали себѣ первое мѣсто.

Общество XIV—XVI вѣковъ въ цѣломъ сохраняетъ старый взглядъ на религію, какъ на совокупность опытнаго знанія таинственныхъ силъ природы и на совокупность средствъ жить съ таинственнымъ міромъ въ ладу, обращая его даже къ себѣ на службу. Въ зависимости отъ соціальнаго положенія, человѣкъ XIV — XVI вѣка прибѣгалъ къ различнымъ средствамъ; низы довольствовались старыми методами и посредниками, присвоивъ имъ лишь христіанскія клички, верхи иногда пускались въ книжныя изысканія, но по существу оставались на той же основѣ, что и низы. Если въ Ладогѣ новгородскіе охотники увѣряли, что они своими собственными глазами видѣли на востокѣ отъ Югры и Самояди такія области, гдѣ звѣри прямо изъ тучъ валятся, изъ

одной тучи—молодыя веверицы, изъ другой — малые оленьцы,—то такому анимистическому изображенію соприкосновенія неба съ землей вѣрили не только товарищи свидѣтелей этого необыкновеннаго явленія, но и монахи, одинъ изъ которыхъ записалъ это достовѣрное извѣстіе подъ 1114 г. въ Ипатьевской лѣтописи. Демоническая природа звѣрей была засвидѣтельствована для тогдашняго общества и другими, еще болѣе высокими авторитетами. Раскройте любое житіе любого святого подвижника сѣвернаго края: святой подвижникъ—борецъ противъ демоновъ, обитающихъ въ лѣсной пустынѣ; демоны пускаютъ въ ходъ всякія „досажденія" и „пакости", чтобы выжить святого, и охотнѣе всего пускаютъ въ ходъ звѣрей, которые расхищаютъ монастырское стадо; святой, конечно, выходитъ побѣдителемъ. „Свирѣпый звѣрь, кровоядецъ акудъ, рекомый медвѣдь, на единомъ отъ скотъ сотвори пакость, хотяше убити его; святый же звѣря молитвою связа и повелѣ ученику своему поученіе дати, да впредь пакости не дѣетъ. Ученикъ, веемъ лозу, біяше звѣря, звѣрь же поклонися имъ до земли, ничтоже зла сотвори" (жит. Іоасафа Каменскаго). Христіанскаго элемента тутъ совсѣмъ нѣтъ; напротивъ, изъ этихъ строкъ житія на насъ вѣетъ духомъ сѣдой анимистической старины, съ ея тотемами и магическими формулами. И это сознаніе, сознаніе, что такія представленія плохо вяжутся съ христіанскимъ символомъ вѣры, что въ сущности вѣрованія тогдашняго общества были тѣмъ же плохо прикрытымъ язычествомъ, иногда заставляло бросать псевдонимы и называть вещи ихъ собственными именами. Рядомъ съ церквами оставались „камень да береза"; „овъ требу творилъ на студенци, дъжда живы отъ него, забывъ, яко богъ на небеси дождь даетъ; овъ рѣку богиню нарицалъ, и звѣрь, живущъ въ ней, яко бога нарицалъ". „Даже попове и книжницы" вѣруютъ въ Перуна и Хорса, подкладываютъ имъ требы и куры имъ рѣжутъ," жалуется поученіе неизвѣстнаго автора XIII вѣка, а въ XIV вѣкѣ, какой-то монахъ, устами лѣтописи, называетъ людей, не обинуясь, дажь-божьими внуками. Въ XVI в., правда, такая откровенная номенклатура уже вышла изъ употребленія, но жалобы и постановленія Стоглава достаточно краснорѣчиво показываютъ, что по существу и въ срединѣ XVI вѣка дѣло нисколько не измѣнилось. Съ другой стороны, элементарныя познанія по части христіанскаго вѣроученія и культа были чужды не только мірянамъ и низшему духовенству, но и монашеству и представителямъ высшей іерархіи. Иностранцы сообщаютъ намъ,

что простые міряне не знали ни евангельской исторіи, ни символа вѣры, ни главнѣйшихъ молитвъ, въ томъ числѣ даже „Отче нашъ“ и „Богородице дѣво“, и наивно объясняли свое невѣжество тѣмъ, что „это очень высокая наука, пригодная только царямъ да патріарху и вообще господамъ и духовнымъ лицамъ, у которыхъ нѣтъ работы“. Но тѣ же иностранцы выдаютъ самое уничтожающее свидѣтельство и тѣмъ, у кого былъ досугъ, и даже спеціальный досугъ, для пріобрѣтенія такихъ познаній. Олеарій (XVII в.!) пишетъ, что въ его время едва одинъ монахъ изъ десяти зналъ „Отче нашъ“; въ концѣ XVII вѣка Вармундъ упоминаетъ о монахѣ, просившемъ милостыню именемъ четвертаго лица св. Троицы, каковымъ оказался св. Николай; послѣ этого неудивительно уже читать у Флетчера (конецъ XVI в.), что вологодскій епископъ не сумѣлъ ему объяснить, изъ какой книги священнаго писанія онъ по просьбѣ Флетчера только что читалъ вслухъ, и сколько евангелистовъ, а у Олеарія и Виккардта (XVII в.),—что современные имъ патріархи въ дѣлахъ вѣры были крайне несвѣдущи и не могли вести богословскихъ споровъ съ иностранцами. Эти предварительныя замѣчанія показываютъ, насколько мало были распространены богословскія знанія въ средѣ духовенства даже въ концѣ XVII вѣка; позднѣе мы увидимъ, что лишь очень небольшая часть русскаго грамотнаго монашества имѣла настоящія понятія о христіанскомъ священномъ писаніи и вѣроученіи, а прочіе книжники-монахи XIV — XVI вѣковъ замѣняли христіанскую богословскую систему своеобразной собственной системой, которую обычно не совсѣмъ правильно называютъ начетничествомъ.

Если содержаніе вѣрованій осталось по существу безъ перемѣны, то и во внѣшнихъ проявленіяхъ религіознаго чувства и въ обрядахъ, знаменующихъ взаимоотношенія между человѣкомъ и божествомъ, мы находимъ мало чисто-христіанскихъ элементовъ. Центръ тяжести христіанскаго византійскаго культа лежитъ въ отправленіи общественнаго богослуженія, сконцентрированнаго вокругъ основной службы—литургіи, на которой совершается актъ евхаристіи; всѣ прочія службы имѣютъ по отношенію къ литургіи исключительно служебное значеніе. Связанный съ основнымъ отвлеченнымъ догматомъ искупленія, византійскій культъ остался чуждъ русскому обществу XIV — XVI вѣковъ и казался ему неважнымъ, второстепеннымъ дѣломъ. Міряне, жалуется Стоглавъ, стоятъ въ церквахъ безъ страха, въ тафьяхъ и шап-

кахъ, разговариваютъ и сквернословятъ, точно на позорищѣ, или на пиру, или въ корчмѣ; а самая служба совершается пьяными попами и причетниками, которые иной разъ затѣваютъ между собою ссоры, сквернословную ругань и драки, даже „до кровопролитія“. Другіе православные „всякихъ чиновъ люди“ совсѣмъ никогда не ходили въ церковь и никогда не говѣли, хотя заявляли претензіи на погребеніе при церкви; жалобы на такое небрежное отношеніе къ исполненію основного требованія христіанскаго благочестія идутъ вплоть до указовъ Петра I. И мы ошибемся, если припишемъ такое явленіе исключительно безграмотству приходскаго духовенства, комплектовавшагося изъ „мужиковъ“ или „холоповъ“, и безграмотству и невѣжеству огромной части общества. Были и грамотные, и книжные люди и монахи, которые, конечно, въ церквахъ за богослуженіемъ стояли чинно, хотя даже въ самомъ строгомъ монастырѣ, какимъ былъ Волоцкій монастырь въ игуменство Іосифа, приходилось внѣдрять церковную дисциплину огромнымъ штатомъ надзирателей; но изъ всѣхъ ихъ писаній видно, что они плохо понимали идею византійскаго богослуженія и переносили центръ тяжести на тѣ его акты, которые, собственно говоря, были второстепенными. Въ богослуженіи главное значеніе придавалось чтенію и пѣнію безъ всякихъ пропусковъ всѣхъ псалмовъ и молитвъ, положенныхъ по уставу; имъ приписывалось магическое значеніе самимъ по себѣ, независимо другъ отъ друга и отъ того порядка, въ какомъ они слѣдовали. Но такъ какъ византійскіе богослужебные чины оказались черезчуръ длинными для русскихъ, то для сокращенія службъ было введено такъ наз. „многогласіе“: нѣсколько причетниковъ одновременно пѣли и читали молитвы и псалмы, положенные по уставу. Такъ христіанское богослуженіе проникло чертами старинной магической обрядности.

Плохо сознавая или совсѣмъ не сознавая связь христіанскаго культа съ искупленіемъ, общество XIV—XVI в. совершенно не сознавало единства культа. Одинъ и тотъ же чинъ богослуженія въ честь одного и того же сверхміровового духовнаго божества, совершаемый въ общественномъ храмѣ, мало интересовалъ тогдашняго русскаго человѣка, къ какому бы классу общества онъ ни принадлежалъ; но картина совершенно мѣнялась, какъ только дѣло касалось мѣстнаго культа мѣстной святыни. Это господство мѣстныхъ культовъ— совершенно естественное и необходимое явленіе при условіяхъ тогдашней раздробленности хозяйственной и политиче-

ской жизни —проходитъ красною нитью чрезъ всю описываемую эпоху и не кончается даже послѣ централизаціи культа на соборахъ XVI вѣка.

Мѣстный культъ обозначаетъ не просто множественность мѣстъ поклоненія, которыя считаются священными въ одномъ мѣстѣ и не считаются таковыми въ другомъ, но означаетъ, кромѣ того, и по преимуществу, множественность предметовъ культа. Предметъ культа, которому возсылаютъ молитвы, подносятъ дары, отъ котораго ждутъ великихъ и богатыхъ милостей—это чаще всего икона. Русскій XIV—XVI в., начиная съ холопа и кончая царемъ, молится только передъ иконой, другой способъ молитвы для него непонятенъ и недоступенъ. Не только въ домѣ, но и въ приходской церкви у каждаго своя икона и если собственникъ иконы замѣтитъ, что передъ его иконой молится чужой, поднимаются ссоры и брань. Молитва чужой иконѣ—воровская молитва, ибо она есть не что иное, какъ покушеніе похитить у владѣльца иконы тѣ милости, на которыя онъ одинъ имѣетъ право, какъ ея владѣлецъ. Во время общественнаго богослуженія каждый молится только передъ своей иконой, не обращая вниманія на другихъ, и для иностранцевъ русскіе въ церкви представляли изъ себя всегда странную и непостижимую картину толпы лицъ, обращенныхъ въ разныя стороны. Въ простотѣ душевной русскіе того времени не скрывали и того значенія, какое они приписывали иконамъ. Икона—это ихъ наиболѣе близкій, домашній богъ, это ихъ личный фетишъ; они такъ и называли икону богомъ. Тотъ обычай, какой сохранился теперь только у крестьянъ, да у сѣраго купечества, обычай кланяться при входѣ въ домъ прежде всего богу, тогда былъ всеобщимъ, и если гость, входя, не видѣлъ иконы, первый вопросъ его былъ: гдѣ же богъ? Этотъ богъ живетъ и чувствуетъ, видитъ и слышитъ. Супруги во время соитія завѣшиваютъ иконы полотенцемъ, чтобы не оскорбить божество видомъ непристойнаго акта; икона слышитъ ту молитву, которая къ ней обращена, и бываютъ случаи, что она даетъ отвѣтъ словомъ или движеніемъ изображеннаго на ней лица. Отъ нея зависитъ благополучіе ея хозяина, и потому онъ долженъ заботиться о ней, приносить ей жертвы и дары. Кто имѣлъ возможность, тотъ одѣвалъ свои иконы въ золотыя и серебряныя ризы, украшенныя драгоцѣнными камнями; любимая жертва иконѣ—восковая свѣча, въ которую часто залѣпливали деньги. Икона сопровождаетъ ея владѣльца повсюду: въ походѣ, на дорогѣ, на свадьбѣ, на похоронахъ; иконы охраняютъ входы въ дома,

ворота, улицы, переулки, площади, и всякій, кто желаетъ благополучно пройти охраняемую иконою территорію, долженъ снять шапку и обратиться къ иконѣ съ молитвой. Но если икона не помогаетъ своему владѣльцу, несмотря на все его поклоненіе, то онъ въ правѣ отказать ей въ дальнѣйшемъ культѣ. На этотъ счетъ иностранцы разсказываютъ чрезвычайно любопытные случаи, относящіеся еще къ XVII вѣку. Въ 1611 г., во время взятія Новгорода шведами, когда городъ былъ охваченъ огнемъ, одинъ русскій выставилъ икону св. Николая и молился передъ ней, чтобы домъ его уцѣлѣлъ отъ пожара. Однако, молитва не помогла, и домъ загорѣлся; тогда раздраженный владѣлецъ иконы, не долго думая, бросилъ ее въ огонь со словами: „ты не хотѣла помочь мнѣ, теперь помоги себѣ самой“. У крестьянина воры украли вола; тогда хозяинъ выбросилъ свою икону въ навозъ съ такимъ напутствіемъ: „я тебѣ молюсь, а ты меня отъ воровъ не оберегаешь“. Было, конечно, немало и такихъ иконъ, которыя пріобрѣтали болѣе или менѣе широкій кругъ поклонниковъ, выходившій даже за предѣлы города или области (которыя, въ свою очередь, имѣли мѣстно-чтимыя иконы, по большей части иконы Богоматери—Смоленской, Владимірской, Казанской и т. д.). Типичной исторіей созданія новой чудотворной иконы, пріобрѣвшей широкій кругъ поклонниковъ и обогатившей, конечно, своего владѣльца, является сказаніе о Лукѣ Колоцкомъ. Въ Колочи, въ 15 вер. отъ Можайска, нѣкто Лука, простой „ратай“, въ „пещерѣ сый“, „на нѣкоемъ мѣстѣ, на нѣкоемъ древѣ“ нашелъ икону Богородицы; икона оказалась чудотворною и проявила первое свое дѣйствіе надъ „нѣкіимъ разслабленнымъ“, лежавшимъ въ домѣ Луки. Лука и исцѣленный сейчасъ же разнесли вѣсть о чудѣ; къ иконѣ со всѣхъ сторонъ стали стекаться больные и недужные, а Луку почитать, какъ апостола или пророка: въ Можайскѣ его съ иконою встрѣтилъ князь со всѣми боярами, а въ Москвѣ митрополитъ съ епископами и всѣмъ священнымъ соборомъ, съ княземъ, княгинею, боярами и вельможами. Съ иконою Лука ходилъ изъ города въ городъ и нажилъ огромное состояніе, послѣ чего возгордился и „сотворися напрасенъ и безстуденъ“. Однако всѣ его грабежи и безобразія ему спускали, боясь его, какъ обладателя чудесной иконы; только подъ конецъ жизни онъ не сдобровалъ, выведя изъ терпѣнія можайскаго князя. Ловчій князя затравилъ его медвѣдемъ, а святыней завладѣлъ самъ князь, построившій для иконы Колочскій монастырь, гдѣ искалѣченный Лука кончилъ жизнь

простымъ монахомъ. Этотъ случай въ связи съ исторіей новгородскаго купца 1611 г. и другими аналогичными примѣрами, показываетъ, что русскіе XIV—XVI в. недалеко ушли отъ африканскихъ негровъ, которые дѣлаютъ и уничтожаютъ своихъ боговъ ежедневно.

Домашній культъ иконъ не исчерпывалъ собою мѣстныхъ культовъ. Каждый отдѣльный міръ тогдашняго общества имѣлъ свое божество, своего патрона. Въ такой роли являлись не только иконы, которыя были въ каждомъ монастырѣ и въ каждой области, но и мѣстные святые. Историкъ канонизаціи русскихъ святыхъ, Васильевъ, съ грустью замѣчаетъ, что число святыхъ, почитавшихся всею церковью до соборовъ XVI вѣка, было крайне незначительно; святой почитался обыкновенно только въ той мѣстности, гдѣ родился, жилъ и создалъ себѣ репутацію святого. Онъ приводитъ также любопытное мѣсто изъ рукописнаго житія Прокопія Устюжскаго, гдѣ перечисляются главнѣйшія русскія области и города съ обозначеніемъ мѣстныхъ святыхъ: „великій Новградъ блажитъ архіепископовъ Іоанна и Евфимія, Никиту и Іону, и преп. Варлаама, и Савву, и Михаила Клопскаго. Псковъ же градъ блажитъ блаженныхъ благовѣрныхъ и великихъ князей Всеволода и Довмонта; Московское же русское царство блажитъ и славитъ преосвященныхъ митрополитовъ Петра, Алексія и Іону, и блаженныхъ Христа ради Максима и Василія и иныхъ святыхъ“... Далѣе перечисляются: Ростовъ, Смоленскъ, Ярославль, Вологда, Двинская страна, Соловецкій монастырь, Устюгъ, Сольвычегодская страна, и въ заключеніе говорится: „и каяждо убо страна и градъ блажитъ и славитъ и похваляетъ своихъ чудотворцевъ“. Мѣстный святой—это патронъ почитающей его области; функціи святого характернѣе всего изображаются опять-таки въ томъ же житіи Прокопія: „имѣемъ тя (Прокопія) вси, яко стража и хранителя, и заступника граду нашему, яко никогда убо ты не воздремлеши, ниже опочіеши, но всегда сохраняя о т ч и н у т в о ю, великій градъ Устюгъ и окрестные предѣлы, и веси, и вси живущія ту люди“. Въ роли патроновъ чаще всего выступали мѣстные князья или епископы; гораздо рѣже такими были „Христа ради юродивые“. Но культъ и по отношенію къ святымъ носилъ тотъ же матеріалистическій, такъ сказать, фетишистскій характеръ, какъ и по отношенію къ иконамъ. Умершій святой почитался не какъ невидимый небесный покровитель города или области, а какъ реально присутствующій въ немъ въ видѣ своихъ мощей. Почитаніе святого безъ наличности его матеріальнаго

тѣла—совершенно немыслимое дѣло для XIV—XVI в. Поводъ къ почитанію прежде всего даетъ могила святого, на которой обычно совершаются чудеса; за чудесами открывается виновникъ чудесъ—мощи святого, т.-е. чаще всего однѣ кости, нетлѣнія обычно не требовалось. Этотъ культъ былъ въ сущности тѣмъ же фетишизмомъ, только перемѣнившимъ названіе и соединеннымъ съ византійскимъ культомъ святыхъ. Мѣстный характеръ такихъ культовъ въ особенности подчеркивается военной исторіей того времени. Для мѣстныхъ жителей мѣстная икона — неприкосновенная святыня; для чужихъ, изъ другой области, это—предметъ, не вызывающій никакого уваженія. Смольняне, суздальцы и даже черниговцы, взявшіе Кіевъ подъ предводительствомъ Андрея Боголюбскаго, какъ бы въ насмѣшку надъ прозвищемъ князя разграбили „монастыри и Софію и Десятинную Богородицу... и церкви обнажиша иконами и книгами и ризами и колоколы изнесоша всѣ“. То же самое повторилось въ 1203 г. Но это факты болѣе ранніе; а вотъ факты XIV и XV вѣка: въ 1372 г. тверитяне, взявъ Торжокъ, ободрали серебряные оклады съ тамошнихъ иконъ, а церкви сожгли; въ 1398 г. новгородцы въ Устюгѣ „церковь соборную Пречистыя пограбиша“; въ 1434 г. великій князь Василій Васильевичъ, взявъ Галичъ, сжегъ тамъ церкви и монастыри. Число этихъ примѣровъ можно бы еще увеличить; но и приведенные достаточно ясно показываютъ, что понятіе объ единствѣ предметовъ вѣры и культа совершенно отсутствовало. Надо замѣтить при этомъ, что побѣдители не всегда отрицали божественный характеръ разграбляемой святыни; напротивъ, быть-можетъ, именно предосторожности ради они подвергали церкви, монастыри и иконы такому безпощадному истребленію. Случаи, когда мѣстная святыня не уничтожалась, а бралась въ плѣнъ побѣдителемъ и обращалась въ его божество, были также нерѣдки. Мы будемъ имѣть случай говорить о нихъ, когда дойдемъ до вопроса о канонизаціи святыхъ; но не можемъ удержаться отъ одного чрезвычайно характернаго примѣра. При упоминавшемся уже взятіи Устюга новгородцами, одну икону, „чудотворныя Одигитріи взяша въ полонъ“, какъ какого-нибудь военноначальника, и примѣнили къ ней такія же мѣры пресѣченія бѣгства, какъ и къ живымъ плѣнникамъ: „единъ Ляпунъ старъ вскочи въ насадъ и связа икону убрусомъ, и глагола тако: никой полонянинъ не связанъ на чужую землю нейдетъ“. И еще сто лѣтъ спустя, при Иванѣ III, эта икона слыветъ подъ названіемъ полонянки:

„нѣкій воинъ царева полку“ проситъ священника отслужить „канонъ полонянкѣ пречистѣй Богородицѣ Одигитріи“... Монахъ, составившій Московскую лѣтопись XV вѣка, разсказываетъ о любопытномъ соперничествѣ московскихъ и новгородскихъ святыхъ послѣ завоеванія Новгорода: Геннадій, назначенный изъ Москвы архіепископомъ въ Новгородъ, сталъ вводить тамъ чествованіе московскихъ святыхъ, Петра, Алексѣя и Іоны, а къ мѣстному святому, Моисею, отнесся съ пренебреженіемъ. За это мѣстные святые надѣлали ему немало „досажденій“, а Іоаннъ Новгородскій, ѣздившій „на бѣсѣ“, отнялъ у Геннадія волшебствомъ умъ, вслѣдствіе чего Геннадій былъ изъ Новгорода удаленъ.

Обилію предметовъ культа соотвѣтствовало также обиліе мѣстъ культа и многочисленность профессіональныхъ отправителей культа. Въ этомъ отношеніи картина удѣльной Руси должна была бы разъ навсегда разочаровать протестантскихъ богослововъ критической школы, считающихъ множественность культовъ и жречества отличительною чертою Израиля доплѣнной эпохи. Такая же множественность существуетъ вездѣ и всегда въ феодальную эпоху: и въ Египтѣ, и въ Вавилонѣ, и въ странахъ античнаго міра, и въ Западной Европѣ, и у насъ на Руси. Для божества нужно приличное помѣщеніе; поэтому каждый князь, бояринъ, богатый человѣкъ устраивали у себя въ домѣ церковь, а то двѣ или три, судя по числу святынь. Число церквей, вмѣстѣ съ приходскими, было поэтому очень велико, и врядъ ли цифру 4000, которую даетъ Павелъ Алеппскій (XVII в.) для Москвы, можно считать большимъ преувеличеніемъ. Но церкви, въ особенности домовыя, были очень невелики по размѣрамъ: это были маленькія комнатки, разсчитанныя на 5 — 6 человѣкъ, исключительно для домашняго культа. Домовыя церкви обслуживались попами, стоявшими въ полной зависимости отъ хозяина; очень часто такіе попы были прямо изъ господскихъ холоповъ. Съ другой стороны, такъ какъ совершеніе службъ требовало извѣстной грамотности и умѣнья, то не всякій холопъ годился для такой должности; поэтому владѣльцы церквей часто брали поповъ изъ массы безмѣстныхъ бродячихъ поповъ, ходившихъ по богатымъ домамъ и искавшихъ себѣ мѣста. Такіе попы происходили изъ бѣднѣйшихъ слоевъ населенія, и, поступая на службу, такой попъ становился въ одинъ рядъ съ другими челядинцами своего господина. Почитался не жрецъ, а святыня, жрецъ былъ только ея профессіональнымъ слугою. Вспоминаются чрезвычайно

характерные разсказы о бродячихъ левитахъ и домашнихъ святилищахъ книги Судей...

Если попъ былъ послѣднимъ слугою, то юродивые, напротивъ, считались особыми сосудами благодати. Они, а не представители клира, считались подлинными оракулами божества. „По погостамъ и селамъ ходятъ ложные пророки, мужики и жонки и дѣвки и старыя бабы, наги и босы и волосы отраστивъ и распустя, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ являются свв. Пятница и Анастасья, и велятъ имъ заповѣдывать христіанамъ канонъ завѣчивати; они же заповѣдуютъ крестьянамъ въ среду и пятницу ручного дѣла не дѣлати, и женамъ не прясти, и платья не мыти, и каменья не разжигати, и иныя заповѣдуютъ богомерзкія дѣла творити"... Такіе юродивые, пророки обоего пола, были желанными гостями и чудесными людьми, въ которыхъ поселялось само божество, не для однихъ простыхъ людей, но для всего тогдашняго общества, кончая его духовными и свѣтскими главами. Самъ Иванъ Грозный смирялся передъ такими святыми пророками. Когда въ Псковѣ, во время Ливонской войны, одинъ изъ такихъ пророковъ, Микола святъ, обозвалъ Грознаго царемъ кровопійцею и пожирателемъ христіанскихъ тѣлъ и клялся ангеломъ, что если хоть одинъ воинъ изъ царскаго войска коснется хоть одного волоска послѣдняго псковского дитяти, царя постигнетъ смерть отъ молніи,—то царь просилъ молиться, чтобы господь избавилъ его отъ такой участи. Вѣкъ спустя самъ патріархъ Никонъ, эта „колоссальная" фигура, какъ его называютъ теперь нѣкоторые историки раскола, сажалъ съ собой за обѣдъ юродиваго по имени Кипріяна, таскавшагося нагимъ по улицѣ; патріархъ собственными руками угощалъ его и поилъ изъ серебряныхъ сосудовъ, а остатки допивалъ самъ. Съ юродивыми конкуррировали колдуны и въ особенности колдуньи; волхвы и „бабы богомерзкія", „идоломолицы", какъ называли ихъ требники въ чинахъ исповѣди и церковныя поученія. Какъ показываютъ огромные матеріалы, собранные въ послѣднее время Н. Новомбергскимъ и отчасти имъ обработанные,*) вѣра въ колдовство и самоколдовство были общераспространенными явленіями въ допетровской Руси, причемъ офиціальная борьба съ ними начинается сколько-нибудь систематически вестись только съ XVII вѣка, когда учащаются процессы

*) Н. Новомбергскій. Врачебное строеніе въ допетровской Руси. Томскъ, 1909. Въ этомъ изслѣдованіи отчасти использованы собранные имъ же „Матеріалы по исторіи медицины въ Россіи". Томскъ, 1905—1907.

о колдунахъ и колдуньяхъ. Въ основѣ этой вѣры лежитъ старая анимистическая концепція болѣзни, сохранявшаяся въ неприкосновенности: болѣзнь есть „бѣсъ“, котораго надо умѣть изгнать изъ больного надлежащимъ заговоромъ. „Бѣсица трясовицъ“, т.-е. лихорадка, изображается въ одномъ распространенномъ заговорѣ въ такихъ краскахъ: „бѣсица, имѣюща разжени очи, а руци желѣзныя, а власы велблюжія“, послалъ ее изъ преисподней ея отецъ сатана, „въ человѣки злыя пакости творити, и кости женскія изсушити, млека изсякнути, а младенца уморити, и очи человѣкамъ омрачити, составы разслабити“. Бѣсъ болѣзни можетъ самъ напасть на человѣка, или колдунъ можетъ „сглазить“ или „испортить“ любого человѣка. Поэтому вся медицина, вплоть до появленія Аптекарскаго Приказа, была дѣломъ религіознаго знахарства; врачей не было, были лишь волхвы, колдуны, да „бабы богомерзкія“. Ихъ манипуляціи заключались въ заговорѣ болѣзней на опредѣленные предметы: болѣзнь заговаривали на уголекъ, на воду, на соль и т. д., т.-е. старались заговоромъ перевести ее изъ больного въ одинъ изъ этихъ предметовъ; но потомъ заговоренный предметъ уже нельзя было ѣсть подъ угрозой опять проглотить болѣзнь. Христіанство и тутъ не столько вытѣсняло старыя воззрѣнія, сколько окрашивало ихъ въ своеобразный цвѣтъ. Въ нѣкоторыхъ предметахъ христіанской вѣры и во многихъ аттрибутахъ христіанскаго культа колдовство нашло для себя новыя и весьма полезныя орудія. Именно, элементы новой вѣры, какъ враждебные старой вѣрѣ, стали примѣняться въ борьбѣ съ бѣсами болѣзней. Въ заговорахъ фигурируютъ обращенія къ Дѣвѣ Маріи, архангеламъ и ангеламъ, а также къ опредѣленнымъ святымъ, которые своею силою должны спасти человѣка отъ болѣзни. Напримѣръ, противъ упомянутой бѣсицы призывается архангелъ Михаилъ, противъ кровотеченія призывалась Богородица (самый текстъ заговора противъ крови, гласящій: „на морѣ, на акіянѣ, на островѣ на Буянѣ, лежитъ горючъ камень; на томъ камнѣ сидѣла пресвятая Богородица, держала въ рукѣ иглу золотую, вдѣвала нитку шолковую, зашивала рану кровавую: тебѣ рана не болѣть, тебѣ кровь, не бѣжать, аминь“,— проникнутъ чисто народнымъ стариннымъ духомъ); составлялись списки святыхъ, спеціальныхъ помощниковъ въ различныхъ болѣзняхъ (ср., напр., „Сказаніе, кіимъ святымъ каковыя благодати отъ бога даны, и когда памяти ихъ“, въ которомъ значатся не только такіе святые, которые помогаютъ въ болѣзняхъ, но также такіе, которые бываютъ полезны и въ

другихъ трудныхъ случаяхъ жизни: св. мученики Гурій, Симонъ и Авивъ помогали женѣ, если ее неповинно возненавидитъ мужъ; Косьма и Даміанъ—просвѣщали разумъ къ изученію грамоты; пресвятая Богородица Неопалимая Купина оберегала отъ пожара; пророкъ Илья боролся съ засухой, а Өедоръ Тиронъ и Іоаннъ воинъ помогали находить украденныя вещи и даже бѣжавшихъ рабовъ). При произнесеніи заговоровъ ихъ сила подкрѣплялась наложеніемъ на больного евангелія, креста или наузовъ. Наузы были всего употребительнѣе; „бабы богомерзкія“ оперировали больше всего именно при ихъ помощи, и потому бабъ этихъ часто называли также „наузницами“. Происхожденіе наузовъ чрезвычайно характерно. Наузы (навязи) представляли изъ себя не что иное, какъ модификацію старинныхъ языческихъ амулетовъ, носившихся людьми и привязывавшихся на шею домашнимъ животнымъ для предохраненія отъ „порчи“ и „дурного глаза“. Христіанское изданіе этихъ амулетовъ представляло изъ себя привѣски въ видѣ иконокъ или складней съ ушкомъ наверху, въ которое продѣвалась нитка; на лицевой сторонѣ наузовъ изображались святые и ангелы, спеціально призывавшіеся противъ болѣзней и несчастій—Богородица, архангелъ Михаилъ, Өедоръ Тиронъ, поражающій змія, и др., а на обратной—символы болѣзней, чаще всего фантастическій змій получеловѣческаго, полузмѣинаго вида. Наузы примѣнялись не только въ случаяхъ болѣзни или несчастія, когда важно было примѣнить опредѣленный, надлежащій видъ науза; ихъ носили также постоянно, для предохраненія отъ болѣзней и бѣдствій вообще. По существу, такимъ же наузомъ былъ натѣльный крестъ, возлагавшійся на ребенка при крещеніи и никогда не снимавшійся и сопровождавшій своего владѣльца въ могилу—изъ символа принятія христіанской вѣры, какимъ онъ является въ чинѣ крещенія, въ сознаніи людей XIV—XVI вѣковъ онъ превратился въ магическій амулетъ, охраняющій отъ бѣса. Вѣра въ наузы и въ колдовство была всеобщей, вплоть до верховъ тогдашняго общества. Князь Василій послѣ женитьбы на Еленѣ Глинской искалъ „чародѣевъ“, которые своими чарами помогли бы ему имѣть дѣтей; извѣстны случаи обращенія въ услугамъ бабъ - ворожей и волхвовъ со стороны Грознаго, Бориса Годунова, Шуйскаго, Софіи Палеологъ; мало того, какъ показываютъ матеріалы Преображенскаго Приказа, опубликованные Новомбергскимъ, царевна Софья, находясь уже въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, прибѣгала къ помощи нѣкоей „Авдотьи еретицы“, чтобы извести

заговоромъ Петра I. Вслѣдъ за свѣтскими главами общества шли его духовные руководители: монахи и священники, даже игумены и епископы перенимали у волхвовъ „волхвованія, чарованія и наузы всякія... ворожбы дѣля, и порчи дѣля, и болѣзни для и прожитка для, гдѣ бы сыту быти“, приготовляли „отравныя и наговорныя зелья“, и фигурировали въ качествѣ обвиняемыхъ на колдовскихъ процессахъ. Другими словами, бѣлый и черный клиръ обращался къ волшебной наукѣ не только ради своихъ потребностей, но и для практики, конкуррируя съ профессіональными колдунами и ворожеями. Конкурренція была врядъ ли успѣшная; но зато вмѣшательство христіанскаго духовенства считалось необходимымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда представители колдовской науки обращали свое искусство на зло людямъ (хотя тутъ не безъ грѣха иногда оказывались и представители клира, какъ показываетъ случай съ новгородскимъ архіепископомъ Арсеніемъ, котораго въ 1288 г. новгородское вѣче выгнало изъ Новгорода: „того дѣля стоитъ тепло долго.“). Тутъ требовалось противоядіе въ видѣ религіозныхъ церемоній христіанскаго культа, которымъ приписывалось магическое дѣйствіе. Когда какая-либо „баба богомерзкая“ посылала непогоду, неурожай или голодъ, или наговаривала моровую язву, мало было сжечь „волховей“, какъ поступили владимірцы во второй половинѣ XIII вѣка. Зло могло быть удалено только торжественнымъ крестнымъ ходомъ, въ которомъ должны были фигурировать всѣ наиболѣе крупные мѣстные патроны въ лицѣ иконъ, мощей и другихъ реликвій, и путемъ окропленія постигнутыхъ бѣдствіемъ предметовъ и людей святою водою. При такихъ условіяхъ тщетны были всякаго рода эпитиміи, расписанныя въ требникахъ для виновныхъ въ грѣхѣ обращенія къ волшебному искусству: это была чисто формальная дань новой вѣрѣ. Новая вѣра не спорила противъ реальнаго существованія волшебства и противъ представленій, съ нимъ связанныхъ, и даже не во всемъ съ нимъ боролась; напротивъ, считая грѣхомъ возложеніе науза „богомерзкой бабой“ и одобряя постоянное ношеніе креста и науза по личной инициативѣ носящаго, новая вѣра одною рукою возрождала то самое, что старалась разрушить другою.

Если въ лицѣ юродивыхъ, волхвовъ, „богомерзкихъ бабъ“, „вѣщихъ жонокъ“ и т. д. продолжали жить и пользоваться общепризнаннымъ авторитетомъ старинные вѣдуны со всей ихъ наукой, всецѣло проникнутой анимистическимъ міровоззрѣніемъ; если это міровоззрѣніе заразило собою даже хри-

стіанскіе культы и тѣмъ самымъ обратило нѣкоторые аксессуары и обряды новой вѣры себѣ на службу:—то старинные культы мертвыхъ и предковъ и земледѣльческіе культы продолжали жить почти безъ всякихъ псевдонимовъ. Ихъ описанія въ краткихъ, но выразительныхъ чертахъ даетъ знаменитая 41 глава Стоглава. Мертвыхъ и предковъ поминали въ великій четвергъ, въ пасхальную недѣлю и въ Троицыну субботу, съ соблюденіемъ старинныхъ церемоній, которыя мы уже описывали въ главѣ V; на святкахъ варили особую жертву предкамъ—„кашу на собраніе рожаницамъ" и спрашивали у нихъ оракула о будущей судьбѣ живыхъ. Праздники, связанные съ годовымъ кругомъ солнца, были днями широкаго народнаго веселья. „Въ ночь подъ праздникъ рождества Іоанна Предтечи и на самый праздникъ во весь день и ночь, равно и въ навечеріе Рождества Христова и Крещенія въ городахъ и селахъ, мужи и жены, отроки и дѣвицы собираются вмѣстѣ, и со всякими скоморошествами, съ гуслями и сатанинскими пѣснями, съ плясками и скаканіемъ ходятъ по улицамъ и по водамъ, предаются различнымъ играмъ и пьянству, и—бываетъ отроковъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе; а подъ конецъ ночи спѣшатъ къ рѣкѣ съ великимъ крикомъ, какъ бѣсные, и умываются водою, и когда начнутъ звонить къ заутренѣ—отходятъ въ домы свои и падаютъ, какъ мертвые, отъ великаго клокотанія". Тутъ христіанскія названія—пустые звуки; передъ нами живьемъ тѣ же самые три праздника земледѣльческаго культа, которые мы описывали въ пятой главѣ: на Рождествѣ праздникъ зимняго солнцеворота, въ Крещенскомъ праздникѣ надо видѣть отзвукъ позднѣйшей масленицы, а праздникъ Іоанна Предтечи—Купальскій или Ярилинъ день. Передъ нами тѣ же самыя очистительныя церемоніи, тѣ же самые эротическіе обряды Ярилиной ночи. Старый культъ не только сохранился, но даже сдѣлалъ новыя завоеванія: „лесть идольская и празднованіе кумирное" въ XVI в. были принадлежностью не только селъ, но и городовъ, и сила обаянія Ярилиной ночи все еще была такъ велика, что даже благочестивый игуменъ псковскаго Елеазарова монастыря, старецъ Памфилъ, въ своей жалобѣ псковскимъ властямъ на привязанность псковичей къ обрядамъ Купальской ночи простодушно называетъ эту ночь „святою". Надо предполагать, однако, что пережитки земледѣльческаго культа въ городахъ гнѣздились преимущественно среди чернаго люда, еще не вполнѣ разорвавшаго съ крестьянскими традиціями. А если при этомъ принять въ разсчетъ,

что обличеніе относится собственно только къ Пскову и Новгороду, другихъ же городовъ, заслуживающихъ этого названія, кромѣ Москвы, тогда почти еще не было, то пережитки земледѣльческаго культа врядъ ли выходятъ далеко за предѣлы области специфическихъ крестьянскихъ вѣрованій. Какъ мы увидимъ, боярство и немногочисленное зажиточное городское населеніе, раздѣляя съ чернымъ людомъ уже описанныя фетишистскія вѣрованія и культъ мертвыхъ, никогда не обнаруживали склонности къ земледѣльческому натурализму; они сумѣли создать себѣ своеобразную религіозную систему, сотканную отчасти изъ элементовъ догматическаго христіанства; но о ней рѣчь впереди. Въ средѣ же чернаго крестьянскаго и городского люда старое крайне медленно уступало мѣсто новому. Черную массу всколыхнуло и обогатило ея вѣрованія нѣкоторыми новыми элементами только страшное бѣдствіе начала XV в.: „черная смерть", занесенная изъ Западной Европы въ псковскую и новгородскую области. Новыя религіозныя вѣянія въ средѣ чернаго люда, о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить, однако дальше Пскова и Новгорода не пошли.

„Наказаніе божіе", постигшее Псковъ и Новгородъ, разнымъ образомъ повліяло на психику различныхъ слоевъ тогдашняго общества. Одни предъ лицомъ всесокрушающей смерти забывали всякія сдержки и спѣшили урвать отъ жизни все, что она могла еще дать: „питію прилежаху... и въ толико нечувствіе пріидоша, злого ради піанства: единъ отъ живущихъ, внезапно падъ, умираше,—они же, ногами впихавъ подъ лавку, паки прилежаху питію". Другіе берегли себя и, если уберегались, то „съ покаяніемъ и въ чернецахъ" оканчивали свою жизнь. Но для того, чтобы „прилежать питію" или принимать „ангельскій образъ", одинаково нужны были средства (въ монастырь безъ вклада не принимали); поэтому черному люду не приходилось дѣлать ни того ни другого. Мысль чернаго человѣка въ это время обратилась къ вопросу о загробной жизни, такъ какъ онъ не видѣлъ для себя никакихъ средствъ ко спасенію. Тутъ на помощь ему пришли христіанскія эсхатологическія представленія, но не изъ ортодоксальныхъ умозрѣній отцовъ церкви, а изъ свободной апокрифической литературы, которая, начиная съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства, съ особою любовью разрабатывала эсхатологическіе мотивы. Образы и аксессуары эсхатологическихъ апокрифовъ вели свою родословную не отъ каноническаго Откровенія Іоанна,

авторъ котораго использовалъ символику ученой іудейской апокалиптики съ ея схемой конца міра, параллельною началу, каббалистикой таинственныхъ чиселъ и прочими „мудростями“,—но отъ апокрифическаго Апокалипсиса Петра, вдохновленнаго эсхатологическими идеями того великаго народно-религіознаго движенія, которое принято называть орфизмомъ. Апокалипсисъ Петра не интересуется чудовищными картинами боя Агнца съ Дракономъ и ничего не желаетъ знать о смарагдовыхъ и сапфировыхъ сооруженіяхъ небеснаго Іерусалима; его больше всего интересуетъ та самая геенна огненная, гдѣ вмѣстѣ съ сатаною будутъ мучиться враги народа, торжествовавшіе свою побѣду надъ народомъ при жизни, и отъ Апокалипсиса Петра, какъ побѣги отъ корня, пошли разныя „Хожденія по мукамъ“, въ которыхъ каждый вѣкъ отпечатлѣвалъ стонущій вопль угнетенныхъ и оскорбленныхъ о томъ справедливомъ судѣ и правдѣ, которыхъ они не находили подъ солнцемъ. Кіевскіе, псковскіе и новгородскіе паломники, ходившіе на Аѳонъ и въ Святую землю, принесли оттуда цѣлый рядъ такихъ „Хожденій по мукамъ“, и хотя церковь сейчасъ же занесла ихъ въ индексъ „отреченныхъ“ книгъ, ибо нѣкоторыя изъ нихъ населяли мѣста самыхъ жестокихъ мученій духовными сановниками, однако эти сочиненія сейчасъ же сдѣлались самыми любимыми произведеніями народной литературы. Великій моръ еще болѣе поднялъ интересъ къ гееннѣ огненной, и въ результатѣ появились первыя самостоятельныя русскія сказанія о хожденіяхъ по раю и аду. Оригинальнаго въ ихъ аксессуарахъ было мало, такъ какъ представленія о физическихъ мученіяхъ или о физическомъ блаженствѣ души, представлявшейся обычно въ видѣ самаго настоящаго человѣческаго тѣла, повѣшеннаго за ноги или за волосы или кипящаго въ смолѣ, вполнѣ согласовались съ анимистическими воззрѣніями русской народной массы. Но ихъ основная идея внушена тогдашней русской дѣйствительностью: они восхваляютъ благотворителей, не притѣснявшихъ черный народъ, и грозятъ адскими мученіями жаднымъ вельможамъ и въ особенности монахамъ, отказывавшимъ въ помощи нищей братіи, которая во время великаго мора особенно нуждалась въ кускѣ хлѣба и въ кровѣ, обидящимъ, грабящимъ и бичомъ истязующимъ своихъ крестьянъ. Это былъ первый народный протестъ противъ церковной организаціи, какъ орудія господства, первое прямое произведеніе религіозной реформы Владиміра. Перенявъ для содержанія своихъ вѣрованій изъ христіанства по-

чти исключительно одни названія, черный людъ, предъ лицомъ великаго мора, впервые почувствовалъ, какая тяжесть была взвалена ему на плечи замѣною старыхъ волхвовъ христіанскимъ клиромъ и монашествомъ, и въ то же время впервые вобралъ въ свои вѣрованія образы христіанской восточной миѳологіи, засѣвшіе въ его мозгу чрезвычайно крѣпко представленія о загробной жизни, заимствованныя изъ отреченныхъ книгъ, и теперь еще прекрасно разскажутъ „боголколки-бабы умныя“.

Повторяющіеся въ отреченной и апокрифической литературѣ мотивы вражды чернаго люда къ духовенству и въ особенности къ монашеству показываютъ, что и церковная, христіанская организація была столь же чужда народной массѣ: какъ и христіанская догматика. Служитель церкви для крестьянина не обладалъ особымъ обаяніемъ; крестьянину нуженъ былъ попъ, который долженъ былъ отправлять требы-и только ради поставленія поповъ крестьянамъ и прихогдилось обращаться къ епископу, высшему представителю церковной власти. Сельскій священникъ ставился обычно изъ тѣхъ же крестьянъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ неграмотныхъ, какъ показываютъ классическія жалобы новгородскаго архіепископа Геннадія: приводили къ епископу „мужика“, котораго приходилось учить „ектеньямъ“ со слуха, а иныхъ посвящать было некого,—всѣ таковы. Если Геннадію такое положеніе дѣлъ казалось ненормальнымъ, то крестьяне имъ нисколько не смущались. Въ ихъ глазахъ священникъ стоялъ рядомъ съ колдуномъ или знахаремъ: онъ знаетъ молитвенныя формулы, имѣющія магическое значеніе, умѣетъ освятить воду и окропить ею поля и дома, чтобы прогнать безчисленныхъ мелкихъ демоновъ, такъ и старающихся повредитѣ крестьянину, знаетъ, какъ надо „отпѣть“ мертвеца, чтобы онъ сразу попалъ, куда слѣдуетъ, а умѣетъ ли онъ читать, и понимаетъ ли онъ, что говоритъ и поетъ во время богослуженія, это неважно, ибо формула уже сама по себѣ имѣетъ силу, и чѣмъ она таинственнѣе и непонятнѣе, тѣмъ сильнѣе. Поэтому никто въ деревнѣ не смущался, если священникъ путалъ даже формулу крещенія и крестилъ въ „три отца, три сына и три духа“, или пѣлъ за здравіе, когда надо было пѣть за упокой. Вышедшій изъ крестьянской среды священникъ всецѣло зависѣлъ отъ крестьянъ: они „по ряду“ платили ему за требы, могли всегда смѣстить его и представить на его мѣсто другого кандидата для посвященія. Крестьянинъ не понималъ, зачѣмъ нужны еще другіе цер-

ковные чины, кромѣ поповъ: въ высшихъ чинахъ онъ видѣлъ только начальство,—тѣхъ же бояръ, которые эксплуатируютъ и его, и крестьянскаго попа, собирая съ послѣдняго десятину въ свою пользу.

И, дѣйствительно, жалобы апокрифической и отреченной литературы на притѣсненія чернаго люда монашествомъ и высшимъ клиромъ, на то, что „вопіетъ передъ богомъ грѣхъ священническій и иноческій и кровь христіанская", имѣли подъ собою реальныя основанія. По отношенію къ черному люду высшая церковная организація и монастыри были такими же господами, какъ бояринъ или князь. Вся церковная организація XIV—XVI вв. насквозь проникнута феодализмомъ: ея нормами являются не церковные каноны, а удѣльно-феодальные обычаи, господствовавшіе тогда въ русскихъ земляхъ. Историки русской церкви постоянно констатируютъ, что русскіе церковные порядки того времени на каждомъ шагу отступали отъ каноновъ, и по шаблону объясняютъ эти отступленія то фиктивностью надзора со стороны константинопольскаго патріарха, который за дальностью разстоянія успѣвалъ заботиться только о слѣдовавшихъ ему пошлинахъ, то непросвѣщенностью русскихъ іерарховъ. На самомъ дѣлѣ и константинопольскій патріархъ и невѣжество духовенства были тутъ ни при чемъ: живя въ средѣ феодальнаго общества, церковь должна была и сама проникнуться феодализмомъ. Уже самый составъ высшаго духовенства и монашества обнаруживаетъ намъ самое близкое соціальное родство духовныхъ господъ со свѣтскими господами. Епископы избирались обязательно изъ бояръ; въ монахи шли также князья и бояре, такъ какъ постригавшійся долженъ былъ дѣлать вкладъ или селами или деньгами; монахи изъ купцовъ и зажиточныхъ крестьянъ встрѣчались только, какъ исключеніе. Основатели монастырей, причисленные въ XVI в. къ лону святыхъ,—почти всѣ бояре; только пять-шесть человѣкъ изъ нихъ—никому невѣдомые святые, въ родѣ Елеазара Анзерскаго или Александра Ошевенскаго, были купцы или крестьяне. А строгій игуменъ Троице-Сергіевой лавры, приглашенный туда изъ Заволжья, Паисій Ярославовъ послѣ двухъ лѣтъ игуменства сбѣжалъ изъ монастыря, потому что не могъ обратить монаховъ на путь благочестія, на молитву и постъ: „бяху бо тамъ бояре и князи постригшеися не хотяху повинутися", Іосифъ Волоцкій, лучшій идеологъ монашества XIV—XVI в., аргументируетъ право монастырей владѣть вотчинами именно тѣмъ, что въ монахи постригаются „почтенные и благо-

родные люди“; не будетъ селъ—не будетъ и „почтенныхъ и благородныхъ старцевъ“, не изъ кого будетъ назначать митрополитовъ и епископовъ, и сама вѣра поколеблется.

Монастыри и церкви находились въ ленной зависимости отъ вѣча или отъ князей*). Эта зависимость обусловливалась пожалованіемъ монастырямъ или церквамъ земель отъ князя или вѣча. Какъ обладатели dominium directum, князь или вѣче считали себя въ правѣ распоряжаться церковными и монастырскими землями, т.-е. передавать ихъ отъ одного церковнаго установленія другому или пользоваться доходами и имуществами монастыря или церкви. Этимъ правомъ объясняется, почему церкви и монастыри, переходя подъ власть новаго князя, просили его „подписать“ жалованную грамоту, данную прежними князьями. Въ этомъ отношеніи характерно также еще и другое явленіе: когда стала усиливаться Москва, монастыри, находившіеся въ зависимости отъ удѣльныхъ князей, стали переходить „подъ державу“ московскаго князя, но при этомъ соблюдалось непремѣнное условіе, чтобы земли и села монастырскія по-прежнему оставались подъ властью мѣстныхъ князей и тянули имъ установленныя подати и повинности (классическій примѣръ—переходъ въ 1506 г. Волоколамскаго монастыря отъ волоколамскаго князя подъ державу московскаго государя). Изъ верховнаго права князей надъ монастырями и церквами вытекало ихъ право поставлять игуменовъ и епископовъ, осуществлявшееся посредствомъ представленія митрополиту кандидата для посвященія; отсюда же вытекало право князя на поборы съ подвластныхъ ему монастырей и церквей. Въ удѣльной Руси еще меньше, чѣмъ въ феодальной Европѣ были установлены размѣры и случаи такихъ поборовъ; все зависѣло отъ личнаго характера монастырскаго сеньёра. Обычно эти поборы ограничивались матеріальной помощью, въ исключительныхъ случаяхъ и расходомъ по гостепріимству князя и его свиты; но въ теоріи это право ничѣмъ не было ограничено: фраза Новгородскаго епископа Серапіона „я воленъ въ своемъ чернецѣ, а князь Өедоръ воленъ въ своемъ монастырѣ, хочетъ—грабитъ, хочетъ—жалуетъ“, какъ нельзя лучше выражаетъ феодальную природу монастырскаго соподчиненія и неограниченное право князя на поборы съ его монастырей. Замѣтимъ, впрочемъ, что этотъ самый князь, Өедоръ волоколамскій, отъ грабительства котораго Іосифъ

*) Объ отношеніи церкви къ татарскому хану см. въ предшествующей главѣ.

Волоцкій спасся подъ державу московскаго князя, былъ, кажется, единственнымъ княземъ въ своемъ родѣ. За такую зависимость монастыри, однако, пользовались, помимо огромныхъ доходовъ со своихъ владѣній, полнымъ иммунитетомъ во внутреннихъ дѣлахъ. Главное значеніе имѣлъ, конечно, судебный иммунитетъ, такъ какъ судъ былъ въ то время одной изъ самыхъ доходныхъ статей. „Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ“ считаетъ ненормальнымъ, что „иноки владѣютъ волостями, судятъ міръ, мірскими слезами кормятся, приставовъ держатъ“; но иноки дѣлали это на полномъ законномъ основаніи. „А волостели мои въ околицу его (игумена) не въѣзжаютъ“—вотъ стереотипная фраза всѣхъ княжескихъ жалованныхъ грамотъ монастырямъ. Подробнѣе всего содержаніе монастырскаго иммунитета излагается въ жалованной грамотѣ бѣлозерскаго князя Кирилло-Бѣлозерскому монастырю: людямъ игумена Кирилла—говоритъ бѣлозерскій князь—1) „ненадобѣ моя дань, ни иная никоторая пошлина; 2) волостели мои къ тѣмъ людямъ не всылаютъ ни по что, ни судятъ, 3) а тѣхъ людей вѣдаетъ и судитъ игуменъ Кирило самъ“. Тутъ игумену формально предоставляется не только право юрисдикціи, но и право сбора налоговъ и пошлинъ въ свою пользу, такъ какъ на тогдашнемъ языкѣ слово управлять значило не что иное, какъ собирать дань.

Огромное большинство игуменовъ и епископовъ находились въ феодальномъ подчиненіи у князей; но нельзя сказать, чтобы у насъ совершенно не было духовныхъ сеньёровъ. Такимъ сеньёромъ былъ новгородскій владыка. Въ его распоряженіи находились огромныя земли и другія доходныя статьи, управленіе которыми было построено на бенефиціальной системѣ. Оно осуществлялось при помощи цѣлаго ряда служилыхъ людей, носившихъ названіе софіянъ, или мірского воинства владыки, или владычныхъ дворянъ. Софіяне раздѣлялись на разряды въ порядкѣ іерархической лѣстницы и сообразно со своимъ положеніемъ занимали тѣ или другія должности, связанныя съ различными кормленіями: одни занимали должности при дворѣ владыки въ качествѣ стольниковъ, чашниковъ и т. д., другіе посылались для управленія и суда въ земли, подчиненныя новгородскому архіепископу. Новгородскій владыка, подобно его западно-европейскимъ собратьямъ, былъ обладателемъ не только меча духовнаго: находясь въ подчиненіи у Господина Великаго Новгорода, новгородскій владыка въ нѣкоторыхъ случаяхъ былъ обязанъ выставлять со своихъ земель особый полкъ, такъ называемый

владычный стягъ; воевода, командовавшій этимъ полкомъ, обязанъ былъ дѣйствовать во всемъ согласно съ приказаніями владыки, который по своему положенію не могъ лично командовать этимъ полкомъ; на этой почвѣ иногда происходили недоразумѣнія между владычнымъ воеводой и другими командирами новгородскаго ополченія. Даже послѣ присоединенія Новгорода къ Москвѣ новгородскій архіепископъ нѣкоторое время остался все тѣмъ же могучимъ сеньёромъ, облеченнымъ и военными функціями. Іосифъ Волоцкій разсказываетъ про Серапіона, преемника Геннадія на новгородской каѳедрѣ, что онъ раздалъ церковныя земли и имущества боярамъ и дѣтямъ боярскимъ, т.-е. продолжалъ примѣнять ту же бенефиціальную систему, что и его предшественники. Такими же сеньёрами, но болѣе низшаго ранга, были нѣкоторые новгородскіе архимандриты. Московскій митрополитъ не могъ сдѣлаться такимъ же крупнымъ сеньёромъ съ политической точки зрѣнія, такъ какъ съ самаго начала онъ попалъ въ слишкомъ тѣсное подчиненіе къ московскому князю; но послѣ новгородскаго митрополита онъ былъ самымъ богатымъ изъ всѣхъ церковныхъ вотчинниковъ. Чтобы довершить характеристику феодальной организаціи тогдашней русской церкви, остается указать еще двѣ черты. Во-первыхъ, церковное управленіе въ сферѣ отношеній между представителями церковной іерархіи, подчиненными другъ другу по каноническимъ правиламъ, выражалось прежде всего и главнымъ образомъ во взиманіи поборовъ. Епископы платили митрополиту, игумены—митрополиту или епископамъ, приходское духовенство—епископамъ. Каждый епископъ содержалъ для этой цѣли особый штатъ должностныхъ лицъ, среди которыхъ особенно выдѣляется должность десятинника: онъ собиралъ съ приходскаго духовенства десятину въ пользу епископа и въ силу этого сталъ самымъ близкимъ начальствомъ перваго. Во-вторыхъ, церковныхъ леновъ искали съ такою же охотою, какъ и на западѣ, и въ связи съ этимъ искательствомъ развилась настоящая продажа высшихъ духовныхъ должностей. Выгодныя игуменскія и епископскія мѣста стоили очень дорого: бывали случаи, что кандидаты уплачивали митрополиту до пяти тысячъ рублей на наши деньги. Какъ мы увидимъ, первая реформаціонная попытка на русской почвѣ выставляла исходнымъ пунктомъ своей критики господствующей церкви именно то обстоятельство, что священники и епископы поставляются „на мздѣ“.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что христіанская церков-

ная организація находилась всецѣло въ рукахъ господствующаго класса и получила форму феодальной системы господства. По отношенію къ черному люду, преимущественно по отношенію къ крестьянамъ, феодальное господство церкви ярче всего выразилось въ организаціи монастырскаго хозяйства. XIV и начало XV вѣка—золотое время въ исторіи основанія монастырей: за одинъ XIV вѣкъ было основано 80 монастырей, т.-е. почти столько же, сколько за предшествующіе три вѣка вмѣстѣ (87 монастырей), а въ первую половину XV—70 монастырей. Монастыри основываются не только на сѣверѣ; очень много монастырей въ это время появилось и въ центрѣ, совсѣмъ недалеко отъ Москвы, въ глухихъ лѣсныхъ углахъ, еще не тронутыхъ боярской или княжеской эксплуатаціей. Основаніе монастыря для окрестнаго крестьянскаго населенія вовсе не было такимъ радостнымъ событіемъ, какимъ изображаютъ основаніе монастырей наши монахи-лѣтописцы и житія святыхъ. Когда свѣтильникъ вѣры, будущій святой чудотворецъ, рубилъ себѣ въ лѣсу, но непремѣнно у сліянія двухъ рѣкъ, одинокую келію, зародышъ будущаго монастыря, окрестные крестьяне откровенно заявляли ему: „почто въ нашей землѣ построилъ еси монастырь? или хощеши землями и селами нашими обладати?“ Этотъ мотивъ вражды крестьянъ къ основателямъ монастырей, въ житіяхъ и въ лѣтописи объясняющійся кознями діавола, имѣлъ вполнѣ реальное основаніе: монастыри, какъ религіозныя учрежденія, крестьянамъ были ненужны, а между тѣмъ основаніе монастырей неизмѣнно сопровождалось пожалованіемъ окрестныхъ селъ съ „житейскими крестьяны“ новымъ обителямъ. Поэтому вражда крестьянъ по отношенію къ основателямъ монастырей иногда кончалась плохо для святыхъ отшельниковъ: Дмитрій Прилуцкій, Стефанъ Мохрищкій, Даніилъ Переяславскій и Антоній Сійскій принуждены были уйти изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они первоначально собирались основать обители, а преподобнаго Агапита Тотемскаго сосѣдніе крестьяне даже утопили. Но, конечно, побѣдителями оставались монастыри и постепенно распространяли свою власть на всю сосѣднюю сельскую округу. Собранныя такимъ путемъ земли, принадлежавшія церкви, должны были быть огромны. По свидѣтельству иностранцевъ, Адама Климента и Горсея, посѣтившихъ Москву въ половинѣ XVI вѣка, церкви тогда принадлежало не менѣе трети всѣхъ русскихъ земель, причемъ Горсей въ доказательство правильности своего показанія ссылается на слова самого Ивана IV. Нѣкоторое понятіе о ве-

личинѣ владѣній отдѣльныхъ монастырей можетъ дать перечисленіе селъ и деревень Волоколамскаго монастыря: у него было 11 селъ и 24 деревни, и этотъ монастырь былъ еще не самымъ богатымъ. На свои села и деревни монахи смотрѣли исключительно какъ на источникъ доходовъ, а на крестьянъ, какъ на рабочій скотъ. Лучше всего этотъ взглядъ выраженъ Іосифомъ Волоцкимъ, который вообще можетъ считаться лучшимъ и типичнымъ выразителемъ идеологіи русскаго монашества XIV—XVI вв. Онъ говаривалъ, что не нужно черезъ мѣру утруждать крестьянъ „работою и данями"—обѣднѣетъ крестьянинъ, обѣднѣетъ и господинъ земли, отдохнетъ крестьянинъ на льготѣ—и господину не будетъ убытка. И въ своемъ уставѣ онъ предписалъ брать съ крестьянъ судныя пошлины въ половинномъ размѣрѣ противъ установленныхъ Судебникомъ. Но это была ничтожная льгота, остававшаяся незамѣтною при томъ количествѣ повинностей, которыми были задавлены монастырскіе крестьяне. Напримѣръ, крестьяне Константиновскаго монастыря, монастыря не изъ самыхъ крупныхъ, по уставной грамотѣ 1391 г. обязаны были „церковь наряжати, монастырь и дворъ тынити, хоромы ставити, игуменовъ жеребей весь рольи изгономъ вспахать, засѣять, сжать и свезти, сѣно косить десятинами и на дворъ привезти, ѣзъ (рыбу въ загонахъ) бити, и вешній и зимній сады оплетати, и неводомъ ходить, пруды прудить, бобровъ осенью ловить; на Великдень и на Петровъ приходить къ игумену съ подарками; къ монастырскому празднику привозить яловицу; рожь молотить, хлѣбы печь, солодъ молоть, пиво варить; рожь на сѣмены молотить, ленъ прясть, невода снаряжать; а если игуменъ пріѣдетъ въ село на братщину (на братскій жертвенный пиръ въ храмовой праздникъ), то сыпци даютъ игуменовымъ конямъ по зобнѣ овса".

Сообразно съ широкими размѣрами той территоріи, на которую простиралась хозяйская власть монастыря, распылялись и сами монахи. Волоколамскій монастырь былъ первымъ настоящимъ общежительнымъ монастыремъ, гдѣ дѣйствительно всѣ монахи жили вмѣстѣ; въ огромномъ же большинствѣ случаевъ монахи не жили въ монастыряхъ постоянно, а жили въ монастырскихъ селахъ, деревняхъ и мельницахъ, куда игуменъ назначалъ ихъ управителями; совѣтъ митрополита Кипріана (конецъ XIV вѣка) управлять селами не чрезъ посредство монаховъ, а при помощи приказчиковъ изъ богобоязненныхъ мірянъ, такъ и остался pium desiderium. Сосредоточивая въ своихъ рукахъ огромные до-

ходы, монастыри къ XVI вѣку еще болѣе расширяютъ свои хозяйственныя операціи: нѣкоторыя обители начинаютъ отдавать въ ростъ свои капиталы, и такимъ путемъ создаются еще болѣе длинныя нити отношеній, распыляющія еще болѣе монастырскую жизнь. Нѣкоторые монастыри отпускаютъ своихъ монаховъ ходить по людямъ и собирать пожертвованія для монастырей; уже въ XV вѣкѣ этихъ „прошаковъ", по выраженію Нила Сорскаго, было такъ много, что они „отягчали вся грады и веси". Только въ одномъ отношеніи хозяйственные интересы монастырей создавали своеобразную концентрацію: женскіе монастыри иногда предпочитали отдавать свои вотчины въ управленіе мужскимъ монастырямъ, вмѣсто того, чтобы держать приказчиковъ; монахини такихъ монастырей, не стѣсняясь, поселялись вмѣстѣ съ монахами въ одномъ и томъ же монастырѣ, живя на годовые доходы, а ихъ дѣти оставались при монастыряхъ въ качествѣ монастырскихъ рабовъ.

Таковы основныя черты монастырскаго хозяйственнаго строя. Если по отношенію къ крестьянамъ монахи являлись въ роли такихъ же господъ, какими были и бояре, то по отношенію къ тому боярскому классу, плоть отъ плоти и кровь отъ крови котораго было монашество, монастыри выполняли опредѣленную религіозную функцію. Тутъ мы подходимъ къ вопросу о содержаніи вѣрованій тогдашняго боярства, поскольку эти вѣрованія обусловливались практическими потребностями условій боярской жизни. Сами монахи иногда откровенно сознавались, что пошли въ монастырь не затѣмъ, чтобы спастись, а затѣмъ чтобы „ѣсть хлѣбъ въ покоѣ", какъ выразился вологодскій епископъ въ 1588 г. Но тѣ князья и бояре, которые дарили монастыри столькими селами и крестьянами, дѣлали это не даромъ и не только для того, чтобы дать монахамъ спокойный хлѣбъ. Мы уже видѣли, что служба, которую церковные владѣльцы должны были нести съ земли, въ Новгородѣ была военная; но такой характеръ этой службы въ Новгородѣ объясняется военно-купеческой организаціей Новгородской республики, и въ Московской Руси мы ничего подобнаго не встрѣчаемъ. Та практическая задача, за исполненіе которой князья и бояре награждали монастыри великими и богатыми милостями, заключалась вовсе не въ военныхъ заслугахъ: „не иноческимъ воеводствомъ, ниже ихъ храбростію грады крѣпятся и міръ строится, но ихъ постомъ и молитвою". Русскіе монахи XIV—XVI вв. были такими же oratores, какими были ихъ западно-европей-

скіе собратья феодальной эпохи. Богоустановленная тріада: bellatores, oratores et laboratores существовала слѣдовательно и у насъ.

Профессіональный классъ молитвенниковъ и у насъ и во всѣхъ другихъ странахъ создался подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же условій. Съ того момента, какъ способы сношенія съ божествомъ, узнаванія его воли и выпрашиванія у него милостей отливаются въ магическія формулы и обряды, совокупность этихъ формулъ и обрядовъ постепенно превращается въ особую тайную науку, не всегда доступную всякому смертному. Формулы и обряды всегда лучше всего извѣстны тому, кому чаще всего приходится быть отправителемъ культа; по мѣрѣ усложненія культа, знаніе формулъ и обрядовъ становится исключительной монополіей тѣхъ, кто обычно совершалъ культъ въ ту эпоху, когда еще не было профессіональнаго жречества. Такъ постепенно создается классъ профессіональныхъ посредниковъ между божествомъ и человѣкомъ. Въ языческую эпоху у русскихъ славянъ уже были начатки такого класса въ лицѣ волхвовъ и немногочисленныхъ жрецовъ; но, какъ мы видѣли въ главѣ V, ихъ развитіе было въ корнѣ пресѣчено появленіемъ христіанства. Христіанство дало намъ классъ молитвенниковъ въ готовомъ видѣ. Эти молитвенники принесли съ собою и науку о сношеніяхъ человѣка съ божествомъ. Но, какъ и слѣдовало ожидать, сложная наука византійскаго культа и представленіе о божествѣ на русской почвѣ своеобразнымъ способомъ видоизмѣнились, примѣнительно къ старинному языческому міровоззрѣнію. Какъ мы уже указывали въ началѣ этой главы, черный людъ заимствовалъ изъ христіанства почти исключительно одни названія, сохранивъ содержаніе старой религіи въ неприкосновенности. Боярство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ мы уже знаемъ, также осталось при старыхъ культахъ и вѣрованіяхъ; но захвативъ въ свои руки „богомолія“, „еже монастыри и церкви нарицаются“, оно переняло у греческихъ учителей и нѣчто новое и въ области вѣры, но лишь такое, что подходило къ его старинному міровоззрѣнію. И тутъ лучшимъ выразителемъ религіознаго сознанія боярско-именитаго класса является Іосифъ Волоцкій. Въ своей полемикѣ съ заволжскими старцами и противъ еретиковъ онъ изложилъ credo тогдашняго русскаго православія, изложилъ своеобразнымъ методомъ собиранія цитатъ откуда попало, лишь бы эти цитаты книжнымъ образомъ выражали его мысль. Изъ его полемики мы узнаемъ, что боярство вѣрило не только въ иконы и мощи,

но и во единаго бога; но этого единаго господа бога Іосифъ Волоцкій изобразилъ такъ, что восточные отцы, составлявшіе Никейскій символъ, сочли бы Іосифа самымъ злымъ еретикомъ. По мнѣнію Іосифа, только еретики говорятъ, будто бы богу свойственно строить все премудростію, но не свойственно ему „прехыщреніемъ строити“. „Зри, окаянне и безумне, что глаголеши“, восклицаетъ Іосифъ, обращаясь къ своему оппоненту; и дальше онъ доказываетъ, что господь богъ все дѣлалъ „прехыщреніемъ и коварствомъ“. Всесильный богъ могъ бы отдать евреямъ египетскія богатства „явственно“, но онъ такъ не сдѣлалъ, а повелѣлъ Моисею „прехытрити“ фараона; богъ могъ бы явственно помазать на царство Давида, но онъ предпочелъ „прехытрити“ Саула; онъ также поступилъ и съ Исавомъ и съ Лаваномъ и съ Іеровоамомъ и съ жителями Іерихона, „и многа суть такова въ божественныхъ писаніяхъ прехыщреніа же и коварства, яжь Самъ Господь Богъ сотвори“. Даже предустановленный планъ искупленія павшаго въ раю человѣчества Іосифъ сводитъ къ тому, что богъ могъ бы совсѣмъ не допускать къ Адаму и Евѣ діавола, но онъ допустилъ его и тутъ же „прехытри“. Такимъ образомъ великій, всемогущій и премудрый богъ Никейскаго символа, сотворившій весь видимый и невидимый міръ и спасшій человѣчество посредствомъ предустановленнаго плана искупленія, превратился въ точнаго двойника русскаго князя XIV—XVI вв., которому постоянно приходилось изворачиваться и хитрить и въ сношеніяхъ съ ордою, и въ политикѣ по отношенію къ Москвѣ, и въ мелкихъ дрязгахъ съ сосѣдями, и въ непріятныхъ столкновеніяхъ съ чернымъ людомъ. Въ культѣ такого „прехытраго“ божества въ глазахъ тогдашняго боярства и князей должны были получить особое значеніе не тѣ священнодѣйствія, которыя были связаны съ воспоминаніемъ объ актѣ искупленія, а другіе обряды, которые соотвѣтствовали стариннымъ привычнымъ формамъ культа. По старой привычкѣ продолжали думать, что божество услышитъ молитву только тогда, когда она будетъ произнесена достаточно явственно, съ соблюденіемъ извѣстныхъ церемоній и въ пріятной для божества формѣ. И отсюда та необыкновенная любовь къ обряду, которую даже П. Н. Милюковъ не сумѣлъ объяснить ничѣмъ инымъ, какъ паденіемъ уровня образованности пастырей, просвѣщенныхъ, пока къ намъ ѣздили греческіе монахи, и постепенно растерявшихъ просвѣщеніе, когда послѣ татарскаго нашествія притокъ греческихъ монаховъ прекра-

тился. Первое, что поражало всякаго пріѣзжавшаго къ намъ иностранца—это любовь къ колокольному звону; колокола и колокольный звонъ сразу привились у насъ и далеко оставили за собой свой скромный греческій оригиналъ, какъ самая пріятная музыка для божества. Великую и сокровенную тайну наши ученые богословы видѣли не въ таинствѣ евхаристіи, а въ вопросѣ о формулѣ пѣнія аллилуіи. Аллилуія, говорили наши книжники, заключаетъ въ себѣ божественную тайну и имѣетъ сокровенную силу; „невѣгласамъ“ не подобаетъ „мудрити вещи сія“. Споры о томъ, нужно ли двоить или троить эту магическую формулу, продолжались полтора вѣка, пока Стоглавый Соборъ не установилъ догмата о двоеніи аллилуіи. Другой „великій догматъ премудрый“ касался вопроса о томъ, какъ слѣдуетъ ходить съ образами во время крестнаго хода, по солнцу или противъ солнца. На степень догматовъ Стоглавый Соборъ возвелъ также двуперстіе, которому также придавалась магическая сила, и ношеніе бороды. Такое же значеніе магическихъ формулъ придавалось и молитвамъ: Домострой увѣряетъ, что достаточно извѣстное число разъ въ теченіе трехъ лѣтъ читать извѣстныя молитвы, и въ человѣка вселится божество: послѣ перваго года вселится Христосъ сынъ божій, послѣ второго года—Духъ Святой, послѣ третьяго года—Отецъ. Существовали правила, сколько молитвъ нужно было читать про себя во время богослуженія, чтобы достичь спасенія: „за псалтырю молви 7000 молитвъ: Господи Іисусе Христе, сыне божій, помилуй мя грѣшнаго! За каѳизму — 300 молитвъ (тѣхъ же). За славу—100 молитвъ, за завьтреню 1500 молитвъ“ и т. д. Эти наставленія ученыхъ монаховъ чередовались съ другими правилами, гдѣ уже неприкровенно обнаруживаются старыя анимистическія воззрѣнія. Напримѣръ, послѣ причащенія нельзя мыться въ банѣ, а то смоешь съ себя благодать; приложившись къ кресту, къ иконѣ или мощамъ, надо нѣкоторое время удерживать въ себѣ духъ, „губъ не раскрываючи“.

Для этихъ книжныхъ разсчетовъ и умозрѣній вообще необходимо было участіе профессіональныхъ молитвенниковъ, умѣвшихъ пользоваться „писаніями“ для построенія и оправданія только что описанныхъ воззрѣній. Но феодальныя условія жизни XIV — XVI вв. способствовали особенному увеличенію числа молитвенниковъ. Передъ княземъ или бояриномъ того времени однообразная повседневная жизнь не ставила трудныхъ проблемъ въ борьбѣ за его существованіе. Прежній рискъ, когда южно-русскій бояринъ или князь до.

Деисусъ и Дѣянія Троицы.

Древнерусская иконографія, какъ таковая, не можетъ пока представлять особеннаго интереса для широкихъ слоевъ русской читающей публики. Примѣненіе соціологической точки зрѣнія въ изученіи этого рода памятниковъ древнерусскаго искусства есть въ значительной степени дѣло будущаго. Техническое изученіе едва становится на правильный путь. Научный популяризаторъ, двигаясь ощупью въ темной исторіи русской иконы, каждую минуту можетъ попасть въ непріятное положеніе. Знатоки старой иконы обыкновенно очень далеки отъ общаго пониманія научной роли такого памятника древности, какъ икона; люди съ широкимъ историческимъ взоромъ обыкновенно чужды узко-спеціальнаго знакомства съ техникой древней иконографіи. Отсюда крупный пробѣлъ, который съ успѣхомъ можно наблюдать въ построеніяхъ по исторіи русскаго искусства. Въ первой части перваго тома настоящей «Русской исторіи» приведены три изображенія Богоматери, которыя, будучи взаимно сопоставлены, даютъ рядъ историко-художественныхъ впечатлѣній, не захватывая, правда, эволюціи религіозно-общественной мысли на Руси. Между кіево-софійской Богоматерью-орантой и буржуазно-красивой идеей искупленія В. Васнецова остается громадное пространство, которое необходимо хоть какъ-нибудь освѣтить небольшою полоской свѣта. Это пространство сдѣлалъ попытку освѣтить тотъ же В. Васнецовъ въ своихъ церковныхъ произведеніяхъ, но эти опыты условной церковности способны скорѣе затемнять, чѣмъ освѣщать. Созерцая произведенія странной церковной живописи В. Васнецова, зритель остается холоднымъ и равнодушнымъ: наивность сюжета не соотвѣтствуетъ ни блестящей техникѣ художника, ни современному міросозерцанію и создаетъ непріятную атмосферу лживаго въ корнѣ, фальшиваго по внѣшности. Здѣсь вовсе отсутствуетъ творчество и получается плагіатъ отжившаго и прошлаго въ тискахъ роскошной современной техники. И если Богоматерь В. Васнецова—надгробная пѣснь русской церковно-художественной живописи, то остальныя церковныя полотна того же художника естественно довершаютъ провалъ того, чего уже нѣтъ и чему не воскреснуть. Иконой или картиной, искусственно сочиненной, нельзя возсоздать былыя чувства и настроенія, былой строй церковности. Интересъ заключается не въ фальшивомъ возсозданіи, а въ серьезномъ и разумномъ изученіи стараго оригинала, когда-то, дѣйствительно, отражавшаго живое міровоззрѣніе, суть дѣйствительныхъ представленій на опредѣленной исторической почвѣ. Въ этомъ изученіи древней иконы есть одна очень тяжелая опасность: ходячій шаблонъ, офиціальною силой церковно-политической власти установленный, не отличить отъ дѣйствительныхъ чертъ живого религіознаго настроенія даннаго момента, настроенія, являющагося результатомъ конкретныхъ условій. Эти черты живого религіознаго настроенія прежде всего цѣнны для историческаго наблюденія, но икона не всегда ихъ отражаетъ или можетъ отражать. Шаблонъ долго можетъ быть и дѣйствительной принадлежностью житейскаго обихода, безъ котораго жить нельзя, и душно, и страшно, но онъ можетъ превращаться и въ незамѣтную ненужность, и даже въ досадный lapsus старины. Сколько въ современной русской дѣйствительности есть досадныхъ и непріятныхъ шаблоновъ, которые представляютъ собой бьющую въ глаза ненужность. Такимъ образомъ старая икона, какъ произведеніе былого художества, высоко интересна для изученія и популяризаціи, поскольку она, эта икона, является средствомъ познанія разнообразныхъ сторонъ древняго общественнаго быта. Въ исторіи русской иконописи значеніе шаблона колоссально, какъ и въ исторіи русской агіографіи; но создавать на представленіи о шаблонѣ всѣ наши построенія было бы крупнымъ методологическимъ промахомъ. За историкомъ, русской иконографіи и числится громадный долгъ: за шаблонами разглядѣть живыя конкретныя черты соціальной мысли и религіознаго чувства, показать на какой реальной почвѣ создавалась эта своеобразная метафизика стараго общества. Утвержденіе Ѳ. И. Буслаева, что «главнѣйшее свойство *русской* иконописи состоитъ въ ея религіозномъ характерѣ, исключающемъ собой всѣ другіе интересы, или надъ ними вполнѣ господствующемъ и всѣ ихъ въ себѣ поглощающемъ», лишено опредѣленнаго содержанія и ровно ничего не выражаетъ; равнымъ образомъ далеко отъ какого-либо строго научнаго построенія замѣчаніе того же ученаго, что «у *русскихъ* это первобытное отношеніе къ предметамъ церковнаго искусства, какъ къ свя-

тынѣ... даже въ позднѣйшее время составляетъ завѣтную національную принадлежность огромнаго большинства русскаго населенія». Буслаевъ въ свое время, очевидно, забылъ ходячую русскую пословицу: *годитца—молитца, не годитца горшки покрывать* и предлагалъ положеніе, основанное не на историческомъ матеріалѣ, а на ходячихъ формулахъ элементарной метафизики. Шаблонъ создавался на почвѣ извѣстной косности церковныхъ воззрѣній и незыблемости догмата. Церковь, вѣрная союзница политической власти,—была заинтересована въ неподвижности, поощрявшейся всѣмъ строемъ народной жизни (господство земледѣлія въ странѣ, элементы натуральнаго хозяйства). Церковный соборъ XVI вѣка, получившій названіе Стоглаваго, въ цѣломъ рядѣ правилъ пресѣкалъ всякій проблескъ свободнаго художественнаго творчества при написаніи иконъ. Церковныя власти должны были «пещись о церковныхъ чинахъ, особенно же объ иконахъ и живописцахъ, по священнымъ правиламъ, какимъ подобаетъ быть живописцамъ, и имѣть имъ тщаніе о начертаніи плотскаго изображенія Исуса Христа, и Богоматери, и небесныхъ силъ, и всѣхъ святыхъ». Предложивъ затѣмъ живописцамъ правила возвышенной морали, Стоглавъ узаконяетъ «съ превеликимъ тщаніемъ писать образъ Господа нашего Исуса Христа и пречистой Богоматери, и святыхъ пророковъ, и апостоловъ, и священномучениковъ, и святыхъ мученицъ, и преподобныхъ женъ, и святителей, и преподобныхъ отцовъ, по образу и по подобію, и по существу, по лучшимъ образцамъ древнихъ живописцевъ». *Мастера* должны не скрывать отъ *учениковъ* тайнъ иконнаго письма, а каждый архіерей долженъ былъ «великое попеченіе имѣть, чтобы хорошіе иконники и ихъ ученики писали съ древнихъ образцовъ, и *отъ самомышленія бы и своими догадками* Божества не описывали, ибо Христосъ Богъ нашъ описанъ плотію, а божествомъ не описанъ». Такимъ образомъ Стоглавъ признаетъ исключительно одно душеспасительное и прибыльное мастерство, отнюдь не допуская творчества, свободныхъ полетовъ разума и кисти. Ради окончательнаго установленія опредѣленныхъ образцовъ или шаблоновъ въ томъ же XVI ст. былъ составленъ Иконописный Подлинникъ въ обязательное руководство порабощенныхъ духомъ иконниковъ. Это порабощеніе индивидуальной личности, уничтоженіе всяческихъ ея проявленій—свойство древней церкви, которая, обосновавшись на устояхъ языческой древности, долго будетъ жить ея идейнымъ содержаніемъ, скрывшимся подъ новыми формами. Новое идейное содержаніе можетъ быть создано лишь условіями новаго соціально-экономическаго строя. Европейская реформація была явнымъ результатомъ кореннего хозяйственнаго перелома, пережитаго Европой на рубежѣ XV и XVI вѣковъ. На восточно-европейской равнинѣ переворотъ совершился позднѣе, настолько поздно, что для реформаціи не осталось мѣста въ ея историческомъ процессѣ; церковь превратилась въ книжное преданіе, и при наличности ея офиціальной жизни вполнѣ возможно изученіе начала и конца того комплекса понятій и учрежденій, который покончилъ свое развитіе и въ который тщетно было бы пытаться вдунуть струю жизни. Икона, являясь наслѣдствомъ, доставшимся намъ отъ старой Руси, должна представлять крупный интересъ и для широкихъ слоевъ публики; необходимо только, чтобы это наслѣдство стало обычнымъ объектомъ научнаго изученія съ примѣненіемъ строгаго историческаго метода. Этотъ матеріалъ иконъ заговоритъ тогда выразительно и ярко, и заполнитъ крупный пробѣлъ въ формулировкѣ судебъ древняго быта. Икона въ этомъ послѣднемъ отражала одну изъ видныхъ сторонъ, и обойти ее вовсе въ иллюстраціи настоящей «Русской исторіи» было бы ненаучной тенденціозностью. Не говоря о промежуточныхъ спайкахъ, въ литературѣ указываютъ обыкновенно на четыре древнихъ иконописныхъ школы: Новгородскую, Строгоновскую, Московскую и Фряжскую, говоря, что для пониманія неподготовленнаго зрителя византійскіе образцы X—XII вв. доступнѣе, чѣмъ новгородскіе XIV—XV вв., что новгородская иконопись вообще доступнѣе, чѣмъ московская XVI в., и особенно доступнѣе, чѣмъ Строгоновская XVII в., и что, наконецъ, эта послѣдняя въ свою очередь понятнѣе каллиграфической поморской школы XVIII—XIX вв.

На обложкѣ прилагаемаго далѣе складня помѣщенъ снимокъ съ иконы «Дѣянія Пресвятыя Троицы», оригиналъ которой находится въ «Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ» (№ 17); внутри складня даны снимки съ трехъ иконъ «Деисуса», оригиналы которыхъ находятся въ собраніи графа А. С. Уварова (№№ 162, 163, 164).

«Дѣянія Пресвятыя Троицы» по близости рисунка и композиціи съ миніатюрой мастерской палаты Ивана Грознаго можно относить ко второй половинѣ XVI вѣка и пріурочивать именно къ этой школѣ. На иконѣ вокругъ главнаго изображенія, надъ которымъ едва замѣтны слова: «Святая Троица», помѣщены двадцать пять меньшихъ

съ библейскимъ содержаніемъ. Специалисты утверждаютъ, что на этой иконѣ отразились различные слѣды новгородскаго стиля, который утратилъ свою типичность въ манерѣ Грознаго, но составляетъ все же ея лучшую основу. Существованіе отдѣльной, очень характерной новгородской школы иконописи и историческая точность самаго термина «новгородская школа» въ настоящее время не отрицаются. Слѣдуя Д. А. Ровинскому и В. Н. Щепкину, можно представить такія общія положенія. Въ Новгородѣ лучше чѣмъ гдѣ-либо сохранилась традиція византійской живописи, при томъ по отношенію къ краскамъ—въ нѣсколькихъ манерахъ, изъ которыхъ съ теченіемъ времени взяла верхъ одна, которая и легла въ основу типично-новгородской школы. Новгородская иконопись обнаруживаетъ тѣсную связь съ другими сѣверными письмами, особенно съ ярославскими. Отдѣльныя черты новгородской манеры до средины XVI в. и отчасти далѣе, продолжали отзываться въ другихъ письмахъ,—совокупность этихъ чертъ характерна для Новгорода. Съ половины XVII в. новгородская иконопись теряетъ свой характеръ и мало-по-малу переходитъ во фряжское письмо, оно начинаетъ развиваться при дворѣ царя Алексѣя, подъ нѣкоторымъ вліяніемъ иноземныхъ вѣяній. Новгородскіе лики изображаютъ божество дѣятельное, и среди нихъ всего характернѣе лики Христа, чуждые ограниченнаго простонароднаго или некультурнаго выраженія. Та же Третьяковская галлерея, изъ коллекціи которой взяты «Дѣянія Пресвятыя Троицы», обладаетъ двумя характернѣйшими изображеніями новгородскаго Вседержителя: одинъ изданъ В. Н. Щепкинымъ во II-мъ томѣ «Трудовъ XI-го Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ» (таблица XXI), а другой Н. М. Посниковымъ въ его «Каталогѣ собранія христіанскихъ древностей» (№№ 4 и 12 галлереи). Центральная часть «Дѣяній» изображеніе ветхозавѣтнаго миѳа о трехъ странникахъ, явившихся Аврааму и Саррѣ. Роль миѳовъ, связанныхъ съ патріархами древняго Израиля, отлично изъяснена въ книгѣ Ю. Велльгаузена «Введеніе въ исторію Израиля» (Спб. 1909), ознакомленіе съ которой весьма цѣнно при изученіи разнообразныхъ мотивовъ старой иконографіи (срв. классическую главу о разсказахъ шестикнижія, стр. 260 и слѣд.). Если это московское письмо XVI в. на новгородской основѣ, то его интересно сопоставить съ двумя другими варіантами московскаго письма, находящимися въ собраніи графа А. С. Уварова (№№ 23 и 24). Всматриваясь въ обложку нашего складня, читатели пусть сопоставятъ находящуюся тамъ Троицу съ нижеслѣдующими описаніями:

№ 23 (Московское письмо до 1551 г.). Три ангела сидятъ за золотою трапезою съ посохами въ лѣвыхъ рукахъ; наконечники красныхъ посоховъ изображаютъ монограмму Христа: у каждаго золотой вѣнецъ и бѣлые тороцы; у средняго ангела вѣнецъ крылатый съ буквами, а выше надпись: IC.—XC. На немъ туника коричневая и зеленый палліумъ; надъ нимъ возвышается дубъ Мамврійскій, а по сторонамъ горы и строеніе. Ангелъ на правой сторонѣ имѣетъ тунику зеленую, а палліумъ темно-охровый; лѣвый ангелъ въ красной туникѣ, палліумъ зеленый. Передъ ними три чаши съ краснымъ виномъ (каждый какъ бы благословляетъ чашу), три треугольныхъ хлѣба, остальное за поврежденіемъ отъ времени разобрать нельзя. Внизу подъ самымъ среднимъ ангеломъ юноша въ красной туникѣ съ зелеными рукавами и золотыми монистою, поясомъ, сапогами сидитъ верхомъ на рыжемъ быкѣ. Приподнявъ ему голову лѣвою рукою, правою держитъ ножъ и прокалываетъ быку горло, кровь течетъ въ золотой потиръ, стоящій на землѣ впереди. На ангелахъ сандаліи и скамьи подъ ногами.

Срв. Троицу письма Андрея Рублева въ Сергіевой Лаврѣ.

№ 24 (Московское письмо послѣ 1551 г.). Три ангела сидятъ рядомъ за трапезою; золотые вѣнцы, ризы красныя и зеленыя, тороцы бѣлые, правою рукою благословляютъ, лѣвою держатъ бѣлый свитокъ, перевязанный краснымъ шнуркомъ; на трапезѣ три зеленые потира, солонки, ножи, хлѣбы и калачи. Передъ трапезою стоятъ направо Авраамъ, налѣво Сарра; они подносятъ золотые сосуды. Пониже между ногами трапезы, направо, Авраамъ самъ закалываетъ быка; онъ препоясанъ бѣлымъ полотенцемъ. Налѣво Сарра въ одной исподней рубашкѣ мѣситъ на скамьѣ тѣсто. У Авраама и Сарры зеленые вѣнцы. За ангелами посерединѣ дубъ Мамврійскій; по сторонамъ строенія. Авторъ описанія замѣчаетъ, что отчетливое стараніе нарисовать всѣхъ трехъ ангеловъ совершенно одинаковыми указываетъ на вліяніе собора 1551 г. и что на иконѣ замѣтно уже появленіе современнаго иконѣ русскаго костюма. Исподняя рубашка Сарры не имѣетъ уже покроя древней туники; длинная ея красная фата обшита галунами.

Языческій элементъ кроваваго жертвоприношенія одинаково выраженъ на всѣхъ *трехъ* изображеніяхъ.

Кажется, что «Дѣянія Пресвятой Троицы» гораздо ближе къ № 23 Уваровской Троицы, чѣмъ къ № 24, вслѣдствіе чего эту икону, быть можетъ, правильнѣе пріурочивать къ первой половинѣ XVI вѣка. Что касается двадцати пяти маленькихъ изображеній съ библейскимъ содержаніемъ, то, по утвержденію В. Н. Щепкина, они представляютъ большія совпаденія: 1) съ того же содержанія миніатюрами огромнаго Музейскаго Сборника, иллюминованнаго въ мастерской палатѣ Ивана Грознаго, и 2) съ серіей многоличныхъ иконъ у раки преп. Никона въ Троицкомъ соборѣ Сергіевой Лавры.

Деисусъ или Моленіе образуется въ своей элементарной формѣ изъ иконы Христа съ молящимися по сторонамъ Богородицей и Предтечей. Образъ моленія предстоящихъ Христу Богородицы и Предтечи встрѣчается еще въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ (мозаика, три медальона съ погрудными изображеніями). Деисусъ появился въ Византіи въ IX вѣкѣ, откуда перешелъ на восточно-европейскую равнину и сдѣлался здѣсь одной изъ популярныхъ принадлежностей иконостаса, расширившись до семи, девяти и болѣе ликовъ. Изъ описаній церквей въ писцовыхъ книгахъ XVI и XVII вв. видно, что Деисусъ и пядница необходимая принадлежность внутренняго убранства церкви. Напр.: «А во храмѣ на тяблѣ деисусъ стоячей—тринадцать образовъ на золотѣ,..... пядницы въ кіотѣ, мѣдью обложены» (Лопотовъ монастырь), или: «да на тяблѣ въ деисусѣ большомъ 11 иконъ на краскѣ... деисусъ на бѣлѣ» (Александрова пустынь), или: «да три пядницы, образъ спасовъ да пречистые Богородицы да Иванна предтечи, обложены серебромъ, въ кіотѣ» (Глушицкій мон.; всѣ примѣры идутъ отъ XVI в.). Сокращенная композиція деисуса постоянно встрѣчается на складняхъ. Деисусъ, прилагаемый далѣе, превосходнаго фряжскаго письма кисти Симона Ушакова. Особенное впечатлѣніе художественности производятъ Христосъ и Богородица, нѣсколько меньше—изображеніе Іоанна Предтечи, быть можетъ, по той причинѣ, что ноты аскетизма вообще мало пріятны современному сознанію. Самъ художникъ былъ особенно строгъ и сдерживалъ порывы своей кисти при изображеніи Іоанна. Отдѣльныя изображенія деисуса имѣютъ 12 вершковъ вышины и 10 вершковъ ширины. Изображеніе Іоанна Предтечи кисти Симона Ушакова цѣнно сопоставить съ другимъ изображеніемъ Іоанна Предтечи въ той же коллекціи графа А. С. Уварова (№ 102). Это оплечное изображеніе на золотомъ фонѣ новгородскаго письма XV в. издано во второмъ томѣ «Каталога собранія древностей графа А. С. Уварова» (М., 1907) и описано такъ: Типъ древне-византійскій, сухое блѣдное лицо, длинные косматые волосы, ниспадающіе на плечи, такая же борода, строгое сосредоточенное выраженіе лица, длинный носъ, хорошо вырисованныя брови, большіе выразительные глаза. Описанные Деисусъ и Дѣянія Троицы, относясь къ разнымъ вѣкамъ и къ разнымъ пошибамъ, представляютъ собою весьма цѣнный памятникъ древне-русской иконографіи и требуютъ внимательнаго наблюденія [1]). Къ сожалѣнію, намъ совершенно неизвѣстна ихъ легенда. О Деисусѣ Симона Ушакова надо сказать, что такое письмо, конечно, не могло быть распространеннымъ и самый фактъ его появленія говоритъ о той соціальной средѣ Московской Руси, которая уже неспособна довольствоваться элементарнымъ отечественнымъ богомазомъ, а ищетъ новыхъ путей, иныхъ эстетическихъ впечатлѣній...

В. Стор.

---

[1]) Множество хорошо исполненныхъ фотографическихъ снимковъ съ древнихъ иконъ можно видѣть въ изданіи Н. П. Лихачева «*Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія*". Атласъ въ двухъ частяхъ. Спб., 1906. Изданіе это, къ сожалѣнію, довольно трудно доставать, не снабжено оно хотя бы элементарнымъ описаніемъ матеріала и страдаетъ отсутствіемъ системы. Тѣмъ не менѣе при изученіи, даже поверхностномъ, русской иконографіи его никакъ нельзя избѣжать. На таблицѣ XXIII подъ № 48 здѣсь нельзя не обратить вниманія на снимокъ съ иконы русскаго собранія самого Н. П. Лихачева, изображающей св. Христофора съ звѣриною головой. Извѣстно, что на Ивановской площади въ Москвѣ стояла, съ правой стороны, идучи отъ Спасской улицы, церковь во имя муч. Христофора съ первобытною колокольней на одномъ столбѣ, замѣчательная своею иконой Христофора «съ песьей головой» (описано у И. Е. Забѣлина «Исторія города Москвы», часть I, М. 1905, стр. 309 по 2-му изд.). Этотъ образчикъ звѣринаго стиля въ христіанствѣ мы *не* приводимъ, какъ не особенно характерный для русскаго религіознаго сознанія, заимствованный изъ Византіи и, кажется, сравнительно слабо у насъ распространенный.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ“. Изд. Т-ва „МІРЪ“.

„Русская Исторія". Изд. Т-ва „МІРЪ".

„Русская Исторія". Изд. Т-ва „МІРЪ".

„Русская Исторія". Изд. Т-ва „МІРЪ".

бывалъ себѣ добычи „полономъ“ въ экспедиціяхъ, въ которыхъ иногда подвергалась опасности даже его жизнь, смѣнился теперь мирнымъ житіемъ, безопасной эксплуатаціей „житейскихъ крестьянъ“, правильно платившихъ ему судныя пошлины, дани и оброки. Теперь жизнь была для него покойна и обезпечена; она представляла полный контрастъ съ тѣмъ безпокойнымъ временемъ, когда иной разъ приходилось кормить Перуна человѣческой жертвой, чтобы обезпечить успѣхъ разбойничьей экспедиціи. Но тѣмъ болѣе русскій феодалъ задумывался надъ вопросомъ: что будетъ тамъ? Забота о томъ, чтобы уготовить своей душѣ на томъ свѣтѣ такое же безпечальное существованіе, какъ и здѣсь на землѣ, доминируетъ надъ всѣми другими религіозными заботами русскаго феодола, какъ и его западно-европейскаго собрата. Какъ попасть въ этотъ рай, который въ такихъ живыхъ краскахъ описалъ новгородскій епископъ Василій? Это тотъ самый земной рай, который когда-то былъ насажденъ въ Эдемѣ для Адама и Евы; онъ существуетъ до сихъ поръ подъ надежной охраной небеснаго стража; были тамъ Агапій святой, который хлѣба оттуда принесъ, былъ Ефросимъ святой, который оттуда три яблока принесъ, а святой Макарій жилъ отъ рая только въ двадцати поприщахъ; живутъ тамъ пресвятая Богородица, Енохъ, Илія и всѣ святые и угодившіе богу въ ожиданіи второго пришествія Христова, послѣ котораго будетъ новая земля, и начнется рай духовный. Этотъ рай вполнѣ достижимъ и для всякаго русскаго человѣка: „то мѣсто святого рая находилъ Моиславъ Новгородецъ и сынъ его Яковъ... а тѣхъ, брате, мужей и нынча дѣти и внучата добри здоровы“. Такимъ же неопровержимымъ свидѣтельствомъ живыхъ новгородцевъ Василій доказывалъ существованіе ада на западномъ краю земли.

Отъ мелкихъ повседневныхъ грѣховъ можно было откупиться соотвѣтствующей эпитиміей, состоявшей или въ чтеніи молитвъ, или въ лишнихъ постахъ, или въ милостынѣ. Но отъ ада такой дешевой цѣной откупиться было нельзя. Чтобы „устроить свою душу“, жертвы по мелочамъ, въ видѣ мелкой милостыни или восковыхъ свѣчей, были недостаточны. Тутъ нужна была обильная жертва божеству: жертва или селами или деревнями или крупными денежными вкладами. Всѣ безчисленныя села и деревни, которыя князья и бояре жаловали монастырямъ, отдавались на „поминокъ души“; и официальные выразители идеологіи тогдашняго монашества подчеркиваютъ, что всѣ эти земли и другія имущества принадлежатъ

силу котораго мертвецъ бралъ съ собою свое имущество, въ томъ числѣ и своихъ рабовъ. „Вданныя богови" села съ крестьянами обезпечивали душѣ умершаго безпечальное загробное существованіе; чѣмъ больше за душой было селъ и крестьянъ, тѣмъ благополучнѣе было ей на томъ свѣтѣ. Старый обычай модифицировался, но не до неузнаваемости, и сквозь новую идеологію мы еще можемъ разсмотрѣть архаическія черты старыхъ безхитростныхъ воззрѣній.

Формально-юридическій характеръ боярскаго и монашескаго благочестія вовсе не требовалъ отъ монаховъ какихъ-либо подвиговъ для спасенія ихъ души. Они чувствовали, что исполняютъ опредѣленную функцію: молятся „за государя и за его бояръ", получая за это отъ нихъ милостыню, и даютъ контингентъ „почетныхъ и благородныхъ старцевъ" для замѣщенія должностей митрополитовъ, епископовъ, архіепископовъ и т. д. Отправляя функцію богомоленія, монахи предоставляли всѣ прочіе подвиги благочестія созерцательнымъ натурамъ, уходившимъ въ Заволжье и тамъ добровольно подчинявшимъ себя самому строгому аскетическому режиму. Даже и богомоленіе монахи отправляли неохотно; если въ монастырѣ Іосифа ни одинъ монахъ не смѣлъ увильнуть отъ богослуженія, то это достигалось путемъ строгаго полицейскаго надзора. Именно, во время богослуженія въ церкви стояли особые строгіе надзиратели изъ опытныхъ старцевъ, наблюдая, чтобы монахи безъ крайней нужды не уходили изъ церкви, и будили заснувшихъ. Эти строгіе порядки выдѣляли монастырь Іосифа изъ среды прочихъ монастырей, но сейчасъ же послѣ его смерти его строгій уставъ пересталъ соблюдаться. Всѣ писатели, какіе только касаются монастырскихъ нравовъ XIV — XVI вв., сходятся въ утвержденіи, что вчерашній бояринъ или князь, становясь монахомъ, продолжалъ вести такую же праздную и разгульную жизнь, какъ и раньше. Въ длинномъ ряду обличителей монашеской жизни мы находимъ людей такихъ противоположныхъ взглядовъ, какъ Іосифъ Волоцкій и Вассіанъ Косой или Максимъ Грекъ; негодуетъ на монашескіе нравы Иванъ IV въ рѣчи, обращенной къ Стоглавому собору; наконецъ, стараются искоренить пороки монашеской жизни всѣ соборы XVI в. Во всѣхъ монастыряхъ—говоритъ Грозный—держатся хмѣльные напитки, и монахи предаются пьянству, по кельямъ незазорно ходятъ женки и дѣвки, а робята молодые („голоусые отроки", по выраженію Іосифа Волоцкаго, которые, по его мнѣнію, были для монаховъ еще опаснѣе, чѣмъ женщины)

живутъ тамъ невозбранно. Іосифъ жалуется, что за трапезой слышатся только неподобныя рѣчи и скверныя слова, а драки между монахами и игуменомъ—самыя обыкновенныя явленія. При такихъ нравахъ строгимъ игуменамъ оставалось только—либо уходить со своего поста, какъ сдѣлалъ это Паисій Ярославовъ, или внѣдрять дисциплину „жезломъ и затворомъ", рискуя иногда поплатиться собственной бородой, какъ случилось съ Саввой Тверскимъ.

Таковъ былъ общій тонъ религіи высшихъ классовъ тогдашняго общества. Какъ мы видимъ, христіанство дало ему прежде всего организацію, еще одно лишнее средство для соціальнаго господства; что же касается до содержанія вѣры и культа, то въ этомъ отношеніи обломки стараго смѣшались съ нѣкоторыми элементами новаго въ своеобразную амальгаму, которую можно было назвать христіанской религіей только съ большими оговорками — недаромъ одинъ изъ иностранныхъ изслѣдователей русской религіозной жизни, шведъ Іоганнъ Ботвидъ, еще въ 1620 г. считалъ возможнымъ написать сочиненіе, посвященное вопросу „Utrum Moscovitae sint Christiani?" Такое состояніе религіозной жизни не могло, однако, не вызывать протеста. Соціальная почва для такого протеста была, правда, невелика: она имѣлась только въ сѣверныхъ городскихъ республикахъ, гдѣ и получаютъ свое начало ереси XIV и XV вв. Но прежде чѣмъ говорить объ этихъ ересяхъ, исторія которыхъ тѣсно переплетается съ успѣхами московскаго „самодержавія", обнаружившимися въ концѣ XV в., мы должны отмѣтить одно своеобразное теченіе среди тогдашняго монашества. Оно было представлено такъ назыв. заволжскими старцами; ничѣмъ не отличаясь отъ типичнаго русскаго монашества по своимъ цѣлямъ, оно отличалось отъ него по своимъ методамъ и воззрѣніямъ.

Цѣль, которую преслѣдовали заволжскіе старцы, заключалась также въ достиженіи личнаго спасенія. Основатель заволжскаго направленія, Нилъ Сорскій, причислявшій себя къ „поселянамъ", въ дѣйствительности, не имѣлъ ничего общаго съ крестьянами: съ ранней молодости онъ жилъ въ Москвѣ и былъ „скорописцемъ", т.-е. занимался переписываніемъ книгъ. Постригшись въ монашество, онъ ушелъ на сѣверъ, въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, гдѣ была очень строгая дисциплина, но, не довольствуясь этимъ, онъ совершилъ путешествіе на Аѳонъ и изучилъ тамошніе способы спасенія души. Его первоначальная профессія сталкивала его

съ представителями немногочисленной тогда московской бюргерской и боярской интеллигенціи; поѣздка на Аѳонъ также не прошла даромъ для образованія его религіозныхъ воззрѣній. Такимъ образомъ, у Нила возникло критическое отношеніе къ тогдашнему типу монашеской жизни и создалось представленіе о возможности и необходимости иного пути ко спасенію.

Въ этомъ новомъ для русскаго монашества пути ничего оригинальнаго не было; онъ цѣликомъ былъ скопированъ съ восточныхъ аскетическихъ системъ. Основной исходный пунктъ—это царство зла въ мірѣ. Міръ во злѣ лежитъ: ежедневный опытъ показываетъ „колики скорби и развращенія имать міръ сей мимоходящій, и колика злолютства сотворяетъ любящимъ его... Мнящаяся бо его благая—повидимому, суть блага, внутрь же исполнена многа зла“. Поэтому и монахи, которые живутъ въ мірѣ, въ условіяхъ его повседневной жизни,—лжемонахи, и „житіе“ ихъ „мерзкое“. Душу нельзя спасти тѣми способами, какіе они указываютъ: собираніе имѣній не на пользу ни монашеской, ни боярской душѣ, всякое стяжаніе для монаха — „ядъ смертоносный“. Жизнь монаха должна быть организована на совершенно иныхъ началахъ. Монахъ, желающій спасти свою душу, долженъ жить одиноко въ своемъ скиту и питаться трудами своихъ рукъ; онъ можетъ принимать и милостыню отъ христолюбцевъ въ видѣ руги отъ казны или отъ бояръ, но исключительно деньгами или натурой. Одинокая жизнь въ скиту лучше всего располагаетъ къ внутреннему усовершенствованію: здѣсь на досугѣ монахъ можетъ „научатися отъ божественныхъ писаній“, какой образъ жизни ему надо вести, чтобы достичь такого совершенства, которое здѣсь на землѣ даетъ возможность созерцанія бога. Непосредственное изученіе священнаго писанія предоставляетъ достаточный просторъ индивидуальнымъ склонностямъ каждаго монаха; поэтому Нилъ никому не преподаетъ какихъ-либо обязательныхъ правилъ, а только даетъ совѣты и указанія. Онъ говоритъ, что удаленіе отъ міра, милостыня и аскетическія упражненія вродѣ поста и молитвы не являются цѣлью сами по себѣ; это только средства для покоренія восьми главныхъ человѣческихъ страстей. Когда эти страсти побѣждены, и человѣкъ достигнетъ состоянія религіознаго экстаза, почувствуетъ себя „въ непостижныхъ вещѣхъ, идѣже не вѣсть, не зная, въ тѣлѣ онъ, или безъ тѣла“,—тогда подготовительныя аскетическія упражненія становятся излишними: чело-

вѣку, обладающему „внутренней“ или „умной“ молитвой, не нужно пѣніе псалмовъ или долгое стояніе въ церкви; достигши религіознаго экстаза, человѣкъ не нуждается во внѣшнемъ постѣ, „питаясь единѣмъ боговидѣніемъ“. Передъ нами мистическая созерцательная система, столь широко распространившаяся на востокѣ въ первые вѣка христіанства въ эпоху выработки церковной организаціи, когда совершалась мучительная дифференціація среди членовъ церкви, и возрождавшаяся не разъ въ западной Европѣ и у насъ въ видѣ мистическихъ сектъ въ эпоху соціальныхъ кризисовъ. Но въ условіяхъ русской жизни конца XV в., когда жилъ Нилъ Сорскій, эта система не имѣла подъ собою почвы, она осталась, какъ и была, не широкимъ движеніемъ, а удѣломъ отдѣльныхъ экзальтированныхъ и въ то же время образованныхъ людей XV—XVI вѣковъ. Ея временное торжество было обусловлено моментомъ политической борьбы конца XV и начала XVI в., разгорѣвшейся вокругъ вопроса о церковныхъ имуществахъ. Этотъ вопросъ, занимавшій въ сочиненіяхъ Нила второстепенное мѣсто, выдвинулся тогда на первый планъ и заслонилъ собою основное положеніе Нила: созерцательность монашеской жизни. Скиты послѣдователей Нила были немногочисленны, и сами его послѣдователи, какъ мы увидимъ ниже, шли туда далеко не всегда по доброй волѣ.

Мистическое движеніе въ Заволжьѣ по времени не было первымъ отклоненіемъ отъ установившагося религіознаго быта. Еще въ концѣ XIV в. раздалися первые протестующіе голоса противъ феодальной церковной организаціи и феодальнаго благочестія. Начавшееся тогда еретическое движеніе носило совершенно иной характеръ, чѣмъ ученіе Нила: оно было городскимъ движеніемъ по своей основѣ, и сообразно съ этимъ и содержаніе его и судьба были не похожи на содержаніе и судьбу заволжскаго благочестія. Судьба движенія XIV в. въ особенности любопытна: начавшись въ Псковѣ, оно перекочевало въ Тверь и Новгородъ, изъ Новгорода перекочевало въ Москву и, несмотря на всѣ мѣры противъ него, оно продолжало гнѣздиться въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, измѣняя свои формы и содержаніе, но неизмѣнно сохраняя одну и ту же тенденцію: критиковать феодальную церковь и бороться съ нею.

Въ настоящее время мы не имѣемъ никакихъ документальныхъ свѣдѣній о началѣ ереси стригольниковъ, какъ окрестили первую русскую ересь офиціальные представители русской церкви; извѣстно только, что это названіе было дано

сообразно съ ремесломъ одного изъ основателей секты Карпа „художествомъ стригольника“, т.-е. занимавшагося стрижкой сукна или, по другому толкованію, цырюльника. Поэтому современные изслѣдователи дѣлаютъ самыя разнообразныя предположенія о причинахъ появленія ереси: одни, какъ Тихонравовъ, сводятъ причины возникновенія секты къ вліянію черной смерти, а содержаніе ея ученія всецѣло объясняютъ вліяніемъ западной секты бичевальщиковъ (которыхъ Тихонравовъ неправильно называетъ хлыстами), другіе, какъ Никитскій, склоняются къ объясненію происхожденія секты упадкомъ новгородской и псковской іерархіи, начиная отъ архіепископа и до послѣдняго священника, вслѣдствіе распространенія симоніи, и вліяніемъ ученія богомиловъ и французскихъ катаровъ. Объясненіе Тихонравова приходится откинуть цѣликомъ, ибо черная смерть даже въ западной Европѣ появилась позже стригольниковъ, а объясненіе ереси идейнымъ вліяніемъ безъ наличности матеріальной основы ничего не объясняетъ. Объясненіе Никитскаго гораздо ближе къ истинѣ. Но онъ не правъ въ томъ отношеніи, что считаетъ упадокъ церкви новымъ явленіемъ и видитъ отрицательную сторону тогдашняго церковнаго устройства почти исключительно въ симоніи; съ другой стороны, онъ опять-таки никакъ не можетъ обойтись безъ западнаго вліянія. Между тѣмъ исходный пунктъ ереси лежитъ въ мѣстныхъ псковскихъ церковныхъ отношеніяхъ, съ трудомъ уживавшихся рядомъ съ феодальной организаціей новгородской архіепископской каѳедры, которой былъ подчиненъ Псковъ въ церковномъ отношеніи. Изъ этого столкновенія между городской церковной организаціей, сложившейся въ Псковѣ, съ притязаніями феодальнаго сеньера, какимъ былъ новгородскій архіепископъ, и родилась секта стригольниковъ.

Въ началѣ XIV столѣтія Псковъ фактически сталъ вполнѣ независимымъ отъ Новгорода въ политическомъ отношеніи, и сейчасъ же замѣчается стремленіе псковичей добиться независимости отъ Новгорода въ церковномъ отношеніи. Зависимость Пскова выражалась въ правѣ новгородскаго архіепископа собирать пошлины съ псковского духовенства за посвященіе и десятинныя, и призывать псковскихъ клириковъ къ своему суду. Право суда новгородскаго архіепископа было опять-таки сопряжено со сборами и вовлекало псковскихъ клириковъ въ большіе расходы: судъ совершался не въ самомъ Псковѣ, а въ Новгородѣ, куда клирикамъ приходилось ѣздить по зову владыки. Такимъ образомъ, зависи-

мость псковской церкви отъ епископа носила чисто фискальный характеръ; по своей же организаціи псковская церковь была совершенно самостоятельной и выработала своеобразное устройство.

Какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Псковѣ, это устройство опредѣлялось не церковными канонами, а военно-купеческой организаціей города. Въ гражданскомъ отношеніи Псковъ былъ союзомъ концовъ, улицъ и сотенъ; каждая ячейка, входившая въ составъ обще-городского союза, была также и религіозной организаціей; такими же религіозными организаціями были и другія товарищества, создавшіяся позднѣе уже на почвѣ обще-торговыхъ интересовъ, а не на почвѣ территоріальнаго распредѣленія, послѣ того какъ торговля уже утратила свой разбойническій характеръ и стала нормальнымъ экономическимъ явленіемъ. Каждая улица, каждый конецъ, каждая гильдія была въ то же время религіозной братчиной со своимъ собственнымъ культомъ, адресованнымъ своему собственному патрону. Патрономъ былъ какой-либо изъ христіанскихъ святыхъ, причемъ по отношенію къ наиболѣе стариннымъ братчинамъ возможно предполагать, что христіанскіе святые замѣстили собой прежнихъ языческихъ боговъ: по крайней мѣрѣ, ритуалъ праздниковъ въ честь патрона непремѣнно содержалъ въ себѣ жертвенный пиръ послѣ богослуженія и обычные для стариннаго культа „позоры“, т.-е. игры, пѣсни и пляски при участіи скомороховъ. Ритуальный характеръ такихъ пировъ яснѣе всего обнаруживается изъ ихъ организаціи и изъ того обстоятельства, что преступленіямъ, совершившимся во время этихъ пировъ, придавался особый сакральный характеръ: они не подлежали общей юрисдикціи, а разбирались самой братчиной. Для устройства пиршества члены братчины должны были обязательно дѣлать особый взносъ, и предсѣдателемъ пира былъ братчинскій староста; староста же наблюдалъ за порядкомъ во время этихъ пировъ и былъ участникомъ братчинскаго суда. Юрисдикція братчины была вполнѣ независима отъ княжеской и обладала полнотою судебнаго авторитета: „а въ пиру учинится татьба, ино къ пировому старостѣ, или къ пивцомъ явити, а государю нѣтъ“; а кто съ кѣмъ побьется въ Псковѣ... на пиру.... ино ту князю продажи нѣтъ“..... „а братьщина судитъ, какъ судьи“. Изъ такихъ братчинъ въ Псковѣ выдвигалась Софійская братчина, въ Новгородѣ— братчины Бориса и Глѣба, Ивана на Опокахъ, Никольщина; такія же братчины были и въ остальныхъ болѣе круп-

ныхъ Новгородскихъ пригородахъ, напр., въ Старой Руссѣ и въ Торжкѣ.

Духовенство, служившее въ церквахъ псковскихъ братчинъ, зависѣло прежде всего отъ братчиковъ. Братчины представляли кандидатовъ архіепископу и всегда могли смѣнить попа, если онъ имъ не нравился. При такихъ условіяхъ, какъ члены братчины, такъ и духовенство, мирились съ поборами новгородскаго архіепископа только до тѣхъ поръ, пока Псковъ находился въ политической зависимости отъ своего старшаго брата. Какъ только эта зависимость уничтожилась, псковскія братчины рѣшили, что имъ нѣтъ болѣе никакой надобности платить новгородскому архіепископу за посвященіе поповъ, посылать къ нему на судъ своихъ клириковъ и тратиться на его пріемы только потому, что безъ его благословенія нельзя было поставить попа. И уже въ 1307 году псковичи отправили тогдашнему архіепископу Ѳеоктисту депутацію съ просьбой имѣть своего епископа. Какъ и надо было ожидать, Ѳеоктистъ отнесся къ этой просьбѣ очень неблагосклонно, и было ясно, что добромъ новгородскій владыка никогда не согласится на отказъ отъ такой доходной статьи, какою былъ Псковъ; тогда началась упорная борьба псковичей съ притязаніями новгородскаго владыки. Въ этой борьбѣ приняли одинаковое участіе и міряне и духовенство. Въ сороковыхъ годахъ XIV в. псковичи добились очень важной уступки: вмѣсто боярина изъ софіянъ, какому раньше новгородскій владыка отдавалъ Псковъ на кормленіе, „владычникъ“ сталъ назначаться изъ псковскихъ бояръ; затѣмъ владыка долженъ былъ замѣнить свои наѣзды въ Псковъ, которые онъ совершалъ по мѣрѣ надобности, въ зависимости отъ состоянія своей казны, визитаціями въ опредѣленные сроки. Эти мѣры ограничили поборы архіепископа съ псковской церкви и сократили до минимума его вмѣшательство въ псковскую церковную жизнь. Въ сущности, Псковская церковь стала теперь почти совершенно независимой отъ новгородскаго епископа организаціей, обязанной ему только опредѣленными денежными поборами. „Божіе священство“ во Псковѣ въ новгородскомъ владыкѣ видѣло не своего духовнаго главу, а надоѣдливаго сеньёра, которому какъ это ни было досадно, приходилось время отъ времени посылать дары деньгами или натурой. Чтобы тяжесть этихъ поборовъ была распредѣлена равномѣрно, псковское духовенство соединилось въ соборы, добровольныя корпоративныя соединенія для распредѣленія владычнаго тягла.

Конфликтъ между городскими церковными мірами и ихъ феодальнымъ владыкой разрѣшился компромиссомъ. Но, какъ всегда бываетъ, нашлись непримиримые элементы, которые не хотѣли довольствоваться такимъ компромиссомъ. Если мы возьмемъ доктрину стригольниковъ такъ, какъ она есть, не прибѣгая къ сопоставленіямъ съ доктриною катаровъ или бичевальщиковъ, или къ болѣе чѣмъ рискованному сравненію стригольниковъ съ раскольниками-безпоповцами, то мы безъ труда найдемъ объясненіе этой доктринѣ изъ только что описаннаго состоянія псковской церкви въ XIV в. Душою партіи были не одни міряне, но и духовные, т.-е. тѣ самыя лица, которымъ приходилось урывать немалыя доли изъ своихъ доходовъ для удовлетворенія сборщиковъ владычнаго тягла. Компромиссъ ихъ не удовлетворялъ, своего владыку получить было нельзя—отсюда для непримиримыхъ оставался только одинъ выходъ: отвергнуть законность и необходимость высшей церковной іерархіи. И вотъ стригольники „оклеветали весь вселенскій соборъ"; основанія для клеветы еретикамъ, изучившимъ „словеса книжныя", подыскать было нетрудно. Первое самое главное основаніе заключалось въ томъ, что патріархи, митрополиты и епископы „духопродавчествуютъ"—берутъ мзду за поставленіе клириковъ. Противъ этого неопровержимаго аргумента новгородкіе оппоненты не сумѣли возразить ничѣмъ инымъ, какъ констатированіемъ факта, что плата за поставленіе существуетъ повсюду, и, слѣдовательно, это не есть мзда, запрещенная канонами; и только патріархъ константинопольскій, котораго просили написать обличеніе противъ еретиковъ, нашелъ болѣе разумную отговорку, что платежи рукополагаемыхъ являются ихъ добровольными и благословными дарами въ возмѣщеніе расходовъ на свѣчи, вино, обѣды и подобныя издержки. Такія возраженія не въ силахъ были опровергнуть повсемѣстнаго существованія мзды; вся іерархія, такимъ образомъ, отрицалась, а вмѣстѣ съ этимъ падала и зависимость Пскова отъ какого бы то ни было церковнаго начальства. Сдѣлавъ такой радикальный выводъ, стригольники должны были признать, что если вездѣ посвященіе происходитъ на мздѣ, то нигдѣ нельзя найти истиннаго священства; но разъ истинной іерархіи нѣтъ, то, очевидно, она и не нужна. И стригольники тотчасъ же нашли въ священномъ писаніи, что апостолъ Павелъ повелѣлъ учить и простому человѣку. И вотъ, на мѣсто „учителей пьяницъ, которые ядятъ и пьютъ съ пьяницами и взимаютъ съ нихъ злато, серебро и порты отъ жи-

выхъ и мертвыхъ", еретики поставили сами себя учителями надъ народомъ—„творили себя головою, будучи ногою, творили себя пастырями, будучи овцами", какъ картинно выражается одинъ изъ ихъ обличителей. И начались „страшныя вещи": міряне судятъ поповъ и казнятъ ихъ; восхищаютъ сами на себя санъ священства и совершаютъ крещеніе: „мужики озорные на крылосѣ поютъ и паремью и апостолъ на амвонѣ чтутъ да еще и въ алтарь ходятъ". Характернѣе всего была та позиція, какую заняли еретики по отношенію къ главной функціи молитвенниковъ въ удѣльной Руси: къ молитвамъ за умершихъ. Уже Карпъ-стригольникъ говорилъ, что „недостоитъ надъ умершими пѣти, ни поминати, ни службы творити, ни приноса за мертвыми приносити къ церкви, ни пировъ творити, ни милостыни давати за душу умершаго". Для насъ неясно теперь, на чемъ Карпъ основывалъ отрицаніе молитвъ за умершихъ; можно предполагать, что онъ, вѣроятно, считалъ неправильнымъ ученіе о томъ, будто человѣкъ можетъ спастись жертвами и молитвами другихъ, не имѣя собственныхъ заслугъ.

Мы постарались выяснить здѣсь самыя общія черты стригольнической доктрины. Какъ видитъ читатель, она чисто отрицательнаго характера, элементы положительнаго вѣроученія въ ней почти отсутствуютъ. Эта черта опять-таки указываетъ на связь стригольничества со стремленіемъ псковичей къ церковной автономіи: догматическихъ споровъ, какіе возникли вѣкъ спустя, когда явились жидовствующіе, тутъ и не было; ихъ не было и въ Твери, куда также проникло стригольничество. Правда, въ одномъ изъ своихъ посланій, митрополитъ Фотій около 1420 года говоритъ, что среди еретиковъ существовали и такіе, которые будто бы отрицали даже „евангельскія и апостольскія благовѣсти", признавали Богомъ только отца небеснаго и отрицали общественный культъ со всѣми его принадлежностями. Но тутъ мы находимъ уже ясныя точки соприкосновенія съ тѣмъ многограннымъ религіознымъ и раціоналистическимъ движеніемъ второй половины конца XV в., которое извѣстно подъ названіемъ ереси жидовствующихъ.

Вопросъ о жидовствующихъ совершенно запуталъ историковъ церкви. Всѣ они чувствуютъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ широкимъ и сложнымъ явленіемъ, сыгравшимъ немаловажную роль въ событіяхъ конца XV и начала XVI вв; но для оцѣнки этого явленія въ ихъ распоряженіи находились такія данныя, къ которымъ приходилось относиться съ

большой осторожностью. Еще если бы ересь была обнаружена только въ Новгородѣ, ее легко можно бы было объяснить по связи со стригольниками. Но ересь, по словамъ Іосифа Волоцкаго, проникла и въ Москву, ко двору самого князя; заразила будто бы самого митрополита Зосиму, а потомъ перекинулась въ заволжскіе скиты. Очевидно, что, несмотря на увѣренія Іосифа, что всѣ еретики держались однихъ и тѣхъ же взглядовъ, дѣло было не совсѣмъ такъ; но не будучи въ силахъ распутать этотъ клубокъ противорѣчій, такой осторожный и добросовѣстный изслѣдователь, какъ А. С. Архангельскій, пришелъ къ отчаянному выводу, что никакой ереси не было, а были только отдѣльныя лица, высказывавшія критическія мнѣнія по поводу различныхъ вопросовъ вѣроученія и церковнаго управленія. На противоположномъ полюсѣ стоитъ Е. Е. Голубинскій, какъ-будто растерявшій во II томѣ своей „Исторіи русской церкви" все то критическое чутье, которое послѣ перваго тома составило ему громкую славу „научнаго" церковнаго историка. Голубинскій предпочелъ приговору собора 1490 г. и свидѣтельству Геннадія, лично имѣвшаго дѣла съ еретиками, обличительныя рѣчи Іосифа Волоцкаго, который, сидя до 1503 г. безвыѣздно въ своемъ монастырѣ, ни разу не видалъ и не слыхалъ ни одного еретика, и безъ дальнихъ разысканій объявляетъ, что „ересь жидовствующихъ въ ея собственномъ видѣ представляла изъ себя не что иное, какъ полное и настоящее іудейство или жидовство съ совершеннымъ отрицаніемъ христіанства"; кромѣ того, Голубинскій находитъ „несобственный" видъ ереси, заключавшійся въ христіанскомъ вольномысліи, о которомъ, однако, онъ, въ согласіи съ Іосифомъ, ничего опредѣленнаго сказать не можетъ. Между этими двумя крайностями стоитъ среднее мнѣніе Панова, который, основываясь главнымъ образомъ на показаніяхъ Геннадія, считаетъ ересь жидовствующихъ непосредственнымъ продолженіемъ стригольничества, случайно испытавшемъ на себѣ незначительное вліяніе іудейства.

При наличности такихъ разногласій приходится прежде всего оцѣнить тѣ источники, которые сообщаютъ намъ о ереси жидовствующихъ. У насъ имѣются, во-первыхъ, посланія новгородскаго архіепископа Геннадія объ еретикахъ, содержащія отрывочныя данныя о нихъ, которыя теряются среди жалобъ на бездѣйствіе московскихъ властей; во-вторыхъ, приговоръ собора 1490 г. по дѣлу о еретикахъ, передаваемый новгородской лѣтописью; въ-третьихъ, сочиненіе Іосифа Волоцкаго

„Просвѣтитель“, цѣликомъ посвященное изобличенію ереси; оно заключаетъ въ себѣ 16 словъ, изобличающихъ различныя заблужденія еретиковъ, и въ качествѣ предисловія даетъ небольшой историческій очеркъ ереси, въ которомъ утверждается, что ересь изъ Новгорода проникла въ Москву, и указываются поименно московскіе еретики. Цѣнность первыхъ двухъ источниковъ не подлежитъ никакому сомнѣнію: они документально удостовѣряютъ существованіе ереси въ Новгородѣ и даютъ возможность судить о ея характерѣ. Но зато цѣнность сообщеній „Просвѣтителя“ болѣе чѣмъ сомнительна, и если даже Голубинскій вполнѣ довѣрился ему, то это только доказываетъ, съ какимъ трудомъ пробиваетъ себѣ дорогу критическое отношеніе къ писаніямъ борцовъ за православіе, хотя бы кости ихъ уже болѣе четырехъ вѣковъ сгнили въ могилѣ. Іосифъ писалъ объ ереси по слухамъ, и если характеризовать ересь при помощи его указаній, то мы наткнемся на непримиримыя противорѣчія между первыми четырьмя словами и остальными; далѣе, показанія Іосифа не во всемъ сходятся съ показаніями его корреспондента, Геннадія: допуская іудейское вліяніе, Геннадій думаетъ, что еретики находились подъ вліяніемъ мессаліанской и маркелліанской ересей, для Іосифа же словомъ *жидъ* сказано все, и съ его легкой руки и пошелъ терминъ *жидовствующіе*. Наконецъ, про московскихъ еретиковъ Іосифъ можетъ сказать только, что они „баснословія нѣкая и звѣздозаконію учаху, и по звѣздамъ смотрѣти и строити роженіе и житіе человѣческое, а писаніе божественное презирати, яко ничтоже суще и непотребно человѣкомъ“, и что главарь московскихъ еретиковъ, митрополитъ Зосима, былъ человѣкомъ „объядаяйся и упиваяйся и свинскимъ житіемъ живый“, который „обрѣтая простѣйшихъ, напоялъ ихъ ядомъ жидовскимъ“; вздорность всѣхъ этихъ обвиненій, поскольку они касались религіозныхъ взглядовъ, сразу станетъ для насъ ясна, какъ только мы вспомнимъ, что всѣ, поименованныя Іосифомъ въ качествѣ московскихъ еретиковъ, лица были горячими сторонниками секуляризаціи церковныхъ имуществъ и, слѣдовательно, политическими противниками Іосифа. Поэтому приходится отказать „Просвѣтителю“ въ какой бы то ни было цѣнности для исторіи ереси въ Новгородѣ и использовать его только какъ матеріалъ для исторіи великой церковно-политической борьбы, ознаменовавшей собою конецъ XV и первую половину XVI вв. и создавшей государственную московскую церковь на развалинахъ удѣльнаго феодализма.

Появленіе ереси въ Новгородѣ совпало съ ожесточенной борьбою новгородскихъ партій передъ вторымъ походомъ Ивана III на Новгородъ. Эта борьба съ самаго начала была не чужда нѣкоторыхъ религіозныхъ мотивовъ. Сокрушившая Псковъ и готовая сокрушить Новгородъ Москва казалась боярству и его религіознымъ идеологамъ антихристовымъ царствомъ; когда падетъ Новгородъ, восторжествуетъ антихристъ, и вскорѣ настанетъ кончина міра. Это ожиданіе находило себѣ поддержку въ церковномъ документѣ: пасхалія была разсчитана только до 1492 г., который долженъ былъ соотвѣтствовать 7000 году отъ сотворенія міра, а 7000 лѣтъ—это срокъ существованія міра. Въ одномъ сборникѣ XV вѣка къ пасхаліи была сдѣлана особая приписка, въ которой говорилось между прочимъ: „сіе лѣто на концѣ явися, въньже чаемъ всемірное торжество пришествіе твое"; такая же приписка повторяется въ лѣтописяхъ XV в., и ею оперируютъ въ поученіяхъ наши тогдашніе іерархи. Торжество Москвы надъ Новгородомъ сопровождалось поистинѣ антихристовымъ дѣломъ: помимо разгрома боярства, Иванъ III разгромилъ и новгородскую церковь, секуляризировавъ добрую половину земель новгородскаго архіепископа и монастырей для раздачи служилымъ людямъ. Предположенныя Иваномъ III такія же мѣры по отношенію къ монастырямъ центральной Руси соблазняли даже такихъ людей, какъ Геннадій или Іосифъ Волоцкій: они также серьезно помышляли о близкой кончинѣ міра, хотя видѣли ея ближайшіе признаки въ иномъ явленіи, а именно: въ появленіи еретиковъ и въ благоволеніи къ нимъ московскаго князя.

Новгородская ересь появляется одновременно съ оживленіемъ эсхатологическихъ чаяній. Іосифъ приводитъ, со словъ Геннадія, имена первыхъ новгородскихъ еретиковъ съ обозначеніемъ ихъ профессіи: изъ 23 лицъ 15 человѣкъ—попы, или крылошане, или сыновья поповъ, а остальные, судя по прозвищамъ (Гризя Клочъ, Мишукъ Собака, Васюкъ Сухой и др.), принадлежали къ демократической, московской партіи. Если мы вспомнимъ, что новгородское бѣлое духовенство, такъ же, какъ черные люди, было въ полномъ подчиненіи у боярства и архіепископа, то для насъ ясны будутъ причины московскихъ симпатій новгородскихъ еретиковъ. Ихъ идеологія также коренится въ перипетіяхъ партійной борьбы конца XV вѣка—и, съ одной стороны, развиваетъ доктрину стригольниковъ, поскольку она критиковала вѣроученіе и обрядность феодальной церкви, съ другой стороны, вооружается противъ

эсхатологическихъ ожиданій боярской партіи, которыя, до извѣстной степени, были, конечно, пріемомъ партійной борьбы, средствомъ воздѣйствія на суевѣрный черный людъ. Доводы еретиковъ были обставлены такимъ ученымъ аппаратомъ, съ которымъ представителямъ феодальной церкви, привыкшимъ къ начетническому методу, бороться было трудно. Еретики воспользовались всѣми тѣми источниками культурнаго просвѣщенія, какіе представляла широкая новгородская торговля, и не только знали такія книги священнаго писанія, какъ кн. Бытія, Царствъ, Притчи, Іисуса Сирахова, которыя не были извѣстны даже архіепископу Геннадію, но имѣли понятія о такихъ отцахъ церкви, какъ Діонисій Ареопагитъ; знали логику, и познакомились со средневѣковой іудейской каббалой, астрономіей и астрологіей. Послѣднее обстоятельство и дало Іосифу Волоцкому возможность, предвосхищая методъ современныхъ истинно-русскихъ людей, найти сразу и безошибочно корень зла: „жидовинъ именемъ Схарія... діаволовъ сосудъ и изученъ всякаго злодѣйства изобрѣтенію, чародѣйству же и чернокнижію, звѣздозаконію же и астрологы", пріѣхавшій въ 1471 г. въ Новгородъ, и три другихъ „жида" изъ Литвы, пріѣхавшихъ вслѣдъ за Схаріей, „прельстили" первыхъ еретиковъ, попа Дениса и протопопа Алексѣя: жиды научили ихъ жидовству, велѣли втайнѣ быть жидами, а снаружи казаться христіанами, и превратили ихъ въ самыхъ ревностныхъ пропагандистовъ жидовства. Открывъ, такимъ образомъ, корень ереси, Іосифъ немного ниже разсказываетъ, что Иванъ III, посѣтившій Новгородъ въ 1480 г., взялъ съ собою и Алексѣя и Дениса и опредѣлилъ перваго протопопомъ въ церковь Успенія, а второго—попомъ къ Архангелу; чувствуя, что такой поступокъ царя по отношенію къ „явнымъ жидамъ" былъ чисто антихристовымъ дѣйствіемъ, и не рѣшаясь въ то же время отождествить великаго князя съ антихристомъ, Іосифъ объясняетъ этотъ пассажъ тѣмъ, что Алексѣй „волхвованіемъ подойде державнаго". Но эта лазейка не можетъ спасти схемы Іосифа отъ краха въ глазахъ всякаго непредубѣжденнаго критика; и мы сейчасъ увидимъ, что въ религіозныхъ воззрѣніяхъ еретиковъ „жидовства" почти не было.

Москва была для боярской партіи въ Новгородѣ царствомъ антихриста. Еретики, какъ представители московской партіи, прежде всего должны были опровергнуть это воззрѣніе. Они не поступили въ этомъ случаѣ такъ, какъ поступилъ московскій лѣтописецъ, предложившій новгородцамъ

Великій постригъ.

Оригиналъ картины М. В. Нестерова *Великій постригъ* находится въ Русскомъ Музеѣ императора Александра III въ СПБ. (№ 1631). Нѣкоторыя общія замѣчанія о Нестеровской кисти приведены въ 1-мъ томѣ «Русской исторіи» (см. вкладку послѣ 176 стр.) и не требуютъ здѣсь повторенія. Картина живописуетъ цѣлое историческое явленіе, когда-то характерное для русскаго прошлаго и давно уже успѣвшее выродиться: обрядъ великаго постриженія. Авторъ трактуетъ его, какъ художникъ, обладающій даромъ непосредственнаго творчества и, какъ всегда, помѣщаетъ свой сюжетъ среди тонко схваченныхъ чертъ русской природы. Идеалистическое направленство художника не портитъ картины, удивительно подчеркивая эту ребяческую простоту и вмѣстѣ классическую пустоту идеализма. По сюжету картина схватываетъ одно изъ несомнѣнно крупныхъ когда-то явленій русскаго прошлаго, а по пріемамъ изображенія она цѣнна для изученія мучительной эволюціи русской общественной мысли. Направленіе кисти М. Нестерова есть направленіе умирающее и въ сущности даже умершее; оно переживаетъ моменты агоніи, и если произведенія М. Нестерова сопоставить съ тѣмъ идеалистическимъ бредомъ, который все еще можно было наблюдать на европейскихъ картинныхъ выставкахъ 1910 года, собравшихъ картины послѣднихъ лѣтъ, то среди этого могильнаго царства идеализма М. Нестеровъ свѣтитъ очень ярко. Всѣ пошлыя черты идеалистическаго производства, взятаго въ цѣломъ,—прекрасный матеріалъ для общественной установки началъ противоположнаго міровоззрѣнія.

В. Стор.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ". Изд. Т-ва „МІРЪ".

„на себя оборотиться“: это въ „окаянную Марөу“ вошелъ „прелестникъ-діаволъ“, а Ивану III, напротивъ, въ походѣ на Новгородъ сопутствовали ангелы. Для просвѣщенныхъ новгородскихъ еретиковъ такое состязаніе было ненужно: имъ былъ извѣстенъ іудейскій „Шестокрылъ“, книга, очень распространенная въ то время между книжными людьми изъ среды городского духовенства, и изъ этого „Шестокрыла“ помимо всякаго Схаріи и иныхъ „жидовъ“, еретики могл, узнать, что по іудейскому счету отъ сотворенія міра прошли почти на 750 лѣтъ меньше, чѣмъ по христіанскому; а тако какъ іудейскій счетъ велся по оригиналу, по еврейской библіи а не по александрійскому переводу (въ которомъ хронологиъ ческія данныя не сходятся съ еврейскими), и такъ какъ, далѣе, послѣ окончанія библейскихъ временъ, іудеи вели счетъ времени по прежнему библейскому способу, а официальная церковь пользовалась языческимъ юліанскимъ календаремъ,— то было ясно, какому лѣтоисчисленію нужно отдать предпочтеніе. А разъ въ 1492 г. будетъ не 7000, а только около 5250 лѣтъ отъ сотворенія міра, то значитъ, всѣ толки о второмъ пришествіи не имѣютъ подъ собою никакого основанія, и Москва ничего антихристова въ себѣ не содержитъ. Но начавъ съ критики эсхатологическихъ представленій, еретики не ограничились ею, а пошли дальше. Эта церковь, которая противополагаетъ себя московскому государству, какъ антихристу, полна всяческихъ заблужденій и учитъ явнымъ несообразностямъ. Надо поклоняться иконамъ, какъ божественнымъ вещамъ: но „то суть дѣла рукъ человѣческихъ, уста имутъ и не глаголютъ; подобны будутъ вси надѣющіяся на ня“,—и еретики не только не поклонялись иконамъ, но „хулили и ругались имъ“, причемъ въ описаніи этихъ поруганій усердные доносчики Геннадія не стѣснялись никакими красками. За критикой иконопоклонства слѣдовала критика богочеловѣчества Іисуса Христа: его еретики считали пророкомъ, подобнымъ Моисею, но не равнымъ богу-отцу, находя, что немыслимо „богу на землю снити и родитися отъ дѣвы, яко человѣкъ“; богъ единъ, а не троиченъ, ибо въ разсказѣ о явленіи бога Аврааму у дуба Мамври ясно говорится, что тутъ былъ богъ и два ангела, а не три лица троицы. Другими словами, еретики были строгіе монотеисты и отрицали всѣ предметы культа, которые хотя бы косвенно напоминали о политеизмѣ: троичность лицъ, иконы, мощи, кресты и т. д. Но ученія Христа еретики не только не отвергали, но даже совершали евхаристію, понимая ее, однако, въ

реформатскомъ духѣ: хлѣбъ — просто хлѣбъ, вино — просто вино, это только символы, а не подлинное тѣло и кровь Христовы. За критикой вѣроученія шла критика церковной организаціи. Мы не знаемъ, какъ относились еретики къ высшей церковной іерархіи, но слѣдуетъ предполагать, что они отвергали ее; по крайней мѣрѣ, Геннадій жалуется на одного изъ еретиковъ, чернеца Захара, который не причащался самъ и не причащалъ другихъ на томъ основаніи, что не у кого причащаться: всѣ поставлены „на мздѣ“—старый стригольническій мотивъ. Послѣ этого мы можемъ повѣрить Іосифу, который увѣряетъ, что еретики считали монашество человѣческимъ измышленіемъ и лицемѣріемъ и отвергали главную функцію молитвенниковъ—молитвы за умершихъ: „а что то царство небесное, а что то второе пришествіе, а что то воскресеніе мертвыхъ? ничего такого нѣтъ, умеръ инъ, то умеръ, по та мѣсто и былъ...“

Эти еретическія мнѣнія пришлись какъ нельзя болѣе кстати къ той церковно-политической борьбѣ, которая разыгрывалась въ это же время въ Москвѣ. Яблокомъ раздора были огромныя монастырскія земли, вопросъ о секуляризаціи которыхъ былъ властно поставленъ послѣ экспропріаціи новгородскаго боярства и церкви въ пользу „служилыхъ людей“.*) Естественно, что еретики и сочувствующіе имъ должны были найти въ Москвѣ не только „ослабу“, но и прямое покровительство. На митрополичій престолъ былъ возведенъ Зосима, который былъ горячимъ сторонникомъ конфискаціи земельныхъ владѣній церкви и, повидимому, раціоналистомъ. Это былъ прямой вызовъ, и началась жестокая борьба, въ которой обѣ стороны мобилизовали лучшія свои силы.

Мы видѣли уже, что противъ московскихъ „жидовствующихъ“ Іосифъ не могъ выставить никакихъ иныхъ обвиненій, кромѣ того, что они занимались астрономіей и астрологіей и вообще, какъ болѣе или менѣе образованные люди, усвоили себѣ раціоналистическій взглядъ на религію: „душа самовластна, заграда ей вѣра“—любилъ повторять, цитируя апокрифическое Лаодикійское посланіе, великокняжескій дьякъ Ѳедоръ Курицынъ, который былъ душою московскихъ вольнодумцевъ и устроилъ у себя „салонъ“. Но зато какъ нельзя болѣе ясно обнаруживается связь московскихъ вольнодумцевъ со старобоярской партіей. Опорой ихъ была прежде всего

*) Политическіе мотивы этой борьбы найдутъ оцѣнку въ слѣдующей главѣ; здѣсь же оцѣнивается только отношеніе къ вопросу различныхъ слоевъ клира и тѣ средства, посредствомъ которыхъ церковь отстояла свое имущество.

княгиня Елена, сынъ которой, Дмитрій, былъ первоначальнымъ кандидатомъ на престолъ, и такіе два боярина, какъ князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, будущій Вассіанъ, и Семенъ Ивановичъ Ряполовскій. Митрополитъ Зосима былъ ихъ ставленникомъ; что бы ни говорилъ о немъ и о прочихъ „еретикахъ“ Іосифъ, но такія обвиненія, что еретики „всегда собирающеся тайно по всѣхъ мѣстѣхъ, идѣже кто обрѣташеся, и жертвы жидовскія жряху, и пасху жидовскую, и праздники жидовскіе творяху“, всегда останутся ничѣмъ инымъ, какъ только тенденціознымъ домысломъ не знающаго границъ политическаго сыска. Московскіе „еретики“ денно и нощно указывали князю на то, что не пристало монахамъ владѣть вотчинами; этого было достаточно, чтобы обвинить ихъ во всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ мерзостяхъ.

Застрѣльщикомъ въ борьбѣ противъ еретиковъ былъ новгородскій архіепископъ Геннадій, близкій другъ и единомышленникъ Іосифа Волоцкаго. Онъ засыпалъ и Іосифа, и митрополита, и самого князя, и другихъ вліятельныхъ лицъ посланіями, въ которыхъ жаловался на еретиковъ, требовалъ суда надъ ними и съ горестью указывалъ, что въ Москвѣ они живутъ въ „ослабѣ“. Однако, старанія его увѣнчались успѣхомъ только наполовину. Въ 1490 г. Зосима (еретикъ!) созвалъ первый соборъ на еретиковъ, которому были преданы новгородскіе еретики, обнаруженные сыскомъ въ Новгородѣ и въ Москвѣ. Изъ приговора этого собора, основаннаго на розыскахъ Геннадія и московскихъ сыщиковъ, мы и заимствуемъ тѣ свѣдѣнія о доктринѣ новгородскихъ еретиковъ, которыя приведены выше; несмотря на тотъ мутный источникъ, изъ котораго заимствовалъ свои свѣдѣнія соборъ 1490 г., все-таки его сужденію приходится придавать болѣе вѣры, чѣмъ домысламъ Іосифа. Приговоръ собора надъ еретиками оказался также не столь рѣшительнымъ, какъ того желали бы противники ереси. Вмѣсто безпощадной казни, которой требовалъ для еретиковъ Геннадій, они были только отлучены отъ церкви и преданы проклятію; а великій князь, въ распоряженіе котораго еретики были отданы соборомъ для „градской казни“, ограничился тѣмъ, что нѣсколькихъ лицъ, считавшихся главарями ереси, приговорилъ къ заточенію, а другихъ— къ болѣе легкимъ наказаніямъ. Но самые главные въ глазахъ „осифлянъ“ еретики, участники кружка Ѳедора Курицына, не только не были наказаны, но пріобрѣли еще большій авторитетъ: въ 1492 г. пасхалія благополучно окончилась, и никакой кончины міра, которой ждали и Іосифъ и Геннадій, не послѣдовало,

а въ 1497 году неожиданно открылся заговоръ на жизнь Дмитрія, и всѣ приверженцы Софьи, они же противники еретиковъ, попали въ опалу, въ томъ числѣ Челяднины, личные друзья и покровители Іосифа. Это послѣднее событіе парализовало нѣкоторый успѣхъ осифлянъ, заключавшійся въ томъ, что въ 1495 г. имъ удалось добиться смѣщенія Зосимы и замѣны его своимъ единомышленникомъ, Симономъ, имѣвшимъ, правда, мало вліянія. Вся борьба сосредоточилась послѣ 1497 года при дворѣ; осифляне видѣли, что пока они не добьются вліянія на князя, имъ нечего и мечтать о сохраненіи своихъ позицій. Желанный мигъ, наконецъ, насталъ: въ 1499 году ловкая интрига, которую вела Софья, увѣнчалась успѣхомъ: князь вернулъ свое расположеніе Софьѣ и Василію, а вожди старобоярской партіи попали въ опалу. Ряполовскому отрубили голову, а отца и сына Патрикѣевыхъ постригли въ монахи и сослали въ заволжскіе скиты. Оставалось только пользоваться благопріятными обстоятельствами, чтобы отвести грозу отъ монастырскихъ имуществъ, которая надвигалась теперь уже совершенно открыто: въ 1500 году князь устроилъ нѣсколько частныхъ совѣщаній по вопросу о томъ, достоитъ ли монастырямъ и церквамъ владѣть имуществами. Вслѣдствіе частнаго характера этихъ совѣщаній, мы не имѣемъ ихъ протоколовъ; но извѣстно, что въ нихъ участвовали Нилъ Сорскій и Паисій Ярославовъ, на которыхъ опирался великій князь, такъ что Симону пришлось пустить въ ходъ противъ заволжскихъ старцевъ весь запасъ примѣровъ изъ ветхаго завѣта, церковной исторіи и житій святыхъ, чтобы поколебать позиціи противниковъ церковнаго вотчиновладѣнія.

Для осифлянъ стало очевидно, что для сохраненія монастырскихъ имуществъ недостаточно одной борьбы съ „еретиками“: дѣло оказывалось гораздо сложнѣе, касалось самаго животрепещущаго вопроса тогдашней государственной жизни. Если церковь хотѣла сохранить за собою земли, то ей нужно было сдѣлать нѣчто большее, чѣмъ простой оговоръ въ ереси противниковъ вотчиновладѣнія; церковь должна была пойти навстрѣчу стремленіямъ московскихъ князей, санкціонировать „самодержавіе“ московскаго князя и поступиться при этомъ всѣми тѣми правами, которыя превращали церковныя учрежденія въ государство въ государствѣ. Мало этого, церковь должна была признать единымъ главою надъ собою московскаго князя; и ничего другого ей не оставалось дѣлать послѣ того, какъ ея удѣльные сеньёры готовы были пожертвовать спокойствіемъ душъ своихъ предковъ, лишь бы спасти отъ раз-

грома себя самихъ и свои вотчины. И вотъ, тотчасъ же послѣ совѣщанія 1500 г. въ доводахъ осифлянъ чувствуется новая нотка: все чаще и чаще ихъ аргументація переходитъ изъ сферы религіи въ область политики, а подъ конецъ принимаетъ чисто политическій характеръ.

Первымъ симптомомъ новаго характера отношеній церкви къ московскому князю надо считать поставленіе митрополита Симона, совершившееся нѣсколько необычнымъ порядкомъ. Послѣ формальнаго избранія его на соборѣ епископовъ по указанію великаго князя, во время торжественнаго посвященія новаго митрополита, великій князь собственноручно „предалъ его епископамъ“ и повелѣлъ ему „принять жезлъ пастырства и взойти на сѣдалище старѣйшинства“. Этотъ невиданный доселѣ обрядъ подмѣченъ былъ уже тогдашними лѣтописцами, и хотя значеніе его, пока что, было чисто формальное, но онъ могъ служить для осифлянъ перстомъ, указующимъ имъ ихъ линію поведенія. Соборъ 1503 г., созванный офиціально для разрѣшенія второстепеннаго вопроса о вдовыхъ попахъ, еще разъ показалъ осифлянамъ, что медлить съ дѣйствіями не приходится, и что опять-таки центръ тяжести всего вопроса заключается въ установленіи новыхъ отношеній къ „державѣ“ московскаго князя.

Когда вопросъ о вдовыхъ попахъ былъ рѣшенъ, князь неожиданно предложилъ собору рѣшить вопросъ о монастырскихъ имуществахъ. Это предложеніе свалилось, какъ снѣгъ на голову осифлянской партіи, главный дѣятель которой, Іосифъ, въ это время уже уѣхалъ съ собора. За нимъ послали въ догоню; онъ вернулся и сумѣлъ защитить монастырскія имущества, но чувствовалось, что это только отсрочка. Нужно было дѣйствовать, и Іосифъ тотчасъ послѣ собора воспользовался болѣзненнымъ состояніемъ престарѣлаго князя, чтобы окончательно взять его въ свои руки и подвигнуть предъ смертью на душеспасительное дѣло, особенно пріятное господу богу: на розыскъ и казнь еретиковъ. Соборъ 1504 года былъ, въ противоположность собору 1490 г., расправой быстрой и жестокой; выслушавъ (по разсказу Іосифа) „многихъ истинныхъ свидѣтелей“, соборъ предалъ еретиковъ проклятію, а князь, въ свою очередь, трехъ главныхъ „еретиковъ“а, Ивана Волка, брата Өедора Курицына, зятя протопопа Алексѣя, Ивана Максимова и юрьевскаго архимандрита Кассіана, приговорилъ къ сожженію, а прочихъ еретиковъ разослалъ въ заточеніе. На руку осифлянамъ заволжскіе старцы стали возражать противъ этихъ жестокостей, ссылаясь на

евангельскій разсказъ о прощеніи Іисусомъ грѣшницы и на заповѣдь: „не судите, да не судимы будете“. Іосифъ возражалъ, что „еретика руками убити или молитвою едино есть“, и что рука, наносящая язву еретику, „тѣмъ самымъ освящается“. А когда язвительный Вассіанъ предложилъ Іосифу самому показать примѣръ, сотворить молитву, чтобы земля пожрала недостойныхъ еретиковъ и грѣшниковъ, Іосифъ не выдержалъ. Онъ заявилъ, что заволжскихъ старцевъ научили еретики, внушивъ имъ мысль о необходимости пощады еретикамъ; послѣ этого недвусмысленнаго кивка по адресу нестяжателей, Іосифъ излагаетъ цѣлую инквизиціонную теорію сотрудничества свѣтской и духовной власти въ дѣлѣ преслѣдованія ереси. Церковь только разыскиваетъ еретиковъ, пользуясь „богопремудростнымъ художьствомъ и богонаученнымъ коварствомъ“, т.-е. прибѣгая ко всякимъ пріемамъ сыска и пыткамъ; когда, такимъ путемъ, еретики будутъ открыты, то церковь можетъ ихъ убить либо однимъ словомъ, либо чрезъ посредство гражданской власти, которая предаетъ ихъ надлежащей казни. Эта любопытная полемика была вдвойнѣ полезна осифлянамъ: во-первыхъ, она дала имъ возможность заподозрить въ ереси самихъ заволжскихъ старцевъ, во-вторыхъ, она сближала осифлянъ съ великокняжеской властью на поприщѣ борьбы съ крамолою, ибо связь заволжскихъ старцевъ съ крамольными боярами была налицо, и тѣ же крамольники, благодаря остроумной догадкѣ Іосифа, оказывались и еретиками.

Оставалось разубѣдить союзника въ необходимости конфискаціи церковныхъ владѣній. Былъ простой способъ: напугать его божественными карами. Первый опытъ въ этомъ родѣ былъ сдѣланъ около 1503 года въ Новгородѣ: тамъ внесли въ „Чинъ православія“ слѣдующее анаѳематствованіе: „вси начальствующіи и обидящіи святыя божія церкве и монастыреве, отнимающія у нихъ данныя тѣмъ села и винограды, аще не престанутъ отъ таковаго начинанія, да будутъ прокляты“; примѣру Новгорода послѣдовалъ Ростовъ. А спустя три года послѣ собора 1503 года Іосифъ въ обширномъ посланіи къ Третьякову изображаетъ, „какова погибель приходитъ“ тѣмъ, кто покусится на монастырскія имущества, перечисляя изъ житій святыхъ „немилостивыя казни“ отъ Христа обидчикамъ церкви. Особенно богатый матеріалъ предоставило житіе Стефана сербскаго, святого, который особенно отличался на поприщѣ наказанія князей, обижавшихъ монастыри: одному такому князю онъ вонзилъ въ гортань

два „великіе“ гвоздя, даже до грудей, такъ что пришлось звать кузнеца, чтобы вынуть гвозди изъ княжеской гортани, а другого князя избилъ лампадой до полусмерти, и избитый черезъ семь недѣль умеръ, сгнивши заживо. Казни были, дѣйствительно, ужасныя, но заволжскіе старцы выразили по поводу ихъ достовѣрности большія сомнѣнія; приходилось дѣйствовать поэтому не однимъ страхомъ, но и практическими услугами, въ отплату за которыя можно было бы, въ свою очередь, требовать уступокъ. И вотъ, Іосифъ уже послѣ смерти Іоанна III, когда княжилъ Василій, вновь приблизившій къ себѣ Вассіана—Патрикѣева, открыто и рѣшительно становится на сторону „державности“ московскаго князя.

Въ это время на волоколамскомъ столѣ въ качествѣ сеньёра Іосифова монастыря сидѣлъ какъ разъ одинъ изъ такихъ князей, съ какими приходилось воевать сербскому Стефану. Недолго думая, Іосифъ взялъ да и перешелъ „подъ державу“ московскаго князя; но онъ не спросилъ при этомъ разрѣшенія своего духовнаго сеньёра, новгородскаго владыки Серапіона. Когда тотъ „запретилъ“ Іосифа за такой самовольный поступокъ, Іосифъ придалъ всему дѣлу политическій оборотъ и выступилъ съ новой теоріей отношеній между свѣтской и духовной властью, теоріей, которая какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала видамъ московскаго князя: „царь естествомъ подобенъ есть всѣмъ человѣкомъ, властію же подобенъ вышнему богу“, говорилъ Іосифъ еще въ „Просвѣтителѣ“; теперь изъ этой посылки были сдѣланы всѣ теоретическіе и практическіе выводы. И въ отвѣтъ на обвиненіе Серапіона въ „великомъ безчиніи“, заключавшемся въ томъ, что Іосифъ „отказался отъ своего государя въ великое государство“, Іосифъ отвѣчаетъ обратнымъ обвиненіемъ Серапіона въ бунтѣ противъ богоустановленной власти, которой должна подчиняться и церковь. „Самодержецъ и государь всея Руси“— вотъ кто этотъ государь, къ которому перешелъ Іосифъ; самъ богъ „посади его въ себѣ мѣсто“ и „судъ и милость предасть ему и ц е р к о в н о е и м о н а с т ы р с к о е и всего православнаго государства и всея русскія земли власть и попеченіе вручилъ ему“. Съ такимъ государемъ не подобаетъ „сваритися“: „ни древніе святители дерзнуша сіе сотворити, ни четыре патріарси, ни римскій папа, бывшій на вселенскомъ соборѣ; и аще когда царь на гнѣвъ совратится на кого, и они съ кротостію и смиреніемъ и со слезами моляху царя“. Государю принадлежитъ и верховный окончательный судъ надъ церковными лицами, апелляціи на

него нѣтъ—„судъ царя никѣмъ уже не посужается“. Поворотъ былъ полный; и побѣда осталась, конечно, на сторонѣ Іосифа. Соборъ разрѣшилъ его, а Серапіона позвалъ и заточилъ въ монастырь; хлопоты за опальнаго владыку бояръ, которыхъ Іосифъ обозвалъ „неразумными, скоту подобными человѣки“, только повредили ему. Выступленіе Іосифа имѣло огромное политическое значеніе: затронутая въ своихъ матеріальныхъ интересахъ, церковь порвала съ удѣльными политическими традиціями и открыто стала на сторону „державности“. „Непогребенные мертвецы“ стали постоянными совѣтниками и союзниками московскаго государя, который ихъ же публицистическимъ усердіемъ былъ превращенъ въ царя „третьяго Рима“, въ наслѣдника самихъ римскихъ кесарей *).

Два главныхъ слѣдствія получились изъ этого союза. Во-первыхъ, церковнымъ учрежденіямъ пришлось поступиться своими иммунитетами и подчиниться нѣкоторымъ ограниченіямъ въ землевладѣніи. Признавъ верховное право суда московскаго государя, осифляне тѣмъ самымъ отказывались и отъ судебныхъ привилегій. Первый офиціальный актъ, касающійся монастырскаго и епископскаго иммунитета, относится къ 1550 году. Онъ требуетъ, чтобы новыя подгородныя слободы, образующіяся вокругъ архіерейскихъ резиденцій и монастырей, тянули тягло и „съ судомъ“ вмѣстѣ съ городскими людьми; старыя слободы тянутъ тягло по-старому, но ихъ ростъ закрѣпляется въ извѣстныхъ предѣлахъ. Стоглавъ въ слѣдующемъ 1551 году, по предложенію царя, пересмотрѣлъ прежнія мѣры по ограниченію монастырскаго землевладѣнія, почти не примѣнявшіяся на практикѣ, и издалъ новыя правила на этотъ счетъ. Основаніемъ для монастырскаго землевладѣнія была признана единственно функція монастырей, какъ молитвенниковъ за умершихъ, поэтому всѣ земли, черныя и помѣстныя, попавшія въ руки монастырей за долги или неправильно записанныя за монастырями, должны были немедленно быть возвращены прежнимъ владѣльцамъ; вотчины, отданныя „по душамъ“ до приговора, остаются за монастырями, впредь же дача вотчинъ по душѣ подчиняется контролю московскаго государя: безъ его согласія никакая часть вотчинной земли не можетъ быть отдана монастырямъ. Соборъ, правда, въ обезпеченіе тѣхъ владѣній, какія оставались у церкви, провозгласилъ ихъ неотчуждаемость и напередъ проклялъ тѣхъ „царей и вель-

---

*) См. главу VII.

Мароа Посадница.

Оригиналъ скульптуры Дм. Сем. Стеллецкаго «Мароа Посадница» находится въ Парижѣ. Въ Русскомъ музеѣ императора Александра III есть картина стараго художника Д. И. Иванова *Мароа Посадница у Ѳеодосія Борецкаго* (№ 141); въ старой литературѣ всѣмъ извѣстна повѣсть Н. М. Карамзина *Мароа Посадница* (1802 г.). Имя Мароы Борецкой, вдовы новгородскаго посадника Исаака Борецкаго, тѣсно связано съ политическимъ паденіемъ Новгорода Великаго въ 1478 г., когда территорія его вошла въ составъ московскаго великаго княжества. Сколько-нибудь значительныхъ историческихъ свѣдѣній о ней нѣтъ въ нашихъ первоисточникахъ; они знаютъ Борецкихъ, какъ богатыхъ новгородскихъ бояръ, какъ крупныхъ землевладѣльцевъ на Бѣломъ морѣ, и Мароу, какъ лицо, стоявшее во главѣ партіи, противной московскому великому князю и его самовластію. Даже Н. И. Костомаровъ замѣчаетъ, что «личность самой Мароы остается блѣдною, по недостатку свѣдѣній; несомнѣнно только, что эта женщина была душою свободной партіи, собиравшей послѣднія силы Великаго Новгорода, чтобъ охранить его отъ покушенія Москвы». Нѣсколько смѣлѣе говоритъ о ней съ своей точки зрѣнія С. М. Соловьевъ. «Мы видѣли», пишетъ суровый государственникъ, «какое важное значеніе въ семействахъ княжескихъ получали матери по смерти отцовъ, такъ было и въ семьяхъ частныхъ: вдова Исаака Борецкаго, Мароа, имѣла сильную власть надъ дѣтьми по обычаю и по личному характеру, и посредствомъ этой власти пользовалась могущественнымъ вліяніемъ на дѣла родного города». Когда Новгородъ палъ, Мароа Борецкая вмѣстѣ съ ея внукомъ Василіемъ Ѳедоровымъ и вѣчевымъ колоколомъ господина Великаго Новгорода были схвачены и отосланы въ Москву. Можно предполагать, что въ числѣ лицъ, замѣшанныхъ въ тогдашнія политическія дѣла Новгорода, надо считать еще одну женщину, Настасью, жену, какъ можно думать, Степана Григорьевича, одного изъ новгородскихъ пословъ въ Вильно къ польскому королю и великому князю литовскому Казимиру IV въ 1471 г. Въ этомъ посольствѣ отъ всего Великаго Новгорода, «мужей вольныхъ», упоминается и посадникъ Димитрій Исааковичъ, сынъ Мароы (текстъ договорной грамоты см. въ приложеніяхъ къ I тому настоящей *Русской исторіи*, стр. 52—54). Мароа была, внѣ всякаго сомнѣнія, очень крупной фигурой вольнаго Новгорода; на ней сосредоточилась неистовая злоба московской традиціи и дикаго религіознаго фанатизма Москвы. По московскому лѣтописанью походъ на Новгородъ—крестовый походъ, а Мароа—*Окаянная:* такъ кіевская Русь дала Святополка Окаяннаго, а Новгородъ—Мароу Окаянную. Необходимъ очень тонкій критическій анализъ, чтобы разобраться въ эпитетахъ и построеніяхъ, которые обыкновенно создаются господствомъ наглой силы въ прошломъ. Сила реальныхъ отношеній обыкновенно создаетъ и соотвѣтственную идеологію, которую наивные потомки черезчуръ долго способны считать не только первоосновой явленій прошлаго, но даже и перстомъ, указующимъ впредь. Московская традиція постаралась стереть съ лица земли новгородскую, окруживъ фактъ паденія Новгорода колоссальнымъ нимбомъ клеветы, такъ пришедшейся по вкусу историкамъ-націоналистамъ. Никакое изложеніе не можетъ дать точнаго понятія объ этомъ «крестовомъ» походѣ московскаго великаго князя на Новгородъ, всего лучше остановиться непосредственно на текстѣ этой традиціи. Никоновская лѣтопись даетъ удивительно стройное и искусственное изображеніе, полное глубокой и выразительной тенденціи, не считающейся съ самыми элементарными требованіями исторической правды. Разсказъ начинается съ 1471 г. «Въ сие же лѣто і въ мимошедше,—читаемъ въ Никоновскомъ сводѣ (VI, с. 15—16),—преже сего многа знамения начаша быти въ Новѣгородѣ въ Великомъ, якоже слышахомъ отъ тамосущихъ жителей, глаголютъ бо: Некогда пришедше буря велика и сломи крестъ со святыя София, и паки на дву гробѣхъ кровь явѝся; по семъ же паки у святаго Спаса на Хутынѣ корсунские колоколы сами отъ себе звонъ испущаху; иноже знамение страшно и удивлению достойно въ монастири св. вмч. Евѳимиї въ женстемъ—отъ иконы прч. Богородицы многащи слезы, яко струя отъ огню, исхожаху. Видяще же сие людие Новогородстиї, иже Бога боящеся, плакаѯуся и Бога моляху; прочиї же окаменено имуще сердце Бога не бояхуся, ни вочто же сия вмѣняху, но паче въ глумленіе превращаху, а не вѣдущи своея пагубы и грядущаго на нихъ гнѣва Божія» (срв. Новг. III лѣт., стр. 271). Бога боялись, очевидно, московскіе сторонники; противники Москвы имѣли окаменѣлое сердце. Первый актъ событія начинался, такимъ образомъ, чудесными предзнаменованіями (срв. о Бого-

родицыномъ плачѣ въ приложеніяхъ къ I т. настоящей *Русской исторіи*, стр. 10—11). И вотъ избрали новгородцы архіепископомъ Феофила, послали въ Москву посла съ вѣстью о томъ; великій князь утвердилъ Феофила и велѣлъ прислать его къ Москвѣ къ нему, великому князю, и къ отцу своему, Филиппу митрополиту, сказавъ: «что *отчина моя* великиї Новгородъ прислали ко мнѣ бити челомъ... и язъ, князь великиї, жалую...». Посолъ вернулся въ Новгородъ и сказалъ жалованье великаго князя. «Мнози же тамо сущиї людіе лутчшиї посадницы ихъ ї тысяцкие и жытіи люди велми о семъ ради быша и той нареченный ихъ Феофилъ. Нѣкоториї же отъ нихъ посадничиї дѣти Исака Борецского съ матерью своею Маѳою и съ прочими инеми изменники, научени діаволомъ, ижъ горшее бѣсовъ быша прелестницы на погибель земли своеи и себѣ на пагубу, начаша нелѣпая глаголати и развращенная, и на вѣчѣ приходящиї кричати: не хотимъ за великого князя московского, ни зватися отчиною его, волные есмы люди великиї, а московской князь великиї многи обиды и неправду надъ нами чинитъ, но хотимъ за короля полского ї великого князя литовского Казимира. И тако возмятесь весь градъ ихъ ї восколебашась, яко пьяны: овиї же хотяху за великого князя по старинѣ къ Москвѣ, а друзиї за короля къ Литвѣ. Тѣмже измѣнницы начаша наймовати худыхъ мужиковъ вѣчниковъ, иже на то за всѣ готови суть по ихъ обычаю, и, приходяще, на вѣчѣ ихъ звоняху за всѣ колоколы и, кричаще, глаголаху: за короля хотимъ, иниї же глаголаху имъ: за великого князя хотимъ московского по старинѣ, какъ было преже сего. Наймиты жъ измѣнниковъ тѣхъ камение метаху на тѣхъ, которые за великого князя хотятъ,—ї велико неустроение бяше въ нихъ, и межъ себя ратяхуся сами на ся возстающе». Лѣтопись влагаетъ затѣмъ въ уста «лучшихъ» новгородскихъ людей цѣлую историческую справку о томъ, что Новгородъ изстари отчина московскаго великаго князя съ тѣхъ поръ, какъ Рюрика «по своей волѣ взяла земля наша изъ варягъ княземъ себѣ и со двема браты его» (VI, 17—19). Современный читатель совсѣмъ не можетъ понять, почему лѣтописецъ называетъ новгородцевъ измѣнниками, почему лучшіе люди—тѣ, которые явились сторонниками Москвы. Былъ заключенъ договоръ съ Казимиромъ, а московскій князь шлетъ въ Новгородъ своего посла сказать, что онъ дѣйствуетъ *по старинѣ* (что неправда) и *свою отчину* жалуетъ. Одна партія слушала посла московскаго князя съ охотой, а «предреченныї они, Исаковы дѣти, съ матерью своею Маѳою и съ прочими, съ ихъ поборники, и съ наймиты своими, яко возбеснѣша, или яко зверие дивие безъчеловѣченъ разумъ їмуще, князя великого пословъ рѣчей, тако же и митрополита Филиппа посла, ни слышати не хотяху, но еще наимаваху злыхъ тѣхъ смердовъ, убіицъ шилниковъ, и прочихъ безъименитыхъ мужиковъ, иже скотомъ подобни суть, ничтоже разума имущихъ, но токмо едино кричание, иже и безсловесная животная, сице рычаху, ихъ же новгородстиї людие невегласи государемъ зовутъ себе великимъ Новымъ городомъ,—и тиї, приходяще на вѣче, бияху въ колоколы, и кричаху, и лаяху, яко псиї, нелѣпая глаголаху: за короля хотимъ». (VI, 19—20). Результатомъ этого столкновенія съ Москвой была Шелонская битва, въ которой Новгородцы потерпѣли тяжелое пораженіе и принуждены были смириться. Взятый въ плѣнъ посадникъ Дмитрій Борецкій сынъ Маѳы, 24 іюня 1472 г., по приказанію великаго князя былъ казненъ «за измѣну и отступленіе». Въ 1476 г. погибъ и второй сынъ Маѳы. Въ 1476 г. «били челомъ великому князю пришедшиї на городища мнози Новгородци, двѣ улицы Славкова да Никитина, на бояръ на новгородскихъ... на Ѳедора на Исакова..., что, наѣхавъ тѣ со многими людми на тѣ двѣ улицы, людей перебили и переграбили, а животовъ людскихъ на тысящу рублевъ взяли, а людей многихъ до смерти перебили». Ѳедоръ Исаковъ былъ обвиненъ, взятъ подъ стражу и сосланъ въ заточенье въ Муромъ (VI, 64, 68). Такъ московскій великій князь назвалъ Новгородъ *своею вотчиной*, новгородцы протестовали, и великій князь, приведя воинскую силу, побилъ «вольныхъ людей». Шелонская битва порѣшила обоихъ сыновей Маѳы. Таковы второй и третій акты великой новгородской драмы.

Далѣе Никоновская лѣтопись переходитъ къ описанію послѣдняго акта въ этой жизненной драмѣ Великаго Новгорода, а вмѣстѣ съ нимъ и Маѳы Борецкой, которая стала знакомой всѣмъ со школьной скамьи. Въ 1477 г. послы новгородскіе Лазарь подвойскій да Захаръ дьякъ вѣчевой великому князю «били челомъ и называти себѣ ихъ господари, а напередъ того какъ и земля ихъ стала, того не бывало, никоторого великого князя господаремъ не называли, но господиномъ». Великій князь посылалъ ко владыкѣ и всему великому Новгороду «покрѣпити того, какова хотятъ государства ихъ отчина ихъ великиї Новгородъ, и они того заперлися, ркуще, съ тѣмъ есмя не посылывали и назвали то лжею».

Когда въ Новгородѣ узнали объ этомъ, тамъ началось сильное волненіе, весьма понятное съ нашей точки зрѣнія, но недоступное для пониманія московскимъ полити-

камъ, отлично представлявшимъ себѣ холопство, но не чуявшимъ никакой красоты въ защитѣ политической свободы и народной вольности. Лѣтопись однако говоритъ, что люди «возбеснѣша, яко пьяниї, їнъ иная глаголаше ї къ королю паки возхотѣша». Услыхавъ объ этомъ, чувствительный московскій князь расплакался и пошелъ просить у митрополита Геронтія благословенія на походъ противъ Новгорода. Митрополитъ, конечно, благословилъ на кровопролитіе, и вотъ Иванъ III подъ Новгородомъ, грозно поясняя: «ино наше государство великихъ князей таково: вѣчу колоколу въ вотчинѣ и въ Новѣгородѣ не быти, посаднику не быти, а государство свое намъ держати, ино на чемъ великимъ княземъ быти въ своей отчинѣ; волостямъ быти, селомъ быти какъ у насъ въ низовской землѣ, а которые земли наши великихъ князей за нами, а то-бъ было наше». Новгородъ погибъ и вошелъ въ составъ московскаго княжества. 2 февраля 1478 г. великій князь велѣлъ «поимати боярыню новгородскую Мароу Исакову да внука еѣ Василья Ѳедорова сына Исакова», а 7 февраля «отвести къ Москвѣ поиманыхъ новгородцевъ Мароу Исакову со внукомъ... а животы ихъ велѣлъ отписати на себя». 5 марта великій князь пришелъ въ Москву, «а послѣ себя велѣлъ князь великиї изъ Новагорода колоколъ ихъ вѣчевой привести на Москву, и привезенъ бысть, и взнесли его на колоколницу на площади съ протчими колоколы звонити; и какъ и сталъ великиї Новгородъ и русская земля, таково на нихъ изневоление не бывало ни отъ которого великого князя, да и ни отъ ково» (VI, 104—105). Зимою 1484 г. великій князь «поималъ большихъ бояръ новогородцкихъ и боярынь, а казны ихъ и села всѣ велѣлъ отписати на себя, а имъ подавалъ помѣстья на Москвѣ по городамъ; а иныхъ бояръ, которые коромолу держали отъ него, тѣхъ велѣлъ заточити по городомъ въ тюрмы» (VI, 118).

Таково замѣчательное по своей литературной обработкѣ преданіе Никоновскаго свода; къ его выразительной формулировкѣ нельзя въ заключеніе не прибавить разглагольствованій Софійскаго свода, и тогда въ нашемъ распоряженіи оказывается все богатство первоисточника. Эти разглагольствованія относятся къ 1471 г.

«Той бо прелестникъ дьяволъ,—говоритъ Софійскій сводъ,—вниде у нихъ въ злохитриву жену въ Мароу Исакову Борецкого, и та окаанная сплется лукавыми рѣчьми съ литовьскимъ княземъ съ Михаиломъ, да по его слову хотячи поити замужъ за литовьского же пана за королева, а мыслячи привести его къ собѣ въ Великій Новъградъ, да съ нимъ хотячи владѣти отъ короля всею Новогородскою землею, да тою своею окаанною мыслью нача прельщати весь народъ православія, Великій Новгородъ, хотячи ихъ отвести отъ великого князя, а къ королю приступити». Сославшись затѣмъ на историческіе примѣры злыхъ женъ Іезавели, Иродіады, Евдокіи, Далилы, лѣтопись продолжаетъ: «А сія Мароа окаанная, подобна имъ, такоже всего народа хотяше прельстити и съ праваго пути ихъ совратити, и къ латыньству ихъ приложити: зане бо тма прелести латыньскія ослѣпи ей душевнiї очи, лукаваго ради съ нею дьяволя сплетенья и мысли злыя литовскаго князя». Съ Мароой заодно былъ чернецъ Пименъ, «еже бысть стараго владыки ключникъ»; онъ тоже названъ «*окаяннымъ*», который уповалъ «на множество богатства своего» и «множество злата издавше лукавѣй той женѣ Мароѣ, а веляше ей давати въ народъ людемъ многимъ, дабы имъ помагали на ихъ волю». «А сія окаанная жена не точью собѣ и свою душю погубляющи, но и чада своя конечнѣ влекущи съ собою въ пагубу, еже и бысть имъ; многи людіе на сонмище къ ней схожахуся и мнози послушаху прелестныхъ и богоотметныхъ словесъ ея, не вѣдуще о сихъ, еже быть на пагубу имъ и смутишася мнози отъ народа соблазномъ ихъ». Стоитъ внимательно и со вкусомъ перечитать приведенное изложеніе Никоновскаго и Софійскаго сводовъ, чтобы выразительно и явственно представить себѣ пышное зерно московской традиціи, ея обдуманныя детали и ея беззастѣнчивыя утвержденія. Стоитъ художнику противопоставить этой традиціи желѣзную волю буржуазнаго общества съ его условностями въ пониманіи политической свободы и страстью къ экономическому подавленію низовъ,—передъ нами какъ разъ встанетъ величавая фигура новгородской посадницы *Окаянной*.

В. Стор.

можъ", которые вздумаютъ обидѣть божіи церкви. Но эти постановленія имѣли уже чисто академическое значеніе.

Второе послѣдствіе касалось внутренняго содержанія церкви. Порвавъ съ удѣльнымъ феодализмомъ и перейдя въ подчиненіе московской „державѣ", церковь должна была провести централизацію и въ культахъ. Эту централизацію отчасти проводили уже московскіе князья, перенося въ свой Успенскій Соборъ мѣстныя иконы присоединяемыхъ удѣловъ; благодаря ихъ дѣятельности въ этомъ направленіи, Успенскій Соборъ постепенно становился пантеономъ сѣверо-восточной Руси. Но кромѣ иконъ, были еще мѣстные патроны въ лицѣ мѣстныхъ святыхъ. Приходилось или запретить ихъ культы, или санкціонировать ихъ въ качествѣ всероссійскихъ святыхъ; конечно, былъ избранъ послѣдній путь. Душою дѣла канонизаціи сталъ митрополитъ Макарій, ярый осифлянинъ, первое время бывшій преемникомъ Іосифа на игуменской каѳедрѣ въ Волоколамскомъ монастырѣ. Въ сотрудничествѣ съ царемъ, онъ созвалъ два собора, 1547 и 1549 года, на которыхъ были канонизованы всѣ наиболѣе крупные мѣстные святые. Московская государственная церковь, преемница византійскаго православія, могла теперь гордиться своей славой. Правда, канонизація была больше формальнымъ актомъ, чѣмъ существеннымъ измѣненіемъ въ характерѣ культа: мѣстные святые на мѣстахъ своего почитанія по-прежнему казались исключительно мѣстными патронами, а въ центрѣ офиціальное обязательное отправленіе въ ихъ честь культа было простою бездушной формальностью. Но идея централизаціи культа тѣмъ не менѣе выражена совершенно опредѣленно. Послѣднимъ шагомъ впередъ въ этомъ направленіи было учрежденіе патріаршества. На мѣсто соборовъ, представлявшихъ отдѣльные церковные міры, теперь стала такая же „державная" церковная власть, какою въ свѣтской области являлся царь. Такъ создалась всероссійская государственная церковь.

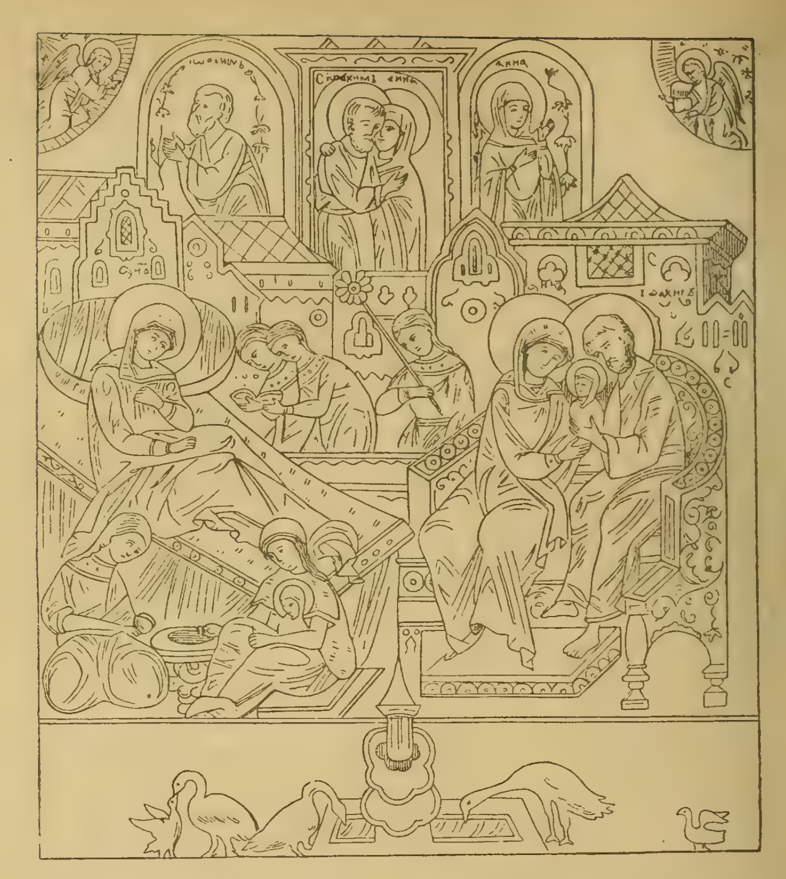
Опальное боярство тщетно боролось съ этимъ неизбѣжнымъ ходомъ вещей. Оно выставило незаурядную силу, Вассіана-Патрикѣева, который успѣлъ пріобрѣсти вліяніе на Василія, но противъ него, какъ впослѣдствіи противъ Артемія, имѣвшаго вліяніе на Грознаго, было выдвинуто старое оружіе, обвиненіе въ ереси. Сначала „ересь" нашли въ заволжскихъ скитахъ, гдѣ у двухъ монаховъ оказались неизвѣстно какія „жидовскія" книги; потомъ на скамью подсудимыхъ попалъ и самъ Вассіанъ. Его рѣзкія невоздержныя

рѣчи, задѣвавшія не только права монастырей на вотчиновладѣніе, но и лично князей церкви („имъ надобе пиры и села, и скакати, и смѣяти съ воры“) дали обильный матеріалъ для обвиненій: онъ де чудотворцевъ, владѣвшихъ селами, называлъ смутотворцами, не вѣрилъ въ новыхъ святыхъ и поддѣлывалъ Кормчую. Вассіанъ былъ осужденъ, и съ нимъ погибъ послѣдній церковный противникъ осифлянъ, стоявшій еще на почвѣ борьбы противъ вотчиновладѣнія. Дѣло явно шло къ опричнинѣ, и апокрифическая „Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ“ говоритъ уже доводами Курбскаго. Иноки— непогребенные мертвецы, ихъ дѣло молиться „въ смиренномъ образѣ“ за царя и великихъ князей; если иноки стали совѣтниками царя, стали частью московской государственной машины, то это имъ только „душевредство и безконечная погибель“. Царю надлежитъ „царство держати“ съ князьями и боярами, а не съ иноками. Отвѣтомъ на это былъ терроръ Грознаго.

Ставъ изъ феодально-удѣльной московско-дворянскою, церковь не измѣнила ни въ чемъ своей соціальной позиціи: по отношенію къ тяглому люду, находившемуся подъ нею, она осталась тѣмъ же требовательнымъ господиномъ. Съ этой стороны ее изобличали, не жалѣя красокъ, сторонники боярской партіи, въ особенности Максимъ-грекъ. Подражая ветхозавѣтнымъ пророкамъ, онъ влагаетъ въ уста господа и богоматери пламенныя филиппики противъ церкви, которая служитъ богу „красногласнымъ пѣніемъ, шумомъ доброгласныхъ колоколовъ и вонями благоуханными“, облекаетъ его на иконахъ въ золотыя ризы и золотой вѣнецъ, но все это приноситъ ему „отъ неправедныхъ и богомерзкихъ лихвъ, отъ лихоиманія и хищенія чужихъ имѣній“; дары эти „смѣшаны со слезами сиротъ и бѣдныхъ вдовицъ и кровями убогихъ“, получены путемъ „страшнаго обремененія въ работахъ братій“. Другой авторъ, анонимъ, которому принадлежитъ одно рукописное поученіе XVI в., быть-можетъ, подражая „Похвалѣ Глупости“, изображаетъ, какъ на страшномъ судѣ господь „повелитъ отлучити митрополиты и епископы, и попы, и игумены, и дьяконы, и черниця, и черньца“ за то, что они, заблудившись „въ гордости, и въ пиры и въ сребролюбіи“, не научили людей его, и предастъ ихъ въ „огнь вѣчный“. Со стороны тяглаго люда протестовъ противъ церковнаго господства въ серединѣ XVI в. еще не слышно, если не считать единичныхъ явленій вродѣ духовно-анархической секты бѣглаго холопа Ѳеодосія Косого,

бѣлозерскаго монаха. По ученію Косого вся церковная догматика и культъ—человѣческое преданіе, точно также, какъ и государственная организація: у христіанъ не должно быть властей и не должно имъ воевать, а вся религія заключается исключительно въ любви къ ближнимъ; эта послѣдняя, судя по взглядамъ Матвѣя Башкина, находившагося въ сношеніяхъ съ Косымъ и также осужденнаго за ересь, заключалась въ томъ, чтобы уничтожить кабалу: „мы христовыхъ рабовъ у себя держимъ, а Христосъ всѣхъ братіею нарицаетъ, а у насъ де на иныхъ и кабалы, на иныхъ бѣглыя, а на иныхъ нарядныя, а на иныхъ полныя, а я де благодарю бога моего, у меня де что не было кабалъ полныхъ (Башкинъ былъ боярскій сынъ), то де есми все изодралъ, да держу де, государь, своихъ добровольно“. Эти единичныя проявленія протеста были предвѣстниками великаго соціально-религіознаго кризиса, разразившагося въ XVII вѣкѣ, когда послѣ смуты окончательно укрѣпило свою державу „антихристово“ дворянское московское государство.

ГЛАВА IX.

Грозный.

1. Аграрный переворотъ XVI вѣка.

Первый, по времени, историкъ царя Ивана Васильевича, писавшій въ то время, когда грозный царь еще сидѣлъ на московскомъ престолѣ, князь Курбскій, объясняя, почему Иванъ губилъ „всероднѣ“ русскихъ „княжатъ“, приводитъ такой мотивъ: „понеже отчины имѣли великія; мню, негли (вѣроятно) изъ того ихъ погубилъ“. Литературный противникъ Ивана Васильевича не отличался ни писательскимъ талантомъ, ни особенно глубокимъ пониманіемъ происходившаго вокругъ него. Поминая объ „отчинахъ“, какъ поводѣ для истребленія его родичей, Курбскій, можетъ быть, имѣлъ въ виду очень узкую практическую цѣль—пугнуть польско-литовскую аристократію, которая въ тѣ дни, когда писалась „Исторія князя великаго

московскаго", не далека была отъ мысли посадить Ивана и на польскій престолъ. Но практическіе люди, именно потому, что они лишены широкаго кругозора, ближайшія причины явленій часто замѣчаютъ лучше, нежели тѣ, кто смотритъ на вещи черезъ очки идеалистической теоріи. Курбскому пришлось долго ждать, пока были оцѣнены его мимоходомъ брошенныя замѣчанія о причинахъ „тиранства" Грознаго. Только въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка покойный петербургскій профессоръ Ждановъ сталъ рѣшительно на ту точку зрѣнія, что въ спорѣ изъ-за земли слѣдуетъ искать ключъ ко всей трагедіи опричнины *). А въ промежуткѣ какихъ только объясненій не привелось испытать на себѣ заднимъ числомъ царю Ивану: отъ самыхъ возвышенныхъ, по методу философіи Гегеля, дѣлавшихъ московскаго самодержца орудіемъ всемірнаго духа въ его разрушительно-творческой работѣ, до самыхъ реалистическихъ, утверждавшихъ, что будь въ Россіи XVI вѣка сумасшедшіе дома, и найди Иванъ Васильевичъ себѣ мѣсто въ одномъ изъ нихъ, никакой трагедіи и вовсе не было бы **).

Сейчасъ аграрная подкладка опричнины составляетъ, можно сказать, общее мѣсто—оригинальностью было бы не отстаивать взгляда историка XVI вѣка, а спорить съ нимъ. „Опричнина была первою попыткою разрѣшить одно изъ противорѣчій московскаго государственнаго строя", говоритъ одинъ изъ осторожнѣйшихъ въ своихъ выводахъ русскихъ историковъ, проф. Платоновъ: „она сокрушила землевладѣніе знати въ томъ его видѣ, какъ оно существовало изъ старины". Всѣ гипотезы относительно „личности" Грознаго отходятъ на третій планъ передъ этимъ простымъ житейскимъ фактомъ, подмѣченнымъ современниками триста лѣтъ назадъ. Но и простой житейскій фактъ нуждается въ объясненіи не менѣе, чѣмъ самое сложное и романтическое „душевное состояніе". Почему Грозному понадобились вотчины его бояръ, когда и у него самого этихъ вотчинъ было достаточно, когда его отецъ и дѣдъ, достраивая московское государство, уживались съ владѣльцами этихъ вотчинъ довольно мирно—и, во всякомъ случаѣ, до „всероднаго" губительства этихъ владѣльцевъ не доходили? Опричнина была лишь кульминаціоннымъ пунктомъ длиннаго соціально-политическаго процесса, который начался задолго до Грознаго, кончился не скоро послѣ его смерти и своей неотвратимой стихійностью дѣлаетъ особенно

*) См. его—напечатанную лишь впослѣдствіи—работу о „сочиненіяхъ Ивана Грознаго", Сочиненія, т. 1, Спб. 1904.

**) См. книгу проф. Ковалевскаго „Душевное состояніе Ивана Грознаго", Харьковъ, 1883 и ст. г. Глаголева „Русскій архивъ", 1902.

праздными всякіе домыслы на счетъ „характеровъ“ и „душевныхъ состояній“. Иванъ Грозный, Θеодоръ Ивановичъ и Борисъ Годуновъ представляютъ собою, психологически, три совершенно различныхъ типа: истеричнаго самодура, помнящаго только о своемъ „я“ и не желающаго ничего знать помимо этого драгоцѣннаго „я“, никакихъ политическихъ принциповъ и никакихъ общественныхъ обязанностей,—безвольной игрушки въ чужихъ рукахъ, этого „я“, какъ-будто, вовсе лишенной—и, можетъ-быть, единственнаго государственнаго человѣка московской Руси, всю свою жизнь подчинившаго извѣстной политической задачѣ и погибшаго оттого, что онъ не смогъ ея разрѣшить. Но пребываніе на верхушкѣ государственнаго зданія этихъ трехъ совершенно различныхъ персонажей ничѣмъ не отразилось на томъ, что внутри этого зданія дѣлалось. Политика опричнины красною нитью проходитъ черезъ всѣ три царствованія, отъ 60-хъ годовъ шестнадцатаго вѣка вплоть до Смуты, имѣя минуты ослабленія и напряженія, но внѣ всякой связи съ чьей-либо личной волей. Въ 40-хъ годахъ шестнадцатаго столѣтія приближеніе катастрофы уже настолько опредѣленно чувствовалось, что программа опрочнины могла быть дана за двадцать лѣтъ впередъ человѣкомъ, который самъ, быть-можетъ, и не дожилъ до того, чтобъ видѣть опричнину своими глазами. А въ сороковыхъ годахъ, „добродѣтельная“ эпоха царствованія Грознаго, которую Карамзинъ противопоставлялъ эпохѣ его „тиранства“, была еще вся впереди. Еще Иванъ не успѣлъ стать ни „добрымъ“, ни „злымъ“, а ужъ ему пророчили, что если онъ „не великою грозою народъ угрозитъ, то и правды въ землю не введетъ“. Прозвище носилось въ воздухѣ раньше тѣхъ дѣлъ, которыя должны были закрѣпить за царемъ это прозвище въ исторіи.

Вступая на престолъ въ 1533 году—трехъ лѣтъ отъ роду—, Иванъ Васильевичъ унаслѣдовалъ отъ своихъ отца и дѣда московскую вотчину въ томъ феодальномъ ея видѣ, который подробно охарактеризованъ нами выше, въ главѣ II-ой. Московскій великій князь былъ сюзереномъ безчисленнаго количества крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, „державшихъ“ отъ него свои земли—кто въ качествѣ перешедшаго на московскую службу удѣльнаго князя, кто въ качествѣ мелкаго вассала, „сына боярскаго“, можетъ-быть, вчера еще только поверстаннаго въ московскую службу изъ боярскихъ „послужильцевъ“, если не холоповъ. Разница между этими двумя полюсами московскаго вассалитета количественно была огромная, качествен-

но же они оба принадлежали къ одной категоріи: теоретически оба они порядились служить своему сюзерену на извѣстныхъ условіяхъ, и съ устраненіемъ этихъ условій кончалась ихъ обязанность служить. Теоретически: на практикѣ соблюденіе правъ служилаго человѣка всецѣло зависѣло отъ доброй воли, отъ силы и умѣнья того, кому онъ служилъ. Знаменитое „право отъѣзда“ слугъ вольныхъ, о которомъ можно столько прочесть въ старыхъ курсахъ русской исторіи, или никогда не существовало, или существовало въ своемъ традиціонномъ видѣ вплоть до Грознаго—тотъ или иной отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ зависѣть отъ того, будемъ ли мы разсматривать это право внѣ связи съ „силой“ или нѣтъ. Сильный князь никогда не стѣснялся казнить слабаго отъѣздчика. Въ 1379 году правительство Димитрія Ивановича казнило боярина Вельяминова, отъѣхавшаго съ московской службы на тверскую: въ то же время тверскіе и рязанскіе бояре свободно переходили на московскую службу—московскій князь былъ сильнѣе, и съ нимъ ихъ прежніе сюзерены не могли тягаться. А на словахъ право служилаго человѣка выбирать, кому онъ будетъ служить, признавалось еще и въ 1537 и даже въ 1553 годахъ. Подъ первымъ изъ этихъ годовъ въ лѣтописи разсказывается, что князь Андрей Ивановичъ Старицкій, дядя великаго князя, незадолго передъ тѣмъ цѣловавшій крестъ на томъ, что ему „людей отъ великаго князя не отзывати“, сталъ разсылать грамоты новгородскимъ помѣщикамъ, и въ нихъ писалъ: „князь великій малъ, а держатъ государство бояре, и вамъ у кого служить? Пріѣзжайте служить ко мнѣ, а я васъ радъ жаловать“. Державшіе тогда государство бояре тѣхъ помѣщиковъ, которые польстились на „жалованье“ князя Старицкаго, велѣли бить кнутомъ и вѣшать „по новгородской дорогѣ не вмѣстѣ и до Новагорода“. А въ 1553 году эти самые бояре, во время смертельной, какъ всѣмъ казалось тогда, болѣзни Ивана, разсуждали: „какъ служить малому мимо стараго“—ребенку-сыну великаго князя мимо взрослаго потомка Ивана III, князя Владиміра Андреевича Старицкаго, сына того, что соблазнялъ новгородскихъ помѣщиковъ на ихъ гибель. И боярамъ казалось возможнымъ промѣнять малолѣтняго сюзерена на его взрослаго соперника. Но такіе случаи представлялись все рѣже и рѣже: московскій князь фактически уже не имѣлъ при Грозномъ другого постояннаго конкурента, кромѣ великаго князя Литовскаго, а тотъ былъ католикъ, и переходъ на службу отъ царя всего православнаго христіанства къ „латинскому“ госу-

дарю, какъ бы онъ не былъ безспоренъ съ точки зрѣнія феодальнаго права, съ точки зрѣнія господствовавшей церковной теоріи былъ, не менѣе безспорно, невозможенъ для члена православной церкви. Тѣ, кто къ этому прибѣгали, какъ Курбскій, подвергали спасеніе своей души огромному риску въ глазахъ не только одного Ивана Васильевича, а, вѣроятно, и большей части самого московскаго боярства. Внутри морально-допустимыхъ предѣловъ переходить было не къ кому: „право отъѣзда" вымирало не потому, чтобы его кто-нибудь отмѣнилъ, а потому, что примѣнять его на практикѣ стало негдѣ. Путемъ чисто количественнаго нарастанія вотчина Калиты упраздняла очень существенную сторону феодальныхъ отношеній. Форма надолго пережила содержаніе. На бумагѣ еще помѣщикъ семнадцатаго вѣка „договаривался" съ правительствомъ насчетъ условій своей службы. „Быти ему на обышномъ конѣ, а съ государевымъ жалованьемъ будетъ на добромъ конѣ" записывалось въ „десятнѣ" о томъ или другомъ служиломъ человѣкѣ. Размѣрами вознагражденія — одна ли земля или земля и, кромѣ того, денежное жалованье, — опредѣлялось качество службы. Стороны какъ-будто и здѣсь еще торговались: но это былъ лишь *обрядъ* торга. На дѣлѣ помѣщикъ *не смѣлъ* отказаться отъ той службы, какую ему предлагали, ибо въ XVII вѣкѣ даже и на минуту не могло появиться иного сюзерена, къ которому можно было бы „отъѣхать", кромѣ царя и великаго князя московскаго.

Ограничивалось ли это вывѣтриваніе старо-русскаго феодализма юридическими отношеніями? Уже съ перваго взгляда такое измѣненіе юридической надстройки при старомъ экономическомъ базисѣ являлось бы непонятнымъ. Независимое положеніе вассала по отношенію къ сюзерену было политическимъ эквивалентомъ экономической независимости вотчины этого вассала отъ окружающаго міра. Сидя въ своей усадьбѣ, землевладѣлецъ лишь изрѣдка, лишь, такъ сказать, въ торжественные моменты своей жизни входилъ въ непосредственныя отношенія съ этимъ міромъ. Въ будничной жизни онъ имѣлъ все нужное у себя дома. Происхожденіе классической гордости средневѣковаго рыцаря было, какъ видимъ, весьма прозаическое. Въ XVI вѣкѣ въ Россіи—для Запада это были XII—XIV вѣка, смотря по странѣ—цѣлый рядъ признаковъ показываетъ намъ, что эта экономическая независимость феодальной вотчины ужъ не такъ велика, какъ вѣкомъ-двумя ранѣе. Наиболѣе замѣтнымъ изъ этихъ признаковъ является стремленіе феодальнаго землевладѣльца получать свой доходъ въ

Боярская свадьба.

Оригиналъ картины К. В. Лебедева *Боярская свадьба* (1883 г.) находится въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ (№ 808); она отражаетъ направленіе историко-бытового жанра, чуждаго какой-либо опредѣленной тенденціи. Изображая одинъ изъ моментовъ старинной свадебной процедуры, не требующій особыхъ поясненій, картина К. В. Лебедева способна вызвать почти тѣ же соображенія, какія изложены въ объясненіи къ «Поцѣлуйному обряду» К. Е. Маковскаго. Предлагая нѣсколько картинъ подобнаго рода для бытовой иллюстраціи московской эпохи и опредѣленно высказываясь относительно малой цѣнности подобнаго живописанія прошлаго, критика едва ли въ правѣ попрекнуть за то, что здѣсь приходится какъ бы нѣсколько переступать границы допустимаго. Дѣло въ томъ, что, согласно поставленной цѣли, приходится представлять разнообразныя теченія въ исторіи русской живописи, дабы читающей публикѣ между прочимъ возможно было ознакомиться съ такими сторонами русской общественности, которыя не могутъ найти упоминанія въ самомъ текстѣ «Русской исторіи». «Боярская свадьба» гораздо проще упомянутой картины К. Маковскаго, но въ свою очередь она повторяетъ курьезы картины А. Д. Литовченко: удивительное однообразіе носовъ и ничѣмъ неприкрытое абсолютное сходство лицъ. Въ общемъ картина К. Лебедева, какъ продуктъ художественнаго творчества, не многаго стоитъ.

В. Стор.

Изд. Т-ва „МІРЪ“.

денежной формѣ. Мы помнимъ, что крестьянскій оброкъ въ древне-русской вотчинѣ уплачивался, обычно, продуктами: хлѣбомъ, льномъ, бараниной, сыромъ, яйцами и т. д. Если мы возьмемъ новгородскія писцовыя книги, которыя заключаютъ въ себѣ данныя за нѣсколько послѣдовательныхъ періодовъ, то мы увидимъ, что изъ всего этого устойчиво держится только хлѣбный оброкъ, тогда какъ сыръ, яйца и баранина къ рединѣ XVI вѣка отчасти, а къ концу его безъ исключенія замѣняются деньгами *). Причины симпатіи землевладѣльца къ хлѣбу и антипатіи къ бараннѣ мы скоро увидимъ; пока же замѣтимъ, что наблюденный нами фактъ отнюдь не былъ мѣстной, новгородской особенностью. „Въ 1567—1568 г. въ костромскихъ дворцовыхъ селахъ Дыбинѣ и Срѣтенскомъ съ деревнями платили оброкъ посопнымъ хлѣбомъ (рожью въ зернѣ), а мелкій доходъ уже весь переведенъ на деньги. Въ 1592—1593 г. въ костромскихъ вотчинахъ Троицкаго-Сергіева монастыря выти, съ которыхъ не отбывалось издѣлье (барщина), всѣ обложены были денежнымъ оброкомъ. Отъ 90-хъ годовъ до насъ дошелъ рядъ описаній вотчинъ Троицкаго-Сергіева монастыря въ разныхъ уѣздахъ Московскаго центра, и чрезвычайно характерно, что вездѣ оброкъ монастырю платится деньгами: объ этомъ свидѣтельствуютъ писцовыя книги уѣздовъ Московскаго, Дмитровскаго, Ярославскаго, Ростовскаго, Углицкаго, Пошехонскаго, Солегалицкаго. Изъ этихъ уѣздовъ о Пошехонскомъ имѣемъ извѣстіе, что тамъ еще въ 50-хъ годахъ оброкъ собирали посопнымъ хлѣбомъ: такъ было въ вотчинѣ кн. П. А. Ухтомскаго въ 1558—1559 гг., причемъ мелкій доходъ уже превращенъ въ денежную форму. То же самое можно наблюдать въ дворцовомъ селѣ Борисовскомъ Владимірскаго уѣзда въ 1585 году: мелкій доходъ здѣсь платился деньгами, а оброкъ посопнымъ хлѣбомъ“ **). Великій князь и его намѣстники не составляли въ данномъ случаѣ исключенія въ ряду другихъ вотчинниковъ—и у нихъ мы можемъ прослѣдить этотъ денежный аппетитъ до значительно болѣе ранней эпохи. Первая „уставная грамота“, переводящая натуральныя повинности населенія въ денежныя (Бѣлозерская), относится къ 1488 году. Въ ней перечислены какъ намѣстничьи „кормы“, такъ и судебные штрафы въ ихъ первоначальномъ видѣ, въ формѣ продуктовъ, но сейчасъ же идетъ и ихъ замѣна: „за полоть мяса

*) Н. Рожковъ „Сельское хозяйство московской Руси въ XVI вѣкѣ“, М. 1899, стр. 235 сл.

**) Ibid. 238—239. Ссылки на соотвѣтствующіе архивные документы тамъ же.

2 алтына...... за боранъ—8 денегъ“ и т. д. Введеніе денежныхъ податей было поводомъ для появленія большей части дошедшихъ до насъ уставныхъ грамотъ начала XVI вѣка крестьянамъ Артемоновскаго стана 1506 г., бобровникамъ Каменскаго стана 1509 г., Онежскаго 1536 г., Андреевскаго села 1544 г. и т. д. *) Административныя заботы московскаго правительства имѣли, такимъ образомъ, вполнѣ реальное, чисто экономическое основаніе.

И большіе и малые вотчинники стремились получать свои доходы не въ прежней, неуклюжей формѣ непосредственно потребляемыхъ продуктовъ. Имъ понадобилась форма болѣе гибкая. Но эта новая, болѣе гибкая, форма дохода—денежная—была бы безсмыслицей при томъ хозяйственномъ строѣ, въ рамкахъ котораго сложилась феодальная вотчина. Тамъ и деньги нужны были тоже въ „торжественныхъ“ случаяхъ: удѣльному князю, напримѣръ, когда онъ собирался отправлять въ Орду дань, и ему, и его подданнымъ, когда они покупали заморское сукно, заморское вино или заморскіе фрукты. Ежедневныя, будничныя потребности удовлетворялись своими, домашними средствами—деньги для этой цѣли не были нужны. А разъ деньги нужны были лишь изрѣдка, не было и поводовъ стремиться къ тому, чтобы свои доходы получать въ денежной формѣ. Переходъ феодальнаго вотчинника къ дежежному хозяйству сталъ, такимъ образомъ, только внѣшнимъ выраженіемъ гораздо болѣе крупой перемѣны. Эта перемѣна состояла въ разрушеніи феодальной вотчины, какъ самодовлѣющаго экономическаго цѣлаго и появленіи землевладѣльца, прежде гордаго въ своемъ экономическомъ уединеніи, на рынкѣ, какъ въ качествѣ покупателя, такъ и въ качествѣ продавца.

Указаніе на связь вотчины съ рынкомъ — связь не случайную, а постоянную, нормальную, такъ сказать — встрѣчается намъ впервые еще въ одномъ памятникѣ XV вѣка, возникшемъ, правда, на самой прогрессивной, экономически, окраинѣ тогдашней Россіи: въ Псковской судной грамотѣ. Въ одномъ изъ позднихъ постановленій этой послѣдней **) говорится объ обязанности „стараго изорника“, т.-е. бывшаго крестьянина, по окончаніи полевыхъ работъ, на Филиппово заговѣнье (15 ноября) „отказавшагося“ отъ своего

---

*) См. акты, собранные археографической экспедиціей, т. I, passim.

**) Позднимъ его приходится считать потому, что имъ ограничиваются права крестьянина,—именно право иска его по отношенію къ барину,—ср. стт. 42 и 75. Въ текстѣ идетъ рѣчь о послѣдней.

барина—**возы возити на государя.** Хлѣбъ и живность отправляли въ городъ, на рынокъ по первопутку — а зима могла стать позже 15 ноября, позже формальнаго прекращенія обязательствъ между „изорникомъ“ и его бывшимъ „государемъ“. Послѣдній могъ оказаться въ затруднительномъ положеніи: есть, что продавать, а везти въ городъ некому и не на чемъ. Ограждая интересы землевладѣльца, псковское право и оговаривало, что, хотя формально отношенія и кончились, бывшій крестьянинъ все же долженъ выполнить свою послѣднюю экономическую функцію — доставить продукты своего труда на рынокъ. „Повозъ“ упоминается и въ московскихъ документахъ XVI вѣка *). Но не всегда крестьянинъ являлся на рынки только въ качествѣ барскаго батрака. Самостоятельность отдѣльнаго мелкаго хозяйства, связаннаго съ центромъ вотчины лишь данями и оброками, вела къ тому, что и продавцомъ продуктовъ крестьянинъ часто являлся самъ за себя лично. Цитированный уже нами историкъ сельскаго хозяйства Московской Руси приводитъ очень живую картинку этого крестьянскаго торга изъ одного житія, начала XVI вѣка, разсказывающаго, какъ крестьяне окрестностей Переяславля-Залѣсскаго ходили „во градъ, на куплю несущъ отъ своихъ трудовъ земленыхъ плодовъ и прочево снѣна и отъ животныхъ“, „**до свѣтѣнія утра, еще тмѣ сущи, дабы на торговище ранѣе успѣти**“ **).

Чрезвычайно цѣнно это указаніе на существованіе мелкихъ мѣстныхъ, такъ сказать, уѣздныхъ рынковъ, — цитированный нами авторъ приводитъ ихъ цѣлый рядъ. Крупный обмѣнъ, даже и предметами первой необходимости, особенно хлѣбомъ, существовалъ и ранѣе, поскольку существовали крупные торговые центры, въ родѣ Новгорода, съ многолюднымъ не земледѣльческимъ населеніемъ. Въ XVI вѣкѣ мѣсто Новгорода, сохранившаго, однако, большую половину своего значенія, заняла Москва, по словамъ иностранныхъ путешественниковъ, растянувшаяся на девять почти верстъ по теченію рѣки Москвы и считавшая, во вторую половину царствованія Грознаго, болѣе 40.000 дворовъ, т.-е. не менѣе 200.000 душъ населенія ***). Флетчеру, бывшему здѣсь при Өеодорѣ Ивано-

---

*) См., напр., одну изъ уставныхъ грамотъ Соловецкаго монастыря, 1561 г., цитируемую г. Лаппо-Данилевскимъ, сборникъ „Крестьянскій строй“, С.-Пб., 1901, т. I, стр. 38.

**) Рожковъ, назв. соч., стр. 283.

***) Вотъ описаніе Москвы, какой она была въ началѣ разсматриваемаго періода, въ 1525 году. Оно принадлежитъ итальянскому путешественнику Павлу Іовію и заимствовано нами изъ „Исторіи города Москвы“ Забѣлина (ч. I, стр. 143):

„Городъ Москва по своему положенію въ самой срединѣ страны, по удобству

вичѣ, городъ показался не меньше Лондона, а есть основаніе вѣрить его утвержденію, что Москва сильно пострадала къ этому времени отъ татарскаго набѣга 1571 года и, нужно прибавить, отъ общаго экономическаго кризиса, запустошившаго всѣ города центральной Россіи *). Москва должна была втягивать огромное количество продуктовъ сельскаго хозяйства, и 700—800 возовъ съ зерномъ, въѣзжавшихъ ежедневно въ Москву по одной только ярославской дорогѣ, о которыхъ разсказываетъ одинъ изъ тѣхъ же иностранныхъ путешественниковъ, по всей вѣроятности вовсе не были преувеличеніемъ. Но здѣсь было еще все-таки лишь количественное измѣненіе, сравнительно съ предшествующей эпохой, хотя количество и тутъ переходило уже въ качество. Съ точки зрѣнія экономической эволюціи гораздо интереснѣе тѣ мелкіе городскіе центры, какіе мы встрѣчаемъ въ средней и сѣверной Россіи за то же царствованіе Ивана Грознаго и его преемника. Мы приведемъ только нѣсколько примѣровъ. Смоленскій Торопецъ—когда-то вотчина Мстислава Мстиславича

водяныхъ сообщеній, по своему многолюдству и, наконецъ, по крѣпости стѣнъ своихъ есть лучшій и знатнѣйшій городъ въ цѣломъ государствѣ. Онъ выстроенъ по берегу рѣки Москвы, на протяженіи пяти миль, и дома въ немъ вообще деревянные, не очень огромны, но и не слишкомъ низки, а внутри довольно просторны, каждый изъ нихъ обыкновенно дѣлится на три комнаты: гостиную, спальную и кухню. Бревна привозятся изъ Герцинскаго лѣса; ихъ отесываютъ по шнуру, кладутъ одно на другое, скрѣпляютъ на концахъ—и такимъ образомъ стѣны строятся чрезвычайно крѣпко, дешево и скоро. При каждомъ почти домѣ есть свой садъ, служащій для удовольствія хозяевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляющій имъ нужное количество овощей; отъ сего городъ кажется необыкновенно обширнымъ. Въ каждомъ почти кварталѣ есть своя церковь; на самомъ же возвышенномъ мѣстѣ стоитъ храмъ Богоматери, славный по своей архитектурѣ и величинѣ; его построилъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ Аристотель Болонскій, знаменитый художникъ и механикъ. Въ самомъ городѣ впадаетъ въ р. Москву рѣчка Неглинная, приводящая въ движеніе множество мельницъ. При впаденіи своемъ она образуетъ полуостровъ, на концѣ коего стоитъ весьма красивый замокъ съ башнями и бойницами, построенный итальянскимъ архитекторомъ. Почти три части города омываются рѣками Москвою и Неглинною; остальная же часть окопана широкимъ рвомъ, наполненнымъ водою, проведенною изъ тѣхъ же самыхъ рѣкъ. Съ другой стороны городъ защищенъ рѣкою Яузою, также впадающею въ Москву нѣсколько ниже города".

А вотъ какъ описываетъ Москву Флетчеръ, видѣвшій ее въ 1588 году:

„Городъ почти круглый; онъ окруженъ тремя рядами толстыхъ стѣнъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга улицами. Внутренняя ограда и находящіяся въ ней зданія служатъ мѣстомъ жительства императора. Городъ защищается рѣкой Москвой, которая течетъ вокругъ него, и пользуется такой же безопасностью, какъ сердце въ срединѣ тѣла. Мнѣ говорили, что во время переписи, незадолго передъ сожженіемъ города татарами, насчитали 41500 домовъ. Послѣ осады и пожара (въ 1571 году) видны обширныя пустыя пространства, которыя еще недавно были покрыты домами, въ особенности въ южной части, которая была построена императоромъ Василіемъ для его солдатъ... Въ настоящее время городъ Москва немного больше, чѣмъ Лондонъ..." („О государствѣ русскомъ", глава IV).

*) О размѣрахъ запустѣнія можно судить по слѣдующимъ даннымъ: въ Коломнѣ въ 1578 году было $32^1/_2$ двора жилыхъ на 662 пустыхъ; въ Можайскѣ по переписи 1595—1598 гг. 205 жилыхъ дворовъ, 127 пустыхъ и 1446 пустыхъ дворовыхъ мѣстъ. См. Платоновъ „Очерки по исторіи Смуты", стр. 46—47.

Удалого—въ XVI вѣкѣ „имѣлъ средніе размѣры и не отличался процвѣтаніемъ торга". Тѣмъ не менѣе въ немъ въ 1540—1541 гг. было 402 тяглыхъ двора—на 80 служилыхъ, 79 лавокъ и 2.400 человѣкъ приблизительно населенія. Въ Сольвычегодскѣ, во вторую половину того же вѣка, было около 600 тяглыхъ дворовъ, т.-е. не меньше 3.000 жителей: а „эти мѣста не отличались ни населенностью, ни оживленіемъ". Въ не менѣе медвѣжьемъ углу, Каргополѣ, документы 1560-хъ годовъ считаютъ 476 тяглыхъ дворовъ, т.-е. самое меньшее до двухъ съ половиною тысячъ жителей. На югъ отъ Москвы, въ Каширѣ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ того же вѣка было „около 400 посадскихъ дворовъ и значительный торгъ, заключавшій больше 100 лавокъ". Даже разрушеніе Каширы татарами, которые выжгли городъ до тла, не убило ея торговаго значенія. Въ Серпуховѣ уже къ 1552 году успѣла запустѣть пятая часть посада и, тѣмъ не менѣе, оставалось еще болѣе 600 дворовъ и 250 лавокъ *). Мы видимъ отсюда, какъ неосторожно было бы представлять себѣ городъ Московской Руси въ видѣ крѣпости, населенной почти исключительно военно-служилыми людьми. Какъ ни скромны приведенныя цифры торгово-промышленнаго населенія по нашему теперешнему масштабу, для средневѣковой страны, какой была Московская Русь XVI вѣка, это даетъ право говорить о буржуазіи, какъ о достаточно выдѣлившемся общественномъ классѣ—и какъ о соціальной силѣ, вліяніе которой не могло не сказаться въ критическія минуты. Апогея своего это вліяніе достигло въ дни Смуты, когда буржуазія оказалась въ силахъ выдвинуть своего царя, и поддерживать его нѣсколько лѣтъ. Но уже политическіе дѣятели эпохи Грознаго считаются съ этой силой, тѣмъ самымъ заставляя съ ней считаться и историка.

Но не только буржуазія выдѣлялась изъ массы сельскаго населенія, буржуазныя отношенія стали проникать и въ среду этого послѣдняго. Было бы очень странно представлять себѣ отношеніе всѣхъ крестьянъ XVI вѣка къ землевладѣльцамъ по образу и подобію отношеній теперешнихъ арендаторовъ къ теперешнимъ помѣщикамъ, какъ это иногда дѣлалось въ литературѣ. Но царствованіе Грознаго знаетъ уже и настоящіе случаи денежной аренды, притомъ не только крестьянской. Въ 1560 году игуменъ одного монастыря билъ челомъ

*) См. для всѣхъ этихъ данныхъ цитир. сочиненіе проф. Платонова, гл. I, passim. Выдержки въ „ " взяты оттуда же.

царю о томъ, чтобы монастырю отдали на оброкъ дворцовыя земли—онѣ были нужны для округленія монастырскаго хозяйства. Изъ отвѣтной царской грамоты мы узнаемъ, что эти земли и раньше были на оброкѣ, у помѣщиковъ братьевъ Щепотьевыхъ. Игуменъ „наддалъ оброку" 25 алтынъ и перебилъ землю у прежнихъ арендаторовъ. А въ выписи изъ рязанскихъ писцовыхъ книгъ, относящейся къ 1553 году, мы находимъ монастырскія села и деревни „въ *нагодчинѣ* за дѣтьми боярскими"; причемъ „нагодчина", ежегодная плата за землю, вездѣ выражена въ *денежной* формѣ — полтина, двѣ гривны, десять алтынъ, а начало арендныхъ отношеній возводится еще ко временамъ великихъ князей рязанскихъ, на грамоты которыхъ ссылается московская писцовая книга*). Древнѣйшія крестьянскія „порядныя", дошедшія до насъ, не даромъ относятся именно къ этому времени: это не значитъ, что раньше порядныхъ вовсе не было; весьма возможно, что отдѣльные ихъ образчики отъ болѣе ранней эпохи просто не дошли до насъ. Но чѣмъ такіе документы становились чаще, тѣмъ больше вѣроятія было, что отдѣльные экземпляры ихъ встрѣтятся изслѣдователямъ. Въ самомъ раннемъ изъ нихъ, отъ 1556 года, „оброкъ", т.-е. арендная плата, выражена не въ деньгахъ, а въ хлѣбѣ: „хлѣба, ржи и овса, 5 коробей, въ новую мѣру, изъ года въ годъ, и изъ лѣса пятой снопъ, а изъ Заозерья шестой снопъ" **). Но это вовсе не доказываетъ господства натуральнаго хозяйства, а скорѣе наоборотъ: желаніе землевладѣльца получить участіе въ прибыляхъ отъ *продажи* хлѣба. При наличности рынка, хлѣбъ былъ тѣ же деньги—особенно въ рукахъ монастыря, какимъ и былъ землевладѣлецъ въ настоящемъ случаѣ. Соловецкій монастырь, напримѣръ, въ концѣ 50-хъ годовъ шестнадцатаго вѣка закупалъ до 3.000 четвертей ржи ежегодно, а въ 80-хъ годахъ до 8.000 четвертей. Троице-Сергіевскій къ одному только устью Шексны, гдѣ монахи забирали свои рыбные запасы, отправлялъ по нѣскольку лодокъ, въ каждой по сту четвертей ржи, „да тридцать пудъ соли". Если въ первомъ случаѣ и можно допустить, что весь хлѣбъ шелъ на нужды самого монастырскаго хозяйства, то размѣры закупки указываютъ на почти капиталистическіе размѣры этого послѣдняго; и изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что въ Соловкахъ, кромѣ 270 чело-

---

*) Акты, относ. до исторіи тягл. населенія, изд. Дьяконовымъ, II n⁰ 19. Писцовыя книги Рязанскаго края, изд. В. Сторожевымъ, т. I, стр. 422.

**) Акты юридическіе, № 177. Приведена у Сергѣевича, „Древности русскаго права", т. I, изд. 3-е, стр. 240.

вѣкъ братіи, было до 1.000 „работныхъ людей“, въ самомъ монастырѣ, такъ и на промыслахъ, главнымъ образомъ, соле-варенномъ *). Торговля солью уже тогда была однимъ изъ крупнѣйшихъ зачатковъ торговаго капитализма и составляла почти монополію монастырей въ Московской, какъ и въ Кіевской Руси. Соловецкій продавалъ ежегодно до 130.000 пудовъ соли. Кирилловъ-Бѣлозерскій торговалъ ею „на Двинѣ, и во Твери, и въ Торжку, и на Угличѣ, и на Кимрѣ, и въ Дмитровѣ, и въ Ростовѣ, и на Кинешмѣ, и на Вологдѣ, и на Бѣлоозерѣ съ пригороды и по инымъ мѣстамъ: гдѣ соль живетъ поцѣннѣе, и они тутъ и продаютъ“, наивно признавались въ своемъ барышничествѣ монастырскія власти. Второстепенные монастыри (какъ, напримѣръ, Свіяжскій Богородицкій) продавали по 20.000 пудовъ соли въ годъ. Рядомъ съ этимъ монастыри вели обширный торгъ и другими продуктами—рыбой, масломъ, скотомъ. Монастырскіе склады въ Вологдѣ занимали шестьдесятъ саженъ въ длину и восемь въ ширину. Когда Кирилловъ монастырь, въ концѣ XVI вѣка, перенесъ свой торгъ на новое мѣсто, туда же пришлось передвинуть и царскую таможню: до такой степени обитель являлась коммерческой столицей края **).

Если монастыри барышничали, почти безъ соперниковъ, солью—то по части барышничанья другими предметами первой необходимости остальное общество не отставало отъ нихъ. По связи съ монастырями характерной является коммерческая роль духовенства, на которую имѣется цѣлый рядъ указаній. Къ тому священнику-прасолу изъ Пошехонскаго уѣзда, который „отъ дальнихъ странъ скотъ приводилъ и отводилъ отъ человѣка къ инымъ человѣкамъ“—его извлекъ изъ одного житія XVI вѣка Н. А. Рожковъ — можно прибавить лицо, исторически и литературно весьма знаменитое, руководителя Грознаго въ дни его „добродѣтели“, благовѣщенскаго протопопа Сильвестра. Наставляя своего сына быть честнымъ въ расплатахъ, Сильвестръ приводитъ истинно-буржуазные доводы, подъ которыми охотно подписался бы любой средневѣковый купецъ. „А самъ у кого что купливалъ, ино ему отъ меня милая разласка: безъ волокиты платежъ, да еще хлѣбъ да соль сверхъ; ино дружба въ вѣкъ; ино всегда мимо меня не продастъ... А кому что продавывалъ, все въ любовь, а не въ оманъ... ино добрые люди во всемъ вѣрили, и

*) Платоновъ, цит. соч., 7. Рожковъ, цит. соч., 272—274.
**) Ср. Платоновъ, цит. сочин., стр. 33 — 34. Костомаровъ, „Очеркъ торговли Московскаго государства“, стр. 153—154.

здѣшніе, и иноземцы". Это участіе московскаго протопопа въ заграничной торговлѣ интересно потому, что указываетъ на кругъ его отношеній и знакомствъ: мы увидимъ дальше, что нѣкоторые проекты первой половины царствованія Грознаго приходится поставить въ связь именно съ этимъ кругомъ. Заграничный торгъ уже тогда не былъ ничтожнымъ, что и вполнѣ естественно, если мы припомнимъ, что паденіе Новгорода вовсе не было обрывомъ коммерческихъ сношеній съ заморскими странами, а лишь сосредоточеніемъ ихъ въ самой Москвѣ. Въ 60-хъ годахъ прибавилось еще одно „окно въ Европу" — открытый англичанами путь по Сѣверной Двинѣ, черезъ Архангельскъ; но и это, конечно, отнюдь не упразднило стараго пути. Флетчеръ увѣряетъ, что пока Нарва была въ русскихъ рукахъ (съ 1558 по 1581 годъ) изъ нея выходило ежегодно не менѣе 100 кораблей, „большихъ и малыхъ", только со льномъ и коноплею. Воску вывозилось, будто бы, до 50 тысячъ пудовъ, сала—до 100 тысячъ, кожи—до 100 тысячъ штукъ въ годъ. Паденіе вывоза къ царствованію Ѳеодора Ивановича — втрое, а иногда вчетверо—онъ приписываетъ неудачамъ русской внѣшней политики: связь этой послѣдней съ коммерческими интересами мы разсмотримъ въ своемъ мѣстѣ. По поводу же Сильвестра стоитъ еще отмѣтить, что онъ, помимо того, что самъ занимался торговлей, готовилъ къ той же дѣятельности и другихъ: многіе изъ его воспитанниковъ, по его разсказу, „рукодѣльничаютъ всякими промыслы, а многіе торгуютъ въ лавкахъ; мнози гостьбу дѣютъ въ различныхъ странахъ всякими торговлями". Наставникъ царя Ивана былъ не даромъ авторомъ умѣреннаго и аккуратнаго, истинно мѣщанскаго „Домостроя": онъ же былъ родоначальникомъ и коммерческаго образованія въ Россіи.

Если вѣрить одному моралисту-проповѣднику первой половины XVI вѣка, который самъ былъ, впрочемъ, весьма плохимъ образчикомъ добродѣтельнаго житія, увлеченіе торговлей было въ тѣ дни чѣмъ-то въ родѣ повальной болѣзни, отбивавшей людей отъ всякихъ другихъ занятій. „Всякъ лѣнится учиться художеству, всѣ бѣгаютъ рукодѣлія, всѣ щапятъ торговати, всѣ поношаютъ земледѣлателемъ..." *). Но по крайней мѣрѣ объ одномъ классѣ общества, кромѣ духовенства, то же рѣшительно утверждаютъ и иностранцы,

---

*) Изъ проповѣдей митрополита Даніила, цитир. Жданова, „Сочиненія", т. I, стр. 233, прим. 2-е.

вовсе не склонные къ морализированію. Объясняя вздорожаніе хлѣбныхъ цѣнъ въ 80-хъ годахъ Флетчеръ говоритъ: „виновата была въ этомъ не столько земля, сколько происки дворянъ, барышничающихъ хлѣбомъ“ *). Дѣйствительно, цѣны на хлѣбъ въ XVI вѣкѣ поднимались съ правильностью и неуклонностью, совсѣмъ независѣвшими отъ случайнаго неурожая. По изслѣдованіямъ Рожкова, вліяніе урожаевъ на хлѣбныя цѣны тогда было не сильнѣе, чѣмъ теперь: между тѣмъ „въ западномъ Полѣсьѣ (нынѣшнія Новгородская и Псковская губерніи) въ самомъ началѣ столѣтія рожь стоила около 7 московокъ за московскую четверть, а къ 60-мъ годамъ цѣнность ея увеличилась втрое—до 21 слишкомъ деньги. Въ центрѣ (Московская и прилегающія къ ней губерніи) съ 5 денегъ въ 20-хъ годахъ XVI вѣка цѣна четверти ржи поднялась въ слѣдующемъ десятилѣтіи до 20 денегъ, въ 50-хъ и 60-хъ годахъ до 30-ти, а въ 80-хъ годахъ даже до 40 денегъ. На Сѣверѣ (губерніи Архангельская, Вологодская и Олонецкая) до 20-хъ годовъ включительно 14 д. за четверть ржи считались уже дорогой цѣной, а въ 60-хъ, 70-хъ годахъ нормальной была здѣсь уже цѣна въ 20—25 денегъ за четверть, въ 80-хъ въ 40, а въ 90-хъ даже въ 50 денегъ и болѣе“ **). А что землевладѣльцы были въ цѣнахъ на хлѣбъ непосредственно заинтересованы, доказываетъ то распространеніе оброка „посопнымъ хлѣбомъ“, которое мы уже отмѣчали выше.

Хлѣбный оброкъ или участіе помѣщика въ долѣ урожая былъ самымъ простымъ способомъ извлеченія денегъ изъ своего имѣнія въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ — какъ денежный оброкъ въ неземледѣльческихъ. За одно и то же время (1565—1568 года) въ Вотской пятинѣ—нынѣшней Петербургской и отчасти Выборгской губерніяхъ—посопный хлѣбъ и доля урожая составляли 84,1% всего оброка, а деньги лишь 15,9%: а въ Обонежской пятинѣ, „по естественнымъ своимъ условіямъ примыкающей уже къ Сѣверу“ хлѣбный доходъ помѣщика, въ обѣихъ его формахъ, не превышалъ 25%, а денежный давалъ болѣе 75% всего дохода. Но колоссальный, какъ мы сейчасъ видимъ, ростъ хлѣбныхъ цѣнъ долженъ былъ толкать помѣщиковъ земледѣльческой Россіи къ новымъ, болѣе сложнымъ формамъ производства. Уже и тогда находились люди, которымъ традиціонное, мелкое крестьян-

---

*) „О государствѣ русскомъ“, гл. III.
**) Цитир. сочин., стр. 210, ср. 286.

ское хозяйство не казалось достаточно производительнымъ. Это мелкое хозяйство было разсчитано на удовлетвореніе потребностей своего двора: на барскій дворъ шла меньшая часть урожая, — четверть или треть по новгородскимъ писцовымъ конца XV века *). Но теперь выгодно было забирать себѣ все, за вычетомъ необходимаго на пропитаніе самихъ работниковъ. Въ предшествующій періодъ барская пашня служила только для удовлетворенія потребностей барскаго двора и оттого была, обычно, очень невелика по размѣрамъ **). Уже изслѣдователь новгородскаго хозяйства конца XV вѣка замѣтилъ въ этомъ случаѣ довольно рѣзкую перемѣну. „Собственная боярская запашка въ Новгородѣ только въ рѣдкихъ случаяхъ достигала 5 обежъ на одну семью; обыкновенно же она не превышала 3 обежъ. Напротивъ, съ водвореніемъ московскаго владычества боярская запашка значительно увеличивается. Большія семьи, состоявшія изъ нѣсколькихъ помѣщичьихъ дворовъ, запахивали нерѣдко на себя по 16 и 17 обежъ. Такъ, князь Димитрій съ дѣтьми имѣлъ запашку въ 17 обежъ, князь Борисъ Горбатый съ матерью—16. Но и у отдѣльныхъ помѣщичьихъ семей собственная запашка была нерѣдко довольно значительная. Тотъ же князь Горбатый запахивалъ исключительно на себя 12 обежъ; Гордѣй Сарыхазинъ располагалъ запашкой точно въ такомъ же размѣрѣ" ***). Обработка этой расширившейся барской пашни производилась руками барскихъ же людей — холоповъ; о только что помянутомъ Гордѣѣ Сарыхазинѣ писцовая книга говоритъ: „и изъ тѣхъ обежъ Гордѣй пашетъ на себя съ своими людьми 12 обежъ". Въ главѣ о русскомъ феодализмѣ мы имѣли случай отмѣтить роль холоповъ, какъ военныхъ сотрудниковъ своего господина; теперь начинается ихъ экономическая утилизація. Какихъ размѣровъ она достигала, показываетъ завѣщаніе одного богатаго человѣка временъ молодости Грознаго, князя Ив. Ѳед. Судцкаго, писанное въ 1545—1546 гг. По завѣщанію можно насчитать не менѣе 55 семей холоповъ, которыхъ князь оставляетъ въ наслѣдство своей женѣ и дочерямъ, не считая отпускаемыхъ имъ на свободу: изъ нихъ 30 семей людей дѣловыхъ страдныхъ, обрабатывавшихъ княжескую пашню. Десять лѣтъ спустя, въ духовной другого богатаго помѣщика мы встрѣчаемъ кромѣ „страдныхъ слугъ" — просто пашенныхъ холоповъ — еще

*) Ibid. стр. 242.
**) См. „Русскую Исторію", ч. I, стр. 67.
***) Никитскій, „Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода", стр. 210.

страдныхъ людей кабальныхъ, работниковъ, закрѣпощенныхъ путемъ займа. Любопытно, что и тѣми и другими одинаково завѣщатель распоряжается совершенно свободно, какъ своею собственностью, считая ихъ „головами“ какъ скотъ *). Такъ уже въ 50-хъ годахъ шестнадцатаго вѣка явственно намѣчается одинъ изъ корней будущаго крѣпостного права.

Холопскій трудъ на пашнѣ былъ очень распространенъ въ первой половинѣ столѣтія: по подсчету Н. А. Рожкова въ Тверскомъ уѣздѣ въ 1539—1540 гг. на помѣщичьихъ земляхъ барскіе дворы составляли 4,5%, холопскіе 8,8%, крестьянскіе 86,7% общаго числа земледѣльческихъ дворовъ **). Въ отдѣльныхъ имѣніяхъ процентъ холопскихъ дворовъ заходилъ и выше 10. Но даже съ искусственнымъ расширеніемъ контингента „страдниковъ“, посредствомъ закабаленія свободныхъ крестьянъ, барская пашня росла все же быстрѣе, чѣмъ количество занятыхъ на ней холопскихъ рукъ. Помѣщикъ съ лихорадочной торопливостью стремился увеличить площадь земли, доходъ съ которой шелъ цѣликомъ ему,—захватывалъ не только отдѣльные крестьянскіе дворы, почему-нибудь запустѣвшіе, но и цѣлыя деревни и починки. Уже въ новгородскихъ писцовыхъ передъ нами мелькаютъ такія записи: деревня (такая-то) ... дв. княжой человѣкъ (такой-то) пашетъ ее на князя“. Въ московскихъ подобныхъ примѣровъ гораздо больше. Вотъ одинъ изъ типичныхъ: „За Яковомъ за Семеновымъ сыномъ Якушкина отца его помѣстье сельцо Сушино ... да къ тому же сельцу припущены въ пашню; пустошь Скородная, да пустошь, что былъ починокъ Боровой, а поставленъ на той же сельской землѣ, а въ немъ дворъ помѣщиковъ, да людскихъ пять дворовъ, да дворъ пустъ...“. Тамъ, гдѣ было раньше цѣлыхъ три крестьянскихъ поселка, расположился одинъ помѣщикъ съ пятью семьями своихъ дворовыхъ. Или: „За Иваномъ за Тимофѣевымъ сыномъ... треть пустоши, что была деревня...... да двѣ пустоши спущены пашнею вмѣстѣ, да жеребей пустоши...“ ***). Отдѣльные некрупные землевладѣльцы еще могли обходиться при расширеніи своей запашки холопскимъ трудомъ, но крупный собственникъ, организуя свое

*) См. акты, собр. Лихачевымъ, т. I, стр. 16—17, 29.

**) Цит. соч., стр. 140.

***) Первый примѣръ взятъ изъ писцовыхъ книгъ, изд. Калачевымъ, т. I, ч. 2-я, стр. 700—ср. тамъ же, стр. 709, 718, 719, 721 и мн. др. Второй изъ писцовыхъ книгъ Рязанскаго края, изд. Сторожевымъ, I, стр. 169—ср. стр. 172—173 и др.

хозяйство, долженъ былъ искать болѣе обширнаго резервуара рабочихъ рукъ. И уже очень скоро помѣщикъ напалъ на мысль—расширять въ этомъ направленіи натуральныя повинности сидѣвшихъ на его земляхъ крестьянъ. Первые образчики развитія барщины мы встрѣчаемъ, какъ и слѣдовало ожидать, на землѣ церковной: въ знаменитой грамотѣ митрополита Симона, которая нѣкогда играла такую роль въ спорахъ о возникновеніи русской поземельной общины. Мы уже упоминали, что доказательствомъ существованія общины этотъ случай никакъ служить не можетъ—упоминающійся въ грамотѣ передѣлъ произведенъ былъ не крестьянами, а вотчинникомъ *). Но напечатанный въ полномъ видѣ лишь въ недавнее время документъ оказался имѣющимъ капитальную важность въ другомъ отношеніи: имъ непререкаемо устанавливается наличность правильно организованной издѣльной повинности крестьянъ уже на рубежѣ XV и XVI-го вѣковъ. Барщина была на первый разъ не тяжелая—на каждыя пять десятинъ своей земли крестьянинъ долженъ былъ пахать одну десятину церковной. Это было, однако, уже усиленіе барщины: поводомъ къ грамотѣ было то, что крестьяне „пашутъ пашни на себя много, а монастырскія пашни пашутъ мало". Въ имѣніи было уже заведено трехпольное хозяйство—культура была, по тогдашнему, довольно интенсивная. Еще болѣе интенсивное хозяйство мы находимъ лѣтъ сорокъ спустя въ дворцовыхъ вотчинахъ великаго князя—и то же на ряду съ урегулированной барщиной: въ Волоколамскомъ уѣздѣ дворцовые крестьяне обязаны были на каждыя шесть десятинъ своей земли пахать седьмую на великаго князя, причемъ точно были опредѣлены размѣры посѣва на этой десятинѣ—„2 четверти ржи, а овса вдвое". Великокняжескую землю крестьяне должны были и унаваживать за свой счетъ, причемъ опять-таки точно были опредѣлены не только количество „колышекъ" навоза на десятину, но и размѣры каждой колышки **). Имѣнія среднихъ и мелкихъ владѣльцевъ долго должны были дожидаться столь раціональнаго хозяйства. Но барщина и здѣсь появляется довольно скоро: даже изслѣдователь, который утверждаетъ, что до конца XVI вѣка „барщины не существовало", приводитъ цѣлый рядъ указаній на барщинныя имѣнія въ первой поло-

---

*) См. „Русскую Исторію", I, стр. 72.

**) Оба документа и грамота митрополита Симона и сотная 1544 г. о дворцовыхъ имѣніяхъ Волоколамскаго уѣзда напечатаны впервые г. Милюковымъ въ его „Спорныхъ вопросахъ финансовой исторіи Моск. гос—ства", стр. 32, прим. 1 и 2.

винѣ столѣтія, и рядъ этотъ могъ бы быть еще увеличенъ *). Рядомъ съ кабальнымъ хозяйствомъ завязывался и другой корень крѣпостного права—съ дальнѣйшимъ его ростомъ мы познакомимся, изучая экономическую жизнь московской Руси XVII вѣка. Для современнаго читателя, привыкшаго разсматривать „крѣпостное хозяйство“, какъ синонимъ регресса, странно встрѣтить первые зачатки крестьянской крѣпости въ связи съ интенсификаціей культуры; но для феодальной вотчины, не знавшей пролетаріата, было невозможно построить новую систему хозяйства на чемъ-либо, кромѣ подневольнаго труда въ той или иной его формѣ. Стоитъ отмѣтить, какъ характерный симптомъ, попытки вести хозяйство вольнонаемными рабочими: въ 50-хъ годахъ на монастырскихъ земляхъ мы уже встрѣчаемъ „дѣтенышей“—сроковыхъ работниковъ на денежной платѣ, какъ показываетъ названіе, вербовавшихся сначала изъ ушедшихъ на заработки младшихъ членовъ крестьянскихъ семей. Но сколько-нибудь значительнаго развитія сельскій пролетаріатъ достигъ только къ самому концу разсматриваемаго періода, когда, на фонѣ всеобщей „разрухи“ рабскій трудъ окончательно укоренился, какъ господствующая форма эксплуатаціи, и къ услугамъ рабовладѣнія былъ весь аппаратъ государственныхъ учрежденій. Необходимое условіе для развитія буржуазнаго хозяйства стало намѣчаться тогда, когда никакихъ предпосылокъ для этого хозяйства уже не было.

Въ ту эпоху, которую мы разсматриваемъ теперь—въ первую половину царствованія Грознаго—аграрный кризисъ былъ еще далеко впереди, и печальный конецъ начинавшагося хозяйственнаго расцвѣта никѣмъ не предчувствовался. Деньги и денежное хозяйство были вновѣ, всѣ стремились къ деньгамъ и всѣ „щапили торговати“. Превращеніе хлѣба въ товаръ сдѣлало товаромъ и землю, которая давала хлѣбъ. Охотниковъ на этотъ товаръ было много, и рѣдко когда въ древней Руси земельная мобилизація шла болѣе бойко, нежели въ первой половинѣ XVI вѣка. Но разъ землю много и часто покупали, значитъ, кто-то продавалъ землю, т.-е. обезземеливался. Одинъ разрядъ терявшаго землю населенія мы уже видѣли въ главѣ II-ой: то было мелкое вотчинное землевладѣніе, крестьяне-вотчинники. Но обезземеливались не только они: на крайнемъ противоположномъ полюсѣ, среди крупнѣйшаго вотчиннаго боярства, мы замѣчаемъ то же явле-

*) Н. А. Рожковъ, цит. соч., стр. 129 и 153—154. Ср. А. Ю. №№ 177 и 178.

ніе. Два условія вели къ быстрой ликвидаціи тогдашнихъ московскихъ латифундій. Во-первыхъ, ихъ владѣльцы рѣдко обладали способностью и охотой по-новому организовать свое хозяйство. Человѣкъ придворной и военной карьеры „бояринъ XVI в. былъ рѣдкимъ гостемъ въ своихъ подмосковныхъ и едва ли когда заглядывалъ въ свои дальнія вотчины и помѣстья; служебныя обязанности и придворныя отношенія не давали ему досуга и не внушали охоты дѣятельно и непосредственно входить въ подробности сельскаго хозяйства“ *). Во-вторыхъ, феодальная знатность „обязывала“ и въ тѣ времена, какъ позже: большой бояринъ или медіатизированный удѣльный князь долженъ былъ, по традиціи, держать обширный „дворъ“, массу тунеядной челяди и дружину — иногда, какъ свидѣтельствуетъ Курбскій, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Пока все это жило на даровыхъ крестьянскихъ хлѣбахъ, бояринъ могъ не замѣчать экономической тяжести своего офиціальнаго престижа. Но когда многое пришлось покупать на деньги—деньги, все падавшія въ цѣнѣ годъ отъ году, по мѣрѣ развитія мѣнового хозяйства—онъ сталъ тяжкимъ бременемъ на плечахъ крупнаго землевладѣльца. Историкъ служилаго землевладѣнія въ XVI вѣкѣ приводитъ трогательный, можно сказать, эпизодъ, ярко рисующій эту сторону дѣла. Въ 1547 году царь Иванъ просваталъ дочь одного изъ знатнѣйшихъ своихъ вассаловъ, князя Александра Борисовича Горбатаго-Шуйскаго, за князя И. Ѳ. Мстиславскаго— тоже изъ первыхъ московскихъ бояръ. И вотъ оказалось, что матери невѣсты не въ чѣмъ выѣхать на свадьбу, ибо мужъ ея, отправляясь на царскую службу, т.-е. мобилизуя свою удѣльную армію, заложилъ все, что только можно было заложить, въ томъ числѣ и весь женинъ гардеробъ... **). Мелкій вассалитетъ былъ въ этомъ случаѣ въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи: онъ не только не тратилъ денегъ на свою службу, но еще самъ получалъ за нее деньги. Денежное жалованье мелкому служилому человѣку все болѣе и болѣе входитъ въ обычай въ теченіе XVI вѣка. Если прибавить къ этому, что маленькое имѣніе было гораздо легче организовать, чѣмъ большое—легко было „спустить вмѣстѣ“ двѣ-три деревни или починка и совсѣмъ невозможно продѣлать эту операцію надъ нѣсколькими десятками и сотнями деревень; что мелкому хозяину легко было лично учесть работу своихъ

---

*) В. Ключевскій, „Боярская Дума“, изд. 3-е, стр. 313.
**) Рождественскій, „Служилое землевладѣніе XVI в.“, СПБ. 1897, стр. 83.

барщинныхъ крестьянъ и холоповъ, а крупный долженъ былъ это дѣлать черезъ приказчика, который весьма охотно становился фактическимъ хозяиномъ—то мы увидимъ, что въ начинавшейся борьбѣ крупнаго и средняго землевладѣнія экономически всѣ выгоды были на сторонѣ послѣдняго. И, экспропріируя богатаго боярина-вотчинника въ пользу мелкопомѣстнаго дворянина, опричнина шла по линіи естественнаго экономическаго развитія, а не противъ него. Въ этомъ было первое условіе ея успѣха.

---

2. Публицистика и „реформы".

Политическія послѣдствія основного экономическаго факта эпохи—кризиса крупнаго вотчиннаго землевладѣнія—сказались очень скоро. Уже въ первой половинѣ XVI вѣка боярство чувствовало, что почва подъ нимъ колеблется, и принимало мѣры для упроченія своего пошатнувшагося положенія. Мѣры эти, и ихъ послѣдствія, очень сжато и выразительно описаны въ одномъ правительственномъ документѣ, относящемся къ пятидесятымъ годамъ столѣтія. „Прежде жаловали мы", говорится отъ царскаго имени въ этомъ документѣ, „бояръ своихъ и князей, и дѣтей боярскихъ, давали имъ города и волости въ кормленья, и намъ отъ крестьянъ челобитья великія и докука была безпрестанная, что намѣстники наши и волостели и ихъ пошлинные люди, сверхъ нашего жалованія указу, чинятъ имъ продажи и убытки великіе, а отъ намѣстниковъ и отъ волостей и отъ ихъ пошлинныхъ людей намъ докука и челобитья многія, что имъ посадскіе и волостные люди подъ судъ на поруки не даются, и кормовъ имъ не платятъ, и ихъ бьютъ, и въ томъ межъ ихъ поклепы и тяжбы великія..." *) Что быпонять этотъ текстъ, нужно ясно представить себѣ, что такое были намѣстники и волостели удѣльной Руси. Это отнюдь не было что-либо похожее на современныхъ намъ губернаторовъ или даже на воеводъ XVII—XVIII вѣка—какъ и удѣльный князь не былъ похожъ на современнаго намъ государя. Для князя его княженіе было, прежде всего другого, источникомъ доходовъ, въ видѣ дани, судебныхъ пошлинъ и тому подобнаго. Доходы эти, въ натуральной формѣ, онъ не вездѣ могъ собирать самъ: и иногда для него было выгодно

*) Жалованная грамота переяславскимъ рыболовамъ 1555 года. Акты, изд. Археограф. экспед., т. I nº 242.

въ той или другой мѣстности сдать ихъ въ аренду менѣе крупному феодалу. Тотъ и является въ роли княжескаго намѣстника, „кормленщика“, какъ его еще называли, потому что онъ кормился отъ своей должности. То была въ полномъ смыслѣ слова натуральная администрація, точно соотвѣтствующая всѣмъ условіямъ натуральнаго хозяйства. Арендовавшій княжескіе доходы бояринъ въѣзжалъ въ волость со всей своей дворней, поставляя такимъ образомъ натурой всю мѣстную администрацію. Его холопы и мелкіе вассалы, „послужильцы“, становились въ волости судьями, полицейскими, сборщиками податей—„пошлинными людьми“, по выраженію цитированной нами грамоты, ибо въ сборѣ разнаго рода пошлинъ была ихъ главная функція. Кормленіе было, стало быть, своего рода предпріятіемъ—весьма доходнымъ, если вѣрить одному современному публицисту, утверждающему, что гдѣ приходилось взять въ царскую казну десять рублей, въ боярскій карманъ попадало сто. Офиціальный документъ не противорѣчитъ этому, рисуя картину неистовыхъ вымогательствъ, отъ которыхъ „на посадахъ многіе крестьянскіе дворы, а въ уѣздахъ деревни и дворы запустѣли, и наши (царскіе) дани и оброки сходятся не сполна“. Насъ, конечно, и въ этомъ случаѣ не должна смущать обычная форма древне-русскихъ документовъ и лѣтописей, изображающихъ дѣло такъ, что царь давалъ волости и города въ кормленія: въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ на престолѣ всемірнаго православнаго царства сидѣлъ ребенокъ, который ничего никому давать не могъ. Нищавшіе вотчинники сами жадно разбирали кормленія, видя въ этомъ единственное средство поправить свои дѣла, особенно съ тѣхъ поръ, какъ „дани и оброки“ были переверстаны на деньги и арендованные великокняжескіе доходы стали поступать въ наиболѣе выгодной для арендаторовъ формѣ. Въ колоссальномъ злоупотребленіи кормленіями и заключались тѣ „ужасы“ боярскаго правленія, о которыхъ такъ много приходится слышать и отъ современниковъ, и отъ позднѣйшихъ историковъ. А народный бунтъ 1547 года, внѣшнимъ поводомъ къ которому былъ грандіозный московскій пожаръ, объединилъ въ одинъ огромный взрывъ всѣ тѣ мелкія „сопротивленія властямъ“, о которыхъ упоминаетъ та же цитированная нами грамота. Что бунтъ былъ вовсе не случайнымъ смятеніемъ на пожарищѣ, доказываетъ его дата: онъ начался на пятый день послѣ того, какъ пожаръ потушили. А то, что жертвой бунта сталъ тогдашній глава московскаго правительства, дядя Грознаго, князь Юрій Васильевичъ

Поцѣлуйный обрядъ.

Оригиналъ картины К. Е. Маковскаго *Поцѣлуйный обрядъ* (1895 г.) находится въ Русскомъ Музеѣ Александра III въ С.-Петербургѣ (№ 188). Обрядъ, изображенный на картинѣ,—одинъ изъ эпизодовъ времени „варварскихъ“ нравовъ; этотъ эпизодъ послужилъ темой для XV-ой главы повѣсти *Князь Серебряный* гр. А. К. Толстого, поставившаго себѣ задачу—дать „изображеніе общаго характера цѣлой эпохи и воспроизведеніе понятій, вѣрованій, нравовъ и степени образованности русскаго общества во вторую половину XVI столѣтія“. Въ этой главѣ „Поцѣлуйный обрядъ“ гр. А. Толстой описываетъ пиръ опричниковъ-гостей у боярина Морозова. Когда гости достаточно пили, и было предложено выпить еще здоровье боярыни Елены Морозовой, послѣдняя „появилась въ богатомъ сарафанѣ, сопровождаемая двумя сѣнными дѣвушками; она держала въ рукахъ золотой подносъ съ одною только чаркой; гости встали; дворецкій наполнилъ чарку тройнымъ зеленчакомъ“. Боярыня „прикоснулась къ ней губами и начала обносить ее кругомъ гостей, кланяясь каждому, малымъ обычаемъ, въ поясъ; по мѣрѣ того, какъ гости выпивали чарку, дворецкій наполнялъ ее снова“. Когда Морозова обошла всѣхъ гостей безъ изъятія, бояринъ обратился къ гостямъ съ такими словами: „Дорогіе гости! Теперь, по старинной русской обыклости, прошу васъ, уважили бъ вы мой домъ, не наложили бъ охулы на мое хозяйство, прошу васъ, дорогіе гости, не побрезгали бы вы поцѣловать жену мою! Дмитріевна, становись въ большомъ мѣстѣ и отдавай всѣ поцѣлуи каждому поочередно“. Такъ всѣ члены пьяной компаніи по очереди цѣловали хозяйку. Таковъ старый обрядъ, перенесенный художникомъ на полотно, которое представляетъ собою одну изъ многочисленныхъ попытокъ живописнаго изображенія московскаго быта и вообще, и самого К. Маковскаго въ частности. Большинство этихъ попытокъ—варіаціи на однообразныя темы, онѣ мало оригинальны, не богаты творчествомъ и при наличности археологической внѣшности, далеко не всегда, впрочемъ, выдержанной, нерѣдко страдаютъ нагроможденностью аксессуаровъ и той кричащей искусственностью, которая плохо мирится съ тонкимъ чутьемъ художественнаго и въ концѣ-концовъ положитъ предѣлъ подобному стилю исторической живописи. Правда, этотъ стиль пришелся по вкусу мало культурнымъ слоямъ русскаго общества; они готовы были заглядываться съ большимъ удовольствіемъ на любую картинку съ боярскими костюмами старой Москвы и наивно думали, что здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ... Если такой стиль исторической живописи отражаетъ извѣстныя стороны нашей общественности, то, конечно, онъ долженъ быть въ надлежащей мѣрѣ представленъ иллюстраціей къ *Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ*. Въ историко-бытовомъ жанрѣ К. Е. Маковскаго можно и не отрицать нѣкоторыхъ достоинствъ: у него есть и своя манера, и своего рода техническое совершенство. Въ „Поцѣлуйномъ обрядѣ“ мы встрѣчаемъ рядъ характерныхъ и красиво выписанныхъ лицъ, живую композицію всей сцены, но здѣсь нѣтъ творчества въ собственномъ смыслѣ этого слова, нѣтъ ничего исторически-характернаго. Правда, пьяные гости разошлись очень широко: одинъ „дрыхнетъ“ подъ столомъ, а другой на столѣ; одинъ пускается въ плясъ, а другой „оретъ во все горло“... но за этой конфектной внѣшностью не скрывается ровно ничего соціально продуманнаго, и даже самый смыслъ набросанной кистью сцены остается совершенно непонятнымъ, если къ ней не приложить истолкованія. Завистливо грязное лицо шута, пріютившагося у кресла мрачно настроеннаго старика-боярина, можетъ быть снято съ картины, посвященной художникомъ московской эпохѣ, и перенесено съ большимъ успѣхомъ на любую картину, живописующую время императрицы Анны, героини минутнаго конституціоннаго вожделѣнія русской знати.

В. Стор.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ". Изд. Т-ва „МІРЪ".

Глинскій, со своими чиновниками, совершенно опредѣленно подчеркиваетъ политическія причины движенія. Надо сказать, что движеніе и не было мѣстнымъ московскимъ: зачинщики его нашли убѣжище „въ иныхъ градахъ“: ихъ укрыла вся русская земля. „Предпріятія“ кормленщиковъ всѣхъ противъ нихъ озлобили—и бѣдняковъ, которые не находили у нихъ никакой управы, и богатыхъ, которыхъ кормленщики систематически грабили. Достаточно привести одинъ изъ пріемовъ кормленщицкаго управленія, чтобы настроеніе имущихъ слоевъ по отношенію къ боярской администраціи стало намъ совершенно ясно. „Вельможи царскіе въ городахъ и на волостяхъ“, разсказываетъ тотъ же публицистъ, „своимъ лукавствомъ и дьявольскимъ прельщеніемъ додумались до того, что стали выкапывать новопогребенныхъ мертвецовъ изъ земли, зарывая потомъ обратно пустые гроба; а выкопаннаго мертваго человѣка, исколовши рогатиной или изсѣкши саблей, да вымазавъ кровью, подкидывали въ домъ къ какому-нибудь богачу; а потомъ находили истца-ябедника, который Бога не знаетъ, да осудивъ богатаго неправеднымъ судомъ, все подворье его и богатство грабили“. На этомъ примѣрѣ особенно ярко видно противорѣчіе интересовъ кормленщика и всего населенія: первый жилъ, больше всего другого, судебными пошлинами; чѣмъ больше было преступленій въ его округѣ, тѣмъ выше былъ его доходъ. А обществу, и какъ разъ командующимъ слоямъ его, тѣмъ больше нужно было порядка и обезпеченности, чѣмъ оно экономически было развитѣе: а мы видѣли уже, какимъ темпомъ шло экономическое развитіе русскаго общества въ дни Грознаго. То, что разрушало экономическій базисъ боярства, готовило ему и противниковъ: и когда послѣ казанскаго похода „государь пожаловалъ кормленіями всю землю“, это было отвѣтомъ на единодушныя заявленія не одного „простого всенародства“, бунтовавшаго въ 1547 году, а всѣхъ, кромѣ только самихъ бояръ. Нѣкоторыя изъ этихъ заявленій до насъ дошли: Важская уставная грамота 1552 года, напримѣръ, въ своей самой существенной части просто переписываетъ челобитную самихъ Важанъ, даже со всѣми комплиментами челобитчиковъ по адресу ихъ намѣстниковъ и волостелей, которыхъ важане по-просту сравнивали съ „татями, костерями и иными лихими людьми“—разбойниками. Но то, что другія заявленія этого рода до насъ не дошли, отнюдь не значитъ, что ихъ и не было. Было даже нѣчто большее простыхъ челобитныхъ—былъ цѣлый, сознательно выработанный планъ реформъ, нашедшій себѣ и частное и официальное выраженіе—подъ

перомъ первыхъ русскихъ публицистовъ, и въ формѣ вопросовъ, съ которыми царь Иванъ обращался къ Стоглавому собору.

И публицистика 40—50-хъ годовъ, и „царскіе вопросы“ интересны особенно потому, что они даютъ намъ возможность вскрыть тѣ соціальныя силы, которыя стояли за такъ называемыми „реформами Грознаго“. Изображать эти „реформы“, какъ продуктъ государственной мудрости самого царя и тѣснаго кружка его совѣтниковъ, уже давно стало невозможно. Участіе въ „реформахъ“ самого населенія—и притомъ въ качествѣ инициатора—также давно признано *). Но въ анализѣ этого факта обыкновенно не шли дальше ссылокъ на „ходъ дѣлъ“ и „силу вещей“. Цѣнныя сами по себѣ, какъ признаніе матеріальнаго фактора движущею силой исторіи, онѣ не даютъ намъ однакоже представленія, въ какую конкретную форму облекалась „сила вещей“ въ этомъ случаѣ. Хозяйственныя перемѣны, наблюдавшіяся нами въ началѣ этой главы, должны были выдвинуть новые общественные классы или, по крайней мѣрѣ, новыя соціальныя группы. То было среднее землевладѣніе, успѣшно сживавшееся съ условіями новаго мѣнового хозяйства—то была буржуазія, изстари сильная въ самой Москвѣ, благодаря этому хозяйству, получившая совсѣмъ особенное значеніе и вліяніе далеко за предѣлами столицы. Какъ оба класса должны были относиться къ хозяевамъ удѣльной Руси, крупному феодальному землевладѣнію, мы сейчасъ видѣли на отдѣльномъ примѣрѣ. Но это отношеніе вовсе не приходится констатировать по глухимъ намекамъ источниковъ, какъ можно бы, пожалуй, подумать. Оно вполнѣ отчетливо было формулировано еще современниками—и въ установленіи этого факта заключается крупное научное открытіе, до сихъ поръ недостаточно учтенное историками, спеціально изучавшими нашъ шестнадцатый вѣкъ, хотя первыя указанія на сознательную планировку „реформъ“, шедшую гораздо дальше того, что въ дѣйствительности осуществилось, относятся еще къ семидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія **). Особенный скептицизмъ вызывало существованіе современной Грозному публицистики, хотя, казалось бы, само по себѣ было ясно, что переписка царя съ Курбскимъ не могла быть изолированнымъ фактомъ. Формулировать свои политическіе взгляды на бумагѣ, защищать ихъ съ перомъ въ рукѣ не могло же быть инди-

*) См. по этому поводу ст. Дитятина: „Роль челобитій и земскихъ соборовъ etc.“ и ст. пишущаго эти строки въ сборникѣ „Мелкая земская единица“, Спб. 1903.

**) Статьи проф. Жданова о „Стоглавомъ соборѣ“ появились въ 1876 году.

видуальной привычкой двухъ человѣкъ. Скептицизму много помогало твердо укоренившееся убѣжденіе въ поголовной безграмотности старой московской Руси, но и это убѣжденіе должно было поколебаться хотя бы у тѣхъ, кто зналъ, что для занятія нѣкоторыхъ должностей (губного головы, напримѣръ, о которомъ будетъ еще рѣчь ниже) уже при Грозномъ требовался минимальный, образовательный цензъ—грамотность,—кто зналъ, какую роль играли въ тѣ времена люди пера и бумаги, дьяки, въ глазахъ иностранцевъ часто бывшіе вершителями судебъ государства. „Читающей публики" въ нашемъ смыслѣ, конечно, не было, но въ любомъ медвѣжьемъ углу могли найтись люди, умѣвшіе прочесть написанное и разсказать содержаніе его своимъ сосѣдямъ *). Печатать было, пожалуй, еще не для кого—печатный станокъ и заведенъ былъ при Грозномъ только для богослужебныхъ книгъ, но писать было кому—и то, что нравилось, пріобрѣтало достаточно широкое распространеніе, чтобы вліять на умы по крайней мѣрѣ верхнихъ, командующихъ слоевъ. Такъ возникъ цѣлый рядъ произведеній, въ привычную для того времени форму притчи, апокрифа или нравоучительнаго историческаго разсказа, влагавшихъ очень дѣловое содержаніе. То была иногда челобитная, будто бы поданная царю какимъ-то служилымъ человѣкомъ, то разговоры, которые будто бы вели о Россіи заграничныя знаменитости того времени, то повѣсти о чужихъ земляхъ и царяхъ—въ которыхъ, однакоже, не трудно было узнать московское государство и Ивана Васильевича—то откровенія святыхъ чудотворцевъ. Большая часть дошедшихъ до насъ произведеній этого рода связана съ именемъ лица, несомнѣнно легендарнаго, что, конечно, не мѣшало ему имѣть однофамильцевъ и въ дѣйствительной жизни, „выѣзжаго изъ Литвы" Ивана Семеновича Пересвѣтова **). Прошедшій „весь свѣтъ" „воинникъ", служившій на своемъ вѣку и „Ѳордыналу ческому", и „Янушу, угорскому королю" и Петру „волоскому воеводѣ", былъ чрезвычайно удобной ширмой для рѣзкой критики отечественныхъ порядковъ: съ одной стороны онъ импо-

*) Губная грамота 1539 года предполагаетъ, напримѣръ, существованіе грамотныхъ помѣщиковъ—и притомъ не какъ единичное исключеніе, въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ.

**) Всѣ, связанные съ этимъ именемъ, памфлеты собраны и изданы недавно г. Ржигой. („И. С. Пересвѣтовъ, публицистъ XVI вѣка", Москва, 1908). Издатель усиленно старается доказать реальность номинальнаго автора, но ему удается лишь установить существованіе фамиліи Пересвѣтовыхъ въ XVI вѣкѣ. Еще менѣе, конечно, можно кого-либо убѣдить ссылками на рукописи XVIII в., какъ это дѣлаетъ авторъ другого изданія о Пересвѣтовѣ, г. Яворскій. Если бы весь планъ „реформы" и опричнины вышелъ изъ чьей-либо одной головы, существованіе ея не пришлось бы доказывать такимъ сложнымъ способомъ.

нировалъ своимъ авторитетомъ полу-иностранца, видавшаго тогдашнюю Европу и могшаго сослаться, при случаѣ, на ея порядки; съ другой, именно какъ съ иностранца, что съ него возьмешь, коли онъ и погрѣшитъ чѣмъ противъ православной старины. А грѣшитъ въ этомъ случаѣ нашъ памфлетистъ много. Его этико-религіозные взгляды поражаютъ своей широтой, если припомнить, что дѣло идетъ о современникѣ Стоглаваго собора. Церковная идеологія совершенно чужда этому, въ высшей степени свѣтскому, человѣку. Пересвѣтовъ недаромъ выѣхалъ изъ Литвы, гдѣ въ то время сильна была протестантская пропаганда—евангеліе для него едва ли не единственный религіозный авторитетъ, да и то не столько изъ-за своего божественнаго происхожденія, сколько ради заключающихся въ немъ нравственныхъ идей. Христосъ „далъ намъ евангеліе правду", а правда—выше вѣры: „не вѣру Богъ любитъ, а правду". Если по старой памяти и говорится о „ереси" грековъ, какъ о причинѣ паденія Царяграда, то это не болѣе, какъ остатокъ традиціонной фразеологіи; на самомъ дѣлѣ причиной катастрофы было то, что греки „евангеліе читали, а иные слушали, а воли Божіей не творили". А вотъ „невѣрный иноплеменникъ", Махметъ-салтанъ, царь турецкій (Магометъ II) „великую правду въ царство свое ввелъ"—„и за то ему Богъ помогаетъ". За такія рѣчи въ московскомъ царствѣ и на костеръ недолго было попасть, а ужъ въ монастырское заточеніе навѣрное: полуиностранный псевдонимъ былъ очень кстати.

Пересвѣтовскія писанія всѣ сосредоточиваются около одной центральной темы: причинъ паденія Константинополя, гибели православнаго царя „Константина Ивановича" и успѣха невѣрнаго „Махметъ-салтана". Тема была весьма популярна въ тогдашней русской литературѣ, но никто ея не бралъ съ такой точки зрѣнія. Благочестивые книжники видѣли въ этомъ событіе скорѣе радостное: ересь была посрамлена, а древнее благочестіе возсіяло, яко солнце, и мѣсто падшаго второго Рима занялъ третій Римъ, Москва. Приличіе требовало пролить нѣсколько слезъ по поводу гибели старой столицы православнаго царства, но ей была уже готова наслѣдница, и особенно плакать было не о чемъ. Для Пересвѣтова паденіе Константинополя—прежде всего грозный историческій примѣръ того, какъ гибнутъ государства, которыми плохо управляютъ,—гдѣ нѣтъ „правды". „Третій Римъ" его нисколько не интересуетъ: если въ Москвѣ дѣла будутъ итти такимъ же порядкомъ, какъ въ Византіи, и Москвѣ не миновать такого же конца. Будущая политическая карьера Москвы всецѣло зави-

ситъ отъ того, есть ли здѣсь „правда“. Это ничего, что въ Москвѣ „вѣра христіанская добра и красота церковная велика“: „коли правды нѣтъ, то всего нѣтъ“. А правды не будетъ, пока будетъ сохраняться удѣльный способъ управленія. Петръ, волошскій воевода, устами котораго высказываются наиболѣе смѣлыя пересвѣтовскія сентенціи (для нихъ, такимъ образомъ, понадобился двойной псевдонимъ) особенно не хвалитъ, что царь Иванъ „особную войну на свое царство напущаетъ“: даетъ города и волости держать вельможамъ, а вельможи отъ слезъ и отъ крови христіанской богатѣютъ нечистымъ собраніемъ. Кормленщики являются, такимъ образомъ, первымъ препятствіемъ къ осуществленію „правды“ на русской землѣ. А между тѣмъ, Махметъ-салтанъ давно подалъ примѣръ, какъ обойтись безъ кормленій: невѣрный, онъ „богоугодная учинилъ, великую мудрость и правду въ царство свое ввелъ“ — по всему царству разослалъ вѣрныхъ своихъ судей, „изоброчивши ихъ изъ казны своимъ жалованьемъ“. „А присудъ (судебныя пошлины) велѣлъ брать на себя въ казну“, чтобы судьямъ не было искушенія судить неправо; и выдалъ имъ книги судебныя, по чему имъ винити и правити. Пересвѣтовскіе памфлеты возникли, какъ можно судить по цѣлому ряду признаковъ, между 1545—1548 годами: а такъ называемый „Царскій судебникъ“ Ивана Васильевича изданъ въ іюнѣ 1550 года. Одной этой справки достаточно, чтобы видѣть, насколько публицистика временъ Грознаго была тѣсно связана съ жизнью. Но Махметъ-салтанъ не ограничился централизаціей однихъ судебныхъ доходовъ—онъ ввелъ „единство кассы“ для всѣхъ своихъ доходовъ безъ исключенія: „и съ городовъ, и съ волостей, и изъ вотчинъ, и изъ помѣстій всѣ доходы въ казну свою царскую велѣлъ собирати по всякій часъ“, а сборщиковъ изъ казны оброчилъ своимъ жалованьемъ. Такъ же точно, на жалованьѣ, организована и вся его военная сила. Московское государство давно начало переходить отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, но дѣйствительность была безконечно далека отъ такой грандіозной ломки всего административнаго аппарата — отъ полной замѣны феодальнаго государства, съ его вассалитетомъ, режимомъ централизованной монархіи, съ чиновничествомъ на жалованьѣ. То, что грезилось „Пересвѣтову“, осуществилось лишь въ XVIII вѣкѣ. Еще дольше пришлось дожидаться своей реализаціи другой мысли нашего публициста. Онъ великій противникъ рабства. Его герой, Махметъ-салтанъ турецкій, велѣлъ „огнемъ пожещи“ книги полныя и докладныя—документы о холопствѣ—и даже плѣнникамъ

позволялъ выкупаться на волю по истеченіи семилѣтняго срока. И устами турецкаго владыки высказывается великолѣпная апологія свободы народа, какъ необходимаго условія національной самостоятельности. „Въ которомъ царствѣ люди порабощенны, и въ томъ царствѣ люди не храбры...“ Этой „правды“ потомкамъ Пересвѣтова пришлось ждать совсѣмъ долго. Но логика денежнаго хозяйства неотвратимо вела къ замѣнѣ холопства вольнонаемнымъ трудомъ, и не вина была нашего автора, что блестящій экономическій расцвѣтъ первой половины вѣка такъ скоро уступилъ мѣсто кризису и реакціи.

Но Пересвѣтовъ былъ не только представителемъ новаго экономическаго міросозерцанія—его индивидуальная черта не въ этомъ: тутъ у него нашлись бы товарищи и изъ лагеря, съ которымъ онъ былъ въ лютой враждѣ. Денежное хозяйство не прочь были использовать и бояре—и грабежи кормленщиковъ были своеобразной формой эксплуатаціи новыхъ источниковъ дохода. Пересвѣтовъ—не землевладѣлецъ-предприниматель, и не буржуа изъ города. На купца онъ смотритъ съ обычной точки зрѣнія средневѣковаго потребителя: купецъ—обманщикъ, за нимъ нужно строго слѣдить, торговля должна быть точно регламентирована, цѣны должно назначать государство: а если кто обманетъ, обвѣситъ или обмѣритъ или цѣну возьметъ „больше устава царева“,—„таковому смертная казнь бываетъ“. И богатый землевладѣлецъ, кто бы онъ ни былъ, не возбуждаетъ его сочувствія. Вельможи Ивана Васильевича не только потому плохи, что они „отъ слезъ и отъ крови христіанской богатѣютъ“, но и потому, что они вообще богатѣютъ „и лѣнивѣютъ“. „Богатый о войнѣ не мыслитъ, мыслитъ объ упокои; хотя и богатырь обогатѣетъ, и онъ облѣнивѣетъ“. И не трудно замѣтить группу, на сторонѣ которой всѣ симпатіи Пересвѣтова: ни о чемъ такъ не заботятся его герои, какъ о „воинникахъ“. Махметъ-салтанъ, „умножилъ сердце свое къ войску своему и возвеселилъ вся войска своя. Съ году на годъ оброчилъ ихъ своимъ царскимъ жалованьемъ изъ казны своей, кто чего достоинъ—а казнѣ его нѣтъ конца...“ Петръ, валашскій воевода, поучаетъ Ивана Васильевича: „воина держать, какъ сокола чередить —всегда ему сердце веселить, а ни въ чемъ на него кручины не допустить...... Который воинникъ лютъ будетъ противъ недруга государева играти смертною игрой и крѣпко будетъ за вѣру христіанскую стоять, ино таковымъ воинникамъ *имена возвышати* и сердца ихъ веселити, и жалованья изъ казны своей государевой прибавляти...... *и къ себѣ ихъ припущати и во всемъ имъ*

вѣрити, и жалобы ихъ слушать во всемъ, и любить ихъ какъ отцу дѣтей своихъ, и быти до нихъ щедру...“ И Царьградъ палъ отъ того, что у царя Константина „воинники“ оскудѣли и обнищали. Но не всѣ военные люди на одно лицо: крупные вассалы московскаго великаго князя, которые „тѣмъ слуги его называются, что цвѣтно, конно и людно выѣзжаютъ на службу его, а крѣпко за вѣру христіанскую не стоятъ“, только „оскужаютъ“ московское царство. Идеалъ Пересвѣтова тотъ воинникъ, что „въ убогомъ образѣ“ пришелъ къ Августу Кесарю (любопытно, что о родствѣ его съ московскимъ государемъ нашъ публицистъ не упоминаетъ ни словомъ—такъ мало интересуетъ его церковная легенда)— и Августъ Кесарь за то его пожаловалъ и держалъ его близко себя и радъ его“. Вмѣсто пышнаго вассалитета, Петръ, валашскій воевода, рекомендуетъ небольшое, но отборное, наемное войско: „двадцать тысячъ юнаковъ храбрыхъ съ огненною стрѣльбою“. Какого происхожденія „храбрые юнаки“ — все равно: „Кто у царя (Махметъ-султана) противъ недруга крѣпко стоитъ, играетъ смертною игрою, полки недруга разрываетъ, вѣрно служитъ, хотя отъ меншаго колѣна, и онъ его на величество поднимаетъ и имя ему велико даетъ...... А вѣдома нѣтъ, какова отца они дѣти, да для ихъ мудрости царь велико на нихъ имя наложилъ......“

Чтобы понять эти намеки перваго русскаго публициста— изъ свѣтскихъ публицистовъ Пересвѣтовъ безусловно былъ въ московскомъ государствѣ первымъ по времени: Курбскій сталъ писать лѣтъ на двадцать позже—современный читатель долженъ вспомнить, что какъ разъ на эту эпоху приходится окончательное юридическое упроченіе одного очень извѣстнаго обычая московской Руси. Ища себѣ экономической опоры въ кормленіяхъ, падавшее боярство пыталось найти юридическую—въ мѣстничествѣ. Сущность мѣстничества заключалась въ наслѣдственности отношеній между должностями: каждая служилая семья занимала опредѣленное положеніе въ ряду другихъ такихъ же семей и каждый членъ ея, независимо отъ своихъ личныхъ заслугъ, могъ претендовать на такое мѣсто въ служебной іерархіи, какое занимали его предки. Формально, мѣстничество связано, конечно, съ патріархальными представленіями — съ тѣмъ „групповымъ началомъ“, о которомъ намъ не разъ уже приходилось говорить: личныя заслуги потому не принимались въ разсчетъ, что ни право, ни нравы не умѣли выдѣлить лица изъ семейной группы. Но когда патріархальныя понятія господствовали во всей силѣ,

ихъ и не приходилось поддерживать искусственно: всякій зналъ свое мѣсто, и на чужое не посягалъ. Въ случаѣ сомнѣнія взывали къ „памяти“ старыхъ людей—и этого было достаточно. Если теперь, въ подкрѣпленіе обычаю, начинаютъ ссылаться на письменные документы—и даже фабриковать таковые—это вѣрный знакъ, что обычай пошатнулся, и то, что не держится само собою, стараются подкрѣпить искусственно. Новѣйшими изслѣдованіями почти внѣ спора установлено, что какъ первая „разрядная книга“—запись служебныхъ назначеній высшихъ чиновъ московскаго двора, такъ и „государевъ родословецъ“—списокъ знатнѣйшихъ фамилій, пытавшійся фиксировать составъ московской аристократіи, возникли въ 50-хъ годахъ шестнадцатаго вѣка *). То, что казалось невиннымъ, можетъ быть, просто глупымъ, остаткомъ „до-государственной“ старины, въ дѣйствительности было орудіемъ классовой борьбы—попыткой искусственными плотинами задержать надвигавшійся приливъ. Если „разрядная книга“ и была выборкой—хотя и то уже весьма тенденціозной—изъ подлинныхъ документовъ, то „государевъ родословецъ“ былъ переполненъ прямо фантастическими разсказами, дѣлавшими изъ всѣхъ московскихъ бояръ „знатныхъ иностранцевъ“. У всѣхъ въ предкахъ оказались какіе-то сомнительные вельможи, выѣхавшіе на службу къ московскому великому князю: кто изъ нѣмцевъ, кто изъ Литвы—въ худшемъ случаѣ изъ Орды. Крайне характерна эта эпидемія заграничныхъ генеалогій какъ разъ въ тотъ моментъ, когда заграница становится авторитетомъ, и „худородные“ начинаютъ ссылаться на нее въ свою пользу.

Но чтобы „благороднымъ“ понадобились такія искусственныя подпорки, нужно было, чтобы „худородные“ заявляли о своемъ существованіи не одними тенденціозными апокрифами и политическими сказками. Они должны были стать реальной силой, достаточно грозной, чтобы московская знать ихъ боялась. Мѣстничество еще не успѣло народиться, а мѣстническая система уже трещала по всѣмъ швамъ: во время казанскаго похода 1550 года „царь государь съ митрополитомъ и со всѣми бояры“ приговорили: „въ полкахъ быти княжатамъ и дѣтямъ боярскимъ съ воеводами безъ мѣстъ, ходити на всякія дѣла со всѣми воеводами“. Мѣстническіе счеты сохранялись только для самихъ воеводъ, которыхъ государь обѣщался прибирать „разсужая ихъ отечество“: но даже и Пере-

*) См. П. Милюкова „Офиціальныя и частныя редакціи древнѣйшей разрядной книги“, М. 1887 и Лихачева „Разрядные дьяки XVI вѣка“.

свѣтовъ, при всемъ своемъ радикализмѣ, не рѣшался разрушать старину до самаго корня и, возставая, напримѣръ, противъ кормленій, предлагалъ не просто отнять у кормленщиковъ ихъ доходы, а выкупать кормленія за опредѣленную сумму въ казну. „А какого вельможу пожалуетъ за его вѣрную службу городомъ или волостью“ Махметъ-салтанъ, „и онъ пошлетъ къ судьямъ своимъ и велитъ ему по доходному списку изъ казны выдати вдругъ“. Верхи служилой іерархіи были еще, пока что, хорошо защищены отъ напора служилой демократіи. Но, держась еще въ центрѣ, феодальное боярство вынуждено было сдать свои позиціи въ области. Реформа областного управленія была первымъ торжествомъ пересвѣтовскихъ идей—и на ней стоитъ остановиться не только ради нея самой, но еще и потому, что она даетъ чрезвычайно своеобразное и жизненное освѣщеніе тѣмъ способамъ, какими собесѣдникъ Петра, валашскаго воеводы, и поклонникъ Махметъ-султана турецкаго разсчитывалъ „ввести въ землю правду“.

По разсказу Пересвѣтова Махметъ-султаномъ такъ была организована полиція безопасности. Если случится — въ войскѣ—воровство или разбой, на такихъ лихихъ людей, воровъ и разбойниковъ „обыскъ царевъ живетъ накрѣпко по десятникамъ, по сотникамъ и по тысяцкимъ“: и который десятникъ утаитъ лихого человѣка въ своемъ десяткѣ, тотъ десятникъ съ тѣмъ лихимъ человѣкомъ казненъ будетъ смертною казнью. „А татю и разбойнику у царя у турецкаго тюрьмы нѣтъ, на третій день его казнятъ смертной казнью для того, чтобы лиха не множилася; лишь опальнымъ людямъ тюрьма до обыску царева. И по городамъ у него тѣ же десятскіе установлены, и сотники, и тысяцкіе на лихихъ людей, на татей, и на разбойниковъ, и на ябедниковъ, и гдѣ кого обыщутъ лихого человѣка, татя (вора) или разбойника или ябедника, тутъ его казнятъ смертною казнью; а десятникъ утаитъ лихого человѣка въ своемъ десятку, а потомъ обыщутъ всею сотнею, ино та же ему смертная казнь“. Карамзинъ, видѣвшій въ пересвѣтовскихъ памфлетахъ „подлогъ и вымыселъ“, доказывалъ это свое мнѣніе, между прочимъ, тѣмъ, что „сей затѣйникъ“ совѣтовалъ царю „сдѣлать все великое и хорошее, что было уже сдѣлано“. Вообще говоря, это совсѣмъ несправедливо: мы видѣли, что въ своихъ проектахъ „Пересвѣтовъ“ опережаетъ часто не только Грознаго, но и Московскую Русь вообще. Но въ данномъ случаѣ мы наталкиваемся, дѣйстви-

тельно, на нѣкоторую странность: полицейская организація, описанная въ приведенныхъ выше строкахъ, съ ея характеристическими признаками—спеціальными властями для борьбы съ разбоемъ, повальнымъ обыскомъ и отвѣтственностью тѣхъ, кто обыскивалъ, за результаты обыска—уже существовала въ 40-хъ годахъ шестнадцатаго вѣка на Руси. Уже отъ 1539 года до насъ дошли двѣ грамоты—одна была дана Бѣлозерскому краю, другая Каргополю: въ обѣихъ великій князь „клалъ на души“ мѣстнаго населенія розыскъ разбойниковъ и казнь ихъ, послѣ розыска, безъ суда. Въ этомъ было коренное отличіе новаго способа расправы отъ прежнихъ: прежде всѣ дѣла, въ томъ числѣ и о разбоѣ, начинались въ порядкѣ частнаго обвиненія и разрѣшались въ порядкѣ состязательномъ—присягою сторонъ или „полемъ“, судебнымъ поединкомъ. Волостель и въ этихъ дѣлахъ прежде всего „своего прибытка смотрѣлъ“ — слѣдилъ за исправнымъ поступленіемъ судебныхъ пошлинъ и штрафовъ. Репрессія и въ этомъ случаѣ, конечно, могла быть лишь очень слабая, даже не считая тѣхъ, на практикѣ не рѣдкихъ, случаевъ, когда кормленщикъ просто входилъ въ долю съ разбойниками, считая такой доходъ болѣе вѣрнымъ, чѣмъ „присудъ“, котораго когда-то еще дождешься. Въ обѣихъ упомянутыхъ нами грамотахъ упоминается объ основаніи въ Москвѣ особаго разбойнаго приказа („наши бояре, которымъ разбойныя дѣла приказаны...“). Органами его на мѣстахъ были не кормленщики, а особые „головы“, выборные отъ мѣстнаго населенія, помощниками которыхъ были старосты, десятскіе и „лучшіе люди“. Головы были не только на Бѣломъ озерѣ и въ Каргополѣ, а и въ „иныхъ городахъ“: это была общерусская реформа по широко задуманному плану. Реформа, несомнѣнно, била по карману кормленщиковъ, отнимая у нихъ главный источникъ дохода — и въ этомъ смыслѣ ее поняли современники. Псковской лѣтописецъ, напримѣръ, разсказываетъ, что на новые порядки намѣстники сильно сердились — „была намѣстникомъ нелюбка велика на христіанъ“, „христіанамъ“ же „бысть радость и льгота отъ лихихъ людей“. Тутъ особенно приходится пожалѣть, что намъ такъ суммарно извѣстна внутренняя исторія московскаго государства въ малолѣтство Грознаго. О соціальной борьбѣ 30-хъ годовъ мы ничего не знаемъ, если не считать упоминавшагося уже въ началѣ этой главы возстанія новгородскихъ помѣщиковъ въ 1537 году, по призыву князя Андрея Ивановича. Была ли между этимъ фактомъ и первою „реформой Грознаго“ причинная связь—мы не знаемъ.

Но то, что потеряли бояре-кормленщики, перешло именно къ помѣщикамъ, къ среднему и мелкому землевладѣнію: бѣлозерская грамота опредѣленно указываетъ, что головы, вѣдавшіе борьбу съ разбоями, должны быть взяты изъ мѣстныхъ дѣтей боярскихъ, притомъ грамотныхъ, какъ мы уже отмѣчали выше. Старосты и десятскіе изъ крестьянъ были имъ подчинены. Новыя власти получили гораздо больше, чѣмъ потеряли старыя: кормленщикъ могъ возбудить дѣло только по жалобѣ, „губной голова" могъ любого человѣка поставить на пытку, а признавшагося съ пытки казнить по собственной инціативѣ. Во всей губѣ не было никого, кто бы отъ него не зависѣлъ. Притомъ старая судебная гарантія — поединокъ и присяга — для разбойныхъ дѣлъ были упразднены, а новыхъ не введено; новая система и была не судомъ, а „сыскомъ": разбойниковъ искали, какъ ищутъ звѣря въ лѣсу, а найдя убивали безъ дальнѣйшихъ формальностей. Вполнѣ по совѣту Пересвѣтова: „разбойника и татя и ябедника и всякаго хищника безъ всякаго отвѣта смертью казнить". Если подъ терроромъ разумѣть суммарныя казни не однихъ бояръ, то терроръ Грознаго приходится датировать отъ 1539 года, когда „тирану" было девять лѣтъ. Но зачѣмъ публицисту военно-служилой демократіи понадобилось ломиться въ открытую дверь чуть не десять лѣтъ спустя? Отвѣтъ на это можетъ быть одинъ: основныя идеи пересвѣтовскихъ писаній значительно старше той редакціи, въ которой онѣ до насъ дошли. Сказаніе о Махметъ-салтанѣ, вѣроятно, существовало ужъ въ 30-хъ годахъ. А при дальнѣйшей его переработкѣ не находили нужнымъ опускать того, что уже осуществилось въ жизни, тѣмъ болѣе, что въ прочности этого осуществившагося не было пока никакихъ гарантій.

Пересвѣтовскіе памфлеты далеко не отражали въ себѣ всѣхъ экономически прогрессивныхъ теченій своего времени. Такъ думали и къ этому стремились „убогіе воинники", масса мелкаго вассалитета московскаго великаго князя. Но „воинниками" не исчерпывалось живое въ тогдашнемъ московскомъ обществѣ. Мы видѣли, что къ торговому капиталу служилый человѣкъ относился подозрительно, но представители этого капитала должны были относиться къ служилой массѣ не лучше. Люди, шедшіе „играть смертною игрою", и тогда не питали къ людямъ мирныхъ занятій большого почтенія. Одинъ современный публицистъ, стоявшій въ рядахъ противниковъ Пересвѣтова, весьма наглядно изображаетъ эти отношенія „военныхъ" и „штатскихъ" времени царя Ивана.

„А вѣрнымъ воинамъ,“ говорятъ „Валаамскіе чудотворцы“, Сергій и Германъ, тоже подававшіе свои совѣты въ дѣлахъ московской внутренней политики „подобаетъ къ своевѣрнымъ и въ домахъ ихъ быти кротко, щедро и милостиво, и ихъ не бити, ни же мучити, и грабленіе не творити...“ Косвенно эту характеристику подтверждаетъ и самъ апологетъ военной демократіи: „ученые люди храбрые“ царя Махмета „идутъ тихо воевать“; русскимъ воинникамъ этого качества, должно быть, не хватало — если приходилось вводить его въ свой идеалъ. Но это было противорѣчіе интересовъ еще довольно поверхностное и потому примиримое: тенденціи „воинниковъ“ и „купцовъ“ должны были сталкиваться въ болѣе глубокой области, гдѣ примирить стороны было несравненно труднѣе. Главной заботой Пересвѣтова является государево жалованье: чуть не двадцать разъ въ его памфлетахъ возвращается та мысль, что царь долженъ быть щедръ къ своему „воинству“: „что царская щедрость до воинниковъ, то его и мудрость“. Это не была простая жадность: мы знаемъ уже экономическую роль „жалованья“ въ хозяйствѣ мелкаго землевладѣльца (большинство помѣщиковъ сидѣло на дроби деревни: $^{1}/_{3}$ деревни, четверть сельца, полпустошь—обычныя показанія писцовыхъ книгъ). То былъ его оборотный капиталъ: „запуская серебро“ за крестьянъ, онъ добывалъ себѣ рабочія руки. По мѣрѣ щедрости государевой лучше или хуже шло помѣщичье хозяйство. Но государева казна не была волшебнымъ кошелькомъ, гдѣ деньги сами нарождались: главнымъ источникомъ денежныхъ доходовъ московскаго правительства были посадскіе люди, съ ихъ торгами и промыслами. Отсюда перекачивались деньги въ карманы „воинниковъ“. Конкурренція помѣщика и посадскаго была въ основѣ конкурренціей аграрнаго и торговаго капитала. Одинъ смотрѣлъ на казну съ точки зрѣнія плательщика, другой—съ точки зрѣнія получателя. Политическіе взгляды двухъ группъ, естественно, были весьма различны, и нужно было много времени, нужны были совершенно исключительныя обстоятельства, чтобы сталъ возможенъ ихъ союзъ. Въ дни юности Грознаго до этого было далеко. Переходъ мѣстной полиціи въ руки помѣщиковъ вовсе не удовлетворялъ интересовъ горожанъ: и теперь, и позже, въ XVII вѣкѣ, губной голова чаще являлся для нихъ ворогомъ, отъ котораго нужно обороняться, чѣмъ защитникомъ и покровителемъ, какимъ рисовалъ его Пересвѣтовъ. Губная реформа нисколько не помѣшала возстанію московскаго посада въ 1547 году. Здѣсь нужно было

что-то другое: что, объ этомъ посадскіе говорили не менѣе внятно, чѣмъ „худородные". Московскій бунтъ недаромъ сблизилъ царя съ протопопомъ Сильвестромъ, близость котораго къ торгово-промышленнымъ кругамъ такъ опредѣленно свидѣтельствуется его собственными словами *). По всей вѣроятности, ему и принадлежитъ редакція тѣхъ „вопросовъ", съ которыми обратился царь къ Стоглавому собору, дающихъ болѣе сжатое, но не менѣе полное выраженіе программѣ посадскихъ, чѣмъ Пересвѣтовъ—программѣ мелкихъ служилыхъ.

Въ первомъ пунктѣ обѣ программы сошлись. Противъ феодальной аристократіи были всѣ—и запросъ о мѣстничествѣ стоитъ во главѣ сильвестровыхъ „вопросовъ". Извѣстное совпаденіе интересовъ получалось и по поводу кормленій: вопроса о нихъ формально собору не ставилось, такъ какъ судьба кормленій къ 1550 году, повидимому, была рѣшена. Но точки зрѣнія дающаго и берущаго уже достаточно различаются и здѣсь. Для помѣщиковъ важно было отнять власть у кормленщиковъ и забрать ее въ свои руки: финансовой стороной дѣла Пересвѣтовъ интересуется лишь въ очень общей перспективѣ централизаціи всѣхъ царскихъ доходовъ, причемъ ставитъ дѣло такъ, что невольно является подозрѣніе, не было ли „единство кассы", главнымъ образомъ, облегченіемъ царю способовъ быть щедрымъ по отношенію къ „воинникамъ". Интересъ посадскихъ къ вопросу былъ гораздо болѣе непосредственный—и они добились (вѣроятно, вскорѣ послѣ 1547 года—по „Стоглаву" не позже 1549-го) полнаго сложенія съ населенія недоимокъ передъ кормленщиками. Что это была не столько царская милость, сколько удовлетвореніе народнаго требованія, совершенно ясно для всякаго, кто присмотрится, какъ Иванъ Васильевичъ ставилъ вопросъ на соборѣ. „Въ предыдущее лѣто", говорилъ царь Иванъ собору, „билъ я вамъ челомъ съ боярами своими о своемъ согрѣшеніи, и бояре такожде, и вы насъ въ нашихъ винахъ благословили и простили, а я, по вашему прощенію и благословенію, бояръ своихъ въ прежнихъ во всѣхъ винахъ пожаловалъ и простилъ, да имъ же заповѣдалъ со всѣми крестьяны царства своего въ прежнихъ во всякихъ дѣлахъ помиритися на срокъ, и бояре мои всѣ, и приказные люди, и кормленщики со всѣми землями помирилися во всякихъ дѣлахъ". Благочестивая форма этого примиренія не должна насъ смущать:

---

*) См. выше стр. 71.

церковная идеологія была офиціальной идеологіей московской Руси XVI вѣка—царь православнаго христіанства иначе выражаться не могъ. Но мы должны представлять себѣ, конечно, не идиллическую картину всеобщаго лобызанія, а весьма практическую вещь: принудительный, по повелѣнію свыше, отказъ кормленщиковъ отъ всякихъ претензій по адресу населенія, которое своимъ правителямъ „кормовъ не платило и ихъ било“. „Соборъ примиренія“ было своего рода „ночью 4 августа“ московской Руси: какъ въ 1789-мъ году французскіе дворяне, такъ въ 1549-мъ московскіе бояре „добровольно“ и съ умиленіемъ сердечнымъ отреклись отъ того, что—по всему было видно—навсегда уплыло изъ ихъ рукъ въ силу неотвратимаго „хода вещей“. Но такая экстренная мѣра не давала еще удовлетворенія плательщику налоговъ: его интересовалъ вопросъ, будутъ ли возможны злоупотребленія дальше, и притомъ со стороны не однихъ кормленщиковъ? И второй „вопросъ“ царя собору ставитъ на очередь ревизію всего московскаго вассалитета: „каковы за кѣмъ вотчины и каковы кормленья и всякіе приказы?“ А то „всякіе воины“, разсказывала потомъ лѣтопись, передавая приговоръ царской думы, „службою оскудѣли, непротивъ государева жалованья и своихъ вотчинъ служба ихъ“. Да и впередъ „помѣстья кому давать—въ мѣру и пашенная земля, и непашенная...... что въ книгахъ стоитъ и въ жаловалной грамотѣ слово въ слово“. Весь проектъ ревизіи завершался, уже рѣшенной царемъ посылкой писцовъ „всю свою землю писати и смѣтити“. Въ связи съ этимъ введено было—какъ доказалъ г. Милюковъ, въ 1551 году—новое руководство для измѣренія и оцѣнки земель, гораздо болѣе точное, нежели примѣнявшіяся ранѣе. „Воинники“ старались расширить царское жалованье до предѣловъ возможно болѣе широкихъ, а торговые люди стремились ввести его въ границы возможно болѣе опредѣленныя. Хотя тутъ было и не безъ заботы о наименѣе обезпеченномъ разрядѣ служилыхъ—ихъ предполагалось надѣлить изъ лишковъ, найденныхъ у другихъ—но большинство помѣщиковъ, вѣроятно, предпочло бы, чтобы ихъ просто оставили въ покоѣ. Въ особенности, когда это сопровождалось проектами, явно грозившими и денежному жалованью, путемъ уменьшенія царской казны. Полетъ фантазіи автора „вопросовъ“ былъ не менѣе смѣлый, чѣмъ автора пересвѣтовскихъ брошюръ, и онъ выступаетъ съ двумя проектами, весьма замѣчательными для своего времени. Первый изъ нихъ заключался ни болѣе, ни менѣе, какъ въ отмѣнѣ

винной монополіи, и тогда, какъ теперь, составлявшей основу государственнаго благополучія. „О корчмахъ, данныхъ по городамъ и по пригородамъ, по волостямъ; даны изстари, а нынѣ чтобы намѣстникомъ и кормленщикомъ съ тѣхъ земель бражное уложити, а корчемъ бы отнюдь не было, зане же отъ корчемъ крестьянамъ великая бѣда чинится и душамъ погибель“. Почему при свободной продажѣ вина, подъ условіемъ уплаты акциза („бражное“), души крестьянъ были бы въ большей безопасности, это, конечно, трудно сказать: но что интересамъ московской буржуазіи отмѣна винной монополіи отвѣчала какъ нельзя лучше, въ томъ не могло быть сомнѣнія. Такъ же, какъ и въ томъ, что интересамъ торговли какъ нельзя лучше отвѣчало упраздненіе внутреннихъ таможенъ, проектировавшееся слѣдующимъ „вопросомъ“—„о мытѣхъ по дорогамъ“. Мытъ, таможенная пошлина въ нашемъ смыслѣ слова, долженъ былъ остаться лишь „въ порубежныхъ мѣстахъ отъ чужихъ земель“. Въ прочихъ оставалась лишь тамга, торговая пошлина въ тѣсномъ смыслѣ слова: „а гдѣ торгуетъ, ино туто тамга, то достойно, а гдѣ не торгуетъ, ино не достойно ничего взяти...“ Все это было не менѣе грандіозно, чѣмъ централизація всего государственнаго хозяйства, предлагавшаяся Пересвѣтовымъ: внутреннія таможни нашли свой конецъ лишь въ царствованіе Елисаветы Петровны, акцизъ же, и то на короткое время, утвердился лишь при Александрѣ II. Но это было не то, чего хотѣли „воинники“, ибо вело не къ наполненію царской казны и росту „государева жалованья“ для тѣхъ, кто имъ пользовался, а совсѣмъ въ противоположную сторону.

Какъ служилая программа нашла себѣ жизненное выраженіе въ губныхъ головахъ и губномъ сыскѣ, такъ изъ посадской вышла „земская реформа“ Ивана IV. Въ 1555 году или немного ранѣе кормленщики были выведены изъ городовъ и волостей, и замѣнены излюбленными головами. Въ „буржуазномъ“ характерѣ реформы не можетъ быть сомнѣнія уже потому, что перемѣна неизмѣнно сопровождалась превращеніемъ всякаго рода „кормовъ“ въ денежный оброкъ, отвозить который въ Москву и составляло первую обязанность „излюбленныхъ головъ“: такая тенденція могла итти лишь изъ города. Если бы этимъ дѣло и ограничивалось, столкновенія классовыхъ интересовъ еще не получалось бы. Но „излюбленные головы“ унаслѣдовали отъ кормленщиковъ ихъ право суда—мѣстами они такъ и стали называться выборными судьями. Тутъ являлся уже оче-

видный параллелизмъ городскихъ и помѣщичьихъ учрежденій. Мы видѣли, что появленіе губныхъ головъ было явнымъ умаленіемъ власти кормленщиковъ: появленіе выборныхъ судей не было ли ограниченіемъ, хотя бы географическимъ, правъ губныхъ головъ? Въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ это несомнѣнно было такъ. Спеціальнымъ дѣломъ губныхъ властей была ловля разбойниковъ; но на Вагѣ напримѣръ, съ введеніемъ земскихъ выборныхъ властей, тѣхъ, которые „учнутъ красть или разбивати, или кто учнетъ ябедничать, или кто учнетъ руки подписывать, или костери учнутъ воровати, зернью играти или иное какое дѣло учнутъ чинити, или къ кому лихимъ людямъ пріѣздъ будетъ“ велѣно было отдавать „своимъ излюбленнымъ головамъ“, которые имѣли всѣ права, въ другихъ мѣстахъ принадлежавшія головамъ губнымъ. Уполномоченный посадскихъ людей становился въ одну линію съ уполномоченнымъ мѣстнаго землевладѣнія и получалъ даже болѣе обширныя права, ибо губные головы вѣдали лишь разбой, а „излюбленные“—всѣ уголовныя дѣла безъ исключенія. На сѣверѣ Россіи, гдѣ помѣщиковъ почти или и вовсе не было, столкновенія и на этой почвѣ получиться не могло, но всюду въ другихъ мѣстахъ борьба между служилыми и посадскими на почвѣ мѣстнаго управленія затянулась надолго въ XVII вѣкъ.

---

3. Опричнина.

При какихъ обстоятельствахъ произошло сближеніе посадскихъ съ крупными феодалами, на этотъ счетъ источники не оставили намъ прямыхъ указаній. Намъ извѣстенъ только голый фактъ, что представитель буржуазнаго теченія, протопопъ Сильвестръ, во всѣхъ дворцовыхъ конфликтахъ оказывается рядомъ съ представителями старой знати—и что литературный выразитель взглядовъ этой послѣдней, князь Курбскій, является большимъ поклонникомъ благовѣщенскаго протопопа. Коекакіе косвенные намеки въ памятникахъ, все же, остались. На протяженіи всего шестнадцатаго вѣка московскій посадъ былъ тѣсно связанъ съ боярской фамиліей Шуйскихъ, по знатности стоявшихъ въ первомъ ряду „ограбленнаго“ потомками Калиты удѣльнаго княжья. Родовыя вотчины Шуйскихъ, въ нынѣшней владимірской губерніи, и тогда уже были промысловыми гнѣздами—ихъ послѣдняго исторически знаменитаго по-

Ѣдутъ.

Оригиналъ картины А. П. Рябушкина *Ѣдутъ* (1901 г.) находится въ Русскомъ Музеѣ императора Александра III въ СПБ. (№ 2228) и представляетъ собою попытку изобразить уголокъ уличной толпы въ старой Москвѣ, живо захваченной лицезрѣніемъ какого-то пріѣзда въ Москву, конечно, иноземнаго посольства. Пріѣздъ иностранцевъ въ Москву XVII столѣтія представленъ далѣе снимкомъ съ картины С. В. Иванова. Толпа сдерживается въ своемъ натискѣ стрѣльцами, особымъ родомъ служилыхъ людей по прибору въ московскомъ государствѣ, мѣстнымъ опытомъ своего рода регулярной арміи, оставшейся въ недоразвитомъ состояніи и уничтоженной Петромъ I за отсутствіе въ ней надлежащей лойяльности въ связи съ непригодностью ея для новыхъ цѣлей полицейскаго государства XVIII столѣтія. Отличаясь извѣстнымъ своеобразіемъ и археологическимъ подборомъ деталей, картина А. П. Рябушкина, какъ всякій опытъ подобнаго жанра, представляетъ рядъ условностей и цѣнна лишь, какъ извѣстный моментъ въ развитіи русской исторической живописи, удовлетворявшей старые историческіе вкусы и принужденной замереть на половинѣ дороги.

В. Стор.

томка, царя Василія Ивановича, его противники презрительно называли „шубникомъ"—намекая на то, что все его благосостояніе держалось на работѣ кустарей, поставлявшихъ полушубки всей Москвѣ. Предки этого „шубника" играли видную политическую роль въ малолѣтство Ивана IV-го. Выросши, грозный царь съ негодованіемъ и обидой припоминалъ, какъ двое изъ Шуйскихъ „самовольствомъ учинилися" его опекунами—„и тако воцаришася". Правленіе Шуйскихъ продолжалось „на много время", несмотря на то, что юному Ивану Васильевичу они, видимо, очень досаждали. Когда же онъ—или, вѣрнѣе, вертѣвшая имъ партія противниковъ Шуйскихъ—захотѣла отъ нихъ избавиться, то Иванъ Шуйскій, „присовокупя къ себѣ всѣхъ людей и къ цѣлованію приведя, пришелъ ратію къ Москвѣ"—и тутъ произошелъ цѣлый дворцовый переворотъ. Противники Шуйскихъ были переарестованы и сосланы, да досталось и дружившему съ ними митрополиту: его „въ то время безчестно затѣснили и мантію на немъ съ источники изодрали". Драка происходила и въ великокняжеской столовой, гдѣ многихъ бояръ также „безчестно толкали" и „оборвали". Ивану въ это время шелъ уже тринадцатый годъ, такъ что событія онъ могъ хорошо помнить: и, при всей тенденціозности коронованнаго публициста, историку рѣдко приходится уличать его въ прямой выдумкѣ. Для этого Иванъ Васильевичъ былъ слишкомъ уменъ, а что касается спеціально Шуйскихъ, то его разсказы въ общемъ подтверждаются и другими источниками. Но эти разсказы даютъ намъ картину вовсе не обычной дворцовой интриги, а массоваго движенія—и безчинства во дворцѣ производились, конечно, не самими князьями, а ворвавшейся туда толпой, „іудейскимъ сонмищемъ", которое могло составиться только изъ московскихъ горожанъ. Связи промышленныхъ магнатовъ съ торгово-промышленными кругами вѣроятны и сами по себѣ—а тотъ фактъ, что у нихъ оказались очень скоро общіе враги, и что въ 1547 году московскій посадъ избивалъ и убивалъ тѣхъ именно Глинскихъ, которые всегда были соперниками князей Шуйскихъ—даетъ сильное фактическое обоснованіе этой вѣроятности. Темныя, по лѣтописямъ, событія тридцатыхъ-сороковыхъ годовъ всего правильнѣе и разсматривать какъ предвѣстія большого движенія, предшествовавшаго „реформамъ Грознаго". Союзъ посадскихъ и боярства могъ сложиться именно въ то время—и сложиться настолько прочно, что парализовать его, на время, могла лишь опричнина, а разрушить — только катастрофа смутнаго времени. Съ обще-политической точки зрѣнія

въ такомъ союзѣ не было и ничего удивительнаго. Во внѣшней политикѣ интересы московской буржуазіи и московскихъ феодаловъ давно соприкасались, какъ это мы могли видѣть, напримѣръ, на исторіи послѣдняго конфликта Москвы съ Новгородомъ, а внѣшняя политика боярства въ половинѣ XVI вѣка, захватъ великаго волжскаго пути—завоеваніе Казани и Астрахани — тоже отвѣчалъ требованіямъ торговаго класса, какъ нельзя лучше. На этой внѣшней политикѣ сошлись, впрочемъ, на время интересы всѣхъ командующихъ общественныхъ группъ: средніе землевладѣльцы тоже съ завистью смотрѣли на черноземное поволжье, охотно готовые промѣнять на него выпаханный суглинокъ примосковскихъ уѣздовъ. Въ одномъ изъ пересвѣтовскихъ писаній мы находимъ даже чрезвычайно любопытный проектъ — перенесеніе столицы въ Нижній-Новгородъ; тамъ-де и долженъ быть „столъ царскій, а Москва—столъ великому княжеству“. А Казанское царство казалось помѣщичьему публицисту прямо чуть не раемъ— „подрайскою землицей, всѣмъ угодною“: и онъ весьма цинически заявляетъ, что „таковую землицу угодную“ слѣдовало бы завоевать, даже если бы она съ Русью „и въ дружбѣ была“ А такъ какъ казанцы, кромѣ того, и безпокоили Русь, то значитъ, и предлогъ есть отличный, чтобы съ ними расправиться. Такъ писатель шестнадцатаго вѣка за триста лѣтъ безжалостно разбилъ ту, хорошо намъ знакомую, историческую схему, которая изъ интересовъ государственной обороны дѣлала движущую пружину всей московской политики: уже для Пересвѣтова эта „государственная оборона“ была просто хорошимъ предлогомъ, чтобы захватывать „вельми угодныя“ земли.

На почвѣ этой общности интересовъ и установился, повидимому, тотъ компромиссъ между феодальной знатью, буржуазіей и мелкими помѣщиками, который держался приблизительно до 1560 года и обыкновенно изображается, какъ „счастливая пора“ царствованія Грознаго. Мелкій вассалитетъ былъ удовлетворенъ, во-первыхъ, губными учрежденіями и отмѣной кормленій, а затѣмъ, въ ожиданіи раздѣловъ „подрайскихъ“ земель, крупной экстренной раздачей въ примосковскихъ уѣздахъ. Въ 1550 году кругомъ Москвы была помѣщена тысяча лучшихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ провинціи, образовавшихъ своего рода царскую гвардію. Раздача, конечно, мотивировалась военными соображеніями, но не трудно видѣть, что именно военныхъ основаній сажать отборную часть войска около самой столицы не было. Это былъ моментъ наи-

большаго напряженія казанскихъ войнъ, и со стратегической точки зрѣнія можно было ожидать сосредоточенія лучшей части московскаго войска какъ разъ гдѣ-нибудь около Нижняго. На самомъ дѣлѣ это была подачка верхамъ помѣщичьей массы, причемъ не была обдѣлена и боярская молодежь: какъ извѣстно, въ числѣ получившихъ подмосковныя помѣстья былъ и князь Курбскій, которому было тогда 22 года. Посадскіе люди были удовлетворены „земскою реформой"—и совершившейся около этого времени передачей имъ сбора косвенныхъ налоговъ. Новѣйшая исторіографія и эту „вѣрную службу" склонна была изображать какъ особаго рода тягло, весьма будто бы тяжелое для россійскаго купечества. Но жалобы на тягость „вѣрныхъ службъ" мы слышимъ въ срединѣ слѣдующаго вѣка, когда Россія стала окончательно дворянской, а конкурренція помѣщиковъ во всѣхъ областяхъ стала нестерпимо жать торговое сословіе. По существу же отдача косвенныхъ налоговъ „на вѣру" была облегченной формой откупа: откупщикъ несъ на себѣ тѣ же обязательства, что и вѣрный сборщикъ, но онъ долженъ былъ авансировать правительству крупную сумму, тогда какъ вѣрный голова имѣлъ тѣ же выгоды, что и откупщикъ, не затрачивая впередъ ни одной копейки. Что иные вѣрные головы на этомъ дѣлѣ разорялись, это возможно, но случалось разоряться и откупщикамъ. Всякое предпринимательство имѣетъ эту оборотную сторону. Въ большинствѣ же случаевъ, конечно, сосредоточеніе въ рукахъ немногихъ купцовъ огромныхъ суммъ таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ какъ нельзя болѣе способствовало концентраціи купеческихъ капиталовъ *).

То, что разсказываютъ объ организаціи верховнаго управленія въ эти годы Курбскій и Грозный, каждый со своей точки зрѣнія, даетъ понять, что компромиссъ распространялся и на политическую область. Въ составъ правительства были введены представители группъ, до сихъ поръ не имѣвшихъ мѣста въ царской „куріи": рядомъ съ князьями и боярами мы встрѣчаемъ здѣсь уже знакомаго намъ протопопа Сильвестра и выходца изъ мелкихъ служилыхъ людей, Алексѣя Адашева, котораго Грозный, по его словамъ, „взялъ отъ гноища и учинилъ съ вельможами". Функціи Адашева, насколько онѣ намъ извѣстны, указываютъ вполнѣ опредѣленно, что онъ вошелъ въ правящую группу какъ представитель антибояр-

*) Одинъ изъ первыхъ случаевъ отдачи „на вѣру" таможенныхъ доходовъ—не отдѣльному лицу, а цѣлой компаніи изъ 22 человѣкъ—относится къ 1551 году.

ской оппозиціи. Ему было поручено „челобитныя пріимати у бѣдныхъ и обидимыхъ“, причемъ рекомендовалось не бояться „сильныхъ и славныхъ, восхитившихъ чести на ся и своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ погубляющихъ“. Нѣтъ сомнѣнія, что ликвидація кормленій и знаменитое „примиреніе“ кормленщиковъ съ населеніемъ происходили при его ближайшемъ участіи. На теперешній взглядъ онъ занималъ, конечно, довольно странное офиціальное положеніе—былъ „ложничимъ“, т.-е. камердинеромъ, Ивана Васильевича и мылся съ царемъ въ банѣ: что и даетъ поводъ говорить о немъ только, какъ о „любимцѣ“ Ивана, и этимъ объяснять его политическое значеніе. Но мы не должны забывать, что мы въ расцвѣтѣ средневѣковья, что отдѣлить царское хозяйство отъ государственнаго управленія бывало не подъ силу и болѣе поздней эпохѣ. До какой степени все носило чисто средневѣковой характеръ, показываютъ тѣ способы воздѣйствія на Ивана, какіе примѣнялъ протопопъ Сильвестръ—о нихъ мы имѣемъ совершенно согласныя, по существу дѣла, свидѣтельства самыхъ разнообразныхъ источниковъ, и Курбскаго, и Пересвѣтова, и самого Грознаго. Слова послѣдняго о „дѣтскихъ страшилахъ“ вполнѣ подтверждаются тѣмъ, что говорили его противники о „мечтательныхъ страхахъ“, пущенныхъ въ ходъ протопопомъ ради укрощенія нрава юнаго царя. А постоянные намеки Пересвѣтова на „ворожбы и кудесы“ показываютъ, что фактъ очень скоро и очень хорошо сталъ извѣстенъ весьма широкимъ кругамъ. Чѣмъ именно Сильвестръ стращалъ Ивана Васильевича, мы не знаемъ—по всей вѣроятности, тутъ было не безъ „видѣній“ и „явленій“: впослѣдствіи, въ смутное время, ихъ, какъ мы увидимъ, стали фабриковать прямо по заказу. Во всякомъ случаѣ, фиктивныя чудеса, какъ средство доставить преобладаніе своей политической партіи, ничѣмъ не уступаютъ удачной попыткѣ Ивана Калиты—использовать мощи митрополита Петра, какъ средство доставить политическое преобладаніе Москвѣ надъ Тверью. Отъ XIV-го по XVI вѣкъ въ этомъ отношеніи большой перемѣны не произошло.

Введеніе въ составъ московской „куріи“ новыхъ, необычныхъ элементовъ сопровождалось нѣкоторымъ измѣненіемъ и механизма управленія. Такъ какъ документальныхъ слѣдовъ это измѣненіе не оставило—кромѣ одного отрицательнаго, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь—то нѣтъ ничего мудренаго, что историки его и не замѣтили, или не обратили на него большого вниманія. Во главѣ московскаго государства стояла, какъ и во главѣ удѣльнаго княжества московскаго, боярская

дума — совѣтъ крупнѣйшихъ вассаловъ подъ предсѣдательствомъ сюзерена. Историки давно уже замѣтили, что въ этомъ совѣтѣ уже съ первой половины XVI вѣка наряду съ членами по положенію, такъ сказать,—ими были, въ первую голову, всѣ бывшіе удѣльные князья и ихъ потомки—, появляются члены по назначенію: „дѣти боярскія, что въ думѣ живутъ". Давно замѣчено также, что, по мѣрѣ расширенія круга обязательныхъ членовъ думы, которыхъ въ обычаѣ было приглашать, у московскихъ великихъ князей является все чаще и чаще тенденція созывать для рѣшенія дѣлъ, особенно интересовавшихъ великокняжескую власть, не всѣхъ своихъ думцевъ, а лишь нѣкоторыхъ. Но это разсматривалось всегда, какъ изъявленіе личной воли государя. Не останавливаясь на вопросѣ, такъ ли это было до Грознаго—мы еще недавно были свидѣтелями, какъ „дворцовая интрига" при ближайшемъ разсмотрѣніи оказалась народнымъ бунтомъ—мы можемъ констатировать, что въ дни молодости Грознаго это было не такъ. Во главѣ управленія стояла не вся дума, а небольшое совѣщаніе отчасти думныхъ, а отчасти, можетъ быть, и не думныхъ людей *), но члены этого совѣщанія были избраны не царемъ, а кѣмъ-то другимъ. Въ пылу полемики Грозный даже утверждалъ потомъ, что туда нарочно подбирались люди, для него непріятные, но изъ его же словъ видно, что непріятны они были своей самостоятельностью по отношенію къ царской власти, и возможно, что именно этотъ признакъ и рѣшалъ выборъ. Если понимать слова Курбскаго буквально, то это совѣщаніе такъ и называлось „совѣтомъ выборныхъ" — избранной радой—выборныхъ, разумѣется, отъ полнаго состава боярской думы, хотя и не всегда изъ этого состава. Повинуясь обстоятельствамъ, бояре должны были допустить сюда людей, не принадлежавшихъ къ ихъ корпораціи, но предварительно они точно фиксировали составъ этой послѣдней. Мы уже упоминали, что соціальная борьба заставила московское боярство именно около этого времени искусственно закрѣпить мѣстническіе обычаи. Одна фраза Грознаго даетъ поводъ думать, что въ этой самообоpонѣ московская знать не ограничилась составленіемъ, заднимъ числомъ, разрядныхъ книгъ и „родословца", что мѣстничеству была придана сила закона, обязательнаго для самого государя. Грозный обвиняетъ Сильвестра и Адашева въ томъ, что они отняли у царя власть—

*) Аргументація проф. Ключевскаго въ пользу того, что Адашевъ былъ „думнымъ дворяниномъ" до своего назначенія окольничимъ, кажется намъ немного искусственной.

опредѣлять порядокъ мѣстъ бояръ въ думѣ: „еже вамъ бояромъ по нашему жалованью честію предсѣданія почтеннымъ быти“. Лѣтъ шестьдесятъ спустя въ одномъ мѣстническомъ спорѣ боярская дума формально заявила, что пожаловать государь можетъ лишь „деньгами да помѣстьемъ, но не отечествомъ“: тогда это звучало уже анахронизмомъ, пережиткомъ умирающей старины, но въ 50-хъ годахъ шестнадцатаго вѣка это было, повидимому, живой современностью. Не предположивъ, что мѣстническіе счеты получили въ это время юридическую силу, обязательную и для государственной власти, что составъ боярства былъ гарантированъ отъ произвольныхъ перетасовокъ сверху, мы не поймемъ и знаменитой приписки къ царскому судебнику, уже вызвавшей столько ученыхъ споровъ. Приписка эта, какъ извѣстно, гласитъ: „а которые будутъ дѣла новые, а въ семъ судебникѣ не написаны, и какъ тѣ дѣла съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору вершатся, и тѣ дѣла въ семъ судебникѣ приписывати“. Проф. Сергѣевичъ сдѣлалъ изъ этого выводъ, что съ этого момента „царь — только предсѣдатель боярской коллегіи и безъ ея согласія не можетъ издавать новыхъ законовъ“. Онъ объясняетъ это новшество „притязаніями“ избранной рады, чѣмъ и вызываетъ законное недоумѣніе проф. Дьяконова: къ чему же это „избранной радѣ“, т.-е. сравнительно тѣсному кружку, понадобилось хлопотать о законодательныхъ правахъ для всѣхъ бояръ? А такъ какъ формула судебника повторяется нерѣдко и послѣ паденія „избранной рады“, то проф. Дьяконовъ и заключаетъ отсюда, что Сергѣевичъ напрасно придаетъ ей какое-то особое значеніе. Но „избранная рада“, какъ мы видѣли, была представительницей именно „всѣхъ бояръ“, точнѣе—ихъ исполнительнымъ органомъ: живучесть же формулы только доказываетъ, насколько проченъ былъ успѣхъ боярства въ 1550-мъ году (или, быть можетъ, немного раньше: формулу впервые мы встрѣчаемъ уже въ 1549-мъ). Сама опричнина была косвеннымъ признаніемъ этого успѣха: царю не понадобились бы чрезвычайныя полномочія, если бы онъ въ обычномъ порядкѣ не былъ связанъ рѣшеніями боярской коллегіи. А выраженіе „всѣ бояре“ не имѣло бы никакого смысла, если бы составъ этихъ „всѣхъ“ не былъ точно и независимо отъ произвола сверху опредѣленъ: такъ приписка къ судебнику косвенно еще разъ подтверждаетъ тотъ выводъ, что около 1550 года мѣстническіе разсчеты получили обязательную юридическую силу.

Какъ видимъ, классической реформы Грознаго и при-

ходится искать въ перемѣнахъ, происшедшихъ въ положеніи боярства. „Реформы", вѣдь, всегда состоятъ въ томъ, что правящій классъ или группа цѣною болѣе или менѣе серьезныхъ уступокъ въ деталяхъ спасаетъ основу своего положенія. Боярство Грознаго сдѣлало много уступокъ, и капитальныхъ: упраздненіе кормленій и введеніе въ составъ „избранной рады" торговаго священника Сильвестра и „батожника" Алексѣя Адашева были главными изъ нихъ. Зато боярскіе роды сомкнулись въ корпорацію, составъ которой сталъ неприкосновененъ для кого бы то ни было—и безъ совѣта съ этой корпораціей въ полномъ ея составѣ царь не могъ предпринять важнѣйшаго, по тѣмъ временамъ, законодательнаго дѣла—пополненія судебника. Боярство обнаружило большой политическій тактъ: отказавшись отъ многихъ, матеріально выгодныхъ, привилегій, оно удержало этой цѣной въ своихъ рукахъ источникъ ихъ всѣхъ—государственную власть.

Компромиссъ могъ держаться, пока всѣ „договаривающіяся стороны" могли считать свои интересы удовлетворенными. Но что единственнымъ прочно выигравшимъ, оказалось боярство — это должно было обнаружиться, и дѣйствительно обнаружилось, весьма скоро. Раньше всего, повидимому, рухнули надежды среднихъ и мелкихъ помѣщиковъ на великія и богатыя милости, связанныя съ покореніемъ Казани. Во-первыхъ, покореніе это оказалось далеко не столь легкимъ дѣломъ: населеніе казанскаго ханства еще шесть лѣтъ послѣ паденія своей столицы ожесточенно сопротивлялось, и русскіе города, построенные въ ново-покоренной области, все время „въ осадѣ были отъ нихъ". Серьезность возстанія свидѣтельствуется тѣмъ, что инсургентамъ удалось уничтожить цѣлое большое московское войско, съ бояриномъ Борисомъ Морозовымъ во главѣ, — котораго они взяли въ плѣнъ, а потомъ убили. По словамъ Курбскаго, при усмиреніи погибло столько русскихъ служилыхъ, что и повѣрить трудно: „иже вѣрѣ неподобно". Дорого досталась товарищамъ Пересвѣтова „подрайская землица"! А затѣмъ, первыми, кто воспользовался ею, оказались не помѣщики, а крестьяне. Гораздо раньше, чѣмъ страна была настолько усмирена, чтобы можно было завести тамъ правильное помѣщичье хозяйство, по слѣдамъ русскихъ отрядовъ потянулись на востокъ длинныя вереницы переселенцевъ. Они гибли десятками тысячъ, но воля была такъ соблазнительна, а вольныхъ земель въ центральныхъ областяхъ оставалось такъ мало, что гибель передовыхъ не останавливала слѣдующихъ. По нѣкоторымъ признакамъ можно

заключить, что отливъ населенія на востокъ начался параллельно съ казанскими походами, не дожидаясь ихъ успѣха: уже въ 1552 году Серпуховской посадъ потерялъ около пятой части своихъ тяглыхъ людей; въ томъ же году Важская земля недаромъ просила—и получила—право „старыхъ своихъ тяглецовъ вывозити назадъ безсрочно и безпошлинно". Уже въ началѣ 50-хъ годовъ крестьянинъ становится рѣдкой вещью, которую стараются привязать къ своей землѣ всѣми возможными средствами—и переманить съ земли своего сосѣда. Для помѣщика лучшимъ средствомъ для этого тогда, какъ и теперь, служило, какъ мы знаемъ, „запусканіе серебра" за крестьянъ: перспектива жирной денежной ссуды, которую можно получить у себя же дома, никуда не ходя, одна могла нѣсколько уравновѣсить надежду на „вольную землю". Денежный капиталъ былъ нуженъ помѣщикамъ, какъ никогда — и мы имѣемъ яркое свидѣтельство того, къ чему приводили ихъ эти поиски. Пятидесятые годы XVI-го вѣка отмѣчены въ русской исторіи такой же „сиссахтіей", какъ и начало XII-го столѣтія въ Кіевѣ,—только она преслѣдовала интересы другого общественнаго класса, чѣмъ тогда. Около Рождества 1557 года вышли одинъ за другимъ два царскихъ указа. Первымъ изъ нихъ служилымъ людямъ, занявшимъ деньги до 25 декабря этого года, разрѣшалось уплатить долгъ съ разсрочкою на пять лѣтъ, причемъ взыскивать можно было только данный взаймы капиталъ („истинное"), процентовъ же можно было и вовсе не платить. На будущее же время ростъ былъ пониженъ вдвое: вмѣсто 20%, обычнаго роста половины XVI вѣка, разрѣшалось брать лишь 10. Отъ уплаты % освобождались и не служилые,—значитъ, торговые люди, но на нихъ не распространялась льготная разсрочка, они должны были уплатить занятое „все сполна". Второй указъ (11 января слѣдующаго 1558 года, т.-е. три недѣли спустя послѣ перваго) еще рельефнѣе рисуетъ положеніе задолжавшихъ помѣщиковъ. Онъ трактуетъ о тѣхъ изъ нихъ, которые заложили земли свои „за ростъ пахати". Давъ ссуду, кредиторъ вступалъ во всѣ права хозяина—и за проценты начиналъ эксплуатировать имѣніе въ свою пользу. Это была мертвая петля — расплатиться съ долгомъ при такихъ условіяхъ почти не было возможности. Разсрочка, установленная предыдущимъ указомъ, распространялась теперь и на такихъ заемщиковъ, при чемъ, уплативъ пятую часть долга, должникъ получалъ имѣніе въ свое распоряженіе обратно. Изъ доходовъ онъ могъ теперь постепенно погасить весь долгъ—опять-таки безъ процентовъ.

Мертвая петля съ землевладѣльцевъ была снята—но этой оборонительной мѣры было мало. Однимъ запрещеніемъ брать высокіе проценты нельзя было создать дешевый кредитъ, если его не было. Можно было испробовать два выхода. Одинъ заключался въ томъ, на чемъ давно настаивала помѣщичья публицистика. Чѣмъ брать взаймы у ростовщиковъ, легче было получить изъ казны, въ видѣ „государева жалованья". „Что царская щедрость до воинниковъ, то его и мудрость", говорилъ, какъ мы помнимъ, Иванъ Семеновичъ Пересвѣтовъ: „щедрая рука николи же не оскудѣетъ и славу себѣ великую собираетъ". Другой выходъ состоялъ въ томъ, чтобы свое запустошенное помѣстье промѣнять на чужое, въ полномъ порядкѣ. „Княженецкія вотчины", имѣнья бывшихъ удѣльныхъ князей, переполненныя прочно сидящими на мѣстахъ „старожильцами", гдѣ слабая эксплуатація крестьянъ, невысокіе натуральные оброки, не давали поводовъ для эмиграціи, давно должны были привлекать жадные взоры бившихся, какъ рыба объ ледъ, небогатыхъ помѣщиковъ. Сколько земли пропадало даромъ въ рукахъ у этихъ „лѣнивыхъ богатинъ"! Но „лѣнивыя богатины" стояли поперекъ дороги и на первомъ пути. Государево жалованье было платой за походъ: нѣтъ походовъ, нѣтъ и жалованья. Но крупное боярство, которому на свой счетъ приходилось мобилизовать цѣлые полки, иначе относилось къ войнѣ, чѣмъ тѣ, для кого война означала прибавку денегъ въ карманѣ. Боярская „Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ" проповѣдовала мирную внѣшнюю политику: только „невѣрные тщатся въ ратѣхъ на убійство, и на грабленіе, и на блудъ, и на всякую нечистоту и злобу своими храбростьми, и тѣмъ хвалятся". Другой, родственный по духу „Бесѣдѣ" публицистъ, „царскую премудрую мудрость" ставитъ гораздо выше „царской храбрости". Избранная рада рѣшительно настаивала на предпочтительности оборонительныхъ войнъ передъ наступательными. „Мужи храбрые и мужественные", которымъ очень сочувствуетъ князь Курбскій, „совѣтовали и стужали" Грозному послѣ Казани начать большую кампанію противъ крымцевъ—выставляя, какъ нравственный мотивъ, необходимость „избавить плѣнныхъ множайшихъ", томящихся въ крымской неволѣ. Для служилой массы это былъ самый неинтересный походъ, какой можно придумать—трудный, длинный и весьма мало вознаграждавшійся, такъ какъ до самаго Крыма добраться было невозможно, а въ пустыхъ южно-русскихъ степяхъ нечего было взять. За то, когда какими-то другими совѣтниками царя, безъ всякаго сомнѣнія

изъ рядовъ „воинства“, былъ поднятъ вопросъ о походѣ въ Лифляндію, сулившемъ легкій и быстрый захватъ земель бывшаго Ливонскаго ордена, этотъ проектъ встрѣтилъ ожесточенное сопротивленіе со стороны „избранной рады“. Иванъ Васильевичъ съ горечью потомъ вспоминалъ, „какова отягченія словесная пострадалъ“ онъ въ тѣ дни „отъ попа Селивестра, и отъ Алексѣя“, и отъ бояръ. „Еже какова скорбнаго ни сотворится намъ, то вся сія Германъ ради случися“: Сильвестръ и болѣзнь царицы Анастасіи — отъ которой она впослѣдствіи умерла—объяснялъ Ивану, какъ наказаніе свыше за ливонскую войну. Это „лютое належаніе“ боярства на царя, въ защиту пассивной и противъ активной внѣшней политики, могло еще менѣе остаться тайной для широкихъ круговъ служилаго общества, нежели „вражбы и кудесы“ того же Сильвестра. Ливонская война была первымъ яблокомъ раздора, брошеннымъ въ среду столковавшихся передъ взятіемъ Казани общественныхъ группъ. Она обнаружила, въ то же время, и всю ненадежность представительства служилыхъ низовъ въ „избранной радѣ“—такъ, какъ оно было допущено боярами. Попавъ въ среду феодальной знати, Алексѣй Адашевъ весьма быстро обоярился—въ 1555 году онъ и формально сталъ членомъ боярской коллегіи, получивъ одинъ изъ высшихъ думныхъ чиновъ, окольничество—и смирно шелъ на поводу за своими родовитыми коллегами. Это съ особенной рѣзкостью сказалось во время извѣстнаго конфликта 1553 года, когда Грозный тяжко заболѣлъ—думали, что смертельно—, и бояре хотѣли воспользоваться его кончиной, чтобы провести на московскій престолъ чисто феодальнаго кандидата, сына „крамольника“ 30-хъ годовъ, удѣльнаго князя Андрея Старицкаго—Владиміра Андреевича. Успѣхъ этой кандидатуры закрѣпилъ бы окончательно побѣду, одержанную боярами въ 1550 году: царь, выбранный боярской корпораціей, безъ всякихъ наслѣдственныхъ правъ на престолъ („отъ четвертаго удѣльнаго родился“, насмѣхался потомъ Иванъ надъ своимъ несчастнымъ соперникомъ), былъ бы, дѣйствительно, только „первымъ между равными“. Характерно, что Курбскій впослѣдствіи стыдился кандидатуры Владиміра Андреевича, и отрекался отъ нея — и не менѣе характерно, что Адашевы были за нее, и присягнули сыну Грознаго только очень нехотя и нескоро, подъ давленіемъ противной стороны, во главѣ которой стояли Захарьины, будущіе Романовы. Это былъ первый случай открытаго разрыва царя съ его „избранной радой“. Но важно было не столько это, сколько другое: масса

неродовитаго дворянства должна была убѣдиться, что ея человѣкъ въ этой „радѣ“ сталъ боярскимъ человѣкомъ. Политическая карьера Адашева была кончена именно въ тотъ моментъ, когда онъ формально вошелъ въ ряды московской знати.

Поведеніе Сильвестра въ этомъ первомъ конфликтѣ, изъ за престолонаслѣдія, было, вѣроятно, самостоятельнѣе—и лучше отвѣчало интересамъ тѣхъ, кого онъ представлялъ въ „избранной радѣ“. Московскій посадъ всегда былъ вмѣстѣ съ Шуйскими, какъ мы видѣли, а во главѣ партіи, поддерживавшей кандидатуру Владиміра Андреевича мы находимъ одного изъ Шуйскихъ, Ивана Михайловича и стараго ихъ союзника—въ то же время близкаго человѣка къ Сильвестру и вліятельнѣйшаго члена „избранной рады“, — князя Дмитрія Курлятева. Что Сильвестръ былъ съ ними, это было очень естественно, и протопопа сгубило, конечно, не это, а, скорѣе всего, ложная позиція, занятая имъ въ вопросѣ о ливонской войнѣ. Новгородскій выходецъ—Сильвестръ былъ изъ Новгорода — оказался слишкомъ патріотомъ своего стараго отечества, и едва ли очень угодилъ московскимъ купцамъ, отговаривая Ивана Васильевича отъ захвата береговъ Балтійскаго моря. Для уцѣлѣвшихъ остатковъ новгородской торговли миръ въ Ливоніи былъ, конечно, выгоднѣе войны; но московская буржуазія жадно искала въ это время выхода къ морю—потому въ Москвѣ такъ и ухватились за англичанъ, пріѣхавшихъ въ Архангельскъ *). Популярность Сильвестра упала такъ быстро, что онъ не могъ этого не почувствовать—очень скоро послѣ начала ливонской войны мы уже находимъ торговаго протопопа постриженникомъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, и постриженникомъ добровольнымъ, какъ опредѣленно говоритъ Курбскій. Царская опала настигла Сильвестра уже монахомъ— „отставка“ же его была вызвана сознаніемъ, что онъ пересталъ имѣть вліяніе на царя; а вліяніе это опиралось на московскій посадъ, выдвинувшій бывшаго новгородскаго священника во время бунта 1547 года.

Война съ „Германы“ была рѣшительнымъ успѣхомъ „воинства“, и въ первые мѣсяцы, повидимому, лучше отвѣчала

---

*) Какъ разъ въ это время, передъ ливонской войной, по поводу мирнаго договора съ Швеціей „гости и купцы отчинъ великаго государя изъ многихъ городовъ говорили, чтобъ имъ въ торговыхъ дѣлахъ была воля, которые захотятъ торговать въ шведской землѣ, и тѣ бы торговали въ шведской землѣ, а которые захотятъ идти изъ шведской земли въ Любокъ и въ Антропъ (Антверпенъ), въ испанскую землю, Англію, Францію,—тѣмъ была бы воля и береженье, и корабли были бы имъ готовы“.

его ожиданіямъ, чѣмъ завоеваніе Казани. Реформація надорвала политическое могущество рыцарскаго ордена, правившаго Ливоніей,—съ этой точки зрѣнія моментъ былъ выбранъ весьма удачно. Отсутствіе почти всякаго формальнаго предлога начать военныя дѣйствія—ибо трудно было считать таковымъ неуплату дерптскимъ епископомъ какой-то полумиѳической „дани", о которой въ Москвѣ не вспоминали пятьдесятъ лѣтъ—уравновѣшивалось религіозными соображеніями: лифляндскіе нѣмцы, „иже и вѣры христіанскія отступили", „сами себѣ новое имя изобрѣтше, нарекшеся Евангелики", въ одномъ изъ припадковъ протестантскаго фанатизма сожгли, между прочимъ, и русскія иконы. Война, значитъ, опять, какъ при покореніи Новгорода, шла „за вѣру". Объектомъ военныхъ операцій была Нарва, о значеніи которой для русскаго экспорта въ тѣ времена уже говорилось выше. Въ маѣ 1558 года Нарва была взята, а недѣлю спустя былъ взятъ Сыренскъ, при впаденіи Наровы въ Чудское озеро: дорога отъ Пскова къ морю была теперь вся въ русскихъ рукахъ. Подъ вліяніемъ этого успѣха компромиссъ, на которомъ держалась „избранная рада", долженъ былъ дать новую трещину. Буржуазія была удовлетворена—для нея продолженіе войны не имѣло болѣе смысла. Когда въ Москву пріѣхало орденское посольство хлопотать о мирѣ, оно нашло поддержку именно со стороны московскаго купечества. Но на „воинство" успѣхъ произвелъ совсѣмъ иное впечатлѣніе. Походъ 1558 года далъ огромную добычу—война въ богатой, культурной странѣ была совсѣмъ не тѣмъ, что борьба съ инородцами въ далекой Казани или погоня по степямъ за неуловимыми крымцами. Помѣщикамъ уже грезилось прочное завоеваніе всей Ливоніи и раздача въ помѣстья богатыхъ мызъ нѣмецкихъ рыцарей: раздача эта уже и началась фактически. Но переходъ подъ власть Россіи всего юго-восточнаго побережья Балтики поднималъ на ноги всю восточную Европу: этого не могли допустить ни шведы, ни поляки. Первые заняли (въ 1561 году) Ревель. Вторые пошли гораздо дальше. Сначала, по виленскому договору (сентябрь 1559), они обязались защищать владѣнія Ливонскаго ордена отъ Москвы; затѣмъ (въ ноябрѣ 1561 года) совсѣмъ аннексировали Ливонію, гарантировавъ ей внутреннее самоуправленіе. Мотивы, вызвавшіе вмѣшательство Польши въ дѣло, какъ нельзя быть болѣе отчетливо формулированы уже современниками. „Ливонія знаменита своимъ приморскимъ положеніемъ, обиліемъ гаваней", читаемъ мы въ одномъ современномъ па-

мятникѣ. „Если эта страна будетъ принадлежать королю, то ему будетъ принадлежать и владычество надъ моремъ. О пользѣ имѣть гавань въ государствѣ засвидѣтельствуютъ всѣ знатныя фамиліи въ Польшѣ: необыкновенно увеличилось благосостояніе частныхъ людей съ тѣхъ поръ, какъ королевство получило во владѣніе прусскія гавани, и теперь народъ нашъ немногимъ европейскимъ народамъ уступитъ въ роскоши относительно одежды и украшеній, въ обиліи золота и серебра; обогатится и казна королевская взиманіемъ податей торговыхъ". А если упустить Ливонію, то все это перейдетъ къ „опасному сосѣду" *). То, за чѣмъ тянулся русскій торговый капиталъ, не въ меньшей степени нужно было польскому. Но въ распоряженіи послѣдняго были такія средства борьбы, до какихъ было далеко московской Руси Грознаго—еще чисто средневѣковой странѣ по своему военному устройству. Даже еще до непосредственнаго вмѣшательства самихъ поляковъ, только при ихъ поддержкѣ, магистръ Ливонскаго ордена, Кетлеръ, оказался въ состояніи держаться противъ московскихъ ополченій. Русскія побѣды въ этотъ періодъ войны обезпечивались только колоссальнымъ численнымъ перевѣсомъ арміи Грознаго: тамъ, гдѣ орденъ могъ выставить сотни солдатъ, москвичей были десятки тысячъ. Съ появленіемъ на полѣ битвы польско-литовскихъ войскъ дѣла пошли еще медленнѣе, хотя польское правительство, видимо, надѣялось добиться своего безъ серьезной войны, однѣми демонстраціями, и все время не прерывало переговоровъ съ Москвой. Въ началѣ 1563 года, съ напряженіемъ всѣхъ московскихъ силъ, подъ личнымъ предводительствомъ самого Ивана Васильевича, былъ взятъ Полоцкъ. Уже то, какъ московское правительство старалось раздуть значеніе этой побѣды, ясно показываетъ, что въ Москвѣ нужно было „поддержать настроеніе". Царскій посолъ, ѣхавшій въ столицу съ вѣстью о побѣдѣ, долженъ былъ во всѣхъ городахъ по дорогѣ устраивать торжественныя молебствія съ колокольнымъ звономъ, „что Богъ милосердіе свое великое показалъ царю и великому князю, вотчину его, городъ Полтескъ, совсѣмъ въ руки ему далъ",—а самъ царь возвращался въ Москву какъ послѣ взятія Казани. Но всѣмъ этимъ нельзя было закрасить того факта, что тотчасъ послѣ этого блестящаго успѣха заключено было перемиріе: на дальнѣйшіе успѣхи, видимо, не очень надѣялись. Когда перемиріе кончилось, дѣла пошли уже явно подъ гору. Лучшій изъ

*) См. Соловьевъ, изд. „Общ. Пользы", ч. II, стр. 185—186.

московскихъ воеводъ, князь Курбскій, съ пятнадцатью тысячами человѣкъ проигралъ битву 4000 поляковъ, подъ Невлемъ; а въ январѣ слѣдующаго (1564) года вся московская рать была на-голову разбита подъ Оршей, причемъ погибли всѣ старшіе воеводы, вмѣстѣ съ главнокомандующимъ, княземъ Петромъ Ивановичемъ Шуйскимъ, остатки же ихъ войска прибѣжали въ Полоцкъ только „своими головами", оставивъ въ рукахъ непріятеля всю артиллерію и обозъ.

Бояре не хотѣли войны—теперь бояре проигрываютъ войну: ясно, что это боярская измѣна. Такой ходъ мысли былъ совершенно неизбѣженъ въ головахъ „воинниковъ", жившихъ надеждой теперь на „вифлянскія" земли, какъ раньше они жили надеждой на казанскія. Терроръ опричнины можетъ быть понятъ только въ связи съ неудачами ливонской войны—какъ французскій терроръ 1792—93 годовъ въ связи съ нашествіемъ союзниковъ. И какъ тамъ, такъ и тутъ отдѣльные случаи должны были до чрезвычайности укрѣплять подозрительное настроеніе. Толки объ измѣнѣ бояръ пугали самихъ бояръ, имъ уже мерещилась плаха и колъ; съ другой стороны, уже самая война была побѣдой мелкаго вассалитета надъ коалиціей бояръ и посадскихъ (очень скоро, какъ мы видѣли, отколовшихся отъ военной партіи). Всѣмъ этимъ достаточно объясняется боярская эмиграція, случаи которой учащаются именно съ начала 60-хъ годовъ. Передъ нами мелькаютъ при этомъ самыя крупныя имена московской феодальной знати: то мы слышимъ о попыткѣ „отъѣхать" князя Глинскаго, то берется поручительство за князя Ивана Бѣльскаго, то уже самъ Бѣльскій ручается за князя Воротынскаго. Самое сильное впечатлѣніе долженъ былъ произвести побѣгъ въ Литву князя Андрея Михайловича Курбскаго, московскаго главнокомандующаго въ Ливоніи, въ апрѣлѣ 1564 года: въ моральной подготовкѣ переворота 3 декабря того же года это была, можетъ быть, самая рѣшительная минута. „И какъ учали намъ наши бояре измѣняти, стали мы васъ, страдниковъ, къ себѣ приближати", писалъ впослѣдствіи Грозный одному изъ своихъ „кромѣшниковъ", Васькѣ Грязному: и событіе 30 апрѣля 1564 года, главный воевода царскаго войска вдругъ оказавшійся воеводой короля польскаго и великаго князя литовскаго, нужно сказать, достаточно оправдывало эти слова Ивана Васильевича. О „боярской измѣнѣ" можно было теперь говорить, что называется, съ фактами въ рукахъ.

Мы не знаемъ, въ какой именно связи съ боярскими „измѣнами" стоитъ громкій политическій процессъ, разыграв-

шійся въ Москвѣ въ іюнѣ предыдущаго (1563) года. Дьякъ бывшаго, за десять лѣтъ передъ тѣмъ, кандидата на царскій престолъ, князя Владиміра Андреевича, донесъ на своего господина и на его мать, княгиню Офросинью, что они оба „многія неправды ко царю и великому князю чинятъ". По доносу дьяка, въ Александровской слободѣ, гдѣ жилъ уже тогда Грозный, „многіе о томъ сыски были и тѣ ихъ (князя Владиміра и княгини Евфросиніи) неисправленія сысканы". По „печалованію" митрополита Макарія и всего „освященнаго собора" царь виновныхъ „простилъ", но старая княгиня должна была постричься, а у Владиміра Андреевича вскорѣ потомъ была отобрана часть его прежнихъ удѣльныхъ земель, взамѣнъ которыхъ, впрочемъ, ему дали другія. Былъ ли тутъ, дѣйствительно, какой-нибудь заговоръ, или доносчикъ просто воспользовался уже болѣзненно возбужденною подозрительностью Ивана Васильевича, трудно сказать. Но, субъективно, у Грознаго было теперь основаніе оправдывать свое дальнѣйшее поведеніе тѣмъ, что онъ „за себя сталъ". Государственный переворотъ, диктовавшійся, объективно, экономическими условіями, нашелъ теперь себѣ форму: онъ долженъ былъ стать актомъ династической и личной самообороны царя противъ покушеній свергнуть его и его семью съ московскаго трона.

Объективныя условія были таковы. И война на западѣ, какъ война на востокѣ, не дала удовлетвореній земельному голоду мелкаго вассалитета—и не оправдала вообще тѣхъ ожиданій, съ которыми ее начали. Внѣшняя политика не сулила больше ни земли, ни денегъ—то и другое приходилось отыскивать внутри государства. Но этимъ послѣднимъ продолжало управлять боярство. Оно было правительствомъ, реально державшимъ въ рукахъ дѣла: царь былъ лишь символомъ, величиной идеальной, отъ которой, практически, помѣщикамъ было ни тепло, ни холодно. Боярская публицистика охотно признавала, что „Богомъ вся свыше предано есть помазаннику царю и великому Богомъ избранному князю", но, „предавъ" царямъ всю власть, Господь „повелѣлъ" имъ „царство держати и власть имѣти съ князи и съ бояры". Церковная идеологія, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, въ этомъ отношеніи освятила феодальную практику: церкви, какъ учрежденію, нужно было сильное московское государство, но вовсе не сильный московскій государь. Напротивъ, для личнаго обузданія царской воли аскетическая мораль церкви давала новыя средства: стоитъ прочитать у

Грознаго—въ его „перепискѣ“—, какъ тщательно былъ регламентированъ весь царскій обиходъ протопопомъ Сильвестромъ—„вся не по своей волѣ бяху—глаголю же до обуща (обуви) и спанья“. „Таково убо тогда православія сіяніе!“—съ горькимъ сарказмомъ вспоминалъ потомъ эти времена царь всего православнаго христіанства. Иванъ Васильевичъ на себѣ испыталъ, что быть простымъ, обыкновеннымъ свѣтскимъ государемъ — въ родѣ хотя бы Махмета-салтана турецкаго—куда пріятнѣе, нежели земнымъ богомъ. И когда онъ писалъ: „Россійское самодержавство изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не бояре и вельможи“—онъ, несмотря на якобы историческую ссылку, высказывалъ крупную новую мысль, можетъ быть, и не ему лично принадлежавшую—глухія ссылки на Пересвѣтова нерѣдки въ „письмахъ“ Грознаго, да неизвѣстно еще, представляютъ ли и сами „письма“ продуктъ личнаго, а не коллективнаго творчества—, но для насъ это не имѣетъ значенія. Нѣтъ ничего несправедливѣе, какъ отрицать принципіальность Грознаго въ его борьбѣ съ боярствомъ, и видѣть въ этой борьбѣ какое-то политическое топтаніе на одномъ мѣстѣ. Былъ ли тутъ иниціаторомъ самъ Иванъ Васильевичъ или нѣтъ—всего правдоподобнѣе, что нѣтъ—но его „опричнина“ была попыткой за полтораста лѣтъ до Петра основать личное самодержавіе петровской монархіи. Попытка была слишкомъ преждевременна, и крушеніе ея было неизбѣжно: но кто на нее дерзнулъ, стояли, нельзя въ этомъ сомнѣваться, выше своихъ современниковъ. Дорога „воинства“ шла черезъ трупъ стараго московскаго феодализма—и это дѣлало „воинство“ прогрессивнымъ независимо отъ того, какіе мотивы имъ непосредственно руководили. Старыя вотчины внутри государства были теперь единственнымъ земельнымъ фондомъ, на счетъ котораго могло шириться среднепомѣстное землевладѣніе; государева казна—единственнымъ источникомъ денежныхъ капиталовъ. Но для того, чтобы воспользоваться тѣмъ и другимъ, нужно было захватить въ свои руки власть, а она была въ рукахъ враждебной группы, державшей ее не только со всей цѣпкостью вѣковой традиціи, но и со всей силой нравственнаго авторитета. У Пересвѣтова могло хватить дерзости заявить, что политика выше религіи—„правда“ выше „вѣры“. Но его рядовые сторонники не рѣшились бы этого даже подумать—не только высказать, а тѣмъ болѣе провести въ жизнь. Переворотъ 3 декабря 1564 года и былъ попыткой не то, чтобы внести новое содержаніе въ старыя формы,

Іоаннъ Грозный.

Оригиналъ картины В. М. Васнецова «Іоаннъ Грозный» (1897 г.) находится въ Третьяковской галлереѣ (№ 954). Царь Иванъ IV—характерная фигура московской Руси XVI вѣка, сразу вызывающая въ нашемъ сознаніи рядъ сильныхъ и разнообразныхъ представленій; она столь же центральна для XVI столѣтія, насколько самый этотъ вѣкъ съ его оглушительнымъ эпилогомъ централенъ въ исторіи московскаго царства. Это—несомнѣнный герой вѣка, поразившій сознаніе своихъ современниковъ и ошеломившій потомство, попавшее въ тиски самодержавной бюрократіи. Царь Иванъ IV, естественно, и герой русской исторической литературы и русскаго художественнаго творчества. Имъ занимались, его изучали съ разныхъ сторонъ и съ разныхъ точекъ зрѣнія; ему нашли достойную параллель въ лицѣ Петра I, имъ пользовались для выраженія затаенныхъ чувствъ, которыя неуклонно и долго воспитывались въ сознаніи передовыхъ общественныхъ слоевъ по адресу политическаго принципа, выражаемаго терминомъ «абсолютизмъ». Естественно, что такой художникъ «русскаго духа», какимъ является въ нашей живописи Викторъ Васнецовъ, не могъ миновать царя Ивана, не могъ не сдѣлать изъ него героическаго образа, который заслоняетъ собой все окружающее, и подъ грознымъ взоромъ котораго помираютъ всѣ эти князья и бояре, эти «государевы холопи». Фигура царя Ивана на картинѣ В. Васнецова подавляетъ собой превосходно стилизованный древнерусскій фонъ, она впивается въ зрителя своими зловѣщими глазами и послѣдній спѣшитъ переброситься на тщательно вырисованный костюмъ царя. И если вамъ не нравится этотъ васнецовскій Иванъ, если вамъ непріятно становится отъ этого взора и этого лица, на которомъ отлилась во-всю безпощадная жестокость власти, вы остановитесь на костюмѣ и позѣ героя. Древнерусскій бытовой элементъ выписанъ здѣсь художникомъ и съ любовью, и съ увлеченіемъ. Эта старая отжившая Русь полна у Васнецова героическаго, чудеснаго, церковно-откровеннаго но при классически-стильномъ написаніи прошлаго подъ художественной кистью «національнаго» чародѣя сквозитъ мрачная реакція настоящаго. Противопоставимъ теперь картинѣ Васнецова литературный портретъ царя Ивана, написанный княземъ Ив. Мих. Катыревымъ-Ростовскимъ въ 20-хъ гг. XVII вѣка: «Царь Иванъ образомъ нелѣпымъ, очи имѣя сѣры, носъ протягновенъ, покляпъ; возрастомъ великъ бяше, сухо тѣло имѣя, плещи имѣя высоки, груди широки, мышцы толсты; мужъ чюднаго разсужденія, въ наукѣ книжняго почитанія доволенъ и многорѣчивъ зѣло, къ ополченію дерзостенъ и за свое отечество стоятель. На *рабы*, отъ Бога данныя ему, жестокосердъ велми, на пролитіе крови и на убіеніе дерзостенъ велми и неумолимъ; множество народу отъ мала и до велика при царствѣ своемъ погуби, и многія грады своя поплѣни, и многія святительскія чины заточи и смертію немилостивою погуби, и иная многая содѣяхъ надъ *рабы* своими, женъ и дщерей блудомъ оскверни. Той же царь Иванъ многая и благая сотвори, воинство велми любляше и требующая имъ отъ сокровищъ своихъ неоскудно подаваше. Таковъ бѣ царь Иванъ». Авторъ литературнаго портрета не могъ представить себѣ русскаго человѣка XVI столѣтія иначе какъ въ образѣ раба, даннаго царю Богомъ; художникъ наканунѣ XX вѣка, не вдаваясь въ печальное сомнѣніе, обезсмертилъ этотъ грозный взоръ, ищущій испепелить презрѣннаго раба.

В. Ст.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ". Изд. Т-ва „МІРЪ".

а поставить новыя формы рядомъ со старыми, не трогая старыхъ учрежденій, сдѣлать такъ, чтобы они служили лишь ширмою для новыхъ людей, не имѣвшихъ права въ эти учрежденія войти какъ настоящіе хозяева. Петръ былъ смѣлѣе— онъ просто посадилъ въ боярскую думу своихъ чиновниковъ, да назвалъ ее сенатомъ: и всѣ съ этимъ примирились. Но ко времени Петра бояре были уже, въ глазахъ всѣхъ, „зяблымъ, упавшимъ деревомъ". За полтораста лѣтъ раньше дерево уже начало терять свою листву, но корни его еще крѣпко сидѣли въ землѣ и сразу ихъ было не вырвать.

Отказывая „опричнинѣ" въ принципіальномъ значеніи, историки зато изображаютъ ея появленіе въ очень драматической формѣ. Какъ Грозный, необычно-торжественнымъ походомъ, вдругъ, внезапно, уѣхалъ въ Александровскую слободу (поясняется, обыкновенно, и гдѣ находится это таинственное, неожиданно всплывающее въ русской исторіи мѣсто), какъ онъ оттуда началъ обсылаться грамотами съ московскимъ „народомъ", и какой эффектъ это произвело—всѣ объ этомъ читали, конечно, много разъ, и повторять этотъ разсказъ не приходится. На самомъ дѣлѣ, какъ и все на свѣтѣ, событіе было гораздо „будничнѣе". Александровская слобода давно была лѣтней резиденціей Грознаго—въ лѣтописи мы постоянно тамъ его встрѣчаемъ, въ промежуткахъ между военными походами и, очень частыми, разъѣздами по московскимъ областямъ, на богомолье и съ хозяйственными цѣлями. Внезапность отъѣзда въ значительной степени ослабляется тѣмъ, что Иванъ Васильевичъ взялъ съ собою всю свою цѣнную движимость—всю „святость, иконы и кресты, златомъ и драгимъ каменіемъ украшенные", сосуды, золотые и серебряные, весь свой гардеробъ и всю свою казну, и мобилизировалъ всю свою гвардію—„дворянъ и дѣтей боярскихъ выборъ изъ всѣхъ городовъ, которыхъ прибралъ государь быти съ нимъ". Всѣхъ этихъ приготовленій нельзя было сдѣлать ни въ одинъ, ни въ два дня—тѣмъ болѣе, что царскіе придворные тоже выбирались „всѣмъ домомъ": имъ приказано было „ѣхати съ женами и съ дѣтьми". Двинувшись, Грозный никуда не исчезалъ на цѣлый мѣсяцъ, какъ опять-таки можно было бы подумать: москвичи отлично знали, что Николу чудотворца (6 декабря) царь праздновалъ въ Коломенскомъ, въ воскресенье, 17 числа, былъ въ Тайнинскомъ, а 21 пріѣхалъ къ Троицѣ—встрѣчать Рождество. Къ слову сказать, это былъ и обычный маршрутъ его поѣздокъ въ Александровскую слободу, не считая заѣзда въ Коломенское, объяснявшагося не-

ожиданной въ декабрѣ ростепелью и разливомъ рѣкъ. А то, какъ быстро пошли дѣла въ Москвѣ—3-го туда прибылъ гонецъ съ царскою грамотой, 5-го же московское посольство было уже въ слободѣ—ясно показываетъ, что здѣсь этотъ мѣсяцъ не прошелъ даромъ, и пока царь ѣздилъ, его сторонники тщательно подготовили тѣшащій современныхъ историковъ драматическій эффектъ. Если Грозный за этотъ мѣсяцъ, дѣйствительно, посѣдѣлъ и постарѣлъ на двадцать лѣтъ, какъ разсказываютъ иностранцы, то, конечно, не отъ того, что онъ все время трепеталъ за успѣхъ своей неожиданной „выходки“, а потому, что не легко было рвать со всѣмъ прошлымъ человѣку, выросшему и воспитавшемуся въ феодальной средѣ. Петръ родился уже въ иной обстановкѣ, съ дѣтства привыкъ думать и дѣйствовать не по обычаю—Ивану приходилось все ломать на тридцать пятомъ году: было отъ чего посѣдѣть. А что матеріальная сила въ его рукахъ, что внѣшній, физическій, такъ сказать, успѣхъ переворота для царя и его новыхъ совѣтниковъ обезпеченъ—это видѣли всѣ настолько, что ни малѣйшей попытки сопротивляться со стороны совѣтниковъ старыхъ мы не встрѣчаемъ. И, конечно, не потому, чтобы они, въ холопствѣ своемъ, не смѣли подумать о сопротивленіи: бѣжать на службу къ католическому королю отъ царя всѣхъ православныхъ было несравненно большимъ моральнымъ скачкомъ, нежели попытаться повторить то, что дѣлалъ всего за тридцать лѣтъ Андрей Ивановичъ Старицкій, когда онъ поднималъ на московское правительство новгородскихъ помѣщиковъ. Но теперь боярамъ некого было бы поднять противъ своихъ враговъ: помѣщики были съ Александровской слободой, а московскій посадъ былъ теперь съ помѣщиками, а не съ боярствомъ. Гости, купцы и „все православное христіанство града Москвы“, въ отвѣтъ на милостивую царскую грамоту, прочтенную на собраніи высшаго московскаго купечества, гостей, „чтобы они себѣ никотораго сумнѣнія не держали, гнѣва на нихъ и опалы никоторые нѣтъ“, единодушно отвѣтили, что они „за государскихъ лиходѣевъ и измѣнниковъ не стоятъ и сами ихъ истребятъ“. И въ посольствѣ, отправившемся въ слободу, рядомъ со владыками, игуменами и боярами, мы опять встрѣчаемъ гостей, купцовъ и даже простыхъ „черныхъ людей“, которымъ въ государственномъ дѣлѣ было, казалось бы, совсѣмъ не мѣсто. Московскій посадъ головой выдалъ своихъ вчерашнихъ союзниковъ. На переговоры съ нимъ, по всей вѣроятности, и понадобился будущимъ опричникамъ цѣлый мѣсяцъ—и его рѣшеніе окон-

чательно склонило чашку вѣсовъ на сторону переворота. Чѣмъ было вызвано это рѣшеніе, не трудно понять изъ дальнѣйшаго: торговый капиталъ самъ былъ пріобщенъ къ опричнинѣ, и это сулило такія выгоды, которыхъ не могла уравновѣсить никакая протекція князей Шуйскихъ. Вскорѣ послѣ переворота мы встрѣчаемъ купцовъ и гостей въ качествѣ офиціальныхъ агентовъ московскаго правительства и въ Константинополѣ, и въ Антверпенѣ, и въ Англіи—во всѣхъ „поморскихъ государствахъ", куда они такъ стремились: и всѣ они были снабжены не только всяческими охранными грамотами, но и „бологодѣтью" изъ царской казны *). „Въ опричнину попали всѣ главные (торговые) пути съ большею частью городовъ, на нихъ стоящихъ", говоритъ проф. Платоновъ — и тутъ же даетъ весьма убѣдительный перечень этихъ городовъ. „Недаромъ англичане, имѣвшіе дѣло съ сѣверными областями, просили о томъ, чтобы и ихъ вѣдали въ опричнинѣ; недаромъ и Строгановы потянулись туда же: торгово-промышленный капиталъ, конечно, нуждался въ поддержкѣ той администраціи, которая вѣдала край и, какъ видно, не боялся тѣхъ ужасовъ, съ которыми у насъ связывается представленіе объ опричнинѣ" **). Еще бы бояться того, что при участіи этого самаго капитала было и создано!

Переворотъ 1564 года былъ произведенъ коалиціей посадскихъ и мелкаго вассалитета, точно такъ же, какъ „реформы" были дѣломъ коалиціи буржуазіи и боярства. Этимъ объясняется, по всей вѣроятности, одна особенность читавшейся на Москвѣ царской грамоты, не обращавшая на себя большого вниманія до сихъ поръ, но весьма интересная. Переворотъ былъ, по формѣ, актомъ самообороны царя отъ его крупныхъ вассаловъ, которые „почали измѣняти". Но объ этихъ „измѣнныхъ дѣлахъ" весьма глухо упоминается лишь въ концѣ. Обстоятельно же въ грамотѣ развиваются три пункта. Во-первыхъ, поведеніе бояръ въ малолѣтство Ивана Васильевича—„которые они измѣны дѣлали и убытки государству его до его государскаго возрасту". Во-вторыхъ, то, что бояре и воеводы „земли его государскія себѣ розымали" и, держачи за собою помѣстья и вотчины великія, собрали себѣ, незаконными путями, великія богатства. Этотъ, чисто пересвѣтовскій, мотивъ имѣлъ въ виду совершенно опредѣленный фактъ, уже поведшій къ частичной конфискаціи вотчинныхъ

---

*) „Александро-Невская лѣтопись, Русск. исторія. Библ. III, с. 292.
**) „Очерки по исторіи Смуты", стр. 149—150.

земель года за три до переворота. 15 января 1562 года Иванъ Васильевичъ „приговорилъ съ бояры (не со „всѣми бояры“!): которыя вотчины за князьями Ярославскими, за Стародубскими, за Ростовскими, за Суздальскими, за Тверскими, за Оболенскими, за Бѣлозерскими, за Воротынскими, за Мосальскими, за Трубецкими, за Одоевскими и за иными служилыми князьями вотчины старинныя, и тѣмъ князьямъ вотчинъ своихъ не продавати и не мѣняти“. Право распоряженія этихъ владѣльцевъ своими землями было низведено до минимума: они могли лишь завѣщать имѣнія своимъ сыновьямъ. Если сыновей не было, вотчина шла на государя, который отъ себя уже дѣлалъ все, что требовалось: „устраивалъ его душу“, т.-е. надѣлялъ церковь землями на поминъ души умершаго, выдѣлялъ участокъ „на прожитіе“ его вдовѣ, приданое его дочерямъ, и т. д. Но этого мало: на государя же отбираются всѣ вотчины этого разряда, проданныя за пятнадцать или за двадцать—не менѣе, какъ за десять лѣтъ до изданія указа, безъ всякаго вознагражденія. Мотивъ такой чрезвычайной мѣры былъ тотъ, что по постановленіямъ еще временъ Ивана III и Василія Ивановича, отца Грознаго, княженецкія вотчины можно было продавать лишь съ разрѣшенія великаго князя: съ перемѣной владѣльца земли мѣнялся вассалъ, и сюзеренъ, по весьма распространенному не въ одной Россіи феодальному обычаю, долженъ былъ быть спрошенъ о его согласіи. Въ малолѣтство Грознаго, видимо, пренебрегали этой формальностью—избранная же рада, кажется, въ числѣ прочаго добилась и прямой ея отмѣны. Иначе невозможно понять обвиненія Грознаго по адресу Сильвестра, что тотъ „вотчины вѣтру подобно раздалъ неподобно“—„которымъ вотчинамъ еже нѣсть потреба отъ васъ даятися“—„и то дѣда нашего (Ивана III) уложенія разрушилъ“. Оттого за вотчины, купленныя послѣ 1552 года, полагалось вознагражденіе, размѣръ котораго, впрочемъ, всецѣло зависѣлъ отъ благоусмотрѣнія государя, вотчины же, проданныя и купленныя до господства „избранной рады“, конфисковались безусловно. Въ 1562 году еще пытались дѣйствовать легально и шли на кое-какія уступки: но въ прокламаціи, какой была государева грамота 1565 года, не было нужды стѣсняться такими тонкостями—и легальность всякую давно рѣшились отбросить. Вотчинныя земли прямо приравнивались къ государскимъ, а самовольное распоряженіе ими—къ расхищенію казенной собственности. Наконецъ, третій мотивъ грамоты—его мы тоже видѣли у Пересвѣтова—отвращеніе бояръ къ

активной внѣшней политикѣ: то, что они „о всемъ православномъ христіанствѣ не хотѣли радѣти“ и отъ Крымскаго, и отъ Литовскаго, и отъ Нѣмецъ не хотѣли христіанства обороняти. Все, какъ мы видимъ, мотивы очень популярные среди широкихъ массъ, а читатели и слушатели прокламаціи, конечно, не стали бы разбираться, почему же это за грѣхи и ошибки бояръ въ дни его юности царь собрался наказать ихъ только на четвертомъ десяткѣ? Для дворцоваго переворота, устраиваемаго сверху, эти агитаторскіе пріемы были бы, конечно, очень странны: но дѣло въ томъ, что и въ декабрѣ—январѣ 1564—5-го года, какъ и въ 1547-мъ году, какъ и въ тридцатыхъ годахъ, при Шуйскихъ, на сценѣ опять были народныя массы, а съ ними приходилось говорить понятнымъ для нихъ языкомъ.

Но содержаніе этой прокламаціи, какъ и всякой другой, вовсе не опредѣляло текущей политики тѣхъ, кто ее выпустилъ. Когда между Грознымъ и пріѣхавшей въ слободу московской депутаціей начались дѣловые переговоры, царемъ были выставлены требованія, вполнѣ отвѣчавшія причинамъ, непосредственно вызвавшимъ переворотъ, и не имѣвшія ничего общаго съ воспоминаніями о дняхъ его молодости. Въ этихъ требованіяхъ приходится различать двѣ стороны. Во-первыхъ, Грозный настаивалъ на реализаціи обѣщанія, даннаго отъ чистаго сердца московскимъ купечествомъ, и къ которому, со страху, присоединились бояре и всякіе приказные люди, оставшіеся въ Москвѣ: выдать ему головою его вороговъ. „Своихъ измѣнниковъ, которые измѣны ему государю дѣлали и въ чемъ ему государю были непослушны, на тѣхъ опалы своя класти, а иныхъ казнити и животы ихъ и статки имати“. Во исполненіе этого требованія, въ февралѣ мѣсяцѣ того же года—переговоры происходили, какъ мы помнимъ, въ началѣ января—цѣлый рядъ бояръ изъ старыхъ княжескихъ родовъ были казнены, другіе пострижены въ монашество, третьи сосланы на житье въ Казань съ женами и дѣтьми, причемъ имущество всѣхъ было конфисковано. Тутъ характерно, между прочимъ, какъ быстро „подрайская землица“ обратилась въ мѣсто ссылки, суррогатъ теперешней Сибири, тогда еще не завоеванной. Опалы и казни давали сразу въ руки земельный фондъ, вѣроятно, достаточный для вознагражденія, на первый случай, непосредственныхъ участниковъ coup d'État. Для обезпеченія же ихъ денежнымъ жалованьемъ царь и великій князь приговорилъ за подъемъ свой взять изъ земскаго приказа сто тысячъ

рублей (около 5 милліоновъ на наши деньги, по вычисленію проф. Ключевскаго). Но переворотъ былъ лишь дѣломъ кружка—преслѣдовалъ же онъ интересы класса: всѣхъ помѣщиковъ нельзя было удовлетворить отъ нѣсколькихъ опалъ и небольшой экспропріаціи изъ казеннаго сундука. Форма, придуманная для удовлетворенія „воинства“, была столь же старомодна, какъ ново было содержаніе произведенной перемѣны. Въ государствѣ царь не могъ распоряжаться безъ своихъ бояръ, сюзеренъ безъ своей куріи: но на своемъ „домэнѣ“, въ своемъ дворцовомъ хозяйствѣ, онъ былъ такъ же полновластенъ, какъ любой вотчинникъ у себя дома. Превратить полгосударства, и притомъ самую богатую его часть, въ государевъ домэнъ—и получалась возможность распоряжаться огромной территоріей, не спрашиваясь феодальной знати. Не нарушая постановленія 1550 года, здѣсь можно было дѣлать все, что угодно, помимо приговора не только „всѣхъ бояръ“, но хотя бы и одного боярина: на государевъ дворцовый обиходъ право боярской коллегіи, конечно, не распространялось. И названіе для увеличеннаго до колоссальныхъ размѣровъ царскаго двора было выбрано, сначала, очень старое: государь потребовалъ „учинити ему на своемъ государствѣ себѣ опришнину“. Такъ назывались имѣнія, выдѣлявшіяся въ прежнее время княгинямъ-вдовамъ „на прожитокъ“, до смерти. Впослѣдствіи вошелъ въ употребленіе болѣе точный и болѣе новый терминъ дворъ. По своему устройству этотъ „дворъ“ былъ точной копіей старой государевой вотчины—до того точной, что одинъ новѣйшій изслѣдователь даже усомнился, были ли у опричнины какія-либо свои учрежденія или же лишь въ старыя учрежденія были посажены, рядомъ со старыми „приказными“, новые люди для вѣданія „опришныхъ“ дѣлъ. Произведя настоящую революцію, творцы опричнины какъ будто нарочно старались, чтобы она не оставила никакихъ юридическихъ слѣдовъ: и нельзя не видѣть въ этомъ сознательной тенденціи, вытекавшей изъ тѣхъ же побужденій, что и содержаніе разобранной нами выше царской прокламаціи. Народу нуженъ былъ виноватый, и его увѣряли, что остріе переворота направлено противъ отдѣльныхъ, хотя бы и очень многочисленныхъ, лицъ: порядокъ же остается во всей неприкосновенности старый. Ибо нельзя же было однимъ почеркомъ пера уничтожить то, чему царь и его теперешніе совѣтники безропотно подчинялись не одинъ десятокъ лѣтъ, и отъ чего, морально, они, быть можетъ, не могли освободиться даже и въ

эту минуту. Тѣ оргіи, которыми ознаменовалась опричнина, и насчетъ которыхъ единодушны и русскіе и иностранные свидѣтели, едва ли можно объяснить только тѣмъ, что люди пересвѣтовскаго склада были гораздо свободнѣе отъ аскетической морали, нежели консерваторы типа протопопа Сильвестра или „въ нѣкоторыхъ нравахъ ангеламъ подобнаго“ Алексѣя Адашева. Тутъ, несомнѣнно, было не безъ стремленія заглушить укоры совѣсти, мучившей людей, посягнувшихъ на то, что въ ихъ собственныхъ глазахъ еще сохраняло нравственный авторитетъ. Оттого они и выдержали такъ хорошо иллюзію борьбы съ лицами при полной неприкосновенности порядка, что обманули не только московскую толпу XVI вѣка, но и нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдователей, въ другихъ случаяхъ весьма проницательныхъ.

Но, колоссально расширившись, государевъ дворъ не вобралъ въ себя, однако, всей страны—и земщина, вѣдавшая все, что осталось за предѣлами опричнины, далеко не была простой декорацiей. Территоріальный составъ опричнины всего лучше изученъ проф. Платоновымъ—мы изобразимъ поэтому дѣло его словами. „Территорія опричнины, говоритъ этотъ ученый, слагавшаяся постепенно, въ 70-хъ годахъ XVI вѣка составлена была изъ городовъ и волостей, лежавшихъ въ центральныхъ и сѣверныхъ мѣстностяхъ государства—въ Поморьѣ, Замосковныхъ и Заоцкихъ городахъ, въ пятинахъ Обонежской и Бѣжецкой. Опираясь на сѣверѣ на „великое море-окіанъ“, опричныя земли клиномъ врѣзывались въ земщину, раздѣляя ее на-двое. На востокъ за земщиною оставались Пермскіе и Вятскіе города, Понизовье и Рязань; на западъ—города порубежные: „отъ нѣмецкой украйны“ (Псковскіе и Новгородскіе), „отъ литовской украйны“ (Великія Луки, Смоленскъ и другіе) и города Сѣверскіе. На югѣ эти двѣ полосы „земщины“ связывались украинными городами да „дикимъ полемъ“. Московскимъ сѣверомъ, Поморьемъ и двумя Новгородскими пятинами опричнина владѣла безраздѣльно; въ центральныхъ же областяхъ ея земли перемѣшивались съ земскими въ такой черезполосицѣ, которую нельзя не только объяснить, но и просто изобразить“, но ей, однако, оказалось возможно дать общую характеристику. „Въ опричномъ управленіи, говоритъ въ другомъ мѣстѣ г. Платоновъ, собрались старыя удѣльныя земли“ *). То, къ чему законъ 1562 года стремился исподволь и въ легальныхъ рамкахъ, три года спустя было

*) „Очерки по исторіи Смуты“, стр. 151—ср. 145. Ср. также прилагаемую карту.

осуществлено сразу и революціоннымъ путемъ: наиболѣе цѣнная часть территоріи московскаго государства вмѣстѣ съ крупнѣйшими торгово-промышленными центрами стала непосредственно удѣломъ государя, гдѣ, не стѣсняемые старымъ боярствомъ, и начали теперь распоряжаться люди „пересвѣтовской“ партіи. На долю старой власти осталось что похуже и побѣднѣе: любопытно, что какъ Казань стала теперь мѣстомъ ссылки, такъ и вновь завоеванныя земли на западѣ охотно уступались теперь „земскимъ“. Новгородскіе „дѣти боярскіе“ изъ Обонежской и Бѣжецкой пятинъ, когда эти пятины были взяты въ опричнину, получили помѣстья около Полоцка—на только что присоединенныхъ и весьма ненадежныхъ литовскихъ земляхъ.

Царскій указъ, даже въ томъ короткомъ изложеніи, какое сохранилось намъ въ офиціальной московской лѣтописи—подлинный указъ объ опричнинѣ до насъ не дошелъ, какъ не дошла и большая часть офиціальныхъ документовъ этой бурной поры — говоритъ вполнѣ внятно, въ чью пользу и для какой ближайшей цѣли совершена была вся эта земельная перетасовка. „А учинити государю у себя въ опришнинѣ князей и дворянъ и дѣтей боярскихъ, дворовыхъ и городовыхъ, 1000 головъ, и помѣстья имъ подавати въ тѣхъ городѣхъ съ одново, которые городы поималъ въ опришнину“, говоритъ лѣтопись. Новѣйшіе историки усмотрѣли здѣсь что-то въ родѣ учрежденія корпуса жандармовъ: отрядъ дозорщиковъ внутренней крамолы и охранителей безопасности царя и царства. Но при всей соблазнительности этой аналогіи ею не слѣдуетъ увлекаться. Задачей жандармовъ съ самаго начала былъ политическій сыскъ, и только: матеріальную опору правительства составляли не они — ихъ для этого было и слишкомъ мало—, а постоянная армія. Опричники представляли изъ себя нѣчто совсѣмъ другое. Отрядъ въ тысячу человѣкъ дѣтей боярскихъ на дѣлѣ, такъ какъ каждый являлся на службу съ нѣсколькими вооруженными холопами, былъ корпусомъ тысячъ въ десять-двѣнадцать человѣкъ. Ни у одного крупнаго землевладѣльца, даже изъ бывшихъ удѣльныхъ князей, не могло быть такой дружины—даже двое или трое вмѣстѣ изъ самыхъ крупныхъ, вѣроятно, не набрали бы столько. А кромѣ этого коннаго отряда въ опричнинѣ была и пѣхота: „да и стрѣльцовъ приговорилъ учинити себѣ особно“, говоритъ лѣтописецъ. Для борьбы съ „внутреннимъ врагомъ“ такой силы было болѣе чѣмъ достаточно: великій князь московскій былъ теперь, единолично, самымъ крупнымъ изъ

московскихъ феодаловъ. Опричная армія была логическимъ выводомъ изъ опричнаго двора государева—и, нужно прибавить, самая возможность образованія этого двора обусловливалась существованіемъ такой арміи. Ибо новизной въ этой части указа было не появленіе при царѣ „тысячи головъ“, а ея размѣщеніе на земляхъ, безцеремонно отобранныхъ у другихъ владѣльцевъ: „а вотчинниковъ и помѣщиковъ, которымъ не быти въ опришнинѣ, велѣлъ (государь) изъ тѣхъ городовъ вывести“. Тысячный же отрядъ существовалъ давно, еще съ 1550 года, и въ переворотѣ 3 декабря 1564 года онъ игралъ совершенно ту же роль, что парижскій гарнизонъ въ переворотѣ 2 декабря 1851 года. Эта царская гвардія, учрежденная, какъ мы помнимъ, боярскимъ правительствомъ, какъ подачка верхамъ помѣщичьей массы, стала могучимъ орудіемъ въ борьбѣ помѣщичьяго класса противъ самихъ бояръ. Только ея близостью къ царю и объясняется то, что стоявшіе теперь около него „худородные“ осмѣлились такъ дерзко поднять руку на своихъ вчерашнихъ феодальныхъ господъ, и въ необычномъ царскомъ поѣздѣ эта „приборная“ тысяча, двинувшаяся „за царемъ съ людьми и съ коньми, со всѣмъ служебнымъ нарядомъ“, была, конечно, самой внушительной частью. По всей вѣроятности, она вся, за нѣкоторыми *личными* исключеніями, и вошла въ составъ опричнаго корпуса, такъ что фактически этотъ послѣдній ничего новаго собою и не представлялъ. И какъ до, такъ и послѣ 1565 года, наряду съ военно-полицейскимъ она продолжала имѣть и политическое значеніе: въ нее входили „лучшіе“, т.-е. наиболѣе вліятельные элементы мѣстныхъ дворянскихъ обществъ—„походные предводители уѣзднаго дворянства“, какъ модернизируетъ ихъ положеніе г. Ключевскій. Какъ онъ же обстоятельно выяснилъ, они и въ царской гвардіи не теряли связи съ уѣздными мірами: иначе говоря, они были политическими вождями помѣщичьяго класса, и раздача имъ опричныхъ земель не означала ничего другого, какъ то, что рядомъ со старымъ, боярско-вотчиннымъ, государствомъ, обрѣзаннымъ больше чѣмъ наполовину, возникло новое, дворянско-помѣщичье.

Весьма яркимъ доказательствомъ того, что во всемъ переворотѣ рѣчь шла объ установленіи новаго *классоваго* режима, для котораго личная власть царя была лишь орудіемъ, а вовсе не объ освобожденіи лично Грознаго отъ стѣснявшей его боярской опеки, служитъ оригинальное собраніе, происходившее въ Москвѣ лѣтомъ слѣдующаго 1566 года. 28 іюня этого года царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея

Руси „говорилъ“ съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, со своими „богомольцами“, архіепископами, епископами и всѣмъ „освященнымъ соборомъ“, со всѣми боярами и съ приказными людьми, съ князьями, съ дѣтьми боярскими и со служилыми людьми — „да и съ гостьми, и съ купцы, и со всѣми торговыми людьми“. Предметомъ разговора было перемиріе, предлагавшееся польско-литовскимъ правительствомъ на условіяхъ, которыя въ дипломатіи носятъ названіе „uti possidetis“: тѣ города, что были заняты уже московскими войсками, оставались за Москвой, а часть Ливоніи, откуда московскіе отряды были вытѣснены непріятелемъ, отходила къ Польшѣ. Грозному предлагали, такимъ образомъ, отказаться отъ той цѣли, ради которой была затѣяна война—захвата всей Ливоніи. Въ сущности былъ поставленъ вопросъ—стоитъ ли воевать дальше: и весьма характерно, что Грозный и его новое правительство не взяли рѣшеніе этого вопроса на свою отвѣтственность, а поставили его на судъ всѣхъ тѣхъ, отъ имени кого они правили. Было бы, конечно, очень наивно представлять себѣ этотъ „земскій соборъ 1566 года“, первый соборъ, существованіе котораго исторически безспорно *), какъ что-то хотя бы отдаленно похожее на современное народное представительство: самое плохое изъ послѣднихъ все же, хотя бы въ идеѣ, говоритъ отъ имени „народа“, а феодальная Европа чужда была самаго этого понятія. Средневѣковыя собранія, и у насъ, и на западѣ, представляли собою не народъ, а „чины“, Etats, Stände. Съ этой точки зрѣнія въ соборѣ 1566 года важна выдающаяся роль двухъ „чиновъ“, политическое значеніе которыхъ раньше едва ли открыто признавалось: мелкаго вассалитета, „дворянства“, и буржуазіи. Количественно помѣщики составляли даже большинство этого собранія. Ливонская война рѣшена была, нехотя и подъ давленіемъ снизу, боярами, а о томъ, продолжать ли эту войну, спрашивали теперь „воинниковъ“, да „торговыхъ людей“. Цѣлая пропасть отдѣляла 1557 отъ 1566 года. Подробности преній на соборѣ до насъ не дошли, да врядъ ли и были пренія. Однодневный соборъ былъ созванъ, конечно, не для того, чтобы узнать мнѣнія собравшихся: помѣщиковъ и купцовъ собрали потому, что уже знали ихъ мнѣнія, и авторитетомъ ихъ голосовъ надѣялись подкрѣпить авторитетъ заявленій московской дипломатіи. Соборъ, въ сущности, былъ торжественной декораціей, а насто-

*) Долгое время въ наукѣ принято было считать его вторымъ, но теперь можно считать почти безусловно доказанной легендарность такъ называемаго „перваго“ собора 1550 года.

ящіе переговоры происходили, конечно, до собора и, по всему судя, далеко не внушили правительству той увѣренности, какой дышали торжественныя рѣчи на самомъ соборѣ. Тамъ было постановлено продолжать войну во что бы то ни стало, а на дѣлѣ продолжались переговоры, которые и закончились черезъ нѣсколько лѣтъ перемиріемъ на условіяхъ, предлагавшихся поляками. Сюзерену-Грозному нужно было формальное обѣщаніе его новаго, широкаго вассалитета—въ случаѣ, если будетъ война, „за государя съ коня помереть",—а со стороны торговыхъ людей вынуть послѣдній грошъ изъ кармана, если понадобится. Это обѣщаніе Грозный и получилъ — и на своихъ рѣчахъ служилые и торговые люди поцѣловали крестъ. Использовать или не использовать это обѣщаніе во всей широтѣ было уже дѣло правительства, которое при этомъ руководилось, конечно, общественнымъ мнѣніемъ тѣхъ, кто его поставилъ, но узнавало оно это мнѣніе не на соборѣ.

Шестидесятыми годами заканчивается, собственно, та интенсивная эволюція классовыхъ отношеній, которая наполняетъ вторую треть шестнадцатаго вѣка. Взбунтовавшіеся противъ своихъ феодальныхъ господъ землевладѣльцы второй руки изъ крамольниковъ, которыхъ въ 1537 году вѣшали по большимъ дорогамъ „не вмѣстѣ и до Новагорода", стали въ 1566 году господами положенія, а вчерашнихъ господъ уже они „казнили да вѣшали", какъ крамольниковъ. Экономическій переворотъ, крушеніе стараго вотчиннаго землевладѣнія, нашелъ себѣ политическое выраженіе въ смѣнѣ у власти одного общественнаго класса другимъ. О дальнѣйшей борьбѣ внутри самой опричнины—что она была, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія — мы ничего не знаемъ. Относительно этого періода царствованія Грознаго историкъ находится въ такомъ же положеніи, какъ относительно императорскаго Рима: сколько-нибудь подробные разсказы мы имѣемъ только изъ боярскаго лагеря, и нѣтъ ничего удивительнаго, что, кромѣ „ужасовъ опричнины", мы ничего тамъ не находимъ. Что режимъ помѣщичьяго управленія былъ террористическій, въ этомъ, конечно, не можетъ быть сомнѣнія. Въ данныхъ обстоятельствахъ, передъ лицомъ властныхъ „измѣнниковъ" и внѣшняго непріятеля, становившагося часъ отъ часу грознѣе, и въ которомъ „измѣнники" легко находили себѣ опору—революціонныя правительства и болѣе культурныхъ эпохъ правили при помощи террора. А въ нашемъ случаѣ терроръ былъ въ нравахъ эпохи. За двадцать лѣтъ до опричнины дворянскій публицистъ такъ изображалъ расправу своего героя и любимца, Махметъ-

салтана, съ неправедными судьями: „царь имъ вины въ томъ не учинилъ, только ихъ велѣлъ живыхъ одрати, да рекъ такъ: если они обростутъ тѣломъ опять, ино имъ вина отдается. И кожи ихъ велѣлъ продѣлати, и велѣлъ бумаги набити, и въ судебняхъ велѣлъ желѣзнымъ гвоздіемъ прибити, и написати велѣлъ на кожахъ ихъ: безъ таковыя грозы правды въ царство не мочно ввести" *). Такова была теорія. Губныя учрежденія даютъ намъ практику, которая ей не уступала. Губной голова могъ любого обывателя подвергнуть пыткѣ, не только по прямому доносу, но просто на основаніи дурныхъ слуховъ о немъ—по „язычной молвкѣ". Простого подозрѣнія, что данное лицо—„лихой человѣкъ", было достаточно, чтобы ему начали выворачивать суставы и ломать кости, рвать ему тѣло кнутомъ и жечь огнемъ. Это была общепринятая норма тогдашняго уголовнаго права: Грозный могъ сослаться на нее, возражая Курбскому на его упреки въ „неслыханномъ мучительствѣ". Если измѣнниковъ не казнить, то разбойниковъ и воровъ тоже нельзя пытать—„то убо вся царствія не въ строеніи и междоусобными браньми вся растлятся". Но тогдашнее уголовное право имѣло еще и другую особенность. Построенное, какъ и весь тогдашній общественный укладъ, на групповомъ началѣ, оно допускало коллективную отвѣтственность цѣлой семьи и даже цѣлой области за преступленія отдѣльныхъ лицъ. Если жители данной „губы" на повальномъ обыскѣ не умѣли, или не хотѣли назвать, кто у нихъ „лихіе люди"—а потомъ лихіе люди въ округѣ сыскивались помимо нихъ, „лучшихъ людей" изъ мѣстнаго населенія били кнутомъ, а иногда подвергали и смертной казни. Эта форма круговой поруки объясняетъ намъ самый трагическій эпизодъ опричнаго террора—расправу съ новгородцами въ 1570 году. Что въ основѣ этого мрачнаго дѣла лежалъ какой-то заговоръ, въ которомъ приняли участіе, съ одной стороны, видные члены государева „двора"—„печатникъ" (государственный канцлеръ) Висковатовъ, „казначей" (министръ финансовъ) Фуниковъ, наиболѣе близкіе лично къ царю опричники—Басмановъ-старшій и князь Вяземскій,—съ другой, высшее новгородское духовенство: въ этомъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія. Мелькало опять и имя Владиміра Андреевича Старицкаго: возможно, впрочемъ, что этимъ именемъ просто пользовались при каждомъ подобномъ случаѣ, какъ обвиненіемъ въ роялизмѣ въ 1793 году во Франціи. Населенію Новгорода было поставлено въ вину, что оно не вы-

*) „И. С. Пересвѣтовъ", г. Ржиги, стр. 72 (изъ сказаній о Махметъ-салтанѣ).

дало измѣнниковъ, укрыло „лихихъ людей“: что подавляющее большинство ничего не могло знать о заговорѣ, не мѣняло дѣла,—вѣдь и объ обыкновенныхъ, уголовныхъ „лихихъ людяхъ“ откуда же было знать большинству населенія? Что круговая порука была здѣсь больше предлогомъ, легко видѣть, если присмотрѣться къ тому, кто былъ главнымъ объектомъ погрома. Хватали и били „на правежѣ“ (неисправнаго должника въ тогдашней Руси били палками, пока не отдастъ долга), монастырскихъ старцевъ, представителей крупнѣйшаго капитала того времени, гостей и иныхъ торговыхъ людей; ограбили казну архіепископа и ризницу Софійскаго собора. Дѣло о заговорѣ явилось, такимъ образомъ, удобнымъ поводомъ для экспропріаціи крупной новгородской буржуазіи—что, конечно, было очень въ интересахъ буржуазіи московской, — и новгородской церкви. Несмотря на всю грызню между боярскими публицистами и „вселукавыми мнихами іосифлянами“, церковь, какъ феодальная сила, всегда была тѣснѣе связана съ боярствомъ, нежели съ болѣе демократическими слоями. Въ дни „избранной рады“ между митрополитомъ Макаріемъ и этою послѣднею отношенія были самыя дружескія, а опричнина начала низведеніемъ съ митрополіи Аѳанасія и кончила ссылкою и убійствомъ митрополита Филиппа, не перестававшаго „печаловаться“ за опальныхъ бояръ. Однимъ изъ послѣднихъ актовъ политики Грознаго была отмѣна церковнаго иммунитета („тарханныхъ грамотъ“, въ 1584 году), прямо мотивированная тѣмъ, что отъ церковныхъ привилегій „воинственному чину оскудѣніе приходитъ веліе“. Выступленіе опричнины противъ новгородской церкви въ 1570 году, такимъ образомъ, болѣе, чѣмъ понятно *).

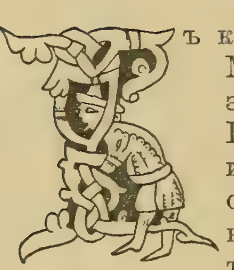
*) Подробнѣе о церковныхъ отношеніяхъ см. въ главахъ, посвященныхъ исторіи церкви.

ГЛАВА X.

Смута.

1. Экономическіе итоги XVI вѣка.

ъ концу XVI столѣтія въ старыхъ уѣздахъ Московскаго государства среднее, помѣстное, землевладѣніе рѣшительно господствовало. Крупныя вотчины сохранялись лишь какъ исключеніе. Мелкое землевладѣніе тоже было окончательно поглощено помѣстнымъ. Типичнымъ было владѣніе отъ 100 до 350 четвертей „въ полѣ“ (отъ 150 до 525 десятинъ по нашему теперешнему счету, при трехпольной системѣ) — со всѣми признаками „новаго“ хозяйства: барской запашкой, денежнымъ оброкомъ и крестьянами, привязанными къ землѣ неоплатнымъ долгомъ. Какъ это ни странно на нашъ современный взглядъ, въ первой половинѣ вѣка то былъ экономически прогрессивный типъ — мы это видѣли уже въ началѣ прошлой главы. Его побѣда должна была бы обозначать крупный хозяйственный успѣхъ—окончательное торжество „денежной“ системы надъ „натуральной“. На дѣлѣ мы видимъ совсѣмъ иное. Натуральныя повинности, кристаллизовавшіяся въ сложное цѣлое, извѣстное намъ подъ именемъ „крѣпостного права“, снова появляются въ центрѣ сцены, и держатся на этотъ разъ цѣпко и надолго. Вольнонаемный рабочій, снившійся дворянскому публицисту первой половины вѣка и, мѣстами,

дѣйствительно заводившійся въ болѣе передовыхъ имѣніяхъ, исчезаетъ на цѣлыхъ два столѣтія: Иванъ Семеновичъ Пересвѣтовъ находитъ себѣ продолжателей только въ дворянскихъ „манчестерцахъ“ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Ожесточенная погоня за землей въ серединѣ столѣтія, нашедшая себѣ такое яркое выраженіе въ конфискаціяхъ опричнины, казалось, должна была бы показывать, что по крайней мѣрѣ въ центрѣ государства бо́льшая часть доступныхъ земель уже использована. Вовсе нѣтъ, однако: по писцовымъ книгамъ 1584—86 годовъ въ одиннадцати станахъ Московскаго уѣзда на 23974 десятины пашни приходилось почти 120 тысячъ десятинъ перелогу, земли запущенной и заброшенной, отчасти вновь поросшей лѣсомъ. Тогда какъ въ первой половинѣ вѣка лѣса въ центрѣ были такъ основательно сведены, что иностраннымъ путешественникамъ около Москвы попадались одни пни, а изъ „лѣсныхъ звѣрей“ имъ удавалось видѣть только зайцевъ, что очень дивило людей, привыкшихъ считать Московію лѣсистой и обильной всякимъ звѣремъ страной. Одинъ очень авторитетный изслѣдователь рѣшается даже утверждать, что регрессъ былъ не только количественный, что техника земледѣлія падала въ Московской Руси параллельно съ торжествомъ средняго землевладѣнія. „Въ большинствѣ названныхъ (центральныхъ) уѣздовъ, говоритъ онъ, съ замѣчательной правильностью паровая зерновая система, господствовавшая въ шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка, смѣняется къ концу столѣтія переложной системой; исключеніе представляетъ въ сущности только одинъ Московскій уѣздъ,—и то отчасти“ *). Во имя экономическаго прогресса раздавивъ феодальнаго вотчинника, помѣщикъ очень быстро самъ становится экономически отсталымъ типомъ: вотъ какимъ парадоксомъ заканчивается исторія русскаго народнаго хозяйства эпохи Грознаго.

Въ наличной исторической литературѣ мы не найдемъ разрѣшенія этого парадокса. Кромѣ сейчасъ цитированнаго изслѣдователя его никто, кажется, даже и не замѣтилъ. Его отвѣтъ также едва ли можетъ насъ удовлетворить: источникъ „вреднаго хозяйственнаго вліянія помѣстной системы“ этотъ авторъ видитъ въ „юридической природѣ помѣстья“, владѣнія условнаго и потому ненадежнаго. Но условнымъ было всякое владѣніе въ феодальномъ мірѣ—всякое „держаніе“ обуслов-

*) Н. Рожковъ. „Сельское хозяйство Московской Руси XVI в.“, стр. 66. Большинство цифровыхъ данныхъ настоящаго очерка заимствованы изъ этого же изслѣдованія.

лпвалось несеніемъ извѣстнаго рода повинностей, и могло быть отобрано въ случаѣ неисправности владѣльца. Если исходить отъ этого признака, вся феодальная Европа должна была бы представлять намъ картину непрерывнаго экономическаго упадка; но такой картины мы нигдѣ не замѣчаемъ, и въ самой Россіи хозяйственный прогрессъ начала шестнадцатаго столѣтія возникъ въ обстановкѣ вполнѣ феодальной. Помѣстья временъ Ивана III или Василія Ивановича точно такъ же были условнымъ владѣніемъ, точно такъ же каждую минуту могли быть отобраны „на государя", какъ и помѣстья конца царствованія Грознаго: почему же первыя шли впередъ, а вторыя назадъ? Мы уже оставляемъ въ сторонѣ другой вопросъ, который не мало долженъ былъ бы смутить историка-матеріалиста: какъ это могло сложиться въ странѣ право, яко бы рѣзко противорѣчащее экономическимъ интересамъ господствующаго класса? Словомъ, единственный авторъ, отъ котораго мы могли бы ждать „совѣта и поученія" въ настоящемъ случаѣ, насъ покидаетъ безпомощными. Весьма возможно, что его послѣдователи въ дѣлѣ примѣненія матеріалистическаго метода къ даннымъ русскаго прошлаго будутъ счастливѣе. Но пока что, приходится искать отвѣта на вопросъ, отправляясь отъ нѣкоторыхъ общихъ наблюденій, которыя, при всей скудости нашего матеріала, все же сдѣлать можно.

Въ числѣ объективныхъ условій, къ концу эпохи Грознаго затормозившихъ развитіе денежнаго хозяйства въ Россіи— а это общее условіе давало окраску всѣмъ частностямъ—, наиболѣе осязательнымъ и замѣтнымъ былъ ходъ внѣшней политики. Ливонская война, не нужно забывать этого, была войной изъ-за торговыхъ путей, т.-е., косвенно, изъ-за рынковъ. Будущее показало, что экономическая эволюція Россіи, въ своемъ темпѣ, по крайней мѣрѣ, на три четверти зависѣла отъ того, удастся ли намъ завести прямыя связи съ наиболѣе прогрессивными странами Запада, или нѣтъ. Современники это понимали и высказывали вполнѣ отчетливо. Нарвскій портъ, оставшійся въ русскихъ рукахъ и послѣ первыхъ неудачъ ливонской войны, весьма серьезно смущалъ нашихъ конкуррентовъ. „Московскій государь ежедневно увеличиваетъ свое могущество пріобрѣтеніемъ предметовъ, которые привозятся въ Нарву", озабоченно писалъ польскій король Елизаветѣ англійской, стараясь отговорить англичанъ отъ торговыхъ сношеній съ Москвою: „ибо сюда привозятся не только товары, но и оружіе, до сихъ поръ ему неизвѣстное; приво-

зятъ не только произведенія художествъ, но пріѣзжаютъ и сами художники, посредствомъ которыхъ онъ пріобрѣтаетъ средства побѣждать всѣхъ. Вашему величеству не безызвѣстны силы этого врага и власть, какою онъ пользуется надъ своими подданными. До сихъ поръ мы могли побѣждать его только потому, что онъ былъ чуждъ образованности, не зналъ искусствъ. Но если нарвская навигація будетъ продолжаться, что будетъ ему неизвѣстно?“ Понимали это и въ Москвѣ—и такъ какъ нарвская гавань была лишь узенькой калиткой на западъ, старались пріобрѣсти широкія ворота, завладѣвъ однимъ изъ крупныхъ портовъ Балтійскаго моря. Но двукратная попытка захватить Ревель (въ 1570 и въ 1577 годахъ) привела только къ войнѣ со Швеціей, въ которой Московское государство потеряло и Нарву — да не только ее, но и русское ея предмѣстье, Ивангородъ: отъ Балтійскаго моря русскіе теперь были отрѣзаны наглухо. Наряду съ этимъ главнымъ проигрышемъ того, изъ-за чего только и стоило вести войну, изгнаніе войскъ Ивана Васильевича изъ занятыхъ имъ въ началѣ лифляндскихъ городовъ имѣло больше моральное значеніе, хотя въ позднѣйшихъ историческихъ повѣствованіяхъ о походахъ Баторія говорится очень много, а о войнѣ со шведами въ двухъ словахъ. Появленіе польской арміи подъ стѣнами Пскова, крупнѣйшаго изъ оставшихся за Россіей торговыхъ центровъ на западной границѣ, только поставило точку на всей „ливонской авантюрѣ“. Послѣдніе годы жизни Грозный уже не думалъ о завоеваніяхъ на западѣ—онъ только оборонялся, и радъ былъ, что не потерялъ своего. Литовскіе отряды сожгли Русу и опустошали верховья Волги: вотъ-вотъ можно было ждать того, что придется оборонять отъ Баторія самое Москву. А еще задолго до этого критическаго момента центральная Россія, и самъ московскій посадъ, уже испытали разгромъ, какого не запомнить было со временъ Тохтамыша. Это было, не очень рельефно выступающее въ новѣйшей исторіографіи, но вполнѣ по заслугамъ оцѣненное современниками, нашествіе крымцевъ въ 1571 году. Оно стояло въ несомнѣнной связи съ ливонской войной — крымскій ханъ былъ съ самаго начала союзникомъ поляковъ: „и король учалъ безпрестанно къ Девлетъ-Гирею царю гонцовъ посылати и подымати крымскаго царя на царевы и великаго князя украйны“, записала московская лѣтопись еще подъ 1564 годомъ. Менѣе ясна связь съ внутренними русскими дѣлами, но и она была: хана привели къ Москвѣ четверо бѣглыхъ дѣтей боярскихъ, дѣйствовавшихъ едва ли не по порученію князя Мстиславскаго.

По своей непосредственной разрушительности крымскій набѣгъ далеко оставлялъ за собою все, что могли нажечь и награбить литовскіе партизаны. Весь московскій посадъ татары выжгли дотла — и, какъ мы помнимъ изъ разсказовъ Флетчера, семнадцать лѣтъ спустя онъ не былъ еще вполнѣ возстановленъ. Цѣлый рядъ другихъ городовъ постигла та же участь. По тогдашнимъ разсказамъ, въ одной Москвѣ съ окрестностями погибло до 800.000 человѣкъ, въ плѣнъ было уведено 150.000. Общая убыль населенія должна была превышать милліонъ—а въ царствѣ Ивана Васильевича едва ли было десять милліоновъ жителей. Притомъ, опустошенію подверглись старыя и наиболѣе культурныя области: недаромъ потомъ московскіе люди долго считали отъ татарскаго разоренья, какъ въ XIX вѣкѣ долго считали отъ „двѣнадцатаго года“.

Насчетъ татарскаго разоренья доброю долею приходится отнести то, почти внезапное, запустѣніе, какое констатируютъ изслѣдователи въ центральныхъ уѣздахъ, начиная именно съ 70-хъ годовъ. „Начало семидесятыхъ годовъ XVI вѣка есть исходный хронологическій пунктъ запустѣнія большей части уѣздовъ московскаго центра“, говоритъ уже не разъ цитированный нами историкъ сельскаго хозяйства московской Руси. „Слабые зачатки отлива населенія, наблюдавшіеся въ нѣкоторыхъ изъ этихъ уѣздовъ въ 50—60-хъ годахъ, превращаются теперь въ интенсивное, чрезвычайно рѣзко выраженное, явленіе бѣгства крестьянъ изъ Центральной области“ *). Быть можетъ, стремленіемъ уйти подальше отъ татаръ объясняется та передвижка населенія изъ Центра въ малоплодородныя области сѣверной Руси, которая наблюдается около этого времени. Города по вновь открытой—англичанами, въ пятидесятыхъ годахъ — двинской торговой дорогѣ на Архангельскъ, уже въ предшествующемъ десятилѣтіи начинаютъ играть видную роль. Мы часто видаемъ здѣсь царя, на его поѣздкахъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь—и онъ, видимо, смотритъ на нихъ не только, какъ на станціи въ своихъ благочестивыхъ походахъ: въ Вологдѣ онъ заложилъ „городъ каменъ“ и спеціально ѣздилъ взглянуть потомъ, какъ его строятъ. Повидимому, тамъ была не одна крѣпость, а и царскій дворецъ, ибо государь ѣздилъ „досмотрѣти“ не только „градского основанія“, но и „всякаго своего царскаго на Вологдѣ строенія“. Недаромъ и англичане выстроили себѣ здѣсь домъ,

---

*) Н. **Рожковъ**, цитиров. сочин., стр. 305.

„огромный, какъ замокъ“. Около вновь возникающихъ городскихъ центровъ страна и вообще оживлялась — естественно, что за торговыми и ремесленными людьми потянулись сюда и крестьяне. Но что сдвинуло ихъ съ насиженныхъ мѣстъ? Размѣры запустѣнія показываютъ, что одного страха татаръ, какъ объясненія, недостаточно. Въ тѣхъ же станахъ Московскаго уѣзда, гдѣ мы отмѣтили, по книгамъ 1584 — 86 гг., такой перевѣсъ перелога надъ пашней, на $673\frac{1}{2}$ деревни приходилось 2182 пустоши, и лишь 3 починка: запустѣвшія деревни составляли 76% общаго числа, а вновь возникавшія всего 0,1%. И это еще, кажется, было улучшеніе: въ неполныхъ (для меньшаго числа становъ) данныхъ для того же уѣзда за предшествовавшіе годы (1573—78) можно насчитать въ одномъ случаѣ 93, въ другомъ даже 96% пустошей. Не лучше было и въ другихъ центральныхъ уѣздахъ: въ Можайскомъ, напримѣръ, по отдѣльнымъ имѣніямъ можно насчитать пустыхъ деревень до 86%, въ Переяславль-Залѣсскомъ отъ 50 до 70%. Притомъ, запустѣніе коснулось и болѣе сѣверныхъ, безопасныхъ отъ татаръ, областей центра: изъ тверскихъ дворцовыхъ деревень князя Симеона Бекбулатовича (котораго Грозный, для потѣхи, рядилъ въ цари московскіе) въ 1580 году половина была пуста. Между Ярославлемъ и Москвой еще Ченслеръ, въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, находилъ множество деревень, „замѣчательно переполненныхъ народомъ“. О такой же густой населенности этихъ мѣстъ говоритъ и другой англичанинъ, Рандольфъ, бывшій здѣсь немного позже Ченслера: а въ восьмидесятыхъ годахъ ихъ соотечественника Флетчера поражали здѣсь уже деревни пустыя. Но крымцы не заходили далеко отъ Москвы на сѣверъ: въ набѣгъ 1571 года самъ Иванъ Васильевичъ искалъ убѣжища отъ нихъ не сѣвернѣе Ростова. А затѣмъ, страхъ передъ ними долженъ бы былъ быть особенно силенъ въ первые годы послѣ разоренья—между тѣмъ, по словамъ цитированнаго нами выше автора, „бѣгство (крестьянъ изъ центра) не прекращается до самаго конца вѣка, какъ убѣдительно свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ фактовъ“ *). Это, и хронологическое, и географическое, несовпаденіе „татарскаго разоренья“ и района запустѣнія снова заставляетъ насъ искать иныхъ, болѣе могучихъ и менѣе случайныхъ, причинъ послѣдняго.

Одну изъ нихъ мимоходомъ отмѣчаетъ все тотъ же авторъ, доказывая вредное вліяніе „юридической природы помѣстья“.

---

*) Рожковъ, ibid.

„Въ источникахъ, говоритъ онъ, сохранились любопытные факты, иллюстрирующіе насилія и грабежи помѣщиковъ, ихъ стремленіе къ скорой наживѣ и наносимый этимъ трудно исправимый вредъ хозяйственной цѣнности помѣстной земли“. Онъ приводитъ, къ сожалѣнію, только одинъ такой фактъ—но чрезвычайно выразительный. „Въ самомъ концѣ XVI в. въ селѣ Погорѣлицахъ, Владимірскаго уѣзда, жилъ „во крестьянѣхъ“ нѣкто Иванъ Сокуровъ. Въ 1599 году Погорѣлицы были пожалованы въ помѣстье сыну боярскому Ѳедору Соболеву. Этотъ послѣдній, въ отсутствіе Сокурова, явился къ нему на дворъ и произвелъ тамъ полный разгромъ: забралъ себѣ троихъ „старинныхъ людей“ хозяина дома, т.-е. его холоповъ, увелъ лошадь, корову, быка, четырехъ овецъ, взялъ у жены Сокурова деньгами 1 рубль 13 алтынъ (= 35 р. на наши деньги), увезъ къ себѣ, сколько могъ, ржи, овса, ячменя, конопли и „трои пчелы“. Мало того, когда Сокуровъ вернулся, помѣщикъ присвоилъ себѣ и его дворъ“ *). Картина такого выдворенія крестьянина изъ его гнѣзда землевладѣльцемъ не составляетъ отнюдь русской особенности: въ Германіи около того же времени мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ подобныхъ явленій—тамъ для нихъ и терминъ особый сложился, Bauernlegen. Условность помѣстнаго владѣнія тутъ, конечно, ни при чемъ, но не трудно себѣ представить, какъ должны были подѣйствовать на крестьянскую массу поступки тысячъ такихъ Соболевыхъ, сразу вторгшихся въ нетронутыя помѣстнымъ землевладѣніемъ земли. А это именно было, когда опричнина съ ея земельной перетасовкой одновременно пустила подъ помѣстья цѣлый рядъ княженецкихъ вотчинъ, съ ихъ традиціонными феодальными порядками, съ нетяжелыми, и притомъ очень устойчивыми, изъ поколѣнія въ поколѣніе переходившими, крестьянскими повинностями. Какъ изъ разворошеннаго муравейника муравьи, разбѣгалось населеніе этихъ старыхъ культурныхъ гнѣздъ, захваченныхъ опричниной—разбѣгалось, куда глаза глядятъ, лишь бы спастись отъ новыхъ порядковъ, начинавшихся такъ круто. Недаромъ максимумъ запустѣнія Московскаго уѣзда совпадаетъ съ разгаромъ опричнины.

И опричнина, сама по себѣ, какъ извѣстное „государственное мѣропріятіе“, тутъ тоже ни при чемъ, разумѣется: какъ разъ приведенный нами примѣръ къ опричнинѣ и не относится—въ 1599 году ея уже не было, и Соболевъ, вѣроятно,

*) Ibid, стр. 458.

никогда въ опричнинѣ не служилъ. Въ 60-хъ—70-хъ годахъ лишь до необычайныхъ размѣровъ усилилось явленіе, общее всему помѣстному землевладѣнію. Хищническая эксплуатація имѣнія, стремленіе выжать изъ него въ возможно короткое время возможно больше денегъ такъ же характерны для нашихъ помѣщиковъ XVI вѣка, какъ и для всякихъ „предпринимателей" въ раннюю пору денежнаго хозяйства. Одинъ современный публицистъ, писавшій немного позже Смуты и помнившій предшествующую эпоху по личнымъ впечатлѣніямъ, даетъ намъ необычайно выразительную общую картину той безудержной спекуляціи, однимъ изъ маленькихъ образчиковъ которой былъ приведенный выше случай. По его словамъ, во время большихъ голодовъ при Борисѣ Годуновѣ многіе не только деньги, но всю свою движимость, до носильнаго платья включительно, пускали въ оборотъ—„и собирали въ житницы свои всѣ сѣмена всякаго жита", наживая такимъ путемъ до тысячи процентовъ. Въ значительной степени этой же спекуляціей объяснялись и самые голода—мы помнимъ, что еще за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ Флетчеръ приписывалъ вздорожаніе хлѣбныхъ цѣнъ барышничеству помѣщиковъ. Если вѣрить нашему автору, то въ разгаръ голода имѣлись большіе запасы хлѣба, такъ что впослѣдствіи, когда междоусобная война дѣйствительно разорила страну, и посѣвы очень сократились, вся Россія питалась этими старыми залежами, которыхъ не пускали изъ рукъ хлѣбные спекулянты во время голода, чтобы поддержать цѣны. Судя по тому описанію годуновскаго общества, какое даетъ намъ этотъ публицистъ, хлѣбное барышничество давало большія выгоды. По его словамъ, даже и провинціальное дворянство обиліемъ золотой и серебряной посуды, лошадей на конюшнѣ и челядинцевъ во дворѣ „подобилось первымъ вельможамъ и сродичамъ царевымъ"—и не только дворянство, „но и отъ купцовъ сущіе и отъ земледѣльцевъ". По роскошнымъ нарядамъ ихъ женъ и дочерей и не узнать было, чьи онѣ: такъ было на нихъ много золота, серебра и всякихъ иныхъ украшеній—„вси бо боярствоваху" въ это время *).

Грабить своихъ крестьянъ, превращая въ деньги ихъ имущество, было, при такомъ положеніи вещей, очевидно, выгоднѣе, нежели вести правильное хозяйство: вотъ что, а не какія-либо юридическія нормы, толкало помѣщиковъ къ хищни-

---

*) См. такъ называемое „Сказаніе Авраамія Палицына" въ первой редакціи, „Русская Историческ. Библіотека", т. XIII, стр. 480 и сл.

ческой эксплуатаціи ихъ имѣній. Правильное хозяйство требовало затраты денежныхъ капиталовъ, и притомъ все бо́льшихъ и бо́льшихъ съ каждымъ годомъ, ибо цѣна денегъ падала поразительно быстро. По вычисленіямъ г. Рожкова, рубль начала XVI столѣтія равнялся, приблизительно, 94 рублямъ нынѣшнимъ, а рубль конца этого вѣка только 24—25 нынѣшнимъ: меньше, чѣмъ за сто лѣтъ, деньги упали въ цѣнѣ вчетверо. Въ Западной Европѣ за то же столѣтіе они упали даже впятеро, но тамъ была опредѣленная внѣшняя причина—открытіе Америки съ ея золотыми и серебряными рудниками. Что эта причина, несомнѣнно, оказала свое дѣйствіе и у насъ, показываетъ, какъ ошибочно мнѣніе о полной изолированности московскаго царства отъ остальной Европы. Выше, впрочемъ, приведено достаточно фактовъ, свидѣтельствующихъ, какъ рано началась экономическая „европеизація Россіи". „Торжество сребромобны", такимъ образомъ, имѣло подъ собою вполнѣ объективное основаніе—дѣло было не просто въ „жадности" помѣщиковъ. Другой причиной у насъ было быстрое развитіе денежнаго хозяйства, форсированное принудительной ликвидаціей крупныхъ феодальныхъ имѣній съ ихъ „натуральными" порядками. На рынокъ была выброшена такая масса земли, что на нее цѣна упала почти въ полтора раза. Въ первой половинѣ вѣка десятина земли стоила 0,3 рубля, во второй—0,7 рубля, но въ переводѣ на теперешнія деньги первая цифра составитъ 28 рублей, а вторая лишь 17 *).

Парадоксальный фактъ—паденія цѣнности земли въ то самое время, какъ цѣны на хлѣбъ росли годъ отъ году, можетъ быть объясненъ только тѣмъ, что въ извѣстный моментъ земли на рынкѣ оказалось больше, чѣмъ покупателей на нее. Но при нормальныхъ условіяхъ, равновѣсіе между спросомъ на землю и предложеніемъ ея скоро возстановилось бы: ненормальное положеніе народнаго хозяйства въ концѣ эпохи Грознаго въ томъ особенно и сказалось, что этого не произошло. Земля продолжала „лежать впустѣ" и долго послѣ опричнины. Къ концу XVI вѣка хищническое хозяйство, все стремившееся какъ можно скорѣе ликвидировать и перевести на деньги—и инвентарь, и постройки, и даже самихъ крестьянъ, какъ сейчасъ увидимъ,—столкнулось съ собственнымъ своимъ неизбѣжнымъ результатомъ: землю некому стало обрабатывать. Распуганное новыми порядками крестьянство разбредалось изъ центра, куда глаза глядятъ—и на далекій сѣверъ,

---

*) Рожковъ, ibid., стр. 216.

гдѣ хлѣбъ родился только три раза въ пять лѣтъ, и въ степь, почти каждое лѣто регулярно посѣщавшуюся крымцами; всего больше, конечно, на Оку и Волгу, въ мѣста, уже въ эти годы сравнительно безопасныя. Одна лѣтопись уже въ серединѣ царствованія Грознаго отмѣтила отливъ населенія изъ Можайскаго и Волоколамскаго уѣздовъ „на Рязань, и въ Мещеру, и въ понизовые города, въ Нижній Новгородъ“. Здѣсь всюду возникали новые поселки въ то самое время, какъ центръ пустѣлъ. Наблюдаемый нами кризисъ вовсе не былъ, такимъ образомъ, всероссійскимъ. Это былъ, прежде всего, кризисъ помѣщичьяго хозяйства, какъ первая половина вѣка была свидѣтельницей кризиса хозяйства старыхъ вотчинъ. Тѣ погибли отъ того, что не умѣли приспособиться къ условіямъ новаго, денежнаго хозяйства—эти переиспользовали его, сразу захотѣвъ взять максимумъ того, что оно могло дать. Паденіе цѣны денегъ подгоняло ихъ на этомъ пути—того, на что можно было „прилично прожить“ десять лѣтъ назадъ, черезъ десять лѣтъ было уже мало. Нужно было все больше выкачивать изъ хозяйства, достаточно уже разореннаго. Нужно было вложить въ него капиталъ: но гдѣ его достать? Нужно было закрѣпить уходившія неудержимо изъ имѣнія рабочія руки: но какъ это сдѣлать безъ капитала, безъ „серебра“, которымъ закрѣплялись крестьяне? Передъ этой двойной дилеммой стояло помѣщичье хозяйство наканунѣ Смуты. Къ попыткамъ помѣщиковъ выйти изъ тупика, созданнаго ихъ собственнымъ хищничествомъ, сводится, въ основѣ, и сама Смута.

Деньги можно было добыть при помощи спекуляцій—азартной игры на хлѣбъ и на людей. Что торговля крестьянами вовсе не дожидалась у насъ офиціальнаго установленія крѣпостного права, объ этомъ есть свидѣтельства уже отъ 1550-хъ годовъ. Въ одномъ изъ челобитій этого времени одинъ помѣщикъ жалуется на другого въ такихъ выраженіяхъ: „посылалъ я своихъ людей отказывати изъ за него двухъ крестьяниновъ изъ одного двора на свою деревню, и онъ... отказъ принялъ и пошлины пожилые взялъ; и я посылалъ по тѣхъ крестьянъ возити за себя, а тотъ тѣхъ крестьянъ изъ за себя не выпустилъ и держитъ тѣхъ крестьянъ насильно“. Пожилое формально было арендной платой за дворъ, занимавшійся крестьяниномъ: но уже въ половинѣ XVI вѣка эта формальность не имѣла никакого отношенія къ дѣйствительности, ибо годовая арендная плата за дворъ равнялась четвертой части стоимости самого двора. А такъ какъ платилъ пожилое

фактически новый баринъ, къ которому крестьяне переходили—мы это сейчасъ видѣли—, то платой за дворъ въ сущности маскировалась плата за самого крестьянина. Вотъ отчего тогдашніе документы и называютъ „пожилое“ „пошлиной“, а вывозъ крестьянина безъ уплаты „пожилого“ вывозомъ „безпошлиннымъ“. Если же за крестьяниномъ было еще сверхъ того „боярское серебро“, то фактическая разница между нимъ и барскимъ холопомъ почти исчезала. „Отказъ“ со стороны крестьянина замѣнялся „отпускомъ“ со стороны барина. Задолжавшіе крестьяне могли быть предметомъ спекуляціи, конечно, еще легче. Нужно, впрочемъ, сказать, что московскіе люди далеко не были такими поклонниками легальности, какими ихъ считаютъ нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи, усматривающіе въ развитіи института крестьянской крѣпости даже нѣкоторыя черты, напоминающія римское право. Московское право все еще было феодальнымъ правомъ, то-есть, когда оно не опиралось на силу, оно ничего не значило. Помѣщикъ никогда не стѣснялся тѣмъ—долженъ что-нибудь ему крестьянинъ на самомъ дѣлѣ или нѣтъ, и таксы пожилого, установленныя судебникомъ, соблюдалъ лишь тотъ, кто хотѣлъ. До насъ дошли документы, свидѣтельствующіе, что, когда баринъ не хотѣлъ отпускать крестьянина, онъ его „въ желѣза ковалъ“, а пожилого съ него требовалъ не рубль, какъ законъ указывалъ (рублей 50 на наши деньги, въ серединѣ столѣтія), а пять и даже десять рублей (250 и 500 рублей). Вообще можно разсматривать, какъ правило, что безъ согласія господина „отказати“ крестьянина было „не мочно“ *).

„Боярское серебро“—долгъ крестьянина землевладѣльцу, явленіе столь хорошо знакомое нашему времени, что только старинная терминологія могла изъ него сдѣлать что-то необыкновенное, что нужно объяснять—въ Московской Руси было, такимъ образомъ, не юридическимъ способомъ закабаленія крестьянъ, а средствомъ переманиванія ихъ у другихъ помѣщиковъ—или противоядіемъ противъ крестьянскаго побѣга: минутная выгода могла соблазнить менѣе дальновидныхъ и удержать отъ попытокъ искать счастья на сторонѣ. Оттого и упраздненіе крестьянскаго „отказа“ нужно разсматривать не какъ исходную точку крестьянской крѣпости—ею было общее феодальное безправіе, смягчавшееся въ старыхъ вотчинахъ обычаемъ, съ нарушенія котораго начинали новые землевладѣльцы—, а какъ одну изъ сторонъ кризиса помѣст-

---

*) Для приводимыхъ фактовъ см. М. Дьяконова, „Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси“, стр. 338—339 и др.

наго землевладѣнія. Изъ перекрестной путаницы исковъ о крестьянахъ, заваливавшихъ тогдашніе суды, не было иного выхода, какъ запретить „отказы“ вовсе, укрѣпивъ крестьянъ за тѣми, на чьихъ земляхъ они сидѣли въ данный моментъ. Тогда прекратилось бы взаимное разореніе помѣщиками другъ друга—и деньгамъ, шедшимъ на борьбу изъ-за рабочихъ рукъ, можно было дать иное употребленіе. Но если расходы на „отказываніе“ крестьянъ стали непосильны для помѣщиковъ, если и въ этомъ вопросѣ для нихъ понадобилось нѣчто въ родѣ „сиссахтіи“—это служитъ новымъ указаніемъ на то, что требованіе на деньги со стороны помѣщиковъ далеко превышало притокъ ихъ въ помѣщичьи карманы. Чѣмъ больше пустѣли эти послѣдніе, тѣмъ больше приходилось помѣщику изворачиваться въ попыткахъ хозяйничать безъ денегъ. Въ этомъ отношеніи большой интересъ представляетъ одна переходная ступенька къ отмѣнѣ крестьянскаго „отказа“, которую мы находимъ въ документѣ неофиціальномъ (такъ называемомъ „Судебникѣ Ѳеодора Ивановича“), но заимствована она, конечно, изъ тогдашней практики: „кабалы писати на крестьянъ вдвое“. Требованіе уплаты за крестьянина двойного долга, конечно, должно было удержать отказчика. Но крестьянинъ сдѣлался такой „рѣдкой птицей“, что владѣльцевъ побогаче не стѣсняло уже и это — и служилая масса добилась новаго ограниченія „отказа“, которое мы и находимъ въ извѣстныхъ указахъ 1601—1602 гг., первыхъ документальныхъ свидѣтеляхъ крестьянской крѣпости. Этими указами ограничивалось количество „возимыхъ“ крестьянъ (не болѣе двухъ)—и „возить“ другъ у друга могли лишь мелкіе помѣщики: конкурренція крупнаго землевладѣнія заранѣе исключалась. „Отказъ“ уже съ этого времени былъ исключеніемъ: какъ правило, крестьяне сидѣли на земляхъ тѣхъ, у кого застали ихъ переписи 1590—1593 годовъ. Избавленный отъ денежныхъ расходовъ на крестьянъ, помѣщикъ въ то же время былъ избавленъ и отъ расходовъ на государство—барская запашка въ писцовыхъ книгахъ 1592—93 гг. была исключена изъ оклада. Всѣ палліативы были пущены въ ходъ, чтобы утолить денежный голодъ дворянства,—но кризисъ развивался съ неудержимой силой, и мученія голода становились все сильнѣе. Помѣщику мало было уже подачекъ изъ казны—ему нужна была вся казна. Въ дни опричнины онъ оставилъ власть боярству, взявъ себѣ лишь самые жирные куски. Теперь онъ никому ничего не хотѣлъ оставлять—ему нужна была власть вся, цѣликомъ.

---

2. Феодальная реакція, Годуновъ и дворянство.

Кризисъ помѣщичьяго хозяйства, какъ и кризисъ хозяйства крупныхъ вотчинниковъ въ началѣ вѣка, долженъ былъ имѣть свои политическія послѣдствія. Тогда этимъ политическимъ результатомъ экономической революціи была опричнина,—ликвидація господства феодальной знати въ пользу среднихъ землевладѣльцевъ. Результатомъ экономической реакціи должно было быть, хотя бы частичное и временное, возрожденіе политическаго феодализма.

Прежде всего, старая знать далеко не была разгромлена Грознымъ столь полно, какъ бы хотѣлъ онъ, и какъ кажется нѣкоторымъ новѣйшимъ историкамъ. „Воздвигнуть изъ камней чадъ Авраама" на дѣлѣ оказалось труднѣе, чѣмъ на бумагѣ. Уже одинъ тотъ фактъ, что всѣ окраины московскаго царства, т.-е. всю его военную оборону, пришлось оставить въ рукахъ „земщины", т.-е. феодальной боярской думы, достаточно знаменателенъ. Что опричнина, какъ учрежденіе, не пережила Ивана Васильевича ни однимъ днемъ, знаменательно не менѣе: и мы уже почти не удивляемся, когда слышимъ, что Грозный „приказалъ" своихъ дѣтей—одного малолѣтняго, Димитрія, другого слабоумнаго, Өедора—тремъ представителямъ старинныхъ боярскихъ фамилій,—Ивану Петровичу Шуйскому, Ивану Өедоровичу Мстиславскому да Никитѣ Романовичу Юрьеву. Правда, послѣдній былъ въ близкомъ свойствѣ съ династіей, а двое первыхъ принадлежали къ самымъ покладистымъ родамъ старой знати, Шуйскіе даже сами служили въ опричнинѣ, но ни одинъ изъ нихъ не былъ ея созданіемъ, и всѣ они, по мѣстническимъ счетамъ, стояли на самомъ верху феодальнаго общества. Эта прочность іерархическаго положенія старыхъ семей только подчеркивалась политическими злоключеніями ихъ отдѣльныхъ членовъ: старшіе представители и Шуйскихъ, и Мстиславскихъ гибнутъ въ ссылкѣ, а въ походъ противъ крымцевъ, въ 1591 году снова пришедшихъ подъ самую Москву, главнокомандующимъ идетъ сынъ сосланнаго Мстиславскаго, Өедоръ Ивановичъ. Шуйскіе—признанные смертельные враги Годуновыхъ, а во главѣ рати, двинутой Борисомъ Годуновымъ противъ Названаго Димитрія, мы находимъ именно князей Шуйскихъ, и въ томъ числѣ самаго ненадежнаго изъ нихъ, Василія Ивановича, будущаго царя. А смѣняютъ Шуйскихъ на этомъ посту князья Голицыны. Первый, исторически извѣстный, проектъ русской конституціи (договоръ съ Сигизмундомъ 4 февраля 1610 г.)

ставить во главѣ управленія Россіей боярскую думу, а послѣ побѣды надъ сторонниками этой конституціи „національная" партія сажаетъ на царскій престолъ старый боярскій родъ Романовыхъ-Юрьевыхъ. И при первомъ государѣ этого рода боярская дума, Богъ вѣсть въ который разъ, имѣетъ случай заявить, что за службу жалуетъ царь „деньгами да помѣстьемъ, но не отечествомъ". Трещавшее уже въ 1550-мъ году мѣстничество дожило юридически до 1682 года, а фактически иной разъ мѣстничались между собою еще и члены петровскихъ коллегій.

Но опричнина не только не добила старой знати—она создала новую. Выходцы изъ средняго дворянства, попавъ въ приближенье къ царю Ивану, очень скоро освоивались со своимъ новымъ положеніемъ, и становились копіей низвергнутаго ими родовитаго боярства. Типичнымъ образчикомъ такихъ феодаловъ изъ опричнины былъ Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій, „оружничій" Грознаго, близкій къ нему, впрочемъ, не по этой своей официальной должности, а по другимъ, неофиціальнымъ и гораздо менѣе почетнымъ функціямъ. Въ послѣдніе годы жизни Ивана Васильевича онъ, если вѣрить одному современнику, хорошо знавшему служебныя отношенія этого времени, былъ „первоближнимъ и началосовѣтникомъ", хотя не носилъ никакого думнаго званія: „сердце царя всегда о немъ несытнѣ горяше", и Грозный, что называется, глазъ не сводилъ со своего любимца. Державшееся на такомъ, чисто индивидуальномъ, основаніи положеніе не могло быть прочнымъ: едва Иванъ закрылъ глаза, какъ Бѣльскій увидалъ себя не у дѣлъ. Онъ сдѣлалъ попытку использовать фактически безгосударное положеніе: одинъ царевичъ былъ въ пеленкахъ, другой идіотъ; отъ ихъ имени долженъ кто-нибудь управлять—почему не быть этимъ „кѣмъ-нибудь" Бѣльскому? Въ противоположность регентству Шуйскихъ въ малолѣтство Грознаго, мы не видимъ за этимъ кандидатомъ на регентство никакой общественной силы. Вся его надежда была на дворцовыя связи—онъ былъ близокъ съ Нагими, братьями матери маленькаго Дмитрія—да, вѣроятно, на свою вооруженную челядь, съ которой позже онъ явился въ Москву поддерживать свою кандидатуру уже на царскій престолъ. По крайней мѣрѣ, иначе трудно понять, какъ удалось ему захватить кремль, когда изъ разсказа лѣтописи видно, что ратная сила, дѣти боярскіе и стрѣльцы, была не на его сторонѣ. Вмѣшательство этой ратной силы рѣшило дѣло: увидя направленную противъ кремля артиллерію, Бѣльскій сдался—

не безъ боя, однако, такъ какъ лѣтопись говоритъ объ убитыхъ и раненыхъ при этомъ случаѣ—, и не безусловно. Побѣдившая сторона должна была ограничиться высылкой его изъ Москвы, сначала на воеводство въ Нижній-Новгородъ, потомъ, повидимому, онъ жилъ въ своихъ вотчинахъ,—жилъ жизнью богатаго феодала: „переѣзжая отъ веси въ весь, во обиліи тамо и покоѣ мнозѣ пребываше“. Единственнымъ мотивомъ такого относительно Бѣльскаго поведенія со стороны правительства, круто расправлявшагося со Мстиславскими и Шуйскими, могъ быть лишь страхъ. Бывшій „оружничій“ Ивана Васильевича лично, какъ землевладѣлецъ, былъ, очевидно, настолько сильнымъ человѣкомъ, что достать его въ его имѣніяхъ было не легкое дѣло, и онъ въ то же время не былъ настолько опасенъ, чтобы стоило рисковать изъ-за этого новой смутой. Надежды вернуться къ власти онъ все время не терялъ, и едва умеръ Ѳедоръ Ивановичъ, Бѣльскій появился опять въ Москвѣ „со многими людьми“, добывая теперь уже прямо царскаго престола. Ему еще разъ пришлось убѣдиться, что одного своего „двора“ мало, чтобы стать политической силой: онъ опять остался за флагомъ, и мы снова видимъ его въ почетной ссылкѣ. Но онъ и теперь не унялся: не удалось стать царемъ, онъ готовъ былъ удовольствоваться и удѣльнымъ княжествомъ. На южной окраинѣ московскаго государства, куда его послали ставить города на рубежѣ противъ крымцевъ, онъ велъ себя полнымъ хозяиномъ—на свой счетъ содержалъ ратныхъ людей, щедрѣй, чѣмъ это могло дѣлать московское правительство, строилъ города „по своему образцу“, жилъ въ нихъ по-царски и величался, будто бы, что Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ царь на Москвѣ, а онъ, Бѣльскій, царь здѣсь. Здѣсь онъ былъ, конечно, еще опаснѣе, нежели во внутренней Россіи—онъ былъ теперь ближайшимъ сосѣдомъ крымцевъ, а мы помнимъ, что въ подозрительныхъ сношеніяхъ съ крымцами московскую феодальную оппозицію подозрѣвали еще при Грозномъ—, въ то же время его противникъ уже крѣпко держалъ власть въ рукахъ и могъ не стѣсняться. Бѣльскаго схватили, „дворъ“ его былъ распущенъ, имѣнія конфискованы, а самъ онъ, послѣ позорнаго наказанія, былъ „назначенъ“ уже „въ мѣста дальнія“. Онъ снова появляется на сценѣ только при Названомъ Димитріи, но въ большую политическую игру играть теперь онъ уже не рѣшался.

Борису Годунову удалось покончить съ крупнѣйшимъ изъ новыхъ феодаловъ, созданныхъ опричниной. Но, присмотрѣв-

шись ближе къ нему самому и его карьерѣ, мы увидимъ тѣ же, знакомыя намъ, черты крупнаго феодальнаго сеньера. Что у этого феодала оказалась политическая голова, это было индивидуальнымъ исключеніемъ, не мѣнявшимъ его объективнаго положенія. Трагизмъ судьбы Бориса въ томъ и заключался, что онъ былъ сотканъ изъ противорѣчій: разрѣшеніе этихъ противорѣчій закончилось катастрофой. За Годуновымъ въ нашей исторической литературѣ прочно утвердилась репутація человѣка, отстаивавшаго интересы „простого служилаго люда, который служилъ съ мелкихъ вотчинъ и помѣстій“: иначе говоря, это былъ „дворянскій“ царь, въ противоположность „боярскому“ царю, какимъ рисуется, обыкновенно, Василій Ивановичъ Шуйскій. Насколько вѣрна традиціонная характеристика этого послѣдняго, мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Что же касается перваго, то сведеніе всей его политики, съ начала и до конца, къ отстаиванію дворянскихъ интересовъ дѣлаетъ совершенной загадкой конецъ его царствованія. Вѣдь, именно дворянская масса и низвергла Годуновыхъ, какъ мы скоро увидимъ: за что же она разрушила свое собственное орудіе? За измѣну? Но въ пользу какого же общественнаго класса, казалось бы, могъ измѣнить Борисъ, преслѣдовавшій бояръ мало чѣмъ лучше Грознаго и закрѣпостившій крестьянъ? Съ другой стороны, если въ его исторіи мы, внѣ всякаго спора, имѣемъ рядъ фактовъ, позволяющихъ говорить о его „дворянской“ политикѣ,—мы имѣемъ и рядъ свидѣтельствъ довольно хорошо освѣдомленныхъ современниковъ-иностранцевъ, утверждающихъ въ одинъ голосъ, что „мужикамъ чернымъ при Борисѣ было лучше, чѣмъ при всѣхъ прежнихъ государяхъ“, и что за то они ему „прямили“ и „смотрѣли на него, какъ на Бога“. И если бы спросить самихъ дворянъ, подъ конецъ годуновскаго правленія, они, пожалуй, назвали бы его крестьянскимъ царемъ съ такою же увѣренностью, съ какой современные историки объявляютъ его представителемъ помѣщичьяго класса. А бояре далеко не всѣ и не всегда были его врагами. Съ Романовыми у него было даже какое-то спеціальное соглашеніе, и едва ли не этому соглашенію Борисъ больше всего былъ обязанъ царскимъ престоломъ; съ Шуйскими у него началось открытой схваткой, а подъ конецъ онъ довѣрялъ имъ, какъ мы видѣли, въ самомъ важномъ для него и всей его семьи дѣлѣ. Присматриваясь ко всему этому, мы видимъ, что „дворянскій царь“, „продолжатель опричнины“—можетъ быть, и не совсѣмъ невѣрная, но все же очень суммарная характеристика для такой сложной фигуры, какой

былъ этотъ „рабоцарь", безо всякаго „отечества" забравшійся на самый верхъ московскаго боярства.

Борисъ началъ, повторяемъ, какъ одинъ изъ магнатовъ опричнины—какъ Бѣльскій, стало быть, только на болѣе почетной роли. Личное вліяніе и семейное положеніе—вотъ что было исходной точкой его карьеры. Второй человѣкъ по вліянію на Грознаго въ послѣдніе годы его жизни—первымъ былъ Бѣльскій—шуринъ старшаго царевича, Ѳедора слабоумнаго, но „правоспособнаго", наиболѣе вѣроятнаго наслѣдника Ивана Васильевича, Борисъ легальнымъ путемъ достигъ того, къ чему его соперникъ стремился нелегально — сталъ своего рода удѣльнымъ княземъ, или „принцемъ крови", если угодно. Иностранцы называютъ его „княземъ" (prince) и „правителемъ государства" (livetenant of the empire) уже черезъ два года послѣ смерти Грознаго. Нѣсколько лѣтъ позже это уже его офиціальный титулъ—московскіе дипломатическіе документы титулуютъ его „государевымъ шуриномъ и правителемъ, слугою и конюшимъ бояриномъ, и дворовымъ воеводой, и содержателемъ великихъ государствъ, царствъ Казанскаго и Астраханскаго, Борисомъ Ѳедоровичемъ". Иностранцамъ объясняютъ, что „тѣ великія государства орды Астрахань и царство Казанское даны во обдержанье царскаго величества шурину" и что этотъ послѣдній „не образецъ никому"—выше всѣхъ служилыхъ князей, царей и царевичей. Онъ самостоятельно сносился съ иностранными правительствами—съ кесаремъ, съ крымскимъ ханомъ. Одинъ литературный памятникъ, хорошо сохранившій то, что говорилось о Годуновѣ въ народныхъ массахъ, приписываетъ царю Ѳеодору такія слова: „азъ вамъ глаголю всѣмъ, да не докучаете мнѣ во всякомъ челобитьѣ, идите обо всякомъ дѣлѣ бить челомъ болшему боярину Борису Годунову—такъ бо царь государь и великій князь Ѳеодоръ Іоанновичъ изволилъ называть его болшимъ—азъ убо указалъ все свое царство строить и всякую расправу ему чинить, и казнить по винѣ и миловать, а мнѣ бы отнюдь ни о чемъ докуки не было" *), а самъ Ѳеодоръ Ивановичъ „прилежа къ божественному писанію, во всенощныхъ упражнялся пѣніяхъ". Если бы понимать эти слова буквально, вышло бы, что Годуновъ фактически былъ царемъ задолго до своего избранія, что и утверждаетъ цитируемый нами па-

---

*) **„Сказаніе о царствѣ царя Ѳеодора Іоанновича", Русск. Историч. Библіотека, т. XIII, стр. 762—3.**

мятникъ, говорящій о Борисѣ: „только окаянному имени царскаго нѣтъ, а та власть вся въ его рукахъ“. На дѣлѣ народная фантазія, какъ всегда, преувеличивала—Годуновъ не былъ совсѣмъ одинъ на самомъ верху феодальной іерархіи. Но преувеличивать было что—личное, помимо всякой делегаціи отъ какой-либо общественной силы, положеніе Бориса Өедоровича было такое, что мы напрасно стали бы искать въ московской исторіи другого примѣра, исключая развѣ митрополита Алексѣя въ дни юности Дмитрія Донского. Всѣ болѣе хронологически близкіе къ Годунову временщики ни въ какое сравненіе не шли, и когда одному московскому дипломату по поводу Бориса напомнили Алексѣя Адашева, дипломатъ былъ совершенно правъ, возразивъ на это: „Алексѣй былъ разуменъ, а тотъ не Алексѣева верста!“ Адашевъ держался силою своего ума и поддержкой того общественнаго класса, который его выдвинулъ—у Годунова лично была въ рукахъ такая матеріальная сила, что судьбы Адашева онъ могъ не бояться *).

Если политика Бориса Өедоровича съ самаго начала носитъ опредѣленный классовый отпечатокъ, то лишь потому, что всякая политика вообще есть классовая политика, и иной быть не можетъ. Очень соблазнительна мысль—выставить худороднаго „царскаго любимца“, „вчерашняго раба и татарина“, вождемъ худороднаго же мелкопомѣстнаго дворянства въ борьбѣ съ родовитымъ боярствомъ; но такая комбинація была бы исторически невѣрна. Противники Годунова очень старались уколоть его—заднимъ числомъ, уже послѣ его смерти—тѣмъ, что онъ произошелъ „отъ младыя чади“: но при его жизни этому факту придавали едва ли больше значенія, чѣмъ тому, что Борисъ „писанію божественному не навыкъ“—былъ человѣкъ богословски необразованный, о чемъ противная партія тоже вспоминала всегда съ удовольствіемъ. Происхожденіе ни въ какомъ феодальномъ обществѣ не играетъ самостоятельной роли, и родовой спѣси московскаго боярства не надо преувеличивать: терпѣла же „избранная рада“ въ своей средѣ людей, взятыхъ „отъ гноища“, и шли же князья-рюриковичи, да еще изъ самыхъ старшихъ по родословцу, служить въ опричнину вмѣстѣ съ Васькой Грязнымъ и Малютой Скуратовымъ. Мелкій вассалитетъ мы видимъ впервые за Борисомъ въ схваткѣ совсѣмъ не съ бояр-

*) Доходы Годуновыхъ съ ихъ земель современники опредѣляли въ 94 тысячи рублей—до $2^1/_2$ милліоновъ на наши деньги. Изъ однѣхъ своихъ вотчинъ они могли выставить цѣлую армію.

ствомъ, а съ такимъ же магнатомъ опричнины, Бѣльскимъ: въ 1584 году во главѣ толпы, собиравшейся бомбардировать московскій кремль, были рязанскія дѣти боярскія, Кикины и Ляпуновы, будущіе вожди дворянства во время Смуты. И помогали они не одному Годунову, а всѣмъ „боярамъ“, т.-е. вообще были за наличное правительство противъ отдѣльнаго захватчика. А первый яркій и опредѣленный случай классовой борьбы мы находимъ три года спустя—и опять борьба дворянства съ боярствомъ, сама по себѣ, была тутъ ни при чемъ. Случай этотъ мы имѣемъ въ двухъ версіяхъ—одна, несомнѣнно, тенденціозная, другая знаетъ внѣшнюю сторону дѣла, но не знаетъ его подкладки. Но въ одномъ дипломатическомъ документѣ московское правительство само проговорилось, что въ 1587 году „въ кремлѣ-городѣ въ осадѣ сидѣли и стражу крѣпкую поставили“, и что сдѣлано было это „отъ мужиковъ торговыхъ“, которые „заворовали“, т.-е. устроили мятежъ. Этимъ достаточно подтверждается то, что тенденціозный разсказъ о событіяхъ передаетъ относительно „всенароднаго собранія московскихъ людей множества“, которое собиралось Годунова „со всѣми сродниками безъ милости побити каменіемъ“. Былъ анти-годуновскій бунтъ, устроенный московскими посадскими людьми, на сторонѣ которыхъ оказались не только Шуйскіе и другіе „большіе бояре“, но и „премудрый грамматикъ Діонисій, митрополитъ московскій и всея Русіи“. Вся эта обстановка даетъ знать, что дѣло шло никакъ не о болѣе или менѣе случайныхъ уличныхъ волненіяхъ,—что подготовлялся государственный переворотъ, для котораго были придуманы и юридическая форма, и политическая, по тогдашнимъ понятіямъ, мотивировка. Мотивировка состояла въ томъ, что годуновское владычество грозитъ, будто бы, самому существованію династіи: у Ѳеодора нѣтъ дѣтей, и виновата въ этомъ царица Ирина Ѳедоровна, сестра Годунова. И вотъ, митрополитъ, „большіе боляре“ и „отъ вельможъ царевы палаты и гости московскіе и всѣ купецкіе люди учинили совѣтъ и укрѣпились между собою рукописаньемъ—бить челомъ государю царю и великому князю Ѳеодору Ивановичу вся Руси, чтобы ему государю всѣ земли царской своей державы пожаловать, пріяти бы ему второй бракъ, а царицу Ирину Ѳедоровну пожаловати, отпустити во иноческій чинъ; и бракъ учинити ему царскаго ради чадородія“. Дѣлать изъ этого политическаго заговора („совѣтъ“ на древне-русскомъ языкѣ именно и обозначаетъ то, что мы выражаемъ словомъ „за-

Иванъ Грозный и сынъ его Иванъ 16 ноября 1581 г.

Оригиналъ картины И. Е. Рѣпина *Иванъ Грозный и сынъ его Иванъ 16 ноября 1581 г.* (1885 г.) находится въ Третьяковской галлереѣ (№ 782); въ той же галлереѣ находится (№ 1344) и картина В. Г. Шварца *Іоаннъ Грозный у тѣла убитаго имъ сына* (1864 г.). Ивана IV, героя и царя, мы видѣли на картинѣ В. Васнецова. Безпощадная кисть И. Рѣпина даетъ намъ безумно устремленный въ пространство взоръ старика, безсмысленно впившагося губами въ теплую еще голову убитаго имъ сына; тутъ же на полу валяется костыль, сыгравшій роль орудія убійства одного изъ послѣднихъ потомковъ Ивана Калиты. Эта *историческая* картина производитъ потрясающее впечатлѣніе; передъ ней съ ужасомъ и изумленіемъ останавливается взоръ; съ неприкрашенной прямолинейностью она открыто говоритъ *всю* правду, и въ этомъ отношеніи она любопытна какъ параллель къ картинѣ Н. Н. Ге *Петръ I допрашиваетъ царевича Алексѣя въ Петергофѣ* (1871 г.); обѣ создаютъ прекрасный фонъ къ реформаторской дѣятельности Грозныхъ и Великихъ. 16 ноября 1581 г. своего рода открыто выраженное начало «московской трагедіи», т.-е. Смутнаго времени, открывшаго въ Россіи нескончаемую серію самозванцевъ. Года за три до смерти на царя Ивана IV часто находили дурныя минуты, въ которыя онъ былъ просто страшенъ. Въ одну изъ такихъ минутъ онъ поколотилъ свою сноху за то, что она, будучи беременной, не слишкомъ быстро встала или оказалась слишкомъ запросто одѣтой при входѣ въ ея комнату свекра. Наслѣдникъ московскаго престола, мужъ побитой, царевичъ Иванъ осмѣлился выразить обиду на побои царя, и пришедшій въ ярость царь «печально-удачнымъ ударомъ желѣзнаго костыля въ голову, какъ выразился въ своемъ курсѣ русской исторіи В. О. Ключевскій, положилъ сына на мѣстѣ». Конецъ этой дикой семейной сцены и написанъ И. Рѣпинымъ. Она обезпечила престолъ царю Өедору, о которомъ польскій посолъ Сапѣга писалъ, что царь малъ ростомъ, довольно худощавъ, съ тихимъ, даже подобострастнымъ голосомъ, съ простодушнымъ лицомъ, умъ имѣетъ скудный или не имѣетъ никакого, ибо, сидя на престолѣ во время посольскаго пріема, онъ не переставалъ улыбаться, любуясь то на свой скипетръ, то на державу. Шведъ Петрей писалъ почти то же, говоря, что Өедоръ отъ природы былъ почти лишенъ разсудка, находилъ удовольствіе только въ духовныхъ предметахъ, часто бѣгалъ по церквамъ трезвонить въ колокола и слушать обѣдню. Самъ царь Иванъ находилъ его пономарскимъ сыномъ, а свои современники признавали его блаженнымъ или Христа ради юродивымъ. Такъ царь Иванъ IV обезпечилъ въ 1581 г. исчезновеніе своей династіи. Прекращеніе династіи Калитина племени само по себѣ не могло создать и не создало Смуты, но это сопутствующее обстоятельство придало ходу Смутнаго времени болѣе яркія и выразительныя краски, развязавъ руки разнообразнымъ дѣльцамъ и приманивъ иноземное вмѣшательство. Любопытно, что «Повѣсть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго», изъ которой при картинѣ В. Васнецова нами приведенъ литературный портретъ царя Ивана IV, ничего не говоритъ о насильственной смерти царевича Ивана. «Повѣсть» глухо оговариваетъ: «Бысть же ему (т.-е. у Ивана IV) сыновъ три: царевичъ Иванъ, и царевичь Федоръ, и царевичь Дмитрѣй; два отъ *первые* ево царицы Настасеи, Иванъ да Федоръ, а царевичь Дмитрѣй отъ *седмыя* ему жены, царицы Мароы. И царевичь Иванъ преставися въ царствующемъ градѣ Москвѣ при животѣ отца своего, за два лѣта кончины живота его, а въ наслѣдіе остася ему царевичь Федоръ и возведенъ бысть на царскій престолъ вмѣсто отца своего». Съ этой осторожной лойяльностью князя Ивана Катырева-Ростовскаго мы встрѣчаемся еще разъ въ объяснительномъ текстѣ къ портретамъ Димитрія I Ложнаго и Марины Мнишекъ. Зато въ болтливо и смутно написанномъ «Временникѣ дьяка Ивана Тимоөеева» есть отдѣльная глава «о царевичѣ Иваннѣ Ивановичѣ», гдѣ, между прочимъ, читаемъ слѣдующее: «И уже къ совершенію грядый возраста, третія десятицы лѣтъ свѣне трехъ число достизая своя ему жизни, троебраченъ же бывъ отца волею, и не яко прилученіемъ смерти въ мужствѣ лѣтъ частое подружіемъ его измѣненіе бысть, но за гнѣвъ еже нань они свекромъ своимъ постризаеми суть; ибо при концы отча старости житіе скончалъ бѣ, по жребіи бо не получивъ земнаго, но на будущее преселникъ царствіе. Непщую сего быти и къ страданію близъ, *отъ рукобіенія бо отча*, глаголютъ нѣцыи, *животъ ему угасе, за еже отцеви въ земныхъ неподобство нѣкое удержати хотя*». Два приведенныхъ свидѣтельства изъ повѣстей о Смутномъ времени даютъ любопытное представленіе о томъ, какъ тема рѣпинской картины трактовалась въ XVII вѣкѣ, причемъ второе свидѣтельство, темноватое по изложенію, весьма характерно по своимъ ужаснымъ, хорошо понимаемымъ нынѣ, подробностямъ.

В. Стор.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ". Изд. Т-ва „МІРЪ"

говоръ", говоря, напримѣръ, о „заговорѣ декабристовъ") эпизодъ дворцовой борьбы внутри тѣснаго круга московской придворной знати, можетъ быть, и очень удобно съ точки зрѣнія художественнаго интереса—читатели, вѣроятно, уже вспомнили сцену изъ „Царя Θеодора Ивановича"—, но исторически совершенно неправильно. Шуйскимъ, конечно, и въ голову не пришло бы рисковать головой въ этомъ дѣлѣ, не чувствуй они за собой „всенароднаго множества"—того самаго, что за полвѣка сдѣлало ихъ отцовъ властными опекунами маленькаго Ивана Васильевича. Но соотношеніе силъ на этотъ разъ оказалось иное. Послѣ перваго испуга, отсидѣвшееся въ кремлѣ годуновское правительство круто расправилось съ заговорщиками: Діонисій былъ сведенъ съ митрополичьяго стола, Шуйскіе и рядъ другихъ бояръ были сосланы, а шестеро московскихъ гостей казнены. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что рѣшила дѣло не слабая воля царя Θеодора, а тѣ самые „дѣти боярскія", о присутствіи которыхъ въ кремлѣ проговаривается все тотъ же упоминавшійся нами дипломатическій документъ. Старая гвардія Грознаго, его опричный „дворъ", поддержала на этотъ разъ уже лично Годунова, который, кстати сказать, въ качествѣ „дворового воеводы" (командира гвардейскаго корпуса), былъ ея непосредственнымъ начальникомъ. Въ длинномъ ряду титуловъ Бориса Θедоровича это званіе, какъ видимъ, совсѣмъ не было пустымъ звукомъ.

Столкновеніе 1587 года было самымъ крупнымъ событіемъ московской соціальной исторіи въ промежуткѣ между смертью Грознаго и избраніемъ Годунова на царство. Оно отмѣтило собою фактическое разложеніе опричнины, юридически переставшей существовать со дня смерти Ивана IV. Опричнина была блокомъ городской буржуазіи и средняго землевладѣнія; безъ посадскихъ переворотъ 3 декабря 1564 года, вѣроятно, не имѣлъ бы мѣста. Раньше буржуазія дружила съ боярствомъ: оторвать ее отъ него и перевести на свою сторону было крупнымъ успѣхомъ помѣщичьей партіи. Теперь мы опять какъ будто встрѣчаемъ комбинацію 1550 года: „купецкихъ людей" вмѣстѣ съ „большими боярами". Какъ будто,— потому что иниціатива теперь едва ли не принадлежала „купецкимъ людямъ", а „большіе бояре" дѣйствовали не какъ классъ, а какъ группа отдѣльныхъ семей: вѣдь и самъ Годуновъ былъ „большимъ бояриномъ", и съ нимъ была цѣлая боярская партія, много „прельщенныхъ имъ отъ царскіе полаты болярь", вмѣстѣ съ дворянами. Смыслъ событія не въ возрожденіи феодально-буржуазной оппозиціи, а въ появленіи

буржуазіи, какъ самостоятельной политической силы. Въ своихъ аристократическихъ вождяхъ московскій посадъ разочаровался, вѣроятно, еще до опричнины: исторія съ разводомъ Ѳедора Ивановича унесла послѣдніе остатки ихъ авторитета, если они еще были. Горькія слова московскихъ купцовъ по адресу Шуйскихъ: „помирились вы (съ Годуновымъ) нашими головами", были надгробной эпитафіей боярско-посадскаго союза. Характерно, что семейныя связи съ Шуйскими остались: экономически эти владѣльцы промысловыхъ вотчинъ были тѣснѣе связаны съ буржуазными кругами, чѣмъ со своими титулованными собратьями. Когда буржуазіи понадобился „свой царь", она стала искать его въ рядахъ этой семьи. Въ 1587 году было еще далеко до этого критическаго момента. Первое политическое выступленіе „купецкихъ людей" такъ далеко не мѣтило—но что это было политическое событіе, а не дворцовая интрига, тотчасъ же дала почувствовать внѣшняя политика Бориса. Опытъ ливонской войны сдѣлалъ московское правительство очень миролюбивымъ: но въ 1589 году московскимъ посламъ, отправленнымъ, уже не въ первый разъ, договариваться со шведами насчетъ обратной уступки занятыхъ послѣдними русскихъ городовъ, было предписано говорить „по большимъ, высокимъ мѣрамъ" и требовать „въ государеву сторону Нарву, Иванъ-городъ, Яму, Копорье, Корелу безъ накладу, безъ денегъ". Это былъ вызовъ—и въ январѣ слѣдующаго, 1590-го года, по Нарвѣ двинулось русское войско съ самимъ царемъ, Борисомъ Годуновымъ, и Ѳедоромъ Никитичемъ Романовымъ. Московское правительство заявляло, что безъ Нарвы, т.-е. безъ возстановленія русской балтійской торговли, оно не помирится. Нарву, однако, взять не удалось, но въ общемъ походъ не былъ неудаченъ, и три другихъ захваченныхъ шведами города, Ямъ, Ивангородъ и Копорье, перешли обратно въ русскія руки. Вся эта цѣпь событій будетъ намъ понятна, если мы припомнимъ, что разрывъ посадскихъ съ боярами и сближеніе ихъ съ „воинствомъ" произошли именно на почвѣ внѣшней политики, и что оттолкнуть буржуазію отъ помѣщиковъ всего скорѣе могла неудача ливонской войны. Теперь Годуновъ пробовалъ опять вести „буржуазную" политику—но осторожно и не настойчиво: буржуазія не была главной фигурой на его шахматной доскѣ.

Если этотъ крупный феодалъ желалъ удержаться у власти, ему не на кого было опереться, кромѣ „воинства": не его личное соціальное положеніе опредѣляло его политику, а, наоборотъ, политика обусловливала его соціальныя симпатіи.

Случай отблагодарить своихъ союзниковъ представился ему очень скоро. Въ 1591 году, какъ мы уже упоминали, крымцы опять появились подъ Москвой. Захватъ города имъ теперь совершенно не удался. Опытъ предыдущаго татарскаго набѣга былъ хорошо использованъ московскими воеводами, были выработаны новые способы борьбы со степной конницей, и они оказались очень цѣлесообразными. Современники приписывали особенное значенiе „гуляй-городу"—подвижной деревянной крѣпости на колесахъ, изобрѣтателемъ которой считали кн. М. И. Воротынскаго, хотя нѣчто очень похожее проектировалось уже давно въ одномъ изъ „пересвѣтовскихъ" писанiй. А въ смыслѣ собственно городской обороны Годуновымъ была очень усилена артиллерiя,—памятникомъ русскаго литейнаго искусства именно этой поры осталась извѣстная „Царь-пушка". Словомъ, крымцы нашли передъ собой совсѣмъ не ту картину, что двадцать лѣтъ раньше, и ушли, не сдѣлавъ даже попытки взять городъ. Но для отраженiя ихъ была уже стянута громадная армiя, поднято на ноги все служилое землевладѣнiе центральной Россiи и даже Новгорода и Пскова. Помѣщики прошлись, разумѣется, не даромъ: за походъ было выдано жалованье, выдано чрезвычайно для медлительнаго московскаго казначейства быстро,—вопреки, повидимому, обычаю его стали раздавать, не дождавшись конца кампанiи, когда войско еще стояло лагеремъ—и въ усиленномъ размѣрѣ, настолько усиленномъ, что сами служилые будто бы удивлялись и говорили, что въ прежнiя времена даже родовитымъ людямъ за трудный походъ и многiя раны не давали того, что теперь получили рядовыя дѣти боярскiя за войну, больше походившую на маневры: такъ какъ только московскому авангарду удалось увидѣть крымцевъ, а главныя силы далеко отстали отъ нихъ. Если мы припомнимъ, какое значенiе имѣло государево денежное жалованье въ помѣщичьемъ хозяйствѣ, мы поймемъ, что ничѣмъ лучше привязать къ себѣ массу „воинниковъ" Борисъ не могъ. Недаромъ всякiй ропотъ противъ годуновскаго управленiя послѣ этого похода надолго стихъ, о чемъ мы имѣемъ свидѣтельство авторовъ, весьма мало расположенныхъ къ Борису Ѳедоровичу.

Располагая громадными личными средствами—и огромной котерiей личныхъ приверженцевъ, стало быть,—примиривъ съ собою, хотя бы отчасти, начинавшую поднимать голову буржуазiю, имѣя вполнѣ на своей сторонѣ весь мелкiй вассалитетъ, всю вооруженную силу государства, Борисъ стоялъ такъ прочно, что большаго, казалось бы, ему нечего было желать. Царь Ѳеодоръ, „иже отъ поста просiявшiй", былъ

еще не старъ и могъ имѣть дѣтей: годъ спустя у него родилась дочь, царевна Ѳедосья, умершая въ 1594 году. При дѣтяхъ этихъ, родныхъ племянникахъ Годунова, его положеніе регента оставалось бы, по всей вѣроятности, столь же прочнымъ, какъ и при ихъ отцѣ. Было бы чрезвычайно странно, если бы въ такомъ положеніи человѣкъ сталъ себя „усиливать" при помощи преступленій, крайне неловко совершенныхъ и какъ будто нарочно придуманныхъ, чтобы скомпрометировать репутацію Бориса Ѳедоровича. Между тѣмъ подавляющее большинство историковъ принимаетъ, какъ достовѣрный, разсказъ о томъ, что именно въ эти годы, съ вѣдома, если не по прямому приказу Годунова, былъ убитъ младшій сынъ Грознаго, царевичъ Димитрій—убитъ въ тѣхъ видахъ, чтобы „расчистить Борису путь къ престолу". Если бы нужна была спеціальная иллюстрація младенческаго состоянія у насъ весьма важной дисциплины, именуемой „исторической критикой", и давленія на нашу историческую науку обстоятельствъ и интересовъ, ничего общаго ни съ какой наукой не имѣющихъ, лучшей, нежели „дѣло объ убійствѣ Димитрія царевича", придумать было бы нельзя. Первое категорическое утвержденіе, что Борисъ—убійца Димитрія, мы находимъ въ источникѣ, самаго поверхностнаго анализа котораго достаточно, чтобы не вѣрить именно *этимъ* его показаніямъ. Въ 1606 году, сѣвъ на престолъ посредствомъ государственнаго переворота, черезъ трупъ Названаго Димитрія, царь Василій Ивановичъ Шуйскій нашелъ необходимымъ дать юридическое и историческое оправданіе своему поведенію: доказать, что цареубійство было актомъ „необходимой самообороны", а что права на московскій престолъ Шуйскимъ принадлежали искони, и они только, исключительно по скромности, до времени ихъ не предъявляли. Съ этой цѣлью по городамъ разсылался цѣлый сборникъ документовъ, въ фальсифицированности которыхъ никто, кажется, никогда не сомнѣвался, и распространялся небольшой, въ литературномъ отношеніи весьма удачно написанный историческій трактатъ, составляющій какъ бы „историческое введеніе" къ этимъ документамъ. Изъ этихъ послѣднихъ слѣдовало, что „страдникъ, вѣдомый воръ, богоотступникъ, еретикъ, ростpига Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ" хотѣлъ ни болѣе, ни менѣе, какъ московскихъ „бояръ, и дворянъ, и приказныхъ людей, и гостей, и всякихъ лутчихъ людей побити, а московское государство хотѣлъ до основанія разорити, и крестьянскую вѣру попрати, и церкви разорити, а костелы Римскіе устроити". Ясное дѣло, что убить его было не только

можно, но и должно. А введеніе должно было утвердить читателя въ той мысли, что занять мѣсто по праву убитаго еретика было некому, кромѣ князя Василія Ивановича Шуйскаго, „изначала прародителей своихъ боящагося Бога и держащаго въ сердцѣ своемъ къ Богу велію вѣру и къ человѣкамъ нелицемѣрную правду“. Если же всѣ эти качества не доставили благочестивому князю престола раньше, то виновато въ этомъ было гоненіе „отъ раба нѣкоего, зовомаго Бориса Годунова“, который „уподобился древней зміи, иже прежде въ раи прелсти Евву и прадѣда нашего Адама и лиши ихъ пищи райскія наслажатися“. Когда среди подобнаго текста вы читаете далѣе, что именно Борисъ подослалъ убійцъ къ царевичу Димитрію, элементарная историческая добросовѣстность заставляетъ васъ отнестись къ разсказу съ крайней степенью недовѣрія. Это послѣднее должно окончательно укрѣпиться въ читателѣ, когда онъ видитъ, съ одной стороны, что ни одной живой, конкретной подробности преступленія нашъ превосходно освѣдомленный авторъ сообщить не умѣетъ, ограничиваясь шаблонной картиной „убійства невиннаго отрока“, внѣ времени и пространства,—а съ другой стороны, что всѣ остальные „независимые и самостоятельные русскіе писатели XVII вѣка...... неохотно и очень осторожно говорятъ объ участіи Бориса въ умерщвленіи царевича Димитрія“ *).

Къ этой характеристикѣ можно прибавить только одно, весьма любопытное, наблюденіе: чѣмъ дальше отъ событія 1591 года, тѣмъ больше подробностей о немъ мы находимъ въ литературѣ. Всѣмъ хорошо знакомый по учебникамъ детальный разсказъ объ убійствѣ, приводимый Соловьевымъ, читается въ такъ называемомъ „Новомъ Лѣтописцѣ“—компилятивной исторіи Смутнаго времени, окончательная редакція которой не старше 1630 года. Сорокъ лѣтъ спустя послѣ событія знали о немъ больше, чѣмъ могъ собрать заинтересованный и пристрастный авторъ черезъ пятнадцать лѣтъ! Такое, хорошо знакомое всякому историческому изслѣдователю, явленіе можетъ имѣть лишь одно объясненіе: мы имѣемъ передъ собою типичный случай возникновенія легенды. Народное воображеніе дополнило то, чего не хватало исторіи, постепенно, деталь за деталью, расцвѣчивая сухую схему первоначально безъ всякихъ доказательствъ брошеннаго обвиненія. Кто знаетъ отношенія Годунова и Романовыхъ, сидѣвшихъ на престолѣ въ тѣ дни, когда впервые писалась исто-

---

*) Платоновъ, цитир. соч., стр. 212.

рія Смуты—объ этихъ отношеніяхъ будетъ еще рѣчь ниже—, тотъ не удивится, что воображенію тогдашней публики былъ данъ именно такой уклонъ. Но для всякаго „независимаго и самостоятельнаго“ русскаго историка XIX вѣка, казалось бы, въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, обязательно отнестись съ полнымъ отрицаніемъ къ выдумкѣ, пущенной въ оборотъ памфлетомъ Шуйскихъ—даже въ томъ случаѣ, если бы мы не имѣли современныхъ событію документовъ, утверждающихъ противное. А такой документъ есть: сохранилось подлинное дѣло объ убійствѣ Димитрія—актъ „обыска“ (по теперешнему, „дознанія“), произведеннаго по горячимъ слѣдамъ въ Угличѣ комиссіею боярской думы,—и въ этомъ дѣлѣ рядомъ свидѣтельскихъ показаній, въ томъ числѣ дядей царевича, Нагихъ, устанавливается, что онъ погибъ жертвою несчастнаго случая—накололся на ножъ, играя въ „тычку“. Слѣдствіе, правда, производилъ тотъ самый благочестивый князь Василій Ивановичъ Шуйскій, съ публицистической дѣятельностью котораго читатель познакомился выше: для очень большого скептика, можно согласиться, это даетъ основаніе подозрѣвать и актъ слѣдствія. Но Шуйскій на слѣдствіи былъ не одинъ, во-первыхъ, а затѣмъ, ужъ если заподозрѣвать офиціальные документы, къ которымъ имѣлъ касательство Василій Ивановичъ, то какого же довѣрія заслуживаетъ его неофиціальная публицистика?

Уже лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ одинъ историкъ, не состоявшій на академической службѣ, но отъ этого не менѣе добросовѣстный, сдѣлалъ изъ всѣхъ перечисленныхъ фактовъ единственный возможный выводъ: что если не держаться на точкѣ зрѣнія абсолютнаго скептицизма, довѣрять больше нужно слѣдственному дѣлу, чѣмъ литературнымъ памятникамъ. И онъ написалъ въ своей книгѣ, что Димитрій царевичъ погибъ въ 1591 году въ Угличѣ отъ несчастнаго случая. Но публикѣ не пришлось прочесть такой ереси. Академическая наука твердо держала стражу—и одинъ изъ ея представителей, едва ли не виднѣйшій въ то время, поспѣшилъ пресѣчь зло въ корнѣ: по его настоянію соотвѣтствующій листъ еретической исторіи, уже отпечатанной, былъ выдранъ изо всѣхъ экземпляровъ и сожженъ. Аргументъ ученаго, кажется, былъ такъ же простъ, какъ и убѣдителенъ: если Димитрій не былъ мученикомъ, невинно пострадавшимъ отъ рукъ злодѣевъ, то какъ же могли отъ него остаться чудотворныя мощи? Изъ этого мы можемъ видѣть, насколько проницателенъ былъ царь Василій Ивановичъ, превратившій младшаго сына Грознаго въ угодника и чудотворца чуть не на другой день

послѣ своего восшествія на престолъ (Шуйскій сталъ царемъ 18 мая, а мощи Димитрія были уже въ Москвѣ 3 іюня). Принятая имъ мѣра оказалась достаточной, чтобы повліять на „общественное мнѣніе“ не только начала семнадцатаго вѣка, но и временъ императора Николая Павловича.

Что касается „святоубійцы“, Бориса Θедоровича Годунова, то онъ, кажется, болѣе всего страдалъ не отъ мученій совѣсти изъ-за несовершеннаго имъ злодѣянія, а отъ сомнѣній, на нашъ взглядъ довольно странныхъ, хотя до послѣдняго времени находились изслѣдователи-одиночки, ихъ раздѣлявшіе. Есть основанія думать, что Борисъ сомнѣвался: дѣйствительно ли Димитрій умеръ? Если личность слабоумнаго Θедора въ его рукахъ была сильнымъ средствомъ поддержанія своей власти, то маленькій царевичъ въ рукахъ противниковъ Годунова могъ стать, при случаѣ, такимъ же средствомъ противъ послѣдняго. И средство это становилось тѣмъ опаснѣе, чѣмъ больше было ясно, что отъ Θедора ждать дѣтей уже нельзя, и что Димитрій, будь онъ живъ, является единственнымъ представителемъ потомства Калиты. А слухи, что царевичъ живъ и находится гдѣ-то за границей, можетъ быть въ Польшѣ, стали ходить по Москвѣ еще до смерти Θедора. Всего черезъ мѣсяцъ послѣ этой смерти пограничный польскій губернаторъ уже слышалъ о какихъ-то подметныхъ письмахъ отъ имени Димитрія, появившихся въ Смоленскѣ. Только въ этой связи можно понять тѣ чрезвычайныя мѣры, какія были приняты московскимъ правительствомъ, т.-е. правительствомъ Годунова, именно въ эти дни. „По смерти царя немедленно закрыли границы государства, никого черезъ нихъ не впуская и не выпуская. Не только на большихъ дорогахъ, но и на тропинкахъ поставили стражу, опасаясь, чтобы кто не вывезъ вѣстей изъ московскаго государства въ Литву и къ нѣмцамъ. Купцы польско-литовскіе и нѣмецкіе были задержаны въ Москвѣ и въ пограничныхъ городахъ, Смоленскѣ, Псковѣ и другихъ, съ товарами и слугами, и весь этотъ людъ получалъ даже изъ казны хлѣбъ и сѣно. Официальные гонцы изъ сосѣднихъ государствъ также содержались подъ стражей и по возможности скоро выпроваживались пограничными воеводами обратно за московскую границу. Гонцу оршанскаго старосты въ Смоленскѣ не дозволили даже самому довести до водопоя лошадь, а о томъ, чтобы купить что-либо на рынкѣ нечего было и думать“. Одновременно съ этими полицейскими мѣрами принимались и экстренныя мѣры военной обороны, и притомъ какъ разъ опять-таки на западной границѣ. „Смоленскія стѣны поспѣшно

достраивали, свозя на нихъ различные строительные матеріалы тысячами возовъ. Къ двумъ бывшимъ въ Смоленскѣ воеводамъ присоединили еще четырехъ. Усиленный гарнизонъ Смоленска не только содержалъ караулы въ самой крѣпости, но и высылалъ разъѣзды въ ея окрестности. Во Псковѣ также соблюдали величайшую осторожность“ *). Все это, конечно, никакъ не приходится объяснять желаніемъ москвичей, чтобы избраніе новаго царя совершилось „втайнѣ отъ постороннихъ глазъ“. Боялись, совершенно опредѣленно, сношеній кого-то, находившагося въ Москвѣ, съ кѣмъ-то, кого подозрѣвали за западнымъ рубежомъ московскаго царства, причемъ сношенія эти, видимо, могли кончиться внезапнымъ появленіемъ чужеземныхъ войскъ въ русскихъ предѣлахъ. Словомъ, въ 1598-мъ году готовились къ тому, что дѣйствительно случилось въ 1604-мъ. „Самозванецъ“ вовсе не былъ черною точкой, вдругъ явившейся на безоблачномъ небосклонѣ Борисова царствованія: эту эффектную картину мы должны всецѣло оставить пушкинской трагедіи. Въ дѣйствительной исторіи фигура Димитрія все время чувствовалась за кулисами, и Годуновъ нервно ждалъ, когда же, наконецъ, она выступитъ. Въ этомъ смыслѣ, ему, можетъ быть, дѣйствительно мерещился покойный царевичъ, но только не въ образѣ „кроваваго мальчика“, а скорѣе всего во главѣ польско-литовской рати—въ томъ именно видѣ, какимъ онъ явился на Руси наканунѣ смерти Бориса.

Въ связи съ этими же опасеніями становится понятна та необычайная обстановка, въ какой происходило самое избраніе Бориса Ѳедоровича на царство, весною 1598-го года. Этотъ любопытный эпизодъ въ новѣйшей исторіографіи прошелъ нѣсколько стадій. Сначала историки чувствовали безусловное довѣріе къ очень обстоятельному разсказу объ этомъ событіи, какой давался упоминавшимся нами выше памфлетомъ Шуйскаго: тамъ можно все найти, что намъ такъ знакомо съ дѣтства—и приставовъ, по командѣ которыхъ народъ начиналъ кланяться и вопить, и слюни, въ качествѣ суррогата слезъ на сухихъ глазахъ, и штрафы съ тѣхъ, кто не хотѣлъ итти къ Новодѣвичьему монастырю молить Бориса на царство. Но такъ какъ въ этомъ вопросѣ не было спеціальныхъ основаній довѣрять именно Шуйскому, то благоразуміе скоро взяло верхъ—стало совѣстно вѣрить сплетнямъ, и на первый планъ началъ выдвигаться земскій соборъ, выбравшій Бориса, причемъ и относительно собора подчеркивалось, что въ его составѣ „нельзя подмѣтить никакого слѣда выборной агита-

*) Платоновъ, цит. соч., стр. 226—227.

ціи или какой-либо подтасовки членовъ". Проныра, хитростью забравшійся на царскій престолъ, оказывался законно и правильно избраннымъ на государство „представительнымъ собраніемъ", которое „признавалось законнымъ выразителемъ общественныхъ интересовъ и мнѣній". Нѣтъ никакого сомнѣнія, что избраніе Бориса было актомъ, юридически совершенно правильнымъ—мы сейчасъ увидимъ, что оно было обставлено всякими юридическими формальностями даже съ излишней, можетъ быть, роскошью. Ни одинъ царь ни прежде, ни послѣ не старался такъ увѣрить своихъ подданныхъ, что онъ имѣетъ право царствовать. Но именно эта заботливая аргументація своихъ правъ, которую мы можемъ прослѣдить отчасти даже въ процессѣ ея развитія, подмѣтить, какъ одни аргументы замѣнялись другими, которые казались убѣдительнѣе,—именно она-то заставляетъ отнестись къ происходившему съ нѣкоторой подозрительностью, независимо отъ какихъ бы то ни было современныхъ памфлетовъ. Никто такъ не заботится о юридической безукоризненности своихъ поступковъ, какъ именно умные и опытные мошенники. А затѣмъ, мы уже вышли теперь изъ той стадіи политическаго развитія, когда „избирательная агитація" казалась чѣмъ-то въ родѣ „подтасовки" общественнаго мнѣнія. Всякій изъ насъ теперь по личнымъ переживаніямъ отлично знаетъ, что никакого организованнаго массоваго дѣйствія безъ предварительной агитаціи невозможно себѣ представить, и если московскій народъ 21 февраля 1598-го года „во слѣдъ за патріархомъ" валомъ повалилъ къ Новодѣвичьему монастырю, то, очевидно, кто-то этимъ дѣломъ руководилъ и его подготовилъ. „Клевета" на Бориса могла заключаться не въ утвержденіи, что въ пользу этой манифестаціи предварительно агитировали, а въ инсинуаціяхъ, что она была осуществлена мѣрами полицейскаго свойства, черезъ приставовъ. На этомъ именно и настаиваетъ пасквиль, пущенный въ оборотъ Шуйскими. Другіе же авторы, вовсе не сочувствующіе Борису, говорятъ только, что у послѣдняго вездѣ были „спомогатели"—по-нашему, избирательные агенты—и „сильно-словесные рачители", которыхъ мы теперь назвали бы агитаторами. Итакъ, „агитація" была, не было лишь „подтасовки". Ея и не могло быть: она была совершенно не нужна, ибо когда начались народныя манифестаціи, рѣшеніе земскаго собора было уже установлено и освящено религіознымъ авторитетомъ,—уже 18-го февраля въ Успенскомъ соборѣ торжественно молили Господа Бога, чтобы онъ даровалъ православному христіанству, по его прошенію, государя царя Бориса Θеодоровича.

Крупный и мелкій вассалитетъ—на соборѣ была, конечно, и боярская дума въ полномъ составѣ—и церковь уже признали царемъ Бориса, когда народъ отправлялся его молить. Годунову показалось мало тѣхъ общественныхъ силъ, которыя обычно составляли „политическій корпусъ“ московскаго царства—„чиновъ“, представленныхъ на земскомъ соборѣ: ему понадобилось участіе въ дѣлѣ „всего многочисленнаго народнаго христіанства“. И, сколько мы знаемъ, это былъ первый царь, всколыхнувшій себѣ на помощь народную массу, потому что „обращенія къ народу“ Грознаго фактически имѣли въ виду высшіе слои московскаго купечества. Это было необыкновенно важно для будущаго, но это не менѣе важно и для характеристики положенія Бориса въ данный моментъ. Необычайно торжественный характеръ избранія долженъ былъ заранѣе преградить дорогу всякимъ „покусителямъ“, которыхъ, очевидно, ждали.

Та же тревога проникаетъ и самый актъ избранія—дошедшій до насъ въ двухъ редакціяхъ—, и крестоцѣловальную запись, по которой должно было присягать населеніе новому царю, присягать опять-таки въ необычно торжественной обстановкѣ, въ церквахъ, во время службы. Противники Бориса находили въ этомъ новый поводъ для жалобъ: изъ-за шума, поднятаго толпою присягавшихъ, въ Успенскомъ соборѣ нельзя было даже пѣнія божественнаго разслышать, такъ что набожные москвичи, желавшіе помолиться, остались въ этотъ день безъ обѣдни. Самое „утвержденную грамоту“ земскаго собора положили въ раку митрополита Петра, нарочно вскрытую по этому случаю—что, конечно, опять было истолковано кѣмъ слѣдуетъ, какъ явное и непозволительное кощунство. По содержанію оба эти документа весьма любопытны, особенно соборное рѣшеніе, дошедшее до насъ не только въ окончательномъ видѣ, но и въ черновикѣ. Послѣдній поражаетъ обиліемъ доводовъ въ пользу избранія Бориса; ихъ такъ много, что они даже мѣшаютъ другъ другу, и въ окончательной редакціи нашли полезнымъ посократить ихъ число. Ихъ перечень самъ по себѣ интересенъ: передъ нами вскрывается рядъ напластованій, изъ которыхъ постепенно составилось русское право престолонаслѣдія къ концу XVI вѣка. Древнѣйшимъ пластомъ была удѣльная традиція, въ силу которой „государева вотчина“, какъ и всякая другая, переходила по завѣщанію, но только въ кругу данной семьи, не къ чужеродцамъ. Грамота и отмѣчаетъ, что Годуновъ „великаго государя сродникъ“, и разсказываетъ, будто бы еще Иванъ Васильевичъ назначилъ Бориса Ѳедоровича своимъ

наслѣдникомъ въ случаѣ смерти Ѳеодора. Но московскій удѣлъ успѣлъ превратиться во всемірное православное царство: его престоломъ нельзя же было распоряжаться, какъ частнымъ имѣніемъ. По здравому смыслу ясно было, что опредѣлять, кто достоинъ быть царемъ всѣхъ православныхъ, скорѣе всего могла православная церковь: грамота и утверждаетъ, что епископы отъ апостоловъ имѣютъ власть „сшедшися соборомъ, поставляти своему отечеству пастыря и учителя и царя". Но въ 1598-мъ году и это оказывалось уже пройденной ступенью—и „челобитье всего многочисленнаго народнаго христіанства" является рѣшающимъ аргументомъ,—рѣшающимъ настолько, что подъ конецъ грамота изъ-за него забываетъ всѣ другіе. „Яко да не рекутъ нѣцыи: отлучимся отъ нихъ, понеже царя сами суть поставили; да не будетъ то, да не отлучаются . . . . . аще кто речетъ, неразуменъ есть и проклятъ". И родство съ династіей, и завѣщаніе Грознаго, и соборное опредѣленіе церкви были забыты редакторомъ документа; онъ помнилъ только, что Борисъ—выборный царь, что это новшество, и что къ этому новшеству могутъ придраться, чтобы оспаривать права Годуновыхъ на престолъ—Годуновыхъ, ибо выбрана была, конечно, вся семья: на имя всей семьи, включая и „царевну Оксинью", приносилась и присяга. Въ окончательномъ текстѣ „утверженной грамоты" уже ничего не говорится о завѣщаніи царя Ивана: это смѣлое утвержденіе было бы слишкомъ трудно доказать; зато этотъ текстъ больше напираетъ на родство Годуновыхъ съ послѣднимъ потомкомъ Калиты черезъ Ирину Ѳеодоровну, сестру Бориса и жену Ѳеодора Ивановича. О томъ, чтобы были еще какія-нибудь лица, имѣющія наслѣдственныя или какія-либо иныя права на престолъ, грамота не говоритъ: но крестоцѣловальная запись упоминаетъ одно такое лицо, причемъ упоминаніе странно бросается въ глаза своей неожиданностью. Мы помнимъ, что Грозный когда-то, не то въ посмѣхъ, не то ради соблюденія формальности, посадилъ надъ „земщиной" особаго царя, крещенаго татарскаго царевича Симеона Бекбулатовича. Теперь это былъ слѣпой старикъ, самъ, вѣроятно, плохо помнившій, что онъ былъ когда-то „калифомъ на часъ". Тѣмъ не менѣе, Борисъ нашелъ нужнымъ потребовать отъ своихъ подданныхъ, чтобы они царя Симеона на государство не хотѣли. Одинъ новѣйшій изслѣдователь вывелъ изъ этого заключеніе, что бывшій царь земщины былъ, будто бы, серьезнымъ кандидатомъ на престолъ въ извѣстный моментъ избирательной кампаніи. На самомъ дѣлѣ эта характерная подробность показываетъ лишь, какъ

мнителенъ былъ новый царь, и какъ онъ принималъ мѣры, чтобы, на грѣхъ, даже и палка не выстрѣлила. Борисъ, вѣроятно, охотнѣе бы упомянулъ на этомъ мѣстѣ своихъ реальныхъ противниковъ,—тоже родичей царей Ивана и Ѳедора, да еще постарше Годуновыхъ, дѣтей Никиты Романовича Юрьева, да, не то живого, не то мертваго, Димитрія Углицкаго. Но о послѣднемъ нельзя было говорить офиціально, ибо офиціально онъ былъ на томъ свѣтѣ, а съ первыми у Бориса было какое-то соглашеніе, скрѣпленное даже крестоцѣлованіемъ. Сущность этого соглашенія намъ неизвѣстна, но характерно одно обстоятельство: романовская версія исторіи Смуты, нашедшая себѣ самое раннее выраженіе у одного неизвѣстнаго по имени автора, скомпилированнаго весьма извѣстнымъ Авраамiемъ Палицынымъ, старается взвалить вину за нарушеніе договора на Бориса, тщательно скрывая притомъ отъ читателя, за что именно Годуновъ „извергъ изъ чести" и сослалъ Никитичей. Довольно вѣрный знакъ, что правота послѣднихъ не могла быть доказана такъ безспорно, какъ бы этому автору хотѣлось.

Итакъ, только что вступивъ на престолъ, Борисъ чувствовалъ себя уже на немъ непрочно и старался найти какъ можно больше и юридическихъ и матеріальныхъ опоръ для своей власти. Годуновское владычество переживало само себя: регентъ не встрѣчалъ никакихъ серьезныхъ преградъ своей власти, а едва онъ сталъ царемъ, подъ его ногами уже клокотала революція. По общепринятому взгляду эту революцію подготовили бояре. Но въ этотъ какъ разъ періодъ мы напрасно стали бы искать сплоченной боярской оппозиціи: будь она, дѣло едва ли бы кончилось такой странной, для самого боярства рискованной и крайне непріятной авантюрой, какъ появленіе на московскомъ престолѣ Названаго Димитрія, котораго привели въ Москву украинскіе помѣщики въ союзѣ съ ворами-казаками да польскими искателями приключеній. Присматриваясь къ политикѣ Бориса, мы легко видимъ, что разрывъ его съ командующими слоями начинался много ниже боярства. Если его политика до 1598-го года, политика Годунова-правителя, еще была классовой дворянской,—хотя не столько по тѣсной связи съ этимъ классомъ, сколько потому, что всѣ другіе классы были въ данный моментъ не на его сторонѣ—то политика царя Бориса начинаетъ принимать характеръ совершенно своеобразный, столь же новый и неожиданный, какъ новъ былъ въ области государственнаго права выдвинутый тѣмъ же Борисомъ избирательный принципъ.

За исключеніемъ памфлета, выпущеннаго царемъ Василіемъ, всѣ авторы, какъ сочувствующіе Борису (ихъ очень мало), такъ и сочувствующіе его противникамъ (такихъ большинство), въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ о чрезвычайной, невиданной прежде въ Россіи заботливости этого государя о массѣ населенія. Только что сейчасъ упомянутый нами сторонникъ дома Романовыхъ безъ всякихъ оговорокъ утверждаетъ, что царь Борисъ „о бѣдныхъ и о нищихъ крѣпцѣ промышляше и милость къ таковымъ велика отъ него бысть"—и что онъ „таковыхъ ради строеній всенародныхъ всѣмъ любезенъ бысть". Дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ крѣпко не любилъ „злоковарнаго и прелукаваго властолюбца": но когда рѣчь заходитъ объ этой сторонѣ Борисова правленія, мы находимъ у этого желчнаго чиновника, тщательно собиравшаго самыя пахучія сплетни о шуринѣ царя Ѳедора, почти панегирикъ Годунову, написанный даже не безъ чувства,— какъ будто авторъ обрадовался этому свѣтлому оазису среди того моря грязи, какое онъ самъ собралъ на страницахъ своего „Временника". „Требующимъ даватель неоскуденъ, къ мірови въ мольбахъ о всякой вещи преклонитель кротостенъ... на обидящихъ молящимся, безпомощнымъ и вдовицамъ отмститель скоръ... обидимымъ отъ рукъ сильныхъ изыматель крѣпокъ... на всяко зло, сопротивное добру, искоренитель неумолимъ со властію..." Тимоѳеевъ самъ становится втупикъ: „откуду се ему (Борису) доброе пребысть"? И колеблется между двумя объясненіями: „прикровенной лестью" и... вліяніемъ царя Ѳедора. Для древне-русскаго человѣка, съ подобострастіемъ взиравшаго на юродивыхъ *), послѣднее объясненіе не заключало въ себѣ ничего комическаго, но намъ приходится лишь зарегистрировать его ради его исторической характерности. Что же касается перваго, то почему же Годуновъ льстилъ не тѣмъ, кто силенъ, а тѣмъ, кто слабъ? А наиболѣе объективный изъ всѣхъ, близкихъ по времени къ Борису, историковъ, авторъ статей о Смутѣ въ хронографѣ 1617-го года, имѣетъ на своей палитрѣ для Годунова почти однѣ свѣтлыя краски: „всѣмъ бо неоскудно даяніе простираше... мнози отъ любодаровитыя его длани въ сытость напиташася... цвѣтяся, аки финикъ, листвіемъ добродѣтели". Если мы перейдемъ отъ этихъ общихъ оцѣнокъ къ отдѣльнымъ конкретнымъ пунктамъ годуновской политики, мы найдемъ одинъ, на которомъ сходится цѣлый рядъ писателей, и русскихъ и иностранныхъ: Борисъ жестоко преслѣ-

*) „Благоуродивъ бяшь отъ чрева матери своея"—такъ именно и опредѣлилъ Ѳедора одинъ изъ тогдашнихъ историковъ.

довалъ взятки и взяточничество—„ко мздоиманію зѣло бысть ненавистенъ"—„зѣлныхъ мздопріимству всему въ конецъ умерщвленіе не пощаденно бяше". „Никто изъ судей или чиновниковъ не смѣетъ принимать никакихъ подарковъ отъ просителей", писалъ побывавшій у Годунова на службѣ французскій авантюристъ Маржеретъ: „ибо если обвинятъ судью или собственные слуги или подарившіе (которые доносятъ нерѣдко, обманувшись въ надеждѣ выиграть дѣло), или другіе люди, то уличенный въ лихоимствѣ теряетъ все свое имущество и, возвративъ дары, подвергается правежу, для заплаты въ пеню, по назначенію государя, 500, 1000 или 2000 рублей, смотря по чину. Но виновнаго дьяка, не слишкомъ любимаго государемъ, наказываютъ всенародно кнутомъ, т.-е. сѣкутъ плетью, а не розгами, привязавъ къ шеѣ лихоимца кошелекъ серебра, мягкую рухлядь, жемчугъ, даже соленую рыбу или другую вещь, взятую въ подарокъ; потомъ отправляютъ наказаннаго въ ссылку, съ намѣреніемъ прекратить беззаконіе и на будущее время". „При всемъ томъ взятки не истребляются", меланхолически прибавляетъ Маржеретъ—опять сходясь въ этомъ съ русскимъ авторомъ, сообщающимъ, что хотя Борисъ и очень ревностно старался искоренить такое „неблагоугодное дѣло", какъ злоупотребленія администраціи, „но не возможе отнюдь". Мы не станемъ этому удивляться: практически, всѣ полицейскія государства ломали себѣ шею на неразрѣшимой задачѣ — сочетать „правосудіе" съ полнымъ безправіемъ подданныхъ. Петру Великому везло на этомъ пути не больше, чѣмъ Годунову; но для конца XVI вѣка самый идеалъ благоустроеннаго полицейскаго государства былъ уже шагомъ впередъ.

Мы слишкомъ отрывочно знаемъ соціальную и податную политику Бориса, чтобы составить себѣ сколько-нибудь полное представленіе о его проектахъ въ этой области. Иностранцы приписываютъ ему весьма смѣлый, грандіозный по своему времени замыселъ — регулировать законодательнымъ порядкомъ повинности крестьянъ по отношенію къ землевладѣльцамъ. Есть извѣстія, что онъ стремился перенести центръ тяжести государственныхъ доходовъ на косвенные налоги: осуждая его „злосмрадные прибытки", его противники выдвигаютъ на первый планъ возвышеніе кабацкаго откупа—„и инѣхъ откуповъ чрезъ мѣру много бысть". Это замѣчаніе любопытно, между прочимъ, потому, что вскрываетъ классовыя отношенія при Годуновѣ. Мы знаемъ, что въ московской Руси было два способа сбора косвенныхъ налоговъ, откупомъ и „на вѣру"—и что послѣдній, вопреки распространенному мнѣнію,

былъ выгоднѣй для торговаго капитала. Авторъ, котораго мы сейчасъ цитировали, обнаруживаетъ рѣдкое пониманіе экономическихъ отношеній своего времени и, судя по другому своему произведенію, былъ очень близокъ къ посадскимъ людямъ. Его неодобреніе годуновской фискальной политики вѣситъ очень много: буржуазія и теперь не была на сторонѣ Бориса, и московскій посадъ не „въ ужасѣ безмолствовалъ“, когда пали Годуновы, а просто отнесся къ этому факту съ полнымъ равнодушіемъ. Это была не его династія.

Она не была уже давно и дворянской. По отношенію къ помѣщикамъ Борисъ стоялъ передъ задачей, прямо неразрѣшимой. Съ одной стороны, все продолжавшійся кризисъ требовалъ все большей и большей перекачки серебра изъ казеннаго сундука въ карманы средняго землевладѣльца. Борисъ дѣлалъ на этомъ пути, что могъ: по случаю своего избранія онъ устроилъ уже прямо фиктивный походъ противъ крымскаго хана, и роздалъ за него двойное жалованье. Но этому когда-нибудь долженъ былъ наступить конецъ: государство жило съ того же разбредавшагося крестьянина, котораго не могли привязать къ своимъ землямъ помѣщики. Ограбить городъ въ пользу дворянъ, какъ это случилось позже, въ XVII вѣкѣ, Борисъ не рѣшался: послѣ событій 1587-го года, по крайней мѣрѣ, невраждебный нейтралитетъ буржуазіи казался необходимымъ. Оставалось пожертвовать на время дворянскими интересами и задержать разбродъ, создавъ для крестьянъ сносныя условія существованія въ центрѣ. Дѣятельно колонизуя тѣмъ временемъ окраины, правительство Годунова могло надѣяться черезъ нѣсколько лѣтъ выйти изъ кризиса. Голодъ помѣщиковъ удовлетворялся, пока что, конфискаціями имѣній Борисовыхъ противниковъ—„грабя дома и села бояръ и вельможъ“: въ этомъ случаѣ Борисъ не могъ, да и не хотѣлъ, вѣроятно, сойти съ пути, завѣщаннаго опричниной. Красная нить, которая проходитъ черезъ всю вторую половину XVI вѣка, захватываетъ и царствованіе Годунова — оттого-то, взятое въ самомъ общемъ очеркѣ, съ птичьяго полета, оно и рисуется намъ, какъ рисовалось современникамъ, продолженіемъ царствованія Грознаго. Но индивидуальность Бориса была не въ томъ, что онъ былъ опричникъ. Конфискаціи не были для него универсальнымъ средствомъ развязать запутавшіяся аграрныя отношенія. При данныхъ условіяхъ они были лишь продолженіемъ разгрома старыхъ вотчинъ: но въ одинъ прекрасный день, нечего было бы уже и громить—и катастрофа была бы неотвратима. Оставался вопросъ, насколько можно было ее предотвратить уже

въ это время? Не опоздалъ ли Борисъ со своей политикою подъема крестьянскаго хозяйства? Отвѣтить на это могла лишь исторія. Она отвѣтила не въ пользу Годунова. Голодъ 1602—1604 годовъ,—сложный результатъ дворянскихъ спекуляцій съ хлѣбомъ, запустѣнія ближайшихъ къ столицѣ областей и случайныхъ атмосферическихъ причинъ, дождей, отъ которыхъ хлѣбъ погибалъ,—поставилъ аграрный вопросъ ребромъ. Для помѣщиковъ непосредственно онъ былъ страшно выгоденъ: параллельно съ огромнымъ подъемомъ хлѣбныхъ цѣнъ *), чрезвычайно пали въ цѣнѣ рабочія руки; люди шли въ рабство даромъ, за одинъ хлѣбъ; этихъ дешевыхъ рабовъ ихъ господа не удостоивали даже кормить круглый годъ: продержавъ ихъ, пока кончатся полевыя работы, ихъ прогоняли на всѣ четыре стороны потомъ, въ полной увѣренности, что весной нетрудно будетъ найти рабочихъ еще дешевле. Отношенія между бариномъ и крестьяниномъ напоминали уже классическую пору крѣпостного права—XVIII вѣкъ—до крѣпостныхъ гаремовъ включительно. Въ дальнѣйшемъ голодъ долженъ былъ обострить, и дѣйствительно обострилъ, кризисъ, создавъ огромную „резервную армію“ бродячаго люда, готовый матеріалъ для анти-дворянскаго движенія, и разогнавъ, куда глаза глядятъ, послѣднихъ „старожильцевъ“. Но о завтрашнемъ днѣ никто не думалъ. Рѣшилось подумать о немъ годуновское правительство, организовавъ продовольственную помощь голодающимъ. Предпріятіе оказалось выше техническихъ средствъ тогдашней администраціи; отпускавшейся правительствомъ суммы хватало ровно на одну треть того, что, въ среднемъ, было нужно человѣку при установившихся хлѣбныхъ цѣнахъ. Кромѣ того, помощь голодающимъ была сосредоточена въ городахъ—туда скоплялась масса нуждающагося люда, цѣны тамъ вздувались еще больше, и голодъ еще болѣе обострялся. Народной нуждѣ Борисъ не помогъ—но симпатіи помѣщиковъ утратилъ окончательно. Достаточно было любого ничтожнаго повода, чтобы соціальное одиночество годуновскаго правительства изъ возможности стало для всѣхъ очевиднымъ фактомъ. Поводъ скоро нашелся, и далеко не ничтожный: долго жданный Димитрій явился, наконецъ, изъ Польши.

---

*) Если вѣрить хронографу, съ 10—15 коп. за бочку (4 четверти) до 3 рублей за четверть, т.-е. въ 80 разъ.

3. Дворянское возстаніе.

Вопросъ о томъ, кто былъ первый Лжедимитрій, когда-то занималъ не маловажное мѣсто въ русской исторической наукѣ. Что эта послѣдняя имъ уже не интересуется, служитъ однимъ изъ явныхъ доказательствъ ея большей зрѣлости. „Для нашей цѣли нѣтъ ни малѣйшей необходимости останавливаться на вопросѣ о личности перваго самозванца", пишетъ одинъ изъ послѣднихъ, по времени, историковъ Смуты. „За кого бы ни считали мы его—за настоящаго ли царевича, за Григорія Отрепьева, или же за какое-либо третье лицо,—нашъ взглядъ на характеръ народнаго движенія, поднятаго въ его пользу, не можетъ измѣниться: это движеніе вполнѣ ясно само по себѣ" *). Прибавимъ только, что и этотъ авторъ продолжаетъ называть Димитрія „самозванцемъ", хотя еще Соловьевъ вполнѣ убѣдительно доказалъ, что во всякомъ случаѣ онъ не самъ назвалъ себя царевичемъ, а другіе создали для него эту роль, другіе назвали его Димитріемъ,—а онъ этому повѣрилъ, точно такъ же, какъ увѣровала въ это впослѣдствіи и народная масса. Поэтому, пущенный въ оборотъ Костомаровымъ терминъ „Названый Димитрій" гораздо лучше передаетъ сущность дѣла, такъ что его мы и будемъ держаться. Съ этою оговоркой, мнѣніе новѣйшаго историка Смуты приходится принять, какъ окончательное, и вопросъ: „кто былъ Димитрій?" замѣнить вопросомъ: „кто выдвинулъ Димитрія?"

Древнѣйшую версію отвѣта на этотъ вопросъ мы имѣемъ въ томъ же самомъ памфлетѣ Шуйскаго, гдѣ Годуновъ, впервые въ русской письменности, является убійцей настоящаго сына Ивана Грознаго. Уже одно это совпаденіе достаточно опредѣляетъ цѣну этой версіи,—что не помѣшало ей стать господствующей въ нашей исторической литературѣ и проникнуть во всѣ учебники. Для бóльшаго правдоподобія разсказъ этотъ облеченъ въ форму показанія „достовѣрнаго свидѣтеля", въ форму „извѣта" нѣкоего старца Варлаама, будто бы бѣжавшаго за рубежъ вмѣстѣ съ „Гришкой Отрепьевымъ" и долгое время сопровождавшаго его въ его странствованіяхъ. Старецъ Варлаамъ былъ, дѣйствительно, лицомъ, по-своему освѣдомленнымъ: въ концѣ „извѣта" онъ очень прозрачно проговаривается относительно своей роли. Это былъ, несомнѣнно, одинъ изъ годуновскихъ шпіоновъ, присланныхъ слѣдить

*) Платоновъ, цит. соч., стр. 251.

за Димитріемъ, какъ только слухи о немъ проникли въ Москву. За свое усердіе въ этомъ направленіи онъ попалъ въ польскую тюрьму, но раньше успѣлъ собрать довольно много свѣдѣній о польскихъ отношеніяхъ будущаго претендента, что придаетъ его разсказу фактичность и обстоятельность—онѣ-то, очевидно, и подкупили позднѣйшихъ историковъ. Редакторъ памфлета, обрабатывая эти „агентурныя свѣдѣнія“ со своей точки зрѣнія, не все вычистилъ оттуда, что было можно: сохранилъ, напримѣръ, указанія на „прикосновенность къ дѣлу“ бояръ Шуйскихъ, что было важно и полезно для годуновскаго правительства, командировавшаго старца Варлаама на развѣдки, но для самихъ Шуйскихъ было, конечно, лишнее. Несмотря на нѣкоторую небрежность отдѣлки—небрежность вполнѣ понятную, такъ какъ памфлетъ былъ разсчитанъ на общее впечатлѣніе и на широкую публику, которая въ этихъ мелочахъ не стала бы копаться—памфлетистъ Шуйскихъ сумѣлъ дать „извѣту“ тенденцію, вполнѣ гармонирующую съ общимъ тономъ того произведенія, куда онъ былъ вставленъ. Димитрій является здѣсь, дѣйствительно, „самозванцемъ“: мысль объявить себя царевичемъ—его личная мысль, продуктъ его личной нравственной извращенности и „прелютой ереси“, въ которую онъ впалъ. А его главной опорой и первыми руководителями оказываются польскіе паны, цѣль которыхъ ясна: разорить московское государство и ввести въ немъ „езовицкую вѣру“. „Извѣтъ старца Варлаама“ увеличивалъ, такимъ образомъ, собою списокъ документовъ, имѣвшихъ оправдать государственный переворотъ 17-го мая 1606 года. Первоначальный текстъ донесенія годуновскаго лазутчика давалъ, повторяемъ, иную картину: изъ него видны были давнія московскія связи Димитрія, видно было то, совершенно исключительное положеніе, какое занималъ этотъ мальчикъ-монахъ (Димитрій былъ постриженъ 14 лѣтъ) при дворѣ московскаго патріарха, возившаго его съ собою даже въ государеву думу. Но и реставрировавъ подлинный „извѣтъ“, устранивъ тенденцію, внесенную въ него памфлетистомъ—что и не такъ легко, ибо мы не знаемъ, какія именно купюры были имъ сдѣланы—мы все же не получимъ, конечно, точнаго и правдиваго разсказа о первыхъ шагахъ будущаго московскаго царя. Съ этой точки зрѣнія, становится очень любопытна другая русская версія, много болѣе поздняя, тоже далеко не свободная отъ оффиціальнаго освѣщенія дѣла—но передающая дѣло такъ, какъ оно разсказывалось въ широкихъ кру-

гахъ московскаго общества: что не гарантируетъ, конечно, точности въ подробностяхъ, но зато устраняетъ одну, опредѣленную тенденцію. Старецъ Варлаамъ въ этой версіи совершенно отсутствуетъ, отсутствуютъ и приключенія, якобы сопровождавшія совмѣстное путешествіе Варлаама и „царевича“ изъ Россіи, нѣтъ и „польской интриги“. Все изображается гораздо проще и правдоподобнѣе. Димитрій обращается къ той средѣ, которая скорѣе всего могла заинтересоваться его судьбою—къ русскому населенію, жившему подъ литовскимъ подданствомъ, среди котораго въ тѣ дни не мало было и прямыхъ московскихъ эмигрантовъ. Донесеніе Варлаама, по совершенно другому поводу, называетъ цѣлый рядъ именъ этихъ послѣднихъ—соединяя ихъ, страннымъ и неожиданнымъ образомъ, съ „мужиками посадскими кіевлянами“. Этотъ, случайно невыкинутый памфлетистомъ Шуйскихъ осколокъ первоначальнаго извѣта, находитъ себѣ полное объясненіе въ позднѣйшей версіи: среди населенія „матери городовъ русскихъ“, и туземнаго, и пришлаго, изъ московскихъ предѣловъ, дѣло царевича Димитрія Ивановича нашло себѣ первыхъ прозелитовъ. Скоро Кіевъ становится центромъ, куда стекается вся нелегальная Русь: около Димитрія появляются агенты изъ Запорожья, депутація отъ донскихъ казаковъ—и лишь когда онъ стоитъ уже во главѣ нѣкоторой партіи, имъ начинаетъ интересоваться польское правительство. Послѣднее не было настолько наивно, чтобы пойти на удочку громкаго имени: лишь когда за носителемъ этого имени оно почувствовало дѣйствительную силу, сила эта вошла въ разсчеты польской дипломатіи. Въ свою очередь, образованіе партіи Димитрія на русско-литовскомъ рубежѣ не могло быть дѣломъ случайности: у насъ есть и прямыя указанія, что агитація въ его пользу велась здѣсь давно—что уже въ 1601 году здѣсь слышали о „царевичѣ“. Копаясь въ московскомъ прошломъ Димитрія, насколько оно доступно нашимъ раскопкамъ, изслѣдователи неизмѣнно натыкаются, какъ на исходный пунктъ всяческой агитаціи, на семью Романовыхъ—вторую московскую семью послѣ Годуновыхъ, связанную съ послѣдними нѣкоторою „клятвою завѣщательнаго союза“—но въ концѣ-концовъ разгромленную царемъ Борисомъ. Исторію обвиненія и ссылки Романовыхъ теперь никто уже не разсматриваетъ, какъ простую клевету—что въ основѣ дѣла лежалъ серьезный заговоръ, въ этомъ, повидимому, не можетъ быть сомнѣнія. И заговоръ этотъ нѣкоторые новѣйшіе историки склонны связывать именно съ

появленіемъ царевича Димитрія. Повидимому, годуновской полиціи не удалось—или она не позаботилась—захватить всѣхъ участниковъ дѣла: нѣкоторые, считавшіеся, быть можетъ, неважными и второстепенными, остались на свободѣ. Борисъ Ѳедоровичъ удовольствовался карой самыхъ вліятельныхъ и популярныхъ изъ числа заговорщиковъ, разсчитывая, какъ это часто дѣлаетъ администрація въ подобныхъ случаяхъ, терроризировать этимъ остальныхъ. И, какъ это почти всегда бываетъ, разсчетъ оказался неудачнымъ. Революціонныхъ элементовъ было такъ много и они росли такъ быстро, что уцѣлѣвшимъ обломкамъ заговора оказалось не трудно быстро слиться въ новую организацію, захватить которую Годунову уже не удалось. Изъ подполья дѣло вышло на открытую сцену — и полицейскія мѣры борьбы пришлось замѣнить военными. Но здѣсь всѣ шансы оказались на сторонѣ революціи.

Движеніе противъ Годунова съ самаго начала пріобрѣло характеръ военнаго возстанія—оцѣнивая его успѣхи, это не нужно ни на минуту упускать изъ виду. Уже не разъ цитированный нами романовскій памфлетистъ, гораздо болѣе умный и проницательный, чѣмъ „наемное перо“ Шуйскихъ, даетъ очень наглядное и толковое изображеніе тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые прежде всего другого долженъ былъ встрѣтить на своемъ пути Названый Димитрій, двигаясь отъ Кіева на Москву. „Сѣверская“ (нынѣ Черниговская губернія) и „польская“ (пристепная) украины были военной границей Московскаго государства: здѣсь не рѣдкость было видѣть, какъ, пока одна половина населенія жала или косила, другая стояла подъ ружьемъ, сторожа́ первую отъ внезапнаго набѣга крымцевъ, явленія, почти столь же обычнаго въ этихъ краяхъ, какъ хорошая гроза лѣтомъ или хорошая метель зимой. Помѣщики изъ центральной Россіи смотрѣли на свое назначеніе въ эти края, какъ на ссылку, и шли сюда съ крайней неохотой. Чтобы колонизировать эти мѣста, правительству приходилось прибѣгать къ услугамъ настоящихъ ссыльныхъ—и уже при Иванѣ Васильевичѣ вошло въ обычай замѣнять ссылкой въ сѣверскую или польскую украину тяжкія уголовныя наказанія, даже смертную казнь. На новыхъ мѣстахъ всякаго вновь появившагося человѣка стремились утилизировать, прежде всего, какъ боевой элементъ: присланный изъ Москвы арестантъ тотчасъ „прибирался“ въ государеву службу, получалъ пищаль или коня и становился стрѣльцомъ или казакомъ. При Годуновѣ къ уголовному

элементу ссылки прибавился политическій: на украйну стали направлять „неблагонадежныхъ“ людей, недостаточно опасныхъ, въ глазахъ правительства, чтобы ихъ казнить, и недостаточно знатныхъ, чтобы удостоиться заточенія въ монастырь. Этотъ политическій контингентъ росъ съ чрезвычайной быстротой—разгромы боярскихъ семей, сначала Мстиславскихъ и Шуйскихъ, потомъ Романовыхъ, Бѣльскаго и другихъ, волна за волной посылали на украйну новыхъ невольныхъ колонистовъ. Всѣ, кто былъ такъ или иначе связанъ съ опальными фамиліями, вся ихъ „кліентела“, попадали въ разрядъ „неблагонадежныхъ“, а въ первую голову ихъ „дворы“ ,ихъ вотчинныя дружины ,люди „на коняхъ играющіе“, т.-е. военные по профессіи. Упомянутый нами авторъ опредѣляетъ число такихъ ссыльныхъ,—конечно, совершенно „на глазъ“, не претендуя на статистическую точность, въ—двадцать тысячъ душъ. Во всякомъ случаѣ, изъ нихъ однихъ можно было составить цѣлую армію, тѣмъ болѣе, что вооруженными они оставались, конечно, и на новыхъ мѣстахъ. Тѣ, кто былъ прямо поверстанъ въ государеву службу, представляли самую ненадежную часть Борисовыхъ подданныхъ: кто въ службу не попалъ, примыкали къ той, колыхавшейся на обѣ стороны рубежа, массѣ, которая служила московскому правительству, пока находила это для себя выгоднымъ, и моментально превращалась въ „иностранцевъ“, какъ только эта выгода исчезала. Терминъ „казачество“ прилагается историками, обыкновенно, именно къ этой массѣ, которая отнюдь не была вовсе аморфной и совершенно неорганизованной: именно военная организація у нея была, и ея выборные „атаманы“ умѣли держать въ своихъ станицахъ дисциплину не хуже московскихъ воеводъ и головъ. Это опять была готовая военная сила, нисколько не худшая, чѣмъ насильно навербованные гарнизоны украинскихъ крѣпостей. Провести раздѣльную черту между тѣми и другими въ этихъ краяхъ было бы, впрочемъ, неразрѣшимой задачей—вчерашній „вольный“ казакъ сегодня становился казакомъ государевой службы, а завтра опять былъ „вольнымъ“. Такъ же трудно было бы отдѣлить и въ соціальномъ отношеніи этотъ мелкій служилый людъ, нерѣдко верставшійся небольшими помѣстьями, отъ настоящихъ помѣщиковъ, „дѣтей боярскихъ“, въ этихъ краяхъ сплошь мелкопомѣстныхъ. Въ казачествѣ были, конечно, и совсѣмъ демократическіе элементы, бѣглые „люди боярскіе, крѣпостные и старинные“, но не слѣдуетъ преувеличивать ихъ вліянія, какъ иногда дѣлается. Идеологію ка-

зацкой массы вырабатывали не они. Когда эта масса стала политической силой, она выступила не съ лозунгомъ свободы для крѣпостныхъ, а съ требованіемъ помѣстій и вотчинъ, гдѣ, конечно, работали бы тѣ же крѣпостные. Казакъ, какъ правило—мелкій помѣщикъ въ зародышѣ, а мелкій помѣщикъ ни о чемъ, конечно, такъ не мечталъ, какъ о томъ, чтобы стать крупнымъ. Оттого казачество и служилая масса, „убогіе воинники" Пересвѣтова, такъ хорошо понимали другъ друга, и въ политическихъ выступленіяхъ Смуты мы такъ часто встрѣчаемъ ихъ вмѣстѣ. И первый, и второй Димитріи были одинаково и казацкими, и дворянскими царями. И только, когда окончательно выяснилось, что на всѣхъ „помѣстій и вотчинъ" не хватитъ, и что новые, пришедшіе съ „царевичами", служилые люди могутъ стать землевладѣльцами лишь насчетъ старыхъ, только тогда „дворяне и дѣти боярскія" стали давать „казакамъ" рѣшительный отпоръ. Когда же конкурренты опять были оттѣснены на украину, вновь было возстановлено то неустойчивое равновѣсіе, съ котораго начала Смута—и которое, по мѣрѣ укрѣпленія дворянской Россіи, становилось все болѣе и болѣе надежнымъ.

Появленіе казацкихъ ополченій подъ знаменами Димитрія было, такимъ образомъ, началомъ дворянскаго возстанія,—и недаромъ съ первой же минуты претендентъ выступилъ съ обѣщаніями „воинскому чину дать помѣстья и вотчины, и богатствомъ наполнить". Упадокъ популярности Бориса именно среди дворянства, очевидно, не былъ тайной для русской эмиграціи въ Литвѣ—напротивъ, какъ разъ на это она и спекулировала, возстановляя разрушенный романовскій заговоръ. Будь Борисъ Ѳедоровичъ въ такихъ же отношеніяхъ къ помѣщикамъ, какъ въ годъ своего воцаренія, поднимать противъ него мятежъ было бы смѣшнымъ безуміемъ. Но теперь годуновская армія шла на инсургентовъ изъ-подъ палки, и готова была воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы уклониться отъ боя. Если походъ Названаго царевича не былъ сплошнымъ тріумфальнымъ шествіемъ, то это объясняется, съ одной стороны, ошибками непосредственныхъ руководителей дѣла, съ другой—тѣмъ, что военныя силы Бориса не исчерпывались его вассалитетомъ. Московскіе эмигранты не были свободны отъ увлеченія западомъ—католическія симпатіи самого Димитрія составляютъ одну изъ сторонъ этого явленія; они слишкомъ низко цѣнили военныя качества той силы, которая сама шла къ нимъ въ руки, порубежныхъ служилыхъ людей и казачества,—и слишкомъ

многаго ждали отъ нанятыхъ ими польскихъ отрядовъ. На дѣлѣ послѣдніе не сыграли существенной роли, тогда какъ первые спасли все дѣло: сдача безъ боя, въ теченіе первыхъ же недѣль похода, цѣлаго ряда украинскихъ крѣпостей,— Чернигова, Путивля, Рыльска, Сѣвска, Курска, Бѣлгорода, Царева-Борисова, дала „царевичу" въ руки массу опорныхъ пунктовъ, откуда Борисовы воеводы не могли его выбить даже въ самые черные для Димитрія дни войны, а блестящая защита Кромъ донскимъ атаманомъ Корелой, въ сущности, рѣшила походъ; московское войско здѣсь окончательно убѣдилось, что Годунову съ „самозванцемъ" не справиться, а отсюда былъ одинъ шагъ до вывода, что служить Названому Димитрію выгоднѣе, чѣмъ царю Борису. Присматриваясь, далѣе, къ военнымъ дѣйствіямъ, начавшимся осенью 1604 г., мы видимъ, что всякій разъ, когда Димитрій встрѣчаетъ серьезное сопротивленіе (такъ было подъ Новгородомъ-Сѣверскомъ, напримѣръ), на сценѣ не помѣстная армія, а зачатки регулярной военной силы: московскіе стрѣльцы (по-теперешнему гвардейская пѣхота), да иноземные наемники. Это быстро оцѣнилъ и самъ Димитрій, поспѣшившій взять Борисовыхъ ландскнехтовъ себѣ на службу и всячески стремившійся заслужить симпатіи стрѣлецкаго войска, въ чемъ онъ отчасти и успѣлъ. Если бы не эти, новые для московскаго войска, элементы, агонія Борисова царствованія была бы еще кратковременнѣе. Но и такъ это была уже только агонія. Съ перваго момента открытаго появленія „царевича" годуновское правительство растерялось и не знало, что ему дѣлать. Его военныя мѣропріятія были крайне нерѣшительны и безтолковы: оно сосредоточивало войска не тамъ, гдѣ нужно, посылало войска меньше, чѣмъ было нужно, и ставило во главѣ его явно ненадежныхъ, съ годуновской точки зрѣнія, предводителей—Мстиславскихъ да Шуйскихъ съ Голицыными. Въ то же время оно усиленно старалось доказать всѣмъ—и прежде другихъ, кажется, самому себѣ—, что „царевичъ Димитрій Іоанновичъ" не кто другой, какъ Гришка Отрепьевъ: какъ будто достаточно было назвать настоящее имя вождя анти-годуновской революціи, чтобы покончить съ этой послѣдней. Эта растерянность верховъ очень хорошо чувствовалась низами, и уже до смерти Бориса правительственная армія начала разбредаться. Къ моменту этой смерти (13 апрѣля 1605 года) въ ней остались, рядомъ съ немногочисленными регулярными отрядами, почти только самые ненадежные полки: мѣстные сѣверскіе служилые люди, еще не успѣвшіе передаться претенденту.

Въ такой обстановкѣ нетрудно было сложиться новому заговору. Соціальный составъ его памятники указываютъ настолько опредѣленно, что споровъ здѣсь быть не можетъ: на Годунова встали средніе помѣщики, его главная опора въ дни борьбы за власть съ его соперниками. Казацкое движеніе передалось теперь верхнимъ слоямъ „воинниковъ". Лѣтопись называетъ даже опредѣленно имена тѣхъ, кто былъ „въ совѣтѣ" на царя Бориса и его сына. То были дѣти боярскія Рязани, Тулы, Каширы и Алексина, а среди нихъ на первомъ мѣстѣ „Прокопій Ляпуновъ съ братьею и со совѣтники своими". Другіе источники называютъ рядомъ съ „заоцкими городами" и „дѣтей боярскихъ новгородскихъ"; но рѣшающимъ было, конечно, присоединеніе къ заговору помѣстнаго землевладѣнія географически ближайшихъ къ театру войны областей. Теперь полъ-московскаго царства фактически было въ рукахъ Димитрія. Если бы другая половина такъ же рѣшительно встала за царствовавшую династію, получилась бы междоусобная война въ грандіозномъ масштабѣ. Что объективно это было возможно, показало царствованіе Шуйскаго. Но другая, не помѣщичья, половина Московскаго государства—это были города съ экономически и соціально тѣсно тянувшимъ къ буржуазіи, черносошнымъ—не крѣпостнымъ—крестьянствомъ, а буржуазія совсѣмъ не расположена была жертвовать собой для Годуновыхъ. Отношенія къ нимъ Бориса навсегда остались „худымъ миромъ", который былъ лучше, конечно, „доброй ссоры", какая была въ 1587 году, но отъ котораго очень далеко было до преданности. Недаромъ „царевичъ" считалъ посадскихъ на своей сторонѣ, объясняя въ своихъ грамотахъ, что гостямъ и торговымъ людямъ, при Борисѣ, въ торговлѣ и въ пошлинахъ вольности не было—и что треть животовъ ихъ, „а мало и не всѣ", иманы были годуновскимъ правительствомъ. Въ этомъ отношеніи обѣ политики Бориса—„дворянская" первыхъ лѣтъ и „демократическая" послѣднихъ—одна другой стоили: на что бы ни шла царская казна, на подачки помѣщикамъ или на „кормленіе голодающихъ", наполнять ее одинаково приходилось за счетъ торговаго капитала. На спасеніе такого режима посадскіе не дали ни полушки денегъ и ни одного ратника. Столкновеніе дворянскихъ заговорщиковъ, съ Ляпуновымъ во главѣ, и оставшихся вѣрными Борису отрядовъ стоявшей подъ Кромами арміи было послѣднимъ актомъ кампаніи 1605 года. Соотношеніе силъ было таково, и такъ велика была растерянность оставшейся у правительства рати, что рязанскія дѣти боярскія въ

союзѣ съ казаками разогнали ее, почти не прибѣгая къ оружію. Названый Димитрій, продолжавшій еще „отсиживаться“ въ Путивлѣ, совершенно неожиданно для себя получилъ (въ началѣ мая 1605 года) извѣстіе, что ему не съ кѣмъ больше воевать. Номинально командовавшіе исчезнувшими теперь войсками и управлявшіе страной бояре не имѣли другого выхода, какъ признать претендента. Ихъ политическая роль въ эту минуту была столь же жалкая, какъ и въ расцвѣтъ опричнины: возставшее дворянство было фактическимъ хозяиномъ государства, и бояре, уже не какъ классъ, а просто какъ толпа классическихъ „придворныхъ“, могли использовать минуту лишь для того, чтобы выместить на семьѣ Бориса то, что они вытерпѣли въ свое время отъ „рабоцаря“, худородныхъ возводившаго на благородныхъ. Месть была такъ сладка, что одинъ изъ самыхъ благородныхъ, кн. В. В. Голицынъ, не отказался отъ функціи палача: на его глазахъ и подъ его руководствомъ были удавлены вдова и сынъ Годунова. Но на долю боярства и тутъ выпала чисто исполнительная роль: организаторами сверженія Годуновыхъ были агенты „царевича“, пріѣхавшіе изъ арміи, а совершиться оно могло, только благодаря дружественному нейтралитету московскаго посада,—который не только пальцемъ не шевельнулъ на защиту „законнаго правительства“, но и принялъ живое участіе въ грабежѣ годуновскихъ „животовъ“, вспоминая, какъ покойный царь отобралъ „треть животовъ“ у посадскихъ.

Сходство порядковъ, водворившихся на Москвѣ лѣтомъ 1605 года, съ опричниной Грознаго не ограничивалось угнетеннымъ положеніемъ боярства—оно шло дальше. Какъ и ихъ отцы, ровно сорокъ лѣтъ назадъ, приведшіе въ Москву Димитрія помѣщики широко использовали свою побѣду: такой оргіи земельныхъ раздачъ и денежныхъ наградъ Москва давно не видала, даже, пожалуй, и въ тѣ дни, когда Годуновъ особенно ухаживалъ за дворянствомъ. По словамъ секретаря Димитрія, Бучинскаго, за первые шесть мѣсяцевъ своего недолгаго царствованія, названый сынъ Грознаго раздалъ семь съ половиною милліоновъ тогдашнихъ рублей, по меньшей мѣрѣ 100 милліоновъ рублей теперешнихъ. Часть этихъ денегъ пошла въ карманы казаковъ и польскихъ жолнеровъ,—но далеко большая часть разошлась въ видѣ жалованья русскимъ служилымъ людямъ, всѣ денежные оклады которыхъ сплошь были увеличены ровно вдвое: „кто имѣлъ 10 рублевъ жалованья, тому велѣлъ дати 20 рублевъ, а кто тысячу, тому двѣ дано“. Роздали, повидимому, все, что можно

было раздать: русскіе лѣтописцы твердо запомнили, что „при сего царствіи мерзостного Разстриги отъ многихъ лѣтъ собранныя многочисленныя царскія сокровища московскаго государства истощились“. Цитируемый авторъ приписываетъ это, главнымъ образомъ, жадности польскихъ и литовскихъ ратныхъ людей; но другой современный историкъ не скрылъ, что щедроты „Разстриги“ изливались не только на иностранцевъ. Димитрій, „хотя всю землю прельстити и будто тѣмъ всѣмъ людямъ милость показати и любимъ быти, велѣлъ всѣ городы верстати помѣстными оклады и денежными оклады“. Объ этихъ верстаньяхъ, экстренныхъ земельныхъ раздачахъ въ параллель къ удвоенному жалованью, въ 1605—6 гг., сохранилась такая масса документальныхъ свидѣтельствъ, что мы знали бы о нихъ даже и безъ лѣтописцевъ; и у послѣднихъ больше характерно это отождествленіе „всѣхъ городовъ“, т.-е. дѣтей боярскихъ, помѣщиковъ, всѣхъ городовъ, со „всею землею“: какъ во дни опричнины, помѣщики опять были „всей землей“, потому что всѣ земли были въ ихъ рукахъ. Огромныя имѣнія Годуновыхъ на первыхъ порахъ могли удовлетворить земельную жажду новыхъ хозяевъ: но въ перспективѣ виднѣлись мѣры и болѣе общаго характера; начали уже конфисковывать участки церковной земли,—обращаясь въ то же время къ монастырскимъ капиталамъ за пополненіемъ быстро пустѣвшихъ казенныхъ сундуковъ. Когда мы слышимъ о „ересяхъ“ Названаго Димитрія, это обстоятельство непремѣнно надо принимать во вниманіе. И боярскія конфискаціи грозили не ограничиться одними родственниками низвергнутой династіи—паденіе Василія Ивановича Шуйскаго, въ первые же дни новаго царствованія осужденнаго и сосланнаго не то за дѣйствительный заговоръ, не то просто за злостныя сплетни насчетъ новаго царя, предвѣщало и съ этой стороны большое сходство съ опричниной. Димитрій Ивановичъ рѣшительно напоминалъ своего названаго отца—и если боярскаго заговора еще не было въ первыя недѣли царствованія, когда былъ сосланъ за него Шуйскій, онъ долженъ былъ сложиться подъ вліяніемъ простого инстинкта самосохраненія очень скоро. Тѣмъ болѣе, что положеніе боярства теперь было менѣе безвыходно, чѣмъ сорокъ лѣтъ назадъ. Тогда управы на Грознаго можно было искать только въ Литвѣ, съ большой порухой своему православію—теперь православная церковь изъявляла полную готовность идти рядомъ съ боярами противъ „олатынившагося“ царя; а главное—служилые имѣли тогда на своей сторонѣ московскій посадъ, и

боярамъ, взятымъ и съ фронта, и съ тылу, податься было некуда. Теперь посадскіе очень скоро убѣдились, что отъ Димитрія имъ не приходится ждать больше добра, чѣмъ отъ Годунова—и броженіе въ московскомъ посадѣ становилось день ото дня замѣтнѣе. Кое-какіе намеки, разбросанные въ лѣтописяхъ и документахъ, даютъ намъ нѣкоторую возможность прослѣдить, какъ распространялось это броженіе по различнымъ слоямъ московской буржуазіи. Мелкіе торговцы, лавочники и ремесленники не были въ числѣ недовольныхъ Димитріемъ. Серебро, попавшее въ дворянскіе и казацкіе карманы, быстро превращалось въ потребительныя цѣнности, и въ московскихъ рядахъ торговля шла на славу. Оттого, къ великому огорченію благочестивыхъ писателей, въ родѣ знакомаго намъ романовскаго памфлетиста, здѣсь очень мало вниманія обращали на „ереси“ „самозванца“. Волненіе почувствовали здѣсь лишь тогда, когда необыкновенный наплывъ поляковъ по случаю царской свадьбы (ихъ, считая дворню, вооруженную и безоружную, набралось до 6000), въ связи съ пускавшимися заговорщиками нелѣпыми слухами, разбудилъ прямо шкурный страхъ: тогда въ рядахъ перестали продавать пріѣзжимъ порохъ и свинецъ. Гораздо раньше должно было проснуться безпокойство крупнаго капитала. Названаго царя привели въ Москву, между прочимъ, наиболѣе демократическіе элементы „воинниковъ“—самые мелкіе помѣщики русскаго юга, и даже только кандидаты въ помѣщики, въ лицѣ казаковъ. Служилая мелкота еще при Грозномъ была въ тискахъ денежнаго капитала, и уже царскому судебнику приходилось ограничивать право служилыхъ людей продаваться въ холопы: это могли дѣлать только тѣ, „кого государь отъ службы уволитъ“. Кабаленіе служилыхъ продолжалось и при Годуновѣ: въ это время очень многіе богатые люди, начиная съ самого царя, „многихъ человѣки въ неволю себѣ введше служити“, и въ числѣ этихъ невольниковъ бывали и „избранные меченосцы, крѣпкіе со оружіемъ во бранѣхъ“,—притомъ владѣвшіе „селами и виноградами“. Распространеніе кабальнаго холопства было, такимъ образомъ, фактомъ вовсе не безразличнымъ для служилой массы—и для низшихъ ея рядовъ фактомъ отнюдь не желательнымъ. Приговоръ боярской думы Димитрія (отъ 7 января 1606 года), сильно стѣснявшій закабаленіе, дѣлая его чисто личнымъ—тогда какъ раньше кабалы часто писались на имя цѣлой семьи, отца съ сыномъ, напримѣръ, или дяди съ племянникомъ—не выходилъ, стало быть, за рамки дворянской политики но-

ваго царя, напоминая только, что за послѣднимъ стояли не одни богатые помѣщики, въ родѣ Ляпуновыхъ, но и служилая мелкота. Недаромъ самые мелкіе изъ мелкихъ, казаки, съ сіяющими лицами расхаживали теперь по Москвѣ, гдѣ въ свое время не одинъ изъ нихъ извѣдалъ холопство, восхваляя дѣла своего „солнышка праведнаго", царя Димитрія Ивановича. Но тѣмъ, кто промышлялъ отдачей денегъ взаймы, такое направленіе правительственной политики не могло нравиться, и близкій къ крупно-буржуазнымъ кругамъ романовскій памфлетистъ строго осуждаетъ какъ „враговъ-казаковъ", такъ и легкомысленныхъ москвичей, которые ихъ слушали.

Это, такъ сказать, уже не классовое, а слоевое направленіе новой политики, явно интересовавшейся низами служилой массы иногда, быть можетъ, и не безъ ущерба ея верхамъ, не прошло даромъ для Димитрія: если направленный противъ него переворотъ не встрѣтилъ почти отпора въ самой Москвѣ, то тутъ не безразличенъ былъ тотъ фактъ, что подстоличное дворянство всего менѣе было взыскано царскими милостями. Названый сынъ Грознаго былъ царемъ не только дворянскимъ—но, еще ближе и тѣснѣе, царемъ опредѣленной дворянской группы, дѣтей боярскихъ городовъ украинныхъ и заоцкихъ. Другой боярскій приговоръ, 1 февраля 1606 г., даетъ возможность къ соціальному оттѣнку прибавить этотъ географическій. Приговоръ лишилъ права помѣщиковъ, отъ которыхъ въ голодные годы разбрелись крестьяне, искать ихъ и требовать обратно: „не умѣлъ онъ крестьянина своего кормитъ въ голодныя лѣта, а нынѣ его не пытай". Но московская эмиграція шла съ сѣвера на югъ и отъ центра къ окраинамъ: на счетъ запустѣлыхъ подмосковныхъ ширились, какъ грибы, возникавшія каждый годъ на черноземѣ, имѣнія южныхъ, пристепныхъ помѣщиковъ, бѣдныя рабочими руками. Недаромъ именно на югѣ такъ популярно было имя Димитрія—популярно долго послѣ того, какъ его носитель былъ убитъ и сожженъ, и прахъ его разсѣянъ по вѣтру.

Низвергнуть Димитрія вооруженной рукой казалось дѣломъ гораздо болѣе труднымъ, чѣмъ одолѣть брошенныхъ своею арміей Годуновыхъ. Названый былъ настоящимъ царемъ военныхъ людей, и военная свита не покидала его ни на минуту. По городу онъ всегда „со многимъ воинствомъ ѣздилъ, спереди и сзади его шли въ броняхъ съ протазанами и алебардами, и инымъ многимъ оружіемъ",—такъ что „страшно" было „всѣмъ видѣти множество оружій блещащихся".

Бояре же и вельможи во время этихъ выѣздовъ царя находились далеко отъ него, на второмъ планѣ. И любили Димитрія военные люди: когда заговоръ проникъ въ Стрѣлецкую слободу, стрѣльцы своими руками перебили измѣнниковъ; и въ день катастрофы они кинули царя послѣдніе. Но и тутъ была своя обратная сторона. Военный человѣкъ по натурѣ, Димитрій не могъ усидѣть на мѣстѣ. Интересы южныхъ помѣщиковъ, хронически терпѣвшихъ отъ крымцевъ, тоже толкали къ походу—и именно на югъ; напуганные въ прошломъ крымскими набѣгами москвичи не безъ страха и не безъ укора царю разсказывали, какъ Димитрій „дразнитъ" крымскаго хана, отправивъ ему будто бы шубу изъ свиныхъ кожъ. Въ центрѣ и на сѣверѣ къ далекому степному походу относились не такъ, какъ на югѣ. Между тѣмъ, этотъ послѣдній день ото дня становился неизбѣжнѣе: Димитрій дѣятельно мобилизировалъ свою армію, устроилъ огромные магазины въ Ельцѣ, увелъ туда и большую часть московской артиллеріи, опять къ немалому страху москвичей, которымъ казалось, что царь „опустошилъ Москву и иные грады тою крѣпостію". Всѣми этими страхами пользовались заговорщики, систематически пускавшіе слухи, что царь „раздражаетъ родъ Агарянскій" недаромъ, и недаромъ обнажаетъ центръ государства отъ военныхъ силъ: это-де все дѣлается, чтобы „предать родъ христіанскій" и облегчить захватъ безоружной Москвы поляками. Эти толки находили себѣ благопріятную почву даже и въ рядахъ служилаго класса: походъ на Крымъ еще разъ географически сузилъ симпатіи помѣщиковъ къ Названому Димитрію. Бѣлозерскому или новгородскому сыну боярскому совсѣмъ не улыбалась перспектива идти за тысячи верстъ драться за интересы его заокскихъ собратій. Между тѣмъ, при передвиженіи войска въ сторону степи около Москвы скоплялись именно сѣверные полки, тогда какъ южные ждали царя на „польской" украинѣ. 3.000 новгородскихъ дѣтей боярскихъ и оказались военной силой заговора—съ присоединеніемъ „дворовъ" бояръ-заговорщиковъ (есть извѣстія, что Шуйскіе спеціально стянули на этотъ случай всѣ силы изъ своихъ вотчинъ) и посадскихъ, которыхъ снабдили оружіемъ тѣ же бояре—этого было довольно, чтобы справиться съ нѣмецкой стражей Димитрія, и даже чтобы заставить поколебаться московскихъ стрѣльцовъ. Во всякомъ случаѣ, этого было довольно для нападенія врасплохъ,—а именно на это и разсчитывали Шуйскій съ братіею. Въ такомъ разсчетѣ имъ очень помогла самонадѣянность Димитрія, увѣ-

реннаго, что онъ „всѣхъ въ руку свою объятъ, яко яйцо, и совершенно любимъ отъ многихъ“. У этой самонадѣянности были извѣстныя объективныя основанія—разсчетъ названаго царя не былъ только свидѣтельствомъ его легкомыслія, то былъ результатъ невѣрныхъ политическихъ ходовъ, политическая ошибка. Исторія его воцаренія должна была дать ему неправильное представленіе объ удѣльномъ вѣсѣ московскаго боярства—онъ не забывалъ его приниженной и пассивной роли въ тѣ дни, отсутствія въ его средѣ солидарности, такъ явно сказавшагося въ дѣлѣ Шуйскаго, кинутаго всѣми, едва его постигла царская опала. Ему казалось, что бояръ вообще бояться нечего—а въ то же время, воспоминанія его дѣтства и ранней юности должны были дать ему столь же невѣрное представленіе о соотношеніи силъ въ кругу самого боярства. Выкормышъ Романовыхъ, Димитрій легко привыкъ къ мысли, что во главѣ московской знати стоятъ именно они—и что, имѣя ихъ на своей сторонѣ, другихъ опасаться нечего. Съ Романовыми онъ и старался поддержать хорошія отношенія: сосланный и постриженный Годуновымъ Ѳедоръ Никитичъ сталъ митрополитомъ Филаретомъ, единственный уцѣлѣвшій изъ остальныхъ братьевъ, Иванъ Никитичъ,—бояриномъ. Несомнѣнное участіе и Романовыхъ въ заговорѣ противъ Димитрія составляетъ одну изъ самыхъ темныхъ сторонъ этого дѣла. Это даетъ нѣкоторое представленіе о силѣ оппозиціоннаго настроенія въ самой Москвѣ къ концу царствованія: даже тѣ, кого названый царь ласкалъ, не рѣшались остаться на его сторонѣ. Что Ѳедоръ Никитичъ и въ мантіи митрополита оставался бояриномъ и не могъ чувствовать особенной симпатіи къ „дворянскому“ царю, да еще съ явными „латинскими“ склонностями, это тоже могло сыграть свою роль. Какъ бы то ни было, тѣ, на чью „любовь“ Димитрій могъ разсчитывать не безъ основаній, въ дѣйствительности стояли въ рядахъ его противниковъ. Къ этому удару съ тылу онъ совершенно не былъ приготовленъ—и нельзя его за это винить.

Окончательный толчекъ дѣлу дала уже прямая безтактность польскихъ сторонниковъ Димитрія, которые на всемъ протяженіи его недолгой исторіи гораздо больше доставляли ему хлопотъ, чѣмъ приносили пользы. Приведенные съѣхавшимися на свадьбу царя съ Мариной Юрьевной польскими гостями жолнеры вели себя крайне безчинно,—а по количеству ихъ было, какъ мы видѣли, столько, что слухи о польскомъ захватѣ начинали какъ будто оправдываться. Въ связи со

всѣмъ предшествующимъ это привело московскую толпу въ такое нервное состояніе, что заговорщики стали опасаться преждевременнаго взрыва. Возможно, что раньше предполагалось покончить съ царемъ во время похода: теперь пришлось рискнуть на болѣе опасное—добывать Димитрія въ его собственномъ дворцѣ. Увѣренность Названаго въ своихъ ближайшихъ слугахъ, несомнѣнно, облегчила это дѣло. Характерно, что бояре-заговорщики, ударивъ въ набатъ въ рядахъ, на Ильинкѣ, не рѣшились двинуть посадскихъ на кремль, а направили ихъ на поляковъ; непосредственно же для убійства „Разстриги“ былъ отряженъ небольшой, человѣкъ въ 200, отрядъ спеціальнаго состава, который былъ легко пропущенъ до самыхъ царскихъ покоевъ, потому что во главѣ его шло первое московское боярство; по имени лѣтописи согласно называютъ князей Шуйскихъ, Василія Ивановича, недавно возвращеннаго „Разстригой“ изъ ссылки, и его брата Димитрія—но рядомъ съ ними были и „иные многіе бояре и вельможи“. Позже на улицахъ Москвы мы встрѣчаемъ и Мстиславскаго, и Голицыныхъ, и Ивана Никитича Романова. Позднѣйшія сказанія приписываютъ Василію Ивановичу Шуйскому самое непосредственное участіе въ убійствѣ; защищая его отъ Димитрія на послѣдняго и накинулись, будто бы, „бояре и дворяне“. Но памфлетъ Шуйскихъ,—какъ и памфлетистъ Романовыхъ, одинаково скользятъ по подробностямъ этой трагической ночи: видимо, ни тѣмъ, ни другимъ удовольствія эти воспоминанія не доставляли.

Казалось бы, что, идя на такое дѣло, которое неминуемо должно было кончиться опустѣніемъ московскаго престола, заговорщики должны были заранѣе подумать, какъ эту пустоту заполнить. На дѣлѣ, однако, этого не было—и цѣлыхъ двое сутокъ Москва была безъ царя. Въ боярскомъ кругу о кандидатурѣ молчали: это показываетъ, насколько жгучимъ былъ вопросъ. Боялись поссориться на немъ наканунѣ дѣла и тѣмъ сорвать самый заговоръ. Уже это одно должно устранить представленіе объ „аристократической камарильѣ“, „боярскомъ кружкѣ“,—такъ распространенное въ новѣйшей литературѣ. Камарилья могла бы спѣться, а тутъ мы никакой согласованности мнѣній и дѣйствій не замѣчаемъ. Если у кого изъ заговорщиковъ былъ опредѣленный планъ дѣйствій, то только у одного Василія Ивановича Шуйскаго, который и поспѣшилъ воспользоваться этимъ своимъ преимуществомъ. Пока остальные бояре растерянно толковали о томъ, что надо „совѣтъ сотворити... и общимъ совѣтомъ из-

брати царя на московское государство", что надо разослать грамоты о земскомъ соборѣ, какъ было въ 1598 году—толковали съ единственной, очевидно, цѣлью, оттянуть дѣло, московскій посадъ выкрикнулъ царемъ Шуйскаго. Что воцареніе послѣдняго было своего рода заговоромъ въ заговорѣ, полнымъ сюрпризомъ для большинства членовъ воображаемой „камарильи", объ этомъ совершенно согласно свидѣтельствуютъ и русскіе, и иностранные источники. Полуофиціальная лѣтопись Смуты, которую мы сейчасъ цитировали, разсказавъ о недоумѣнныхъ толкахъ бояръ насчетъ земскаго собора, продолжаетъ: „но нѣцыи отъ вельможъ и отъ народа ускориша, безъ совѣта общаго избраша царя отъ вельможъ боярина князя Василія Ивановича Шуйскаго...... избранія же его не токмо во градѣхъ, но и на Москвѣ не всѣ вѣдаху". Авторъ романовскаго памфлета совершенно согласно съ этимъ передаетъ дѣло: „малыми нѣкими отъ царскихъ палатъ излюбленъ бысть царемъ Василій Ивановичъ Шуйскій...... никѣмъ же отъ вельможъ не пререкованъ, не отъ прочаго народа умоленъ". Этотъ послѣдній авторъ, несомнѣнно, тенденціозенъ въ данномъ случаѣ: въ 1606 году Романовы были соперниками Шуйскихъ, какъ въ 1598 Годуновыхъ; но тенденція его состоитъ въ томъ, что онъ отрицаетъ участіе народа въ избраніи Шуйскаго, а не въ томъ, что онъ отрицаетъ участіе въ этомъ дѣлѣ бояръ. Шуйскій „воздвигся кромѣ воли всея земли" потому, что не всѣ чины и не всѣ города Московскаго государства посадили его на царство. Но „народъ" при этомъ дѣлѣ былъ, и о его соціальномъ составѣ даетъ вполнѣ опредѣленное показаніе одинъ иностранецъ, бывшій свидѣтелемъ выборовъ. „Ему поднесли корону", говоритъ о Шуйскомъ Конрадъ Буссовъ: „одни только жители Москвы, вѣрные соучастники въ убіеніи Димитрія, купцы, сапожники, пирожники и немногіе бояре". Шуйскій былъ посадскимъ царемъ, какъ Названый Димитрій былъ царемъ дворянскимъ. Въ этомъ была новизна его положенія. Дворянскій царь былъ уже не одинъ: такимъ былъ Грозный во вторую половину своего царствованія, и Годуновъ въ первую. Но представитель буржуазіи еще ни разу не сидѣлъ на московскомъ престолѣ; этотъ классъ впервые держалъ въ рукахъ верховную власть—оставался вопросъ, удержитъ ли онъ ее, когда московскій мятежъ уляжется, и жизнь войдетъ въ нормальную колею.

„Самовоцареніе" Василія Ивановича въ первую минуту совершенно ошеломило боярскіе круги—тѣмъ болѣе, что въ

Царь Димитрій I Ложный и царица Марина Юрьевна.

Оригиналы польскихъ портретовъ царя Димитрія Ивановича I Ложнаго и царицы Марины Юрьевны Мнишекъ находятся въ Москвѣ, въ Российскомъ Историческомъ музеѣ (залъ Смутнаго времени) и представляютъ большой историческій интересъ; не совсѣмъ удачно они были воспроизведены фототипически у П. Пирлинга въ его книгѣ La Russie et le Saint Siège. На портретахъ имѣются надписи такого содержанія:

I. Demetrius *Imperator* Moschoviae, Eius uxor Marianna *Mniszchowna* Georgii Palatini Sandomiriensis ex Tarlovna Progenita Filia.

II. Marianna *Mniszchowna* Georgii Palatini Sandomiriensis ex Tarlovna Progenita Filia, Uxor Demetrii *Imperatoris* Moschoviae.

Въ упоминавшейся уже «Повѣсти» князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго данъ такой литературный портретъ Димитрія Ложнаго: «Рострига же возрастомъ малъ, груди имѣя широкы, мышцы толсты; лице же свое имѣя не царсково достоянія, препростое обличіе имѣя, и все тѣло его велми помраченно. Остроуменъ же, паче и въ наученіи книжномъ доволенъ, дерзостенъ и многорѣчивъ зѣло, конское рыстаніе любляше, на враги своя ополчитель смѣлъ, храбрость и силу имѣя, воинство же велми любляше». Первая часть этого литературнаго портрета нѣсколько отдаетъ каррикатурой и непонятнымъ теперь курьезомъ. Что значитъ, что Димитрій имѣлъ лицо «не царсково достоянія», а «препростое обличіе» и что «все тѣло его» было «велми помраченно»? «Препростому обличію» совершенно не соотвѣтствуетъ то, что говорится во второй части этого литературнаго портрета, даже попросту противорѣчитъ, ибо здѣсь читаемъ, несомнѣнно, очень положительную обрисовку Димитрія. «Повѣсть» была написана въ 20-хъ годахъ XVII вѣка, когда положительная обрисовка могла не понравиться правительству царя Михаила. Повѣствователь и скрашиваетъ ее упомянутой каррикатурой, а равно упоминаніемъ и въ текстѣ «Повѣсти», и въ заключительныхъ виршахъ о своемъ отцѣ-князѣ Михаилѣ Катыревѣ-Ростовскомъ, что послѣдній вмѣстѣ съ нѣкоторыми большими боярами и воеводами «не приступиша къ такому злому начинанію, и ко лживому ухищренію и богомерскому дѣлу... и, бився со измѣнницы и со крестопреступникы крѣпцѣ, отъидоша ко царствующему граду Москвѣ, — понеже убо той болляринъ и первополконачалникъ и воевода предреченный князь Михайло Петровичъ извѣстно вѣдаше про сего богомерскаго еретика Рострогу Гришку,—что лжа есть и начатокъ лжи и кровопролитія, а не царевичъ». Тотъ же князь И. М. Катыревъ-Ростовскій, какъ отмѣчено при картинѣ И. Е. Рѣпина, не осмѣлился разсказать въ своей «Повѣсти» объ убійствѣ царемъ Иваномъ IV своего сына и наслѣдника московскаго престола. Портретъ минутной царицы Марины, дочери Сандомирскаго воеводы Юрія Мнишекъ и Гедвиги Тарло, Н. И. Костомаровъ сжато изображаетъ такъ: «Марина была дѣвица росту небольшого, съ черными волосами, съ красивыми чертами лица, но въ ея немного прижатыхъ губахъ, узкомъ подбородкѣ виднѣлась какая-то сухость, а глаза ея блистали болѣе умомъ и силой, чѣмъ страстью». Эти прижатыя губы и узкій подбородокъ съ ядовито наблюдающимъ взоромъ глазъ, дѣйствительно, говорятъ какъ будто въ пользу преобладанія холодной разсудочности; послѣдняя оправдывается какъ будто ея біографіей, въ которой безумная страсть къ величавой карьерѣ должна была заглушать не только всякое чувство, но и непосредственное чутье дѣйствительности, если только ея поведеніе по смерти Димитрія I не объяснять нестерпимостью мысли превратиться изъ «московской царицы» въ подданную польскаго короля при крайне неблагопріятныхъ къ тому же условіяхъ отрицательнаго отношенія къ ней Юрія Мнишекъ. Изъ тушинскаго лагеря Марина Мнишекъ не вынесла осуществленія своихъ надеждъ, связала себя съ донскимъ атаманомъ Иваномъ Заруцкимъ и изъ Астрахани была вмѣстѣ съ нимъ и четырехлѣтнимъ сыномъ привезена въ

1613 г. къ Москвѣ стрѣльцами по приказу московскаго правительства: здѣсь донской атаманъ Иванъ Заруцкій по тогдашнимъ культурнымъ обычаямъ православнаго московскаго царства былъ посаженъ на колъ, *четырехлѣтній* сынъ Марины повѣшенъ, Марина Мнишекъ, по словамъ польскихъ историковъ, была убита въ Москвѣ, а по сообщеніямъ московскимъ, при размѣнѣ плѣнныхъ умерла въ тюрьмѣ отъ болѣзни и съ тоски по своей волѣ. Кто былъ царемъ на Москвѣ подъ именемъ Димитрія Ивановича I Ложнаго? Вопросъ этотъ не мало занималъ исторіографію, и въ настоящее время можетъ быть признанъ въ значительной степени освѣщеннымъ. Димитрій I во всякомъ случаѣ не самозванецъ proprio motu; его сдѣлали такимъ представители московскаго боярства, которые хотѣли «себѣ полегчить», «воли себѣ прибавить»; какое-то подходящее лицо убѣдили въ томъ, что онъ сынъ царя Ивана IV и Маріи Өедоровны Нагой, восьмой вѣнчанной жены царя, отправили въ Польшу и ждали момента, когда этотъ сомнительный по праву претендентъ собьетъ корону съ всенародно избраннаго, но ненавистнаго боярской аристократіи царя Бориса. Это подходящее лицо было *своимъ московскимъ человѣкомъ*, появившимся на русской исторической сценѣ *не* велѣніями папскаго престола и католической Польши, а по волѣ московскихъ думцевъ. О московскомъ происхожденіи Димитрія Ложнаго опредѣленно говоритъ и П. Пирлингъ. Гораздо труднѣе отвѣтить на вопросъ, кто же именно изъ московскихъ людей былъ подставленъ московскимъ боярствомъ, да и точный отвѣтъ на этотъ вопросъ не играетъ существенной роли и вовсе мало имѣетъ значенія съ точки зрѣнія современной исторической науки, проникнутой матеріалистической тенденціей. Во всякомъ случаѣ и литературное, и офиціальное преданіе упорно говорятъ о томъ, что на московскомъ престолѣ сидѣлъ галицкій сынъ боярскій Юрій Богдановъ Отрепьевъ. Обширныя архивныя разысканія, произведенныя пишущимъ настоящія строки и изложенныя во второмъ выпускѣ «*Матеріаловъ для исторіи русскаго дворянства*». (М. 1909), съ очевидностью показали, что ни въ офиціальныхъ актахъ, ни въ обширномъ приказномъ дѣлопроизводствѣ XVII вѣка нѣтъ ни малѣйшаго намека, который могъ бы наложить хоть крошечную тѣнь на указанное преданіе; напротивъ, оно подтверждается сопоставленіями самыхъ разнообразныхъ документовъ. Нельзя опровергать преданіе безъ серьезныхъ данныхъ противъ него и при наличности ряда документальныхъ извѣстій за него. Даже съ Угличемъ, гдѣ жилъ и былъ убитъ сынъ царя Ивана IV и царицы Марьи, Отрепьевы были въ связи, ибо нѣкоторые изъ нихъ служили именно съ Углича. Быть можетъ зато еще любопытнѣе, что въ древней родословной росписи, которая была найдена пишущимъ настоящія строки въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Отрепьевы выводятся изъ Польши. Дѣло въ томъ, что Отрепьевы и Нелидовы—одна родословная фамилія, и позднѣйшіе Нелидовы конца XVII вѣка и далѣе суть Отрепьевы. Древнѣйшая часть этой родословной, которая отнюдь не свободна отъ легендарной примѣси, производитъ Отрепьевыхъ отъ «мужа знатнаго короны Польскіе» Владислава «зъ Нилска Нелидовскаго», одинъ изъ потомковъ котораго былъ «по прилучью» названъ Отрепьевымъ. Съ 70-хъ гг. XVII столѣтія Отрепьевы опять пишутся Нелидовыми по особому указу. Отрепьевымъ XVII вѣка показалось зазорнымъ носить эту фамилію, ибо на нихъ «отъ того проклятого Гришкина воровства» бываетъ «поносъ и укоризна». Надо думать, что въ виду показаній первоисточниковъ нѣтъ покуда основаній опорочивать преданіе и что можно успокоиться на пониманіи этого темнаго анекдота «московской трагедіи» въ томъ смыслѣ, что подъ именемъ Димитрія Ивановича I Ложнаго на *московскомъ* престолѣ сидѣлъ *московскій* человѣкъ, созданный для этой роли *московскими* же руками, сынъ боярскій Юрій Богдановъ Отрепьевъ изъ рода Нелидовыхъ.

В. Стор.

Marianna MNISZCHO
WNA Georgii Palatini
Sandomiriensis ex
Progenita Filia
IMPERATO
Dem
Mosch
MNISZ
Palatini S
Progen

Изд. Т-ва „МІРЪ".

числѣ „немногихъ бояръ", посвященныхъ въ этотъ второй заговоръ, кромѣ родственниковъ новаго царя, повидимому, были одни только Романовы. Филаретъ Никитичъ былъ нареченъ патріархомъ, кажется, въ то же время, какъ Шуйскій царемъ: почему это соглашеніе не удержалось, и Филаретъ долженъ былъ идти искать патріаршества въ Тушинѣ, этотъ вопросъ большого историческаго интереса не представляетъ. Вслѣдствіе ли разрыва Шуйскихъ съ Романовыми, или по какой другой причинѣ, но растерянность боярства стала проходить довольно быстро: разъ не приходилось дѣлить мономаховой шапки, бояре опять стали такой же дружной стѣнкой, какой они шли убивать „Разстригу". Не удалось посадить своего царя, нужно было хотя гарантировать себя отъ чужого, и въ этомъ отношеніи опиравшійся на купцовъ Шуйскій, заранѣе можно было предсказать, долженъ былъ обнаружить меньшую силу сопротивленія, нежели окруженный „воинниками" Димитрій. Во время вѣнчанія Василія Ивановича, въ церкви, разыгралась странная и на первый взглядъ совершенно непонятная сцена. Нареченный царь началъ вдругъ говорить о томъ, что онъ хочетъ крестъ поцѣловать на томъ, что не будетъ онъ никому мстить за претерпѣнное имъ при Борисѣ—и вообще ни надъ кѣмъ ничего „творити не будетъ безъ общаго совѣта". Бояре же и прочіе стали ему говорить, чтобы онъ этого не дѣлалъ, и креста на томъ не цѣловалъ: „понеже никогда тако не сотворися, и дабы новаго ничего не вчиналъ". Но Шуйскій не послушался, и поцѣловалъ крестъ. При обычномъ взглядѣ на Шуйскаго, какъ на боярскаго царя, тутъ ничего понять нельзя. Бояре давно уже хотѣли ограничить царскую власть, оградить себя отъ произвола сверху; новый царь берется поцѣловать крестъ, что произвола не будетъ—бояре его отговариваютъ. Но внимательно вчитавшись въ слова Шуйскаго, мы поймемъ, какую лазейку нашелъ для себя этотъ тонкій дипломатъ. „Общій совѣтъ" и вообще на тогдашнемъ языкѣ, и, въ частности, въ разсказѣ объ избраніи Шуйскаго у „Новаго Лѣтописца", котораго мы цитируемъ, есть синонимъ земскаго собора. Передъ этимъ только что бояре апеллировали къ этому учрежденію противъ Шуйскаго: теперь онъ апеллируетъ къ собору противъ бояръ, заявляя, что онъ согласенъ ограничить свою власть, но только „общимъ совѣтомъ", а не боярской думой. Бояре тотчасъ же очень наивно и выдали себя, обнаруживъ, что сами они о земскомъ соборѣ толковали вовсе не серьезно, а лишь ради

того, чтобы оттянуть время. Но и самъ царь Василій хотѣлъ лишь попугать бояръ—на самомъ же дѣлѣ созвать вассалитетъ Московскаго царства, гдѣ большинство, безъ сомнѣнія, было на сторонѣ убитаго имъ Димитрія, вовсе, конечно, не входило въ его планы. И тотчасъ же въ этой первой стычкѣ обнаружилось, что бояре сильнѣе: потому что въ офиціальной крестоцѣловальной записи, разосланной по городамъ, царь обѣщался „всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предати“. Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ новѣйшихъ историковъ, это былъ колоссальный успѣхъ боярства. Даже если бы Шуйскій этимъ своимъ крестоцѣлованіемъ лишь закрѣпилъ старинный московскій обычай, это имѣло бы не меньшее значеніе, чѣмъ закрѣпленіе мѣстническихъ обычаевъ при Грозномъ. Но мы вовсе не имѣемъ увѣренности, чтобы политическіе процессы со временъ опричнины разбирались при участіи боярской думы, „истиннымъ судомъ“: наоборотъ, есть всѣ основанія думать, что они разрѣшались въ сыскномъ (а не судебномъ) порядкѣ, образецъ котораго давно былъ данъ губными учрежденіями. Бояре, которые „пыхаху и кричаху“ на Романовыхъ, во время ихъ дѣла, были не судьи, а слѣдователи, назначенные Борисомъ. Крестоцѣловальная запись Шуйскаго возстановляла судебные порядки тамъ, гдѣ со времени опричнины господствовала административная расправа. Представьте себѣ, что въ современной Россіи была бы упразднена административная ссылка, и вмѣстѣ съ нею всѣ исключительные суды, а всѣ политическія преступленія стали бы разбираться „обычнымъ“ судомъ присяжныхъ: историкъ, который бы охарактеризовалъ это, какъ простое „закрѣпленіе стариннаго обычая“, произвелъ бы странное впечатлѣніе на своихъ читателей. Но „запись“ шла дальше: она заключала въ себѣ ограниченіе и самой судебной репрессіи. До сихъ поръ она была коллективной: опала постигала весь родъ, и всѣ вотчины опальной фамиліи подвергались конфискаціи. Въ этомъ, какъ мы видѣли, и состоялъ экономическій смыслъ опричной политики—массами переводившей вотчинныя земли въ руки „воинниковъ“. Теперь этимъ массовымъ конфискаціямъ былъ положенъ конецъ: „вотчинъ, и дворовъ, и животовъ у братьи ихъ (осужденныхъ) и у женъ и у дѣтей не отымати, будетъ которые съ ними въ мысли не были“. Это установленіе индивидуальной отвѣтственности вмѣсто групповой—чрезвычайно важный фактъ съ соціологической точки зрѣнія; но на этой сторонѣ дѣла мы пока не будемъ оста-

навливаться. Отмѣтимъ только, что боярскій характеръ „конституціи“ Шуйскаго особенно подчеркивается этимъ пунктомъ: отъ конфискацій родовыхъ вотчинъ никто, кромѣ боярства, не страдалъ. Сами авторы „записи“ почувствовали это, и такъ какъ реальной силой, на которую опиралось новое правительство, были не бояре, а московскій посадъ, то „боярскія“ статьи конституціи получили дополненіе, не менѣе любопытное, чѣмъ онѣ сами: „также у гостей и у торговыхъ людей, хотя который по суду и по сыску дойдетъ и до смертныя вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отъимати, будетъ съ ними они въ той винѣ невинны...“

Русская „хартія вольностей“ ограждала, такимъ образомъ, интересы, съ одной стороны, бояръ, а съ другой—гостей и торговыхъ людей. Дворянства она не касалась, и въ борьбѣ съ тотчасъ же вновь вспыхнувшимъ дворянскимъ мятежомъ казни и ссылка въ административномъ порядкѣ примѣнялись на каждомъ шагу. Это было ограниченіе царской власти не въ пользу „всей земли“, а въ пользу только двухъ классовъ, которые, вдобавокъ, въ данную минуту не имѣли никакихъ положительныхъ общихъ интересовъ. У нихъ былъ общій врагъ: средніе и мелкіе служилые, черезъ посредство царской казны эксплуатировавшіе торговый людъ и посредствомъ царской власти экспропріировавшіе боярство. Пока они не справились съ общимъ врагомъ, ихъ союзъ держался кое-какъ. Но когда этотъ врагъ подался и союзникамъ, на освободившемся мѣстѣ, пришлось строить новое зданіе, тотчасъ же должно было обнаружиться, какъ чужды они другъ другу. Экономическое родство оказалось сильнѣе временной политической комбинаціи, и въ концѣ-концовъ оба новыхъ экономически класса, и посадскіе, и помѣщики, оказались вмѣстѣ противъ представителя экономической реакціи, противъ боярства. Четырехлѣтнее правленіе Шуйскаго было своего рода бракомъ по разсчету между торговымъ капиталомъ и боярской вотчиной, гдѣ обѣ стороны ненавидѣли и презирали другъ друга, но разорвать союза не рѣшались, пока не вынудилъ къ этому внѣшній толчокъ.

Боярство разорвать союза не могло уже по той причинѣ, что безъ помощи торговаго капитала оно, въ самомъ простомъ, матеріальномъ смыслѣ этого слова, не могло управлять государствомъ. Убитый Димитрій приготовилъ тяжелую долю своимъ врагамъ: на другой день послѣ своего воцаренія новый царь увидѣлъ себя передъ пустыми сундуками. „Царь

бо, не имый сокровища многа и друговъ храбрыхъ подобенъ есть орлу безперому и не имѣющему клюва и когтей: всѣ царскія сокровища истощилъ богомерзкій Разстрига, разбрасывая деньги; скудость и тѣснота пришла всѣмъ ратнымъ людямъ", и не пошли ратные люди за царемъ Василіемъ. Экстренныя мѣры, которыя пришлось принять этому послѣднему, чтобы выплачивать ставшимъ на его сторону служилымъ государево жалованье, хотя бы въ минимальномъ размѣрѣ, показывали, въ какой „тѣснотѣ" жилъ онъ самъ: ревнителю правовѣрія, только что одолѣвшему „поганаго еретика", пришлось идти по стопамъ этого послѣдняго, накладывая руку на монастырскую казну, и даже на монастырскія ризницы—чтобы добыть денегъ, переливали въ монету церковные сосуды, пожертвованные „по душѣ" прежними царями. Но всего этого было мало, и если правительство Шуйскаго продержалось четыре года, оно этимъ было обязано „торговымъ людямъ": безъ помощи городовъ поморскихъ и понизовыхъ, и ратными людьми, и деньгами, оно не пережило бы перваго возстанія,

Это послѣднее, можно сказать, разумѣлось само собой послѣ дня 17 мая. Сѣверской украинѣ, приведшей въ Москву Названаго Димитрія, слишкомъ дорого обошлась кратковременная реакція при Борисѣ—послѣ первой же случайной неудачи претендента—, чтобы она стала дожидаться расправы съ ней со стороны побѣдившихъ теперь „Разстригу" москвичей. По словамъ одного современника, „Сѣвера" была увѣрена, что новый царь готовитъ ей участь, какую испыталъ Новгородъ при Иванѣ Васильевичѣ. „Можно удивляться тому, какъ быстро и дружно встали южные города противъ царя Василія Шуйскаго. Какъ только узнали въ Сѣверщинѣ и на Полѣ о смерти самозванца, такъ тотчасъ же отпали отъ Москвы Путивль и съ нимъ другіе сѣверскіе города, Ливны и Елецъ, а за ними и все Поле до Кромъ включительно. Немногимъ позднѣе поднялись заоцкія, украинныя и рязанскія мѣста. Движеніе распространилось и далѣе на востокъ отъ Рязани въ область мордвы, на Цну и Мокшу, Суру и Свіягу. Оно даже передалось черезъ Волгу на Вятку и Каму въ пермскія мѣста. Возстала и отдаленная Астрахань. Съ другой стороны, замѣшательство произошло на западныхъ окраинахъ государства, въ тверскихъ, псковскихъ и новгородскихъ мѣстахъ" *). Въ октябрѣ 1606 г., ме-

*) Платоновъ, цит. соч., стр. 318.

нѣе, чѣмъ черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ воцаренія Василія Ивановича, южные инсургенты стояли уже подъ самой Москвой. Только что цитированный нами авторъ совершенно правильно говоритъ, что „на украйнѣ въ 1606 году возстали противъ правительства Шуйскаго тѣ же самые люди, которые раньше дѣйствовали противъ Годуновыхъ“. Это, однако, не мѣшаетъ ему принять традиціонную характеристику южнаго движенія этого года, какъ „возмущенія холопей и крестьянъ противъ господій своихъ“. Такъ именно называется посвященная этому движенію глава въ знакомомъ намъ „Новомъ Лѣтописцѣ“. Компиляторъ этого послѣдняго былъ особенно близокъ, повидимому, къ патріаршему двору—и даваемое имъ освѣщеніе южнаго бунта, несомнѣнно, заимствовано изъ патріаршихъ грамотъ того времени. Эти грамоты Гермогена (патріархомъ былъ тогда уже онъ) дошли до насъ и въ подлинникѣ (или, что для насъ не составляетъ разницы, въ офиціальномъ пересказѣ). Тамъ, дѣйствительно, говорится, что „воры“ (такъ на московскомъ офиціальномъ языкѣ выражалось то понятіе, которое въ новѣйшихъ полицейскихъ документахъ выражается словомъ „злоумышленники“) въ своихъ „проклятыхъ листахъ“ (по-нынѣшнему, прокламаціяхъ) „велятъ боярскимъ холопямъ побивать своихъ бояръ, и жены ихъ, и вотчины и помѣстья имъ сулятъ, и шпынямъ, и безыменникамъ ворамъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити, и призываютъ ихъ воровъ къ себѣ, и хотятъ имъ давати боярство и воеводство, и окольничество, и дьячество“ *). Но даже изъ этого текста видно, какъ неосторожно было бы утверждать, что „воры“ ставили „цѣлью народнаго движенія не только политическій, но и общественный переворотъ“. Какой же былъ бы „общественный переворотъ“ въ томъ, что вотчины и помѣстья сторонниковъ Шуйскаго перешли бы въ руки ихъ холоповъ, приставшихъ къ движенію? Перемѣнились бы владѣльцы вотчинъ—а внутренній строй этихъ послѣднихъ остался бы, конечно, неприкосновеннымъ. Эта неприкосновенность стараго строя особенно ясна изъ другого посула „воровъ“: давать холопамъ боярство и воеводство и окольничество. Вся московская іерархія предполагалась, значитъ, на своемъ мѣстѣ—и, когда „воры“ прочно обосновались подъ Москвой, была воспроизведена въ „воровской“ столицѣ, Тушинѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двойной

---

*) Акты Археограф. Экспед. II, №№ 57—59.

демагогіей. Во-первыхъ, предводители возстанія противъ Шуйскаго, поднимая на бояръ крѣпостное населеніе боярскихъ вотчинъ, не стѣснялись въ обѣщаніяхъ, отлично зная, что исполнять ихъ не придется, и что въ случаѣ надобности вооруженные помѣщики легко справятся съ мужицкимъ бунтомъ, если онъ перейдетъ, границы для нихъ полезнаго. А во-вторыхъ, патріархъ, возбуждая противъ „воровъ" городскую буржуазію и ту часть землевладѣльцевъ сѣверной и центральной Россіи, которая еще колебалась, напиралъ какъ разъ на тѣ стороны „воровской" программы, которая должна была быть особенно одіозна именно для этихъ классовъ. Въ результатѣ и получилась картина „холопьяго" бунта—и даже чуть ли не соціальной революціи—, которая вовсе не оправдывается анализомъ состава „воровскихъ" отрядовъ, насколько онъ намъ извѣстенъ. Главную боевую силу арміи инсургентовъ составляли все тѣ же „рязанцы дворяне и дѣти боярскія" во главѣ съ Ляпуновыми и Сумбуловыми, которые склонили чашку вѣсовъ на сторону Названаго Димитрія въ маѣ 1605 года. Когда Шуйскому удалось (въ ноябрѣ 1606 г.) путемъ тяжелыхъ, безъ сомнѣнія, пожертвованій переманить на свою сторону эту часть возставшихъ, онъ сразу получилъ возможность перейти въ наступленіе. А рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ, конечно, казаковъ: слѣдующимъ послѣ Ляпунова и Сумбулова перебѣжчикомъ былъ „атаманъ казачій Истомка Пашковъ", который, съ дружиной въ четыреста человѣкъ, билъ челомъ въ службу Василію Ивановичу, разсчитавъ, очевидно, что такимъ путемъ ему и его товарищамъ легче стать помѣщиками, чѣмъ посредствомъ бунта. Самъ Истома Пашковъ, между прочимъ, былъ чрезвычайно типичнымъ образчикомъ того промежуточнаго класса, который постоянно колебался между „вольнымъ казакомъ" и „государевымъ сыномъ боярскимъ": „казачій атаманъ" по лѣтописи, по документамъ онъ значится служилымъ человѣкомъ, и даже не изъ очень мелкопомѣстныхъ. Какъ мало было „соціальнаго" въ мотивахъ даже настоящихъ холоповъ, участвовавшихъ въ возстаніи, мы можемъ судить по очень яркому примѣру. Одинъ изъ самыхъ видныхъ „воровскихъ воеводъ", Иванъ Исаевичъ Болотниковъ, по имени котораго и все движеніе часто называютъ „болотниковскимъ бунтомъ", былъ, точно, изъ холоповъ: но его бывшій баринъ, князь Телятевскій, былъ однимъ изъ предводителей той же самой „воровской" арміи. Храбрый и талантливый „послужилецъ" обогналъ въ военной карьерѣ своего „боярина": но

то, что оба они уживались въ однихъ и тѣхъ же рядахъ, ясно показываетъ, какъ мало все здѣсь было похоже на соціальную революцію.

Ближайшая судьба Прокопія Петровича Ляпунова служитъ хорошимъ образчикомъ и того, какими мотивами двигалось возстаніе, и того, какими средствами Шуйскій съ нимъ боролся. Послѣ своей измѣны дѣлу инсургентовъ, Ляпуновъ сталъ членомъ государевой думы („думнымъ дворяниномъ"), и, вмѣстѣ съ его товарищемъ, Сумбуловымъ, былъ назначенъ воеводой въ Рязань: иными словами, Рязань была отдана въ руки той дворянской партіи, которая стояла за Названаго Димитрія и до, и послѣ его смерти. Ставъ хозяевами у себя дома, рязанцы согласились терпѣть на Москвѣ Шуйскаго— и съ этихъ поръ мы видимъ ихъ въ числѣ лояльныхъ вѣрноподданныхъ Василія Ивановича. О „побѣдѣ" послѣдняго можно было говорить, какъ видимъ, весьма относительно, даже и не считаясь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что „прежепогибшая" Сѣверская украина осталась погибшей для Шуйскаго навсегда. Свидѣтельствомъ его критическаго положенія въ первый же годъ царствованія служитъ еще одинъ образчикъ правительственной публицистики этихъ дней, составляющій хорошую параллель тому памфлету, съ которымъ мы уже знакомы. Тотъ былъ выпущенъ лѣтомъ 1606 года, и, какъ мы помнимъ, ограничивался фальсификаціей естественныхъ, на землѣ происходившихъ событій. Осенью въ дѣло вовлечены были уже небесныя силы: нѣкій протопопъ Терентій (передъ этимъ служившій своимъ литературнымъ талантомъ Названому Димитрію, а впослѣдствіи поступившій на службу къ польскому королю Сигизмунду) повѣдалъ московской публикѣ о видѣніи, явившемся „нѣкоему мужу духовну", пожелавшему остаться неизвѣстнымъ. Святой мужъ ночью, не то во снѣ, не то наяву, очутился въ московскомъ Успенскомъ соборѣ—и тамъ видѣлъ грозную сцену: самого Христа, въ присутствіи Богоматери, Іоанна Крестителя и всѣхъ апостоловъ и святыхъ, которые имѣли точь-въ-точь такой видъ, какъ ихъ рисуютъ на иконахъ, творившаго судъ надъ Москвой, ея царемъ, патріархомъ и народомъ. Приговоръ былъ суровый—и московскій народъ, „новый Израиль", за свои многочисленные грѣхи былъ бы совсѣмъ осужденъ на погибель, если бы не вмѣшательство Богоматери, умолившей Спасителя дать москвичамъ время покаяться. „Видѣніе", по царскому повелѣнію, читали въ соборѣ, и не можетъ, конечно, быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что искусное и весьма

гибкое перо московскаго протопопа работало здѣсь, какъ всегда, строго согласно съ официальными указаніями. Положеніе Москвы въ эти дни (середина октября 1606 года) было, дѣйствительно, таково, что иначе, какъ сверхъестественнымъ путемъ, выбраться изъ него, казалось, не было возможности. „Окаянные“, пишетъ официальный публицистъ Шуйскаго: „умыслили около града обсѣсти, и всѣ дороги отнять, чтобы ни изъ города, ни въ городъ никого не пустить, чтобы никакой помощи городу никто не могъ оказать ниоткуда: такъ и сдѣлали. Въ городѣ же Москвѣ на всѣхъ людяхъ былъ страхъ и трепетъ великій: отъ начала города не было такой бѣды“. „Видѣніе“, свидѣтельствовавшее, что сама Божія Матерь своими молитвами охраняетъ городъ, должно было поднять духъ несчастныхъ москвичей, которые теперь себѣ, въ свою очередь, могли ждать того же, чего ждали себѣ отъ Москвы „сѣверяне“ по воцареніи Шуйскаго. Чтобы спастись отъ такой бѣды, можно было и не только что одного изъ „воровскихъ“ воеводъ въ думу посадить... Даже и послѣ гого, какъ ополченіе южныхъ помѣщиковъ и казаковъ было разстроено измѣнами, а на подмогу царю Василію пришла, наконецъ, первая рать съ сѣвера, изъ поморскихъ городовъ—двинскіе стрѣльцы, царскія войска долго не могли добить остатковъ болотниковскаго ополченія. Отъ Калуги воеводы Шуйскаго были отбиты, Тула, гдѣ потомъ засѣлъ Болотниковъ, была взята тоже при помощи измѣны, послѣ долгой и трудной осады, притомъ взята на капитуляцію: послѣдніе солдаты „воровской“ арміи, выдавъ своихъ вождей, цѣловали крестъ царю Василію. Вчерашніе политическіе преступники сегодня опять сдѣлались царя и великаго князя служилыми людьми, и все на тѣхъ же „украинахъ“. Совершенно ясно было, что при первомъ поводѣ дѣло должно было начаться сызнова. А въ ту минуту, когда сдавалась Тула, поводъ уже былъ налицо: капитуляція состоялась 10 октября, а уже съ конца августа въ Стародубѣ - Сѣверскомъ стоялъ „чудесно спасшійся“ Димитрій съ военной силой, гораздо болѣе страшной для буржуазнаго царя, нежели болотниковскія дружины—десятью тысячами, приблизительно, регулярной польской конницы и пѣхоты, во главѣ съ самыми опытными и талантливыми польскими кондотьерами—Рожинскимъ и Лисовскимъ. Прогулка въ Москву съ первымъ Димитріемъ сыграла для людей этого типа роль развѣдки. Теперь они „знали дорогу“ и видѣли, что московское правительство слабо, какъ никогда: странно было бы этимъ не воспользоваться. Весной

1608-го года второй Димитрій (личность котораго уже совершенно никого не интересовала, даже въ его время) разбилъ на голову двинутыя противъ него на югъ московскія ополченія, а лѣтомъ этого года Москва опять была въ томъ же положеніи, какъ въ разгарѣ болотниковскаго бунта. „Божіимъ попущеніемъ за беззаконія наша соодолѣша врази православнымъ христіанамъ, и ничѣмъ не задержими, дошедши царствующаго града Москвы, его же и, обсѣдше вкругъ, промышляху пріяти“, меланхолически записалъ одинъ современникъ, только что разсказавшій о „содолѣніяхъ“ царя Василія. Осадное положеніе столицы—не внутреннее, а внѣшнее—начинало становиться для этого царствованія нормой.

---

4. „Лучшіе“ и „меньшіе“

Послѣдніе два года царствованія Шуйскаго (съ лѣта 1608 по 15 іюля 1610, когда Василій Ивановичъ былъ „сведенъ“ съ престола) на первый взглядъ кажутся повтореніемъ событій 1605—7 годовъ—новымъ взрывомъ все той же междоусобицы, въ старой формѣ и подъ старыми лозунгами. На сценѣ опять Димитрій, юридически тождественный съ тѣмъ, что осенью 1604 года выступилъ противъ Годунова. На его сторонѣ опять казачество, вѣрное ему до конца, и масса мелкаго служилаго люда, провинціальные дворяне и дѣти боярскія. Эта соціальная почва „самозванщины“ совершенно не зависитъ отъ мѣстныхъ условій: всюду и всегда мелкій вассалитетъ идетъ за Димитріемъ, по самымъ разнообразнымъ личнымъ побужденіямъ и подъ самыми разнообразными предлогами. Подмосковные мелкіе помѣщики присоединялись къ тушинцамъ, осаждавшимъ Троицкую лавру, для того будто бы, чтобы тѣ не ограбили ихъ имѣній; а въ Вяткѣ городовой приказчикъ (комендантъ города) со стрѣльцами „на кабакѣ чашу пили за царя Димитрія“ потому, что не хотѣли, чтобы изъ ихъ краевъ уводили ратныхъ людей въ Москву. Даже выступивъ въ составѣ „правительственныхъ войскъ“ противъ „воровъ“, провинціальные помѣщики скоро оказывались съ послѣдними. Костромскія и галицкія дѣти боярскія пришли подъ Ярославль драться съ отрядами Лисовскаго, а потомъ хотѣли отбить для тушинцевъ царскій „нарядъ“ (артиллерію),—и немного позже мы ихъ видимъ вмѣстѣ съ „лисовчиками“ громящими Кострому. Зато посадскіе люди всегда показывали

себя лойяльными слугами Шуйскаго: когда побѣда, къ веснѣ 1609 года стала было склоняться на сторону царя Василія, онъ самъ приписывалъ этотъ успѣхъ вологжанамъ, бѣлозерцамъ, устюжанамъ, каргопольцамъ, сольвычегодцамъ, тотмичамъ, важанамъ, двинянамъ, костромичамъ, галичанамъ, вятчанамъ „и иныхъ разныхъ городовъ старостамъ и посадскимъ людямъ“ *). И дѣйствительно, тѣ стояли за него, „не щадя живота“: одинъ Устюгъ Великій до весны 1609 года выслалъ на помощь московскому правительству пять „ратей“, т.-е. пять разъ испыталъ рекрутскій наборъ, и, не собравъ шестой „рати“ только потому, что некого было ужъ взять, сталъ нанимать на государеву службу „охочихъ вольныхъ казаковъ“. Особенное значеніе для Шуйскаго въ эти годы имѣла Вологда, въ качествѣ центра заграничной торговли временно смѣнившая осажденную Москву. Тамъ „собрались всѣ лучшіе люди, московскіе гости съ великими товары и со казною, и государева казна великая, соболи изъ Сибири и лисицы, и всякіе мѣха“, а съ другой стороны, тамъ же скопились и „англійскіе нѣмцы“ съ „дорогими товарами“ и съ „питіемъ краснымъ“. И какъ въ движеніи служилыхъ людей за Димитрія соціальные мотивы рѣшительно брали верхъ надъ мѣстными интересами, такъ, съ еще большей яркостью, сказалось это здѣсь: помогали Москвѣ не только мѣстные люди, вологжане, и съѣхавшіеся въ Вологду московскіе купцы, но и иностранные гости. Англійское купечество было тоже на сторонѣ Шуйскаго.

Всего меньше было на сторонѣ этого „боярскаго“—по учебникамъ — царя именно бояръ. Къ концу его правленія, кромѣ личныхъ родственниковъ и свойственниковъ Василія Ивановича, среди его сторонниковъ едва ли можно найти хоть одного представителя феодальной знати. Раньше всѣхъ и дальше всѣхъ пошли Романовы съ ихъ кругомъ. Посланный съ войскомъ противъ второго Димитрія, Иванъ Никитичъ Романовъ оказался чрезвычайно близокъ къ форменному заговору, имѣвшему цѣлью повторить то, что нѣкогда произошло подъ Кромами въ маѣ 1605 года. Заговоръ не удался — и за него были сосланы ближайшіе родственники Романовыхъ, изъ ссылки скоро попавшіе въ тушинскій лагерь, гдѣ собралась понемногу вся романовская родня во главѣ со старшимъ въ родѣ митрополитомъ Филаретомъ, который сталъ въ Тушинѣ патріархомъ. Эпизодъ этотъ считался впослѣдствіи настолько соблазнительнымъ, что въ офиціальномъ жи-

---

*) Г. Платоновъ, назв. соч. 397.

тіи патріарха Филарета о немъ вовсе умолчали. Но показанія современниковъ на этотъ счетъ такъ многочисленны и единодушны, что относительно самаго факта не можетъ быть сомнѣнія, хотя люди благочестивые и лойяльные, по вполнѣ понятнымъ побужденіямъ, старались дать ему объясненіе, благопріятное для Филарета Никитича. Первая, послѣ Романовыхъ и Шуйскихъ, боярская семья, Голицыны, шла инымъ путемъ, но тоже числилась въ рядахъ открытыхъ недоброхотовъ царя Василія, и ея виднѣйшій представитель, князь Василій Васильевичъ, стоялъ во главѣ возстанія, низвергнувшаго Шуйскихъ. „Княжата“ помельче, не смѣвшіе разсчитывать на самостоятельную политическую роль, какъ Голицыны, не чурались и „воровского“ двора, благо Романовы придали ему своимъ присутствіемъ извѣстную респектабельность. Кн. Шаховской былъ у „вора“ „слугою“, кн. Звенигородскій—дворецкимъ, князья Трубецкіе, Засѣкины и Барятинскіе сидѣли боярами въ его думѣ. Одно шпіонское донесеніе изъ Москвы въ Польшу, отъ конца правленія Шуйскаго, говорило, что „прямятъ“ послѣднему только нѣкоторые дьяки, а изъ бояръ почти никто.

При такомъ составѣ царскихъ думцевъ, съ патріархомъ изъ Романовыхъ, Тушино, казалось, немного отличалось отъ столицы перваго Димитрія. И однако, присмотрѣвшись ближе къ той арміи, которая слѣдовала за вторымъ „самозванцемъ“, мы замѣчаемъ въ ней характерныя отличія отъ дворянской рати, что привела перваго Димитрія въ Москву. Первое изъ этихъ отличій, раньше другихъ бросившееся въ глаза и современникамъ, и позднѣйшимъ историкамъ, состоитъ въ преобладающей роли, какую играли въ Тушинѣ поляки. Романовскій памфлетистъ, писавшій, повидимому, въ концѣ 1609 года, еще при Шуйскомъ, значитъ, до попытки Сигизмунда захватить московскій престолъ, до того момента, когда борьба приняла національный оттѣнокъ, тѣмъ не менѣе очень много и съ большимъ паѳосомъ говоритъ объ этомъ фактѣ. По его словамъ, поляки, хотя ихъ было и меньшинство, распоряжались русскими „измѣнниками“, какъ своими подчиненными, и, посылая ихъ первыми въ бой, отбирали потомъ лучшую часть добычи себѣ. Повторяемъ, здѣсь не приходится видѣть националистической тенденціи — ей еще пока не было мѣста; да и характеристика, которую нашъ авторъ даетъ полякамъ, въ общемъ, скорѣе симпатичная: въ противоположность русскимъ тушинцамъ, они изображаются людьми, не лишенными извѣстнаго рыцарства—они, напримѣръ, не убивали плѣнныхъ

и не позволяли убивать своимъ русскимъ товарищамъ, когда дѣйствовали въ бою съ ними вмѣстѣ; тогда какъ, дѣйствуя одни, русскіе „воры“ производили величайшія неистовства. И вотъ, въ описаніи этихъ послѣднихъ проглядываетъ другая, гораздо болѣе любопытная черта тушинскаго движенія: оно даетъ иную соціальную физіономію, чѣмъ какой мы ждали бы отъ возстанія служилыхъ людей противъ посаженнаго въ цари буржуазіей боярина. Тушинскіе отряды съ особенной любовью громятъ богатыхъ и отнимаютъ ихъ имѣнія. Гдѣ имѣнья было слишкомъ много и его было не увезти съ собой —„не мощно взяти множества ради домовныхъ потребъ“—, они истребляли его, кололи на мелкіе куски, бросали въ воду; „входы же и затворы всякіе разсѣкающе, дабы никому же не жительствовати тамъ“. Хорошо знакомая современному читателю картина разгрома помѣщичьей усадьбы весьма живо представляется нашимъ глазамъ, когда мы теперь читаемъ эти строки. А когда авторъ переходитъ къ насиліямъ надъ людьми, намъ на первомъ мѣстѣ встрѣчаются „мнози холопи, ругающеся госпожамъ своимъ“ и убивающіе своихъ господъ. Мы не будемъ мучить читателя описаніемъ неистовствъ холопской мести—у нашего автора не менѣе нагляднымъ и выразительнымъ, чѣмъ картина погрома помѣщичьей усадьбы: но въ высшей степени характерно признаніе автора, что для мести были основанія, что господа заслужили лютую ненависть своихъ рабовъ. Картина, какъ богатые, „въ сквернѣ лихоимства живуще“, заботятся о кабакахъ, „чтобы весь міръ соблазнити“, и на деньги, добытыя взятками и грабежами, „созидаютъ церкви Божіи“, а голоса бѣдняковъ не слушаютъ, „въ лицо и въ перси ихъ бити повелѣваютъ, и батогами, которыя злѣе зла, кости имъ сокрушаютъ, и во узы, и въ темницы, и въ смыки и въ хомуты ихъ присуждаютъ“: эта картина принадлежитъ къ числу самыхъ яркихъ не только въ этомъ памфлетѣ, но во всей литературѣ смуты. Но если для объясненія тушинскихъ неистовствъ приходилось припоминать все соціальное зло, какое накопилось въ московской Руси къ началу XVII вѣка, то очевидно, что для самого нашего автора дѣло было не въ одной „бѣсовъ злѣйшей“ злобѣ русскихъ людей, приставшихъ къ тушинскому „царику“. То возстаніе общественныхъ низовъ противъ общественнаго верха, котораго напрасно было бы искать въ казаческихъ движеніяхъ или въ болотниковскомъ бунтѣ, теперь начинаетъ дѣйствительно проявлять себя подъ покровомъ тушинскихъ отрядовъ. И національный составъ послѣднихъ былъ здѣсь не безразличенъ; бунтовавшіе помѣщики

все же оставались помѣщиками—и по отношенію къ крестьянскимъ побѣгамъ и крестьянской крѣпости врагъ Шуйскаго былъ солидаренъ съ его сторонникомъ. Собравшись подъ Москву вмѣстѣ съ казаками въ самую критическую минуту, лѣтомъ 1611 года, дѣти боярскія не позабудутъ, что бѣглыхъ крестьянъ и людей надо „по сыску отдавать назадъ старымъ помѣщикамъ". Будь тушинская армія сплошь русско-помѣщичьей, романовскому памфлетисту не пришлось бы описывать тѣхъ сценъ, которыя мы выше видѣли. Въ иномъ положеніи находились наемные польскіе отряды: хотя и шляхетскіе по своему составу, они, не собираясь оставаться въ странѣ, не были связаны общностью интересовъ съ мѣстными помѣщиками. Поддерживать московскій общественный строй было бы слишкомъ сложной и далекой для нихъ задачей: и трудно было бы этому удивляться, когда мы знаемъ, что двѣсти пятьдесятъ лѣтъ спустя гораздо болѣе просвѣщенные русскіе дворяне, Самарины и Черкасскіе, находили же возможнымъ опираться на польскаго крестьянина противъ польскаго помѣщика. Чего же было спрашивать въ XVII вѣкѣ съ „вольныхъ рыцарей" типа Лисовскаго или Рожинскаго? Все, что увеличивало „смуту", въ самомъ непосредственномъ смыслѣ этого слова, было имъ выгодно, такъ какъ дѣлало все болѣе вліятельнымъ положеніе польской военной силы, единственной организованной силы среди этого хаоса. А добычу у взбунтовавшихся хлоповъ легко было и отнять потомъ, ибо что̀ же могли сдѣлать полубезоружные погромщики противъ отлично вооруженной и вымуштрованной польской конницы? Эта связь двухъ фактовъ—соціальнаго движенія и паразитировавшихъ въ странѣ иноземныхъ отрядовъ—не могла не стать ясной людямъ, которые наблюдали дѣло вблизи и притомъ въ такой подробности, въ какой оно намъ уже недоступно, особенно, когда эти люди въ дѣлѣ были непосредственно заинтересованы. Патріотизмъ русскихъ помѣщиковъ, такимъ яркимъ пламенемъ вспыхнувшій въ 1611—12 годахъ, появился не на пустомъ мѣстѣ. Онъ былъ, какъ и всякій патріотизмъ, впрочемъ, особой формой классоваго самосохраненія.

Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, какія спеціальныя причины, послѣ паденія Шуйскаго, обострили это чувство и заставили помѣщиковъ, позабывъ всѣ ихъ разногласія, сплошной массой двинуться на внѣдрившагося въ страну иноземца. Но мы увидимъ также, что это движеніе, будь оно только дворянскимъ, было заранѣе осуждено на неудачу. Помѣщичье возстаніе 1612 года побѣдило, опираясь на торговый капи-

талъ: Какой интересъ для этого послѣдняго представляла борьба съ польско-тушинской арміей? Мы до сихъ поръ принимали, какъ фактъ, что посадскіе были на сторонѣ Шуйскаго: но нельзя же объяснить этотъ фактъ только тѣмъ, что царь Василій былъ посаженъ на престолъ московской буржуазіей. Она задолго до 1610 года могла убѣдиться, что избранный ею государь „несчастливъ“, и что изъ-за него „кровь христіанская льется безпрестанно“. Пора анализировать то понятіе „буржуазіи“, которымъ мы до сихъ поръ оперировали, какъ само собою разумѣющимся. Къ счастію, наши источники даютъ для этого достаточный матеріалъ. Стоявшіе за царя Василія—а позже противъ царя Владислава—города отрѣзанные часто отъ своего организаціоннаго центра въ Москвѣ, должны были вырабатывать свою организацію, и съ этою цѣлью поддерживали между собою дѣятельныя сношенія. Рядъ документовъ, относящихся къ ихъ перепискѣ между собою, до насъ дошелъ. Самыми ранними изъ нихъ являются „отписки“ устюжанъ къ вычегодцамъ отъ конца ноября 1608 года. Исходной точкой для переписки Устюга съ Солью Вычегодскою явились вѣсти о занятіи тушинцами Ростова и Вологды (временно даже эта столица Поморья подчинялась „вору“): событіе это устюжане разсматривали, какъ проявленіе Божьяго „праведнаго гнѣва на всю Русскую землю“, и уповали на то только, что, по дальности разстоянія, до нихъ гнѣвъ Божій, можетъ быть, еще и не дойдетъ. Но и къ нимъ уже прибылъ тушинскій агентъ, Никита Пушкинъ, такъ что географическіе аргументы имъ самимъ казались не особенно утѣшительными,—и приходилось утѣшать себя надеждами, что неизвѣстно еще, чья возьметъ,—„не угадать, на чемъ совершится“—да подбадривать себя совершенно уже нелѣпыми для той поры слухами, что князь Мих. Вас. Скопинъ-Шуйскій „Тушино погромилъ“. Какъ бы то ни было, необходимость цѣловать „вору“ крестъ казалась близкой—а это было крайне непріятно не столько само по себѣ, сколько по послѣдствіямъ, обычно сопровождавшимъ это событіе въ другихъ городахъ. Когда въ Ярославлѣ „чернь съ княземъ Өеодоромъ Барятинскимъ крестъ цѣловала царевичу Димитрію Ивановичу“, изъ Ярославля „лучшіе люди, пометавъ домы свои, разбѣжалися“. И здѣсь, въ Устюгѣ, во главѣ анти-тушинскаго движенія мы находимъ тоже „лучшихъ людей“: роль главнаго оратора на сходкѣ, рѣшенія которой передаетъ первая изъ „отписокъ“, взялъ на себя кабацкій откупщикъ Михалко. И обращалась устюжская буржуазія

въ Соль Вычегодскую къ своимъ соціальнымъ сверстникамъ „посадскимъ и волостнымъ лучшимъ людямъ“, рекомендуя имъ, въ свою очередь, поговорить „со Строгановыми“.

Наиболѣе полную картину этой внутри-городской соціальной борьбы, представляющей полную параллель сельскому движенію, описанному авторомъ романовскаго памфлета, даетъ псковскій лѣтописецъ. Псковъ послѣ Москвы — и послѣ разгрома Новгорода Иваномъ Васильевичемъ—былъ, вѣроятно, крупнѣйшимъ экономическимъ центромъ тогдашней Россіи. Классовыя отношенія, въ ихъ тогдашней формѣ, были тамъ наиболѣе развиты—и смѣна классовъ у власти выступаетъ поэтому въ лѣтописи особенно отчетливо. Антагонизмъ „лучшихъ“ и „меньшихъ“ здѣсь намѣтился очень рано — и какъ разъ въ связи съ признаніемъ или непризнаніемъ правительства Шуйскаго. Еще въ дни Болотниковскаго бунта послѣдній въ числѣ другихъ городовъ запросилъ денежной помощи и у Пскова. Городское правительство, гости, готовы были дать деньги— не свои, разумѣется, а собранныя со всего Пскова. „Черные люди“ очень неохотно подчинились платежу и послали въ Москву своихъ выборныхъ, на которыхъ гости доносили, какъ на крамольниковъ, и которые въ Москвѣ оказались въ очень близкихъ отношеніяхъ къ псковскимъ стрѣльцамъ, весьма скоро измѣнившимъ Шуйскому. Псковскій воевода, бояринъ Шереметевъ, какъ почти всѣ бояре того времени враждебный царю Василію, игралъ двойную роль: офиціально онъ былъ на сторонѣ „законной власти“—правившихъ Псковомъ представителей торговаго класса, „гостей“, а подъ рукою помогалъ тушинскимъ агентамъ. Но пока „меньшіе“ были безоружны, дальше „крамольныхъ рѣчей“ они не шли. Дѣлу дало быстрый ходъ появленіе въ Псковѣ измѣнившихъ московскому правительству стрѣльцовъ, а въ окрестностяхъ города—тушинскихъ отрядовъ. Мелкіе служилые, которыми наполнены были псковскіе пригороды—пограничныя крѣпости— поцѣловали крестъ Димитрію Ивановичу. А въ самомъ городѣ набравшіеся теперь смѣлости „народи“ „похваташа лутчихъ людей и гостей и пометаша ихъ въ темницу“. Это было въ августѣ 1608 года. Вслѣдъ за гостями попалъ въ тюрьму и игравшій двойную игру воевода. „Меньшіе“ со стрѣльцами оказались хозяевами города. Но у псковской демократіи не было увѣренности въ своей полной побѣдѣ: ей казалось, что „лучшіе“ и въ тюрьмѣ устраивали противъ нея заговоры,— и 1 сентября во Псковѣ разыгрались сцены, живо напоминающія читателю „сентябрьскія убійства“ великой францу-

ской революціи. Когда по городу разнесся слухъ, что изъ Новгорода идутъ „нѣмцы", нанятые будто бы Шуйскимъ, толпа псковичей бросилась „на начальниковъ градскихъ и на нарочитыхъ града мужей, иже бяху въ темницу всажени". Ихъ вытащили изъ тюрьмы и „нужною смертiю умориша": однихъ посажали на колъ, другимъ отрубили головы, третьихъ подвергли тѣлесному наказанію — и у всѣхъ конфисковали имѣніе. Бывшаго воеводу, Шереметева, удавили въ тюрьмѣ. Вся расправа производилась отъ имени царя Димитрія. Но конфискація не остановилась на имуществѣ казненныхъ: демократическое начальство захватило въ пользу города казну владыки и монастырей и подвергло гостей такому же принудительному побору въ пользу тушинскаго правительства, какому они раньше подвергали „черныхъ людей" въ пользу царя Василія. И демократическій терроръ не остановился на сентябрьскихъ убійствахъ. Во Псковѣ вскорѣ случился большой пожаръ, причемъ взрывомъ порохового погреба разрушило кремль. „Псковичи же народъ, чернь и стрѣльцы... рекоша сице: «бояре и гости городъ зажгоша» и начаша въ самый пожаръ каменіемъ гонити ихъ, они же побѣгоша изъ града: и наутріе собравси начаша влачити нарочитыхъ дворянъ и гостей, мучити и казнити, и въ темницу сажати". Но мелкіе служилые скоро оказались плохими союзниками городского мѣщанства—и псковскіе „аристократы" сумѣли воспользоваться этимъ, возстановивъ черныхъ людей противъ стрѣльцовъ. Послѣдніе были прогнаны изъ города, и народная партія лишилась вооруженной силы: въ результатѣ, на короткое время городъ опять перешелъ въ руки гостей; началась лютая реакція—„начальниковъ сонмища" иныхъ „казни предаша", а другихъ и просто „побиша". Но торжество богатаго купечества было непродолжительно. Оно, во-первыхъ, черезчуръ быстро обнаружило свою истинную политическую физіономію, предложивъ цѣловать крестъ Шуйскому. А затѣмъ „прежереченніи самоначальницы", уцѣлѣвшіе отъ казней вожди псковской демократіи, нашли себѣ опору въ массѣ „поселянъ"—псковскихъ смердахъ, которые намъ уже встрѣчались на страницахъ этой исторіи. Толпы крестьянъ появились на улицахъ Пскова, и при ихъ содѣйствіи реакціонное правительство было свергнуто. Болѣе двухсотъ представителей псковской знати, „дворянъ и гостей", а вмѣстѣ съ ними „чернцовъ и поповъ", оказались опять въ тюрьмѣ, а имѣніе ихъ было конфисковано. Рать, посланная Шуйскимъ на помощь „бѣлымъ людямъ" Пскова,

Обрученіе Марины Мнишекъ.

Оригиналъ польской картины *Обрученіе Марины Мнишекъ* находится въ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ (залъ Смутнаго времени) и имѣетъ на себѣ нижеслѣдующую подпись: Desponsatio Mariannae Mniszchownae Georgii de M. K. Mniszech Palatini Sandomiriensis Filiae cum Demetrio || Iwanowicz Imperatore Moschoviae, Cujus Nomine hanc desponsationem suscepit Magnus Legatus Moschoviae Vir insignis || Ophanasius Vlasiewicz, Cracoviae de Consensu Regio et Reipublicae benedicente et peragente hunc sponsaliorum Actum || Primate Regni Cardinali Macieiowski.

Обрученіе Марины Мнишекъ съ московскимъ царемъ Димитріемъ Ивановичемъ I Ложнымъ происходило 12 ноября 1605 года въ Краковѣ въ домѣ ксендза Фирлея. Царя представительствовалъ посолъ Аѳанасій Власьевъ, который привезъ съ собой въ Польшу множество подарковъ для панны Марины, для Юрія Мнишекъ, для польскаго короля Сигизмунда и родственниковъ царской невѣсты. Въ Польшѣ недаромъ придавали огромное историческое значеніе этой помолвкѣ Димитрія и Марины. Въ старое время политическіе браки не были рѣдкостью на Западѣ, не оставались безрезультатными для международныхъ отношеній. Близко прикасаясь къ западной культурѣ и вспоминая, быть-можетъ, женитьбу въ 1386 г. великаго князя литовскаго Ягайла на наслѣдницѣ польскаго престола Ядвигѣ, создавшей династическое соединеніе двухъ сосѣднихъ государствъ, королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго, Польша, естественно, могла мечтать о той или другой мирной формѣ побѣды надъ своимъ восточнымъ славянскимъ врагомъ. Союзъ Москвы и Польши при тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ жило то и другое государство, казался прямой необходимостью. Несмотря на то, что бытовая рознь между обоими государствами была велика и чувствительна, особенно, когда ее окрашивали терминами такъ называемыхъ католицизма и православія, ни то, ни другое государство не отказывалось въ XVI и XVII вв. отъ мысли практически осуществить унію Москвы и Польши, неуспѣхъ которой создалъ въ результатѣ гибельныя послѣдствія и для Польши, и для Россіи, частью добѣжавшія до нашихъ дней. И царь Иванъ IV, и царь Алексѣй домогались быть избранными на польскій престолъ; на московскій престолъ былъ избранъ королевичъ Владиславъ, его пытался занять и самъ польскій король Сигизмундъ. Легко себѣ представить поэтому, какое крупное значеніе могли придавать современники помолвкѣ и обрученію панны Марины съ воображаемымъ сыномъ Ивана IV Димитріемъ. Это обрученіе и было увѣковѣчено прилагаемой при семъ польской картиной, а описаніе самаго факта въ источникахъ характерно по обнаруженію той разницы между московской и польской культурой, которая должна была тогда выразительно сказаться. Послѣ перваго представленія король Сигизмундъ пригласилъ московскаго посла и его свиту на балъ; посолъ не счелъ возможнымъ отправиться на балъ и сказался больнымъ. Въ день обрученія посолъ въ условленное время сталъ на назначенномъ ему мѣстѣ, послѣ чего появилась Марина, одѣтая въ бѣлое алтабасовое платье, унизанное жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, съ короной на головѣ, при чемъ по распущеннымъ чернымъ волосамъ скатывались внизъ нитки жемчуга, перемѣшаннаго съ каменьями. Кардиналъ Бернардъ Мацѣевскій, по обряду обрученія, спросилъ Власьева: *не обѣщалъ ли царь прежде кому-либо?* Посолъ тотчасъ же отвѣчалъ: „А почему я знаю, онъ мнѣ этого не говорилъ“, и только, когда ему объяснили смыслъ этого вопроса, согласно ритуалу обрученія, Власьевъ заявилъ: „Коли бъ кому обѣщалъ, такъ бы меня сюда не слалъ“.

Когда, разсказываетъ Н. И. Костомаровъ въ своемъ нѣсколько болтливо и порою тенденціозно написанномъ „Смутномъ времени московскаго государства въ началѣ XVII столѣтія“, совершеніе обряда дошло до перемѣны перстней, посолъ Власьевъ бережно вынулъ изъ маленькой коробочки перстень съ алмазомъ, величиною съ большую вишню, и отдалъ кардиналу; послѣдній надѣлъ его на палецъ Марины, и, взявши отъ нея другой перстень, хотѣлъ надѣть на палецъ послу. Посолъ не только не осмѣлился надѣть этотъ перстень себѣ на палецъ, но даже не могъ дотронуться до него голыми руками, а взялъ черезъ платокъ и спряталъ въ коробочку. Московскій посолъ не забывалъ въ себѣ холопа московскаго царя, и когда кардиналъ хотѣлъ связывать руки представителя жениха и невѣсты, то Власьевъ не счелъ себя достойнымъ прикоснуться голой рукой своей до руки царской невѣсты и обернулъ себѣ руку платкомъ. Едва принудили его дать Маринѣ руку, доказавши ему, что онъ, Власьевъ, здѣсь не своимъ лицомъ дѣйствуетъ, а изображаетъ московскаго царя. Что бы ни думалъ внутри себя Власьевъ, но публично онъ каждую минуту стремился показать, что онъ только холопъ высокаго московскаго царя, не больше. Посолъ не постѣснился даже открыто назвать себя *холопомъ*, считая такое положеніе какъ бы за честь для себя. На какой потрясающей ступени развитія надо находиться, чтобы не страдать отъ холопскаго положенія. За обѣдомъ посолъ долго упирался, не хотѣлъ сѣсть рядомъ съ будущей московской царицей и за однимъ столомъ съ королевскими персонами. Когда его, въ концѣ-концовъ, уговорили сѣсть, онъ все время остерегался какъ бы своею одеждой не коснуться костюма Марины и ничего не ѣлъ, ибо, какъ онъ передалъ черезъ одного пана королю: „не годится холопу ѣсть съ государями“... „я и тѣмъ доволенъ, что смотрю на обѣдъ такихъ высокихъ особъ“. Эта классическая дикость, это безконечное раболѣпство не могло не быть замѣчено, равно какъ и то, что московскіе люди, сидѣвшіе за другими столами, хватали кушанье руками и такимъ способомъ отправляли его прямо въ ротъ. И нельзя не признать, что у Марины Мнишекъ оказалось не мало мужества, чтобы отправиться въ Москву, и за это мужество, вспыхнувшее отъ мечты о величавой роли, она расплатилась жизнью.

В. Стор.

DESPONSATIO MARIANNAE MNISZCHOWNAE GEORII de M. K. MNISZECH PALATINI SANDOMIRIENSIS FILIAE, CUM DEMETRIO
IWANOWICZ IMPERATORE MOSCHOVIAE, CUIUS NOMINE HANC DESPONSATIONEM SUSCEPIT MAGNUS LEGATUS MOSCHOVIAE VIR INSIGNIS
OPHANASIUS ULASIEWICZ, CRACOVIAE de CONSENSU REGIO, ET REIPUBLICAE BENEDICENTE & PERAGENTE HUNC SPONSALIORUM ACTUM
PRIMATE REGNI CARDINALI MACIEIOWSKI

пришла слишкомъ поздно: въ городѣ уже опять были стрѣльцы и тушинскіе казачьи отряды, и царскій воевода, князь Влад. Долгорукій, постоявъ нѣкоторое время подъ городомъ, ушелъ обратно. Псковичи же, готовясь къ дальнѣйшей войнѣ, принаняли себѣ польскіе отряды: во Псковѣ появились „лисовчики“. Псковскую демократі › не приходится, однако, обвинять за это въ недостаткѣ патріотизма, ибо сторона Шуйскаго призвала къ себѣ на помощь шведовъ. Но и это ей не помогло: сначала Лисовскій, потомъ „ложный царь и воръ Матюшка“ съ казаками *) отстаивали городъ до 1613 года—и только обще-русскій успѣхъ „лутчихъ людей“ склонилъ чашку вѣсовъ на ихъ сторону и во Псковѣ. Вожди народной партіи опять были переарестованы и на этотъ разъ отправлены въ Москву, гдѣ уже окончательно торжествовалъ „порядокъ“.

Внутри самаго Тушина оказывалось, такимъ образомъ, классовое противорѣчіе, грозившее неизбѣжной гибелью дѣлу второго Димитрія. Начатое среднимъ землевладѣніемъ возстаніе принимало, дѣйствительно, физіономію „холопьяго бунта“. Оттого, въ противоположность первому Димитрію, который опирался главнымъ образомъ на служилую массу, второй держался, подъ конецъ, почти исключительно польскими наемниками да казачествомъ. Но казаки всегда были готовы стать на сторону помѣщиковъ,—поверстай ихъ только землей, да надѣли „государевымъ жалованьемъ“. Служилые верхи тушинской массы должны были скоро понять, что главную опасность представляютъ поляки. Въ то же время они представляли и главную боевую силу Тушина. Передъ патріархомъ Филаретомъ и другими именитыми тушинцами, съ одной стороны, помѣщиками, дѣтьми боярскими, тянувшими ко второму Димитрію, съ другой, всталъ, такимъ образомъ, вопросъ: какъ обезвредить поляковъ, не лишившись ихъ безцѣнной въ военномъ отношеніи помощи? Довольно естественно было въ такомъ положеніи апеллировать отъ хозяйничавшаго въ Россіи „рыцарства“ къ его собственному, польскому, правительству. Правда, въ средѣ польскихъ солдатъ Тушина было немало эмигрантовъ, людей, и съ польской точки зрѣнія, нелегальныхъ: къ такимъ принадлежалъ, между прочимъ, знаменитый Лисовскій. Ихъ, конечно, нельзя было заставить пови-

*) Съ легкой руки перваго Димитрія, казаки стали изготовлять „царевичей“, можно сказать, фабричнымъ способомъ: имѣлись царевичи „Августъ“, Лаврентій, два Петра, Θедоръ, Клементій, Савелій, Симеонъ, Василій, Ерошка, Гаврилка, Мартынка и т. д.

новаться польскимъ властямъ, но можно было привлечь на сторону „порядка“ именно надеждой легализаціи. Другимъ, не порвавшимъ связей съ родиной, польскій король могъ и прямо приказать бросить „хлоповъ“ и помогать помѣщикамъ. Было только ясно одно: что даромъ король Сигизмундъ въ московскую смуту не вмѣшается; что его нужно чѣмъ-нибудь заинтересовать, — сдѣлать дѣло русскихъ помѣщиковъ его дѣломъ. Въ такой обстановкѣ возникаетъ въ началѣ 1609 года въ тушинскомъ лагерѣ кандидатура на московскій престолъ королевича Владислава. Ставъ отцомъ московскаго царя, Сигизмундъ, конечно, получалъ сильнѣйшее побужденіе возстановить порядокъ въ московскомъ государствѣ.

Мысль о польскомъ кандидатѣ на московскій престолъ была отнюдь не новая мысль. Еще въ дни перваго Димитрія, пока Шуйскій съ московскими посадскими облаживалъ дѣло въ свою пользу, для бояръ желаннымъ царемъ былъ именно Владиславъ: на этотъ счетъ ихъ агентъ въ Краковѣ и велъ переговоры, которые переворотомъ 17 мая были оборваны безъ всякихъ результатовъ. Въ 1608 году, когда окончательно выяснилась неустойчивость Шуйскаго на престолѣ, дѣло опять всплыло, и заговорили объ этомъ опять бояре. Достаточно вспомнить положеніе „можновладства“ въ польско-литовскомъ государствѣ, чтобы понять, почему симпатіи боярства направлялись въ эту сторону. Недаромъ и въ Тушинѣ о польскомъ кандидатѣ вспомнилъ, прежде всего, Филаретъ съ его окружающими. Но бояре въ эти дни были уже настолько малой политической силой, что имъ однимъ было бы совершенно невозможно сдѣлать государемъ, кого они хотѣли. Реакція помѣщичьей массы противъ тушинскаго „царика“, становившагося, помимо своей воли и вѣдома, но въ силу неотвратимаго хода вещей, холопскимъ царемъ, оказала имъ неожиданную поддержку: дворянству тоже былъ нуженъ новый царь, а своего кандидата у него не было. Одинаковое у обѣихъ руководящихъ группъ Тушина, боярской оппозиціи Шуйскому и провинціальнаго дворянства, желаніе обезвредить польское „рыцарство“ очень быстро привело къ тому, что два старыхъ противника, которымъ, казалось, теперь было нечего дѣлить, столковались очень быстро. И ужъ въ январѣ 1610 года передъ Сигизмундомъ появилось посольство, представлявшее обѣ группы и поставившее вопросъ о Владиславѣ на совершенно дѣловую почву: верхи тушинской арміи отказывались отъ своего сомнительнаго царя и обязы-

вались употребить всѣ усилія, чтобы посадить на Московское государство польскаго королевича.

У польскаго короля былъ ужъ въ это время спеціальный поводъ вмѣшаться въ московскія дѣла, и именно противъ Шуйскаго, то-есть, по существу дѣла, за Тушино,—хотя, конечно, и не за „вора“. Польская регулярная конница на службѣ послѣдняго заставила царя Василія, лишеннаго вдобавокъ поддержки большинства своихъ служилыхъ, искать равносильнаго ей противника на сторонѣ. Ему не къ кому было обратиться, кромѣ шведовъ. 28 февраля 1609 года былъ подписанъ въ Выборгѣ договоръ оборонительнаго и наступательнаго союза между королемъ Карломъ IX и царемъ Василіемъ: неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого договора была война Московскаго государства съ Польшей, которая тогда была въ войнѣ съ Швеціей. Съ точки зрѣнія правительства Шуйскаго, это было вполнѣ резонно—поляки все равно поддерживали Тушино, неофиціально война все равно была, а королевское войско было немногимъ страшнѣе такихъ партизановъ, какъ Рожинскій или Лисовскій. Это сейчасъ же и оправдалось: даже къ осени этого года королю Сигизмунду удалось набрать не болѣе 5.000 пѣхоты и 12.000 конницы, причемъ послѣдняя была хуже тушинскихъ дружинъ. Съ этими силами король подступилъ къ Смоленску, въ качествѣ крупнаго коммерческаго центра (въ немъ считали до 70.000 жителей) державшему, конечно, сторону Шуйскаго. Подъ Смоленскомъ, осада котораго велась очень вяло и неудачно, застали Сигизмунда и тушинскіе послы.

Договоръ, заключенный ими съ Сигизмундомъ (онъ подписанъ, какъ частное соглашеніе, подъ Смоленскомъ 4 февраля 1610 года, а 17 августа того же года, принятый правившими Москвой боярами, онъ сталъ офиціальнымъ документомъ), пользуется громкой извѣстностью въ нашей литературѣ, какъ первый „проектъ русской конституціи“. Собственно, первымъ документомъ, содержавшимъ въ себѣ формальное ограниченіе царской власти, была запись Шуйскаго; но та заключала въ себѣ только отрицательныя постановленія, опредѣляла, чего царь *не долженъ* дѣлать, тогда какъ договоръ 1610 года пытается опредѣлить, *какъ долженъ царь управлять*. При ближайшемъ разсмотрѣніи, однако, этотъ документъ совсѣмъ не оправдываетъ своей громкой репутаціи. Прежде всего, никакого „проекта“ здѣсь нѣтъ,—и авторы, наоборотъ, принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы ихъ не приняли за прожектеровъ, предлагающихъ что-

то новое. Все должно дѣлаться „по прежнему“—спеціально оговорено, чтобы „прежнихъ обычаевъ и чиновъ, которые были въ Московскомъ государствѣ, не перемѣнять“. При такой постановкѣ дѣла весь договоръ является не программой на будущее, а ретроспективнымъ обзоромъ московскаго политическаго обычая, съ явной попыткой возстановить во всей неприкосновенности не только то, что было до Смуты, но и то, что было до опричнины. Какъ это было въ дни „избранной рады“, вся политическая власть предполагается сосредоточенной въ рукахъ бояръ: царь ничего не долженъ дѣлать, не поговоря съ ними. „А все то“, заключаетъ договоръ: „дѣлати государю съ приговоромъ и совѣтомъ бояръ и всякихъ думныхъ людей; а безъ думы и безъ приговору такихъ дѣлъ не совершати“. Реципируя содержаніе крестоцѣловальной записи Шуйскаго, договоръ особенно подчеркиваетъ участіе бояръ въ судѣ („а кто виненъ будетъ... того по винѣ его казнити, осудивши напередъ съ бояры и съ думными людьми...“). Съ нашей точки зрѣнія, особенно важной представляется зависимость отъ бояръ бюджета: „доходы государскіе... сверхъ прежнихъ обычаевъ, не поговоря съ бояры, ни въ не прибавливати“. Но и тутъ не было, конечно, ничего новаго—налоги и раньше входили въ компетенцію боярской думы. Единственной новизной договора—новизной не очень смѣлой, но очень характерной, является упоминаніе о земскомъ соборѣ, какъ необходимомъ участникѣ законодательства: „на Москвѣ и по городамъ суду быти и совершатися по прежнему обычаю, по Судебнику Россійскаго государства; а будетъ похотятъ въ чемъ пополнити для укрѣпленья судовъ, и Государю на то поволити съ думою бояръ и всея земли, чтобы было все праведно“. До опричнины законодательная власть осуществлялась царемъ съ боярами: теперь ею дѣлились и съ дворянами, составлявшими подавляющее большинство „совѣта всея земли“. Такъ учитывалъ договоръ 1610 года политическія перемѣны, происшедшія за шестьдесятъ лѣтъ, съ изданія царскаго Судебника: учетъ очень скромный, если вспомнить, что съ тѣхъ поръ дворянство посадило двухъ царей на московскій престолъ, а теперь приходилось ссаживать третьяго главнымъ образомъ изъ-за того, что помѣщики его „не любятъ.... и служити ему не хотятъ“. Подъ перомъ московскаго боярства политическій обычай московскаго государства дѣлалъ „духу времени“ уступки лишь въ самыхъ гомеопатическихъ дозахъ. Особенно, если принять во внима-

ніе, что инициатива созыва земскаго собора всецѣло оставалась въ рукахъ боярства—не къ кому отнести „похотятъ“, кромѣ тѣхъ, которые судятъ, т.-е. бояръ,—и что составъ этой всевершащей коллегіи пытались закрѣпить такъ же прочно, какъ это было сдѣлано въ пятидесятыхъ годахъ XVI вѣка. „Московскихъ княженецкихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцами въ отечествѣ и чести не тѣснити и не понижати“, говорилъ окончательный текстъ договора. Въ первоначальной редакціи это обѣщаніе было смягчено прибавкой: „людей меньшаго стана“ повышать сообразно съ личными заслугами. Отпаденіе этой оговорки въ офиціальномъ текстѣ чрезвычайно характерно, какъ это уже отмѣчено въ литературѣ: то, что провозглашалось еще опричниками Грознаго, что государь „яко Богъ и малаго великимъ чинитъ“, московскіе бояре отказывались признать и черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти Ивана Васильевича. Этой юридической неприкосновенности „великихъ становъ“ соотвѣтствовало, конечно, гарантированіе ихъ экономическаго базиса: Владиславъ обязывался „родительскихъ вотчинъ ни у кого не отнимати“. Ограничительныя постановленія въ этомъ смыслѣ грамоты Шуйскаго распространялись и на новаго государя.

„Боярское правленіе“, котораго историки напрасно искали при царѣ Василіи, должно было начаться именно теперь: ничто не даетъ никакого убѣдительнаго доказательства растерянности помѣщичьей массы передъ возстаніемъ деревенскихъ низовъ, какъ политическая часть договора 1610 года. Правнуки Пересвѣтова соглашались теперь всю власть отдать „лѣнивымъ богатинамъ“, лишь бы удержать свое соціальное положеніе. Послѣднее и гарантировалось договоромъ, такъ сказать, съ обѣихъ сторонъ, и сверху, и снизу. Сверху шелъ къ помѣщику денежный капиталъ, которымъ жило его хозяйство,—снизу онъ старался прикрѣпить къ этому хозяйству рабочія руки. Бояре, становясь московскимъ правительствомъ, формально обѣщали отъ лица царя Владислава „жалованье велѣти давати изъ четверти по всякій годъ, попрежнему обычаю“. Гарантировалась, такимъ образомъ, лишь традиціонная норма жалованья, не принимая, стало быть, въ разсчетъ паденія цѣны денегъ. Измѣненіе этой нормы допускалось, но инициатива его опять-таки должна была идти отъ бояръ: „а будетъ что кому прибавлено... не по ихъ достоинству, или... убавлено безъ вины... о томъ государю совѣтовати съ бояры и съ думными людьми“. Бояре совсѣмъ не желали, чтобы государь дѣлалъ изъ жалованья средство для

усиленія своей популярности, какъ это было при Годуновѣ и Названомъ Димитріи. Относительно рабочихъ рукъ приходилось принимать особыя мѣры предосторожности — теперь въ конкуренцію могли бы оказаться вовлеченными и землевладѣльцы сосѣдней Литвы. Оттого договоръ и опредѣлялъ: „торговымъ и пашеннымъ крестьянамъ въ Литву съ Руси и съ Литвы на Русь выходу не быти". „Такъ же и на Руси промежъ себя крестьянамъ выходу не быти", а крѣпостнымъ людямъ свободы не давать, прибавлялъ первоначальный текстъ неофиціальнаго соглашенія. Очень любопытно это опасеніе эмансипаторской политики со стороны новаго царя: помѣщики какъ будто вспомнили, какъ что-то подобное затѣвалъ когда-то Годуновъ. Но самое запрещеніе „выхода" опять лишь реципировало законодательство Шуйскаго: указомъ 1607 года, марта 9-го, было уже постановлено: „которые крестьяне отъ сего числа передъ симъ за 15 лѣтъ въ книгахъ 101 (1593-го) году положены, и тѣмъ быть за тѣми, за кѣмъ писаны". Только тогда это была мѣра, направленная въ первую голову противъ „украинныхъ помѣщиковъ", которые Шуйскому „служити не хотѣли", и къ которымъ въ голодные годы сошла масса крестьянства изъ центральныхъ уѣздовъ: потому и разрѣшалось прежнимъ господамъ искать ушедшихъ и возвращать къ себѣ. Теперь эта оговорка, направленная спеціально противъ политически враждебныхъ царю Василію элементовъ дворянства, естественно отпадала, и оставалось только общее правило его указа: „не принимай чужого".

Если среднее землевладѣніе оказалось въ договорѣ на второмъ планѣ, то само собою разумѣется, что о буржуазіи договоръ заботился еще меньше, и, кромѣ свободной торговли съ Польшей и Литвой, на прежнихъ основаніяхъ, не нашли даже нужнымъ что-либо оговаривать. И это опять было естественно: положеніе помѣщиковъ было трудное, положеніе московскаго посада—а онъ былъ ближе всѣхъ на глазахъ, и по немъ цѣнили буржуазію вообще,—было прямо безвыходное. Въ теченіе 1609 года тушинскіе отряды перехватили дорогу на Рязань, и Москва сидѣла безъ хлѣба; попытка царя Василія установить максимумъ хлѣбныхъ цѣнъ ни къ чему не привела; этимъ только лишній разъ воспользовалась спекуляція и, въ связи съ „хлѣбной дороговью", „чернь" волновалась, очень опредѣленно высказываясь за тушинскаго „царика". Настолько опредѣленно, что съ этими симпатіями московской „черни" должно было считаться польское прави-

тельство: оно очень хотѣло бы устранить совсѣмъ крайне для него теперь неудобную фигуру второго Димитрія, но убить его не рѣшалось, опасаясь, что это возстановить противъ поляковъ массу московскаго населенія. Псковскія сцены могли разыграться и въ Москвѣ каждый день, и „лучшимъ людямъ“ столичнаго посада не приходилось ни быть особенно разборчивыми въ выборѣ союзниковъ, ни ставить этимъ послѣднимъ какихъ-нибудь условій.

Есть основаніе думать, что, заключая договоръ съ Сигизмундомъ, бояре и служилые люди думали сразу избавиться отъ обоихъ царей—и московскаго, котораго теперь вяло поддерживалъ московскій посадъ, и подмосковнаго, отъ котораго отказались теперь верхи его рати. Но и съ тѣмъ и съ другимъ пришлось подождать. „Воръ“ успѣлъ проникнуть въ замыслы своихъ совѣтниковъ и бѣжалъ изъ Тушина (въ первой половинѣ января); само по себѣ это было бы еще ничего, но съ нимъ ушли всѣ казацкіе отряды. Если служилые были въ договорѣ на второмъ планѣ, а посадскіе на послѣднемъ, то отношеніе его къ казакамъ было вовсе странное: самое существованіе ихъ ставилось въ зависимость отъ рѣшенія „бояръ и думныхъ людей“; тѣ должны были рѣшить, будутъ ли казаки впредь „надобны“ или нѣтъ. Это было, правда, вполнѣ согласно со „стариной и пошлиной“, которыя охраняло соглашеніе 4 февраля: „по обычаю“, казакамъ не было мѣста въ московскомъ общественномъ порядкѣ. Но тутъ устарѣлость боярскихъ взглядовъ была наказана немедленно и самымъ чувствительнымъ образомъ. Обдѣленные польско-боярскимъ соглашеніемъ, казаки тѣмъ болѣе должны были дорожить оставшимся въ ихъ рукахъ символомъ царской власти—и всею силою рѣшили поддержать „вора“. Отъ него отпали только польскіе отряды, но онъ остался все же въ военномъ отношеніи величиною, которую не приходилось игнорировать. Шуйскій же такой величиной неожиданно сдѣлался. Во второй половинѣ февраля въ Москвѣ совсѣмъ налажено было его низложеніе: дворяне, съ нѣкогда лойяльными рязанцами во главѣ, при активной поддержкѣ кн. В. В. Голицына, собрали на царя Василія „сонмище“ и едва не завладѣли кремлемъ. Но московскій посадъ не видѣлъ большой разницы между Василіемъ Ивановичемъ и этими его врагами—въ отвѣтъ на ихъ призывы онъ не шевельнулся. Покричавъ и побезобразничавъ, дворянская толпа ушла въ Тушино. Шуйскій въ этомъ дѣлѣ обнаружилъ, по лѣтописи, большую твердость, на которую повліялъ, конечно, и нейтра-

литетъ московскаго посада, но еще больше тотъ фактъ, что выборгскій договоръ со шведами началъ, наконецъ, давать свои плоды. Наемные шведскіе отряды, подъ начальствомъ царскаго племянника Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, очистили отъ тушинцевъ сѣверные пути къ Москвѣ и стояли въ это время уже въ Александровской слободѣ. 12 марта Скопинъ былъ уже въ городѣ, а за нѣсколько дней передъ этимъ Рожинскій поджегъ тушинскій лагерь и отступилъ со своими поляками на сѣверо-западъ, сближаясь съ королевскими войсками, оперировавшими противъ Смоленска. Царь Василій въ первый разъ послѣ сдачи Болотникова въ Тулѣ, послѣ двухлѣтняго промежутка, наполненнаго неудачами, оказался опять побѣдителемъ на полѣ битвы.

При наличномъ положеніи вещей это могла быть лишь отсрочка. Шведская армія, какъ и всякая европейская армія этого времени, была наемнымъ войскомъ, навербованнымъ изъ авантюристовъ всѣхъ странъ, служившихъ лишь до тѣхъ поръ, пока имъ исправно платили жалованье. Но именно это условіе выполнять Шуйскому было труднѣе всего. Поморская буржуазія еще платила, пока близка была тушинская опасность и вмѣстѣ съ нею опасность демократическаго возстанія. По мѣрѣ того, какъ Скопинъ очищалъ сѣверъ, ея щедрость ослабѣвала, и къ лѣту 1610 года царь Василій опять уподобился „орлу безперу". Въ первой же битвѣ съ войсками короля Сигизмунда (подъ Клушинымъ, 24 іюня) не получавшіе жалованья „нѣмцы" Шуйскаго, безъ дальнѣйшихъ околичностей, перешли къ противнику, и война царя Василія съ Польшей была этимъ кончена, а вмѣстѣ съ тѣмъ фактически кончилось и его царствованіе. Современники, разумѣется, приписывали такой неожиданный, послѣ недавняго торжества, оборотъ дѣла личнымъ перемѣнамъ: тому, что во главѣ московской арміи стоялъ теперь не популярный Скопинъ, за два мѣсяца до того умершій, будто бы „отравленный" Шуйскимъ,—а никѣмъ нелюбимый братъ царя Василія, Дмитрій Ивановичъ. Что бездарный московскій воевода имѣлъ дѣло съ однимъ изъ талантливѣйшихъ польскихъ генераловъ, гетманомъ Жолкѣвскимъ, это, конечно, не могло до извѣстной степени не отразиться на ходѣ боя. Но измѣны „нѣмцевъ" рано или поздно, разъ не было денегъ, никакая талантливость не предотвратила бы,—выигравъ эту битву, москвичи не смогли бы дать другой, и получилась бы лишь новая отсрочка, мѣряющаяся уже не мѣсяцами, а недѣлями. Такъ что

князь Михаилъ Скопинъ умеръ, по всей вѣроятности, отъ тифа, весьма во̀-время для своей военной славы.

Послѣ Клушинской битвы возстановилось, со стратегической точки зрѣнія, то соотношеніе силъ, какое было до паденія Тушина. Подъ Москвой стояла организованная военная сила въ лицѣ поляковъ,—а противъ нея былъ Шуйскій, ослабленный болѣе, нежели когда бы то ни было, лишенный и шведской подмоги, и поддержки уже всѣхъ служилыхъ людей, такъ какъ даже и рязанцы съ Ляпуновымъ были теперь противъ него. Московскіе люди могли теперь тѣмъ меньше медлить, что и „воръ“ тоже стоялъ въ полѣ,—и этотъ фактъ продолжалъ волновать московскихъ „черныхъ людей“. Польское войско было единственной гарантіей „порядка“, если бы оно согласилось взять на себя эти функціи: но оно согласилось на это лишь подъ вполнѣ опредѣленнымъ условіемъ—признанія москвичами договора 4 февраля. „Универсалы“ гетмана Жолкѣвскаго непрестанно напоминали объ этомъ московской публикѣ; какое значеніе имѣли эти „универсалы“ въ низверженіи Шуйскаго, видно изъ того, что ихъ аргументація (изъ-за царя Василія „безпрестанно льется христіанская кровь“) дословно воспроизведена офиціальными грамотами о сверженіи съ престола Василія Ивановича. Только страхъ передъ союзомъ московскаго простонародья съ войсками второго Димитрія заставлялъ правящіе круги до поры до времени играть комедію и офиціально изображать поляковъ врагами даже недѣлю-другую послѣ того, какъ Шуйскій былъ „сведенъ“ и постриженъ. Надо было дать Жолкѣвскому подойти подъ самую Москву—и поставить московское населеніе передъ дилеммою: или драться съ поляками (для чего не было ни средствъ, ни силъ), или впустить ихъ въ городъ. Въ то же время нужно было сколько-нибудь прилично подготовить избраніе Владислава—такъ какъ тушинскіе послы ни отъ кого не имѣли офиціальнаго полномочія договариваться о судьбахъ московскаго престола. Послѣ новѣйшихъ изысканій едва ли можетъ быть сомнѣніе, что выборы Владислава предполагалось обставить столь же торжественно, какъ, впослѣдствіи, избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова, и какъ раньше были обставлены выборы Годунова: предполагалось созвать всѣ „чины“ Московскаго государства и закрѣпить дѣло рѣшеніемъ земскаго собора,—но на это не хватило времени. Пришлось „ограничиться собраніемъ представителей собственно отъ московскихъ чиновъ, изъ которыхъ и былъ импровизированъ земскій соборъ сокращеннаго состава—что было, впрочемъ,

въ тогдашнихъ обычаяхъ, и что не считалось незаконнымъ даже при выборахъ царя: Петръ и Иванъ Алексѣевичи впослѣдствіи были признаны именно такимъ сокращеннымъ соборомъ. Присяга остальныхъ городовъ служила въ этихъ случаяхъ молчаливымъ признаніемъ московскаго рѣшенія — и это условіе было соблюдено: „такъ же и всею землею Россійскою цѣловали крестъ Господень, что Владиславу Жигимонтовичу служити прямо во всемъ“, говоритъ лѣтописецъ. Въ традиціонномъ названіи послѣдующаго періода „междуцарствіемъ“ не безъ благочестиваго обмана: на самомъ дѣлѣ, съ 17 августа 1610 года на Москвѣ царемъ сидѣлъ Владиславъ, не съ меньшимъ правомъ, во всякомъ случаѣ, нежели его предшественникъ, Василій Ивановичъ Шуйскій.

Царь Владиславъ былъ еще въ большей степени только символомъ царской власти, чѣмъ нѣкоторые его предшественники: по малолѣтству своему онъ и не пріѣзжалъ въ Москву. Но это, конечно, нисколько не мѣшало московскому правительству дѣйствовать отъ его имени, почти ни съ чьей стороны не встрѣчая противодѣйствій: почти ни съ чьей потому, что затрудненія, какъ и можно было ожидать, сейчасъ же встрѣтились со стороны церкви. Положеніе церкви въ этотъ моментъ особенно любопытно для насъ, привыкшихъ думать, что православію Московскіе люди были необыкновенно преданы, и что религія была для нихъ выше всего на свѣтѣ. На самомъ дѣлѣ, церковь въ московскомъ государствѣ весьма тѣсно была связана съ судьбой другихъ феодальныхъ силъ. Несмотря на антагонизмъ крупнаго землевладѣнія и монастырей, всего ближе была она къ боярству—и разгромъ послѣдняго Грознымъ чрезвычайно замѣтно понизилъ самостоятельное значеніе церкви. Патріархи конца XVI-го—начала XVII-го вѣка были политическимъ орудіемъ въ рукахъ свѣтской власти, и смѣнялись вмѣстѣ съ царями. Годуновскій патріархъ Іовъ уступилъ мѣсто греку Игнатію, когда власть захватилъ Названый Димитрій,—а когда онъ былъ убитъ Шуйскимъ, патріархомъ сталъ Гермогенъ. Роль этого послѣдняго, человѣка, по отзывамъ современниковъ, недалекаго и несамостоятельнаго, легко поддававшагося чужому вліянію, была, при Шуйскомъ, довольно жалкая. Духовенство его не любило за грубость и жестокость къ подчиненнымъ, а свѣтскіе люди не питали уваженія къ патріарху, который всегда былъ покорнымъ слугой Шуйскаго и готовъ былъ покрывать авторитетомъ церкви всякія дѣла царя Василія. Дворяне, устроившіе „сонмище“ на царя Василія въ субботу масляной недѣли 1610 года, когда Гер-

могенъ вышелъ ихъ усовѣщивать, „ругахуся ему всячески“— пинали его сзади, бросали ему въ лицо грязью, хватали его за грудь и трясли. Довольно естественно, что и при составленіи договора съ Сигизмундомъ, желанія Гермогена не спрашивали,—вѣроятно, считая, что церковь достаточно представлена въ лицѣ патріарха тушинскаго, Филарета Никитича. Но когда договоръ вошелъ въ офиціальную стадію, московскій патріархъ не могъ о немъ не высказаться—и высказался отрицательно. Весьма возможно, что Гермогенъ былъ и въ этомъ случаѣ лишь ширмою, именно для нѣкоторыхъ больщихъ московскихъ бояръ, въ родѣ князя В. В. Голицына, который самъ не прочь былъ возсѣсть на царскій престолъ, и для котораго, стало быть, Владиславъ былъ лишь печальной необходимостью. Предлогъ вставить палку въ колесо кандидатуры, иниціаторами которой были Романовы, сейчасъ же нашелся. Царь всего православнаго христіанства долженъ былъ быть, разумѣется, православнымъ, но Владиславъ родился католикомъ и былъ крещенъ по католическому обряду. Что за это обстоятельство не запнулись тушинскіе послы, ведшіе переговоры съ Сигизмундомъ, это, повторяю, чрезвычайно характерно: пересвѣтовскій афоризмъ, что „правда выше вѣры“, политика должна идти впереди религіи, какъ видно, сталъ ходячей истиной въ московскихъ служилыхъ кругахъ начала XVII вѣка. Въ договорѣ ограничились обѣщаніемъ, что новый царь не будетъ „христіанской православной вѣры греческаго закона ничѣмъ рушити и безчестити“ и обязуется „иныхъ никакихъ вѣръ не вводити“. Но присоединится ли онъ самъ, открыто и торжественно, къ православной церкви— для чего, по тогдашнимъ понятіямъ, необходимо было второе крещеніе, по православному обряду,—объ этомъ текстъ договора молчалъ, а гетманъ Жолкѣвскій на предложенный ему вопросъ отвѣтилъ уклончиво: что онъ отъ короля на этотъ счетъ „науки не имѣетъ“. Съ нашими понятіями о древнерусскомъ православіи трудно себѣ представить, какъ это православные присягали государю, который самъ православнымъ еще не былъ; но такой фактъ, несомнѣнно, имѣлъ мѣсто въ 1610 году, и его одного совершенно достаточно для отвѣта тѣмъ, кто хотѣлъ бы выставить религіозныя побужденія господствующими въ поведеніи людей того времени. Протестъ патріарха не задержалъ избранія и имѣлъ лишь то послѣдствіе, что рѣшено было отправить еще разъ къ Сигизмунду торжественное посольство: бить ему челомъ, чтобы онъ позволилъ сыну креститься по обряду православной церкви. Гет-

манъ Жолкѣвскій, который былъ не только хорошимъ генераломъ, но и ловкимъ дипломатомъ, великолѣпно сумѣлъ использовать это обстоятельство на благо польской политики. Въ посольство, ѣдущее хлопотать о такомъ важномъ дѣлѣ, надо было, конечно, назначить самыхъ почетныхъ людей въ государствѣ; и, вотъ, „великими послами“ подъ Смоленскъ отправились главы самыхъ вліятельныхъ боярскихъ фамилій: превратившійся изъ патріарха снова въ митрополиты Филаретъ Никитичъ Романовъ и князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Послѣднему было предложено организовать и самое посольство, куда, конечно, попали теперь преданные ему люди; единственный сколько-нибудь серьезный, по тому времени, соперникъ Владислава уводилъ, такимъ образомъ, съ собою изъ Москвы всю свою партію. А о первомъ самъ гетманъ признавался потомъ въ своихъ запискахъ, что его хотѣли имѣть „какъ бы въ видѣ залога“, какъ отца другого возможнаго претендента: кандидатура Михаила Ѳедоровича Романова уже тогда носилась въ воздухѣ. Поѣздка этихъ вліятельныхъ людей въ польскій лагерь была чрезвычайно выгодна для Сигизмунда, какъ видимъ—съ точки же зрѣнія русскихъ интересовъ она была празднымъ препровожденіемъ времени, даже и не считаясь съ тѣмъ фактомъ, что отъ крещенія Владислава Московскому государству нельзя было ожидать большихъ выгодъ. Ибо въ совѣтѣ польскаго короля давно, еще съ февраля, было рѣшено смотрѣть на кандидатуру королевича какъ на промежуточную ступень: разъ она была пройдена, слѣдовало, не мѣшкая, стремиться къ окончательной и уже серьезной, не для показу, цѣли всей кампаніи—соединенію Московскаго государства съ Рѣчью-Посполитой на такихъ же условіяхъ, на какихъ за сорокъ лѣтъ была присоединена къ Польшѣ Литва. Тогда вся восточная Европа превращалась въ одну огромную державу съ Польшей во главѣ и подъ однимъ скипетромъ, разумѣется: Сигизмундъ долженъ былъ стать царемъ московскимъ точно такъ же, какъ онъ былъ королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ. Отправляя „великихъ пословъ“, Жолкѣвскій отлично зналъ объ этомъ планѣ: можно представить себѣ, какъ онъ смѣялся въ душѣ, видя хлопоты москвичей о православіи совершенно безразличнаго для Москвы польскаго мальчика.

Современная смутѣ исторіографія—особенно тѣ произведенія, что шли изъ романовскаго лагеря—страшно раздула заднимъ числомъ значеніе „великаго посольства“. Выходило такъ, что отъ „твердости“ пословъ зависѣла чуть ли не вся

судьба Московскаго государства: какихъ только стараній не употребляли Сигизмундъ и его совѣтники, чтобы поколебать „великихъ пословъ“—и все напрасно! Но одинъ изъ членовъ посольства, троицкій келарь Авраамій Палицынъ, при всемъ своемъ православіи и при всей своей утрированной лояльности, не могъ не признаться, что посольство ничего не сдѣлало—„бездѣльно бысть“. Ему и нечего было дѣлать, какъ сидѣть въ почетномъ польскомъ плѣну: юридически Владиславъ давно былъ признанъ русскимъ царемъ, и всѣ ему присягнули—а фактически половина его царства скоро находилась уже въ состояніи открытаго возстанія противъ новаго царя по причинамъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ православной вѣрой. Кандидатура Владислава была принята правящими кругами русскаго общества подъ однимъ условіемъ и съ одной надеждой,—что польскія войска возстановятъ „порядокъ“ въ московскомъ государствѣ, подавятъ соціальный бунтъ низовъ и дадутъ возможность помѣщику исправно получать царское жалованье и хозяйничать въ своемъ имѣніи, а купцу мирно торговать, какъ во дни Бориса Θедоровича, котораго когда-то не умѣли цѣнить. Прочность польскаго царя на московскомъ престолѣ всецѣло зависѣла отъ того, будетъ ли это условіе выполнено. И очень скоро обнаружилось, что правительство Сигизмунда не только не умѣетъ удовлетворить этой основной потребности имущихъ классовъ московскаго общества, но что оно и его агенты въ Москвѣ являются новымъ ферментомъ разложенія. Никогда еще анархія не достигала такихъ размѣровъ, какъ въ первые мѣсяцы царствованія Владислава—и притомъ формы этой анархіи были особенно опасны какъ для буржуазіи, такъ и для средняго землевладѣнія.

Прежде всего, въ Москвѣ льстили себя надеждой, что стòитъ Сигизмунду приказать — и тушинскій „царикъ“, такъ вредно дѣйствовавшій на московскихъ „черныхъ людей“ и на барскихъ холоповъ, исчезнетъ, яко дымъ. Исчезло, однако, Тушино, а второй Димитрій остался. Онъ засѣлъ въ Калугѣ со своими казаками, которые грабили и опустошали тѣмъ больше, чѣмъ меньше оставалось у нихъ надежды стать самимъ помѣщиками. Какъ и слѣдовало ожидать, даже исчезновеніе „вора“ не положило этому конца: второй Димитрій былъ убитъ, случайно или нѣтъ—для исторіи это имѣетъ весьма мало значенія,—но у вдовы перваго Димитрія, Марины Юрьевны, которая была офиціально женой и второго, оказался сынъ—и казаки начали приводить къ присягѣ на его имя

всѣхъ, кто только оказывался въ предѣлахъ досягаемости „воровскихъ“ отрядовъ. Патріархъ Гермогенъ усиленно внушалъ своей паствѣ, что „Маринкинъ сынъ“ „проклятъ отъ святого собору и отъ насъ“; но на казаковъ патріаршее слово имѣло, конечно, еще меньше вліянія, чѣмъ на купцовъ и помѣщиковъ. Тушино, матеріально разрушенное, въ видѣ символа грозило увѣковѣчиться на русской землѣ. Польскіе партизаны точно такъ же весьма мало смущались тѣмъ фактомъ, что на московскомъ престолѣ номинально сидѣлъ теперь польскій королевичъ: „лисовчики“ продолжали грабить такъ же, какъ и раньше, только перенеся театръ своихъ дѣйствій подальше отъ Москвы, чтобы не имѣть непріятности сталкиваться на полѣ битвы со своими соотечественниками. Къ какимъ послѣдствіямъ приводило такое положеніе вещей, напримѣръ, въ области обмѣна, можно видѣть по одному образчику: въ іюнѣ 1611 года казанцы жаловались пермичамъ, что у нихъ, въ Казани, „денегъ въ сборѣ нѣтъ“, потому что „съ Верху и съ Низу ни изъ которыхъ городовъ большихъ соляныхъ и никакихъ судовъ не было“. Вся волжская торговля стала, даже такимъ предметомъ первой необходимости, какъ соль,—и, конечно, не польскому генералу, сидѣвшему въ кремлѣ съ небольшимъ отрядомъ, было помочь этому горю волжанъ. Но и въ самой Москвѣ было не лучше. Хроническая опасность тушинской крамолы привела къ тому, что въ Москвѣ установилось хроническое осадное положеніе. Часть кремлевскихъ воротъ была заперта, у другихъ постоянно дежурила вооруженная стража, зорко осматривавшая каждаго входящаго. Польскіе патрули постоянно объѣзжали улицы, съ нѣкоторыхъ сняли даже полицейскія рогатки, чтобы онѣ не стѣсняли дѣйствія польскихъ войскъ въ случаѣ надобности. Ночью всякое движеніе вовсе прекращалось. Вдобавокъ, какъ ни добросовѣстно старались поддержать дисциплину въ своихъ отрядахъ польскіе офицеры, но дисциплина наемнаго войска тѣхъ временъ не могла быть высока. Польскіе жолнеры брали въ рядахъ все, что имъ понравится, и хотя платили, но не то, что желалъ получить купецъ, а то, что казалось „справедливымъ“ самимъ жолнерамъ, а при малѣйшемъ возраженіи сабля вылетала изъ ноженъ, и это оканчивало споръ. Результатъ былъ тотъ, что уже черезъ два мѣсяца послѣ вступленія въ Москву поляковъ „въ торгу гости и торговые люди въ рядахъ отъ литовскихъ людей послѣ стола (за прилавкомъ) не сидѣли“: если понимать буквально это сообщеніе одной изъ городскихъ отписокъ, можно бы по-

думать, что въ Москвѣ всякая торговля къ этому времени вовсе прекратилась. Въ дѣйствительности, хозяева, вѣроятно, только спѣшили запирать лавки возможно скорѣе и вылѣзали на свѣтъ Божій, лишь когда по близости не было видно „рыцарства". Но и этого было достаточно, чтобы съ сожалѣніемъ вспомнить времена даже не Годунова, а Шуйскаго.

Всего хуже доставалось отъ польскаго господства его иниціаторамъ, помѣщикамъ и боярству. Нельзя себѣ представить горшаго разочарованія, чѣмъ какое должны были испытать авторы договора 1610 года, такъ старательно обезпечившіе въ немъ неприкосновенность старыхъ обычаевъ. Боярское правительство (такъ называемая „семибоярщина") фактически продолжалось не больше двухъ мѣсяцевъ. Къ концу этого періода дума, номинально державшая въ рукахъ все, въ дѣйствительности превратилась въ нѣчто въ родѣ совѣщательнаго совѣта при польскомъ комендантѣ Москвы. Отъ того, что этотъ послѣдній, Александръ Гонсѣвскій, самъ сталъ, милостью новаго царя, бояриномъ, старымъ боярамъ было, конечно, мало утѣшенія. „Къ боярамъ въ думу ты ходилъ", описывали эти послѣдніе его поведеніе ему самому въ глаза: „только, пришедши, сядешь, а возлѣ себя посадишь своихъ совѣтниковъ, Михайлу Салтыкова, князя Василья Масальскаго, Ѳедьку Андронова, Ивана Граматина съ товарищи, а намъ и не слыхать, что ты со своими совѣтниками говоришь и переговариваешь; и что велишь по которой челобитной сдѣлать, такъ и сдѣлаютъ, а подписываютъ челобитныя твои же совѣтники...." Особенно поперекъ горла родословнымъ людямъ должна была стать думная роль Ѳедора Андронова, богатаго московскаго гостя, ставшаго думнымъ дворяниномъ еще въ Тушинѣ, а при Владиславѣ сдѣлавшагося однимъ изъ первыхъ людей въ думѣ. Исключительной довѣренности, какой пользовался этотъ „торговый мужикъ" у короля Сигизмунда, не могли переварить даже его ближайшіе товарищи изъ служилой среды. „Со Мстиславскаго съ товарищами и съ насъ дѣла посняты",—жаловался польскому канцлеру Сапѣгѣ сейчасъ упоминавшійся Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ (когда-то стоявшій во главѣ посольства, которое заключило съ Сигизмундомъ договоръ 4 февраля), „а на такомъ правительство и вѣра положена". Какъ ренегата своего класса, служившаго дворянскому царю противъ купеческаго, Андронова ненавидѣли даже его собратья, посадскіе люди. И авторъ одного памфлета тѣхъ дней, вышедшій изъ посадской среды или, по крайней мѣрѣ, къ ней обращавшійся, не находитъ словъ на

русскомъ языкѣ, чтобы выразить свое презрѣніе къ казначею царя Владислава,—прибѣгаетъ къ греческимъ. „За безчисленные грѣхи наши чѣмъ насъ Господь ни смиряетъ, и какихъ казней ни посылаетъ, и кому нами владѣти ни повелѣваетъ!“— восклицаетъ онъ. „Сами видите, кто той есть, неѣси человѣкъ и невѣдомо кто: ни отъ царскихъ родовъ, ни отъ боярскихъ чиновъ, ни отъ избранныхъ ратныхъ головъ; сказываютъ—отъ смердовскихъ рабовъ“. А пока этотъ „невѣдомо кто“ распоряжался, старѣйшіе, по родословцу, члены думы, князья Голицынъ (братъ „великаго посла“) и Воротынскій. сидѣли „за приставами“—подъ домашнимъ арестомъ, какъ люди, подозрительные для новаго режима. Такого „прежняго обычая“ не было видано со временъ опричнины!

Но опричнина имѣла подъ собою опредѣленную соціальную почву — она держалась на союзѣ буржуазіи и помѣщиковъ. Какъ должна была относиться къ правительству царя Владислава первая, мы уже видѣли. А что значилъ польскій режимъ для вторыхъ, объ этомъ разсказываютъ члены самого этого правительства. „Надобно воспрепятствовать, милостивый панъ“, писалъ тому же Сапѣгѣ Ѳедоръ Андроновъ: „чтобы не раздавали безъ толку помѣстій, а то и его милость панъ гетманъ даетъ, и Иванъ Салтыковъ также даетъ листы на помѣстья; а прежде бывало въ одномъ мѣстѣ давали, кому государь прикажетъ“. А Михаилъ Салтыковъ, жалуясь на того же Андронова, писалъ: „московскіе люди крайне скорбятъ, что королевская милость и жалованье измѣнились, и многіе люди разными притѣсненіями и разореньемъ оскорблены“. И онъ указывалъ на безтолковую раздачу помѣстій и находилъ, что такой земельной перетасовки не было даже въ дни опричнины: „царь Иванъ Васильевичъ природный былъ“, да и тотъ такъ не дѣлалъ,—писалъ Салтыковъ, намекая на то, что новому царю не мѣшало бы быть поосторожнѣе „природнаго“. Не даромъ, когда возставшіе служилые люди соберутся къ Москвѣ, они потребуютъ прежде всего другого, чтобы раздача помѣстій производилась попрежнему обычаю, какъ было „при прежнихъ россійскихъ прирожденныхъ государяхъ“, и чтобы помѣстья, данныя кому бы бы то ни было на имя короля или королевича, были отобраны такъ же, какъ и тѣ, которыя сидѣвшіе въ Москвѣ бояре „разняли по себѣ“. Помѣщики хлопотали, чтобы имъ, вдобавокъ къ земельной долѣ, жалованье аккуратно выдавалось изъ четверти по всякой годъ, а на дѣлѣ вышло, что и земельную дачу нельзя было считать своей, ибо ее каждую

Коронованіе Марины Мнишекъ.

Оригиналъ польской картины *Коронованіе Марины Мнишекъ* находится въ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ и имѣетъ на себѣ нижеслѣдующую подпись:

Coronatio Mariannae Mniszchownae Georgie Palatini Sandomiriensis cum Tarlowna procreatae filiae, uxoris vero Demetrii Iwanowicz,=Imperatore Moschoviae in Imperatricem Imperii Moschovitio per Archiepiscopum ritus graeci in urbe metropoli Moscva appellata, ¦| In praesentia Legati Regis Poloniae Nicolai Olesnicki & assistentia ipsius Imperatricis Parentis tum senatorum oficialium & nobilium, || Sat pompose et gloriose facta anno Domini 1605.

Prout Gvagninus testatue.

Какъ настоящая картина, такъ равно *Обрученіе Марины Мнишекъ* и портреты ея и Димитрія I Ложнаго были пріобрѣтены императоромъ Александромъ III и пожертвованы музею. Эти картины и портреты цѣнны не только по своему польскому происхожденію, но и сами по себѣ. *Коронованіе Марины Мнишекъ* не есть воспроизведеніе событія съ его мѣстнымъ колоритомъ; это—своеобразная попытка въ сочиненной художникомъ формѣ обезсмертить для потомства фактъ, который могъ бы имѣть громадное значеніе въ исторіи Россіи и Польши, если бы дальнѣйшія событія стали итти по дорогѣ мирной уніи обоихъ государствъ, что при тогдашнихъ реальныхъ историческихъ условіяхъ оказалось неосуществимымъ. Слѣдуетъ замѣтить, что портретъ Марины Мнишекъ—на фонѣ основного мотива этой картины. Марина Юрьевна Мнишекъ въѣхала въ Москву 3 мая 1605 г. вмѣстѣ съ польскими послами Николаемъ Олесницкимъ и Александромъ Гонсѣвскимъ. Марина остановилась въ Вознесенскомъ монастырѣ у инокини Мароы, въ міру Маріи Нагой; московскій царь тотчасъ же нанесъ визитъ Маринѣ; огромная польская свита расквартировывалась въ это время по городу. Бытовыя различія между поляками и москвичами не содѣйствовали установленію добрыхъ отношеній между тѣми и другими, а позднѣйшіе историки потратили не мало остроумія и крѣпкихъ словъ, чтобы тенденціозно описать эти отношенія, причемъ, конечно, каждая сторона стремилась возможно выразительнѣе очернить другую. На 8 мая назначено было коронованіе Марины, а затѣмъ ея брачное вѣнчаніе съ Димитріемъ I Ложнымъ. Народная пѣсня постаралась отмѣтить, что

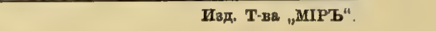
«Свадьба была на вешній праздникъ
На вешній праздникъ, Миколинъ день.
Миколинъ день, въ пятницу,
А у Гришки свадьба въ четвертокъ была».

Такимъ образомъ былъ нарушенъ пустой обычай, который не показался серьезнымъ даже великому князю Ивану III Васильевичу, который вѣнчался съ византійской царевной Зоей Палеологъ 11 ноября 1473 года, тоже въ четвергъ. Современники оставили намъ описаніе костюма Марины въ день ея вторичнаго обрученія, коронованія и вѣнчанія: она была одѣта въ русское бархатное платье вишневаго цвѣта съ рукавами, до того густо усаженное жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, что трудно было различить цвѣтъ матеріи; на ногахъ у нея были сафьянные сапоги съ высокими каблуками, унизанные жемчугомъ; голова была убрана золотою съ каменьями повязкою, переплетенною съ волосами по польскому образцу; сверху царица была закрыта фатой. Когда царь и царица сидѣли въ Успенскомъ Соборѣ на чертожномъ мѣстѣ, царь велѣлъ князю В. И. Шуйскому поправить себѣ ноги и положить одну ногу на другую, а потомъ то же сдѣлать царицѣ Маринѣ. „Такого поруганія, замѣтили польскіе послы, не дѣлаютъ у насъ государи и послѣднему дворянину! Благодареніе всемогущему Богу, что мы родились въ свободной землѣ, которую Богъ наградилъ правами“. Торжественный обѣдъ состоялся только на другой день и съ большимъ приключеніемъ: польскихъ пословъ не хотѣли посадить за одинъ столъ съ царемъ, они на обѣдъ не пошли, ушелъ изъ-за этого и Юрій Мнишекъ. За обѣдомъ было много пышности въ сочетаніи съ неопрятностью. Тарелки, ложки, кубки были золотые, но крайне сомнительной чистоты; тарелокъ не мѣняли въ теченіе всего обѣда, а московская знать кушала прямо руками, раскидывая по полу объѣдки. Москвичи приведены были въ смущеніе нарушеніемъ еще одного обычая: къ царскому столу подавалось поганое яство—*телятина*. Не обошлось и безъ непріятныхъ предзнаменованій: когда Юрій Мнишекъ ѣхалъ во дворецъ, бѣлый конь, который везъ экипажъ, упалъ; вечеромъ у царя изъ перстня выпалъ дорогой камень, и его не могли найти; черезъ нѣсколько дней случился морозъ... 5 мая 1605 г. состоялись вѣнчаніе и корнованіе Марины Мнишекъ, а 17 мая того же года царь Димитрій I Ложный палъ жертвой заговора, во главѣ котораго сталъ родовитый *московскій* бояринъ князь В. И. Шуйскій. Трупъ убитаго царя былъ изуродованъ до неузнаваемости, а *московскія* женщины, отмѣчаетъ Н. Костомаровъ, издѣвались „надъ нимъ самымъ безстыднѣйшимъ образомъ“; въ Москвѣ начался погромъ... Въ московскомъ государствѣ начался новый моментъ Смуты, подогрѣтый руками все того же московскаго боярства, которое и начало Смуту

В. Стор.

CORONATIO MARIANNAE MNISZCHOWNAE GEORGIE PALTNI SANDOMIRIENSIS CUM TARLOWNA PROCREATAE FILIAE. UXORIS VERO DEMETRII IWANOWICZ IMPERATORE MOSCHOVIAE IN IMPERATRICEM IMPERII MOSCHOVITIO PER ARCHIEPISCOPUM RITUS GRAECI IN URBE METROPOLI MOSCUA APPELLATA IN PRAESENTIA LEGATI REGIS POLONIAE NICOLAI OLESNICKI & ASSISTENTIA IPSIUS IMPERATRICIS PARENTIS TUM SENATORUM OF ICIALIUM & NOBILIUM SAT POMPOSE ET GLORIOSE FACTA ANNO DNI 1606. Prout Gvagninus testatur

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ“.

Изд. Т-ва „МІРЪ“.

минуту могла отнять данная гдѣ-то за тысячу верстъ королевская грамота.

Уже къ поздней осени 1610 года вполнѣ опредѣлилось, что совѣтниковъ царя Владислава скоро постигнетъ участь, какую испытали Годуновы въ 1605 году: что они станутъ соціально одинокими — не найдутъ ни одного общественнаго класса, который бы захотѣлъ ихъ поддерживать. Горсть польскихъ жолнеровъ въ Москвѣ — вотъ все, на что они могли разсчитывать. Когда Шуйскій боролся со своими первыми бунтами, онъ былъ гораздо сильнѣе: за него была Москва да еще всѣ сѣверные поморскіе и поволжскіе города. Правительство Владислава, судя по всему, должно было быть гораздо недолговѣчнѣе правительства царя Василія. Но изъ этого не слѣдовало, чтобы его существованіе не имѣло никакого вліянія на ходъ событій въ тѣ дни. Напротивъ, отрицательно оно сыграло огромную роль. Задѣвъ интересы всѣхъ правящихъ классовъ и не имѣя на своей сторонѣ даже народной массы, на которую когда-то хотѣлъ опереться Годуновъ, оно дало поводъ столковаться тѣмъ, кто враждовалъ во все предшествующее время смуты. А своимъ иновѣрнымъ и иноземнымъ происхожденіемъ оно создавало почву для національно-религіозной идеологіи, подъ покровомъ которой движеніе могло организоваться, какъ ни разу раньше. Классовое самосохраненіе стало національнымъ самосохраненіемъ — въ этомъ смыслѣ событій 1611—12 годовъ.

Однимъ изъ самыхъ раннихъ и самыхъ интересныхъ образчиковъ этой идеологіи является „подметное письмо“—по-нашему, прокламація,—появившееся въ Москвѣ въ концѣ ноября или началѣ декабря 1610 года. Въ литературномъ отношеніи оно стоитъ очень высоко, очень напоминая произведеніе того сочувствующаго Романовымъ публициста, который былъ использованъ Аврааміемъ Палицынымъ въ его „Исторіи въ память сущимъ предыдущимъ родамъ“, и на котораго мы неоднократно ссылались раньше. Весьма возможно даже, что этотъ публицистъ и авторъ нашего подметнаго письма (которому кто-то далъ впослѣдствіи неловкое заглавіе „Новая повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ“, хотя никакой „повѣсти“ здѣсь нѣтъ) одно и то же лицо: и тотъ, и другой были близки къ буржуазіи, и тотъ, и другой при очень большомъ благочестіи никогда не прибѣгаютъ къ сверхъестественнымъ мотивамъ для объясненія событій, что такъ обычно вообще въ литературѣ Смуты. Есть и одно внѣшнее сходство: оба не чуждаются мѣрной риѳмованной прозы, такъ хорошо

подходящей къ стилю тогдашняго подметнаго письма, которое должно было читаться не отдѣльными прохожими—между ними нашлось бы слишкомъ мало грамотныхъ, — а какимъ-нибудь грамотѣемъ вслухъ цѣлой кучкѣ народа. Если бы удалось доказать тождество двухъ авторовъ, мы имѣли бы чрезвычайно любопытное совпаденіе: первый призывъ къ возстанію противъ Владислава шелъ бы тогда изъ романовскихъ круговъ, откуда долженъ былъ выйти и преемникъ Владиславу. То, что о Романовыхъ нѣтъ ни звука въ самомъ письмѣ, не говоритъ противъ этого—не нужно забывать, что въ эти дни Филаретъ Никитичъ, одинъ изъ „великихъ пословъ", былъ „какъ бы заложникомъ" у поляковъ, и всякій подобный намекъ могъ ему стóить очень дорого. Какъ бы то ни было, призывая къ возстанію противъ польскаго королевича, авторъ ни словомъ не обмолвливается насчетъ того, кого слѣдуетъ посадить на его мѣсто. Хотя вопросъ этотъ, конечно, навертывался самъ собою. Центральная фигура въ его изображеніи — Гермогенъ, и какъ одинъ изъ первыхъ образчиковъ „легенды о Гермогенѣ" памфлетъ не менѣе любопытенъ. Авторъ признается, что отъ патріарха прямого призыва къ возстанію нельзя ждать: „сами вѣдаете, его то есть дѣло, что тако ему повелѣвати на кровь дерзнути?" Но онъ всѣмъ своимъ изложеніемъ даетъ понять, что Гермогенъ— душа сопротивленія полякамъ: „стоитъ одинъ противу всѣхъ ихъ... аки исполинъ мужъ безъ оружія и безъ ополченія воинскаго". Когда это не произвело достаточнаго впечатлѣнія, пришлось сдѣлать дальнѣйшій шагъ: появились грамоты Гермогена, по признанію самихъ распространителей, исходившія, однако же, не непосредственно отъ него, такъ какъ у патріарха „писати некому, дьяки и подьячіе и всякіе дворовые люди поиманы". Такъ понемногу создавалась легендарная фигура, украшающая страницы новѣйшихъ повѣствованій о Смутѣ и, кажется, имѣвшая чрезвычайно мало общаго съ реальнымъ Гермогеномъ. Для движенія „лучшихъ" людей нуженъ былъ символъ, какимъ для „меньшихъ" давно сталъ „Димитрій Ивановичъ": противопоставить патріарха, строгаго хранителя православія, царю, который „не хочетъ креститься", было, несомнѣнно, очень понятнымъ для широкихъ массъ мотивомъ. Но для московской буржуазіи, изъ которой, вѣроятно, вышелъ и къ которой, во всякомъ случаѣ, обращался нашъ авторъ, очень характерно, что она могла и подняться надъ такими простонародными мотивами. Съ нѣкоторыхъ страницъ „Новой повѣсти" на насъ смотритъ почти античный

патріотизмъ. Авторъ хвалитъ смольнянъ, продолжавшихъ сопротивляться Сигизмунду, за то, что они „хотятъ славно умрѣти, нежели безчестно и горько жити“. Грозящее запустѣніе „такого великаго царства“ трогаетъ его, несомнѣнно, больше, чѣмъ ожидаемая поруха православной вѣры, и въ лозунгѣ, который онъ бросаетъ въ посадскія массы, этой вѣрѣ отведена всего лишь одна треть: „постоимъ вкупѣ за православную вѣру... и за свое отечество и за достояніе, еже намъ Господь далъ“. А повторяя этотъ лозунгъ еще разъ, онъ ставилъ „царство“ даже прежде „вѣры“. Да и мотивъ возстанія для него не столько то, что Владиславъ не православный, сколько то, что Владислава вообще ждать нечего: сущность письма въ томъ и состоитъ, что авторъ раскрываетъ московской публикѣ секретъ польскаго заговора—аннексировать московское царство. Какъ аргументомъ авторъ очень ловко пользуется неспособностью поляковъ установить порядокъ въ странѣ: если бы Сигизмундъ дѣйствительно прочилъ царство своему сыну, допустилъ ли бы онъ такое разореніе? „Не только сыну не прочитъ, но и самъ здѣсь жить не хочетъ“, а будутъ править москвичами такіе люди, какъ Ѳедоръ Андроновъ: вышеприведенные отзывы о немъ взяты, именно, изъ „Новой повѣсти“.

Ея буржуазный авторъ нѣсколько поторопился, призывая къ возстанію москвичей: послѣдствія показали, что городское движеніе и не могло концентрироваться въ Москвѣ, единственномъ городѣ, гдѣ чисто-военный перевѣсъ, безусловно, былъ на сторонѣ поляковъ. Московскія „баррикады“ 17 марта 1611 года кончились полной неудачей: поляки выжгли городъ почти дотла и заставили уцѣлѣвшее населеніе вновь присягнуть Владиславу. Нижній-Новгородъ сталъ во главѣ движенія не только потому, что волжскіе торговцы были заинтересованы въ возстановленіи порядка болѣе, нежели кто-нибудь другой, а еще и по той простой причинѣ, что по Волгѣ не было никакихъ польскихъ войскъ, и помѣшать движенію на первыхъ его шагахъ было некому. Удивляться приходится не тому, что посадско-дворянское движеніе справилось, при такихъ условіяхъ, съ поляками—горсть жолнеровъ въ Кремлѣ такъ же мало могла подавить всероссійское возстаніе, какъ мало была она способна поддерживать порядокъ по всей Россіи—, а тому, что этому движенію понадобилось такъ много времени, почти полтора года, чтобы сорганизоваться. Объяснять это чисто-техническими особенностями того времени, отсутствіемъ не только желѣзныхъ, но и во-

обще какихъ бы то ни было приличныхъ дорогъ, кромѣ рѣчныхъ путей, едва ли можно: правда, событія такого рода мѣрялись тогда не недѣлями, какъ теперь, а мѣсяцами, но все же первая армія инсургентовъ, ляпуновское ополченіе, стояла уже передъ Москвой въ апрѣлѣ 1611 года, тогда какъ первые призывы къ возстанію раздались въ декабрѣ предшествовавшаго. Причинъ медленности приходится искать въ другой области, и ихъ видѣли уже современники: авторъ „Новой повѣсти“ видѣлъ „горшее всего“ въ томъ, что „раздѣленіе въ землѣ нашей учинися“. Двѣ половины „лучшихъ“ людей, городская и деревенская, посадскіе и помѣщики, только что четыре года вели отчаянную борьбу между собою, и не легко имъ было столковаться теперь для общихъ дѣйствій. Когда такія общія дѣйствія налаживались въ царствованіе Шуйскаго, о нихъ толковали какъ о рѣдкости—и ими гордились. „Вы смущаетесь для того“, писала поморская рать жителямъ городка Романова въ 1609 году, „будто дворянъ и дѣтей боярскихъ черные люди побиваютъ и домы ихъ разоряютъ: а здѣсь, господа, черные люди дворянъ и дѣтей боярскихъ чтятъ и позору имъ никотораго нѣтъ“. Но романовцы могли бы отвѣтить „чернымъ людямъ“ (здѣсь этимъ именемъ обозначались, конечно, не низы городского населенія въ противоположность верхамъ, а податное населеніе вообще, въ противоположность служилому—буржуазія въ противоположность дворянству), что въ Поморьѣ дворянъ-то, почитай, и нѣтъ никакихъ,—а вотъ попробовали бы они ужиться въ искони дворянской центральной Россіи. Здѣсь отношенія были таковы, что когда началось возстаніе дворянства, началось подъ руководствомъ самой энергичной части послѣдняго, рязанцевъ, то Прокопій Ляпуновъ и его товарищи скорѣе разсчитывали найти себѣ союзниковъ среди казаковъ и даже среди наиболѣе демократическихъ элементовъ тушинской арміи, нежели среди горожанъ. „А которые боярскіе люди крѣпостные и старинные, и тѣ бы шли безо всякаго сумлѣнія и боязни“, писалъ Ляпуновъ въ Казань даже въ іюнѣ 1611 года, „в с ѣ м ъ и м ъ в о л я и ж а л о в а н ь е б у д е т ъ, к а к ъ и и н ы м ъ к а з а к а м ъ“.

„Зигзагъ“, который описало возстаніе противъ Владислава, временная неудача этого возстанія и временное разложеніе инсурекціонной арміи въ іюлѣ 1611 года и объясняется, прежде всего, этой причиной. Первоначальный составъ возставшихъ намѣчается въ февральской грамотѣ Ляпунова въ Нижній: то были рязанцы „съ Калужскими, съ Туль-

скими, и съ Михайловскими, и всѣхъ Сѣверныхъ и Украинныхъ городовъ со всякими людьми". Такому ополченію не удалось взять, въ свое время, въ 1606 году, даже Москвы, защищавшейся Шуйскимъ чуть не съ одними двинскими стрѣльцами,—а теперь въ Кремлѣ были регулярныя европейскія войска. Города Ляпунову „сочувствовали", но подмоги пока не слали. Казаки являлись технически необходимымъ союзникомъ—и неумѣнье оцѣнить этотъ фактъ погубило Ляпунова. Казачество отнюдь не было принципіально враждебно помѣщикамъ—оно это доказывало много разъ за время смуты; но оно хотѣло, чтобы на него смотрѣли, какъ на ровню, а рязанскій воевода съ его товарищами никакъ не хотѣлъ признать казаковъ ровней дворянамъ. Обращаясь къ казакамъ и даже къ боярскимъ холопамъ съ демагогическими воззваніями (можно думать, что Ляпунову это приходилось дѣлать не въ первый разъ, и что болотниковскіе „листы" разсылались не безъ вѣдома дворянскихъ вождей ополченія, шедшаго на царя Василія), помѣщики, когда дѣло дошло до конституированія взаимныхъ отношеній возставшей противъ Владислава массы, стали едва ли не на ту же точку зрѣнія, какъ бояре въ договорѣ 1610 года. Въ знаменитомъ „приговорѣ" ляпуновскаго ополченія подъ Москвою (30 іюня 1611 г.) дворяне даже земельную дачу и денежное жалованье обезпечивали не всѣмъ казакамъ, а только тѣмъ, которые давно служатъ Московскому государству. Въ администрацію же этимъ младшимъ братьямъ служилыхъ людей доступъ былъ начисто закрытъ: „а съ приставства изъ городовъ, и изъ дворцовыхъ селъ и изъ черныхъ волостей атамановъ и казаковъ свести", постановлялъ приговоръ: „а посылати по городамъ и въ волости для кормовъ дворянъ добрыхъ, а съ ними для разсылки дѣтей боярскихъ, и казаковъ, и стрѣльцовъ". Для ляпуновскихъ помѣщиковъ казакъ попрежнему былъ „приборнымъ" служилымъ человѣкомъ, который больше всего годился въ вѣстовые при „добромъ дворянинѣ". А съ низами тушинской арміи, которыхъ приманивалъ къ себѣ тотъ же Ляпуновъ, приговоръ поступалъ еще проще: „боярскихъ крестьянъ и людей" онъ предписывалъ „по сыску отдавать назадъ старымъ помѣщикамъ".

Еще недавно, борясь съ традиціоннымъ представленіемъ о государствѣ, какъ нѣкоей мистической силѣ, создавшей Московскую Русь со всѣми ея общественными классами, приходилось ссылаться на приговоръ 30 іюня какъ на доказательство, что и у насъ, какъ всюду, „общество" строило „го-

сударство“, а не наоборотъ. Дѣйствительно, приговоръ является весьма любопытной попыткой возставшихъ собственными средствами возсоздать тѣ органы московской администраціи, которые въ данный моментъ были захвачены партіей Владислава: Дворецъ, Большой приходъ и „четверти“—московское министерство финансовъ; Разрядъ—военное министерство; Помѣстный приказъ, верставшій дворянство землями—объ этомъ верстаньи говорится съ мелочными подробностями, удивившими одного новѣйшаго изслѣдователя, но вовсе не удивительными въ данномъ случаѣ; наконецъ, приказы Разбойный и Земскій—министерства полиціи и юстиціи. Но для современнаго читателя приговоръ во всякомъ случаѣ интереснѣе, какъ отраженіе классовыхъ тенденцій, которымъ служили „прямые“ люди Московскаго государства, возставшіе противъ „кривыхъ“, служившихъ Владиславу, нежели, какъ доказательство „самодѣятельности“ московскаго общества XVII вѣка. Эту послѣднюю едва ли кому нужно теперь доказывать.

За слишкомъ рѣзкое проявленіе этихъ классовыхъ тенденцій вождь дворянскаго ополченія поплатился лично. Когда казаки, видя, что ихъ отодвигаютъ на задній планъ, „заворовали“, начали волноваться, а имъ на это отвѣтили строгими дисциплинарными мѣрами, до „сажанія въ воду“ включительно,—послѣдовалъ взрывъ, и Ляпуновъ былъ убитъ на казацкой сходкѣ. Дворянское движеніе послѣ этого временно потеряло центръ—и правительство Владислава смогло продержаться еще около году. Но пораженіе помѣщиковъ имѣло свою выгодную для нихъ сторону: посадскіе окончательно перестали ихъ бояться, и города начинаютъ теперь прямо нанимать на свою службу дѣтей боярскихъ, становясь этимъ на мѣсто Перваго и Второго Димитріевъ.

Современники событій, по свѣжимъ слѣдамъ, такъ описывали положеніе дѣлъ, сложившееся подъ Москвою непосредственно послѣ смерти Ляпунова: „старые заводчики великому злу, атаманы и казаки, которые служили въ Тушинѣ лжеименитому царю... Прокофья Ляпунова убили и учали совершати вся злая по своему казацкому обычаю“. Читатель, привыкшій къ традиціонному изображенію казачества, ждетъ здѣсь описанія покушеній на московскую „государственность“: но служилый авторъ грамоты (она шла не отъ кого другого, какъ отъ знаменитаго князя Пожарскаго) ничего не зналъ о казацкомъ анархизмѣ. Для него „вся злая“ заключались въ томъ, во-первыхъ, что казаки „дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ

смертные позоры учинили“; а во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, въ томъ, что „начальникъ“ казаковъ, атаманъ Заруцкой, „многіе грады и дворцовыя села, и черныя волости, и монастырскія вотчины себѣ поималъ и совѣтникомъ своимъ, дворяномъ и дѣтямъ боярскимъ, и атаманомъ и казакомъ роздалъ“. Антигосударственность казаковъ выразилась въ томъ, что они сами взяли то, въ чемъ имъ отказало дворянское ополченіе — самовольно учинились помѣщиками. Отъ этого городамъ пока было еще ни тепло, ни холодно; но казаки, ставъ хозяевами положенія, оказались опасны и верхнимъ слоямъ посадскихъ, какъ скоро ихъ побѣда надъ дворянствомъ стала давать политическія послѣдствія. У Заруцкаго былъ свой кандидатъ на царство—сынъ тушинскаго „царика“, пугала всѣхъ „лучшихъ людей“ въ послѣдніе годы своего существованія. Казаки были не опасны, пока они стояли подъ Москвой, въ особенности, но казацкій царь, наслѣдникъ тушинскаго холопскаго царя, былъ непосредственной угрозой. Страхъ передъ ней заставлялъ буржуазію поддерживать казною и людьми Шуйскаго; страхъ передъ ней заставилъ города теперь собрать свою армію, благо, послѣ захвата земель и казны казацкими атаманами, служилые люди остались и безъ жалованья, и съ перспективой лишиться своихъ имѣній. Какъ только по поволжскимъ городамъ прошла вѣсть о катастрофѣ съ Ляпуновымъ, они тотчасъ же рѣшили „быти всѣмъ въ совѣтѣ и соединеньи“: „а будетъ казаки учнутъ выбирати на московское государство государя по своему изволенію, одни, не сослався со всею землею, и намъ того государя на государство не хотѣти“. Матеріальнымъ базисомъ этого союза поволжскихъ городовъ, къ которымъ скоро пристали поморскіе, была казна, собранная Нижнимъ-Новгородомъ, конечно, не по индивидуальной иниціативѣ Минина, а просто потому, что союзъ городовъ безъ военной силы былъ пустымъ звукомъ, а военной силы нельзя было получить безъ денегъ. Этотъ наемъ дворянскаго ополченія буржуазіей и разсказанъ, со всѣмъ реализмомъ, какъ современными грамотами, такъ и лѣтописцемъ,—и онъ, какъ авторы грамотъ, не видѣлъ въ этомъ простомъ житейскомъ фактѣ ничего соблазнительнаго. Въ грамотѣ Пожарскаго къ вычегодцамъ (цитированной выше) такъ описывается дѣятельность нижегородцевъ: „Въ Нижнемъ Новгородѣ гости и всѣ земскіе посадскіе люди, ревнуя по Бозѣ, по православной христіанской вѣрѣ, не пощадя своего имѣнія, дворянъ и дѣтей боярскихъ смольянъ и иныхъ многихъ городовъ

сподобили неоскуднымъ денежнымъ жалованьемъ... А которые, господа, деньги были въ Нижнемъ въ сборѣ всякихъ доходовъ и тѣ деньги розданы дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и всякимъ ратнымъ людямъ: и нынѣ... изо всѣхъ городовъ... прiѣзжаютъ всякiе люди, а бьютъ челомъ всей землѣ о денежномъ жалованьѣ, а дати имъ нечего. И вамъ, господа... что есте у Соли Вычегодской въ сборѣ прислати къ намъ въ Ярославль, ратнымъ людямъ на жалованье". „Всюду же сiе промчеся собранiе", разсказываетъ „Новый лѣтописецъ", „и отъ многихъ градовъ привезоша многую казну въ Нижнiй, и отъ градовъ ратные начаша съѣзжатися: первые прiѣхаша коломничи, та жъ рязанцы, послѣди же изъ градовъ украинскихъ многiе люди, и казаки, и стрѣльцы, тiи, которые сидѣли въ Москвѣ при царѣ Василiи, и всѣмъ дадеся жалованье; и бысть тамъ тогда во всѣхъ людяхъ тишина". Ратные люди предлагали свои руки, посадкiе ихъ покупали на собранныя деньги: нельзя лучше перевести „патрiотическое одушевленiе" на языкъ матерiалистической исторiи, чѣмъ это сдѣлали простые и наивные рускiе люди начала XVII вѣка.

Въ нашу задачу не входитъ описанiе тѣхъ военныхъ операцiй, которыя, поздней осенью 1612 года, привели собранную посадскими помѣщичью армiю въ московскiй Кремль. Несомнѣнно, что удачный исходъ второй кампанiи, прежде всего другаго, опредѣлился ея солиднымъ финансовымъ базисомъ. Взявшись платить всякимъ ратнымъ людямъ, буржуазiя дѣлала это, какъ слѣдуетъ: смольянамъ, напримѣръ, давали „первой статьѣ по 50 рублевъ, а другой по 45 рублевъ, третьей по 40 рублевъ, а меньше 30 рублевъ не было". Для сравненiя стоитъ отмѣтить, что „городовыя" (провинцiальныя) дѣти боярскiя временъ Годунова получали не больше 6 рублей и даже „выборные" (гвардейцы) не больше 15 рублей жалованья: то, что давали теперь рядовымъ служилымъ, въ старые годы получало только гвардейское офицерство. Но не слѣдуетъ думать, что города собирали нужныя для этого суммы исключительно отъ добровольныхъ щедротъ. Правившая городами крупная буржуазiя наполняла кассу собраннаго ею ополченiя такимъ же путемъ, какъ нѣкогда казну Шуйскаго —путемъ принудительной раскладки. По отношенiю къ богатымъ капиталистамъ это бывалъ, обыкновенно, принудительный заемъ: такимъ путемъ добывали, напримѣръ, нижегородцы деньги отъ Строгановыхъ и ихъ агентовъ. Городскую мелкоту просто облагали новыми налогами, взыскивая ихъ, какъ всегда

собирались въ Московскомъ государствѣ налоги, безъ послабленія, „съ Божіей помощью и страхъ на лѣнивыхъ налагая". Недоимщикъ могъ и въ кабалу попасть—быть отданнымъ въ услуженіе по „житейской записи", съ уплатой за его службу денегъ впередъ не ему, а городской казнѣ. И это, какъ справедливо указываетъ новѣйшій историкъ Смуты, вовсе не служитъ доказательствомъ личной жестокости Кузьмы Минина и его товарищей. То была особенность соціальнаго строя,—того строя, побѣдой котораго кончилась смута.

ГЛАВА XI.

Дворянская Россія.

1. Ликвидація аграрнаго кризиса.

Действительное прекращеніе смуты далеко не совпадаетъ съ офиціальнымъ концомъ „Смутнаго времени“. Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ давно былъ на престолѣ, а гражданская война продолжалась, какъ продолжалась и внѣшняя война, вызванная, въ конечномъ счетѣ, тою же смутой. По наблюденіямъ одного новѣйшаго изслѣдователя, максимумъ разоренія приходится даже именно на тѣ годы „когда національный и политическій кризисъ смутнаго времени окончился“, и въ Москвѣ давно водворилось „законное правительство“. Крайней гранью „разрухи“ для этого изслѣдователя является 1616-ый, если даже не 1620-ый годъ: лишь позже этой послѣдней даты можно говорить о сколько-нибудь замѣтномъ и прочномъ улучшеніи. Почти пятнадцать лѣтъ междоусобицы не могли бы пройти даромъ даже для страны, хозяйство которой раньше было въ вполнѣ удовлетворительномъ состояніи. Подбитую аграрнымъ кризисомъ XVI вѣка Московскую Русь Смута, казалось, должна была бы довести до „полнаго уничто-

женія“. Если уже въ концѣ предыдущаго столѣтія центральныя области государства давали картину значительнаго запустѣнія, то въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ семнадцатаго вѣка посланные „смотрѣть“ землю „писцы“ и „дозорщики“ находили мѣстами почти совершенную пустыню. По словамъ цитированнаго нами выше автора, въ вотчинахъ Троицкаго монастыря, разбросанныхъ въ 20 „замосковныхъ“ уѣздахъ— и потому характеризующихъ, болѣе или менѣе, общее состояніе края, „размѣры пашни въ 1616 году уменьшаются, сравнительно съ данными 1592—1594 гг., болѣе, чѣмъ въ 20 разъ; число крестьянъ, населяющихъ Троицкія вотчины, убываетъ болѣе, чѣмъ въ 7 разъ“. Въ рядѣ имѣній Московскаго, Зубцовскаго и Клинскаго уѣздовъ, исторію которыхъ мы можемъ прослѣдить, даже къ концу 20-хъ годовъ перелогъ, т.-е, земля, брошенная и запустѣвшая, составлялъ не менѣе 80%, поднимаясь иногда до 95%, а земля, оставшаяся подъ обработкой, не превышала 18,7% всей площади, спускаясь иногда до 5,2%. На югѣ, въ нынѣшней Калужской, напримѣръ, губерніи, дѣло было нисколько не лучше: въ имѣніи, гдѣ въ 1592—93 гг. былъ 161 крестьянскій дворъ, въ 1614 г. оставалось всего 10 дворовъ. По Московскому уѣзду въ среднемъ можно констатировать убыль пашни, по крайней мѣрѣ, на одну треть, сравнительно съ разгаромъ кризиса, предшествовавшаго Смутѣ *).

Всматриваясь въ детали этого деревенскаго разоренья, мы скоро, однако, получаемъ возможность нѣсколько дифференцировать наши представленія объ экономическихъ итогахъ Смуты. Разорились, болѣе или менѣе, всѣ: но одни болѣе, другіе менѣе. Смута дѣйствовала какъ бы по принципу „имущему дается, а у неимущаго отнимется“. Она повалила тѣхъ, кто уже слабо стоялъ на ногахъ въ эпоху Грознаго и, послѣ кратковременнаго испытанія, еще больше укрѣпила тѣхъ, кто уже тогда былъ силенъ. Благодаря Смутѣ и ея послѣдствіямъ, должно было окончательно исчезнуть самостоятельное крестьянство вездѣ, гдѣ были помѣщики. Первое явленіе, которое бросается въ глаза изучающему русскую деревню второго-третьяго десятилѣтія XVII вѣка—это громадный ростъ „бобыльскихъ“ дворовъ насчетъ дворовъ крестьянскихъ. Если взять за образчикъ имѣнія того же Троицкаго монастыря—образчикъ очень удобный, какъ мы видѣли,—получаются такія

*) Данныя заимствованы изъ изслѣдованія Ю. Готье „Замосковный край въ XVII вѣкѣ“ (М. 1906), столь же цѣннаго для эпохи послѣ Смуты, какъ работа Н. А. Рожкова для предшествующаго столѣтія.

сравнительныя цифры: по Дмитровскому уѣзду въ троицкихъ вотчинахъ по переписямъ конца XVI вѣка значилось 40 бобыльскихъ дворовъ на 917 крестьянскихъ; переписи 20-хъ годовъ слѣдующаго столѣтія даютъ 207 дворовъ бобылей на 220 дворовъ, занятыхъ крестьянами. Въ первомъ случаѣ бобыльскіе дворы составляютъ 4,1%, во второмъ—48,4%. Для Углицкаго уѣзда соотвѣтствующія цифры будутъ 2,6 и 56,6%. Въ Бѣлевскомъ уѣздѣ на 708 крестьянскихъ дворовъ писцовыя 1628—29 гг. насчитываютъ 987 бобыльскихъ, въ Углицкомъ на 1186 крестьянскихъ—бобыльскихъ приходится 1074: всюду бобыли изъ ничтожнаго меньшинства превращаются въ группу, по крайней мѣрѣ, равночисленную настоящему крестьянству *). Что же такое представляли изъ себя эти „бобыли"? Основываясь на томъ, что съ бобыльскаго двора брали вдвое меньше податей, чѣмъ съ крестьянскаго, Бѣляевъ когда-то опредѣлилъ ихъ, какъ крестьянъ, сидѣвшихъ на половинной выти. Сейчасъ цитированный нами ученый доказалъ, что въ большинствѣ случаевъ у бобылей пашни вовсе не было. Основываясь на томъ, что въ этой группѣ часто встрѣчаются сельскіе ремесленники, онъ склоненъ отнести ихъ всѣхъ къ этой категоріи: но какъ можно себѣ представить, чтобы въ разоренной странѣ почти половина населенія занята была обрабатывающей промышленностью? Гдѣ бы она находила себѣ рынокъ для сбыта своихъ произведеній? А принявъ, что это былъ пролетаріатъ, уже лишенный собственныхъ орудій производства (предположеніе, для XVII вѣка, еще болѣе невѣроятное), гдѣ находилъ онъ себѣ заработокъ при полномъ отсутствіи крупной промышленности? Тексты, приводимые тѣмъ же авторомъ, даютъ вполнѣ опредѣленную картину, не заставляя прибѣгать ни къ какимъ мало правдоподобнымъ гипотезамъ. Вотъ, напримѣръ, выпись изъ „дозорныхъ книгъ" 1612 года на вотчины того же Троицкаго монастыря. „Дер. Кочюгова.... дворъ бобыльскій Васьки Антипьева, а *былъ крестьянинъ, да обмолодалъ отъ войны да отъ податей*, сказали пашни не пашетъ, лежитъ впустѣ, а было за нимъ пашни 3 чети". „Деревня Слобода Хотинова.... дворъ бобыльской Первушки Кирилова, а былъ де крестьянинъ и отъ войны обмолодалъ, и пашня его пуста, а было за нимъ пашни двѣ чети съ осминою". Въ „дозорной выписи" 1616 года на вотчины Чудова монастыря, въ Костромскомъ уѣздѣ,

---

*) См. М. Дьяконовъ „Очерки по исторіи сельскаго населенія Московскаго государства", стр. 224—225.

въ погостѣ Шунгѣ, перечислено шесть бобыльскихъ дворовъ, „а до литовскаго разоренья тѣ бобыли были пашенные крестьяне, а отъ литовскаго разоренья они оскудали, пашни не пашутъ, жеребей ихъ пашни лежитъ впустѣ“. О другихъ бобыляхъ, живущихъ въ монастырскихъ деревняхъ, сказано, что они „отъ литовскаго разоренья оскудали, ходятъ по міру, кормятся Христовымъ именемъ“. „Безмѣстные бобыли“, „увѣчные, бродящіе бобыли“—эпитеты, на каждомъ шагу встрѣчающіеся въ писцовыхъ книгахъ. Бобыль, какъ правило, не ремесленникъ и не пролетарій въ нашемъ смыслѣ этого слова: это пролетарій въ смыслѣ слова античномъ,—не работникъ, открѣпленный отъ орудій своего труда, а крестьянинъ, открѣпленный отъ земли, потому что ему нечѣмъ стало ее обрабатывать. Человѣкъ, изувѣченный на войнѣ, или человѣкъ, у котораго военные люди свели послѣднюю лошадь, либо сожгли дворъ со всѣмъ имѣньемъ, одинаково попадали въ эту категорію.

Но открѣпленнаго отъ земли крестьянина, зато легко было прикрѣпить къ помѣщику. Крѣпостное право быстро растетъ у насъ на развалинахъ, созданныхъ Смутой, точно такъ же, какъ въ Германіи росло оно на развалинахъ, созданныхъ тридцатилѣтней войной. Мы уже не разъ отмѣчали выше, что прогрессъ крѣпостного права означалъ у насъ не столько лишеніе какихъ-нибудь правъ крестьянина—въ феодальномъ обществѣ онъ всегда былъ больше объектомъ, чѣмъ субъектомъ правъ,—сколько прекращеніе той, разорительной для землевладѣльцевъ, игры въ крестьянъ, которая была такъ характерна для предшествующей эпохи. И въ эту предшествующую эпоху крестьянинъ нерѣдко былъ вещью, которую можно было продавать, покупать и мѣнять, какъ мѣняли, продавали и покупали холоповъ. Въ 1598 году старецъ Гурій, Голутвина монастыря въ Коломнѣ, искавшій на помѣщикѣ Пятомъ Григорьевѣ монастырскихъ крестьянъ и соскучившійся тягаться, „не дожидаясь сказки по судному списку, помирился полюбовно“: „взялъ я“,—пишетъ старецъ,—„у Пятово въ домъ Богоявленія Господня въ Голутвинъ монастырь въ вотчину крестьянъ—Романа Степанова, да Тимоѳея Лукина съ братомъ, да Данила Михайлова съ женами и съ дѣтьми, и со всѣмъ животомъ и статкомъ, Данила Михайлова раздѣля съ его зятемъ съ Ѳедкою Степановымъ животы ихъ по половинамъ, съ женою и съ дѣтьми. А Пятому Григорьеву язъ старецъ Гурій по сыску поступился крестьянъ Данила Тарасова, да Ѳедора Степанова съ женами и съ дѣтьми, и со всѣми

животы и статки...“ *). Если мы сравнимъ этотъ документъ самаго конца XVI вѣка съ документомъ 1632 года, гдѣ „помѣстный есаулъ“ Аѳанасій Семеновичъ Бѣлкинъ свидѣтельствуетъ, что онъ „поступился въ домъ Живоначальныя Троицы Алаторскаго Сергіева монастыря.... вотчинаго своего крестьянина Гришку Ѳедосѣева съ женою его Овдотьею, Семеновой дочерью, да 3 дѣтьми“—мы только при помощи очень сильнаго юридическаго микроскопа сможемъ найти здѣсь какую-нибудь разницу. И поскольку насъ интересуютъ не детали московскаго права, а эволюція хозяйства Московскаго государства, мы можемъ считать оба факта соціологически тождественными. И въ концѣ XVI и въ половинѣ XVII вѣка крестьянинъ, уже закрѣпленный тѣмъ или инымъ путемъ за своимъ помѣщикомъ, былъ собственностью послѣдняго. Мѣнялись только, во-первыхъ, способы закрѣпленія: въ связи съ экономическими результатами Смуты, тутъ интересно отмѣтить, что ссуда, раньше бывшая очень распространеннымъ средствомъ привязать крестьянина къ имѣнію, теперь пріобрѣтаетъ исключительное значеніе. „На офиціальномъ языкѣ съ половины XVII вѣка терминъ ссудная запись совершенно вытѣсняетъ старое наименованіе крестьянской записи порядною“ **). Раньше ссуда была экономическою необходимостью всякаго благоустроеннаго хозяйства. Въ 1598 г. власти Благовѣщенскаго монастыря въ Нижнемъ-Новгородѣ жаловались патріарху Іову: „монастырь де ихъ скуденъ, и впредь имъ монастыря и монастырскихъ селъ строити нечѣмъ, и ссуды крестьянамъ новоприходцамъ, и служкамъ и дѣловымъ людямъ жалованья давати нечѣмъ“. Теперь ссуда становится юридической необходимостью для всякаго, садящагося на землю, крестьянина—безъ ссуды нельзя порядиться въ крестьяне. Уложеніе знаетъ, что крестьяне даютъ „по себѣ ссудныя и поручныя записи“. Многочисленныя новоуказныя статьи говорятъ только о ссудныхъ записяхъ на крестьянъ“. Старый терминъ „порядная запись“ становится провинціализмомъ, удержавшимся, замѣчательнымъ образомъ, въ экономически наиболѣе развитыхъ мѣстностяхъ: въ псковскихъ записныхъ крестьянскихъ книгахъ его можно встрѣтить и въ самомъ концѣ XVII вѣка. Всюду въ другихъ мѣстахъ крестьянинъ, послѣ Смуты, фактически не могъ поставить своего хозяйства безъ ссуды; не нуждавшіеся въ

*) Дьяконовъ, „Акты“ II, № 33.
**) Дьяконовъ, „Очерки“, стр. 125

ссудѣ были исключеніемъ и московское право съ этимъ исключеніемъ не считалось. А затѣмъ, что несравненно важнѣе и не менѣе характерно,—изъ собственности движимой крестьянинъ все болѣе обнаруживаетъ тенденцію превратиться въ недвижимую. Мы можемъ наблюдать этотъ любопытный процессъ съ двухъ сторонъ,—частной и офиціальной, если такъ можно выразиться. Во-первыхъ, непремѣннымъ условіемъ новаго типа крестьянскихъ порядныхъ, послѣ Смуты, является не только ссуда, а еще обязательство: жить за даннымъ помѣщикомъ „неподвижно", „прочно" и „безвыходно". „А гдѣ насъ помѣщикъ Петръ Татьянинъ съ сею жилецкою записью сыщетъ, а мы по ней во крестьянствѣ за Петра крѣпки во всякомъ государевѣ судѣ",—говоритъ одна запись 1629 года. „А изъ Софійской вотчины намъ никуда не выйти" обязуются новгородскіе крестьяне въ 1619 г. „и впредь жити за митрополитомъ въ Софійской вотчинѣ неподвижно". Крестьянскій „выходъ", объ упраздненіи котораго такъ хлопотали помѣщики во время Смуты, хлопотали и передъ Шуйскимъ, и передъ Владиславомъ, оказался очень живучимъ, и его приходилось вытравлять теперь частными соглашеніями, вынуждая крестьянъ отказываться отъ права уйти (то-есть быть вывезенными другимъ помѣщикомъ), какъ вынуждали ихъ принять ссуду. Но это не значило, конечно, что офиціальныя хлопоты прекратились. Еще междоусобная война не кончилась, „законное правительство" едва успѣло усѣсться на Москвѣ, а Троицкая лавра уже разыскивала своихъ бѣглыхъ по всѣмъ городамъ за все время Смуты—„и свозщики во всѣ города для того были посланы". По обширности монастырскихъ вотчинъ, операція приняла такіе размѣры, что для санкціонированія ея понадобился боярскій приговоръ (1615 г., марта 10), который призналъ за троицкими властями право вывозить своихъ крестьянъ обратно за 11 лѣтъ и стремился только оградить интересы помѣщиковъ, у которыхъ троицкіе старцы собирались отнимать ихъ старинныхъ крестьянъ, жившихъ за тѣми помѣщиками „лѣтъ двадцать и больше". Одиннадцатилѣтняя давность, казалось бы, была достаточна: давности болѣе 15 лѣтъ вообще тогдашнее право не знало, а теперь мы довольствуемся 10-лѣтней. Но землевладѣльцы стремились сдѣлать крестьянъ болѣе неподвижными, чѣмъ сама земля, и первая половина XVII вѣка наполнена челобитьями дворянъ и дѣтей боярскихъ, хлопотавшихъ, чтобы имъ позволили разыскивать своихъ крестьянъ сверхъ урочныхъ лѣтъ, если не безъ всякихъ урочныхъ лѣтъ

вовсе. Въ 1641 году десятилѣтняя давность въ искахъ о бѣглыхъ крестьянахъ, раньше составлявшая привилегію нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ, въ родѣ Троицкаго монастыря или Государева Дворца, была распространена на всѣхъ помѣщиковъ: а въ 1649 году Уложеніе царя Алексѣя установило „отдавати бѣглыхъ крестьянъ и бобылей изъ бѣговъ по писцовымъ книгамъ всякихъ чиновъ людямъ безъ урочныхъ лѣтъ“. Любопытно, что и послѣ этого, казалось бы совершенно яснаго, закона, землевладѣльцы продолжали требовать отъ вновь поряжавшихся крестьянъ личнаго обѣщанія „ни за кого иного не сойти“. Не давшій такого обѣщанія крестьянинъ не считался, и не считалъ себя вполнѣ крѣпкимъ. Въ 1690 году, чуть не черезъ полстолѣтія послѣ Уложенія, одинъ поряжавшійся въ Троицкую вотчину крестьянинъ разсказываетъ, какъ помѣщикъ, у котораго онъ жилъ „годы съ три“, „началъ на него Ефимка просить письменныхъ крѣпостей, чтобы ему жить за нимъ во крестьянствѣ, и онъ де, не давъ ему на себя крѣпостей, съ той деревни сшелъ...“ *). Свободный крестьянинъ не былъ, такимъ образомъ, юридически немыслимъ въ Россіи даже въ началѣ царствованія Петра; но фактически это было настолько рѣдкое исключеніе, что московское право, грубое и суммарное, регистрировавшее массовые факты, не считалось съ этимъ явленіемъ, какъ не признавало оно крестьянина, способнаго завести свое хозяйство безъ барской ссуды. Уцѣлѣвшій мѣстами „вольный“ крестьянинъ нисколько не стѣснялся, однако же, тѣмъ, что законъ его игнорировалъ, и продолжалъ при царѣ Алексѣѣ „рядиться“ со своимъ бариномъ такъ же, какъ дѣлалъ онъ это при Грозномъ. Всего двумя годами раньше Уложенія, одинъ новгородскій помѣщикъ, Иванъ Ѳедоровичъ Пановъ далъ на себя своему крестьянину Ивашку Петрову такую запись: „мнѣ... его Ивашку не изгонить, и никому его не продать и не промѣнить, и въ заставу (залогъ) не заложить и никакова дурна надъ нимъ не учинить, и держать ево мнѣ Ивану во крестьянахъ, какъ протчіе дворяне крестьянъ у себя держатъ“. Въ случаѣ неисполненія Пановымъ этихъ условій „ему Ивашку волно и прочь отойти на всѣ четыре стороны“ **). Собственность, договаривающаяся съ собственникомъ насчетъ условій, подъ которыми она разрѣшаетъ послѣднему собою владѣть, есть, конечно, нѣчто,

---

*) Дьяконовъ, „Очерки“, стр. 108; на стр. 106—109 см. много другихъ примѣровъ.

**) „Акты“ Дьяконова, I, № 40.

Избраніе Михаила Феодоровича Романова на царство.

Оригиналъ картины Г. И. Угрюмова (1764—1823 гг.) «Избраніе Михаила Феодоровича Романова на царство» находится въ Русскомъ музеѣ императора Александра III въ Спб. (№ 294); законченный эскизъ этой картины, написанной художникомъ по заказу императора Павла I для Михайловскаго дворца, находится въ Московскомъ Румянцовскомъ музеѣ (№ 307). Въ томъ же Русскомъ музеѣ въ Спб. имѣется картина того же художника «Взятіе Казани» (№ 293), а въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ— акварель «Воззваніе къ князю Пожарскому» (№ 9). Страсть художника къ рискованнымъ темамъ несомнѣнна; характерность его пріемовъ трактовать эти темы равно внѣ всякихъ сомнѣній; наконецъ, въ высокой степени исторически любопытно происхожденіе самой картины: она была заказана Павломъ I для *Михайловскаго* замка, того замка, о которомъ Н. М. Карамзинъ выразился въ такой тирадѣ: «Героевъ, пріученныхъ къ побѣдамъ, училъ маршировать; отвратилъ дворянство отъ воинской службы; презиралъ душу, уважалъ шляпы и воротники; имѣя, какъ человѣкъ, природную склонность къ благотворенію, питался желчью зла; ежедневно вымышлялъ способы устрашать людей и самъ всѣхъ болѣе страшился; думалъ *соорудить себѣ неприступный дворецъ, соорудилъ гробницу*». Картина Угрюмова «Избраніе Михаила», являясь образчикомъ старой академической живописи и заказного историческаго патріотизма, не даетъ, конечно, никакого историческаго матеріала (въ ней нѣтъ ни историческаго сюжета, ни сколько-нибудь строгой археологической облицовки); это не историческая живопись даже въ элементарномъ смыслѣ этого выраженія, зато сама картина является передъ нами какъ историческій источникъ, относящійся къ опредѣленному бытовому моменту. Историческая суть явленія, озаглавленнаго «Избраніе Михаила», конечно, не была извѣстна на рубежѣ XVIII и XIX столѣтій, да къ ней и не сумѣли бы подойти съ тогдашними историческими представленіями; если бы и сумѣли, то не посмѣли бы выразить надлежащимъ образомъ соотвѣтственное историческое положеніе и описать фактъ. Не трудно замѣтить, что заголовокъ картины не соотвѣтствуетъ ея содержанію; этотъ заголовокъ, пожалуй, надо понимать иносказательно и пошевелить свои воспоминанія въ области ветхозавѣтнаго преданія. Самъ Господь Богъ избралъ Саула на царство, а пророкъ Самуилъ помазалъ его... И развѣ картина всѣмъ своимъ складомъ не хочетъ подчеркнуть это божественное произволеніе въ снабженіи царемъ московскаго государства? Развѣ художникъ не хотѣлъ изобразить божественно прекраснаго юношу съ дѣвическимъ лицомъ, какъ это мы видимъ на картинѣ? Развѣ не проникнута вся картина наивнымъ и слащавымъ благолѣпіемъ отъ централизующаго вниманіе зрителей свѣтового небеснаго луча, низвергающагося съ вышняго престола на нѣжно чудесный объектъ божественнаго произволенія, до послѣдней детали, долженствующей не бросаться въ глаза зрителя, а лишь настойчивѣе и рѣзче подбрасывать ему основное, главное?.. И что въ самомъ дѣлѣ можетъ говорить историческому сознанію вся эта дѣланная и сверхъестественная сцена? Такое псевдо-историческое и формально-патріотическое направленіе художественной академической кисти на рубежѣ XVIII и XIX ст. само по себѣ понятно: еще нѣтъ общества, которое всецѣло на своихъ плечахъ могло бы *экономически* выносить искусство. Свободное творчество само по себѣ не только еще не стоитъ выше простого понятія о службѣ государству, но и не мыслимо иначе, какъ въ рамкахъ бюрократическаго воздержанія. Государство охотно культивируетъ и науку, и искусство, расходуется на то и на другое и, какъ хозяинъ, платящій жалованье, требуетъ себѣ услугъ. Поэты писали оды, живописцы—картины, ученые—исторію—въ звучномъ словѣ, въ краскахъ, въ повѣствованіи чуть не гекзаметромъ, всѣ эти господа должны были славословить власть: ничтожества провозглашать геніями, мелкое живописать великимъ и прекраснымъ, обычное представлять сверхъестественнымъ, Рюрика первѣйшимъ самодержцемъ... Меценатство—своего рода горнило очищенія, черезъ которое въ любой странѣ вынуждены проходить и наука и искусство въ извѣстную пору своего развитія. Въ данномъ случаѣ

это совершенно понятная и знакомая всѣмъ сторона дѣла и не такъ уже цѣнна; гораздо цѣннѣе для историческаго взора, что именно Павелъ I заказываетъ апоѳеозъ избранія на престолъ М. Ѳ. Романова: вѣдь онъ, можно сказать, такъ неистово былъ заинтересованъ въ подобномъ апоѳеозѣ. Стоитъ пробѣжать хотя бы книгу военнаго генерала Н. К. Шильдера «Императоръ Павелъ I» (Спб. 1901), чтобы понять, почему это такъ. Павелъ очень волновался изъ-за событія 6 іюля 1762 г. въ Ропшѣ, въ которомъ, онъ долженъ былъ думать, погибъ его *отецъ*. А если то не былъ его отецъ, волновался Павелъ! Тогда? Павелъ, къ несчастію, не понималъ, что съ этой стороны ему не грозитъ опасность, что потомство довольно равнодушно къ генеалогіи и что современное представителю власти общество не склонно разбираться въ пожелтѣвшихъ листахъ генеалогіи. Генеалогическая неловкость не можетъ быть причиной сама по себѣ, она можетъ лишь кстати выскочить на поверхность и не на ней игралъ свою знаменитую роль графъ П. А. фонъ-деръ Паленъ въ знаменитую ночь съ 11 на 12 марта 1801 г. Апоѳеозъ событія Павлу былъ совсѣмъ не нуженъ, было бы гораздо проще не замышлять проектовъ усыновить принца Евгенія Виртембергскаго и отстранить отъ престола Александра I, хорошо запомнившаго роли и гр. Н. П. Панина, и гр. П. А. фонъ-деръ Палена. По существу всѣ генеалогическіе счеты были завершены смертью Петра II. Тѣмъ не менѣе мысль Павла работала такъ, какъ она могла работать, и передъ нами не только памятникъ офиціальнаго академическаго живописанія, но и очень цѣнная строка изъ исторіи русской художественной публицистики, руководимой сверху. Нынѣшней публикѣ картина Угрюмова мало извѣстна, и въ самомъ музеѣ передъ ней, пожалуй, не останавливаются съ тѣмъ вниманіемъ, какого она, несомнѣнно, заслуживаетъ, хотя и вовсе не по соображеніямъ эстетическимъ. Московское преданіе, создавшееся офиціально, давно сумѣло ловко и безъ стѣсненій препарировать русское прошлое по-своему, препарировать такъ, что позднѣйшему изслѣдованію не найти концовъ или же добраться до нихъ лишь съ величайшими усиліями. Московскій князь-великій Иванъ III сумѣлъ изъ борьбы съ Новгородомъ создать крестовый походъ и превратить новгородцевъ въ политическихъ измѣнниковъ. Традиціи съ избраніемъ царя Михаила посчастливилось не меньше, и данныя искуснаго изслѣдованія въ этой области проф. С. Ѳ. Платонова далеко еще не стали надежнымъ пріобрѣтеніемъ общественнаго сознанія. Нашъ художникъ не взялся за изображеніе массовой работы избирательнаго земскаго собора 1613 г., олицетворявшаго собою всю землю, которая въ лицѣ своихъ представителей вольна была отдать царство кому бы ей ни вздумалось. Живописное изображеніе чего-либо подобнаго не могло быть заказано, а впечатлѣніе объ учредительной роли земскаго собора не могло признаваться ни полезнымъ, ни поучительнымъ для общества самаго конца XVIII ст. Художникъ остановился на самомъ претенціозномъ моментѣ, на 14 марта 1613 г., сценѣ, разыгравшейся въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ. И Н. И. Костомаровъ и С. М. Соловьевъ почти одинаково не критически и наивно изображаютъ эту сцену, довольно просто слѣдуя своему источнику и до нѣкоторой степени повторяя детали избранія царя Бориса. Соборные послы пріѣхали въ Кострому 13 марта и только на другой день были приняты Михаиломъ съ матерью, инокиней Марѳой. Подняли иконы, пошелъ крестный ходъ, Михаилъ съ матерью встрѣтили его за монастыремъ. Послы или челобитчики, какъ ихъ называютъ, Ѳеодоритъ, архіепископъ рязанскій, три архимандрита, три протопопа, троицкій келарь Авраамій Палицинъ (котораго такъ эффектно развѣнчалъ И. Е. Забѣлинъ), двое бояръ и др. объявили Михаилу о соборномъ избраніи: Михаилъ не просто сталъ отказываться, а отвѣчалъ имъ *«съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ»*, что онъ государемъ быть не хочетъ, мать прибавляла, что и она не благословляетъ сына на царство. И сынъ и мать долго не хотѣли идти за крестами въ соборную церковь, насилу ихъ *челобитчики* уговорили. Придя въ церковь, долго продолжали отказываться, вычитывая всѣ измѣны московскихъ людей прежнимъ государямъ. Марѳа говорила, что «у сына ея и въ мысляхъ нѣтъ на такихъ великихъ преславныхъ государствахъ быти государемъ», что «онъ не въ совершенныхъ лѣтахъ, а московскаго государства всякихъ чиновъ люди по грѣхамъ измалодушествовались, давъ свои души прежнимъ государямъ, не прямо служили». Челобитчики въ отвѣтъ на это разсказывали исторію смутнаго времени. «А теперь,—заканчивали они сочиненную публицистически литературной обработкой рѣчь,—московскаго государства люди *наказались всѣ* и пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ». С. Соловьевъ, какъ историкъ-государственникъ, пришелъ отъ этихъ словъ московскаго пре-

данія даже въ нѣкоторое умиленіе и, отбросивъ всякіе критическіе экскурсы, пишетъ: «Слова Ѳеодорита съ товарищами, что Михаилу нечего было бояться участи своихъ предшественниковъ, потому что люди московскаго государства наказались и пришли въ соединеніе,—эти слова были вполнѣ справедливы. Страшнымъ опытомъ люди московскаго государства научились, что значитъ рознь и шатость, развязывающія руки *ворамъ*». Увы! какъ разъ московскіе люди ничему не научились, какъ видно изъ послѣдующей политической исторіи древней Руси, а московскій историкъ половины XIX вѣка все еще терялся, когда приходилось производить реконструкцію стараго государства въ критическіе моменты подвиговъ самодержавной традиціи; онъ не сумѣлъ да и не хотѣлъ разъяснить, какъ при извѣстныхъ условіяхъ мишурный блескъ порядка является, говоря старымъ языкомъ, именно создателемъ *воровъ* и настолько всю дѣйствительность пронизываетъ фальшью, что термины жизнь и воровство становятся равнозначущими. Изученіе избирательной борьбы оставалось въ сторонѣ, и въ литературѣ, пожалуй, черезчуръ долго господствовала въ сущности окраска, приданная событію художникомъ. Въ этомъ отношеніи картина Угрюмова столь же характерна, отчетливо иллюстрируя безсознательность и косность представленій о русскомъ прошломъ. Агитація боярской фамиліи Романовыхъ въ свою пользу началась очень рано, и опала, которую положилъ на нихъ царь Борисъ, объясняется именно тѣмъ, что они «злодѣи, измѣнники хотѣли царство достати вѣдовствомъ и кореньемъ». Полемизируя съ наивностью С. Соловьева, С. Платоновъ справедливо замѣчаетъ въ «Очеркахъ по исторіи смуты въ московскомъ государствѣ» (Спб. 1899, стр. 243 и слѣд.), что «невозможно допустить, чтобы одни волшебные корешки, безъ другихъ уликъ, послужили достаточнымъ основаніемъ для обвиненія цѣлаго родственнаго круга лицъ, принадлежавшихъ къ высшему слою служилаго класса, лицъ вліятельныхъ и популярныхъ, связанныхъ узами кровнаго родства съ только что угасшею династіей, къ которой царь Борисъ исповѣдывалъ такую благоговѣйную преданность». Въ 1605 г. правительство, говоря о первомъ самозванцѣ, заявляло, что то былъ Гр. Б. Отрепьевъ, находившійся въ тѣсной связи съ фамиліей Романовыхъ: Отрепьевъ «жилъ у Романовыхъ во дворѣ», говорили тогда; въ 1606—1607 гг. посольство царя Василія сообщало, что онъ «былъ въ холопехъ у бояръ у Никитиныхъ дѣтей Романовича». Эта связь очень любопытна, и С. Платоновъ прямо спрашиваетъ, почему, если Романовы причастны были къ дѣлу подготовки самозванца, ихъ обвиняли не въ этомъ, а въ томъ, что они хотѣли себѣ «достать царство»? По воцареніи Бориса, Романовы не мирились съ тѣмъ, что престолъ прошелъ мимо нихъ, они агитировали и вовлекли въ оппозицію другія семьи. Агитація пока не удалась, и черный покровъ увѣнчалъ главу Ѳедора Никитича Романова. Глава политической интриги долженъ былъ на время укрыться въ монастырѣ. Романовы опять собираются въ Москвѣ при царѣ Василіи, который назначилъ было въ патріархи Филарета (постриженнаго Ѳедора Никитича Романова), но вынужденъ былъ отказаться отъ осуществленія этого намѣренія. Въ одномъ изъ писемъ нунція Симонетты къ кардиналу Боргезе изъ Вильно встрѣчаемъ прямое указаніе, что Филаретъ помогалъ дѣлу и перваго и второго самозванцевъ. Оказывается, что, потерявъ кредитъ у царя Василія, Филаретъ появился у тушинскаго вора и въ Тушинѣ былъ нареченъ послѣднимъ на должность московскаго патріарха, вслѣдствіе чего, какъ разсказываетъ С. Платоновъ, и появилось прозваніе «тушинскій патріархъ». Если теперь съ большимъ трудомъ приходится вскрывать тѣ или другія подробности борьбы за престолъ боярской фамиліи Романовыхъ и во главѣ неутомимаго и готоваго на всѣ средства Филарета, то прежде всего потому, что надъ созданіемъ псевдоисторической московской традиціи работали люди, обладавшіе остроумнымъ и гибкимъ перомъ». Тушинскій патріархъ могъ порвать съ тушинскимъ лагеремъ только послѣ составленія договора 4 февраля 1610 г. съ польскимъ королемъ, собираясь переѣхать изъ воровского стана въ королевскій. Тушинская агитація послѣ февральскаго договора дѣйствовала неустанно и, повидимому, съ бо́льшимъ успѣхомъ. Въ маѣ 1610 г. послѣ боя подъ Іосифовымъ монастыремъ Филаретъ былъ взятъ въ плѣнъ войсками Гр. Валуева и появился въ Москвѣ, сдѣлавшись «самою большою властью подъ патріархомъ». Организовалось возстаніе противъ царя Василія. Главою одного изъ возставшихъ кружковъ былъ тотъ же Филаретъ, а дѣятельная роль, пишетъ С. Платоновъ, принадлежала тѣмъ людямъ, которые, живя въ Москвѣ, были въ сношеніяхъ съ тушинцами, признавшими королевича Владислава, и получали отъ нихъ письма и королевскіе листы въ пользу

королевича. Политическая игра Филарета развернулась во всю: тушинскій воръ производитъ его нареченіе въ московскіе патріархи, въ началѣ 1610 г. онъ является создателемъ кандидатуры Владислава, въ іюлѣ того же года—участникомъ движенія, низвергнувшаго царя Василія. «Филаретъ,—прибавляетъ С. Платоновъ,—умѣлъ вести закрытую игру и, держась въ сторонѣ отъ площадной суеты, сохранялъ видъ спокойнаго наблюдателя имъ самимъ вызванныхъ событій». Въ послѣдній періодъ смуты наблюдается рядъ явныхъ и скрытыхъ попытокъ овладѣть властью и создать правительство. Въ сентябрѣ 1610 г. изъ Москвы отправилось къ королю Сигизмунду подъ Смоленскъ по дѣлу избранія въ московскіе цари его сына Владислава посольство, во главѣ котораго были тотъ же Филаретъ и князь В. В. Голицынъ. Сплоченный кружокъ стороны Романовыхъ остался въ Москвѣ и сидѣлъ въ семибоярщинѣ (Ив. Ник. Романовъ, кн. Б. М. Лыковъ, Ѳ. И. Шереметевъ); политическіе интересы фамиліи были обезпечены, и Филаретъ, пятнадцать лѣтъ жившій среди неустанной агитаціи, вернулся въ Москву изъ польскаго плѣна не только настоящимъ московскимъ патріархомъ, но и отцомъ московскаго государя, получилъ титулъ великаго государя и царствовалъ за спиною своего счастливаго сына. Чего не могъ достигнуть неутомимый отецъ, этотъ мощный и крупный типъ московской Руси, то подготовлено было имъ на долю совсѣмъ молодого сына. 21 февраля 1613 г. земскій соборъ избралъ Михаила, кандидатура котораго удачно выдвинулась среди тогдашнихъ условій. 14 марта посольство «умолило» его выразить свое согласіе, а черезъ нѣкоторое время вернулся и герой смутнаго времени, прошедшій тернистый путь отъ тушинскаго стана до королевскаго лагеря, Филаретъ, возведенный въ санъ патріарха всея Руси. Послѣднее стало памятнымъ, и все тушинское и революціонное было густо замазано искусной рукой московскаго книжника, и тѣмъ не менѣе С. Платоновъ утверждаетъ, что многіе тушинцы играли при царѣ Михаилѣ «очень видную роль». Избирательный соборъ 1613 г.—крупное явленіе эпохи, и тѣмъ болѣе любопытное, что въ этотъ моментъ русскій народъ активно проявилъ свою учредительную волю, съ которой намъ въ такой открытой формѣ уже не приходится встрѣчаться позднѣе при изученіи русскаго историческаго процесса. Художникъ, рисуя по заказу и среди извѣстныхъ условій времени, представилъ намъ фактъ, идущимъ сверху, тогда какъ пришелъ онъ снизу. Долго путалось историческое сознаніе въ нескладномъ лабиринтѣ; теперь зато мы хорошо знаемъ, гдѣ искать корней любого историческаго факта. Мы всегда его ищемъ *въ низахъ* и среди *экономическихъ условій* дѣйствительности.

В. Стор.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ".

Изд. Т-ва „МІРЪ".

противорѣчащее всякой юридической логикѣ: но московскіе люди не думали ломать своей жизни въ угоду какой бы то ни было логикѣ, и устраивались въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ такъ, какъ имъ было удобнѣе.

Иммобилизація крестьянства, обычно опредѣляемая какъ „окончательное установленіе крѣпостного права" (хотя, мы это сейчасъ видѣли, именно правовая сторона дѣла являлась наименѣе законченной), была одной изъ крупнѣйшихъ новостей русской экономической жизни въ послѣ-смутную эпоху. На ея примѣрѣ мы можемъ хорошо видѣть, какъ Смута дѣйствовала. Она не вносила—и не могла, конечно, внести—никакой экономической перемѣны. Первый шагъ къ закрѣпленію крестьянства въ данномъ имѣніи и за даннымъ помѣщикомъ сдѣланъ былъ—даже если и не считать „пожилого" времени судебниковъ — извѣстнымъ закономъ 24 ноября 1597 года, установившимъ пятилѣтнюю давность для сыска бѣглыхъ крестьянъ. Почвой было аграрный кризисъ и запустѣніе центральной Россіи. Смута лишь довела оба эти явленія до крайнихъ возможныхъ предѣловъ — и дала поводъ извлечь изъ нихъ всѣ возможныя послѣдствія. Съ прекращеніемъ „разрухи", однако же, вліяніе этой причины должно было бы, казалось, идти въ убывающей прогрессіи. Употребляя ходячее выраженіе, Московское государство „оправлялось" отъ Смуты довольно быстро. Въ моментъ наибольшаго упадка (1614—1616 гг.) въ знакомыхъ намъ троицкихъ вотчинахъ замосковныхъ уѣздовъ пашня составляла 1,8% всей площади, а перелогъ 98,2%. Но уже по переписямъ третьяго и четвертаго десятилѣтій того же вѣка первая цифра поднимается до 22,7%, а вторая спускается до 77,3%. Въ письмѣ 20-хъ годовъ „есть указанія на колонизаторскую дѣятельность землевладѣльцевъ: большой бояринъ кн. Ю. Я. Сулешовъ, купивъ обширную вотчину въ Серебожскомъ стану Переяславскаго уѣзда, заводитъ въ ней новое хозяйство—„ставитъ ново" дворъ вотчинниковъ и цѣлыхъ 5 починковъ сразу. Находятся и такіе землевладѣльцы, которые заранѣе готовятъ дворы для будущихъ крестьянъ-колонистовъ: въ вотчинѣ дьяка Г. Ларіонова, села Слезнева, Повельскаго стана, Дмитровскаго уѣзда, въ концѣ 20-хъ годовъ стояли три пустыхъ двора, „поставлены вновь". Къ 40-мъ годамъ эта „внутренняя колонизація" сдѣлала уже большіе успѣхи: въ Переяславскомъ, напримѣръ, уѣздѣ въ 1646 году „появился цѣлый рядъ новыхъ селеній, ранѣе (во время переписей 20-хъ годовъ) не существовавшихъ". Въ нихъ было: 20 дворовъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, 2 монастырскихъ,

16 дворовъ задворныхъ людей, 21 дворъ монастырскихъ дѣтеньшей, 143 двора крестьянскихъ съ мужскимъ населеніемъ въ 439 человѣкъ, 301 дворъ бобыльскій съ населеніемъ въ 709 человѣкъ; было вновь распахано около 2300 десятинъ земли. Словомъ, „короткій экономическій кризисъ, вызванный Смутой, прошелъ такъ же быстро, какъ и налетѣлъ“ *). Но намѣченное нами явленіе иммобилизаціи крестьянства ничуть не исчезло, и даже не ослабѣло, а, наоборотъ, закрѣпилось на весь XVII вѣкъ. Очевидно, Смута лишь помогла обнаружиться чему-то, корни чего лежали глубже того слоя, который могъ быть размытъ междоусобицей. Острый моментъ аграрнаго кризиса прошелъ одновременно съ этой послѣдней. Но экономическій расцвѣтъ временъ молодости Грознаго не повторился. Осталось хронически угнетенное состояніе, къ которому помѣщичье хозяйство приспособилось мало-по-малу— и съ котораго начался новый подъемъ, но уже гораздо позже, не ранѣе конца XVII столѣтія. Первыя три четверти этого вѣка носятъ въ этой области опредѣленно выраженный реакціонный или, если угодно, реставраціонный характеръ. Послѣдній терминъ лучше подходитъ—ибо суть дѣла заключалась именно въ реставраціи, въ возобновленіи стараго, въ оживленіи и укрѣпленіи такихъ экономическихъ чертъ, которыя, вѣкомъ раньше, казались отжившими или, по крайней мѣрѣ, слабѣющими. Наглухо прикрѣпленные къ имѣніямъ, крестьяне семнадцатаго вѣка, вѣроятно, уже напомнили читателю „старожильцевъ“ прежнихъ боярскихъ вотчинъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе сидѣвшихъ на одной и той же деревнѣ, пока ихъ не разворошила опричнина. Но за этимъ сходнымъ признакомъ идутъ и другіе. Натуральный оброкъ, казавшійся вымирающимъ явленіемъ за сто лѣтъ раньше, какъ нельзя быть болѣе обыченъ въ имѣніяхъ середины XVII вѣка. Бояринъ Н. И. Романовъ получалъ со своихъ вотчинъ въ годъ съ выти по барану, по полста свиного мяса, извѣстное количество домашней птицы и по 30 фунтовъ коровьяго масла. Баранами и птицей собиралъ свои доходы съ подмосковной вотчины и бояринъ Лопухинъ. Крестьяне дворцовыхъ селъ Переяславскаго уѣзда тоже уплачивали повинности баранами, поярками, овчиной, сырами и масломъ **). Особенно интересна эта живучесть натуральныхъ повинностей въ дворцовыхъ вотчинахъ: мы помнимъ, что въ XVI вѣкѣ первые опыты раціональнаго хозяйства, съ обширной и правильной барской за-

*) Ю. Готье, цитир. соч., passim.
**) Ibid., стр. 455.

пашкой, встрѣтились намъ именно на дворцовыхъ земляхъ. Въ XVII барская запашка здѣсь постепенно сокращается. Въ дворцовомъ селѣ Клушинѣ еще въ 1630-хъ годахъ было 250 десятинъ „государевой пашни", а въ 70-хъ мы находимъ ее причисленной къ тяглымъ крестьянскимъ жеребьямъ. Въ знакомомъ намъ Переяславскомъ уѣздѣ, въ одномъ дворцовомъ имѣніи „государева десятинная пашня" съ 546 десятинъ уменьшилась, на протяженіи 40 лѣтъ, до 249 десятинъ—слишкомъ вдвое, а въ другомъ полностью была сдана на оброкъ крестьянамъ. Въ концѣ концовъ барская запашка удержалась только въ подмосковныхъ дворцовыхъ вотчинахъ, гдѣ она не столько имѣла промысловый характеръ, сколько обслуживала непосредственныя потребности многолюднаго царскаго двора. Въ другихъ мѣстахъ она замѣнилась оброкомъ, но не натуральнымъ, однако же, а либо денежнымъ, либо „посопнымъ хлѣбомъ". Мы сейчасъ увидимъ значеніе этого факта—а пока замѣтимъ, что указанное явленіе не было особенностью дворцовыхъ именно вотчинъ, а обще всѣмъ крупнымъ имѣніямъ этой поры. „Всѣ отдѣльные примѣры, знакомящіе насъ съ хозяйственными порядками нынѣшнихъ Владимірской, Костромской и отчасти Ярославской губерній въ XVII столѣтіи, ставятъ насъ лицомъ къ лицу съ хозяйствомъ оброчнымъ. Такъ, обширная и интересная корреспонденція, которую велъ бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій со своею галицкой вотчиной, волостью Нейской, убѣждаетъ насъ, что хозяйство этой огромной вотчины было исключительно оброчнымъ. Крупныя вотчины Суздальскаго уѣзда, села Мытъ и Мугрѣево, когда-то принадлежавшія князю Д. М. Пожарскому, а въ концѣ столѣтія находившіяся во владѣніи князей Долгоруковыхъ, состояли въ 1700 году при новыхъ владѣльцахъ на оброкѣ" *). Если бы даже это отсутствіе сельскохозяйственнаго предпринимательства было удѣломъ только крупнаго землевладѣнія, и то мы имѣли бы примѣръ большой экономической косности — переживанія въ XVII вѣкѣ аграрнаго типа, хорошо знакомаго первой половинѣ XVI. Но кажется, что и среднія хозяйства, съ такой головокружительной быстротой переходившія на новые рельсы во дни Грознаго, сто лѣтъ спустя не только не подвинулись впередъ, а даже подались назадъ. По крайней мѣрѣ, въ единственномъ извѣстномъ намъ примѣрѣ, относящемся къ Костромскому уѣзду, барская пашня съ 90% слишкомъ въ 20-хъ годахъ упала къ

*) Готье, цит. соч., стр. 515.

1684—86 гг. до 16%. Иныя отношенія были на югѣ, гдѣ помѣщикъ пахалъ на себя бо́льшую часть земли; но это былъ совсѣмъ особенный помѣщикъ, располагавшій, въ среднемъ, однимъ крестьянскимъ и однимъ бобыльскимъ дворами (Бѣлгородскій и Путивльскій уѣзды), въ лучшемъ для себя случаѣ тремя такими дворами (Воронежскій уѣздъ), а иногда и ни однимъ (уѣздъ Оскольскій). На всемъ огромномъ пространствѣ этихъ четырехъ уѣздовъ *) изслѣдователь нашелъ въ сущности—не считая монастырей—только одного помѣщика въ настоящемъ смыслѣ этого слова, у котораго было 3 двора людскихъ, 11 крестьянскихъ и 5 бобыльскихъ, а земли около 750 десятинъ по нашему теперешнему счету. Притомъ, „помѣщичій“ характеръ южно-русскаго землевладѣнія въ XVII вѣкѣ шелъ не на прибыль, а на убыль. „Съ теченіемъ времени число крестьянъ и бобылей въ Бѣлгородскомъ и Оскольскомъ уѣздахъ уменьшалось и абсолютно, и относительно, и бывшіе помѣщики превращались въ однодворцевъ“. Въ одномъ изъ становъ Бѣлгородскаго уѣзда въ 1626 г. было 146 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, въ 1646 г. — 130, а въ 1678-мъ осталось всего 21. Въ другомъ стану того же уѣзда, для тѣхъ же годовъ, мы имѣемъ такія цифры: 255, 141 и 60. „То же явленіе замѣчаемъ мы и въ Воронежскомъ уѣздѣ. По переписнымъ книгамъ 1646 года въ немъ было 2060 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, а въ 1678 г. такихъ дворовъ въ уѣздѣ было 1089, т.-е. другими словами, число крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ уменьшилось здѣсь почти на 50%. На самомъ дѣлѣ, число бобыльскихъ дворовъ вотчинниковъ и помѣщиковъ уменьшилось въ гораздо большей степени, такъ какъ въ очень многихъ новыхъ поселеніяхъ уѣзда бобыли жили на государевой землѣ“. Если не гипнотизировать себя дѣленіемъ московскихъ людей на „служилыхъ“ и „тяглыхъ“ — дѣленіемъ чисто-политическимъ и къ экономикѣ не имѣющимъ никакого отношенія, — то ничто не мѣшаетъ намъ отождествить помѣщиковъ южной окраины Московскаго государства, съ экономической точки зрѣнія, съ крестьянами. Это почти и говоритъ цитируемый нами ученый, утверждающій, что здѣсь „господствующимъ типомъ хозяйства было мелкое, напоминающее современное крестьянское, съ тою только существенной разницей, что мелкій землевладѣлецъ XVII вѣка былъ обезпеченъ землею въ избыткѣ, по

*) Они занимали восточную часть Черниговской губерніи, всю южную часть Курской, почти всю Воронежскую и юго-западную часть Тамбовской губ., почти всю Харьковскую и сѣверо-восточную часть Полтавской.

крайней мѣрѣ, въ первой половинѣ столѣтія" *). Нужно замѣтить, что этой разницей не думало себя гипнотизировать и московское правительство. „Въ 1648 г. въ село Бѣлъ-Колодезь и проселки и деревни, тянувшіе къ нему, была прислана грамота, которою крестьянамъ объявлялось, что впредь имъ за помѣщиками быть не велѣно, а велѣно быть въ драгунской службѣ, при чемъ они были освобождены отъ платежа земскихъ и стрѣлецкихъ денегъ и другихъ сборовъ. Они обязывались имѣть по пищали, рогатинѣ и топору, а владѣніе землею въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они владѣли до переименованія ихъ въ драгунскую службу, было оставлено въ прежнемъ видѣ" **). Такъ легко, однимъ почеркомъ пера, можно было превратить тяглыхъ людей въ служилыхъ,—во всей неприкосновенности сохраняя ихъ экономическую организацію.

Намъ остается обобщить то наблюденіе, на которое навели насъ микроскопическіе „помѣщики" украинныхъ уѣздовъ. „Господствующимъ", т.-е. экономически господствующимъ, по всей Россіи XVII вѣка было мелкое землевладѣніе крестьянскаго типа, пережившее кризисъ, который погубилъ помѣщика-предпринимателя. Брошенная послѣднимъ барская запашка не оставалась лежать впустѣ—она находила себѣ съемщика въ лицѣ крестьянина. Мы это видѣли на примѣрѣ дворцовыхъ имѣній—но такъ же поступали и монастыри, и частные землевладѣльцы. Крестьянскій надѣлъ росъ съ неуклонной правильностью все время, пока боярская пашня въ лучшемъ случаѣ стояла на одномъ мѣстѣ. Въ концѣ XVI вѣка, въ разгаръ кризиса, крестьянская пашня въ средней Россіи не превышала 2,6 десятины на дворъ; въ первой половинѣ XVII она дошла уже до 6 десятинъ на дворъ, а во второй, мѣстами, до 9 слишкомъ ***). Авторъ, у котораго мы находимъ эти цифры, видитъ противовѣсъ этому явленію въ томъ, что количество запашки на душу мужского пола не увеличилось за это время, а, кромѣ дворцовыхъ вотчинъ, даже слегка упало. Онъ усматриваетъ здѣсь „новое пониженіе крестьянскаго хозяйства", упуская изъ виду одинъ фактъ: что на двухъ съ половиною десятинахъ земли хозяйничать вовсе нельзя, а на шести, а тѣмъ болѣе девяти—уже можно. Ростъ крестьянскаго двора—который было бы очень близоруко

*) Миклашевскій, „Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства", стр. 210 и въ друг. мѣст.
**) Миклашевскій, стр. 180. Курс. нашъ.
***) Готье, цит. соч., стр. 513.

объяснять одними финансовыми вліяніями (съ 1630 года въ Московскомъ государствѣ подать брали уже не съ количества распаханной земли, а съ количества дворовъ)—находитъ свое мѣсто въ общей картинѣ экономической реставраціи XVII вѣка. „Большой дворъ" удѣльной поры, близкій потомокъ „печища" и „дворища" древнѣйшей эпохи, не даромъ возрождается параллельно съ упадкомъ помѣстья и—какъ мы сейчасъ увидимъ—съ возрожденіемъ вотчины. Онъ потому и понадобился теперь, что былъ наиболѣе устойчивой экономической организаціей натуральнаго хозяйства—къ которому Московская Русь была теперь ближе, нежели за сто лѣтъ передъ тѣмъ. И эта бо́льшая устойчивость вела, конечно, не къ „пониженію уровня крестьянскаго хозяйства". Самымъ характернымъ показателемъ того, въ какомъ направленіи шла эволюція, служитъ постепенное исчезновеніе бобыльскихъ дворовъ рядомъ съ поразительнымъ, мѣстами, ростомъ числа дворовъ крестьянскихъ. Тотъ же авторъ собралъ, по писцовымъ книгамъ, такія данныя (беремъ изъ нихъ лишь нѣкоторыя, для примѣра): въ Бѣжецкомъ уѣздѣ въ 1620-хъ годахъ крестьянскихъ дворовъ насчитывалось (по 5 прослѣженнымъ авторомъ имѣніямъ) 155, и въ нихъ 158 душъ мужескаго пола; по книгамъ 80-хъ годовъ дворовъ было 175, а душъ въ нихъ 5797, тогда какъ бобыльскихъ дворовъ въ первомъ случаѣ было 218, а во второмъ лишь 75, число же бобылей въ нихъ за шестьдесятъ лѣтъ упало съ 227 до 197. Въ 18 имѣніяхъ Дмитровскаго уѣзда, за тотъ же періодъ, число крестьянскихъ дворовъ увеличилось со 125 до 611, а число бобыльскихъ уменьшилось съ 83 до 17. Въ 13 имѣніяхъ Ростовскаго уѣзда, вмѣсто 166 крестьянскихъ дворовъ мы находимъ 694, а вмѣсто 86 дворовъ бобыльскихъ только 32. Въ Переяславскомъ уѣздѣ въ 1620-хъ годахъ было на 54 крестьянскихъ двора 79 бобыльскихъ, а въ 1680-хъ первыхъ было 338, а вторыхъ только 5. Въ общемъ, по всѣмъ 115, изслѣдованнымъ нашимъ авторомъ, имѣніямъ, число крестьянскихъ дворовъ увеличилось въ $2^1/_2$ раза, а населеніе ихъ почти въ пять разъ: раньше во дворѣ было менѣе 2 душъ, теперь почти 3 съ половиною. Число же бобыльскихъ дворовъ упало вдвое—а населеніе ихъ осталось безъ перемѣны. Другимъ признакомъ направленія, въ какомъ шло развитіе, служитъ соотношеніе пашни и перелога по книгамъ 80-хъ годовъ. Въ противоположность тому, что мы видѣли въ началѣ вѣка или даже въ концѣ предыдущаго, въ моментъ наибольшаго напряженія кризиса, теперь пашня рѣшительно преобла-

дала. Нашъ авторъ приводитъ рядъ имѣній Шуйскаго, Юрьевопольскаго, Костромского и Коломенскаго уѣздовъ, гдѣ либо распахана вся земля, за исключеніемъ луговой и сѣнокосной, и перелогу нѣтъ вовсе, либо онъ сведенъ къ ничтожной пропорціи 6—7% всей площади. Въ среднемъ пашня относится къ перелогу, какъ 2 къ 1—въ то время, какъ въ 20-хъ годахъ столѣтія отношеніе равнялось 1 къ 5. Не только раны, нанесенныя Смутой, были залѣчены, но и кризисъ помѣстнаго землевладѣнія можно признать къ этому времени ликвидированнымъ; только выигравшими отъ ликвидаціи оказались не тѣ, кто потерялъ сто лѣтъ назадъ. Хищническія формы денежнаго помѣстнаго хозяйства, разорявшія и помѣщика, и крестьянина, замерли надолго — увидѣть ихъ вновь, но уже совсѣмъ въ иной экономической обстановкѣ, суждено было „вѣку Екатерины". Зато крестьянинъ, порабощенный, какъ въ удѣльное время, вернулся, до извѣстной степени, и къ удѣльному благополучію—благополучію сытаго раба, правда. Что онъ, однако, былъ въ минимальной степени удовлетворенъ своимъ положеніемъ, показываетъ быстрота, съ какой росло въ XVII вѣкѣ населеніе пустѣвшей при Өедорѣ Ивановичѣ центральной Россіи. Отъ 20-хъ до 40-хъ годовъ оно увеличилось, по различнымъ уѣздамъ, отъ 2,3 до 6,3 разъ: къ 80-мъ же годамъ мѣстами было въ 7½ разъ больше населенія, чѣмъ тотчасъ послѣ Смуты. Средній коэффиціентъ увеличенія, во всякомъ случаѣ, не менѣе 5. Въ концѣ 20-хъ годовъ сельское населеніе Замосковья можно опредѣлить цифрою отъ 400 до 500 тысячъ душъ обоего пола—крестьянъ, бобылей и холоповъ; въ концѣ 70-хъ соотвѣтствующія категоріи даютъ отъ 2 до 2½ милліоновъ *). Замѣтимъ, что это была пора довольно интенсивной колонизаціи какъ южной Украины, такъ Поволжья и Сибири. Можно ли говорить о „пониженіи хозяйственнаго уровня" въ странѣ, населеніе которой, въ условіяхъ полунатуральнаго хозяйства, такъ „плодилось и множилось"?

Намъ остается прослѣдить еще одну сторону этой регрессивной эволюціи—уже не экономическую, а соціально-юридическую. Торжество помѣщиковъ въ 1612 году должно бы, казалось, закончить процессъ, начатый опричниной, и закрѣпить его результаты — превратить всю обрабатываемую землю въ помѣстную. На первый взглядъ такъ оно и было. Не успѣла смолкнуть канонада подъ Московскимъ кремлемъ,

---

*) Готье, цит. соч., стр. 269 и „поправка" въ концѣ книги.

какъ дворцовыя и „черныя“, крестьянскія, земли массами стали переходить въ дворянскія руки: до весны 1613 года было уже роздано не меньше 45.000 десятинъ земли дворцовой и до 14.000 десятинъ земли „черной“—роздано преимущественно вождямъ помѣщичьей рати, ея генералитету и офицерству. Нѣсколько позже дошла очередь до рядовыхъ—около 1627 г. имѣло мѣсто „верстанье новиковъ всѣхъ городовъ“, раздача помѣстій дворянской молодежи, въ службу поспѣвшей, но еще землею не надѣленной и потому сидѣвшей на шеѣ у старшихъ родственниковъ. Матеріаломъ для этого большого верстанья и для многихъ другихъ, мелкихъ, происходившихъ въ промежутки, послужили опять дворцовыя и черныя земли, а отчасти и земли, конфискованныя у другихъ владѣльцевъ; только теперь конфисковали уже не „княженецкія“ вотчины—ихъ почти и не оставалось,—а земли, данныя побитыми политическими противниками тѣхъ, кто торжествовалъ въ 1612 году: тушинскимъ „воромъ“, а въ особенности „королемъ и королевичемъ“, т.-е. польско-боярскимъ правительствомъ 1610—11 годовъ. Болѣе жалостливое отношеніе къ тушинскимъ грамотамъ, сравнительно съ королевскими, чрезвычайно характерно: правительство царя Михаила не могло забыть, что и Тушино когда-то было „дворянскимъ гнѣздомъ“, гдѣ нашли себѣ пріютъ и Романовы. Оттого „воровскія дачи“ и не отбирались съ такою неуклонностью, какъ дачи „королевскія“. Общая цифра розданныхъ мелкими участками земель, конечно, далеко превышала то, что крупными кусками расхватали „пришедшіе въ первый часъ“ немедленно послѣ побѣды. Раздавались цѣлыя волости, на 300 иногда помѣстныхъ участковъ сразу, въ одномъ извѣстномъ случаѣ количество розданной въ одномъ мѣстѣ пашни доходило до 4500 десятинъ, въ другомъ даже до 7500. Сколько-нибудь точнаго итога подведено быть не можетъ,—намъ и не всѣ случаи верстанья извѣстны: но общую сумму пришлось бы считать сотнями тысячъ, если не милліонами десятинъ. Интересно, однако же, не это, само собою разумѣющееся, послѣдствіе дворянской побѣды, интересенъ болѣе другой фактъ: эта розданная помѣщикамъ земля поколѣніемъ позже оказалась владѣемой не на помѣстномъ, а на вотчинномъ правѣ. Это явленіе достаточно намѣчается уже въ 20-хъ годахъ. Въ это время, въ одномъ изъ становъ Дмитровскаго уѣзда можно было насчитать 6 старинныхъ вотчинъ и 10 выслуженныхъ—пожалованныхъ за двѣ московскія осады, при царѣ Василіи и при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, „въ королевичевъ приходъ“, когда стоялъ подъ Мо-

сквой королевичъ Владиславъ. Въ отдѣльныхъ станахъ Звенигородскаго, Коломенскаго и Ростовскаго уѣздовъ соотношеніе „старинныхъ“ (наслѣдственныхъ) и выслуженныхъ вотчинъ было такое же. Въ Углицкомъ уѣздѣ изъ 114 вотчинъ 59, т.-е. опять-таки большинство, появились въ первой четверти XVII столѣтія. Въ Московскомъ уѣздѣ вотчинныя земли составляли почти $^2/_3$ всѣхъ имѣній, помѣстныя—немного болѣе одной трети. Въ одномъ уѣздѣ, Лужскомъ, вотчинное землевладѣніе впервые появляется въ эту эпоху. При этомъ, въ вотчину имѣли тенденцію превращаться лучшія помѣстныя земли. Уже въ 20-хъ опять-таки годахъ, т.-е. еще задолго до подъема конца столѣтія, отношеніе пашни и перелога на вотчинныхъ земляхъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ на помѣстныхъ: иногда въ вотчинахъ относительно въ десять разъ больше пашни паханой, нежели въ помѣстьяхъ соотвѣтствующаго уѣзда. Что, конечно, не значитъ, какъ думаетъ тотъ авторъ, у котораго мы заимствовали эти статистическія данныя, будто вотчинное хозяйство было устойчивѣе помѣстнаго: экономически оба типа ничѣмъ другъ отъ друга не отличались, при одинаковыхъ размѣрахъ. Даже юридически отличіе не было такъ велико, какъ привыкли думать мы, слѣдуя историкамъ русскаго права, съ большою легкостью переносившимъ въ феодальную Русь нормы современныхъ буржуазныхъ отношеній. Помѣстья почти всегда передавались по наслѣдству и переходили изъ рукъ въ руки даже черезъ спеціальныя запреты. Правительство, напримѣръ, очень старалось изолировать помѣстные участки, дававшіеся служилымъ иностранцамъ—число ихъ все увеличивалось въ XVII вѣкѣ,—тѣмъ не менѣе по документамъ можно насчитать цѣлый рядъ несомнѣнно русскихъ людей, владѣвшихъ иноземцевскими помѣстьями *). Все, чего удавалось болѣе или менѣе достигнуть,—это, чтобы „земли изъ службы не выходили“. Но, во-первыхъ, служить обязаны были и вотчинники, послѣ Грознаго „не служить никому“ было уже нельзя. А во-вторыхъ, провести и этотъ принципъ на практикѣ было не легкимъ дѣломъ. Помѣщикъ, какъ и всякій православный человѣкъ, стремился „устроить свою душу“—обезпечить молитвы церкви за него послѣ его смерти и, какъ всякій землевладѣлецъ, достигалъ этого, жертвуя тому или другому монастырю часть своихъ земель. Бывало это и въ XVI вѣкѣ, а въ XVII сдѣлалось обиходнымъ явленіемъ, несмотря опять-таки на рядъ форменныхъ запретовъ,

---

*) См. назв. изсл. г. Готье, стр. 309, примѣч. 5-е.

и цѣлый рядъ помѣстныхъ участковъ сливался такимъ путемъ съ монастырскими вотчинами. Втолковать московскому человѣку разницу между „собственностью" и „владѣніемъ" было далеко не легкимъ дѣломъ, въ особенности, когда право собственности на каждомъ шагу нарушалось не только верховной властью, какъ это было при всякой опалѣ временъ Грознаго или Годунова, но и любымъ сильнымъ феодаломъ *). „То, чѣмъ я владѣю, мое, покуда не отняли"—такое, юридически неправильное, но психологически совершенно понятное представленіе существовало у каждаго древне-русскаго землевладѣльца, былъ ли онъ вотчинникъ или помѣщикъ. И разницу между вотчиной и помѣстьемъ мы поймемъ легче всего, беря ихъ не со стороны обязательствъ, лежавшихъ на томъ и на другомъ типѣ землевладѣнія по отношенію къ государству, а со стороны хозяйственнаго интереса владѣльцевъ. Съ этой точки зрѣнія, мы легко поймемъ, почему излюбленнымъ типомъ второй половины XVI вѣка было помѣстье, а слѣдующаго вѣка—вотчина. Въ періодъ лихорадочной, хищнической эксплуатаціи захваченной земли ее стремились использовать возможно скорѣе,—чтобы затѣмъ бросить, и приняться эксплуатировать новую. Но, когда отношенія снова приняли средневѣковую устойчивость, естественно было появиться тенденціи—закрѣпить за собою и своей семьей занятую землю: и не менѣе естественно, что раньше всего эта тенденція обнаружилась по отношенію къ болѣе цѣннымъ имѣніямъ. Въ помѣстье брали теперь то, что не жалко было бросать. Мало-по-малу, однако же, закрѣплять за собою имѣніе стало такою же привычкой землевладѣльца, какъ и закрѣплять крестьянина въ этомъ имѣніи, и тогда „помѣстный элементъ" въ московскомъ, и особенно подмосковномъ, землевладѣніи „сталъ очень близокъ къ исчезновенію". Въ Боровскомъ, напримѣръ, уѣздѣ въ 1629—30 гг. помѣстныя земли составляли двѣ пятыхъ всѣхъ земель, а вотчинныя—$^3/_5$, а въ 1678 году первыя давали лишь одну четверть всѣхъ имѣній, а вторыя—$^3/_4$. Въ Московскомъ уѣздѣ въ 1624—25 гг. помѣстныя земли составляли еще 35,4%, а въ 1646-мъ всего 4,4% **).

Юридическая реставрація была бы для насъ совершенной загадкой, не знай мы, на какой экономической почвѣ она выросла. Возрожденію стараго типа хозяйства, съ натуральнымъ оброкомъ и слабо развитой барской запашкой, отвѣчало возрожденіе и стараго поземельнаго права. Естественно, что

*) Примѣры см. въ гл. II настоящей книги.

**) Сводку данныхъ для 15 уѣздовъ см. въ цитир. соч. г. Готье, стр. 387 и слѣд.

долженъ былъ возродиться и старый типъ владѣнія. „Старинная“ боярская вотчина XVI вѣка была, какъ правило, латифундіей, смѣнившее ее помѣстье было образчикомъ средняго землевладѣнія. Въ XVIII вѣкѣ мы опять встрѣчаемъ латифундіи, и возрожденіе ихъ всецѣло падаетъ на первыя царствованія новой династіи. Уже на другой день Смуты началась настоящая оргія крупныхъ земельныхъ раздачъ—своего рода реставрація того, что уничтожила когда-то опричнина. Въ 1619—20 годахъ былъ розданъ цѣлый Галицкій уѣздъ, т.-е. всѣ его „черныя“, занятыя свободнымъ еще крестьянствомъ земли. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ то была помѣстная раздача мелкими участками; гораздо чаще мы встрѣчаемъ цѣлую волость, отданную одному лицу, съ болѣе или менѣе „историческимъ“ именемъ. Тутъ мы находимъ и боярина Шеина (смоленскаго коменданта времени Сигизмундовой осады), и боярина Шереметева, и Ивана Никитича Романова, и князей Мстиславскаго, Буйносова-Ростовскаго и Ромодановскаго. Галицкій уѣздъ, конечно, только примѣръ: массу такихъ же случаевъ мы встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ, и раньше 1620 года, и позже; большая часть, почти 60 тысячъ десятинъ, розданныхъ въ первые мѣсяцы царствованія Михаила Θеодоровича, пошла подъ крупныя вотчины, а въ 20-хъ и въ 30-хъ годахъ можно найти рядъ случаевъ, когда по царскому пожалованію въ однѣ руки за одинъ разъ попадало по 300 дворовъ крестьянъ, по полторы тысячи десятинъ земли. Въ результатѣ, „черныхъ“ земель въ Замосковьѣ къ концу XVII столѣтія не осталось вовсе, а дворцовыхъ было роздано, въ нѣсколько пріемовъ, отъ полутора до двухъ милліоновъ десятинъ. И чѣмъ ближе мы къ концу эпохи, тѣмъ грандіознѣе становится размахъ процесса. Уже при Θеодорѣ Алексѣевичѣ (1676—1682 гг.) крупныя раздачи составляютъ большую половину всѣхъ пожалованныхъ за это недолгое царствованіе земель. Съ 1682 по 1700 годъ роздано въ вотчину „16.120 дворовъ и болѣе 167.000 десятинъ пахатной земли, не считая сѣнокосовъ и лѣсовъ, придававшихся иногда въ огромномъ количествѣ къ жалуемымъ вотчинамъ“. Между пожалованными первое мѣсто занимаетъ царская родня того времени: Апраксины, Милославскіе, Салтыковы, Нарышкины, Лопухины. Въ однѣ руки сразу попадали иногда, какъ это было въ 1683—84 гг. съ Нарышкиными, до $2^1/_2$ тысячъ дворовъ и до 14.000 десятинъ земли. Но это было ничто сравнительно съ тѣми латифундіями, которыя стали возникать при Петрѣ, когда Меньшиковъ единолично получилъ болѣе трехъ волостей, съ 20.000

десятинъ. Всего за 11 лѣтъ царствованія Петра (1700—1711 гг.) было роздано изъ однѣхъ дворцовыхъ земель около 340.000 десятинъ пахатной земли и 27.500 дворовъ крестьянъ противъ 167.000 десятинъ и 16.000 дворовъ, превратившихся въ латифундіи въ теченіе предшествующаго 18-лѣтняго періода. Такъ дворянство окончательно усаживалось на мѣста боярства, выдѣливъ изъ своей среды и новую феодальную знать, подготовляя расцвѣтъ „новаго феодализма“ XVIII вѣка.

---

2. Политическая реставрація.

Возрожденію старыхъ экономическихъ формъ должно было отвѣчать воскресеніе стараго политическаго режима. Всѣ учебники переполнены описаніями „злоупотребленій“ московской администраціи XVII вѣка. Обычно они рисуются, какъ продуктъ свободной „злой воли“ тогдашняго чиновничества. Иногда къ этому присоединяются еще фразы о „некультурности“ современниковъ царя Алексѣя—и объясненіе считается исчерпаннымъ, если историкъ напомнитъ своему читателю объ упадкѣ „земскаго начала“ въ тѣ времена, и замѣны его „началомъ приказнымъ“. „Бюрократія“ въ глазахъ средняго русскаго интеллигента такъ недавно еще была столь универсальнымъ объясненіемъ всяческаго общественнаго зла, что углубляться далѣе въ „причины вещей“ было совершенно излишней роскошью.

Для упрощенія вопроса полезно съ первыхъ же шаговъ расквитаться съ предразсудкомъ о „приказномъ началѣ“. Если понимать подъ торжествомъ этого послѣдняго замѣну общественнаго самоуправленія бюрократическимъ самоуправствомъ, историческая дѣйствительность не даетъ для такого объясненія никакихъ опорныхъ пунктовъ. Всѣ тѣ „органы общественной самодѣятельности“, которыя были созданы XVI вѣкомъ, остались и въ XVII вплоть до эпохи Петра подъ тѣми же именами, а слегка костюмированные и много позже. Оттого, что земскій староста сталъ называться бурмистромъ, земскій цѣловальникъ—ратманомъ, а земская изба — магистратомъ, читатель согласится, большой перемѣны быть не могло. Губныя власти также дожили до Петра—и то, что при немъ, вмѣсто губнаго головы, мы находимъ ландрата или коммиссара, не болѣе рѣзко мѣняло сущность дѣла. Если же подъ развитіемъ приказнаго начала понимать образованіе профес-

сіональной группы чиновниковъ—въ XVII вѣкѣ почти исключительно финансистовъ или дипломатовъ, юристы къ нимъ присоединились гораздо позже—то такая дифференціація шла на счетъ феодальнаго режима, а никакъ не на счетъ „самоуправленія“ вообще. Феодальная Россія, какъ и феодальная Европа, знала только одно раздѣленіе правительственныхъ функцій — духовную и свѣтскую власть. Представители той и другой, каждый въ своей сферѣ, дѣлали все, что теперь выполняется самыми разнообразными профессіоналами: и судили, и подати собирали, и дипломатическими сношеніями завѣдывали, и войсками командовали *). Усложненіе правительственнаго механизма, параллельное экономическому развитію, повело къ выдѣленію въ руки особыхъ спеціалистовъ, отчасти буржуазнаго происхожденія, трехъ первыхъ изъ перечисленныхъ функцій — и за феодальной знатью осталось, ближайшимъ образомъ, лишь военное начальство. Это и было „образованіемъ бюрократіи“, какъ у насъ, такъ и на Западѣ, одинаково: фактъ, о которомъ могутъ сожалѣть лишь представители историческаго романтизма, вздыхающіе объ утраченной „гармоніи“ средневѣковаго быта. Современному читателю, буржуазному или небуржуазному, нѣтъ ни малѣйшаго основанія присоединяться къ этимъ вздохамъ. Соотношеніе общественныхъ силъ не могло измѣниться отъ того, что способъ дѣйствія этихъ силъ сталъ сложнѣе: характеръ режима опредѣляла его классовая физіономія, а не то, осуществлялся ли онъ людьми „штатскими“ или военными.

Но и возникновеніе „приказнаго строя“ въ этомъ послѣднемъ, единственно правильномъ, пониманіи слова вовсе не составляетъ характерной черты государства первыхъ Романовыхъ. Громадное вліяніе профессіональныхъ чиновниковъ, дьяковъ, отмѣчалось еще современниками Ивана Васильевича Грознаго. Въ слѣдующее царствованіе дьяки Щелкаловы иностранцамъ казались порою олицетвореніемъ московскаго правительства,—а по словамъ одного русскаго современника одному изъ Щелкановыхъ не мало былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ и Борисъ Годуновъ — взглядъ, къ которому присоединяются и новѣйшіе историки **). Въ Смутное время бывшій дьякъ изъ купцовъ, Өедоръ Андроновъ, одно время, какъ

---

*) Представители духовной власти у насъ осуществляли эту послѣднюю функцію чаще косвенно, черезъ посредство своихъ бояръ; лишь на долю настоятелей нѣкоторыхъ монастырей—Троицкаго или Соловецкаго — выпадали иногда обязанности военныхъ комендантовъ.

**) См. Платоновъ, цит. соч., стр. 199.

мы видѣли, правилъ Московскимъ государствомъ. XVII вѣкъ даетъ больше аналогичныхъ примѣровъ количественно, но столь яркихъ—ни одного. Дьяки царей Михаила и Алексѣя были куда скромнѣе этихъ вершителей судебъ московскаго царства. Отмѣчающееся, обыкновенно, обстоятельство, что при этихъ государяхъ дьячества не чураются дворяне, прежде гнушавшіеся „худымъ чиномъ" (самой извѣстной дворянской фамиліей, составившей себѣ карьеру на чиновничьихъ должностяхъ, были Лопухины), можно наблюдать опять съ болѣе ранняго времени: еще Сигизмунду, въ 1610 году, московскіе дворяне бивали челомъ о назначеніи ихъ дьяками. А приводимые Котошихинымъ образчики власти бюрократическихъ учрежденій, въ родѣ приказа тайныхъ дѣлъ, отчасти намѣчаютъ первые шаги дальнѣйшей эволюціи, съ которою намъ придется детальнѣе знакомиться, изучая такъ называемую „петровскую реформу", — отчасти же являются просто преувеличеніемъ дьяческой власти, естественнымъ подъ перомъ автора-подъячаго. Въ общемъ, центральное управленіе Московскаго государства не дѣлаетъ замѣтныхъ успѣховъ въ этомъ направленіи до самаго начала слѣдующаго столѣтія, когда сразу, въ немного лѣтъ, рушится вся система старой центральной администраціи—и дума, и приказы. Главное же новообразованіе въ области мѣстнаго управленія, воеводская власть, носитъ всѣ признаки типичнѣйшаго феодальнаго учрежденія—воевода и войсками командуетъ, и судитъ, и подати собираетъ. Отобраніе у него этой послѣдней функціи является, опять-таки, однимъ изъ признаковъ дальнѣйшаго поступательнаго движенія въ самомъ концѣ изучаемой эпохи.

Отъ простого и легкаго способа объясненія „злоупотребленій"—властью „бюрократіи", — приходится, такимъ образомъ, отказаться. А такъ какъ объясненіе отъ „злой воли" можетъ удовлетворить въ наше время лишь дѣтей (и то не изъ очень бойкихъ), насчетъ же „культурности", какъ противоядія „злоупотребленіямъ", мы имѣемъ столь блестящіе отрицательные примѣры, какъ современные Соединенные Штаты и современная Франція, то остается примѣнить къ Московскому государству тотъ методъ, какой мы примѣнили бы къ этимъ послѣднимъ—и искать не злоупотребленій, а образчиковъ классоваго режима. Ставъ на этотъ путь, мы, прежде всего, тотчасъ же увидимъ, что между „общественной самодѣятельностью" и „злоупотребленіями" никакого прирожденнаго антагонизма не было—что первая, какъ она тогда существовала, была, напротивъ, весьма подходящей питательной

средой для послѣднихъ. Классической страной земскихъ учрежденій въ XVII-мъ, какъ и въ XVI-мъ, вѣкѣ были Поморье и Поволжье. Поморскіе и Понизовые города были средоточіемъ московской буржуазіи, въ противоположность городамъ южнымъ, представлявшимъ собою военно-аграрные центры, за стѣнами которыхъ мѣстное земледѣльческое населеніе отсиживалось отъ непріятеля—и откуда командующіе элементы этого населенія „правили" окружающей страной. На сѣверѣ было иначе. Слабое развитіе крупнаго землевладѣнія на малоплодородной, непригодной для сельско-хозяйственнаго предпринимательства, почвы, повело къ тому, что здѣсь въ большихъ размѣрахъ до самаго XVIII вѣка сохранилось юридически свободное крестьянство, экономически закрѣпощавшееся не помѣщиками, а городскими капиталистами. Здѣсь возникло настоящее буржуазное землевладѣніе, съ которымъ дворянское правительство XVII вѣка, привыкшее видѣть землю исключительно въ рукахъ военныхъ людей, не знало, что дѣлать, и то отбирало деревни „купленныя и закладныя"—у „гостей, гостинной сотни и торговыхъ и всякихъ чиновъ людей", то возвращало ихъ обратно *). Какихъ размѣровъ достигала дифференціація посадскаго населенія въ XVII столѣтіи покажутъ два-три примѣра. Въ Усольѣ во второй четверти этого столѣтія встрѣчались купцы, дворы которыхъ цѣнились отъ 500 до 1000 рублей: въ переводѣ на теперешнія деньги это дало бы отъ 5 до 10 тысячъ рублей; но нужно принять во вниманіе, что строительные матеріалы на тогдашнемъ лѣсистомъ сѣверѣ стоили буквально гроши, такъ что стоимость построекъ, сравнительно съ движимостью, была совсѣмъ не та, что теперь. Не тысяча, а даже 300 рублей составляли настоящій, и крупный притомъ, капиталъ для тогдашняго купца: въ столицѣ Сибири, въ Тобольскѣ, крупнѣе капиталовъ тогда и не было. Человѣкъ, у котораго одинъ домъ со всѣмъ обзаведеньемъ стоилъ до тысячи рублей, былъ бы, по теперешнему, „стотысячникомъ" —а Усолье не богъ вѣсть какой крупный центръ. Устюжна Желѣзнопольская была еще меньше, а тамъ за безчестье „молодшаго" человѣка брали только рубль, а за безчестье „торговаго" пять рублей: верхи городского общества были крупнѣе низовъ ровно впятеро. Въ Нижнемъ-Новгородѣ существовали четыре категоріи

*) См. Лаппо-Данилевскій „Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ", стр. 157. Процессъ образованія сельской буржуазіи нами прослѣженъ въ главѣ III настоящей книги: „Феодализмъ въ древней Руси", въ видѣ примѣра.

посадскаго населенія, высшую изъ которыхъ составляли „лучшіе люди“—оптовые торговцы и судохозяева, а низшую „худые люди“ и обитатели Кунавинской слободы, имѣвшіе, однако, свои дворы—бездомные бобыли сюда не входили. Мы видѣли, какую замѣтную страницу въ исторіи Смуты составила борьба этихъ „лучшихъ“ и „меньшихъ“ людей въ тогдашнемъ городѣ. Смута кончилась побѣдой „лучшихъ“, и органы земскаго самоуправленія, и на посадѣ, и въ тянувшемъ къ нему уѣздѣ, перешли въ ихъ руки. Наиболѣе скромные изъ нихъ воспользовались этимъ лишь для того, чтобы не „тянуть тягла“ вмѣстѣ съ массою посадскаго населенія—т.-е. свалить на нее главную тяжесть государевыхъ податей. Такъ, въ Сольвычегодскѣ въ 1620-хъ годахъ былъ „земскій цѣловальникъ“—по-теперешнему, членъ уѣздной земской управы, — который числился, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, въ „отписныхъ сошкахъ“, въ общую городскую раскладку не входилъ и за городскую мелкоту не отвѣчалъ. Не потому, конечно, чтобъ онъ и его товарищи были люди бѣдные: наоборотъ, это были мѣстные воротилы, владѣвшіе не только дворами на посадѣ, но и соляными варницами, лавками, амбарами, а въ уѣздѣ „полянками и пожнями“. Другой земскій цѣловальникъ, Тотемскаго уѣзда, обнаружилъ уже большую аггрессивность: онъ, вмѣстѣ съ другими „сильными людьми“, захватилъ цѣлый рядъ пустошей и пустыхъ крестьянскихъ жеребьевъ, но податей за нихъ не платилъ вовсе, предоставляя это дѣлать крестьянамъ, по круговой порукѣ. Когда крестьяне вздумали на него жаловаться, земскій цѣловальникъ имъ сейчасъ же напомнилъ, что, вѣдь, и самый сборъ податей въ его же рукахъ: онъ началъ жалобщиковъ ставить на правежъ „въ лишнихъ податяхъ и въ мірскихъ поборахъ“—„и билъ ихъ безъ милости“. Присланный для разбора жалобы изъ Тотьмы приказный человѣкъ оказался на сторонѣ „сильныхъ людей“—и настолько явно и беззастѣнчиво, притомъ, что пріѣхавшій изъ Москвы приставъ долженъ былъ посадить его въ тюрьму; но сдѣлалъ ли что-нибудь самъ приставъ, намъ неизвѣстно—и, во всякомъ случаѣ, послѣ его отъѣзда дѣла навѣрное пошли по-старому. О какомъ-либо контролѣ со стороны „меньшихъ“ по отношенію къ „лучшимъ“, разумѣется, и рѣчи быть не могло. Въ Вологдѣ не только „молодшіе“, но и „средніе“ люди не могли добиться, чтобы имъ позволили „считать“ земскихъ старостъ: „лучшіе“ предпочитали обдѣлывать всѣ дѣла въ своемъ кругу, при чемъ мѣсто контроля занимало, повидимому, дружеское и полюбовное распредѣленіе дохо-

Москва XVII столѣтія: Москворѣцкій мостъ и Водяныя Ворота.

Оригиналъ картины А. М. Васнецова *Москва XVII столѣтія: Москворѣцкій мостъ и Водяныя ворота* (1900 г.) находится въ Третьяковской галлереѣ (№ 1736). Баронъ Мейербергъ, посолъ священной римской имперіи, бывшій въ Москѣ при царѣ Алексѣѣ и составившій путешествіе по Московіи съ приложеніемъ цѣннаго альбома, такъ приблизительно описываетъ Москву того времени: «Москва прежде имѣла чрезвычайно большую окружность и многочисленное народонаселеніе, но она подвержена была частымъ пожарамъ, а въ 1571 году 24-го мая перекопскими татарами, равно какъ и въ 1611 году поляками совершенно выжжена, и нынѣ, имѣя окружности невступно 19 верстъ, содержитъ гораздо менѣе жителей, нежели прежде, не взирая на немалое число польскихъ и литовскихъ военноплѣнныхъ, которые здѣсь находятся. Если принять въ уваженіе обстоятельство, замѣченное уже до меня (т.-е. до Мейерберга) многими, что при каждомъ домѣ имѣются просторные дворы и пустыри, равно какъ сады и огороды, что посреди города находятся большіе луга и пастбища, и что въ числѣ городскихъ строеній заключается безчисленное, если смѣю сказать, множество церквей и часовенъ; то легко разсудить, что въ Москвѣ не можетъ находиться того значительнаго числа жителей, какое полагали нѣкоторые путешественники, основываясь на большомъ ея пространствѣ. Укрѣпленная часть города, именуемая Кремлемъ, въ которой находится собственно столица великихъ князей, немного менѣе города средней величины. Эта часть построена Иваномъ, сыномъ Василія Темнаго, который обнесъ ее каменною стѣною; нынѣ она, съ распространеніемъ этой стѣны и устройствомъ широкаго канала, весьма хорошо укрѣплена. Все, что служитъ въ жизни для удовлетворенія насущныхъ нуждъ, для удобствъ и даже для роскоши, находится столь дешево и въ такомъ изобиліи въ Москвѣ, что она, въ этомъ отношеніи, равняется со всѣми краями земли, славящимися благорастворенныхъ климатомъ, богатствомъ произведеній, трудолюбіемъ и промышленностью своихъ жителей. Хотя Москва и отдалена отъ морей, но она удобно сносится и сообщается, и поддерживаетъ выгодную торговлю со всѣми областями государства, посредствомъ большихъ рѣкъ». Приведенное впечатлѣніе иноземца представляетъ очень большой интересъ, подготовляя зрителя къ извѣстному взгляду на картину художника, увлеченнаго археологическими цѣлями. Въ данномъ случаѣ художника интересовалъ не общій видъ Москвы, а часть кремлевской стѣны, обращенной къ рѣкѣ Москвѣ, черезъ которую перекинутъ ходуномъ ходящій деревянный мостикъ. Древняя культура рѣзко бьетъ въ глаза, и зритель съ трудомъ разберется въ деталяхъ, если не заглянетъ въ первый томъ лѣтописи «Исторія города Москвы» И. Е. Забѣлина, написанной съ колоссальнымъ обиліемъ деталей и отжившей для нашихъ дней чувствительностью.

В. Стор.

 Изд. Т-ва „МІРЪ".

довъ. Въ Хлыновѣ дѣло было еще проще: тамъ староста съ цѣловальниками просто „расписывали“ между собою собранныя съ міра деньги, продолжая неукоснительно править ихъ съ плательщиковъ. Отъ этого многіе какъ посадскіе, такъ и волостные люди „охудали и обдолжали великими долгами, и пометавъ дворы свои, разбрелись врознь“. „Обдолжанію“ много содѣйствовали тотъ же староста съ цѣловальниками, занимавшіеся, въ числѣ прочаго, и ростовщичествомъ. Запустѣніе Хлынова обратило на себя вниманіе въ Москвѣ, и посадскимъ людямъ разрѣшено было выбрать счетчиковъ для производства ревизіи хлыновскаго земскаго управленія: оставался, однако, вопросъ, кто при установившихся въ Хлыновѣ порядкахъ могъ попасть въ счетчики, и какіе практическіе результаты могла дать такая ревизія.

Но однимъ финансовымъ иммунитетомъ правившіе земствомъ капиталисты вовсе не собирались ограничиваться и хозяйничанье ихъ не кончалось на государевыхъ податяхъ и мірскихъ сборахъ. Земскія власти не только собирали налоги, но и судили. Въ большинствѣ случаевъ рука руку мыла—дѣло и здѣсь не выходило изъ тѣснаго дружескаго кружка. Но случалось ссориться и „сильнымъ людямъ“, и тогда повторялась по отношенію къ суду та же исторія, которую мы уже имѣли случай наблюдать по отношенію къ податямъ: сами судя другихъ, мѣстные богатѣи судиться въ земскомъ судѣ не хотѣли, исхлопатывая себѣ особую подсудность. Отъ 1627 года до насъ дошла такая челобитная земскаго цѣловальника Устюжны Желѣзопольской: „взялъ, государь, устюжскій посадскій человѣкъ Аксентій Перваго сынъ Папышевъ твою государеву грамоту изъ Устюжской чети, что искати ему, Оксентью, на устюжскихъ на посадскихъ людяхъ по кабаламъ передъ воеводою на Устюжнѣ, а по твоему государеву указу на Устюжнѣ передъ земскими судьями не ищетъ и самъ посадскимъ людямъ передъ земскими судьями отвѣчать не хочетъ“. Цѣловальники отъ лица всего посада хлопотали объ упраздненіи такого иммунитета для Аксентія Папышева. До насъ дошла и челобитная этого послѣдняго; изъ нея мы узнаемъ, что онъ самъ былъ земскимъ судейкой и даже предсѣдателемъ („головщикомъ“) мѣстнаго земскаго суда и, повидимому, сначала домогался, чтобы его дѣла „по кабаламъ и по записямъ“ вершились тѣмъ самымъ присутствіемъ, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ. Взять на одного изъ своихъ согражданъ кабалу, предъявить ее ко взысканію въ качествѣ истца и присудить себѣ слѣдуемое въ качествѣ судьи—это была, конечно, наи-

болѣе удобная процедура въ мірѣ. Но, то ли она оказалась слишкомъ упрощенной даже для юридической совѣсти товарищей Папышева, то ли онъ съ нимъ въ чемъ-то не сошелся—послѣднее правдоподобнѣе,—только другіе „земскіе судейки“ на это не согласились: подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ себѣ никакой управы въ земскомъ судѣ найти не можетъ и, не будучи въ состояніи по кабаламъ ни взять,—ни платить, дипломатично прибавлялъ онъ,—отъ того рискуетъ „въ конецъ погибнуть и государевой подати отбыть“, устюжскій излюбленный человѣкъ и добивался, чтобы его ростовщическіе процессы велъ государевъ воевода. Въ Москвѣ рѣшили дѣло скорѣе въ его пользу: кабальныя дѣла Папышева остались за воеводой, и лишь по другимъ процессамъ онъ возвратился въ подсудность земскаго суда. Посадскимъ же людямъ оставалось, повидимому, только отводить душу „неподобною лаею“. Объ этомъ можно заключить изъ другого устюжскаго документа той поры—челобитной того же Папышева, уже какъ судьи, о томъ, какъ ему рѣшать нѣкоторые, не вполнѣ для него и его товарищей ясные, судебные казусы: изъ нея мы видимъ, что это былъ очень ревностный судья и, для своего времени, тонкій юристъ. Въ числѣ смущавшихъ Папышева казусовъ были дѣла о безчестьи. „И нѣкоторымъ, государь, посадскимъ людямъ можно платить безчестье, и они, государь, безчестье деньгами платить не хотятъ, а говорятъ: «бейте де насъ по государеву указу батогами», а надѣются на то, что мы выбраны, сироты твои и доводчики, на годъ за службу «и бить де насъ батогами гораздо не смѣютъ», а впредь грозятъ продажами. И иные, государь, надѣючись на свое бездѣлье, нарочитымъ посадскимъ людямъ говорятъ: «какъ де мы ни обезчестимъ, и намъ де вѣдь батоги лише пробьютъ, а и батоги де насъ гоpазно бить не смѣютъ, а будетъ де насъ учнутъ гоpазно бить батоги, и мы де послѣ на судьяхъ и на доводчикахъ ищемъ»“. Въ Москвѣ и на этотъ разъ поддержали устюженскихъ капиталистовъ—и на челобитной Папышева положили резолюцію: „...а за безчестье били бы батоги, не боясь никого“.

То положеніе вещей, какое существовало до Смуты, а во время ея вызвало цѣлый рядъ извѣстныхъ намъ городскихъ взрывовъ и сдѣлало тушинскаго „вора“ царемъ всѣхъ угнетенныхъ и обиженныхъ, продолжало господствовать въ русскихъ городахъ и послѣ окончанія „Смутнаго времени“. Естественно, что и соціальная борьба времени Смуты то тамъ, то сямъ должна была вспыхивать—и то, что она не принимала

уже тѣхъ острыхъ формъ, какъ въ тѣ дни, на фонѣ общерусской междоусобицы, не лишаетъ ее ни соціальнаго смысла, ни интереса. Въ 70-хъ годахъ XVII вѣка Устюжскій уѣздъ былъ совсѣмъ въ полону у городскихъ капиталистовъ Устюга Великаго. Въ своей челобитной уѣздные люди очень картинно изображаютъ тогдашнее положеніе вещей. „Крестьяне у нихъ, посадскихъ людей, во всемъ были порабощены и посадскіе земскіе старосты по своему богатству гордостію своею крестьянъ тѣснили и вмѣняли себѣ въ мѣсто рабовъ, и могутьствомъ своимъ и великимп пожитки у нашей братьи у скудныхъ крестьянъ покупали себѣ въ Устюжскомъ уѣздѣ лутчія деревни и начали быть во многихъ волостяхъ владѣльцами, и оттого мы крестьяне въ ихъ насильствѣ оскудали и отъ той скудости крестьяне въ ихъ деревняхъ работаютъ на нихъ вмѣсто рабовъ ихъ...“ Но и здѣсь, наконецъ, наступилъ моментъ, когда „сильные люди“ раскололись и притомъ, повидимому, болѣе серьезно, чѣмъ когда бы то ни было въ подобныхъ случаяхъ. Таможенный староста, самъ, конечно, крупный торговецъ, воспользовавшись совершенно своеобразнымъ предлогомъ—проѣздомъ голландскаго посланника (не забудемъ, что въ тѣ дни Сѣверная Двина была дорогой въ Западную Европу),—собралъ сходку и на ней произвелъ своего рода муниципальную революцію. Собравшіеся крестьяне выбрали своего особаго „всеуѣзднаго земскаго старосту“—„и учинили особую, наемную, новозатѣйную волостную избу, кромѣ общей старинной посадской земской избы“. Знаменательной особенностью устюжскаго конфликта было то, что мѣстный воевода сталъ на сторону „бунтовщиковъ“. Мы не знаемъ его побужденій, но въ Москвѣ дѣло было выиграно ходоками волостныхъ людей только потому, что они не жалѣли денегъ, раздавая по сту рублей въ одинъ день московскимъ подьячимъ: что за устюжскимъ крестьянствомъ стояла оппозиція мѣстныхъ капиталистовъ, это доказывается, какъ видимъ, не только личностью вождя возстанія—что, само по себѣ, могло еще быть и случайностью. Перекупивъ съ помощью этой купеческой оппозиціи Москву на свою сторону, устюжскіе уѣздные люди даже подчинили себѣ посадъ, получивъ право штрафовать „лучшихъ людей“, если они не захотятъ „платить съ крестьянами въ рядъ“ и не вложатся въ общій окладъ.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что симпатіи московскаго начальства къ „меньшимъ“ людямъ на посадѣ и въ деревнѣ не всегда возникали на почвѣ личной корысти тѣхъ или дру-

гихъ „начальниковъ“. Въ дни Смуты крупная посадская буржуазія и помѣщики, правда, были союзниками. Но едва прошли эти дни, и улеглась общая гроза,—исчезла опасность поддерживаемаго Тушинымъ бунта „меньшихъ“, старый антагонизмъ скоро проснулся, и коренное противорѣчіе интересовъ этихъ двухъ элементовъ относительно государевой казны, помѣщика, какъ получателя, буржуа, какъ плательщика, долженъ былъ чувствоваться все сильнѣе и сильнѣе. На знаменитомъ „азовскомъ“ соборѣ 1642 года гости и гостинной и суконной сотни торговые люди рекомендовали возложить военныя тягости на служилыхъ людей, „за которыми твое государево жалованье, вотчины многія и помѣстья есть; а мы холопы твои, гостишки и гостиныя и суконныя сотни торговые людишки городовые и питаемся на городѣхъ отъ своихъ промыслишковъ, а помѣстій и вотчинъ за нами нѣтъ никакихъ, а службы твои государевы служимъ на Москвѣ и въ иныхъ городѣхъ по вся годы безпрестанно, и отъ тѣхъ твоихъ государевыхъ безпрестанныхъ службъ и отъ пятинныя деньги, что мы, холопы твои, давали тебѣ государю въ Смоленскую службу, ратнымъ и всякимъ служилымъ людямъ на подмогу, многіе люди оскудѣли и обнищали до конца“. Дворяне же и дѣти боярскія разныхъ городовъ говорили: „а съ твоихъ государевыхъ гостей и со всякихъ торговыхъ людей, которые торгуютъ большими торгами, и со всякихъ черныхъ своихъ государевыхъ людей, вели, государь, съ ихъ торговъ и промысловъ взять денегъ въ свою государеву казну, ратнымъ людямъ на жалованье, сколько тебѣ государю Богъ извѣститъ, по ихъ торгамъ и промысламъ и прожиткамъ, и тутъ объявится той казны предъ тобою государемъ много“. Мы знаемъ уже, что „нищали до конца“ не всѣ разряды посадскаго населенія одинаково. Когда мы читаемъ, что на Бѣлоозерѣ въ 1618 году посадскіе люди стояли сразу на трехъ правежахъ—на одномъ у воеводы „за недоимочныя хлѣбныя и кабацкія деньги“: „да тѣ же посадскіе люди стоятъ на другомъ правежѣ у сборщика, присланнаго для взысканія земскихъ денегъ; да они же стоятъ на третьемъ правежѣ у сына боярскаго, сбирающаго запросныя деньги“, „и съ правежовъ и достальные посадскіе люди разбродятся и бѣгаютъ съ женами и дѣтьми“—мы понимаемъ, что это написано не о московскихъ оптовыхъ торговцахъ, товарищи которыхъ въ провинціи сами такимъ же путемъ „правили“ со своихъ меньшихъ братьевъ. Но что отъ побѣды, одержанной сообща верхними слоями посада и среднимъ землевладѣніемъ, послѣднее

выиграло очень много, а первые довольно мало, показываетъ хотя бы тотъ фактъ, что площадь дворянскаго землевладѣнія выросла послѣ Смуты во много разъ, а купеческіе капиталы за первую половину вѣка едва ли даже вообще увеличились. Въ 1649 году въ Москвѣ гостей и людей гостиной и суконной сотни было почти въ полтора раза менѣе, чѣмъ при Ѳедорѣ Ивановичѣ, при чемъ лишь меньшинство ихъ (изъ 116 человѣкъ суконной сотни только 42) допускались къ „вѣрнымъ“ службамъ, остальные не представляли въ глазахъ дворянскаго правительства достаточнаго обезпеченія, потому что капиталы ихъ были слишкомъ уже незначительны. И виноватъ въ этомъ явленіи былъ не столько общій экономическій застой, чувствовавшійся въ городѣ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ въ деревнѣ: тѣ же плачущіеся на свою бѣдность гости 1642 года наивно проговариваются, что сумма косвенныхъ налоговъ, а, стало быть, и торговыхъ оборотовъ, возросла за царствованіе Михаила Ѳеодоровича въ десять разъ,—сколько то интенсивное доеніе торговаго капитала, какимъ занимались овладѣвшіе властью помѣщики. О пятинныхъ деньгахъ (сборъ въ 20% съ капитала на военныя надобности) на соборѣ 1642 года говорили не одни гости, но и, вѣроятно, съ большимъ правомъ, старосты и сотскіе черныхъ сотенъ и слободъ—представители мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ. Всякій рубль, шевелившійся въ карманѣ московскаго буржуа, былъ на счету у помѣщичьяго правительства—и послѣднее пользовалось всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы подойти къ этому рублю поближе. Жалобы „меньшихъ“ на притѣсненія со стороны городскихъ богатѣевъ представляли именно такой случай. Когда въ 1663 году нижегородскому воеводѣ было приказано „беречь, чтобы въ Нижнемъ Новгородѣ посадскіе земскіе старосты и цѣловальники и денежные сборщики, и мужики богатые и горланы мелкимъ людямъ обидъ и насильствъ и продажи ни въ чемъ не чинили, и лишнихъ денегъ съ мірскихъ людей, сверхъ государевыхъ податей, не сбирали, и ни въ чемъ мірскими деньгами не корыстовались, тѣмъ бы мірскихъ людей не убытчили“, то тутъ же сейчасъ и было прибавлено: „а въ какіе будетъ государевы подати съ мірскихъ людей что денегъ собрать понадобится, и въ тѣхъ государевы подати земскіе старосты и цѣловальники и денежные сборщики съ мірскихъ людей денегъ собирали съ его Александрова (воеводы) и дьяка Фирса вѣдома, по тяглу и по развыткѣ, въ которые государевы доходы сколько съ нихъ доведется

взять...“ Подъ предлогомъ охраны обиженной городской мелкоты, городская касса попадала въ крѣпкія руки воеводы.

Но главной ареной борьбы двухъ командующихъ классовъ московскаго общества были не земскія, а губныя учрежденія. Мы знаемъ, что эта форма „общественной самодѣятельности“ съ самаго начала носила классовый характеръ: губной голова или староста всегда былъ изъ дворянъ или дѣтей боярскихъ. Но, во-первыхъ, выбирали его, хотя изъ одного опредѣленнаго класса, всѣ классы общества, кромѣ крѣпостного крестьянства. А во-вторыхъ, онъ дѣйствовалъ не одинъ, а съ цѣловальниками, присяжными, которые всегда были не-дворяне: губной голова—дворянинъ—былъ лишь предсѣдателемъ этой, дѣйствительно всесловной, комиссіи. Его права были, какъ мы видѣли въ свое время, очень обширны, но окончательное рѣшеніе онъ не могъ произнести одинъ и, если оно черезчуръ задѣвало интересы не-дворянъ, онъ рисковалъ наткнуться на сопротивленіе своихъ демократическихъ товарищей. Въ центральной Россіи, исконной помѣщичьей странѣ, эти ограниченія власти губного старосты могли быть, и, вѣроятно, были—пустой формальностью. Но на сѣверѣ, гдѣ буржуазія была сильна и крѣпка, даже въ XVII вѣкѣ ей иногда удавалось низвергать неудачныхъ для нея губныхъ головъ и ставить на ихъ мѣсто своихъ кандидатовъ. Въ Устюжнѣ Желѣзопольской въ 1640-хъ годахъ два раза дворянскій кандидатъ въ губные старосты долженъ былъ уступить мѣсто кандидату посадскихъ,—хотя и взятому, само собою разумѣется, тоже изъ служилыхъ людей. Два раза дворяне и дѣти боярскіе потомъ снова брали верхъ, но въ третій разъ конфликтъ разрѣшился тѣмъ, что посадскіе получили право выбрать себѣ особаго старосту, который завѣдывалъ бы однимъ посадомъ, безъ уѣзда. При такихъ условіяхъ тотъ фактъ, что выбора однихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ все чаще и чаще считалось достаточно—и мнѣнія посадскихъ уже не спрашивали, пріобрѣтаетъ особенное значеніе: иногда же посадскіе хоть и участвовали въ выборахъ, но ихъ голоса какъ бы не считались, такъ какъ всегда оказывался предлогъ найти ихъ кандидата „неспособнымъ“ къ отправленію губной должности. Еще болѣе любопытна эволюція губной коллегіи. Въ XVI вѣкѣ товарищи губного старосты, въ XVII цѣловальникъ является уже его подчиненнымъ: староста приводитъ его къ присягѣ, староста объявляетъ ему приказы, пришедшіе изъ Москвы, которые писались на имя одного старосты. Въ 1669 году цѣловальники были вовсе упразднены,

вѣрнѣе сказать, они превратились въ тюремныхъ сторожей, такъ какъ „тюремные цѣловальники", сторожившіе арестованныхъ, сохранились до конца вѣка. Но эта должность была давно никому неинтересна, и мѣстами уже въ 20-хъ годахъ посадскіе люди „потюремныхъ денегъ не давали и въ тюрьму ничѣмъ не тянули". Что очень удивляло дворянъ, которые находили, что хотя губное дѣло и есть ихъ, спеціально дворянское дѣло, но нести расходы и по этому дѣлу, какъ по содержанію всего дворянскаго государства вообще, должны тяглые люди. Но для этихъ послѣднихъ губной староста давно былъ не „органомъ общественной самодѣятельности", а орудіемъ классоваго гнета—и они заботились, разумѣется, не о томъ, чтобы губныя учрежденія хорошо обслуживались (кто станетъ заботиться о доброкачественности цѣпи, которою его сковываютъ?), а о томъ какъ бы отъ нихъ избавиться. Уже въ самомъ началѣ разсматриваемаго періода, въ 1614 г., шуяне такъ писали о своемъ губномъ старостѣ, Посникѣ, Калачевѣ: „и учалъ, Государь, тотъ Посникъ на насъ посадскихъ людишекъ похвалятися поклепомъ и подметомъ и наученнымъ язычной молвкою, и учалъ, Государь, намъ угрожати всякими похвалами, а велитъ намъ къ себѣ носити кормъ всегда, хлѣбъ, и мясо, и рыбу, и питье, медъ и вино, и учалъ, Государь, у насъ заставаючи, къ себѣ на дворъ животину всякую бить, и учалъ, Государь, намъ посадскимъ людишкамъ чинити насильство и налоги великіе; и многіе, Государь, посадскіе люди отъ его, Посника, насильства разбрелися, и посадскіе дворы отъ него, Посника, запустѣли, а мы, сироты твои государевы, того Посника въ губные старосты не выбирали и выбору нашего на немъ нѣтъ". Это не какой-нибудь исключительный случай „злоупотребленій"—каждый разъ, какъ староста бываетъ выбранъ одними служилыми людьми, онъ посадскимъ людямъ „чинитъ налоги и насильства многія", и тѣ начинаютъ опасаться „въ большихъ налогахъ и въ обидѣ въ конецъ погинуть". Имъ начинаетъ, наконецъ, казаться, что приказный человѣкъ, по крайней мѣрѣ выбранный не непосредственно ихъ ворогами, мѣстными помѣщиками, все же будетъ лучше. И каждый разъ центральное дворянское правительство утилизируетъ этотъ взрывъ отчаянія посадскихъ, чтобы лишить ихъ и послѣдней доли самостоятельности: мѣстный воевода получалъ предписаніе смотрѣть, чтобы на посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ „въ язычноі молвкѣ губной староста клепать не велѣлъ и для своей корысти тѣснитъ и продажи и убытковъ не

чинили; если же учинится язычная молвка на посадскихъ людей и на уѣздныхъ крестьянъ, и про ту молвку воеводѣ и дьяку велѣть сыскивать до прямо вправду, и указъ чинить по государсву указу и по Уложенію, а о большихъ дѣлахъ, или о которыхъ въ Уложеніи не написано, писать къ Государю въ Москву".

Само собою разумѣется, что надежды посадскихъ на безпристрастіе приказныхъ людей, присланныхъ изъ Москвы, оказывались весьма наивными. Это испытали на себѣ, напримѣръ, тѣ же устюженцы—у которыхъ раньше ихъ спора съ дворянами изъ-за губного старосты распоряжался одинъ приказный человѣкъ, Вахрамѣй Батюшковъ. „И онъ де Вахрамей" били челомъ устюженцы, „на нихъ посадскихъ людяхъ емлетъ свои кормы немѣрные, и людскіе и конскіе, и деньщиковъ на дворъ къ себѣ емлетъ же по вся дни не по государеву указу, а имъ де посадскимъ людемъ чинитъ налоги и продажи великіе, и торговыхъ людей съ товаромъ изъ города не отпущаетъ и въ тюрьму сажаетъ напрасно для своей бездѣльной корысти; да и иныхъ де городовъ торговыхъ людей, которые на Устюжну пріѣзжаютъ для торгу со всякими товары, въ тюрьму сажаетъ же". Недаромъ устюженцы такъ хлопотали потомъ о губномъ старостѣ! А шуяне, которые промѣняли своихъ губныхъ головъ на воеводъ, въ шестидесятыхъ годахъ такъ характеризовали одного изъ этихъ послѣднихъ,—повидимому, не худшаго, нежели его предшественники: „бьетъ насъ (воевода)... безъ сыску и безъ вины, и сажаетъ въ тюрьму для своей корысти; и вымая изъ тюрьмы, бьетъ батогами до полусмерти безъ дѣла и безъ вины. И въ прошломъ во 172 году убилъ онъ, воевода, заперши у себя на дворѣ, таможеннаго ларешнаго цѣловальника Володьку Селиванова до полусмерти и таможенному сбору учинилъ поруху большую. Многихъ пріѣзжихъ торговыхъ людей, соленыхъ и рыбныхъ промышленниковъ... убытчалъ и разорилъ, и въ тюрьму сажалъ; и многихъ пріѣзжихъ торговыхъ людей разогналъ и торги разбилъ, и твой Великаго Государя таможенный сборъ остановилъ; а насъ, сиротъ твоихъ, выборныхъ людей, въ конецъ погубилъ своею великою тѣснотою и налогою и продажей, и убійствомъ..." Два приведенные примѣра—стереотипны; ихъ можно бы привести сколько угодно. Но второй изъ нихъ самъ по себѣ интересенъ тѣмъ, что въ немъ очень отчетливо выступаетъ тотъ общественный классъ, который страдалъ отъ воеводскихъ насилій: это не тѣ мелкіе люди, которые били челомъ на свои

земскія власти; это уже сами власти—земскіе старосты да богатые купцы, рыбные и соляные промышленники. Отъ дворянской администраціи страдала вся буржуазія—верхи ея, какъ во дни юности Грознаго, даже больше, чѣмъ низы, потому что съ верховъ больше можно было взять. А въ томъ, чтобы взять, чтобы получить отъ своей власти непосредственную матеріальную выгоду, для воеводъ и приказныхъ людей и заключалась суть всего дѣла. Не одинъ Вахрамѣй Батюшковъ бралъ „кормы немѣрные"—прикащикъ Сумерской волости (около Новгорода, на югъ отъ оз. Ильменя) Дмитрій Мякининъ шелъ гораздо дальше: его агенты ходили по дворамъ крестьянъ и по клѣтямъ, и забирали тамъ „насильствомъ платки и иное, что попадетъ". „Да онъ же Дмитрій звалъ ихъ (сумерскихъ крестьянъ) къ себѣ на пиръ, и которые крестьяне у него на пиру были, и онъ съ нихъ поклонное взявъ, сажалъ въ тюрьму, и они изъ тюрьмы у него выкупались, а давали рубля по два и больше, а которые у него на пиру не были для того, что люди недостаточные, поклоннаго дать нечего, и онъ по тѣхъ посылалъ съ приставы людей своихъ и правилъ на нихъ поклоннаго съ человѣка по два алтына по двѣ деньги, и по гривнѣ и больше". Въ Сибири, за глазами московскаго начальства, приказные люди и воеводы устраивали свои особенныя отъ государевыхъ, таможни и брали на нихъ особыя пошлины, параллельно государевымъ—по опредѣленному тарифу, около 4% съ рубля. Когда на наши глаза попадается приказный человѣкъ, который начинаетъ свою административную дѣятельность съ того, что беретъ съ управляемыхъ „въѣзжее", а потомъ, совсѣмъ какъ „волостель" добраго стараго времени, времени даже не Ивана Грознаго, а Ивана III-го, начинаетъ тащить съ этихъ управляемыхъ всяческіе натуральные „кормы", рожь, ячмень, пшеницу, телятъ, барановъ, масло, яйца, рыбу, овесъ, сѣно,—насъ это уже совершенно не удивляетъ. Читатель давно уже узналъ знакомую картину „кормленщицкаго" управленія: въ возрожденіи кормленій мы и имѣемъ сущность той административной реставраціи, отдѣльными проявленіями которой были разсказанные нами случаи губного и воеводскаго произвола.

Послѣ той рѣзкой критики кормленій, которую мы читали у Пересвѣтова, послѣ того, что мы знаемъ о годуновской администраціи, пытавшейся осуществить идеалъ полицейскаго государства на практикѣ, феодальные порядки XVII вѣка не приходится разсматривать, какъ простое переживаніе. Для

этого новыя „кормленія“ были и черезчуръ универсальнымъ явленіемъ. Къ тому, что „общественная совѣсть“, въ лицѣ дворянской публицистики временъ Грознаго, рѣзко осудила, дворяне XVII вѣка относились съ величайшимъ благодушіемъ, какъ къ дѣлу, совершенно нормальному. На должности „общественнаго“ характера—напримѣръ, губныя,—смотрѣли и не въ видѣ „злоупотребленія“, а совершенно офиціально, точно такъ же, какъ и на всѣ другія. Въ той же устюженской перепискѣ есть одинъ любопытный документъ, который стоитъ привести цѣликомъ,—такъ хорошо онъ воспроизводитъ точку зрѣнія на вопросъ середины XVII вѣка. „Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой Бѣжецкаго верху малопомѣсной и пустопомѣсной Микитка Акинѳѣевъ сынъ Масловъ. Служилъ я, холопъ твой, отцу твоему государеву блаженные памяти государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи 20 лѣтъ, и былъ я, холопъ твой, на вашей государевой службѣ подъ Смоленскомъ съ приходу и до отходу, въ осадѣ сидѣлъ и всякую осадную нужу и голодъ терпѣлъ. И нынѣ я, холопъ твой, былъ на твоей государевѣ службѣ съ твоимъ государевымъ бояриномъ и воеводой съ Василемъ Петровичемъ Шереметевымъ да съ Ондреемъ Лвовичемъ Плещеевымъ въ Курскѣ и въ Карповѣ Сторожевѣ, всякое твое государево дѣло земляное и городовое дѣлалъ съ своею братею и пожалованными врядъ; а какъ я, холопъ твой, вамъ государемъ и почелъ служить и работать, и нѣтъ на меня не бывало, всегда на твою государеву службу поспѣваю и стою до отпуску безъ съѣзду. Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи, пожалуй меня, холопа своего, за мой службишка и за мое Смоленска осадное сидѣнья и за нынѣшнее нужное терпѣнья,—вели, государь, меня отпустить на Устюжну Желѣзополскую къ своему государеву дѣлу. А служу я, холопъ твой, тебѣ государю по выбору. Царь государь, смилуйся, пожалуй“! Не нужно думать, чтобы въ Устюжнѣ была въ это время „вакансія“: ничуть не бывало, тамъ въ это время сидѣлъ губнымъ старостой, по выбору мѣстнаго населенія, кандидатъ посадскихъ, Иванъ Отрепьевъ. Но московское правительство ни мало этимъ не постѣснилось, и распорядилось „губные дѣла на Иваново мѣсто Отрепьева вѣдать ему же, Микитѣ (Маслову); а по чему ему Микитѣ губные дѣла вѣдать, и о томъ указалъ государь послать память въ Разбойной приказъ“. Только жалоба устюженцевъ, сопровождавшаяся, конечно, добрымъ по-

даркомъ московскимъ подъячимъ,—что Микита Масловъ „имъ налоги и обиды чинитъ большіе не по дѣлу“ привела къ извѣстному уже намъ „возстановленію справедливости“. И такая замѣна мѣстнаго „излюбленнаго человѣка“ излюбленнымъ человѣкомъ московскихъ приказовъ вовсе не была какимъ-нибудь исключеніемъ—это опять стереотипный случай. За два года до Микиты Маслова совершенно такъ же мотивировалъ свою просьбу о назначеніи въ Клинъ Яковъ Артемьевичъ Бибиковъ. „Скитаюсь я, холопъ твой, межъ дворъ, помираю голодной смертью“, писалъ онъ: „милосердый государь, пожалуй меня, холопа твоего,—вели, государь, мнѣ быти у своего государева дѣла въ Клинѣ приказнымъ человѣчишкой, а былъ, государь, въ Клинѣ губной староста Федоръ Кривцовской, и тотъ Федоръ обнищалъ“. Почему нищета Кривцовскаго лишила его мѣста, а такая же нищета Бибикова давала ему право на это мѣсто, челобитчикъ не объяснялъ: но у него было особое средство разжалобить государя, и оно подѣйствовало. „Государь указалъ“ помѣчено на челобитной—„будетъ нѣтъ губного старосты, велѣть быть приказнымъ человѣкомъ, и будетъ слѣпъ“. Губной староста, какъ мы знаемъ, долженъ былъ преслѣдовать воровъ и разбойниковъ, и добрые историки русскаго права не шутя были увѣрены, что московское правительство голову теряло, какъ ему справиться съ разбойниками. А оно съ самымъ великолѣпнымъ спокойствіемъ назначало на губную должность человѣка слѣпого—и именно потому, что онъ былъ слѣпъ. И это опять было общее правило: въ 1661 году было запрещено назначать воеводами и приказными людьми дворянъ и дѣтей боярскихъ не раненыхъ, не увѣчныхъ, здоровыхъ; „кормленіе“, вѣдь, награда за службу, нѣчто въ родѣ пенсіи—чего же ее давать здоровому, годному еще къ „полковой службѣ“ человѣку? Если Яковъ Бибиковъ, несмотря на свою слѣпоту, не сдѣлался грозою клинскихъ разбойниковъ (губныя дѣла все же остались за Ѳедоромъ Кривцовскимъ, а Бибикову было поручено лишь финансовое управленіе), то исключительно по собственной неловкости: онъ далъ взятку въ „Устюжскую четверть“, а губные старосты вѣдались разбойнымъ приказомъ, этотъ послѣдній и отстоялъ свои права. Въ самомъ началѣ разсматриваемаго періода, тотчасъ послѣ Смуты, въ Москвѣ еще какъ будто вспоминали иногда годуновскія традиціи: въ воеводскихъ наказахъ 20-хъ годовъ воеводамъ строго предписывалось: „никакимъ людемъ для своей корысти обидъ ни-

какихъ и налоговъ не дѣлати, и хлѣба на себя пахати и молотити, и сѣна косити, и лошадемъ корму не имати, и вина курити, и дровъ сѣчь и всякаго издѣлья дѣлати не велѣть, и съ посаду и съ уѣзду кормовъ и питья и за кормъ и за питье денегъ не имати и тѣсноты никоторыя людемъ не дѣлати, чтобы на нихъ въ обидахъ и ни въ какихъ насильствахъ челобитчиковъ государю не было". А въ 70-хъ годахъ, упраздняя гдѣ-нибудь приказную должность, уже безъ церемоніи облагали жителей оброкомъ за „воеводскіе доходы"— какъ въ первой половинѣ XVI вѣка за „намѣстничъ кормъ". И едва ли только анекдотомъ является тотъ извѣстный случай, разсказанный Татищевымъ, когда царь Алексѣй искалъ для разжалобившаго его дворянина городъ съ „доходомъ" въ шестьсотъ рублей—а нашелъ только въ четыреста. А уже навѣрное не анекдотъ разсказъ того же Татищева, что всѣ города были въ приказахъ расцѣнены по извѣстному тарифу— и кто сколько платилъ, тотъ такой городъ и получалъ.

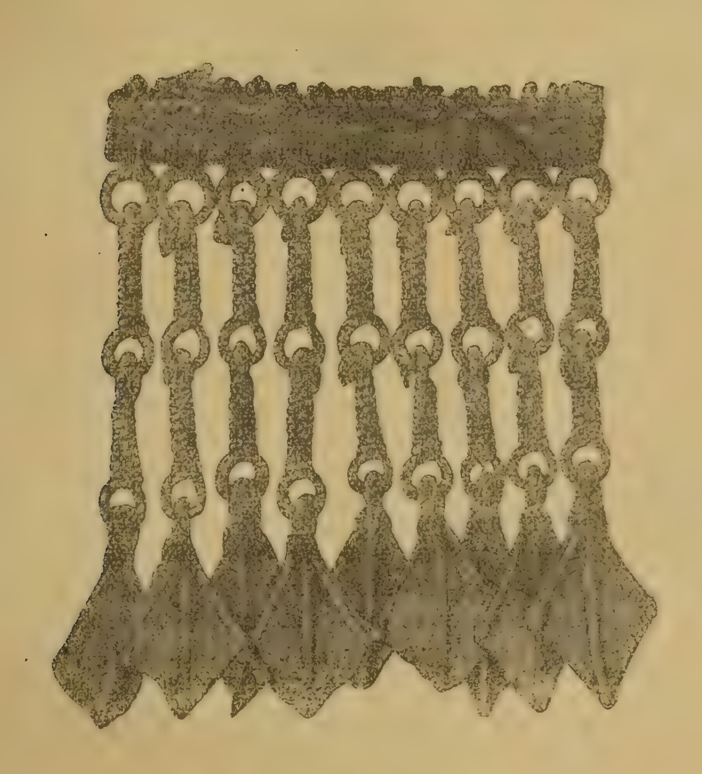
„Кормленья" и при Иванѣ Грозномъ едва ли наслѣдовались,—ибо давались обыкновенно на одинъ-два-три года, чтобы по очереди всѣ служилые люди могли покормиться: исключеніе представляли только „княжата", сидѣвшіе великокняжескими намѣстниками на своихъ бывшихъ удѣлахъ. Въ XVII вѣкѣ потомковъ удѣльнаго княжья встрѣчается очень много—ихъ плодовитость одолѣла таки „губительную" политику Грознаго; но они ничѣмъ уже не выдѣляются изъ рядовъ московскаго вассалитета, и стоятъ нерѣдко даже на его нижнихъ ступенькахъ,—какъ это было съ извѣстнымъ историкомъ Смуты, кн. Катыревымъ Ростовскимъ, который такъ и „закоснѣлъ" дворяниномъ московскимъ, и умеръ, не попавъ въ думу, или съ князьями Долгорукимъ и Прозоровскимъ, въ 1670 году не владѣвшими уже ни пядью вотчинной земли. Для наслѣдственности новыхъ кормленій почвы, такимъ образомъ, было еще меньше, чѣмъ въ XVI вѣкѣ—и нѣтъ ничего удивительнаго, что воеводы, подобно намѣстникамъ и волостелямъ эпохи Грознаго, мѣнялись каждые два-три года. Тѣмъ интереснѣе немногіе, уже дѣйствительно исключительные, случаи, когда устанавливалась наслѣдственность и въ XVII вѣкѣ: они еще разъ подчеркиваютъ направленіе эволюціи. Одинъ извѣстный намъ случай относится къ *вѣрнымъ* должностямъ: во Псковѣ „у соли" былъ посадскій человѣкъ Сергѣй Сидоровъ сынъ Огородникъ. „И та твоя государева соль была за тѣмъ цѣловальникомъ Сергѣемъ многія лѣта, а по смерти его

досталась та соль его Сергѣеву сыну Филипу, и та соль и за тѣмъ Филипомъ была многое жъ время, и по смерти того Филипа досталась та жъ соль его сыну Прокофью Филипову". Другой случай имѣлъ мѣсто уже въ самомъ концѣ разсматриваемаго періода—собственно уже въ эпоху Петра, но тѣмъ онъ характернѣе. Въ 1699 году въ Нерчинскѣ умеръ воевода Самойло Николевъ—и воеводой на его мѣсто, по челобитью нерчинскихъ дѣтей боярскихъ, служилыхъ и жилецкихъ людей, былъ сдѣланъ его сынъ. То, что этотъ послѣдній былъ малолѣтній, не остановило московскаго правительства—и оно согласилось на передачу воеводской должности по наслѣдству, обусловивъ ее лишь тѣмъ, не менѣе характернымъ, чѣмъ все остальное, условіемъ, чтобы за малолѣтнимъ воеводой присматривалъ дядя его, воевода Иркутскій.

Если прибавить ко всему этому, что въ своихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ каждый землевладѣлецъ былъ судьею для своихъ крестьянъ по всѣмъ дѣламъ, кромѣ „губныхъ"—главнымъ образомъ, разбоя,—и что по всѣмъ дѣламъ, даже и по губнымъ, ему принадлежало право предварительнаго слѣдствія, какъ оно тогда понималось, т.-е. включая сюда и пытку, намъ придется дополнить картину „господства частнаго права" лишь однимъ штрихомъ: въ XVII вѣкѣ, какъ и въ предыдущемъ, продолжали существовать иммунитеты, особая подсудность для особыхъ разрядовъ лицъ и учрежденій. Какъ легко получалась самая мелкая изъ такихъ привилегій, освобожденіе отъ подсудности ближайшему мѣстному суду, мы уже видѣли выше. Можно было добиться и большаго: подчиненія, въ судебномъ отношеніи, исключительно центральнымъ учрежденіямъ. Такой привилегіей пользовалось потомство Кузьмы Минина: но она давалась и совсѣмъ незнаменитымъ людямъ; въ 1654 году, напримѣръ, вѣчную и потомственную несудимую грамоту получили посадскіе люди города Гороховца, Иванъ Кикинъ и Афанасій Струнниковъ: ихъ, употребляя удѣльную терминологію, судилъ „самъ князь великій или кому онъ укажетъ". Подобнымъ иммунитетомъ пользовались всѣ гости и люди гостиной сотни: ихъ судилъ только царь или государевъ казначей (министръ финансовъ); какъ это ни странно, но привилегія часто могла быть, въ извѣстномъ смыслѣ, прогрессивной чертой, какъ это мы увидимъ впослѣдствіи—точно такъ же, какъ и спеціальная подсудность иностранцевъ, судившихся въ Посольскомъ приказѣ. Наибольшихъ размѣровъ достигалъ, конечно, иммунитетъ церковныхъ учрежденій.

Протопопъ московскаго Успенскаго собора судилъ церковныхъ людей и принадлежавшихъ собору крестьянъ во всѣхъ дѣлахъ, не исключая губныхъ, и обязывался докладывать государю только, если самъ не могъ рѣшить дѣла. Рѣдкій монастырь не умѣлъ выпросить себѣ той же привилегіи—въ 1667 году она была обобщена церковнымъ соборомъ, постановившимъ, что по правиламъ св. отецъ церковные люди, считая въ томъ числѣ и многочисленное крестьянство, сидѣвшее на церковныхъ земляхъ, подсудны только суду церкви. Образчикомъ феодальной анархіи наверху, служитъ то обстоятельство, что послѣ этого общаго постановленія продолжали существовать жалованныя грамоты—и тамъ, гдѣ ихъ не было, церковные люди подпадали общей подсудности. А что происходило тамъ, гдѣ онѣ были, объ этомъ разсказываетъ намъ, между прочимъ, такое челобитье посадскихъ людей Старой Русы на монаховъ Иверскаго монастыря, добившихся иммунитета уже въ послѣднемъ десятилѣтіи XVII вѣка. Разсказавши о разныхъ, слишкомъ обыкновенныхъ въ тѣ времена вещахъ—о томъ, какъ „старцы“ своихъ крестьянъ на судъ не даютъ, отчего вотчина ихъ сдѣлалась притономъ воровъ и разбойниковъ, и тому подобное — рушане продолжаютъ: „Да они же Иверскаго монастыря старцы, которые бываютъ въ Старой Русѣ, надѣяся на мочь свою и на несудимые грамоты, ѣздятъ по посадамъ многолюдствомъ, и насъ сиротъ вашихъ посадскихъ людей бьютъ и увѣчатъ своею управою, а иныхъ и ножами рѣжутъ, и отъ того бою и увѣчья и ножеваго рѣзанья иные померли; а иныхъ изъ насъ посадскихъ людей денною и нощною порою хватаютъ по улицамъ и водятъ къ себѣ на монастырской дворъ, и въ чѣпь сажаютъ, и держатъ въ чѣпи не малое время и потому жъ бьютъ и мучаютъ, занапрасно и безвинно... Да они жъ Иверскаго монастыря старцы, многолюдствомъ въ Старорусскомъ уѣздѣ ѣздятъ по вашей великихъ государей по дворцовой волости, и жилые деревни съ божіимъ милосердіемъ со святыми иконами и со крестьянскими животы жгутъ, и крестьянъ разоряютъ и бьютъ и увѣчатъ, и изъ пищалей по крестьянамъ стрѣляютъ и всякое озорничество и поругательство чинятъ, чтобы имъ Иверскаго монастыря старцамъ и досталными вашими великихъ государей дворцовыми деревнями и всякими угодьи въ Старорусскомъ уѣздѣ мочью своею завладѣть; и въ городѣ въ Старой Русѣ по посадамъ, также и въ той вашей великихъ государей дворцовой волости, ѣздя по дворамъ, непригожіе дѣла

творятъ... А для челобитья порознь о такомъ ихъ Иверскаго монастыря старцевъ о многомъ насильствѣ и о завладѣнiи нашихъ тяглыхъ земель и всякихъ заводовъ и объ ихъ самовольствѣ и озорничествѣ и объ нашемъ отъ нихъ затѣсненiи и разоренiи и о большихъ налогахъ и о многой обидѣ, ѣхать намъ къ Москвѣ невозможно, потому что они Иверскаго монастыря старцы люди мочные" *).

*) Для большинства вышеприведенныхъ фактовъ см. цитированныя выше соч. Лаппо-Данилевскаго, затѣмъ Чичерина, „Областныя учрежденiя въ Россiи въ XVII вѣкѣ" и сборникъ документовъ „Намѣстничьи, губныя и земскiя уставныя грамоты Московскаго государства", подъ ред. пр.-доц. А. И. Яковлева, М. 1909.

ГЛАВА XII.

Реформа Никона и религіозно-соціальныя движенія второй половины XVII вѣка.

Глубокій соціальный кризисъ XVII вѣка, породившій цѣлый рядъ движеній и открытыхъ возстаній среди самыхъ различныхъ слоевъ тогдашняго русскаго общества, былъ осложненъ церковно-религіознымъ движеніемъ, которое принято называть расколомъ. Традиціонная точка зрѣнія на происхожденіе раскола, точно такъ же, какъ и традиціонное опредѣленіе содержанія этого термина, до сихъ поръ еще не изжиты русской исторической литературой. Предпринятое Никономъ исправленіе книгъ и обрядовъ натолкнулось на оппозицію невѣжественнаго, полубезграмотнаго духовенства; Никонъ отвѣтилъ на это репрессіями и соборными проклятіями, за которыми обычно слѣдовала „градская казнь“,— и расколъ былъ готовъ. Попы-сторонники стараго обряда провозгласили Никона и царя антихристами и увлекли за собою въ расколъ народную массу. Вотъ приблизительная формула происхожденія раскола. Отъ нея бываютъ частичныя отклоненія въ ту или другую сторону: Ключевскій, напримѣръ, всю причину раскола видитъ въ ошибкѣ Никона: онъ преслѣдовалъ старообрядцевъ за противленіе своей власти, но не за приверженность къ старымъ обрядамъ: скажи онъ это прямо, раскола бы не было. Другіе находятъ, что у крестьян-

Москва XVII столѣтія: на разсвѣтѣ у Воскресенскихъ воротъ.

Оригиналъ картины А. М. Васнецова *Москва XVII столѣтія: на разсвѣтѣ у Воскресенскихъ воротъ* (1900 г.) находится въ Третьяковской галлереѣ (№ 1737) и представляетъ собою одинъ изъ образцовъ строго археологическаго направленія въ русской живописи. На данной картинѣ археологическій вкусъ художника представляетъ давно исчезнувшія черты одного изъ уголковъ наружной части кремля и при томъ на фонѣ ранняго утра... И еще на рубежѣ XVIII столѣтія это былъ городъ не только *деревянный*, но и вполнѣ *деревянный*. Это былъ городъ, подъѣзжая къ которому, благочестивые нѣмцы говаривали, что это Іерусалимъ, и потомъ въѣхавши въ его деревенскія улицы, убѣждались, что это скорѣе Виѳлеемъ, или, проще сказать,—громадная деревня, отличавшаяся всѣми качествами настоящей велико-русской деревни: тысячи дворовъ на самомъ дѣлѣ состояли изъ простыхъ крестьянскихъ избъ, повсюду съ немощенными переулками и только большія улицы назывались *мостовыми*, потому что покрыты были деревянными мостами изъ отесанныхъ и даже нетесанныхъ бревенъ, перекрытыхъ только на царскихъ путяхъ байдашными барочными досками. Деревенскій характеръ города, замѣчаетъ Забѣлинъ, еше больше запечатлѣвался множествомъ большихъ и малыхъ садовъ и огородовъ, существовавшихъ почти у каждаго даже и малаго двора, не упоминая о садахъ въ нѣсколько десятинъ пространства. Повторяя прочно засѣвшую въ разныхъ кругахъ традицію, любовно относящійся къ своему описанію Москвы, Забѣлинъ выразительно замѣчаетъ, что «среди такой деревенской обстановки златоглавый каменный кремль выдѣлялся въ особенной красотѣ». Эта традиція увлекала и художника, кисть котораго потянулась при изображеніи Москвы къ кремлю, при чемъ нельзя не замѣтить, что въ Васнецовскихъ изображеніяхъ Москвы сквозитъ очень большое изученіе историко-литературнаго матеріала. Такое примѣненіе кисти представляетъ гораздо большій интересъ, чѣмъ шаблонное и совершенно избитое щегольство боярскими костюмами, пареньками и затворницами.

В. Стор.

ства были свои причины уходить въ расколъ, и связываютъ защиту старой вѣры съ соціальнымъ кризисомъ чисто механически, не обращая вниманія на своеобразную религіозную идеологію, которая создавалась въ умахъ крестьянской массы подъ вліяніемъ соціальнаго кризиса и въ дѣйствительности мало интересовалась защитой старой вѣры. Но кромѣ крестьянства и духовенства, къ расколу были прикосновенны и другіе классы: посадскіе и нѣкоторые представители боярства (вмѣстѣ со стрѣльцами). Расколъ оказывается, съ соціальной точки зрѣнія, явленіемъ многограннымъ, и подводить всѣ его соціальные элементы подъ одну старообрядческую идеологію ошибочно не только съ фактической, но и съ методологической стороны. Щаповъ представляетъ изъ себя любопытный примѣръ историка, постигшаго, хотя и не сразу, многогранность раскола, но подошедшаго къ разрѣшенію вопроса о его происхожденіи опять-таки неправильнымъ путемъ. Начавъ съ самой крайней, прямо ортодоксальной оцѣнки раскола въ „Русскомъ расколѣ старообрядства" etc., онъ кончилъ превознесеніемъ раскола, какъ оппозиціи земства абсолютизму, въ „Земствѣ и расколѣ". Либеральная тенденція, давшая Щапову въ послѣдней статьѣ путеводную нить, скрыла отъ него, однако, религіозную идеологію раскола и стерла моменты различія между выраженіями оппозиціи различныхъ соціальныхъ слоевъ раскола: но зато она дала ему возможность отодвинуть на второй планъ пресловутое „исправленіе книгъ" и выяснить подробнѣе матеріальную обстановку происхожденія раскола.

Несостоятельность традиціонной схемы въ самое последнее время доказана въ томъ же лагерѣ, въ которомъ она возникла. Изслѣдованія проф. Н. Ѳ. Каптерева показали, что пресловутое „исправленіе книгъ" заключалось вовсе не въ исправленіи ошибокъ, вкравшихся въ старопечатныя книги изъ рукописей и по винѣ невѣжественныхъ справщиковъ патріарха Іосифа, но было передѣлкой всего богослужебнаго чина и обряда сообразно съ греческимъ чиномъ и обрядомъ XVII вѣка. Невѣжественные же справщики патр. Іосифа, къ которымъ старая схема причисляла такихъ вожаковъ раскола, какъ Аввакумъ, Нероновъ и т. д., ничего общаго съ послѣдними не имѣли; напротивъ, вожди раскола были для того времени просвѣщенными людьми и ревнителями благочестія, помогавшими возведенію Никона на патріаршій престолъ. Эти результаты изслѣдованій проф. Н. Ѳ. Каптерева подрываютъ въ корнѣ старую схему; съ другой стороны, благодаря имъ,

становится понятнымъ многое, что доселѣ казалось сомнительнымъ и неяснымъ. Мы не знаемъ, какъ отнесутся къ результатамъ работъ Н. Ѳ. Каптерева сторонники старой схемы изъ богословскаго лагеря; но для того, кто понялъ сущность религіознаго міросозерцанія московскаго средневѣковья, результаты изслѣдованій проф. Каптерева окажутъ огромную услугу. При изслѣдованіи идеологіи различныхъ соціальныхъ элементовъ раскола намъ неоднократно придется къ нимъ возвращаться, какъ къ одному изъ надежныхъ опорныхъ пунктовъ.

Самый терминъ расколъ, понимаемый въ традиціонномъ смыслѣ, означаетъ собственно расколъ старообрядства, т.-е. совокупность отколовшихся отъ офиціальной церкви толковъ и организацій, приверженныхъ къ старымъ, дониконовскимъ обрядамъ. Слѣдовательно, въ содержаніе этого термина не привходятъ элементы чего-либо сектантскаго или еретическаго. Поскольку такое опредѣленіе термина правильно по отношенію ко второй половинѣ XVIII и къ XIX вѣку (хотя и съ нѣкоторыми оговорками), постольку оно неправильно по отношенію къ XVII и къ началу XVIII вѣка. Называемое расколомъ религіозное движеніе XVII и непосредственно къ нему примыкающее движеніе начала XVIII вѣка чрезвычайно многогранно, и мы найдемъ въ немъ, какъ читатель увидитъ ниже, немало сектантскихъ и еретическихъ теченій. Въ полемической литературѣ XVII вѣка терминъ „расколъ“ почти вовсе не употребляетя, но оппоненты щедро надѣляютъ другъ друга наименованіемъ „еретики“, и вовсе не ради крѣпкаго словца, но совершенно bona fide. Не вводя новаго термина, мы напередъ оговариваемся, что по отношенію къ XVII вѣку подъ терминомъ „расколъ“ мы будемъ разумѣть различныя съ соціальной и идеологической сторонъ религіозныя движенія, возникшія въ XVII вѣкѣ и связанныя другъ съ другомъ лишь общностью протеста противъ одного и того же врага: крѣпостническаго дворянскаго государства. Разсмотрѣніе ихъ удобнѣе всего начать съ движенія, возникшаго среди профессіональнаго клира; оно было первымъ по времени и проще всѣхъ по мотивамъ и идеологіи; на второмъ мѣстѣ станетъ городское движеніе, связанное съ боярской фрондой и со стрѣлецкими бунтами; въ заключеніе мы разсмотримъ крестьянскую эсхатологическую реформацію, упирающуюся въ самую глубь XVIII вѣка.

Мы оставили русскую церковь *) въ тотъ моментъ, когда она, растерявъ въ борьбѣ за свои имущества добрую поло-

*) Кн. 3, гл. VIII.

вину своихъ привилегій, превращалась изъ орудія господства феодальнаго класса въ орудіе господства дворянскаго государства. Превращеніе это, въ сущности говоря, уже завершилось ко времени Никона; если идея второго государя, самодержцу равнаго и большаго, и была отвергнута офиціально лишь соборомъ 1666—1667 годовъ, осудившимъ Никона, то это постановленіе означало не столько провозглашеніе принципа подчиненія церкви государству, сколько крушеніе первой и послѣдней попытки со стороны церкви раздѣлить съ государствомъ власть на равныхъ правахъ. Дѣйствительнымъ главою церкви былъ царь, а не патріархъ, ибо уже самое избраніе патріарха происходило по указанію царя; послѣ Филарета, занимавшаго исключительное положеніе въ государствѣ и церкви въ силу своей родственной близости къ царю, патріархи Іоасафъ и Іосифъ были мелкими креатурами московскаго двора и не въ силахъ были защитить церковь отъ чувствительнаго удара, нанесеннаго ей Соборнымъ Уложеніемъ 1649 года: слободы изъ духовныхъ бѣломѣстцевъ, доселѣ свободныя отъ царскаго тягла, были переписаны на государя, и былъ учрежденъ особый Монастырскій приказъ, состоявшій исключительно изъ свѣтскихъ людей, думныхъ дворянъ и дьяковъ, который долженъ былъ давать судъ по всякимъ гражданскимъ искамъ на всѣхъ іерарховъ, монастырскихъ властей, поповъ, церковный причтъ и на всѣхъ вообще церковныхъ людей и крестьянъ. Никонъ былъ возведенъ на патріаршій престолъ также по указанію царя; и его попытка поставить священство выше царства обошлась ему весьма дорого. Единственная уступка, какую „царство" сдѣлало „священству", офиціально отрекшемуся отъ равноправія съ „царствомъ", заключалась въ упраздненіи судебныхъ правъ Монастырскаго приказа; но и ее Петръ отобралъ назадъ, отнявъ у церкви кстати и уголовный судъ, уже безъ всякихъ затрудненій и прекословія. Но, становясь постепенно все болѣе и болѣе въ положеніе instrumentum regni, церковь въ то же время измѣнялась во внутренней своей организаціи. Измѣненія послѣдняго рода больнѣе отражались на мелкомъ приходскомъ духовенствѣ, въ особенности сельскомъ. Читатель помнитъ, что сельское и городское приходское духовенство удѣльнаго періода зависѣло отъ князей церкви только въ денежномъ отношеніи; епископское управленіе и судъ сводились къ собиранію дани съ подчиненнаго клира. Поставленіе же и смѣна поповъ находились всецѣло въ рукахъ прихожанъ, т.-е. крестьянъ въ сельскихъ мѣстностяхъ

и городскихъ общинъ въ городахъ. Соціальная эволюція Московскаго государства привела эти порядки къ крушенію. Въ деревнѣ она перемѣнила непосредственнаго господина надъ попомъ: уже не крестьяне, теперь закрѣпощенные, а ихъ глава, помѣщикъ, стремится стать господиномъ надъ сельскимъ клиромъ. Навстрѣчу этому стремленію сейчасъ же пошло и послушное законодательство XVII вѣка. Оно запретило прежніе свободные выборы поповъ и дьяконовъ изъ крестьянъ и даже холоповъ и приравняло таковые къ преступленію, завело особыя „записныя книги новоставленнымъ попамъ и діаконамъ“, полагая начало наслѣдственному духовному сословію, которое въ XVIII и XIX вѣкахъ является вѣрнымъ слугою и помощникомъ дворянства. Становясь въ зависимость отъ барина, сельскій клиръ въ то же время долженъ былъ терять органическую связь съ крестьянствомъ, превращался въ агента враждебной крестьянству господской власти. Въ то же время надъ сельскимъ клиромъ росла власть архіереевъ. Ихъ аппетиты не ограничивались болѣе тою силою, какую представляли изъ себя прежніе крестьянскіе міры и исчезнувшія городскія общины, превращенныя теперь въ податное орудіе Московскаго государства. Смѣстить попа при помощи помѣщика или воеводы ничего не стоило; и съ приходскимъ духовенствомъ перестали церемониться. Пошлины за поставленіе и архіерейскій оброкъ возрасли до огромныхъ размѣровъ; архіерейскіе сборщики „всякіе окладные и неокладные доходы сбирали съ прибавкою, не противъ того, какъ дань накладывается“, не считая „корысти“ воеводъ и прочихъ агентовъ свѣтской власти. Этотъ тяжелый кризисъ не могъ не вызывать оппозиціи со стороны сельскаго духовенства. Оно не сразу пошло на службу къ дворянству и не сразу помирилось съ полнымъ подчиненіемъ высшей церковной власти. Не отличаясь ничѣмъ по хозяйственному положенію отъ крестьянъ, принужденные одновременно и на ряду съ „пахатными мужиками“ браться за соху и за косу, сельскіе попы прониклись ненавистью и негодованіемъ по отношенію къ князьямъ церкви и проявляли еще до начала раскола свое недружелюбіе въ весьма осязательной формѣ: вмѣстѣ съ прихожанами попы били и увѣчили архіерейскихъ десятинниковъ, не хотѣли судиться у архіереевъ и „презирали“ архіерейское благословеніе. Въ 1622 году митрополитъ новгородскій Макарій даже принужденъ былъ жаловаться царю, что „по монастырямъ архимандриты и игумены, и по мірскимъ храмамъ попы и діаконы, и церковные причетники и земскіе

люди его, государева богомольца, и его приказныхъ людей, и десятинниковъ ни въ чемъ не слушаютъ, и во всякихъ духовныхъ дѣлахъ подъ судъ не даются и ставятся сильны, и духовныхъ дѣлъ судными и всякими пошлинами владѣютъ тѣ архимандриты и игумены, и попы и корыстуются сами межъ себя, а въ царское богомолье въ софейскую казну не платятъ“.

Учрежденіе патріаршества только усилило смуту и недовольство. Прежде всего, это событіе создало для провинціальнаго духовенства новое тягло. На содержаніе патріарха и его двора была отведена огромная область, духовенство которой было обложено особымъ патріаршимъ тягломъ; вслѣдъ за этимъ при патріархѣ Іосифѣ былъ заведенъ новый порядокъ поставленія поповъ въ патріаршей области, еще больнѣе ударившій по карману сельское духовенство, чѣмъ простой патріаршій оброкъ. За дальностью разстоянія (нѣкоторые пункты патріаршей области отстояли отъ Москвы на 800 верстъ), попы изъ отдаленныхъ отъ Москвы приходовъ ходили ставиться къ ближнимъ архіереямъ; патріархъ Іосифъ, „желая собрать себѣ имѣніе“, запретилъ это, и пришлось попамъ ходить въ Москву. Тотъ же порядокъ завелъ онъ для выдачи попамъ „перехожихъ грамотъ“, т.-е. на переходъ изъ одного прихода въ другой: ранѣе эти грамоты выдавались мѣстными десятинниками, а теперь Іосифъ велѣлъ ходить за ними въ Москву, въ казенный приказъ, „хотя обогатить дьяка своего Ивана Кокошилова да подъячихъ“. Не измѣнилось дѣло при Никонѣ: святитель Никонъ „всего этого очень держится“, и, конечно, этимъ не довольствовался. Въ своей „гордынѣ“ онъ подолгу не допускалъ къ себѣ просителей, заставляя ихъ недѣлями проживаться въ Москвѣ безъ всякаго толку; затѣмъ, онъ произвелъ новую перепись патріаршей области и ввелъ новый окладъ, такой огромный, что „татарскимъ абызамъ жить гораздо лучше“. „Возлюбилъ онъ стоять высоко, ѣздить широко“ — велѣлъ собрать по всему государству со всѣхъ церквей лошадей и преспокойно 500 головъ разослалъ по своимъ вотчинамъ. Затѣянныя Никономъ постройки новыхъ собственныхъ монастырей требовали большихъ расходовъ, вслѣдствіе чего увеличились патріаршіе сборы съ высшаго клира и съ монастырей: „епископіи и множество пустынныхъ мѣстъ раззорилъ...“, строя „мнимый“ Новый Іерусалимъ и два другихъ монастыря. Но архіереи, конечно, переложили новое тягло на то же сельское духовенство. Та же челобитная сельскаго духовенства на Никона, изъ которой мы заимствовали

только что приведенныя жалобы, горько плачется, что патріаршество, въ возмѣщеніе всего того тягла, которое оно взвалило на плечи сельскаго духовенства, не можетъ или не хочетъ защитить его отъ все возрастающаго своеволія и произвола „дворянъ и людей боярскихъ". „Поповъ и дьяконовъ по боярскимъ и дворянскимъ вотчинамъ въ колоды и цѣпи сажаютъ, бьютъ и отъ церкви отсылаютъ" (т.-е. сгоняютъ съ мѣстъ); а при Никонѣ у дворянъ и боярскихъ людей уже похвальное слово стало: „бей попа, что собаку, лишь бы живъ былъ, да кинь 5 рублей" (за безчестье). Челобитныя на „смертный бой" клириковъ идутъ, не прекращаясь, въ теченіе всего XVII вѣка, но, конечно, не достигаютъ цѣли, хотя въ нихъ приводятся и такіе факты, что для иного помѣщика ничего не стоило въ дракѣ „тайну Христову всю пролить и ногами потоптать". Оппозиція противъ архіереевъ соединялась съ оппозиціей противъ дворянъ и бояръ; сельское духовенство было тутъ солидарно съ крестьянствомъ.

Иного рода оппозиція нарастаетъ среди городского духовенства. Подчиненное архіереямъ и патріарху, окруженное со всѣхъ сторонъ сыскомъ, дошедшимъ до крайней степени опять-таки при Никонѣ, оно боролось съ архіерейскимъ гнетомъ не „боемъ", а обличеніями. Въ средѣ городского духовенства образовался тотъ кружокъ ревнителей благочестія, который хотѣлъ очистить русскую церковь отъ скверны, и съ которымъ боролся Никонъ. Кружокъ былъ невеликъ, но онъ хорошо сознавалъ недуги русской церкви и ея въ общемъ крайне невысокій уровень; недаромъ знаменитое подметное письмо, найденное въ Москвѣ въ декабрѣ 1660 года, обличавшее русскій клиръ и переполошившее московскихъ архіереевъ, приписывалось послѣдними попу Иродіону, въ свою очередь оговорившему бывшаго галицкаго протопопа и другого попа. Это письмо настолько любопытно, что стóитъ привести его цѣликомъ. „Священство въ мірѣ, яко душа въ тѣлѣ. Вѣдомо убо буди, епископъ убо вмѣсто всѣхъ Бога, священникъ же—Христа, прочіи же—святыхъ ангеловъ; азъ же мню нѣсть уже ни единаго епископа, чтобы жилъ по-епископски, ни одного священника, чтобы жилъ по-священнически, ни инока, чтобы жилъ по-иночески, ни христіанина, чтобы жилъ по-христіански; вси свой чинъ презрѣша; игумени оставиша свои монастыри и возлюбиша со мірскими женами и дѣвицами содружатися; а попове оставльше учительство и возлюбиша обѣдни часто служить и кадило отъ грабленія и отъ блуда на жертву Богу приносити и мерзостное и калное свое житіе всѣмъ являти, и

благочестіемъ лицемѣрствующеся, мняще частыми обѣднями Бога умилостивити, недостойни и піяни, помрачени различными злобами, и слова божія и слышать не хотяще. О таковыхъ бо речено: „проклятъ всякъ творяй дѣло божіе съ небреженьемъ. Не пріемли имени Господа Бога твоего всуе“. Что же всуе? Еже крестившеся во Христа, и не живемъ во Христѣ. Тіи будутъ осуждены съ бѣсы въ муку вѣчную“. Церковь гибнетъ, но причину гибели надо искать на самомъ ея верху: это патріархъ и архіереи. „Твоего святительскаго рукоположенія служители только именемъ пастыри, а дѣломъ волцы, только изреченіемъ и образомъ учители, а произволеніемъ тяжцы мучители“, пишетъ какой-то „богомолецъ“ (т.-е. клирикъ) патріарху Іосифу. Въ томъ же духѣ пишетъ другой суздальскому архіепископу Серапіону: „Или мниши избѣжать суда божія? Помни реченное въ писаніи: тому же быть волку и сему, аще волкомъ терпитъ, а не пастырю“. „И радуются архіереи“,—пишетъ инокъ Авраамій: „одѣющеся въ брачна цвѣтная одѣянія, яко женихи, рясами разнополыми, рукавы широкими, рогатыми клобуки себе и атласными украшающе, скипетры въ рукахъ позлащени имуще, воцаритися надъ людьми хотяще, параманзы такожъ златомъ вышивающе. Се есть монахъ, се есть учитель! Се есть наша вѣра! Таковіи суть нынѣ законоучители—блазнители и прелестницы!“ Выводъ отсюда ясенъ: если низшій клиръ испорченъ, то не по своей винѣ: виною тому тѣ, кто ихъ ставитъ и превращаетъ затѣмъ въ волковъ своимъ мздоимствомъ и попустительствомъ. Какъ можетъ низшій клиръ быть нестяжательнымъ, когда стяжаютъ всѣ архіереи и прежде всего стяжаютъ съ него самого? Какъ можетъ іерей избѣгать „піанства“, когда у „святыхъ законоположниковъ власти“ „брюха толсты, что у коровъ“? Какъ можетъ попъ проповѣдывать противъ пережитковъ язычества, когда сами архіереи устраиваютъ у себя „игры скоморошескія“? Реформаторскія попытки, какъ, напр., попытка ввести единогласіе въ церковномъ богослуженіи при патріархѣ Іосифѣ, разбились о противодѣйствіе самого патріарха. Для кружка ревнителей было очевидно, что начинать оздоровленіе церкви надо сверху: борьбою съ епископатомъ. Составившійся вокругъ царскаго духовника, Степана Вонифатьева, кружокъ соборныхъ протопоповъ и мірянъ прежде всего хотѣлъ взять въ свои руки главнѣйшія епископскія должности. Чрезъ посредство Вонифатьева они нашли доступъ къ царю и получили возможность устраивать на освобождающіяся епископскія каѳедры своихъ людей; а когда умеръ патріархъ Іосифъ, то

тотъ же кружокъ поспѣшилъ возвести на патріаршій престолъ своего „друга“, новгородскаго архіепископа Никона, надѣясь на окончательное проведеніе церковной реформы; какъ мы сейчасъ увидимъ, Никонъ, однако, совершенно обманулъ ихъ расчеты.

Тактика городского духовенства была, въ сущности говоря, тактикой мелкой внутри вѣдомственной борьбы, и иною она быть не могла. Слабость городскихъ міровъ въ Москвѣ и вокругъ Москвы, міровъ мелкихъ посадовъ съ бѣднымъ, малочисленнымъ населеніемъ, не давала возможности городскому духовенству вести болѣе широкую борьбу, опираясь на своихъ прихожанъ; напротивъ того, какъ разъ ревнители не всегда приходились по вкусу прихожанамъ, въ особенности когда они начинали возставать противъ двоевѣрныхъ культовъ или удлиняли до безконечности службы введеніемъ единогласія. Въ такихъ случаяхъ посадскіе прихожане не только не поддерживали поповъ, поставленныхъ къ тому же безъ ихъ вѣдома и согласія епископскою властью, но даже выгоняли и били ихъ, какъ произошло съ Аввакумомъ въ Юрьевцѣ и въ другихъ мѣстахъ. Приходилось поэтому идти путемъ мелкихъ интригъ и стараться, по крайней мѣрѣ, очистить высшій клиръ отъ „волковъ несытыхъ“. Только послѣ этого ревнителямъ казалось возможнымъ приступить къ оздоровленію церкви въ низахъ. Но ихъ техника была ошибочна, ибо не сообразовалась съ существомъ тогдашней церковной организаціи. Епископатъ былъ недостоенъ не потому, чтобы его испортили плохіе епископы, но потому, что самыя условія положенія князя церкви создавали для представителей епископата извѣстный типъ, извѣстный шаблонъ, которому тотъ или иной временный представитель епископата невольно слѣдовалъ, какъ постоянной нормѣ. И неудивительно, что самая горькая ошибка, приведшая къ крушенію весь замыселъ ревнителей, заключалась именно въ поставленіи Никона. Былъ онъ, по выраженію Аввакума, одного изъ ревнителей, „нашъ другъ“,— „нынѣ же честь вземше и перемѣнишеся“. Реформы начались, но не тѣ, и не въ томъ духѣ, какой желателенъ былъ ревнителямъ. Онѣ заставили ревнителей понять свою ошибку, заговорить совсѣмъ инымъ языкомъ и перейти къ иной тактикѣ; въ то же время сельское духовенство приняло реформы, какъ открытое объявленіе войны—положеніе сразу стало рѣшительнымъ.

Съ точки зрѣнія ревнителей, реформа церкви должна была коснуться только церковной организаціи и нравственности.

На мѣсто князей церкви, эксплоатировавшихъ приходскій клиръ, ревнители хотѣли посадить послушныхъ себѣ іерарховъ, мечтая, быть можетъ, провести впослѣдствіи выборность епископата, какъ это установилось въ XIX вѣкѣ въ старообрядческой церкви. По крайней мѣрѣ, вполнѣ ясно, какимъ образомъ, по ихъ мнѣнію, должна была управляться церковь и вершиться церковная реформа: надо „быть собору истинному", состоящему не изъ однихъ архіереевъ, но и изъ священниковъ и изъ „въ мірѣ живущихъ"; соборъ изъ однихъ архіереевъ, да еще по подбору царя съ патріархомъ — это „соньмище іудейско". Исправленіе церковной нравственности опять-таки служило цѣлямъ внутренняго укрѣпленія церкви: съ одной стороны, оно также должно было сократить эксплуататорскія привычки „волковъ", съ другой стороны, примирить съ церковью мірянъ. Но реформа, въ представленіи ревнителей, вовсе не должна была касаться существа вѣры и культа. И то и другое нуждалось не въ измѣненіяхъ, но лишь во внѣшнемъ упорядоченіи: нужно было уничтоженіе многогласія и нелѣпыхъ опечатокъ въ богослужебныхъ книгахъ. Ревнители не хотѣли также посягать на нѣкоторыя мѣстныя разночтенія и разногласія въ чинѣ, образовавшіяся вѣковымъ путемъ въ различныхъ мѣстностяхъ: въ Москвѣ пѣли, читали и писали иконы не совсѣмъ такъ, какъ въ Новгородѣ или въ Соловкахъ, но и тутъ и тамъ разница оправдывалась традиціей, въ конечномъ счетѣ восходившей къ какому-либо чудотворцу или преподобному, угодившему божеству именно такимъ, а не инымъ путемъ. „Старая вѣра", за исключеніемъ основныхъ ея „догматовъ", утвержденныхъ Стоглавымъ соборомъ, отнюдь не была чѣмъ-либо единообразнымъ; насколько мало было единообразія въ культахъ, настолько же много было мелкихъ различій въ чинѣ совершенія культа. На это многообразіе вовсе не думали нападать ревнители, не говоря уже о томъ, чтобы они могли посягнуть на великіе догматы, установленные Стоглавымъ соборомъ.

Никонъ имѣлъ совершенно иныя представленія о реформѣ. Онъ ничего не имѣлъ противъ исправленія церковной нравственности, но на этомъ и кончались пункты соприкосновенія между нимъ и его прежними друзьями. Со стороны организаціи онъ хотѣлъ исправить церковь, но посредствомъ проведенія въ ней строгаго единовластія патріарха, не зависящаго отъ царя, посредствомъ возвышенія священства надъ царствомъ. Рядомъ съ царемъ всея Руси долженъ стоять патріархъ всея Руси; онъ не долженъ дѣлиться съ царемъ

ни доходами, ни почетомъ, ни властью. Никонъ хотѣлъ завершить организаціонное объединеніе русской церкви не посредствомъ подчиненія ея государству, которое стремилось опоясаться сразу двумя мечами, и духовнымъ и матеріальнымъ, и пускать въ ходъ, судя по надобности, или тотъ или другой, а посредствомъ созданія параллельной и равноправной организаціи. Эта затѣя, предпринятая совершенно вопреки ходу развитія, намѣтившемуся еще со времени Іосифа Волоцкаго, потерпѣла полное фіаско. Но зато Никонъ предпринялъ и провелъ другую мѣру, также имѣвшую объединительный характеръ. Единая россійская церковь, родная сестра восточныхъ церквей, не имѣла единообразнаго культа и разнилась притомъ еще отъ своихъ восточныхъ собратій, на что постоянно указывали и Никону и его предшественникамъ восточные патріархи. Въ единой церкви долженъ быть единый культъ. Стоглавъ сдѣлалъ дѣло только наполовину, возведя въ рангъ всероссійскихъ святыхъ мѣстныхъ патроновъ; надо ввести единообразіе въ чинѣ и въ вѣрѣ, и такъ какъ пестрота русскихъ чиновъ не могла быть уничтожена принятіемъ за образецъ какого-либо одного русскаго чина, то оставалось сдѣлать то, что сдѣлалъ Никонъ: взять за образецъ греческій чинъ, обратиться опять къ тому источнику, откуда семь вѣковъ тому назадъ почерпнули вѣру Владиміръ и его присные.

Итакъ, реформа должна была касаться обрядовъ. Удивляются, какъ подобная реформа, исправленіе подробностей богослужебнаго чина, могла возбудить такіе ожесточенные споры, почему Никонъ и его противники придавали такое значеніе „единой буквѣ азъ“. Но за этимъ „азомъ“ скрывались двѣ реальныхъ противоположности: стараго самостоятельнаго приходскаго клира съ его многообразными культами и чинами, и новой дворянской церкви, уничтожавшей вездѣ всякую тѣнь самостоятельности и стремившейся къ единообразію. Съ другой стороны, мы уже знаемъ, что еще сто лѣтъ тому назадъ было въ полной силѣ то религіозное міросозерцаніе, которое полагало всю силу и практическую пользу религіи именно въ техническомъ умѣньѣ служить божеству. Божество еще не стало для людей XVI вѣка носителемъ правды, а оставалось „прехытрымъ“ созданіемъ, которое надо умѣть расположить въ свою пользу, „угодить“, чтобы снискать благополучіе. Черезъ сто лѣтъ послѣ Стоглава, возведшаго совершенно серьезно и bona fide на степень догматовъ основные способы „угожденія“ божеству, міросозерцаніе не

успѣло сколько-нибудь значительно измѣниться. Самъ Никонъ стоялъ всецѣло на той же самой точкѣ зрѣнія. Стремясь ввести въ русской церкви единообразіе по греческому образцу, онъ засыпалъ константинопольскаго патріарха Паисія вопросами, чисто обрядоваго характера и схоластическими казусами, нисколько не отличаясь въ этомъ случаѣ отъ своего предшественника Іосифа, спрашивавшаго восточныхъ патріарховъ о четырехъ „великихъ церковныхъ потребахъ“ подобнаго же рода. Получивъ двадцать семь такихъ вопросовъ, Паисій пришелъ въ недоумѣніе и деликатно попробовалъ въ своемъ отвѣтѣ просвѣтить Никона: „не слѣдуетъ думать, будто извращается наша православная вѣра, если кто-нибудь имѣетъ чинопослѣдованіе, нѣсколько отличающееся въ вещахъ, которыя не принадлежатъ къ числу существенныхъ, или членовъ вѣры: лишь бы соглашался въ важныхъ и главныхъ съ каѳолическою церковью“,—и кстати приложилъ экземпляръ „Православнаго исповѣданія вѣры“ для свѣдѣнія Никона. Но это нравоученіе, равно какъ и всѣ разсужденія Паисія объ условности даже такихъ вещей, какъ перстосложеніе при крестномъ знаменіи и благословеніи, пропали для Никона даромъ; вѣроятно, попросту онъ ихъ не понялъ. Противники Никона были въ данномъ случаѣ вполнѣ солидарны съ нимъ, и разница заключалась только въ томъ, что Никонъ отдалъ первенство обрядности греческой, которую онъ считалъ болѣе древней, а первые держались русской старины, освященной и оправданной угодниками и чудотворцами.

Самый ходъ „исправленія“ еще больше содѣйствовалъ разрыву между новымъ единообразіемъ и старой вѣрой. Мы не будемъ излагать его подробно, отсылая читателя къ указанной уже книгѣ Н. Ѳ. Каптерева *); но основные моменты намѣтить необходимо. Офиціально необходимость исправленія мотивировалась на соборѣ 1654 г. тѣмъ, что въ старопечатныхъ книгахъ было много ошибокъ, вставокъ, и тѣмъ, что русскій богослужебный чинъ въ теченіе семи вѣковъ сравнительно съ греческимъ измѣнился очень существенно, причемъ греческій чинъ предполагался неизмѣннымъ. Въ основу исправленія хотѣли положить древнія харатейныя, т.-е. рукописныя, славянскія и греческія рукописи; таково, по крайней мѣрѣ, было намѣреніе Никона. Но когда приступили къ практическому осуществленію этой задачи, обнаружились

*) „Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ“ т. I.

огромныя затрудненія. Рукописей древнихъ было мало, и, кромѣ того, онѣ расходились другъ съ другомъ; справщики не умѣли въ нихъ разобраться, и этотъ путь былъ оставленъ и замѣненъ другимъ. Пришлось признать нормой современныя печатныя греческія книги, напечатанныя въ Венеціи, и по нимъ править русскія книги. Переводъ съ греческихъ венеціанскихъ изданій былъ основной редакціей, въ которую, на основаніи нѣкоторыхъ рукописей, вносились нѣкоторыя поправки. Результатъ такого исправленія былъ совершенно неожиданный. Дѣло въ томъ, что за тѣ семь вѣковъ, какія прошли со времени религіозной реформы Владиміра, весь греческій богослужебный чинъ измѣнился весьма существеннымъ образомъ. Двоеперстіе (вошедшее въ обычай взамѣнъ прежняго единоперстія), которому первые греческіе священники научили русскихъ, замѣнилось, подъ вліяніемъ борьбы съ монофизитами, троеперстіемъ (конецъ XII вѣка); также измѣнилось перстосложеніе при благословеніи; всѣ богослужебные чины стали много короче, нѣкоторыя важныя пѣснопѣнія замѣнились другими. Въ результатѣ, когда Никонъ замѣнилъ старыя книги и обряды новыми, получилось какъ бы введеніе новой вѣры. Догматы Стоглаваго собора, двоеперстіе и хожденіе посолонь были разрушены; въ то время какъ Стоглавъ провозгласилъ: „иже кто не знаменается двѣма персты, якоже и Христосъ, да есть проклятъ“, патріархъ Макарій, по просьбѣ Никона, въ недѣлю православія въ Успенскомъ соборѣ всенародно показалъ, какъ надо креститься тремя перстами, и прозгласилъ: „а иже кто по Ѳеодоритову писанію и ложному преданію творитъ, той проклятъ есть“, а вслѣдъ за ними то же проклятіе на двоеперстниковъ провозгласили два другихъ восточныхъ іерарха. Весь богослужебный чинъ былъ передѣланъ заново. Прежнія формулы и дѣйствія приходилось замѣнить совершенно новыми. Новая церковь принесла съ собою и новую вѣру. „Нынѣшніе мудрецы“ язвитъ Лазарь: „немало что, но много— не оставиша бо во всѣхъ книгахъ ни одного слова, еже бы не перемѣнити или не преложити. И гордо хвалящеся глаголютъ, яко нынѣ обрѣтохомъ вѣру, нынѣ исправихомъ вся“. По словамъ „сказки“ соловецкихъ монаховъ, „и молитву Іісусову, и исповѣданіе православныя вѣры, и ангельскую трисвятую пѣснь, и начальный стихъ Царю небесный, и крещеніе человѣкомъ и вѣнчаніе, и маслоосвященіе, и погребеніе иноческое и мірское, и лѣтопись отъ Христова Рождества, и церковное пѣніе, заутреню и полунощницу, и часы,

и молебны, вечерню и повечерню, и неѳимонъ, и весь чинъ и уставъ, и каженіе, и звонъ церковный,—перемѣнили все безъ остатку, и литургію божественную перемѣнили жъ". И эти и многія другія жалобы, какъ мы сейчасъ увидимъ, не были преувеличеніемъ. Лазарь и Никита (Пустосвятъ) имѣли терпѣніе продѣлать огромную работу детальнаго сличенія новыхъ книгъ со старыми и изложили результаты своихъ изысканій въ челобитныхъ царю. Измѣнены и сокращены чины крещенія, миропомазанія, въ которомъ исключены „таинственныя приглашенія", слѣдовавшія за словами „печать дара духа святого" и разъяснявшія, какой даръ дается, т.-е. уничтожены самыя магическія формулы; далѣе измѣненъ чинъ покаянія, елеосвященія и брака. Изъ общественныхъ службъ измѣнены также чины 9-го часа и вечерни, соединенныхъ теперь вмѣстѣ и сокращенныхъ противъ прежнихъ, также чинъ утрени. Больше всего измѣненій оказалось въ литургіи. Прежде всего передѣланъ совершенно чинъ проскомидіи: вмѣсто семи просфоръ—пять, за упокой вынимать не одну часть за всѣхъ, а частицу за каждаго поминаемаго; эта перемѣна даетъ Никитѣ поводъ даже къ язвительной насмѣшкѣ: „и развѣ на толико имянъ (синодики тогда были огромные) довлѣетъ просфора съ монастырскую ковригу! И день тотъ малъ будетъ на едино просфоромисаніе". Далѣе Никита и Лазарь указываютъ еще цѣлый рядъ измѣненій въ литургіи отъ самаго начала до конца: одно убавлено, другое измѣнено, третье вставлено, такъ что „весь чинъ нарушенъ". Измѣнены 2-ой и 8-ой члены символа вѣры: въ первомъ уничтоженъ „азъ" (рожденна, *а* несотворенна), въ послѣднемъ пропущено слово „истиннаго". Наконецъ, въ тѣхъ молитвахъ и псалмахъ, которые остались нетронутыми, введены новые обороты рѣчи и новые термины, вмѣсто старыхъ, безъ всякой надобности; перечисленіе примѣровъ этихъ разночтеній въ челобитной Никиты занимаетъ шесть страницъ текста „Матеріаловъ" Субботина. Въ заключеніе Никита дѣлаетъ еще открытіе, которое окончательно подрывало доброкачественность исправленія: въ разныхъ книгахъ „чиновные дѣйства и ектеніи напечатаны непостоянно: въ той книгѣ напечатано тако, а въ иной инако, и предніе стихи ставлены напослѣди, а послѣдніе напреди или въ серединѣ". Очевидно, редакторы новыхъ книгъ не спѣлись другъ съ другомъ или не слѣдили за ихъ печатаніемъ,—и тѣмъ сильно повредили введенію никоновскаго единообразія.

Можно представить себѣ, какая буря поднялась среди

приходскаго духовенства, когда были разосланы по церквамъ новыя книги. Сельское духовенство, малограмотное, учившееся службамъ со слуху, должно было или отказаться отъ новыхъ книгъ, или уступить мѣсто новымъ попамъ: переучиваться было немыслимо. Въ такомъ же положеніи было и большинство городского духовенства и даже монастыри. Монахи Соловецкаго монастыря выразили это въ своемъ приговорѣ plenis litteris, безъ всякихъ оговорокъ: „навыкли мы божественныя литургіи служить по старымъ служебникамъ, по которымъ мы сперва учились и привыкли, а нынѣ и по тѣмъ служебникамъ мы, старые священницы, очередей своихъ недѣльныхъ держати не сможемъ, и по новымъ служебникамъ для своей старости учиться не сможемъ же... а которые мы священницы и дьяконы маломочны и граматѣ ненавычны, и къ ученію косны, по которымъ служебникамъ старымъ многія лѣта училися, а служили съ великою нуждою... а по новымъ книгамъ служебникамъ намъ чернецомъ коснымъ и непереимчивымъ сколко ни учитца, а не навыкнуть, лутче будетъ зъ братьею въ монастырскихъ трудахъ быти“. Сельскому и городскому попу такого выхода не представлялось. Новая вѣра требовала, очевидно, и новыхъ служителей; старымъ оставалось бороться до послѣдней возможности, а потомъ либо подчиниться, что было фактически невозможно, либо окончательно порвать съ дворянской церковью и уступить свое мѣсто послушнымъ ставленникамъ никоніанъ. И партизанская борьба, которая велась до сихъ поръ отъ случая къ случаю, сразу разгорѣлась по всей линіи, захвативъ собою весь профессіональный приходскій клиръ.

На первомъ планѣ борьбы приходскій клиръ поставилъ апологію старой вѣры. Было бы огромной ошибкой смотрѣть на пространныя челобитныя первыхъ борцовъ за старую вѣру, какъ на неоспоримое доказательство ихъ невѣжества и духовнаго убожества, какъ это дѣлаютъ до сихъ поръ многіе историки раскола. Челобитныя проникнуты искренностью и глубиною убѣжденія и обнаруживаютъ нерѣдко огромную эрудицію ихъ авторовъ, эрудицію, правда, въ стилѣ Іосифа Волоцкаго и его школы, но все же импонировавшую тогдашнему обществу. Авторы челобитныхъ защищаютъ „прежнюю христіанскую вѣру“, провозглашая никоновскія нововведенія „новой незнамой вѣрой“. Для нихъ эта прежняя вѣра заключалась именно въ знаніи и соблюденіи вѣрныхъ способовъ угожденія божеству; въ старыхъ харатейныхъ книгахъ, которыми, какъ величайшей святыней, гордились, напр., со-

ловецкіе монахи, были изложены эти вѣрные способы. Соблюдая ихъ, Зосима и Савватій снискали богоугодное житіе и явили міру „преславныя чудеса“; харатейныя соловецкія книги—ихъ „преданія“, тотъ церковный чинъ и уставъ, который и монахамъ откроетъ путь ко спасенію. Московская церковная традиція восходитъ къ московскимъ чудотворцамъ, „въ постѣ, въ молитвѣ и въ колѣнопоклоненіи и слезами богови угодившихъ“; и „законы ихъ, ими же они богови угодивши“ дали имъ даръ чудотворенія и изгнанія бѣсовъ. Главные „законы“: перстосложеніе двумя перстами, какъ „знаменуютъ себя“ Іисусъ и святые на иконахъ, трисоставный крестъ, составленный изъ кипариса, певга и кедра, восьмиконечный, таинственно символизирующій трехдневную смерть Іисуса и непостижимую троицу, и прочіе „догматы“, установленные Стоглавымъ соборомъ,—важны по своей магической силѣ; но такая же магическая сила скрыта и въ другихъ элементахъ культа, въ особенности въ извѣстныхъ формулахъ и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ. Изъ челобитныхъ видно, что такую силу до Никона присвоивали имени Ісусъ—это „спасенное (т.-е. спасительное) его имя, нареченное отъ Бога святымъ ангеломъ“; замѣна этого имени именемъ Іисусъ была величайшимъ кощунствомъ и дерзостью; далѣе, „великую сокровенную силу“ присвоивали „азу“ во 2-мъ членѣ символа вѣры, вычеркнутому въ новыхъ книгахъ. Вся апологія зиждется на уже знакомой намъ идеологіи XIV—XVI вѣковъ; но не слѣдуетъ думать, чтобы „исправленіе“ исходило изъ другихъ, болѣе развитыхъ религіозныхъ представленій. Въ отвѣтъ на апологію царь, Никонъ и восточные патріархи прежде всего указывали на авторитетъ, старину и чистоту греческой вѣры, взятой за норму для исправленія, но вовсе не входили въ разъясненія и изобличенія „заблужденій“ апологетовъ, ихъ извращенныхъ понятій о вѣрѣ. Они ставятъ этимъ современныхъ апологетовъ синодскаго православія въ величайшее затрудненіе: приходится признать, что и Никонъ былъ невѣжественъ по части вѣры столько же, сколько и его противники. Но на ссылку на авторитетъ греческой церкви у апологетовъ былъ готовъ неотразимый аргументъ: еще знаменитая „Книга о вѣрѣ“, офиціальное изданіе московской патріаршей каѳедры незадолго до Никона, уже объявила вѣдь греческую вѣру „испроказившеюся“; насиліе турскаго Махмета, лукавый Флоренскій соборъ, да смущеніе отъ римскихъ наукъ уничтожили чистоту греческаго православія, и „съ лѣта 6847 приняли греки три папежскіе законы: обливаніе, троеперстіе,

крестовъ на себѣ не носити", а вмѣсто „честного тричастнаго креста—латинскій двоечастный „крыжъ". Греческія книги, съ которыхъ правилъ Никонъ, напечатаны въ Римѣ „Винецыи" и „Парыжѣ", съ лютымъ еретическимъ зельемъ, внесеннымъ латинянами и лютеранами. Ересь не въ томъ, чтобы молитвы были переведены заново, а въ превращеніи на латинскій образецъ крестнаго знаменія, хожденія посолонь, троенія аллилуіи, креста и т. д., въ измѣненіи всего церковнаго чина. „Всѣхъ еретиковъ отъ вѣка ереси собраны въ новыя книги", заявляетъ Аввакумъ; Никонъ предпринялъ такое дѣло, на какое не дерзалъ ни одинъ еретикъ ранѣе его: „не бывало еретиковъ прежде, кои бы святыя книги превращали и противные въ нихъ догматы вносили", говоритъ дьяконъ Ѳедоръ. Подъ предлогомъ церковныхъ исправленій, Никонъ не болѣе, не менѣе какъ хочетъ искоренить чистое православіе на Руси, пользуясь потворствомъ царя и съ помощью такихъ явныхъ еретиковъ, какъ грекъ Арсеній, или малороссійскіе ученые. „Новая незнамая вѣра" оказывалась самою злою ересью. Въ челобитныхъ уже даны всѣ посылки для послѣдующей оцѣнки никоніанской церкви, когда расколъ сталъ уже совершившимся фактомъ: ученіе ея душевредное, ея службы—не службы, таинства—не таинства, пастыри—волки.

Челобитныя, однако, оказались слишкомъ слабымъ орудіемъ въ борьбѣ съ соединенными силами царя, Никона и епископата. Единственный вѣрный сторонникъ старой вѣры изъ архіереевъ, Павелъ коломенскій, былъ сосланъ въ Палеостровскій монастырь, а уже въ 1656 году двуперстники были приравнены соборнымъ постановленіемъ къ еретикамъ-несторіанамъ и преданы проклятію. Этотъ соборъ, какъ и предшествующіе, состоялъ почти исключительно изъ епископовъ, съ нѣкоторымъ числомъ игуменовъ и архимандритовъ; епископатъ не смѣлъ стать за старую вѣру. Никонъ торжествовалъ, и наиболѣе видные вожаки оппозиціи были сосланы и прокляты, между прочимъ, юрьевецкій протопопъ Аввакумъ—въ Сибирь. Въ отвѣтъ на апологію старой вѣры была издана „Скрижаль", объявлявшая ересью старые обряды. Нѣкоторое время спустя, вслѣдствіе охлажденія, а затѣмъ и разрыва, между царемъ и Никономъ, положеніе оставалось неопредѣленнымъ; но въ 1666 году окончательно и офиціально было признано, что реформа Никона не есть его личное дѣло, но дѣло царя и церкви. Соборъ изъ десяти архіереевъ, собранный въ этомъ году, прежде всего постановилъ признавать православными греческихъ патріарховъ, хотя они жи-

Вешній поѣздъ царицы на богомолье при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Оригиналъ картины Вяч. Гр. Шварца (1838—1869 гг.) *Вешній поѣздъ царицы на богомолье при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ* (1868 г.) находится въ Третьяковской галлереѣ (№ 1347). Это—одно изъ послѣднихъ и наиболѣе цѣнныхъ произведеній Шварца. Въ Третьяковской галлереѣ Шварцъ представленъ въ значительной полнотѣ: здѣсь находимъ четыре рисунка перомъ (№№ 304—307) къ роману *Князь Серебряный* графа А. К. Толстого, пять рисунковъ (№№ 308—312) къ *Пѣснѣ про купца Калашникова* М. Ю. Лермонтова, такіе рисунки (№№ 303, 313 и 314), какъ *Битва* (1859 г.), *Обрядъ поднесенія перчатки Іоанну Грозному на соколиной охотѣ* (1868 г.) и *Нареченіе царской невѣсты царевною* (1868 г.), затѣмъ картины (№№ 1343—1346) *Іоаннъ Грозный у тѣла убитаго имъ сына* (1864 г.), *Схимникъ* (1866 г.), *Патріархъ Никонъ въ Новомъ Іерусалимѣ* (1867 г.) и *Посолъ отъ князя Курбскаго* (1862 г.). Приведенный перечень необходимъ для того, чтобы представить себѣ кругъ историческихъ явленій, среди которыхъ жилъ художникъ и которыя изучалъ прилежно, долго и археологически строго. Излюбленнымъ моментомъ русской исторіи былъ для художника XVI вѣкъ, его не бросалъ онъ и въ тѣ годы, когда вниманіе отвлекалось нѣсколько сюжетами изъ XVII столѣтія. Самъ Стасовъ признаетъ Шварца родоначальникомъ историческаго реализма; другіе говорятъ, что онъ былъ «инстинктивнымъ реалистомъ»; быть можетъ слѣдуетъ замѣтить, что Шварцъ былъ въ живописи тѣмъ, что представлялъ собою И. Е. Забѣлинъ въ исторической литературѣ, написавшій знаменитый сборникъ древностей на тему домашній бытъ русскихъ царей и царицъ и сумѣвшій довести археологическое изученіе стараго быта до невѣроятнаго подбора мелочей. Шварца интересовали и типы русскихъ людей XVI и XVII вв., и декоративная обстановка ихъ жизни. Н. И. Костомаровъ долженъ былъ подогрѣть его историческіе вкусы. Непосредственная житейская правда, дѣйствительная обстановка, нравы и обычаи, поскольку они поддаются живописному изображенію, костюмы, типы, архитектура—неизмѣнные спутники кисти Шварца послѣ его перваго историческаго опыта *Свиданіе Святослава съ Цимисхіемъ* (1859 г.). Шварцъ далекъ былъ отъ сухого, офиціальнаго, напыщеннаго, грубаго и злостнаго истолкованія прошлаго, встрѣчаемаго у правовѣрныхъ академистовъ; онъ наивенъ и милъ, но онъ не доросъ еще до пониманія превосходства цѣлаго надъ индивидуальнымъ; у него лица поглотили народъ, археологическая обстановка игру народныхъ страстей... Въ картинѣ *Вешній поѣздъ...* художникъ успѣлъ археологическіе интересы своей кабинетной кисти согрѣть изящно-грубой простотой русскаго пейзажа, который Нестеровъ возведетъ въ перлъ своихъ идеалистическихъ созданій... Среди характерныхъ снѣговъ истинно русской зимы, въ минуты первой оттепели тянутся и ухаютъ украшенные огромными орлами неуклюжіе возки, скрывающіе въ себѣ истинно русскую царицу; мелькаютъ вершники и стрѣльцы, а изъ несчастныхъ, жалкихъ хатъ выбѣгаютъ посмотрѣть столь же несчастные и жалкіе крестьяне, которыхъ ежечасно и невозбранно обирали помѣщики, кормившіеся ихъ неустаннымъ трудомъ...

В. Стор.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ". Изд. Т-ва „МІРЪ".

вутъ подъ турецкимъ игомъ, и признавать православными книги, употребляемыя греческою церковью. Послѣ этого соборъ предалъ вѣчному проклятію „съ Іудою предателемъ и съ распеншими Христа жидовы, и со Аріемъ, и со прочими проклятыми еретиками“ всѣхъ, кто „не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится святой восточной церкви и сему Освященному Собору“. Покаяніе принесли только вятскій епископъ Александръ, три игумена, четыре монаха, въ томъ числѣ Григорій-Нероновъ, и попъ Никита (Пустосвятъ). Прочіе были преданы проклятію, и трое главныхъ вождей оппозиціи, Аввакумъ, Лазарь и Ѳедоръ сосланы въ Пустозерскій острогъ, послѣдніе двое съ урѣзаніемъ языка. Царь со своей стороны обязался обнажить мечъ матеріальный: по силѣ указовъ 1666—1667 годовъ еретики должны были подвергнуться „царскимъ, сирѣчь казненіямъ по градскимъ законамъ“. Розыскъ еретиковъ и совершеніе градского суда было поручено воеводамъ. Борьба на мирной почвѣ религіозной полемики была кончена. Оставалось вооруженное сопротивленіе, на которое, однако, клиръ одинъ, самъ по себѣ, не былъ способенъ. Профессіональная оппозиція приходскаго клира постепенно сходитъ на нѣтъ. Оппозиція городского духовенства, очень малочисленнаго, быстро исчезаетъ, какъ только кружокъ ревнителей былъ окончательно разгромленъ: московскій попъ Кузьма отъ Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, ставшій во главѣ купеческой эмиграціи изъ Москвы въ Стародубье былъ послѣднимъ могиканомъ. Оппозиція же сельскаго духовенства тонетъ въ великомъ крестьянскомъ религіозномъ движеніи, начавшемся въ 60-хъ годахъ, и теряетъ свою профессіональную индивидуальность: сельскому попу, не желавшему принять новыя книги, или не умѣвшему ими пользоваться, оставалось только уйти вслѣдъ за бѣжавшими отъ крѣпостной кабалы крестьянствомъ, уступивъ свое мѣсто ставленнику помѣщика — никоніанина. Новые сельскіе попы, служившіе по никоновскому обряду, были уже вѣрными слугами помѣстнаго дворянства.

Внутри-церковное движеніе кончилось побѣдой реформы вѣроученія. Дворянско-московская церковь нашла свое credo и при его помощи стала утверждать свое господство. Побѣжденные служители старой вѣры нашли себѣ опору въ борьбѣ среди самыхъ разнообразныхъ элементовъ, враждебныхъ дворянскому государству. Съ одной стороны, это были элементы, осужденные ходомъ исторіи на исчезновеніе: послѣдніе остатки боярства и старое стрѣлецкое служилое сословіе. Они под-

нимали не разъ знамя старой вѣры во время своихъ возмущеній: боярская и стрѣлецкая фронда тѣсно переплетена съ расколомъ. Съ другой стороны, это были элементы, закрѣпощенные и эксплуатируемые дворянскимъ государствомъ: посадскіе люди и крестьянство. Знамя старой вѣры усваивалось ими еще скорѣе и прочнѣе, чѣмъ фрондировавшими осколками прошлаго*). Въ каждой средѣ, однако, старая вѣра понималась по-своему, и ея знамя примѣнялось по разному: тутъ его развертывали и складывали въ цейхгаузъ по мѣрѣ надобности, чтобы попугать имъ правительство, здѣсь подъ его сѣнью основывали новыя формы жизни, а тамъ за него умирали. На первомъ мѣстѣ приходится, однако, поставить не боярскую фронду и не движенія посадскихъ людей или крестьянъ, но попытку старовѣрческой революціи, соединившей въ себѣ почти всѣ составные соціальные элементы раскола, начиная съ профессіональныхъ агентовъ старой вѣры и кончая крестьянствомъ; крестьянскій элементъ, впрочемъ, игралъ въ этомъ событіи самую незначительную роль. Мы имѣемъ въ виду знаменитое соловецкое возмущеніе 1668—1675 годовъ.

Мы видѣли, чѣмъ былъ монастырь XIV—XVI вѣковъ: это была самостоятельная феодальная единица, надѣленная иммунитетомъ и нерѣдко обязанная военной службой, подобно свѣтскимъ вотчинамъ. Всѣ эти черты въ Соловецкомъ монастырѣ достигли наиболѣе полнаго развитія: это была наиболѣе близкая русская параллель къ монастырю западной Европы. Такому положенію содѣйствовала отдаленность Соловецкой обители отъ центра; крайній опорный пунктъ русской колонизаціи на сѣверѣ, и въ то же время наиболѣе открытый пунктъ для нападенія со стороны англичанъ и датчанъ, она въ особенности развивала свой военный характеръ, превратившись въ настоящій замокъ или бургъ съ каменными стѣнами и съ многочисленнымъ мелкимъ военнымъ вассалитетомъ, „мірскими соловецкими людьми"; военно-сеньеріальная власть настоятеля обители распространялась съ конца XVI вѣка на весь поморскій край. Въ то же время обитель была крупной хозяйственной организаціей: ей принадлежали всѣ доходныя статьи на Соловкахъ, и ея конторы были во всѣхъ городахъ сѣвернаго края. Въ то время, какъ прочіе русскіе монастыри въ теченіе XVI и начала XVII вѣка те-

*) Авторъ считаетъ необходимымъ оговориться, что присоединяясь всецѣло къ общей оцѣнкѣ соціальной позиціи и строя государства XVII вѣка, изложенной въ предшествующей главѣ, онъ расходится съ нею въ нѣкоторыхъ оттѣнкахъ и деталяхъ.

ряютъ послѣдніе слѣды феодальныхъ вольностей, военныя событія эпохи смуты только увеличили военное значеніе Соловецкой обители, и ея самостоятельное положеніе осталось непоколебленнымъ. Она по прежнему сама выбирала своего настоятеля, содержала свое войско и не думала поступаться своей самостоятельностью. Московское правительство ссылало сюда своихъ политическихъ противниковъ: еще въ XVI вѣкѣ сюда были сосланы Артемій и Башкинъ, а въ XVII вѣкѣ сюда попалъ не одинъ опальный бояринъ, какъ казанскій царь Симеонъ или князь Львовъ, и не мало людей иныхъ чиновъ. Но царскіе указы о томъ, чтобы держать ссыльныхъ „подъ крѣпкимъ началомъ, и за монастырь ихъ не пускать, и чернилъ и бумаги не давать", въ монастырѣ не считались обязательными. Ссыльные по большей части были люди, пострадавшіе за защиту тѣхъ самыхъ вольностей, которыя еще держались въ монастырѣ; и не мудрено, что монахи (правда, не всѣ) „живутъ съ ними заодно, и мятежи чинятъ, и воровскія письма составливаютъ... и по кельямъ съ опальными ночи просиживаютъ", какъ писалъ въ своемъ доносѣ келарь царю въ 1666 году. Такимъ образомъ, матеріалъ для боярско-феодальной фронды былъ налицо. Профессіональную оппозицію клира составляли, кромѣ самихъ монаховъ, еще ссыльные (болѣе 100 человѣкъ) противники никоновской реформы, „Аввакумовы и Лазаревы ученики", послѣ собора 1656 года. Была представлена и крестьянская оппозиція: въ 1612 году въ Соловки былъ сосланъ Петръ Отяевъ, одинъ изъ казацкихъ атамановъ эпохи смуты; былъ ли онъ въ живыхъ во время возмущенія, неизвѣстно. При такомъ составѣ ссыльныхъ Соловецкаго монастыря достаточно было малѣйшаго повода для начала враждебныхъ дѣйствій.

Когда въ 1658 году въ монастырь были присланы новопечатныя книги, монахи составили приговоръ о непринятіи книгъ по тѣмъ мотивамъ, которые мы уже излагали выше. Книги спрятали, не переплетая, въ казенную палату, а богослуженіе продолжали править по прежнему. Тогда въ обитель былъ назначенъ игуменомъ Варѳоломей, изъ Москвы, принявшійся „смирять" монаховъ плетьми и тюрьмою и разстроившій все монастырское хозяйство, но еретическихъ книгъ ему ввести не удалось. Это назначеніе было первой причиной вражды. Монахи отправили царю обширную челобитную, гдѣ перечисляли всѣ вины Варѳоломея, и въ заключеніе просили перемѣнить Варѳоломея, а на его мѣсто назначить либо бывшаго саввинскаго архимандрита Никанора, соловецкаго по-

стриженника, либо ризничаго Веніамина, „или, по преданію великихъ чюдотворцевъ, вели, государь, выбрать изъ всей братіи кому Господь Богъ благоволитъ и великіе чюдотворцы изволятъ“. Доносъ объ этой челобитной Варѳоломею, бывшему въ то время въ Москвѣ, называетъ душою всего дѣла князя Михайлу Львова и старца Герасима Фирсова, а также еще нѣсколькихъ старцевъ. Дѣло по челобитной въ Москвѣ задержалось вслѣдствіе бунта Разина; но въ монастырѣ, не дожидаясь царскаго указа, выбрали архимандритомъ Никанора. Это было уже прямое неповиновеніе. Новыя обиды изъ Москвы заставили вспомнить старую: Никонъ увезъ изъ монастыря, когда ѣхалъ на патріаршій престолъ, такую драгоцѣнную реликвію, какъ мощи святого Филиппа, игумена обители, привлекавшія множество богомольцевъ. Дѣло оставалось, однако, въ неопредѣленномъ положеніи вплоть до окончанія собора 1666—67 гг. На этомъ соборѣ были привлечены къ отвѣту всѣ старцы, оговоренные въ качествѣ виновниковъ челобитной на Варѳоломея; нѣкоторые изъ нихъ были осуждены за защиту старой вѣры, а въ монастырь по соборному опредѣленію долженъ былъ отправиться архимандритъ Сергій съ новопечатными книгами для ихъ введенія и для производства слѣдствія по челобитной на Варѳоломея. Но его пріѣздъ туда вызвалъ цѣлую бурю. Монахи, во главѣ съ Никаноромъ, объявили новыя книги и обряды латинскою ересью, а монастырскіе стрѣльцы хотѣли даже устроить засаду и перебить пріѣхавшихъ съ Сергіемъ московскихъ стрѣльцовъ и казаковъ. Архимандриту Сергію пришлось, „не помѣшкавъ нисколько“, уѣхать изъ монастыря, а монахи снова засыпали царя челобитными о безчинствахъ Варѳоломея, о старой вѣрѣ и объ утвержденіи игуменомъ Никанора. Въ отвѣтъ на это Никаноръ былъ призванъ къ соборному суду и покаялся, а въ монастырь былъ отправленъ игуменомъ монахъ изъ московскаго Соловецкаго подворья Іосифъ съ порученіемъ ввести новыя книги. Соловецкіе монахи поняли это назначеніе, какъ объявленіе войны. Келарь Азарій съ братіей новыхъ книгъ не приняли, Сергія на архимандритское мѣсто не возвели, а дали ему, какъ простому монаху, ту келью, въ которой онъ жилъ прежде. Царю же были отправлены одна за другою двѣ челобитныхъ: одна знаменитая „Соловецкая челобитная“, излагавшая credo старой вѣры и изобличавшая ереси новой вѣры; другая ставила царю такой ультиматумъ: „не вели, государь, больши того къ намъ учителей присылати напрасно, понеже отнюдь не будемъ прежней нашей православной вѣры пре-

мѣнить, и вели, государь, на насъ мечъ свой прислать царскій, и отъ сего мятежнаго житія преселити насъ на оное безмятежное и вѣчное житіе". Архимандритъ Никаноръ, вернувшись послѣ покаянія въ монастырь, скинулъ греческій клобукъ и надѣлъ опять русскій и продолжалъ архимандритствовать попрежнему. Тогда царь велѣлъ за непокорство и ослушаніе отписать на государя „всѣ вотчинныя села и деревни, соляные и всякіе промыслы, и на Москвѣ и въ городѣхъ дворы". Монастырь былъ экспропріированъ, а для „обращенія" непокорныхъ былъ посланъ изъ Москвы стрѣлецкій сотникъ Чадуевъ; когда на его миссію послѣдовалъ отвѣтъ въ прежнемъ духѣ, противъ монастыря въ 1673 году былъ отправленъ сильный отрядъ стрѣльцовъ съ предписаніемъ взять монастырь блокадой, отнюдь не стрѣляя по монастырю изъ пушекъ, очевидно, изъ страха передъ „чюдотворцами".

Къ этому времени настроеніе въ монастырѣ значительно измѣнилось. Въ монастырѣ появилось много гонимыхъ ревнителей старой вѣры изъ крестьянъ и немало казаковъ изъ бывшихъ сподвижниковъ Стеньки Разина. Они сообщили совершенно иной духъ всей соловецкой фрондѣ. Въ своемъ ультиматумѣ царю монахи говорили, что они царю „не противны", т.-е. признавая царскій авторитетъ и власть, они только не могутъ поступать противъ своей совѣсти. Но „бѣльцы" были настроены совершенно иначе. Они уже были заражены антихристовой идеологіей; еще во время миссіи Сергія соловецкіе мірскіе люди прямо говорили, что Сергій со стрѣльцами присланъ „отъ антихриста прельщать ихъ"; а „воры Стеньки Разина" объявили троеперстіе не просто латинскою ересью, а прямо печатью антихриста. По иниціативѣ „воровъ сотниковъ со товарищи" въ самомъ началѣ осады былъ созванъ совѣтъ, „чтобы за великаго государя богомоліе отставить"; священники отказались было исполнить это постановленіе, но когда наиболѣе упорные были заключены въ тюрьму, гдѣ имъ даже хлѣба и воды не давали, богомоліе за царя прекратилось. Власть постепенно перешла изъ рукъ Никанора въ руки бѣльцовъ; руководилъ всею обороною, повидимому, Ѳадейка-сапожникъ. Богослуженіе прекратилось, и религіозный бытъ въ монастырѣ принялъ характеръ чисто сектатнскій: бѣльцы перестали признавать священниковъ, перестали исповѣдываться и причащаться, умершихъ хоронили безъ отпѣванія. Эти отрывочныя данныя не даютъ возможности составить ясное понятіе о характерѣ религіозной идеологіи крайнихъ элементовъ

среди защитниковъ монастыря; но, повидимому, она имѣла очень много общаго съ крестьянской идеологіей, о которой рѣчь будетъ ниже. Раздоры между бѣльцами и монахами все росли; большая часть клириковъ ушла изъ монастыря вслѣдъ за выпущенными изъ тюрьмы сторонниками молитвы за царя, а въ 1675 году, благодаря измѣнѣ одного перебѣзчика изъ монаховъ, Өеоктиста, пришелъ и конецъ осадѣ. Өеоктистъ провелъ ночью царскихъ стрѣльцовъ въ монастырь черезъ отверстіе въ стѣнѣ, заложенное камнями, и монастырь былъ взятъ. Никаноръ и нѣкоторые другіе руководители возстанія были казнены, другіе сосланы, а въ монастырь были присланы изъ Москвы архимандритъ Макарій и московскіе монахи, старательно, но тщетно искавшіе тамъ кладовъ. Такъ погибъ послѣдній оплотъ монастырскаго феодализма, и надъ Поморьемъ властно нависъ мечъ дворянскаго государства. Старообрядческое сказаніе о соловецкой осадѣ, разукрашенное всяческими чудесами, и старообрядческія народныя пѣсни, посвященныя соловецкому сидѣнію, до сихъ поръ сохраняютъ особую прелесть и особый интересъ въ глазахъ сторонниковъ старой вѣры: вѣдь это была первая схватка въ открытой борьбѣ всѣхъ силъ, враждебныхъ Московскому государству и соединенныхъ знаменемъ старой вѣры. Послѣдующія движенія уже не носили такого эпическаго характера: силы въ нихъ раздробились, распредѣлившись по соціальнымъ категоріямъ, идеологія дифференцировалась, и самый характеръ „оказательства“ сталъ иной.

Боярская фронда въ Соловкахъ замутилась примѣсью „воровъ Стеньки Разина“. Московскіе бояре съ самаго начала также были противъ Никона и за старую вѣру, но также были слишкомъ слабы сами по себѣ для самостоятельныхъ выступленій. Бояре чувствовали, что въ лицѣ ревнителей старой вѣры заключается немалая сила, способная крѣпко и упорно бороться съ дворянскимъ государствомъ; въ лицѣ Никона, напротивъ, они видѣли своего злѣйшаго врага. Благодаря въ значительной мѣрѣ боярскимъ стараніямъ, Никонъ поссорился и разошелся съ царемъ; бояре же выхлопотали возвращеніе изъ сибирской ссылки Аввакума, приняли его, „яко ангела божія“ и „преизобильно того имѣніемъ награждаху“. Въ числѣ лицъ, хлопотавшихъ за Аввакума и ухаживавшихъ за нимъ въ Москвѣ, Денисовъ называетъ такія громкія и старинныя фамиліи, какъ фамиліи Стрѣшнева, Салтыкова, Хованскаго, Морозовыхъ, Соковниныхъ, Урусовыхъ. Аввакумъ и другіе ревнители нашли себѣ въ домахъ этихъ боярскихъ фамилій

пріютъ и ласку; Аввакумъ называлъ покровительствовавшихъ старой вѣрѣ бояръ „вѣрными своими Никодимами“; изъ боярскаго рода Потемкиныхъ вышелъ даже въ это время одинъ видный учитель старой вѣры, Спиридонъ Потемкинъ. Но сверженіе Никона не повредило дѣлу затѣянной имъ реформы. Расправа на соборѣ 1666—67 годовъ была быстрая и строгая; соловецкій бунтъ уклонился совсѣмъ въ нежелательную для боярства сторону, и боярской фрондѣ пришлось на время притаиться, ждать союзниковъ и удобнаго случая.

Союзники нашлись, и очень скоро. Первый и самый естественный союзникъ, который не могъ и никогда не сталъ бы заражаться „воровствомъ“, были посадскіе люди. Въ ихъ положеніи теперь произошло немало перемѣнъ, толкавшихъ ихъ въ оппозицію. Прошло то время, когда „при прежнихъ государяхъ въ городахъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судилися сами промежъ себя, а воеводъ въ городахъ не было“. Изъ свободныхъ коммунъ города, по примѣру своихъ французскихъ собратій, превратились въ объектъ для эксплуатаціи царскихъ кормленщиковъ и царскихъ службъ. Дворянское государство разсматривало города, преимущественно какъ источникъ для выкачиванія всяческаго тягла и корму, и послѣдствія такой точки зрѣнія оказались самыя плачевныя. „Въ городахъ“, жалуются посадскіе выборные 1648 года, „всякіе люди обнищали и оскудѣли до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ; а торговые люди, которые ѣздятъ по городамъ для своихъ торговыхъ промысловъ, отъ ихъ же воеводскаго задержанія и насильства въ проѣздахъ торговъ своихъ отбыли... И отъ тѣхъ твоихъ государевыхъ безпрестанныхъ службъ и сборовъ всякіе тяглые люди оскудѣли и обнищали до конца“. Мало этого, разложеніе удѣльнаго феодализма шло такимъ медленнымъ темпомъ, что въ средѣ самого тяглаго посадскаго люда появилась градація тягла, вслѣдствіе которой одни, съ точки зрѣнія челобитчиковъ собора 1648 года, пользовались незаслуженными льготами, другіе—несли тягло сверхъ мѣры. Счастливыми были, между прочимъ, торговые и промышленные люди владычныхъ слободъ и кабацкіе откупщики; челобитчики просятъ, чтобы „всѣ были въ тяглѣ и въ свободѣ или льготахъ вмѣстѣ равно съ тяглыми черными общинами, чтобъ во всемъ народѣ мятежа и розни не было“. Это требованіе податного равноправія лишь отчасти было осуществлено въ уложеніи 1649 года; но переписанныя на государя церковныя слободы были сейчасъ же обложены государевымъ тягломъ и перешли въ положеніе недовольныхъ. Но не только выкачиваніе

тягла *) ссорило посадскихъ людей съ Московскимъ государствомъ. Международная торговая конкуренція, противъ которой московское правительство не принимало почти никакихъ мѣръ, давала также обильные поводы для жалобъ и недовольства дворянскимъ правительствомъ, которое еще туго поддавалась меркантелистическимъ стремленіямъ московскихъ гостей. Челобитная 1646 года горько жалуется на „англійскихъ нѣмцевъ“: при помощи посуловъ и пользуясь разореньемъ русскихъ купцовъ, „англійскіе нѣмцы“ опутали все Московское государство своей торговой организаціей: въ Архангельскѣ, на Холмогорахъ, въ Вологдѣ, въ Ярославлѣ, въ Москвѣ и другихъ городахъ построили дворы, амбары, палаты и погреба каменные, устанавливаютъ цѣны, скупаютъ при помощи своихъ скупщиковъ русскіе товары для вывоза, везутъ тайно и „государеву пошлину крадутъ“—„всѣми торгами, которыми искони мы торговали, завладѣли англійскіе нѣмцы“! Чтобы лучше подѣйствовать на царя, челобитная киваетъ на англійскую революцію, происходившую тогда („отъ Карлуса короля отложились и бьются съ нимъ четвертый годъ“), и обвиняетъ англичанъ въ голодѣ—„оголодили“ русскую землю тѣмъ, что вывозятъ въ Англію „всякій харчъ и хлѣбъ“. Челобитная кончается мольбою: „воззри на насъ, бѣдныхъ, и не дай намъ, природнымъ своимъ государевымъ холопамъ и сиротамъ, отъ иновѣрцевъ быть въ вѣчной нищетѣ и скудости, не вели искони вѣчныхъ нашихъ промыслишковъ у насъ бѣдныхъ отнять“. Но царь, находившійся подъ вліяніемъ западника Морозова, не обратилъ никакого вниманія на челобитную; только въ 1649 году царь, услыхавъ, что англичане „короля своего Карлуса убили до смерти“, счелъ неприличнымъ для себя игнорировать челобитную и предписалъ выѣхать англійскимъ купцамъ изъ Москвы, разрѣшивъ торговать только въ Архангельскѣ; однако, вся торговая организація, организація скупки и транспорта русскихъ товаровъ въ Архангельскъ, осталась неприкосновенной. Немудрено, что посадскіе люди ненавидѣли иностранцевъ не менѣе, чѣмъ воеводъ; посадскіе могли быть и были только самыми крайними націоналистами.

Когда Московское государство открыто стало на сторону новой вѣры, пропитанной люторскою, кальвинскою и папежскою ересями, для посадскихъ людей выборъ былъ очевиденъ. Мало того, что дворянское государство ихъ разоряло,

*) Подробности о превращеніи посадскаго населенія въ зависимый классъ см. въ гл. „Дворянская Россія“.

отдавъ на съѣденіе воеводамъ и иностранцамъ, оно навязываетъ „бѣдной Руси“ латинскіе обычаи и „нѣмецкіе поступки“. Западные ученые, западныя книги, западныя моды и т. д. — все это „погано“, „мерзко Богу“ — въ этомъ купецъ отъ всей души соглашался съ расколоучителемъ. И царь туда же: воеводъ „кормитъ“ купеческими посулами, а теперь и иностранцевъ кормитъ, философовъ, измѣряющихъ звѣзды, ласкаетъ. „Государь, таковыхъ ли въ чести имаши и различными брашны питаеши и хощеши внѣшними ихъ плеухами власть свою мирну управити?“ восклицаетъ попъ Лазарь, видя въ сочувствіи царя западнымъ ученымъ „изгубленіе правовѣрныхъ государей власти“. Городскіе люди сочувственно качали головою, и въ ихъ представленіи въ credo старой вѣры обогатилось еще однимъ элементомъ: національизмомъ, проведеннымъ до крайности во всѣхъ внѣшнихъ проявленіяхъ. Уже въ первомъ открытомъ выступленіи посадскаго раскола новая вѣра опредѣляется такъ: „уставлена новая вѣра, велятъ кланяться болванамъ и носить нѣмецкое платье, брить бороды, выдавать русскихъ дѣвицъ за нѣмцевъ“.

Чтобы полнѣе обрисовать раскольничью идеологію посадскихъ людей, мы позволимъ себѣ забѣжать нѣсколько впередъ за хронологическія рамки нашей статьи и коснуться отношеній посадскихъ людей къ мѣрамъ Петра. Въ 1718 году въ Петербургѣ было найдено подметное письмо Докукина. Письмо горько жалуется на уничтоженіе послѣднихъ остатковъ слободской свободы, на торжество фискальной системы и окончательное разореніе купечества, между тѣмъ какъ иностранцы въ чести и довольствѣ. „Пришельцевъ иновѣрныхъ языковъ щедро и благоутробно за сыновленіе себѣ восприняли и всѣми благами ихъ наградили, а христіанъ бѣдныхъ, бьючи на правежахъ, и съ податей своихъ гладомъ поморили и до основанія всѣхъ разорили и отечество наше пресловущіе грады опустошили... градскихъ и древле уставленныхъ своихъ законовъ лишились... и въ лестныхъ ученіяхъ обычай свой измѣнили, слова и званія нашего славянскаго языка и платья перемѣнили, главы и брады обрили и персоны своя ругательски обезчестили; нѣсть въ насъ вида и разнствія съ иновѣрными языки, послѣдуемъ ихъ правамъ и законамъ“. Но Докукинъ аппеллируетъ уже не къ стариннымъ вольностямъ, а къ естественному, божественному праву человѣческой личности. Человѣку по божію велѣнію все подвластно: „вся покорилъ еси подъ нозѣ его,“ „сотвори его богъ по образу и подобію своему“—и поэтому человѣкъ, какъ и божество, суще-

ство свободное и самоопредѣляющееся: „самовластну ему повелѣно быти“. Мѣры правительства идутъ противъ этого божественнаго права: „многіе отъ онаго божественнаго дара отрѣзаеми и свободной жизни лишаеми“. На вопросъ, что же дѣлать, чѣмъ отвѣчать на такое попраніе права, Докукинъ, не въ примѣръ французскимъ монархомахамъ или англійскимъ пуританамъ, считаетъ „удобнѣе устномъ своимъ ограду положить.“ Если за него договорили опальные ревнители и крестьяне, то посадскіе люди молча дѣлали то же самое. Они сочли себя свободными отъ церковныхъ и гражданскихъ узъ съ такимъ государствомъ.

Посадскій расколъ начался въ церковной области. Ревнители изъ протопоповъ нашли среди купечества самый горячій и, что всего важнѣе, вполнѣ искренній откликъ, тогда какъ на искренность боярскаго отклика полагаться было нельзя. Когда послѣдовали указы Никона о троеперстіи, и появились новыя книги, многіе „христіане“ перестали посѣщать общественное церковное богослуженіе, „сами отлучишася церковнаго входа и молитвы“. Старые обычаи домашняго культа получили теперь новую силу и дали возможность купечеству быстро и легко выйти изъ затруднительнаго положенія. „Могущіи по домамъ своимъ начаша держати вдовыхъ священниковъ, безъ благословенія и безъ свидѣтельства архіерейскаго“; такихъ домашнихъ церквей съ домашними священниками по свидѣтельству собора 1667 г., появилось очень много въ „царствующемъ градѣ Москвѣ и иныхъ городахъ“. Обиліе безмѣстныхъ и вдовыхъ священниковъ, которымъ до собора 1667 года было запрещено священнодѣйствіе, чрезвычайно благопріятствовало быстрому созданію самостоятельныхъ старовѣрческихъ культовъ, независимыхъ отъ епископата; только въ силу этого обстоятельства соборъ 1667 года принужденъ былъ отмѣнить старинное запрещеніе вдовыхъ поповъ, надѣясь пріостановить этимъ развитіе независимаго отъ офиціальной церкви культа. Но распространеніе посадскаго раскола шло неудержимо. Его апостолами были теперь уже не только попы и протопопы; посадскіе люди принялись за проповѣдь сами. Въ новгородскомъ краѣ великолуцкій купецъ Иванъ Дементьевъ, разъѣзжая по торговымъ дѣламъ, собралъ своимъ „нелѣпостнымъ словомъ“ „всебогатый, преизобильный плодъ“ раскола и въ „градѣ“ и въ селахъ и въ весяхъ. Такими же апостолами были новгородскій купецъ Лаврентій, въ Олонцѣ— Александръ Гутоевъ, и „множество“ другихъ. Если откинуть несомнѣнное преувеличеніе перваго лѣтописателя раскола,

Денисова, все-таки нельзя не признать, что главными распространителями посадскаго раскола были свои же посадскіе люди. Это придавало, конечно, ихъ проповѣди силу особаго авторитета. Въ ихъ проповѣди доминировала идея борьбы между избранными чадами божіими и ихъ преслѣдователями, антихристовыми слугами. Сторонники старой вѣры, живущіе въ царствующемъ градѣ Москвѣ и иныхъ градахъ — это новый Израиль, Москва—Новый Іерусалимъ, конечно, оскверненный теперь никоніанами. „Израильтяне" должны приходить другъ другу на помощь, въ особенности выкупать попавшихъ въ темницу вѣрныхъ. Въ раскольничьихъ пѣсняхъ до сихъ поръ поется, какъ „гости корабельщики изъ дальнихъ городовъ—израильскихъ родовъ", приплывали къ граду Ерусалиму, выкупали и на волю выпущали невольниковъ за вѣру истинную изъ „земляной тюрьмы", подобной той, въ которой заживо гнилъ Аввакумъ.

Активное выступленіе посадскаго раскола соединилось съ боярской и стрѣлецкой фрондой. Стрѣлецкая пѣхота по своему соціальному положенію однимъ концомъ упиралась въ „гулящихъ людей", изъ которыхъ она набиралась, т.-е. примыкала къ остаткамъ свободнаго крестьянскаго и посадскаго населенія, еще не закрѣпощеннаго дворянскимъ государствомъ. Другимъ концомъ она упиралась въ земледѣльческое крестьянство и посадскихъ людей, ибо стрѣльцы получали за свою службу земельное жалованье и жалованье деньгами. Земельное жалованье заключалось въ небольшомъ надѣлѣ, при чемъ характеръ стрѣлецкаго землевладѣнія еще до сихъ поръ не выясненъ литературой; неизвѣстно, былъ ли онъ личный или общинный. Во всякомъ случаѣ, чрезъ земельное жалованье часть стрѣльцовъ, въ особенности провинціальныхъ, скрѣплялась съ землею, изъ гулящаго человѣка стрѣлецъ на земельномъ жалованьѣ становился мелкимъ землевладѣльцемъ, при чемъ рядовой стрѣлецъ по размѣру надѣла приближался къ крестьянину. Стрѣльцы, получавшіе денежное жалованье, соединявшееся иногда съ хлѣбнымъ, и жившіе при этомъ въ большихъ городахъ, въ своихъ слободахъ занимались мелкими промыслами и торговлей—тѣмъ самымъ, по своему хозяйственному положенію, они становились въ одинъ уровень съ посадскими людьми. При этомъ стрѣльцы пользовались цѣлымъ рядомъ льготъ и преимуществъ. Въ торговлѣ они въ мѣстахъ постояннаго жительства могли торговать „своимъ рукодѣліемъ безтаможно и безпошлинно", при чемъ стоимость товара не могла превышать рубля.

По суду они не платили пошлинъ съ мелкихъ исковъ до 12 руб.; они имѣли свой судъ и расправу, кромѣ „разбойныхъ и татейныхъ дѣлъ и большихъ исковъ". Званіе стрѣльца было не только пожизненнымъ, но и наслѣдственнымъ, а льготами пользовались не только служилые стрѣльцы, но и ихъ родственники. Этому полуфеодальному обломку XVI вѣка въ XVII вѣкѣ стала грозить гибель. Съ одной стороны, съ XVII вѣка правительство переноситъ центръ тяжести жалованья на земельное довольствіе, стѣсняя этимъ хозяйственную иниціативу и жизнь стрѣльцовъ. Съ другой стороны, оно отбираетъ у нихъ льготы по торговлѣ: по уложенію 1649 года, имъ пришлось платить таможенныя пошлины съ промысловъ и оброкъ съ лавокъ. Но самое опасное было не въ этомъ. Опаснѣе всего для стрѣльцовъ были новые полки иноземнаго строя, солдаты и драгуны, какъ наемные изъ иностранцевъ, такъ и набранные изъ русскихъ. Стрѣлецкая пѣхота, не знавшая никакой дисциплины, плохо вооруженная, мало подвижная, въ бою бившаяся въ разсыпную, не могла выдержать конкуренціи съ войсками новаго строя. Между тѣмъ полки, иноземнаго строя становились явными фаворитами московскаго правительства. Драгунамъ и солдатамъ изъ русскихъ оно давало тѣ же льготы, что и стрѣльцамъ; но ихъ было немного, и все-таки это были русскіе. Иностранцамъ же оно прощало и спускало рѣшительно все. На ихъ насильничанье постоянно подавались челобитныя, изъ которыхъ видно, что иностранные солдаты „чинили обиды и налоги (!) всякіе, въ торгахъ всякій товаръ грабили, людей по улицѣ били и грабили... поповъ хватали, били и увѣчили". Эти условія толкали стрѣлецкое войско въ оппозицію дворянскому правительству и сближали его съ расколомъ.

Въ 1682 году, послѣ смерти Ѳедора Алексѣевича, когда престолъ зашатался, боярская фронда подняла снова голову. Начало было чисто политическимъ, религіозныхъ элементовъ еще не было. Какъ извѣстно, послѣ провозглашенія двоевластія, Софья и Хованскій подняли противъ стараго правительства стрѣльцовъ, за которыми поднялась вся посадская Москва. Когда Софья стала правительницей, ей была подана челобитная отъ стрѣльцовъ, гостей и разныхъ сотенъ торговыхъ людей, всѣхъ слободъ посадскихъ людей и ямщиковъ на „бояръ, окольничьихъ, думныхъ людей и всего вашего (!) синклита", которые зовутъ участниковъ „побитія" 15 мая бунтовщиками и измѣнниками; челобитная требовала сооруженія на Красной площади столба, гдѣ были бы написаны

имена и вины побитыхъ людей. Новое правительство оказалось въ рукахъ города, и принуждено было уступить. Но у Хованскаго были свои мотивы поддерживать стрѣльцовъ: онъ мечталъ о престолѣ, какъ Гедиминовичъ; возведеніе Софьи для него было лишь однимъ изъ звеньевъ задуманнаго плана. Поэтому, когда уже на третій день послѣ переворота въ стрѣлецкихъ полкахъ началась агитація за старую вѣру, Хованскій отнесся къ ней вполнѣ сочувственно: старая вѣра должна была послужить для него мостомъ къ престолу, занятому противницей старой вѣры. Агитація сразу стала на рѣшительную дорогу: агитаторы изъ посадскихъ людей и чернослободцевъ предлагали подать челобитную, чтобы патріархъ и власти дали отвѣтъ отъ божественнаго писанія, за что они старыя книги возненавидѣли и возлюбили новую латино-римскую вѣру. Отыскали чернеца Сергія, „ревнителя отеческихъ преданій и твердаго адаманта“, который и написалъ челобитную, изумившую всѣхъ стрѣльцовъ своимъ слогомъ и описаніемъ ересей въ новыхъ книгахъ. Эта челобитная и послужила основаніемъ для знаменитаго диспута 5-го іюля въ Грановитой палатѣ.

Мы не будемъ излагать подробно обстоятельствъ этого диспута и послѣдовавшихъ за нимъ событій; для насъ важно выяснить ихъ смыслъ и значеніе въ разгорѣвшейся религіозно-политической борьбѣ. Какъ показало поведеніе Хованскаго и розыскъ о его дѣлѣ, московскія пренія о вѣрѣ должны были послужить прологомъ къ революціи по всему Московскому государству. Хованскому нуженъ былъ престолъ; за достиженіе престола онъ обѣщалъ посадскимъ людямъ уничтоженіе воеводъ и приказныхъ людей и проведеніе контръреформаціи: „патріарха и властей поставить, кого изберутъ народомъ, которые бы старыя книги любили“. Орудіями революціи должны были быть стрѣльцы: они должны были придти неожиданно въ городъ и перебить царей, Софью, патріарха и властей; повидимому, Хованскій не брезговалъ и крестьянствомъ, и ничего не имѣлъ бы противъ бунта крестьянъ въ вотчинахъ его противниковъ. Въ развитіи хованщины и политическая и религіозная цѣли движенія не скрывались даже его рядовыми дѣятелями. „Пора, государыня, давно вамъ въ монастырь, полно вамъ царствомъ то мутить“—отвѣчали стрѣльцы на угрозу Софьи уѣхать изъ Москвы во время преній о вѣрѣ. А самъ Никита, главный руководитель и ораторъ преній, заявилъ, не обинуясь, „что пришли они побить челомъ о старой православной вѣрѣ,

чтобъ велѣно было патріарху и архіереямъ служить по старымъ книгамъ; а если патріархъ не захочетъ служить постарому, пусть дастъ отвѣтъ, чѣмъ старыя книги дурны?“ Связь стрѣльцовъ съ крестьянствомъ установилась прочно еще во время майскихъ событій: тогда они объявили вольными холопей и уничтожили кабалы въ холопскомъ приказѣ; ставъ господами положенія въ Москвѣ, они принимали въ свою среду всѣхъ приходившихъ къ нимъ гулящихъ людей и бѣглыхъ крестьянъ и установили обычай казацкихъ „круговъ“, т.-е. митинговыхъ сходокъ, на которыхъ обсуждалось положеніе дѣлъ и принимались рѣшенія о послѣдующей тактикѣ. Положеніе двора въ Москвѣ было отчаянное, и онъ долженъ былъ выѣхать изъ Москвы. Когда обнаружились истинныя намѣренія Хованскаго, вслѣдствіе доноса одного стрѣльца, Софья рѣшила дѣйствовать: особый отрядъ изъ придворныхъ былъ посланъ взять Хованскаго, а къ Москвѣ было стянуто дворянское ополченіе, которое быстро справилось съ новымъ стрѣлецкимъ бунтомъ послѣ казни Хованскаго. Со стрѣльцовъ взяли присягу, что они больше къ мятежникамъ-раскольникамъ приставать не будутъ и казачьихъ круговъ заводить не будутъ; всѣ крестьяне и гулящіе люди, записанные въ это смутное время въ полки, были отставлены отъ службы и розданы по крѣпостямъ помѣщикамъ; наконецъ, заставили стрѣльцовъ подать челобитную объ уничтоженіи столба на Красной площади. Бо́льшаго униженія нельзя было и придумать; и только послѣ этого Софья и дворъ рѣшились, подъ охраною дворянскаго ополченія, вернуться въ Москву. Теперь правительство озаботилось проведеніемъ новыхъ репрессивныхъ мѣръ противъ раскола. Онѣ суммированы въ знаменитыхъ двѣнадцати статьяхъ указа 1685 года. Указъ предписывалъ жечь въ срубѣ за хулу на церковь, за распространеніе мятежа, за подговоръ къ самосожженію за возвращеніе въ расколъ послѣ покаянія; казнить смертью перекрещивающихъ въ старую вѣру; бить кнутомъ и ссылать тайныхъ раскольниковъ, укрывателей. Имѣнія казненныхъ и ссыльныхъ конфисковались: ибо „сыщикамъ много шло государевой казны“. Только теперь начались настоящія гоненія и облавы, передъ которыми прежнія „мучительства“ были ничто.

Проигравъ хованщину, боярская и посадская фронда должна была или подчиниться, или уйти. Подчиниться она не хотѣла: оставалось уйти. Уходя изъ побѣдившаго ихъ антихристова государства, руководители отщепенцевъ должны были

организовывать жизнь на новыхъ началахъ. Такъ, братья князья Мышецкіе (Андрей и Семенъ Денисовы) организовали Выгорѣцкую обитель; купеческіе эмигранты изъ Москвы, Коломны и другихъ городовъ еще ранѣе 1685 г. образовали цѣлый рядъ слободъ въ Стародубьѣ. Для всѣхъ для нихъ государство, изъ котораго они уходили, было антихристовымъ, но не столько въ эсхатологическомъ, сколько въ боевомъ смыслѣ. Себя эмигранты считали адептами истинной христіанской вѣры; поскольку государство гнало ихъ, постольку оно вооружалось противъ этой истинной вѣры и было антихристовымъ. Поэтому съ самаго начала общины, основанныя боярской и посадской эмиграціей, носили положительный характеръ, разсчитывались не на смерть, а на жизнь. Выгорѣцкая община стала скоро огромнымъ хозяйственнымъ предпріятіемъ; а трудами стародубскихъ раскольниковъ, вынужденныхъ послѣ 1685 года переселиться на пустынный островъ Вѣтку, въ предѣлахъ уже литовско-польскаго государства, „пустая мѣста и звѣропаственная населяхуся, и вмѣсто древесъ людей умноженіе показася, трава и тернія растущая, въ вертограды и садовія обратишася, гради вторіи показашеся“. Купцы продолжали заниматься тамъ торговлей и управлялись выборными людьми: „были по выбору старосты и выборные съ перемѣною ежегодно“. Культъ на Выгѣ и въ Стародубьѣ-Вѣткѣ установился различнымъ образомъ, но исторія его принадлежитъ уже XVIII вѣку. Отмѣтимъ только въ заключеніе, что, какъ только правительство смягчило свое отношеніе къ расколу, посадскіе старообрядцы сейчасъ же признали его. На Выгѣ еще при Денисовыхъ ввели молитву за царя послѣ разрѣшенія свободы богослуженія цѣною двойного оклада; стародубцы и вѣтковцы вели партизанскую войну противъ шведовъ и временно были оставлены за это въ полномъ покоѣ.

Посадская и боярская фронды были, однако, далеко не такъ опасны для дворянскаго государства, какъ крестьянская революція. Недаромъ въ условіяхъ, поставленныхъ стрѣльцамъ, дѣло Хованскихъ поставлено на послѣднемъ мѣстѣ въ самой краткой и общей формѣ („въ дѣло Хованскихъ не вступаться“), о посадскихъ людяхъ совсѣмъ не говорится, а всѣ прочія условія направлены противъ союза стрѣльцовъ съ крестьянствомъ и противъ проникновенія казацкихъ обычаевъ въ стрѣлецкую среду. Только что передъ этимъ московское государство пережило одно изъ наиболѣе страшныхъ проявленій крестьянскаго протеста—бунтъ Разина, стихійный и безпорядочный по своей формѣ, но чрезвычайно опасный по существу.

Этотъ бунтъ былъ только однимъ изъ проявленій крестьянской революціи второй половины XVII вѣка; другое, не менѣе стихійное и не менѣе ужасное, была крестьянская эсхатологическая реформація, въ форму которой вылился крестьянскій расколъ, съ ея кошмарами самосожженій, карательныхъ экспедицій и массовыхъ казней. Ближайшимъ образомъ эта-то реформація насъ въ настоящій моментъ и интересуетъ.

Если для посадскихъ людей XVII вѣкъ былъ вѣкомъ постепеннаго превращенія въ тяглое сословіе, наполняющее казну Московскаго государства, то для крестьянства XVII вѣкъ былъ вѣкомъ окончательной ликвидаціи договорныхъ отношеній и превращенія крестьянъ въ быдло, въ рабочій инвентарь помѣщика. Намъ нѣтъ надобности здѣсь перечислять всѣ тяжкіе для крестьянъ правительственные акты, которые безостановочно издавались послѣ окончанія Смуты и завершились Соборнымъ Уложеніемъ 1649 года; о нихъ подробно сказано въ другомъ мѣстѣ. Закрѣпощенное этими актами крестьянство стало готовой и плодородной почвой для раскола, давшаго на ней обильные и совершенно своеобразные всходы.

Основная идея русской крестьянской реформаціи XVII вѣка, какъ и всякой другой аналогичной реформаціи, напр., нѣмецкой крестьянской реформаціи XV вѣка или іудейской арисовской реформаціи I вѣка, заключается въ признаніи торжества зла въ мірѣ. Зло это персонифицируется или идеализируется различно, въ зависимости отъ условій момента; но описывается оно и его торжество вездѣ болѣе или менѣе одинаково. Раскольничья пѣсня говоритъ, что „градскіе законы" всѣ истреблены, такъ же, какъ и соборы вѣрныхъ, а сонмы мерзостей умножены, и зло торжествуетъ въ мірѣ:

„Въ сластолюбіи которые—тѣхъ почтили всѣ,
На сѣдалищахъ первыми учинили,
А соборъ нищихъ возненавидѣли.
Лихоимцы всѣ грады содержатъ,
Немилосердые—въ городахъ первые,
На мѣстахъ злые приставники.

Весь прежній жизненный обиходъ, „градской законъ", нарушенъ, и на сѣдалищѣ власти возсѣли сластолюбцы и лихоимцы. Міръ оказался во власти темныхъ силъ; оставалось найти эту темную силу, опредѣлить ея сущность и установить свое отношеніе къ ней. Цитированная нами пѣсня находитъ причину торжества злого начала въ дѣйствіи антихриста: „страхъ антихристовъ міръ устрашилъ".

Прі́ѣздъ иностранцевъ въ Москву XVII столѣтія.

Оригиналъ картины С. В. Иванова *Пріѣздъ иностранцевъ въ Москву XVII столѣтія* (1891 г.) находится въ Третьяковской галлереѣ (№ 1767). Художникъ пытался захватить тему, характерную для XVII вѣка, когда приливъ иноземцевъ въ московское царство развивался очень значительно и сталъ вліять на бытъ верхнихъ классовъ московскаго общества, когда создавались полки иноземнаго строя, когда широко и шумно зажила Нѣмецкая слобода, сманившая въ компанію своихъ гулякъ и красавицъ Преобразователя. На картинѣ много бѣлизны ослѣпляющаго русскаго снѣга, самый пріѣздъ на заднемъ планѣ, а впереди поражаетъ зрителя православная русская чета, съ испугомъ и любопытствомъ, а также съ доброй связкой бубликовъ, поглядывающая на пріѣхавшаго «нехристя» и спѣшащая уйти подальше, отъ дьявольскаго навожденія. Бытовой интересъ картины на лицо, но на лицо также искуственность построенія. Картина не всегда становится *исторической* оттого, что на ней хотятъ изобразить тотъ или другой фактъ прошлаго; она часто является поистинѣ *исторической,* когда манерой письма и сюжетомъ отражаетъ глубоко сущность современныхъ ей жизненныхъ теченій. Представляя здѣсь копію съ картины С. В. Иванова въ ряду цѣлой группы другихъ, надо думать, что тѣмъ самымъ дается почти исчерпывающее отраженіе разныхъ манеръ такъ называемой исторической живописи въ Россіи.

В. Стор.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ". Изд. Т-ва „МІРЪ".

Антихристова идеологія не сразу явилась во всеоружіи на свѣтъ божій. Первые ея зачатки зародились въ крестьянской средѣ во время народныхъ бѣдствій пятидесятыхъ годовъ. Въ 1654 году прошла страшная моровая язва, истребившая въ нѣкоторыхъ деревняхъ все населеніе поголовно; трупы, хоронить которые было некому, сгнивали въ домахъ, отравляя воздухъ. Вслѣдъ за этимъ несчастнымъ годомъ пошли ужасныя голодовки 1655—56 годовъ. Крестьяне употребляли для борьбы съ этими бѣдствіями обычныя традиціонныя средства: опахивали селенія, старались умилостивить божество построеніемъ ему церквей, искали и находили новыя божества—чудотворныя иконы, которыя, какъ говоритъ лѣтопись, спасали отъ мора цѣлые города. Но средства оказывались мало удовлетворительными, и какъ бы въ отвѣтъ на нихъ разгнѣванное небо показало новое знаменіе: хвостастую звѣзду и кровавые столпы. Какъ разъ въ это же время Никонъ вершилъ свою реформу, и была разослана первая партія новопечатныхъ книгъ. Совпаденіе этой реформы съ небесными и атмосферическими явленіями сразу дало сельскому клиру возможность связать небесныя явленія съ земными. „Зрите, православные, зрите знаменія гнѣва Господня, излія бо вышній фіалъ ярости своея грѣхъ ради нашихъ; и за то всеблагій творецъ родъ христіанскій наказуетъ, что многіе пошли по слѣдамъ врага божія и Пречистыя Богородицы—волка Никона“. Другіе проповѣдники, какъ старецъ кожеезерскій Ефремъ и „подобные ему суемудренники и прелестники“, выступившіе во время голодовки 1655—56 гг., проповѣдывали, что голодъ будетъ семь лѣтъ, и причиною ему уже родившійся антихристъ, а антихристъ этотъ и есть Никонъ.

Эта агитація, которая въ профессіональной сферѣ клира, какъ мы увидимъ, опиралась на нѣкоторыя ученыя изысканія и носила нѣсколько книжническій характеръ, въ народной сферѣ сейчасъ же принесла обильные и своеобразные практическіе результаты. Крестьянскому сознанію были чужды споры о правильности или неправильности старыхъ формулъ, крестьянинъ не понималъ значенія этихъ формулъ и не былъ по отношенію къ нимъ столь же консервативенъ, какъ профессіональный клиръ или болѣе или менѣе начитанное посадское населеніе. Въ практической жизни крестьянина большее значеніе имѣли пережитки старинныхъ языческихъ манипуляцій, чѣмъ новаго христіанскаго культа; поэтому во всякое другое время крестьянинъ остался бы равнодушенъ къ ссорѣ высшаго клира съ низшимъ и даже не замѣтилъ

бы перемѣны въ церковномъ чинѣ, какъ не сопротивлялся реформѣ князя Владиміра. Но уничтоженіе старой вѣры явилось завершеніемъ уничтоженія всѣхъ старыхъ градскихъ законовъ; оно шло изъ той же Москвы, отъ патріарха и того же царя, отъ котораго вышли и всѣ прочія „кабалы“ и „мучительства“. Поэтому крестьянство сейчасъ же согласилось со своими попами въ оцѣнкѣ Никона и его дѣла, и тѣмъ болѣе, что жить становилось рѣшительно не въ моготу. Эта оцѣнка давала и надежду на близкое избавленіе. Пришелъ антихристъ, говорили попы, значитъ, близко и второе пришествіе. По готовому вычисленію „Книги о вѣрѣ“ антихристъ долженъ былъ объявиться въ 1666 году, а черезъ три года, въ 1669 году, должна была быть и кончина міра. Бѣдствія 1654—1656 годовъ—это знаменія антихристова пришествія. Крестьяне стали готовиться къ концу свѣта, такъ же какъ ихъ нѣмецкіе или французскіе, или іудейскіе собратья соотвѣтствующихъ эпохъ.

Къ началу шестидесятыхъ годовъ появился и пророкъ-обличитель, безъ котораго не можетъ обойтись ни одна народная реформація. Въ роли такого пророка, „раба и посланника Іисуса Христа“, явился Аввакумъ, который самъ сознавалъ и считалъ себя пророкомъ. Аввакумъ былъ по рожденію и по міросозерцанію истиннымъ сыномъ крестьянской среды; книжное просвѣщеніе дало ему извѣстное лишнее орудіе въ борьбѣ за старую вѣру, но не передѣлало по существу его натуры. Онъ былъ сыномъ сельскаго священника села Григорова, въ Княгининскомъ уѣздѣ теперешней Нижегородской губерніи; отецъ его былъ горькій пьяница, еле перебивавшійся со дня на день въ тяжкомъ ярмѣ сельскаго попа. Какими судьбами успѣлъ Аввакумъ познакомиться со всей почти церковной литературой, существовавшей тогда на русскомъ языкѣ, мы не знаемъ; но эта литература уже не въ силахъ была передѣлать его міросозерцанія. Онъ никогда не могъ стать и не былъ такимъ схоластикомъ-начетчикомъ, какими были большинство его коллегъ по кружку ревнителей; религія была для него не ремесломъ, не профессіей, а живымъ дѣломъ. Онъ не считалъ свою обязанность исполненной, если отпѣлъ и прочелъ положенныя по чину молитвы и пѣснопѣнія и продѣлалъ всѣ обряды; онъ полагалъ, что пастырь долженъ вмѣшиваться въ жизнь практически, и прежде всего обратить свою силу на борьбу съ бѣсами. Бѣсы—это прежнія анимистическія олицетворенія всевозможныхъ недуговъ и бѣдствій, и въ согласіи съ крестьянствомъ, Аввакумъ представлялъ себѣ бѣса не въ

видѣ злого духа христіанской ангелологіи, а въ томъ же матеріалистическомъ видѣ, въ какомъ онъ мыслится самымъ первобытнымъ анимизмомъ. Только бѣса не проймешь батогомъ, какъ мужика; боится онъ святой воды, да священнаго масла, а совершенно бѣжитъ отъ креста Господня. При помощи этихъ средствъ, всегда бывшихъ подъ рукою, Аввакумъ непрестанно боролся съ бѣсами: изгоняя ихъ изъ бѣсноватыхъ, отгонялъ ихъ отъ куръ, которыхъ бѣсы ослѣпили. Что куры, что люди— Аввакуму все равно: „молебенъ пѣлъ, воду святилъ, куровъ кропилъ и кадилъ: потомъ въ лѣсъ сбродилъ—корыто имъ сдѣлалъ, изъ чего ѣсть, и водою покропилъ... Куры божіимъ мановеніемъ исцѣлѣли и исправилися“... Конкурируя, такимъ образомъ, съ колдунами, Аввакумъ терпѣлъ больше всего не отъ нихъ, а отъ бѣсовъ, которымъ отъ него житья не стало. Мучили они своего гонителя больше всего по ночамъ, мѣшали ему спать игрою на домрахъ и гудкахъ, нападали и били его, мѣшали молиться, вышибая четки изъ рукъ; даже и въ церкви не давали покою: двигали столомъ, пускали по воздуху стихари летать, пугали его мертвецомъ, поднимая доску у гроба и шевеля саваномъ. Конечно, Аввакумъ посрамилъ ихъ; зато у никоніанъ въ церкви имъ раздолье: даже съ агнцемъ и дискосомъ во время великаго входа шутятъ. Аввакумъ вполнѣ и искренно вѣрилъ въ то, что во время сна душа его можетъ отдѣляться отъ тѣла, являться людямъ, находящимся въ бѣдѣ, и спасать ихъ: такъ, его душа исцѣлила келаря Никодима въ Пафнутьевомъ монастырѣ, а отъ одного исцѣленнаго бѣсноватаго отогнала бѣсовъ, хотѣвшихъ опять вселиться въ него. Богъ для Аввакума дѣлаетъ чудеса не ради того, чтобы проявить свою всемогущую силу, какъ абсолютное существо, а для того, чтобы посрамить насмѣхающихся надъ Аввакумомъ, какъ его добрый другъ и пріятель. Въ Сибири воевода Пашковъ, для смѣху, отвелъ Аввакуму для рыбной ловли мѣсто на броду— „какая рыба — и лягушекъ нѣтъ“. Аввакумъ и обратился съ молитвой къ Богу: „не вода даетъ рыбу... дай мнѣ рыбки на безводномъ томъ мѣстѣ, посрами дурака того, прослави имя твое святое, да не рекутъ невѣрніи, гдѣ есть Богъ ихъ“. И по молитвѣ Аввакума „полны сѣти напехалъ Богъ рыбы“. Такой человѣкъ, съ огненной рѣчью, проникнутой притомъ сознаніемъ, что чрезъ него говоритъ самъ духъ божій, быстро пріобрѣлъ извѣстность и сталъ первымъ народнымъ реформаторомъ, обративъ всю силу своей агитаціи противъ царя, патріарха и властей и сосредоточивъ центръ тяжести своей проповѣди вокругъ вопроса объ антихристѣ и кончинѣ міра. Вся

проповѣдь Аввакума обращена не назадъ, не на безнадежную, съ его точки зрѣнія, защиту старой вѣры, а впередъ, на близкій судъ божій надъ антихристовымъ царствомъ. Популярность Аввакума далеко оставляла за собою популярность другого ревнителя, Іоанна Неронова. Нероновъ также происходилъ изъ крестьянской семьи, также прославился чудесами и знаменіями и никогда не отказывалъ въ помощи угнетеннымъ: „врата его" въ Москвѣ никогда не были закрыты, онъ принималъ и кормилъ странниковъ и ходатайствовалъ за „нищихъ" у властей; въ монашествѣ онъ продолжалъ свое страннопріимство и ходатайство, и во время голода организовалъ въ Вологдѣ продовольственную и сѣменную помощь населенію. За свое страннопріимство и „хулу на царя и бояръ, и церковь" онъ былъ осужденъ и сосланъ; но впослѣдствіи онъ покаялся и отошелъ отъ раскола; Аввакумъ же „претерпѣлъ до конца" и остался единственнымъ и истиннымъ героемъ народной реформаціи.

Народная проповѣдь Аввакума началась на пути изъ Сибири въ Москву въ 1663 году, когда эсхатологическая идеологія уже пустила корни въ народѣ. Тогда Аввакумъ „по весямъ и селамъ, въ церквахъ и торгахъ, кричалъ, проповѣдуя слово божіе и уча и обличая безбожную лесть". Пребываніе Аввакума въ Москвѣ оказалось недолговременнымъ: онъ оказался неподатливымъ, не въ примѣръ Неронову, примирившемуся въ это время съ церковью, и былъ сосланъ сначала въ Мезень, а послѣ 1667 г. въ Пустозерскъ. Оттуда-то, изъ „земляной тюрьмы" и началъ Аввакумъ систематическую проповѣдь конца міра, нашедшую живой и практическій откликъ въ народѣ. Его грамотки изъ тюрьмы переписывались въ сотняхъ и тысячахъ экземпляровъ и расходились по всей Россіи. Грамотокъ теперь этихъ нѣтъ, но сохранились его болѣе пространныя письма, гдѣ вся эсхатологическая идеологія изображена картинно и систематически, безъ недомолвокъ и обиняковъ.

Противъ народа стояло государство въ союзѣ съ церковью. Антихристъ—не одинъ Никонъ, а и царь: царь только сначала притворялся, что церковная реформа „не ево дѣло", а въ дѣйствительности далъ полную волю вору Никону и дѣйствовалъ съ нимъ заодно. Никонъ и царь—два рога апокалипсическаго звѣря; царь и патріархъ пьютъ кровь святыхъ свидѣтелей Ісусовыхъ и пьяны отъ нея. Онъ и Никонъ и всѣ власти поклонились антихристу и слѣдуютъ за нимъ: антихристъ нагой, „плоть-та у него зѣло смрадна, зѣло дурна, огнемъ дышитъ изо рта и изъ ноздрей, изъ ушей пламя смрадное выходитъ, за нимъ царь нашъ и власти со множе-

ствомъ народа“. Ученикъ Аввакума, діаконъ Ѳедоръ, договорилъ то, чего не договаривалъ Аввакумъ: отождествилъ царя и патріарха съ антихристомъ: антихристъ — это нечистая троица, состоящая изъ змія, звѣря и лживаго пророка; змій— діаволъ, звѣрь—антихристъ, сирѣчь царь лукавый, лживый пророкъ—патріархъ. Разногласіе тутъ, какъ видно, только въ подробностяхъ, суть дѣла одинакова: антихристъ пришелъ въ міръ и воцарился въ Москвѣ. Остается только немного еще потерпѣть, и придетъ спасеніе. „Въ огнѣ здѣсь небольшое время потерпѣть—аки окомъ мгнуть, тако душа и выступитъ“. Душа выступитъ, и кончатся для нея всѣ страданія; всѣ, кто будетъ слушать Аввакума, попадутъ послѣ второго пришествія въ райскія селенія, приготовленныя для него. Въ раю „жилища и палаты стоятъ“; для Аввакума и его послѣдователей „едина палата всѣхъ больши и паче всѣхъ сіяетъ красно. Ввели меня въ нее—а въ ней де стоятъ столы, а на нихъ постлано бѣло. И блюда съ брашнами стоятъ; на конецъ де стола древо многовѣтвенно повѣваетъ и гораздо красно, а въ немъ гласы птичьи и умильны зѣло — не могу нынѣ про нихъ сказать“. Таковъ рай Аввакума; онъ мало чѣмъ отличается отъ того сказочнаго рая, гдѣ жернова чудесные стоятъ— повернутся, тутъ тебѣ каша да пироги*). Рай этотъ только для тѣхъ, кто трудился и скорбѣлъ на землѣ, никоніане въ него не пролѣзутъ. Царство небесное „нуждно“ и „нуждницы восхищаютъ его, а не толстобрюхіе“. „Посмотритко на рожу-то и на брюхо-то, никоніанинъ окаянный — толстъ вѣдь ты! Какъ въ дверь небесную вмѣститься хощешь? Узка бо есть, и тѣсенъ и прискорбенъ путь, вводяй въ животъ“. Царство небесное не для сытыхъ и бѣлыхъ, а для изможденныхъ жизнью. Только тотъ пройдетъ въ дверь небесную, кто подобенъ угодившимъ Богу, у которыхъ „лице и руцѣ и нозѣ и вся чувства тончава и измождала отъ поста, и труда и всякія находящія имъ скорби“, какъ рисовали угодниковъ на старыхъ иконахъ. Какая участь ожидаетъ никоніанъ, Аввакумъ также зналъ прекрасно. Въ красочныхъ и мѣстами циничныхъ выраженіяхъ живописуетъ онъ мученія царя въ аду „А мучитель реветъ (sic!) въ жупелѣ огня! На вотъ тебѣ столовые долгіе и безконечные пироги, и меды сладкіе, и водка процѣженная съ зеленымъ виномъ! А есть ли подъ тобою, Максиміанъ, перина пуховая и возглавіе? И евнухи опахиваютъ твое здоровье, чтобы мухи не кусали великаго государя?... Бѣдной, бѣдной безумной царишко! Что ты надъ

*) См. т. I, гл. V.

собою сдѣлалъ? Ну гдѣ нынѣ свѣтлоблещущія ризы и уряженіе коней? Гдѣ златоверхія палаты? Гдѣ строеніе селъ любимыхъ? Гдѣ сады и преграды? Гдѣ багряноносная порфира и вѣнецъ царской, бисеромъ и каменіемъ драгимъ устроены? Гдѣ жезлъ и мечъ, имже содержалъ царствія державу? Гдѣ свѣтлообразныя рынды, яко ангелы предъ тобою оруженосцы попархивали въ блещающихся ризахъ?... Любилъ вино и медъ пить, и жареные лебеди и гуси и рафленыя куры—вотъ тебѣ въ то мѣсто жару въ горло"... Но раньше этого воздаянія въ аду придетъ воздаяніе на землѣ, отъ татаръ и турокъ: „надѣюся Тита второго Іуспасіяновича на весь Новый Іерусалимъ, идѣже течетъ Истра рѣка, и съ пригородкомъ, въ немже Неглинна течетъ (т.-е. московскій кремль)—чаю, подвигнетъ Богъ того же турка на отмщеніе кровей мученическихъ". Сверженіе во адъ никоніанъ послѣ второго пришествія произойдетъ не безъ содѣйствія гонимыхъ. Когда придетъ Христосъ, онъ отдастъ имъ „всѣхъ васъ, собакъ, подъ началъ"; и Аввакумъ заранѣе предвкушаетъ удовольствіе: „дайте только срокъ, собаки, не уйдете отъ меня: надѣюся на Христа, яко будете у меня въ рукахъ! выдавлю я изъ васъ сокъ-отъ!",

Эта чисто матеріалистическая, проникнутая ненавистью проповѣдь какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала чувствамъ и настроеніямъ крестьянства. Не было недостатка въ мѣстныхъ „еретикахъ", смущавшихъ народъ, и крестьянство дѣятельно стало готовиться къ кончинѣ міра. Врядъ ли что подобное происходило когда-либо въ другомъ мѣстѣ, развѣ только въ 1000 году въ западной Европѣ. Съ 1668 года забросили поля и всѣ полевыя работы; а когда наступилъ роковой 1669 годъ, въ пасхальную ночь котораго (или въ ночь подъ Троицынъ день) должна была произойти кончина міра, когда земля должна была потрястись, солнце и луна—померкнуть, звѣзды—пасть на землю, а огненныя рѣки—пожрать всю тварь земную,—крестьянство было охвачено всеобщей паникой, и въ Поволжьѣ, напримѣръ, забросило дома и ушло въ лѣса и пустыни. Одни „запощевались", т.-е. умирали голодною смертью, другіе дѣлали себѣ гробы, чтобы лечь въ нихъ передъ вторымъ пришествіемъ; исповѣдывались другъ у друга, какъ въ Соловкахъ во время осады, и пѣли другъ надъ другомъ заупокойныя службы. Тогда-то и сложилась знаменитая пѣсня:

Древянъ гробъ сосновенъ,
Ради мене строенъ,
Въ немъ буду лежати,
Трубна гласа ждати.

Ангели вострубятъ,
Изъ гробовъ возбудятъ.
Я хотя и грѣшенъ,
Пойду къ богу на судъ.
Къ судьѣ двѣ дороги;
Широкія, долги;
Одна то дорога
Во царство небесное,
Другая дорога
Во тьму кромѣшну.

Ожиданія конца свѣта принесли крестьянамъ и ихъ господамъ полное разореніе, какъ горько жалуются акты Печерскаго монастыря, но не принесли ожидаемаго спасенія. Всѣ сроки прошли, конца не было. Но обманутыя ожиданія не могли поколебать эсхатологической идеологіи. Всѣ условія, создавшія ее, остались налицо и даже обострились. Аввакумъ прямо заявилъ, что „послѣдній чортъ еще не бывалъ", еще комнатные бояре „путь ему подстилаютъ", еще „Илья и Енохъ прежде придутъ". Произошла простая ошибка въ расчетѣ: считали со дня рожденія Іисуса, а надо было считать со дня воскресенія: къ 1666 году надо прибавить еще 33 года земной жизни Іисуса Христа, и получится 1699 годъ. Въ этотъ годъ придетъ антихристъ, а конецъ міра будетъ въ 1702 году. Поведеніе Петра, какъ разъ вернувшагося въ 1698 году изъ-за границы, вмѣсто поклоненія святынямъ поѣхавшаго прямо къ Аннѣ Монсъ и бражничавшаго съ нею всю ночь, а затѣмъ собственноручно рѣзавшаго бороды и рубившаго головы стрѣльцамъ, сначала подало мысль, что подлинный царь пропалъ безъ вѣсти въ Стеклянномъ государствѣ, а на его мѣстѣ въ Москвѣ воцарился жидовинъ изъ колѣна Данова, т.-е. антихристъ. Но послѣдующія дѣйствія и реформы Петра перенесли представленія объ антихристѣ на самого царя. До насъ дошелъ любопытный документъ: „Выписана исторія печатна о Петрѣ Великомъ", систематически доказывающая, что антихристъ—это Петръ, и обосновывающая книжнымъ аппаратомъ новую тактику, усвоенную къ этому времени крестьянствомъ.

Книжныя доказательства, взятыя отовсюду, даже отъ Сивиллы (!), для насъ неинтересны; замѣтимъ только характеристическія изобличенія Петра въ томъ, что онъ измѣнилъ лѣтосчисленіе и назвался императоромъ, чтобы обмануть народъ и скрыть, что онъ антихристъ. Онъ укралъ 8 лѣтъ у Бога, да еще перенесъ начало года на январь (никогда со-

творенiе мiра не могло быть въ январѣ—вѣдь яблоковъ тогда не бываетъ), чтобы спутать расчеты о времени пришествiя антихриста, а назвавшись императоромъ, онъ скрылъ себя подъ буквой „м“, ибо число этого имени даетъ 666 какъ разъ безъ буквы „м“. Онъ провозгласилъ себя богомъ Россiи, ставъ надъ Сенатомъ и Синодомъ и требуетъ поклоненiя себѣ. Но главное доказательство антихристовой природы Петра не въ этихъ книжныхъ мудрованiяхъ, а въ фактахъ его политики. „Той же лжехристосъ учини описанiе народное, изчисляя вся мужеска пола и женска, старыхъ и младенцевъ, живыхъ и мертвыхъ, возвышаяся надъ ними и изыскуя всѣхъ, дабы ни единъ не могъ скрытися отъ рукъ его, и облагая ихъ даньми велiими не точiю на живыхъ, но и на мертвыхъ“. Это отвѣтъ на ревизiю и подушную подать, окончательно уничтожившую послѣднiе свободные элементы деревни; въ другомъ документѣ, челобитной противъ реформы Петра, разъяснено, что именно ревизiя тутъ и имѣется въ виду. Она и была причиной войны: ибо послѣ длиннаго ряда скучныхъ разсужденiй, и „исторiя“ и челобитная согласно заявляютъ: „творите съ нами все, что хощете, а мы преданiя св. отецъ держимся, и настоящаго града, ни села не имѣемъ, но грядущаго взыскуемъ, вѣчнаго, и гордому, властiю обогащенному, князю вашему властодержавцу въ подданство не отдаемся, и въ книги беззаконныя не пишемся“. Далѣе и челобитная и „Исторiя“ оправдываютъ книжными аргументами тактику нежелающихъ подчиниться антихристу, уже практиковавшуюся издавна, со времени Софьи. Челобитная, ссылаясь на пророка Iеремiю, говоритъ: „подобаетъ намъ жизнь препровождать въ безмолвiи и въ пустынѣ“, т.-е. бѣжать отъ мiра, а „Исторiя“, дѣлая ту же ссылку, оправдываетъ еще цитатой изъ Меѳодiя Патарскаго самосожженiе: „не хотящiи отрещися отъ святыя истинныя православныя вѣры и овы въ домахъ своихъ сожигающеся, а иные въ рѣкахъ и въ езерахъ утопающеся“... Но челобитная и „Исторiя“ въ данномъ случаѣ лишь оправдываютъ уже существующiй фактъ книжнымъ образомъ, а не объясняютъ его; чтобы понять его, намъ надо обратиться къ изслѣдованiю народной религiозной идеологiи, которая послѣ 1666 года сдѣлала значительные шаги впередъ.

Можно сказать, что въ 1666 году, собственно, положительной крестьянской религiозной идеологiи еще не было. Крестьянство такъ было убѣждено въ близости конца мiра, что не задумывалось долго, не заботилось о культѣ и довольствова-

лось элементарными изображеніями суда надъ никоніанами, ихъ мученій и своего блаженства, какія давались въ грамоткахъ Аввакума. Но отсрочка конца свѣта заставила крестьянство задуматься и произвела въ его средѣ характерныя явленія. Отрекшись отъ солидарности съ дворянскою церковью, въ которой теперь безраздѣльно царилъ никоніанскій культъ, крестьянство должно было найти себѣ откровеніе и выработать формы культа самостоятельнымъ путемъ. Къ сожалѣнію, офиціальныя данныя того времени мало интересовались этой стороной дѣла, обобщая всю крестьянскую раскольничью идеологію подъ терминомъ старой вѣры. Но собирая и сопоставляя ихъ отрывочныя свѣдѣнія и обмолвки, мы приходимъ къ заключенію, что крестьянская „старая вѣра“ имѣла мало общаго со старой вѣрой профессіоналовъ или посадскихъ людей, и если напоминала старую вѣру, то старую языческую вѣру. Откровеніе въ крестьянской средѣ стало духовнымъ, получалось посредствомъ „бѣснованія“, „хожденія по кругу“— т.-е. возродилось старинное шаманское камланье, никогда не умиравшее, но теперь пріобрѣвшее новую силу. Въ Сибири „бѣснуются двѣ черницы, да двѣ дѣвки“, на Дону въ кругу появляется самъ спаситель; появляются постоянно все новые и новые пророки, ссылающіеся на личное откровеніе, полученное либо отъ самого Бога, либо отъ Богородицы, либо отъ святыхъ. При такихъ условіяхъ, въ особенности при отсутствіи матеріальной обстановки культа, сохраненіе старой вѣры, какъ ее понимали профессіоналы, должно было стать пустымъ звукомъ, простой фикціей. И культъ въ крестьянской средѣ получилъ, даже съ точки зрѣнія старой вѣры, совершенно еретическій характеръ. Еще тамъ, гдѣ были бѣглые попы, устраивали часовни и служили „молебенъ, часы и ѳечерню“, но отнюдь не поминая царя; тамъ же, гдѣ поповъ не было, обходились безъ нихъ; сами крестили дѣтей, другъ друга исповѣдывали и причащали изюмомъ. Въ 80-хъ годахъ появился даже въ Воронежскомъ уѣздѣ пророкъ Василій Желтовскій, который вообще отрицалъ всякую молитву въ храмѣ, ибо Богъ не въ храмѣ, а на небеси, и отрицалъ таинства („тѣло и кровь Христову ни во что вмѣнялъ“). Крещеніе, произведенное въ никоніанской церкви, считалось наложеніемъ печати антихристовой: ее нужно было смыть (буквально) вторымъ крещеніемъ въ „Ерданѣ“, т.-е. въ какой-либо чистой рѣкѣ, при чемъ крестителями были также мѣстные пророки, въ родѣ Василія Емельянова и Василія Зайцева въ Вологодскомъ краѣ. Таинство брака также было отвергнуто:

вмѣсто церковнаго обряда вѣнчанія стали ограничиваться простымъ благословеніемъ, а иногда проповѣдывали полную свободу половыхъ отношеній („нѣсть грѣхъ плотское совокупленіе по согласію“). Бо́льшая часть этихъ характеристическихъ чертъ крестьянскаго раскола объясняется отрицаніемъ антихристова „міра“, разрывомъ съ нимъ, утратой регулярнаго культа и особымъ настроеніемъ передъ концомъ міра. Но, разрывая съ христіанскимъ регулярнымъ культомъ, крестьянство невольно возвращалось къ традиціоннымъ формамъ религіи: „старая“ вѣра, дѣйствительно, во многомъ напоминала старинную до-христіанскую религію: и камланьемъ, и омовеніями, и гражданской формой брака.

Культъ распылился, какъ оно и должно было быть въ изгнаніи. А въ изгнаніе нельзя было не идти. Была дилемма: или подчиниться антихристу, или уйти. Выбирали послѣднее, отрицались отъ „здѣшняго граду“ и уходили въ „прекрасную мати пустыню“; этотъ исходъ диктовался территоріальными условіями Московскаго государства съ его массами незаселенныхъ земель, куда постоянно могла направляться казацкая и раскольничья колонизація. Но и тамъ антихристъ могъ настигнуть вѣрныхъ, и пустыня могла измѣнить: „понеже антихристовы дѣти всюду простираютъ на насъ сѣти“. Что тогда останется дѣлать?

Исходъ изъ такого крайняго положенія крестьяне находили въ крайнемъ средствѣ—самосожженіи. Многіе историки раскола останавливались въ недоумѣніи передъ этимъ явленіемъ и не знали, чѣмъ его объяснить; одни готовы были всецѣло взвалить вину за самосожженіе на дикія преслѣдованія со стороны правительства, другіе видѣли въ самосожженіяхъ не что иное, какъ манію самоубійствъ подъ вліяніемъ ожиданія свѣтопреставленія, или оригинальную форму религіознаго умопомѣшательства. Но объяснить самосожженіе возможно не на основаніи такихъ апріорныхъ соображеній, а лишь на основаніи хотя и скудныхъ, но все-таки имѣющихся у насъ замѣчаній самихъ самосожигателей о томъ, какъ они понимали самосожженіе. Прежде всего обнаруживается, что самосожженіе было орудіемъ борьбы съ антихристомъ. Раскольники по большей части сожигаются тогда, когда антихристъ настигаетъ ихъ, и когда имъ остается либо принять на себя его печать, либо умереть. Если сдаться и не покаяться, все равно придется горѣть въ срубѣ, и лучше этой мучительной и позорной смерти предпочесть быструю и добровольную смерть. Большая часть самосожженій конца XVII и начала XVIII вѣка

происходила именно такимъ образомъ; раскольники жгутся, когда стрѣльцы или солдаты находятъ ихъ пристанища въ лѣсу, или когда имъ нѣтъ спасенія въ осадѣ, какъ было при осадѣ Палеостровскаго монастыря, захваченнаго раскольниками, или когда въ извѣстную мѣстность впервые пріѣзжаютъ правительственные чиновники для сбора петровской подушной подати, какъ было въ 1722 году на Тоболѣ. Самосожженіе было въ такихъ случаяхъ ultimum refugium: когда выдавала „прекрасная мати пустыня“, искали спасенія у самого раскольничьяго бога Іисуса, предвосхищая добровольно то спасеніе чрезъ всеобщую смерть, какое должно было принести пламенно ожидаемое второе пришествіе. Но, прибѣгая къ самосожженію, крестьянскіе ревнители старой вѣры конца XVII и начала XVIII вѣка опирались уже на традицію. Первое самосожженіе, извѣстное намъ, было еще въ 1675 году, еще при жизни Аввакума, когда правительство и помѣщикъ не хватились убѣгавшаго тяглеца и не снаряжали еще такихъ грандіозныхъ сысковъ въ лѣсахъ и „пустыняхъ“, какъ это было при Петрѣ. Очевидно, что мотивъ борьбы съ антихристомъ привзошелъ позднѣе; когда съ 80-хъ годовъ XVII вѣка антихристъ сталъ настигать бѣглецовъ и въ пустынѣ, они имѣли подъ руками уже готовое и испытанное средство къ спасенію. Другія данныя также убѣждаютъ насъ въ томъ, что самосожженіе оправдывалось болѣе сложной идеологіей, чѣмъ идеологія смерти, но не сдачи на милость побѣдителя. Были ревностные пропагандисты самосожженія, пророки этого религіознаго акта: на Тоболѣ такимъ былъ попъ Дометіанъ и уже упомянутые „крестители“, въ Тюмени—чернецъ Иванище, въ Пошехоньѣ (70-ые годы) — крестьянинъ Иванъ Десятинъ, въ Новоторжскомъ уѣздѣ — попъ Петръ, въ Новгородской области—какой-то Тимошка, чернецъ Емельянъ Ивановъ и др. Каждое самосожженіе происходило подъ руководствомъ такого пророка и было не просто актомъ добровольной смерти, но религіознымъ священнодѣйствіемъ. Каковъ же смыслъ этого дикаго священнодѣйствія?

Мы поймемъ его вполнѣ только тогда, когда вернемся къ основной идеѣ крестьянской реформаціи, идеѣ, что міръ во злѣ лежитъ, сталъ царствомъ торжествующаго зла и мерзости. Вселенная раздвоилась: съ одной стороны, антихристъ, съ другой стороны—вѣрные, которыхъ онъ гонитъ и которые бѣгутъ отъ него. Спасеніе для вѣрныхъ будетъ достигнуто только тогда, когда они окончательно о ч и с т я т с я отъ всѣхъ слѣдовъ злого царства, которое, какъ-никакъ, соприкасается съ

ними на каждомъ шагу. Если весь міръ зараженъ злою порчей, то часть порчи есть и на вѣрномъ; сколько бы онъ ни удалялся отъ міра, въ себѣ, въ своей природѣ онъ все-таки несетъ частицу зла, которую надо очистить, грѣхъ, который надо искупить. Этотъ основной мотивъ, хотя и въ различныхъ варіаціяхъ, мы встрѣчаемъ въ самыхъ разнообразныхъ религіяхъ искупленія, порожденныхъ соціальными кризисами; замѣчательно, что почти всегда такія религіи проникнуты и эсхатологическими мотивами. Эсхатологическіе и искупительные мотивы мы находимъ въ религіи пророковъ, въ сектахъ назиреевъ, первоначальныхъ христіанъ, въ анабаптистскихъ и нѣкоторыхъ индепендентскихъ толкахъ, въ дуалистическихъ персидскихъ и болгарскихъ сектахъ; искупительные мотивы, безъ примѣси эсхатологіи, мы встрѣчаемъ у французскихъ катаровъ, гдѣ форма очищенія и искупленія ближе всего подходитъ къ той, какую избрали наши раскольники. Въ большинствѣ случаевъ очищеніе происходитъ посредствомъ мистическаго акта омовенія или крещенія, а искупленіе получается чрезъ соединеніе съ частицей искупляющаго божества, т.-е. происходитъ по формамъ, унаслѣдованнымъ отъ примитивныхъ формъ культа. Французскій катаръ становился чистымъ тогда, когда онъ побѣждалъ въ себѣ основныя жизненныя потребности; когда въ такое состояніе онъ впадалъ, напр., во время болѣзни, онъ просилъ, чтобы его убивали, дабы въ такомъ чистомъ видѣ переселиться на небо. Эта дикая просьба всегда исполнялась; отреченіе отъ злого міра, царства діавола, вело къ отреченію отъ земной жизни.

Такой же характеръ искупительно-очистительнаго религіознаго акта носило у нашихъ крестьянскихъ раскольниковъ самосожженіе. Бѣгство изъ міра въ пустыню—это только первая ступень къ разрыву съ антихристомъ. Проповѣдники самосожженія, какъ попъ Дометіанъ, начинали свою проповѣдь именно съ этой первой ступени: какъ только явился Дометіанъ на Тоболѣ, такъ, услыша его проповѣдь, стали стекаться къ нему со всѣхъ сторонъ „ямщики, пашенные и оброчны крестьяне съ женами и дѣтьми, покидая дворы свои и животы". Но этого было мало для разрыва съ „лестью отступленія". Мало было уйти отъ антихриста; спасеніе было обезпечено только тѣмъ, кто очистится отъ его скверны и искупитъ свое временное общеніе съ нимъ. Первый актъ очищенія—это „крещеніе въ Ерданѣ", которое производили тѣ же проповѣдники самосожженія; такъ поступаютъ пророки и на Тоболѣ, и въ Новгородскомъ краѣ и въ Олонецкой области. Второй и по-

слѣдній актъ—это „второе неоскверняемое крещеніе огнемъ“. Послѣ этого автентичнаго свидѣтельства, исходящаго изъ устъ чернеца Данилы, съ которымъ въ 1677 году сожглось 1.700 (300?) человѣкъ, безъ всякаго нападенія или наѣзда со стороны антихриста, совершенно въ иномъ свѣтѣ передъ нами является и проповѣдь самосожженія въ устахъ Аввакума. Самосожженіе нужно для того, чтобы „не погибнуть злѣ духомъ своимъ“, т.-е. чтобы спасти отъ зла, искупить и очистить свою душу; оно имѣетъ силу только тогда, когда совершается „своею волею“; въ этомъ отношеніи характеристично то же самосожженіе съ чернецомъ Данилой, у котораго „собравшіеся въ пустынѣ добродѣтельные мужіе, дѣвы и отрочата“ просили второго огненнаго крещенія. Гари семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ всѣ почти происходятъ добровольно, безъ всякаго побужденія со стороны „антихриста“. Таково было самосожженіе въ томъ же 1677 году послѣдователей Дометіана, таковы были гари начала восьмидесятыхъ годовъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ, Новгородской области и Олонецкомъ краѣ. Только послѣ 1685 года правительство обратило вниманіе на бѣгство въ пустыню тяглецовъ и ихъ самосожженія. Оно снарядило тогда сыщиковъ и воинскіе отряды для отысканія раскольничьихъ пристанищъ въ лѣсахъ и въ инструкціяхъ начальникамъ отрядовъ проявило трогательную заботу о сохраненіи жизни своихъ „вѣрныхъ подданныхъ“. Если раскольники засядутъ въ скитѣ, или церкви, или деревнѣ, и запрутся тамъ, то помощь должна стоять около того ихъ пристанища денно и нощно и „смотрѣть и беречь ихъ накрѣпко и жечься имъ отнюдь не давать... а буде они свои воровскія пристанища или церковь зажгутъ, то вамъ бы со стрѣльцами и понятыми людьми тѣ пристанища заливать водою, и вырубя или выломавъ двери и окна, выволачивать ихъ живыми“. Но приходъ воинской команды обыкновенно былъ сигналомъ къ самосожженію, еще лишнимъ побудительнымъ поводомъ, и команда по большей части не успѣвала спасти изъ огненнаго крещенія бѣжавшаго тяглеца. Вмѣстѣ съ тѣмъ добровольныя самосожженія продолжались; регистраціи ихъ мы не имѣемъ, но о нихъ свидѣтельствуетъ такой документъ, какъ постановленіе синода 26 октября 1725 года: въ немъ говорится о „самоохотно сгорѣвшихъ раскольникахъ“ и о наблюденіи за раскольниками, которые „намѣреніе имѣютъ къ сожигательству“; такихъ велѣно было „ловить и держать подъ карауломъ, увѣщевая ихъ при участіи духовныхъ особъ не сожигаться“. Такъ убѣгало и очищало себя отъ скверны

антихристова крѣпостническаго государства крестьянство; это стихійное эсхатологическо-искупительное движеніе грозило государству не менѣе, чѣмъ открытая вооруженная борьба. Тяглецъ уходилъ за предѣлы досягаемости, оставляя помѣщика голоднымъ, а казну пустою. „Безбожные воры и злоучители“ продолжали свою проповѣдь и сожигали „бѣдныхъ людей въ какой-либо храминѣ“ и послѣ смерти Петра; эпидемія самосожигательствъ особенно обострилась во время бироновщины, когда власти были завалены дѣлами о самосожженіяхъ, и всѣ средства борьбы съ ними оказались тщетными. Только со времени царствованія Екатерины II эпидемія самосожженій утихаетъ, и, въ зависимости отъ новыхъ явленій въ жизни крестьянства, крестьянскій расколъ принимаетъ новыя формы.

Самосожженія были, конечно, удѣломъ лишь наиболѣе крайнихъ ревнителей старой вѣры. Самосожигавшіеся были тѣми „совершенными“, которые проходили до конца весь процессъ искупленія и очищенія. Бо́льшая часть приверженцевъ старой вѣры, однако, ограничивалась первой ступенью: бѣгствомъ отъ міра въ лѣсныя пустыни. „Внѣ лѣсовъ нынѣ царство антихристово“, говорили бѣжавшіе. Эти бѣга по своему хозяйственному и соціальному характеру были настоящей колонизаціей дѣвственныхъ лѣсныхъ пустынь нижегородскаго Заволжья (по р. Керженцу), Поморья, Пріуралья и ближайшаго Зауралья; болѣе состоятельные и энергичные двигались за границу, въ Швецію, Польшу, Пруссію, Турцію и Закавказье. „Новый свѣтъ“ русскихъ дисиндентовъ колонизовался систематическимъ образомъ. Сначала полагалась база для колонизаціи, чаще всего въ видѣ скита, снабженнаго тайными пристанищами, съ амбарами, поварнями и всѣмъ прочимъ обзаведеніемъ на случай долгой осады. Такіе скиты становились цитаделями старой вѣры; въ нихъ же въ крайности осажденные принимали огненное крещеніе. Больше всего такихъ скитовъ было на безлюдномъ Керженцѣ; среди непроходимыхъ болотъ находили островокъ твердой земли, проводили къ нему узенькую дорожку чрезъ трясину, только для одного пѣшехода, и тщательно замаскировывали ее. Пока „антихристъ“ не находилъ эти пристанища, собравшіеся туда „бродяги, гулящіе и бездомовые люди“ организовывали хозяйство на примитивныхъ началахъ. Подъ статъ реакціонной религіозной идеологіи формы хозяйства на Керженцѣ, въ Стародубьѣ, въ Пріуральѣ и Зауральѣ, отчасти также на Дону, были возвращеніемъ къ стадіи развитія, давно уже пережитой централь-

ной Русью и напоминающей хозяйство днѣпровскихъ дикарей. Охота („бобровые гоны“ на Керженцѣ, рыбныя ловли на Дону, разнаго рода охотничьи промыслы въ Пріуральѣ и Зауральѣ) и подсѣчное земледѣліе главенствовали въ раскольничьихъ колоніяхъ. Эти промыслы соотвѣтствовали и природѣ, и рѣдкости населенія, и по своей подвижности и экстенсивности давали возможность при появленіи антихристовыхъ слугъ легко сниматься и уходить на новое мѣсто. Керженецъ къ началу XVIII вѣка былъ поголовно заселенъ раскольниками, группировавшимися вокругъ 77 скитовъ. Но Керженецъ, подобно Выгу, не остался чисто крестьянской колоніей; тамъ началась дифференціація, приведшая впослѣдствіи къ образованію на различныхъ соціальныхъ основахъ различныхъ раскольничьихъ толковъ. Уже съ самаго начала тамъ существовала противоположность между „царскими боярами“, пришедшими туда вмѣстѣ съ попомъ Ѳедосіемъ и другими монахами, и родовымъ крестьянствомъ. Съ теченіемъ времени это раздѣленіе пошло вглубь и привело къ раздѣленію, о которомъ рѣчь будетъ впослѣдствіи.

Указанными формами, эсхатологической реформаціей на колонизаціонной основѣ, не ограничилось, однако, раскольничье движеніе среди низшихъ классовъ. Кромѣ рядового крестьянства и другихъ элементовъ деревни въ центрѣ, издавна существовало казачество, плоть отъ плоти крестьянства, создававшееся его бѣгами. Знамя раскола было поднято казацкой голытьбой сейчасъ же, какъ только оно явилось. Мы уже видѣли, что во время соловецкаго бунта эмиссары Разина были въ Соловкахъ и, благодаря ихъ вліянію, бунтъ и религіозный бытъ во время осады приняли тамъ характеристическія черты „воровства“. Во время того же бунта, еще за три года до взятія монастыря, въ 1672 году, на Дону уже появляются первые зачатки раскольничьей колонизаціи. 130 чернецовъ построили на р. Чири пустынь, которая стала центромъ раскольничьей агитаціи и мѣстомъ пристанища для бѣглыхъ изъ внутренней Россіи. Знамя раскола подняла казацкая „голытьба“ т.-е. какъ разъ та часть казачества, которая еще не примирилась съ государствомъ послѣ пріобрѣтенія „домовитости“, не превратилась еще въ крѣпкихъ собственниковъ, а сохраняла еще связи съ бѣглыми и всецѣло присоединялась къ ихъ настроенію. Вслѣдъ за скитомъ на Чири послѣдовали другіе скиты, по Хопру и Медвѣдицѣ, и вскорѣ раскольники могли сказать: „свѣтлая Россія потемнѣла, а мрачный Донъ возсіялъ и преподобными отцами наполнился“.

Агитація „преподобныхъ отцовъ“ въ казацкой средѣ привела къ совершенно инымъ результатамъ, чѣмъ въ средѣ холопскаго крестьянства. Домовитые казаки назвали „преподобныхъ отцовъ“, старцевъ Антонія и Пафнутія, попросту ворами и обвинили ихъ во „всемъ воровствѣ“, какое идетъ на Дону. „Воровство“ постоянно питалось новыми силами: послѣ 1682 года туда бѣжали опальные стрѣльцы, послѣ 1686 года—въ Черкасахъ появилось сразу 700 раскольниковъ-воровъ изъ внутренней Россіи. Идеологія казацкаго раскола совершенно иная, чѣмъ до сихъ поръ нами разсматривавшаяся. Эта идеологія уже чисто революціонная. Она выясняется изъ заявленій и плановъ цѣлаго ряда раскольничьихъ-казацкихъ бунтовъ, одинъ за другимъ возникающихъ на Дону, начиная съ 1686 года.

Первое же движеніе, поднятое нѣкіимъ Кузьмою Косымъ, основателемъ раскольничьей колоніи на Медвѣдицѣ, вскрываетъ эту идеологію полностью. По мнѣнію Кузьмы, антихристъ уже пришелъ въ міръ, и до кончины міра остается всего пять лѣтъ. На землѣ больше нѣтъ ни церкви, ни таинствъ, ни правильнаго богослуженія; остается жить безъ вѣнчанія и умирать безъ причастія. Но второе пришествіе не принесетъ спасенія само по себѣ; только на него полагаться нельзя. Надо самимъ возстать противъ антихриста, „очистить землю“ отъ слугъ антихриста, царя, патріарха, бояръ и архіереевъ, и разрушить ихъ столицу Москву. Тогда на землѣ очистится мѣсто для новаго, мессіаническаго царства; оно будетъ послѣ второго пришествія, и во главѣ его станетъ нѣкій царь Михаилъ, который будетъ съ казаками и во время ихъ похода на Москву; но всего болѣе помощи во время похода окажутъ сами „силы небесныя“, которыя присоединятся къ казакамъ. Неясно, каковъ долженъ былъ быть строй мессіаническаго царства; у Кузьмы встрѣчается только выраженіе: „мы, по созданію божію, всѣ братья“, которое даетъ право предполагать, что Кузьма мечталъ о проведеніи равенства и вольностей на казацкій образецъ. Въ этомъ движеніи ясны его идеологическіе элементы. Эсхатологическая проповѣдь „старцевъ“ претворилась въ казацкомъ представленіи въ соціально-революціонную эсхатологію. Конецъ міра принесетъ не блаженство въ сказочномъ раю съ кашей и пирогами, но господство казачества здѣсь на землѣ. Съ помощью небесныхъ силъ произойдетъ конецъ антихристоваго міра, построеннаго на эксплуатаціи и притѣсненіи, и будетъ установлено царство соціальной правды. Тутъ сказалась вся глубокая раз-

Сокольничьи

царя Алексѣя Михайловича.

Оригиналъ картины А. Д. Литовченко *Сокольничьи царя Алексѣя Михайловича* находится въ Русскомъ Музеѣ Александра III въ С.-Петербургѣ (№ 180). Въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ имѣются того же художника рисунокъ тушью *Поѣздка патріарха зимою* (№ 287) и картина *Царь Алексѣй Михайловичъ и Никонъ, архіепископъ новгородскій, у гроба чудотворца Филиппа, митрополита московскаго* (№ 735). Уже одинъ длинный заголовокъ послѣдней картины, писанной въ 1886 г., говоритъ многое, и появленіе ея въ богатѣйшей русской картинной галлереѣ можетъ свидѣтельствовать лишь о псевдо-историческомъ увлеченіи ея основателя, ибо А. Д. Литовченко никогда не пользовался популярностью, какая слѣдовала за именемъ К. Е. Маковскаго, да и картина *Царь Алексѣй и Никонъ*—произведеніе въ высокой степени слабое, особенно по своей безсодержательности. Не повторяя оговорокъ, приведенныхъ въ объясненіи къ картинѣ К. Е. Маковскаго *Поцѣлуйный обрядъ*, здѣсь приходится высказать, что *Сокольничьи царя Алексѣя* включены въ нашу иллюстрацію къ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ какъ въ виду болѣе полной характеристики извѣстнаго теченія въ русской живописи, такъ и въ виду того, что тема, затронутая картиной А. Литовченко, сама по себѣ имѣетъ историческій интересъ по существу. Любой учебникъ русской исторіи говоритъ о любви царя Алексѣя къ соколиной охотѣ; щегольнуть передъ иноземцами красотой и мощью своихъ соколовъ и сокольничьихъ—совсѣмъ въ нравахъ царя Алексѣя. Привести картину А. Литовченко, значитъ, воспользоваться случаемъ оттѣнить одну изъ характерныхъ особенностей московскаго двора XVII столѣтія и вмѣстѣ напомнить ту роль, которую когда-то играло въ старомъ феодальномъ государствѣ такъ называемое право охоты. Феодальныя черты, вымирая и отпадая постепенно, продолжали свою жизнь въ той или другой формѣ въ государствѣ сословномъ, какимъ можно представлять себѣ московское царство времени царя Алексѣя. Это послѣднее напоминаніе, конечно, не можетъ быть развито здѣсь въ стройную картину упомянутаго феодальнаго зла, но оно дастъ въ распоряженіе читающихъ извѣстную нить, которая и приведетъ ихъ къ подобающимъ впечатлѣніямъ. Самъ художникъ по всей вѣроятности, не чувствовалъ соли затронутой имъ темы и былъ увлеченъ мыслью о возможности крупнаго внѣшняго эффекта при ея изображеніи, при чемъ какъ-то незамѣтно всѣмъ участникамъ сцены, инородцамъ и русскимъ, нарисовалъ одинъ и тотъ же носъ. Поразительно однообразіе лицъ на картинѣ и какое-то тупое равнодушіе сокольничьихъ, показывающихъ иноземцамъ драгоцѣнности „царской потѣхи“. Фальшивый тонъ русской исторической живописи, начинавшейся съ холодной и безвкусной пропаганды такъ называемыхъ патріотическихъ мотивовъ, вступаетъ здѣсь въ новый фазисъ своего развитія. Эти мотивы, сорвавшіеся на живописаніи горячихъ политическихъ темъ, сдѣлали попытку пріютиться въ сферѣ внѣшней стороны быта; здѣсь они имѣли бо́льшій успѣхъ, пережили нѣсколько моментовъ и завязили боярскій костюмъ и московскій дворъ въ болото, изъ котораго не вылѣзти имъ ни въ семъ столѣтіи, ни въ будущемъ...

В. Стор.

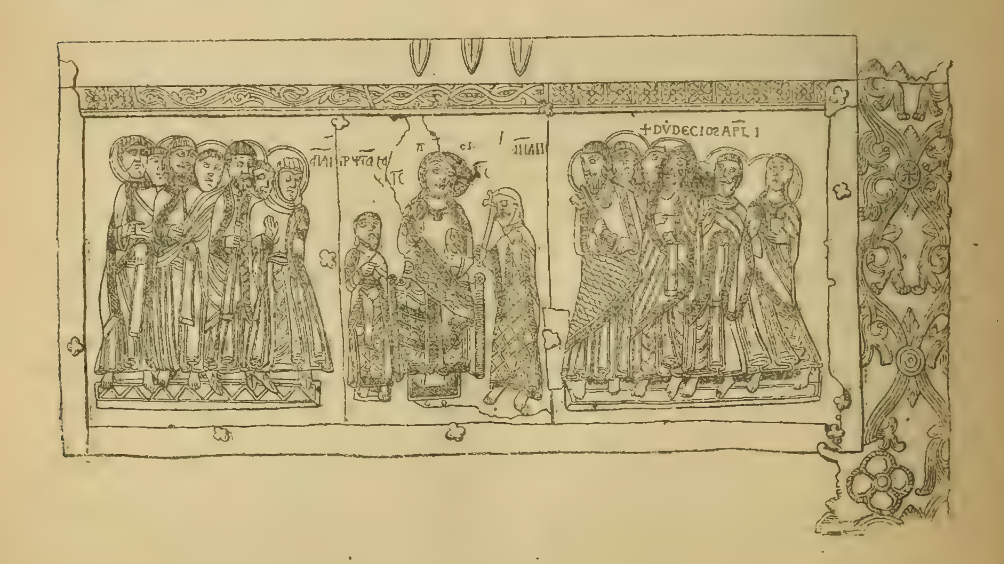

ница между міросозерцаніемъ задавленнаго холопа, потерявшаго всякую надежду на земное освобожденіе, и между міросозерцаніемъ вольнаго казака, не разъ добывавшаго мечемъ себѣ свободу и вольности.

Домовитымъ казакамъ агитація Кузьмы показалась „страшнымъ дѣломъ". Они выдали его правительству, которое послало отрядъ стрѣльцовъ взять медвѣдицкую колонію; колонія была взята, при чемъ большинство засѣвшихъ тамъ приняло огненное крещеніе. Но движеніе этимъ не было задавлено. Часть казаковъ отправилась все-таки въ походъ, причемъ одному отряду въ 500 человѣкъ удалось на время занять крѣпости близъ Тамбова и Козлова; до Москвы, однако, они не дошли. Съ другой стороны, въ 1688 году снова началась агитація на самомъ Дону. На этотъ разъ агитація пошла изъ Черкасска, отъ бѣжавшихъ послѣ указа 1685 года раскольниковъ. Черкасскіе заговорщики ставили дѣло шире, чѣмъ Кузьма: вступили въ переговоры съ яицкими и терскими казаками, съ калмыками и „иными ордами"; цѣль движенія была такова: „возмутить всѣмъ государствомъ и итти къ Москвѣ", за старую вѣру. Какъ видно, въ этой агитаціи эсхатологія отходитъ уже на второй планъ; движеніе становится чисто революціоннымъ, а старая вѣра—только знаменемъ. Вмѣсто небесныхъ силъ и миѳическаго царя, казаки надѣются уже на болѣе реальныхъ союзниковъ. Движеніе разстроилось опять-таки вслѣдствіе доноса домовитыхъ казаковъ. Но отдѣльныя партіи грабили по Волгѣ и въ другихъ мѣстахъ. Въ 1689 г. былъ захваченъ Палеостровскій монастырь, гдѣ осажденные сожглись, въ 1693—захваченъ Пудожъ, тогда же Черный Яръ. Движенія 1705 и 1707 годовъ (Булавинскій бунтъ) прикрываются тѣмъ же знаменемъ старой вѣры. „Стали мы въ Астрахани за вѣру христіанскую.... и за то что стала намъ тягость великая"—говорятъ въ 1705 году въ Астрахани. Булавинцы въ 1707 году возстали противъ „еллинской вѣры" съ цѣлью „погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить да поѣсть, на добрыхъ коняхъ поѣздить". „Старая вѣра" въ этихъ возмущеніяхъ уже потеряла свою первоначальную окраску: въ 1705 г. она превратилась въ просто христіанскую, а въ 1707—въ безцвѣтный противовѣсъ „еллинской вѣрѣ". Если въ проповѣди Кузьмы Косого, знамя старой вѣры еще было яркимъ и красочнымъ, манило и воодушевляло, то въ 1707 году оно превратилось въ безформенный обрывокъ. Суть дѣла выяснилась въ казацкой средѣ быстрѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было: конецъ міра—это конецъ

крѣпостнической Москвы; второе пришествіе—соціальная революція.

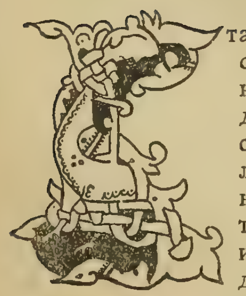
Мы видимъ, какой длинный путь совершила старая вѣра. Какъ всякая религіозная система, она преломлялась и измѣнялась до безконечности; проходя черезъ ту или другую соціальную среду, примѣняясь къ ея потребностямъ и трансформируясь и по внѣшнему виду и по содержанію. При всемъ разнообразіи идеологій, провозглашавшихся въ качествѣ старой вѣры, между ними было тѣмъ не менѣе нѣчто общее, что ихъ объединяло, и это общее—оппозиція противъ крѣпостническаго государства и церкви, какъ орудія его господства. Этою чертою расколъ XVII вѣка больше всего и ярче всего отличается отъ послѣдующихъ его формъ, возникшихъ въ XVIII вѣкѣ. Между различными теченіями раскола XVII вѣка есть связь, которая объединяетъ эти теченія въ одинъ могучій потокъ; въ XVIII вѣкѣ въ различныхъ слояхъ раскола началась внутренняя дифференціація, которая привела единое теченіе раскола къ противоположностямъ, поставила различные элементы раскола другъ противъ друга; въ этомъ развитіи противоположностей и крайностей, въ развитіи борьбы между отдѣльными теченіями внутри раскола, самый терминъ „расколъ“ потерялся и обезличился. Новыя формы жизни принесли съ собою новыя силы, новыя организаціи и новыя клички. Если XVII вѣкъ былъ героическимъ, то XVIII былъ вѣкомъ эпигоновъ.

Приложенія.

I.

Новгородскій погромъ 1570 года.

тарые историки, противопоставляя два періода въ царствованіи Ивана IV, противопоставляя періодъ дѣятельности и славы періоду жестокостей и казней, не разъ давали болѣе или менѣе подробныя описанія фактической стороны этого второго періода. Различаясь въ обиліи подробностей, въ выборѣ выраженій, въ выразительности чувствъ, всѣ они пользовались почти однимъ и тѣмъ же матеріаломъ, мало обращали вниманія на тѣ или другіе оттѣнки первоисточника и ссылались на него довольно глухо. Изучая политическіе пріемы русскаго правительства, всегда умѣвшаго замирять клокотавшіе умы населенія, представляется цѣннымъ прослѣдить разнообразные этапы которые прошли эти пріемы со временъ Ивана IV и до позднихъ, даже

очень позднихъ временъ. Новгородскій погромъ 1570 года, представляя особенный въ указанномъ смыслѣ интересъ, сталъ предметомъ особыхъ повѣстей, въ родѣ записанной, напр., въ новгородской третьей лѣтописи повѣсти «О приходѣ царя и великого князя Іоанна Васильевича, всеа Русіи самодержца, како казнилъ Великій Новгородъ, еще *оприщина* и розгромъ именуется». Напечатанная по рукописямъ XVII и XVIII вѣковъ «книга, глаголемая лѣтописецъ новгородской въкратцѣ» (подъ наименованіемъ Новгородская третья лѣтопись) заключаетъ въ себѣ подробное описаніе этого «прихода» или «погрома», который мы и приводимъ далѣе. Детали этого политическаго «погрома», руководимаго московскимъ царемъ, исторически цѣнны и долго представлялись не совсѣмъ понятными. Это — не крайнее проявленіе власти лица, дурно ее понимавшаго, это опредѣленная политическая система, которая проявляется всякій разъ, когда верхъ чувствуетъ себя въ опасности, система, для уразумѣнія смысла которой необходимы параллели; эти параллели, взятыя изъ новой русской исторіи, приводятъ ученаго изслѣдователя къ очень выразительнымъ выводамъ по вопросу о психологической роли террора, низвергающагося на общество съ высотъ...

Въ лѣто 7077, генваря въ 6 день, на Крещеніе Господне, царь и великій князь Іоаннъ Васильевичь всея Росіи уби брата своего благовѣрнаго и великаго князя Владимира Андреевича Старицкого, и мнози по немъ людіе восплакашася. Того же лѣта, идучи во Тверь, затушити велѣлъ стараго митрополита Филиппа московскаго и всея Росіи чудотворца Колычева, во обители во Твери въ Отроческомъ монастырѣ, и положенъ бысть [1]) въ томъ монастырѣ. Того же лѣта во Твери царь и великій князь Іоаннъ Васильевичь всея Росіи многія люди поби, чрезъ Волгу ряду въ два и въ три. Того же лѣта пойде съ великою яростію и злобою въ Великій Новградъ государь, царь и великій князь Іоаннъ Васильевичь, всея Росіи самодержецъ, и пришедъ сташа на Городищѣ, за два поприща отъ Великаго Новаграда. И владыку Пимина своде къ Москвѣ, а бояръ многихъ погуби и всякихъ людей, различными муками, многіе тысящи погуби; а игумена Антоніева монастыря Гелaсія убилъ, и многихъ иныхъ игуменовъ и иноческаго чина многими муками замучи; и колоколъ у святѣй Софіи благовѣстникъ болшой снялъ Пиминовской, въ немъ же 500 пудовъ вѣсомъ, и къ Москвѣ свезе въ Слободу Александрову, и ина многа и различная узорочья въ церквахъ божіихъ взялъ, и иконы чудотворныя и драгія сосуды священныя свезе къ Москвѣ. И о семъ впреди да скажемъ.

Въ лѣто 7078 г., генваря во 2 день, благочестивый государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ, всеа Росіи самодержецъ, ходилъ со гнѣвомъ на Великій Новградъ, и на архіепископа Пимина, и на его владычнихъ бояръ, и на изящныхъ именитыхъ людей, и на всѣхъ градскихъ жителей.

Посѣщеніемъ и изволеніемъ и наказаніемъ Вседержители Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, за умноженіе беззаконія нашего

---

[1]) Указанная тема затронута въ картинѣ А. Н. Новоскольцева *Послѣднія минуты митрополита Филиппа,* находящейся въ Русскомъ Музеѣ императора Александра III въ Петербургѣ (№ 220).

и богомерзскихъ противныхъ грѣхъ, иже умножися велія злоба грѣховная въ человѣцѣхъ, братоненавидѣніе и всякое преступленіе, вражда, ненависть, хищеніе и неправды, за сія злая и непріязненная дѣла и беззаконія, по пророческому писанію, приходитъ съ небеси гнѣвъ божій на сыны противныя и непокоривыя и на всяко нечестіе. Всячески, убо, наказующу насъ всещедрому человѣколюбцу Господу Богу, своими щедротами и милосердіемъ, иногда гладомъ и моромъ, сирѣчь смертною появою [1]), иногда пожаромъ, иногда безбожныхъ сопостатъ нахожденіи, страшнѣ же и горчайше того еже межусобными браньми, и кровопролитія находящая роду христіянскому, и святымъ божіимъ церквамъ отъ славословія Богу оскудѣніе и презрѣніе, запустѣніе мирскимъ жительствующимъ домомъ, разрушеніе до основанія градомъ и всѣмъ живущимъ въ немъ конечная погибель и озлобленіе. Таково, убо, бысть во дни наша веліе потрясеніе и поколебаніе и трусъ и паденіе, яково же въ мимошедшая въ предняя роды человѣческія не бысть, ни отцы наши таковаго возвѣстиша намъ, иже бысть въ Російской земли, въ богоспасаемомъ преименитомъ и славномъ Великомъ Новѣградѣ, ихъ же око не видѣ и ухо не слыша и на сердца человѣческая взыти не можетъ, иже сотвори всещедрый Господь, праведнымъ своимъ судомъ, на градъ отецъ нашихъ, за беззаконія наша и веліа прегрѣшенія, наущеніемъ и злоумышленіемъ богоотступниковъ, злыхъ и буявыхъ человѣкъ, хищниковъ, отъ дѣйства непріязненнаго сопостата діявола, иже влагающихъ во уши царевы непріязненыя глаголы на архіепископа Новгородского Пимина, и на его владычнихъ бояръ, и на изящныхъ именитыхъ человѣкъ жителей градскихъ, о предаціи града иноплеменникомъ. И отъ сихъ неистовыхъ ложныхъ глаголъ, ожесточи Богъ сердце благочестивому государю, царю и великому князю Ивану Васильевичю, всеа Росіи самодержцу, великимъ гнѣвомъ и неукротимою яростію и великимъ озлобленіемъ, на Великій Новградъ, на свою государевы царскіе державы отчину, и на вся люди живущія въ немъ.

Въ лѣто отъ всемірнаго созданія 7078, генваря во 2 день, въ понедѣльникъ, на память иже во святыхъ отца нашего Селвестра папы Римскаго, благочестивый государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичь, всеа Росіи самодержецъ, посла въ Великій Новградъ, напередъ передъ собою, изгономъ, предній полкъ своихъ государевыхъ бояръ и воеводъ и князей, и дворянъ и дѣтей боярскихъ, и всякихъ воинскихъ людей, веліе и безчисленное множество. Они же, пріѣхавше въ Великій Новградъ, по повелѣнію благочестиваго государя, царя и великаго князя Ивана Васильевича, всеа Росіи самодержца, около Великаго Новаграда учиниша великія сторожи и крѣпкія заставы, со всяцѣмъ утверженіемъ, и повелѣша на заставахъ стражемъ крѣпко стрещи всѣхъ живущихъ во градѣ, дабы ни единъ человѣкъ изъ града не убѣжалъ. А иные государевы князи и дѣти боярскіе, того же перваго полку, разъѣхашася по всѣмъ монастыремъ, иже есть около Великаго Новаграда, и монастыри запечаташа и церковныя казны, а игуменовъ и черныхъ священниковъ и діаконовъ и соборныхъ старцовъ, изо всѣхъ Новгородскихъ монастырей, собраша и привезоша съ собою вмѣстѣ въ Великій Новградъ, числомъ ихъ яко до пятисотъ старцовъ и болши, и всѣхъ ихъ поставиша на правежѣ, до государева пріѣзду. А иные дѣти боярскіе, того же государева перваго

---

[1]) Т.-е. моровою язвою.

полку, собраша всего Новаграда отъ всѣхъ церквей поповъ и діаконовъ и поставиша ихъ на правежѣ, и раздаваху ихъ по десяти человѣкъ за пристава, и повелѣваху ихъ держати приставомъ крѣпко во узахъ желѣзныхъ, и повелѣша бити ихъ приставомъ изъ утра и до вечера на правежи, до искупа, безщадно, а править повелѣ государь на нихъ по двадцати рублевъ по Новгородскому ихъ числу, какъ у нихъ въ Новѣгородѣ число денгамъ [1]) держитъ. А иные дѣти боярскіе отъ того государева перваго полку, по всему Великому Новуграду по улицамъ, во всѣхъ градскихъ приходѣхъ церкви и подцерковные и домовые полаты у всѣхъ именитыхъ людей Великаго Новаграда со всѣмъ имѣніемъ ихъ запечаташа, и многіе стражи поставиша стрещи крѣпко, до государева пріѣзду. А иные дѣти боярскіе того же государева перваго полку, повелѣніемъ государевымъ, во всемъ Великомъ Новѣградѣ гостей и приказныхъ государевыхъ людей, именитыхъ [великихъ торговыхъ людей], переимаша и роздаваша ихъ по приставомъ и повелѣша приставомъ держати ихъ крѣпко во оковахъ желѣзныхъ, а дома ихъ и вся имѣнія ихъ запечаташа, и жены и дѣти ихъ повелѣша стражемъ твердо блюсти ихъ, до государева пріѣзду.

И того же 7078 лѣта, генваря въ 6 день, на праздникъ Богоявленія Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, пріѣхалъ въ Великій Новградъ благочестивый государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичь, всеа Росіи самодержецъ, и съ нимъ сынъ его государевъ благовѣрный царевичь князь Иванъ Ивановичь, а съ нимъ, государемъ, многое, безчисленное множество полковъ, князей и бояръ и дѣтей боярскихъ и прочихъ воинскихъ людей, да съ нимъ же, государемъ, полторы тысящи стрѣлцовъ. И пріѣхавъ государь въ Великій Новградъ и сталъ со всею силою на Торговой сторонѣ, на мѣстѣ нарицаемомъ Городище, отъ посаду Великого Новаграда двѣ версты. И назавтрія пріѣзду своего государева, въ суботу, благочестивый государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичь, всеа Росіи самодержецъ, повелѣ игуменовъ, и поповъ черныхъ, и діаконовъ, и старцовъ соборныхъ, которые прежде государева пріѣзду въ первомъ полку иманы изъ монастырей и поставлены на правежи, избивати ихъ палицами на смерть; и убивъ ихъ всѣхъ, повелѣ когождо ихъ во свой монастырь развозити и погребати. А въ недѣлю, генваря въ 8 день, государь поѣхалъ, со всѣми своими полки, къ соборной великой церкви къ Премудрости Божіи Софѣи слушати обѣдни, и встрѣтилъ его государя, по закону царскому, со кресты и чюдотворными иконы, архіепископъ Пиминъ Новгородскій, со всѣмъ священнымъ соборомъ, на великомъ Волховскомъ мосту, у Чернаго креста. И по обычаю царскому, хотящу архіепископу Пимину государя, царя и великаго князя Ивана Васильевича и сына его благовѣрнаго царевича князя Ивана Ивановича крестомъ оградити, и государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичь и сынъ его царевичь князь Иванъ ко кресту ко архіепископу не пошли. И говорилъ государь, царь и великій князь архіепископу Пимину: ты, убо, злочестиве, въ руцѣ своей держиши не крестъ животворящій, но вмѣсто креста оружіе, и симъ убо оружіемъ хощешь уязвити царское сердце наше, своимъ неистовнымъ зломысліемъ, съ своими злотворцы и единомысленники града сего жители, и хощете

---

[1]) Погромъ начинается такимъ образомъ съ *новгородскаго* духовенства; погрому предшествуетъ убійство въ Твери *московскаго* митрополита.

царскія нашея державы вотчину нашу сей великій богоспасаемый Новградъ предати сопостатомъ нашимъ, иноплеменникомъ, королю Литовскому [1]) Жигимонту Августу; и отселѣ впредь нѣси, убо, наречешися пастырь и учитель и сопрестольникъ великія соборныя апостольскія церкви Премудрости Божіи Софѣи, но волкъ, и хищникъ, и губитель, и измѣнникъ, и нашему царскому багру и вѣнцу досадитель. И таковая государь яростная словеса изглаголавъ, повелѣваетъ архіепископу со кресты итти въ соборную церковь Премудрости Божіи Софіи и литоргисати, со всѣмъ священнымъ соборомъ, а самъ государь благовѣрный царь и великій князь Иванъ Васильевичь, и со благовѣрнымъ царевичемъ со княземъ Иваномъ Ивановичемъ, и со всѣми своими государевыми полчаны, пойде во слѣдъ святыхъ и животворящихъ крестовъ и святыхъ чюдотворныхъ иконъ въ церковь Премудрости Божіи Софѣи, и въ соборной церкви Премудрости Божіи литоргію божественную государь отслушалъ.

И послѣ обѣдни государь пошелъ ко архіепископу Пимину въ столовую полату, за столъ, хлѣба ясти, со всѣми своими князи, и бояры, и дѣти боярскими и со всѣми воинскими людьми. И какъ государь сѣлъ за столъ, начатъ государь ясти, и вскорѣ нѣчто помедли, и возопи гласомъ велімъ съ яростію къ своимъ княземъ и бояромъ, по обычаю, ясакомъ царскимъ. Тотчасъ повелѣ государь архіепископлю казну и весь дворъ его владычень, со всѣми обиходы, и вся полаты и келіи пограбити, и бояръ его владычнихъ и всѣхъ слугъ его повелѣ переимати и за приставы отдати, до своего государева указу; а самого владыку архіепископа Пимина, ограбивъ, повелѣ за приставы его отдати, и крѣпко повелѣ его стрещи, и давати повелѣ изъ казны на всякъ день за кормъ по двѣ денги на день. А дворецкому своему Льву Андреевичу Салтыкову, и протопопу Евстафію, и прочимъ своимъ бояромъ, повелѣ государь итти въ соборную церковь Премудрости Божіи Софіи, и взяти повелѣ ризную казну, и прочія драгія освященныя церковныя вещи, и святыя иконы чюдотворныя Корсунскія, писма греческихъ живописцевъ; прочее же повелѣваетъ имъ государь, по всему Великому Новуграду, во всѣхъ святыхъ божіихъ церквахъ, имати церковныя казны, и святыя честныя божественныя драгія чюдотворныя иконы, и ризы, и колокола; и около всего Великаго Новаграда, во всѣхъ монастырѣхъ, повелѣ государь имати по церквамъ такоже церковныя казны, и иконы драгія греческія, сирѣчь Корсунскія, ризы драгія, освященныя церковныя вещи и колокола.

Таже благовѣрный государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичь, всеа Росіи самодержецъ, и съ сыномъ своимъ благовѣрнымъ царевичемъ княземъ Иваномъ Ивановичемъ, сѣде на судищѣ, идѣже государь, пріѣхавъ, сталъ на Городищѣ. И повелѣ государь приводити изъ Великаго Новаграда владычнихъ болярь, и иныхъ многихъ служивыхъ дѣтей боярскихъ, и гостей, и всякихъ градскихъ и приказныхъ людей, и нарядныхъ и именитыхъ торговыхъ людей, и женъ ихъ и дѣтей, предъ себя. И повелѣ государь ихъ предъ собою горцѣ и люте и безчеловѣчнѣ различными муками мучити, и по многихъ неисповѣдимыхъ горкихъ различныхъ мукахъ повелѣ государь тѣлеса ихъ нѣкоею со-

---

[1]) См. во II томѣ, послѣ 56-й стр., объясненіе къ скульптурѣ *Мареа посадница* (въ 1570 г. повторяется политическое обвиненіе, высказанное московскимъ правительствомъ сто лѣтъ назадъ).

ставною мудростію огненною поджигати, иже именуется поджаръ [1]; и своимъ государевымъ дѣтемъ боярскимъ повелѣваетъ государь тѣхъ мученыхъ и подживареныхъ людей за руки и за ноги и за главы опако вязати, различно, тонкими ужыщи, и привязывати ихъ повелѣ по человѣку къ санемъ, и повелѣ ихъ быстро за санми влещи на великій Волховскій мостъ и метати съ мосту въ рѣку Волховъ. А жены ихъ и дѣти, мужескій полъ и женскій, повелѣ государь привозити ихъ на великій Волховскій мостъ и возводити на высоту, иже ту устроено мѣсто, и вязаху за руцѣ и за ноги опако назадъ, а младенцевъ къ матеремъ своимъ вязаху, и съ великія высоты повелѣ государь метати ихъ въ воду въ рѣку Волховъ. А иные въ тѣ поры государевы люди, дѣти боярскіе и воинскіе люди, въ малыхъ судѣхъ ѣздяху по рѣкѣ Волхову со оружіемъ, съ рогатыни и съ копьи и съ багры и съ топоры: и которые люди, мужи и жены и всякъ возрастъ, изъ глубины рѣчной вверхъ на воду спловетъ, и они, прихватывая багры, тѣхъ людей копьи и рогатынями прободаху, и топоры сѣкуще во глубину рѣчную безъ милости сурово погружаху, предающе ихъ лютой и горцѣй смерти.

И бысть, убо, таковаго неисповѣдимаго пролитія крови христіанскіе, грѣхъ ради нашихъ, отъ неукротимыя ярости царевы, по вся дни, безпрестани, яко до пяти седмицъ и болши: и на всякъ, убо, день ввергнутъ и потопятъ въ водѣ человѣкъ, всякого возраста, числомъ яко до тысящи, а иногда и до полуторы тысящи, а тотъ убо день облегченъ и благодаренъ, иже ввергнутъ въ воду до пятисотъ или до шестисотъ человѣкъ. И по скончаніи, убо, того благовѣрный государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичь, всеа Росіи самодержецъ, съ своими государевыми людми, со князи и съ бояры и съ дѣтми боярскими, и съ прочими воинскими людми, начатъ ѣздити около Великаго Новаграда по честнымъ и великимъ монастыремъ, и тамо повелѣ въ монастырѣхъ грабити церковныя и монастырскія казны, и кельи, и служебные монастырскіе домы, и всякіе обиходы, въ житницахъ хлѣбъ всякой, стоячей въ скирдахъ и на поляхъ немолоченой хлѣбъ повелѣ огнемъ сожигати, а скотъ ихъ всякой, лошади и коровы, повелѣ посѣкати. И по сихъ благовѣрный государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичь, всеа Росіи самодержецъ, пріѣхалъ изъ монастырей въ Великій Новградъ, и повелѣ по всему Новуграду, по всѣмъ торговымъ рядамъ и по всѣмъ улицамъ, въ лѣнивыхъ торжкѣхъ у градскихъ торговыхъ людей и въ лавкахъ всякой товаръ грабити, и торговые анбары и лавки повелѣ разсѣкати и до основанія разсыпати. И потомъ государь благовѣрный царь и великій князь, со всѣми своими людми и со всѣми воинскими полки, начатъ ѣздити по всему Новуграду и по всѣмъ посадомъ, и повелѣ государь у всѣхъ градскихъ жителей во всѣхъ домѣхъ ихъ имѣнія грабити, а самихъ людей и женъ ихъ, безпощадно, безъ останковъ всѣхъ грабити и дворы ихъ и хоромы ломати, а окна и ворота вскорѣ повелѣ безъ милости высѣкати. А въ тѣ поры государь, во время градскаго грабежу, иныхъ государевыхъ своихъ людей разсылаетъ около Великаго Новаграда на всѣ четыре стороны, во всякую Новгородскую пятину, по станомъ и волостемъ и по усадищемъ

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ читается: *поддержай*.

боярскимъ и по помѣстьямъ, и по всѣмъ мѣстомъ около Великаго Новаграда верстъ за двѣсти и за полтретьяста и болши, и повелѣ домы ихъ всячески расхищати и скотъ убивати у всякихъ людей, безъ пощадѣнія, чей кто нибуди, безъ разсужденія. И бысть, убо, того неисповѣдимаго колебанія и великаго паденія, труса и кровопролитія человѣческому роду, въ Великомъ Новѣградѣ и во окрестныхъ странахъ около Великаго Новаграда, безпрестани, шесть недѣль, грѣхъ ради нашихъ.

И того же 78 года, мѣсяца февраля въ 13 день, на другой недѣли великаго поста въ понедѣльникъ, заутра повелѣ государь оставшихъ Новгородскихъ жителей, изо всякой улицы по лутчему человѣку, поставити предъ себя. Они же сташа предъ царемъ съ трепетомъ, дряхлы и унылы, отчаявшеся живота своего, яко мертвы, видяще неукротимую ярость цареву. И благочестивый и христолюбивый государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичь, всеа Росіи самодержецъ, воззрѣвъ на нихъ милостивымъ и кроткимъ окомъ, дастъ имъ государь царское милостивое слово и сказа имъ сице: Мужіе жителіе сего Великаго Новаграда, вси, иже нынѣ оставшіи во градѣ! молите всемилостиваго и всещедраго и человѣколюбиваго Господа Бога, и пречистую его Богоматерь Владычицу Богородицу, и всѣхъ святыхъ его, о нашемъ благочестивомъ царскомъ державствѣ, и о чадѣхъ моихъ благовѣрныхъ царевичахъ Иванѣ и Ѳеодорѣ, и о всемъ нашемъ христолюбивомъ воинствѣ, чтобы намъ Господь Богъ подаровалъ свыше побѣду и одолѣніе на вся видимыя и невидимыя враги наша и супостаты, а судитъ Богъ общему измѣннику моему и вашему, владыкѣ Новгородскому Пимину, и его злымъ совѣтникомъ и единомысленикомъ, и вся та кровь взыщется на нихъ измѣнникахъ. И вы о семъ нынѣ не скорбите, живите во градѣ семъ благодарнѣ, и язъ вамъ во свое мѣсто оставлю правителя во градѣ боярина своего и воеводу князя Петра Даниловича Пронскаго. И сія глаголы изрече и отпусти ихъ съ миромъ во своя домы. А самъ благовѣрный государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичь, и съ сыномъ своимъ благовѣрнымъ царевичемъ со княземъ Иваномъ Ивановичемъ, и со всею своею силою, пошелъ изъ Великаго Новаграда во Псковъ. А владыку Новгородскаго архіепископа Пимина, и поповъ и діяконовъ, которые не искупилися отъ правежу, и прочихъ досталнихъ Новгородцовъ опальныхъ людей, повелѣ государь отсылати за приставы въ Олександрову Слободу, до своего царев[illegible] пріѣзду. И какъ государь пріѣхалъ изо Пскова въ богоспасаемый градъ Москву, и повелѣ со владыки Новгородскаго Пимина санъ сняти и въ заточеніе послати въ монастырь; онъ же тамо вскорѣ не по мнозѣ времени преставися [1]) благодарнѣ. А прочихъ оставшихъ Новгородцовъ, опальныхъ людей, повелѣ государь на Москвѣ казнити смертною казнію, главы ихъ отсѣкати, и тако тіи ту скончашася; а иныхъ, по мнозѣ испытаніи, повелѣ государь по инымъ городомъ разсылати на жителство.

Се же бысть все неизреченными судбами и наказаніемъ Вседержителя Господа Бога нашего, въ Великомъ семъ богоспасаемомъ Новѣградѣ, и всѣмъ живущимъ въ немъ за грѣхи наша и прочему человѣческому роду на увѣреніе, аминь.

---

[1]) Срв. далѣе у Курбскаго упоминаніе о судьбѣ Пимена.

II.

Грозный въ изображеніи русскаго современника.

Отъ лѣтописнаго повѣствованія о времени царя Ивана IV представляется цѣннымъ перейти къ сказанію о послѣднемъ его современника, сотрудника и врага князя Андрея Михайловича Курбскаго (род. около 1528 г., умеръ въ Польшѣ послѣ 1580 г.). Князь Курбскій, котораго переписка съ царемъ Иваномъ IV достаточно у насъ популярна, написалъ «Исторію князя великаго московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима». Исторія, написанная Курбскимъ, требуетъ крайне критическаго къ себѣ отношенія; ей очень посчастливилось въ нашей литературѣ, она была издана уже въ началѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка и тогда очень высоко, хотя съ современной точки зрѣнія и довольно наивно, была оцѣнена Н. Устряловымъ. «Исторія Курбскаго, писалъ онъ въ 1832 году, замѣчательна не потому только, что она есть произведеніе пера современника, участвовавшаго въ дѣлахъ государственныхъ; она имѣетъ высшія достоинства: съ природною силою ума, съ врожденнымъ даромъ слова соединяя свѣдѣнія разнообразныя, Курбскій постигъ тайну историческаго искусства, коего образцы имѣлъ безъ сомнѣнія передъ глазами, и оставилъ обыкновенную стезю русскихъ лѣтописцевъ. Доселѣ наши историки разсказывали происшествія безъ всякой связи, безъ малѣйшаго единства внутренняго, въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ; Курбскій смотрѣлъ выше: стараясь объяснить причины Іоанновыхъ дѣйствій, добрыхъ и злыхъ, онъ имѣлъ цѣль опредѣлительную и устремлялъ къ ней всѣ свои мысли. Чему обязанъ былъ Іоаннъ блестящимъ успѣхомъ первыхъ лѣтъ своего правленія? Довѣренности къ мужамъ разумнымъ: тогда были съ нимъ *стратиги вѣку отцовъ нашихъ*, говоритъ авторъ, *состарѣвшіеся въ добродѣтеляхъ и въ ратныхъ дѣлахъ искусные*. Но татаринъ опустошилъ Москву, *когда царь воздалъ имъ презлыми за предобрѣйшее, и въ сладкихъ рѣчахъ наушниковъ напился смертнаго яда*. На сей мысли основано сочиненіе Курбскаго; она связываетъ всѣ событія и сообщаетъ оному то

единство, безъ коего нѣтъ изящнаго. Руководствуясь ею, авторъ начерталъ двѣ картины противоположныя: въ одной видимъ блескъ и славу, видимъ рядъ героевъ, завоевателей Казани, Астрахани, Ливоніи, грозныхъ мстителей за отечество; двадцатилѣтній государь ведетъ ихъ къ побѣдамъ (?!); съ знаменемъ въ рукѣ останавливаетъ бѣгущее воинство подъ стѣнами Казани, или смѣло съ малочисленною дружиною, спѣшитъ встрѣтить несмѣтное войско татаръ крымскихъ. *Таковъ былъ царь нашъ*, говоритъ авторъ, *доколѣ любилъ около себя добрыхъ и правду совѣтующихъ*. Въ другой картинѣ видимъ иное зрѣлище: тутъ являются уже скоморохи и человѣкоугодники; а храбрые *синклиты* выходятъ только на смерть позорную. Страшное слово: *убіенъ*, паки убіенъ, паки погубленъ *такой-то бояринъ*, *такой-то стратигъ*, постоянно повторяемое, наводитъ ужасъ на читателя. Прекрасное въ цѣломъ, въ планѣ, сочиненіе Курбскаго не менѣе замѣчательно и въ подробностяхъ; историкъ описывалъ не по слухамъ, а по собственнымъ наблюденіямъ, по крайней мѣрѣ, большую часть важнѣйшихъ событій. Дѣла минувшія рѣзко запечатлѣлись въ его памяти, и ему стоило только, подобно Ксенофонту, передать вѣрно свои впечатлѣнія, чтобы нарисовать картину живую, разнообразную. Не только въ описаніи похода казанскаго, при всякомъ случаѣ Курбскій обнаруживаетъ умъ наблюдательный, глубокое познаніе сердца человѣческаго: когда онъ говоритъ о битвахъ, мы живо представляемъ ратное поле, движеніе войскъ, сѣчу; когда разсказываетъ о бесѣдѣ царя съ Вассіаномъ, мы слышимъ шипѣніе змѣи. Какъ послушенъ ему языкъ русскій, какъ величественно его изображеніе доблестей, какъ язвительны его горькія укоризны!.. Смѣло можно сказать, рѣдкій изъ нашихъ писателей умѣлъ владѣть такъ удачно сильнымъ величественнымъ словомъ нашимъ». Эта выдержка изъ критики Н. Устрялова сама по себѣ представляется первоисточникомъ для изученія нашихъ историческихъ представленій въ первой половинѣ XIX вѣка. Она вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно ярко подчеркиваетъ консерватизмъ нашего историческаго писателя, который такъ долго не осмѣливался отойти отъ схемы публициста-историка XVI столѣтія.

Много кратъ, начинаетъ князь Курбскій свою *Исторію*, ото многихъ свѣтлыхъ мужей вопрошаемъ быхъ, съ великимъ стужаніемъ: «откуды сія приключишася, такъ прежде доброму и нарочитому царю, многажды за отечество и о здравіи своемъ не радящу, и въ военныхъ вещахъ, сопротивъ враговъ креста Христова, труды тяжкіе, и бѣды, и безчисленные поты претерпѣвающу, и прежде отъ всѣхъ добрую славу имущему?». И многажды умолчахъ со воздыханіемъ и слезами, не восхотѣхъ отвѣщати; послѣди же, частыхъ ради вопрошеній, принужденъ быхъ нѣчто рещи отчасти о случаяхъ, приключшихся таковыхъ, и отвѣщахъ имъ: аще бы изъ начала и по ряду рѣхъ, много бы о томъ писати, яко въ предобрый русскихъ князей родъ всѣялъ діаволъ злые нравы, наипаче же женами ихъ злыми и чародѣйцами, яко и во Израильтескихъ царехъ, паче же которыхъ поимовали отъ иноплеменниковъ. Но сія вся оставя, нѣчто изреку о томъ самомъ настоящемъ. Яко глаголютъ многіе премудрые: «доброму началу и конецъ бываетъ добръ»; такожде и сопротивъ: злое злымъ скончавается; а наипаче, отъ самовластнаго че-

ловѣческаго естества, злымъ произволеніемъ и по всему супротивнымъ противъ Божіихъ заповѣдей дерзати.

. . . .

. . . .

Бысть возмущеніе великое всему народу, яко и самому царю утещи отъ града со своимъ дворомъ. И въ томъ возмущеніи убіенъ вуй [1]) его князь Юрій Глинскій отъ всего народа, и домъ его весь разграбленъ; другой же вуй его князь Михаилъ Глинскій, который былъ всему злому начальникъ, утече, и другіе человѣкоугодницы сущіе съ нимъ разбѣгошася. И въ то время дивно бѣ, яко Богъ руку помощи подалъ отдохнути землѣ христіанской, образомъ симъ: тогда убо, тогда, глаголю, пріиде къ нему единъ мужъ, презвитеръ чиномъ, именемъ Селивестръ, пришлецъ отъ Новаграда Великаго, претяще ему отъ Бога священными писаньми и строзѣ заклинающе его страшнымъ Божіимъ именемъ; еще къ тому, и чудеса и аки бы явленіе отъ Бога повѣдающе ему: не вѣмъ, аще истинныя, або такъ ужасновенія пущающе, буйства его ради, и для дѣтскихъ неистовыхъ его нравовъ, умыслилъ былъ себѣ сіе [2]). Яко многажды и отцы повелѣваютъ слугамъ дѣтей ужасати мечтательными страхи, и отъ излишныхъ игоръ презлыхъ сверстниковъ: сице и сей, мню, блаженный малую грозу присовокупляетъ благокозненія, ею же великое зло цѣлити умыслилъ. Яко и врачеве дѣлаютъ, по неволѣ, согнившія гагрины [3]) стружуще и рѣжуще желѣзомъ, або дикое мясо, возрастающее на ранѣ, обрѣзающе ажъ до живого мяса; сему негли подобно, и онъ блаженный, лстецъ истинный, умыслилъ; яко и послѣдовало дѣло: иже душу его отъ прокаженныхъ ранъ исцѣлилъ и очистилъ былъ, и развращенный умъ исправилъ, тѣмъ и овымъ наставляюще на стезю правую. Съ нимъ же соединяется, во общеніе, единъ благородный тогда юноша, къ доброму и полезному общему, именемъ Алексѣй Адашевъ. Царсви жъ той Алексѣй въ то время зѣло любимъ былъ и согласенъ, и былъ онъ общей вещи зѣло полезенъ, и отчасти, въ нѣкоторыхъ нравѣхъ, ангеломъ подобенъ. И аще бы вся по ряду изъявилъ о немъ, воистинну вѣрѣ не подобно было бы предъ грубыми и мірскими человѣки. И аще же воззримъ, яко благодать святаго Духа вѣрныхъ въ новомъ Завѣтѣ украшаетъ, не по дѣломъ нашимъ, но по преизобильности щедротъ Христа нашего, иже не токмо не дивно будетъ, но и удобно: понеже и крови своей сотворитель всяческихъ не жаловалъ за насъ изліяти. Но прекративъ сіе, до предреченныхъ паки возвратимся.

Что же сіе мужіе два творятъ полезное землѣ оной, спустошенной уже воистинну и зѣло бѣднѣ сокрушенной? Приклони же ужъ уши, и слушай со прилежаніемъ! Сіе творятъ, сіе дѣлаютъ! Главную доброту начинаютъ — утверждаютъ царя, и якого царя? Царя юнаго, и во злострастіяхъ и въ самовольствіи безъ отца воспитаннаго, и преизлище прелютаго, и крови уже напившагося всякія, не токмо всѣхъ животныхъ, но и человѣческія. Паче же, и согласныхъ его на зло прежде бывшихъ, овыхъ отдѣляютъ отъ него (яже быша зѣло люты), овыхъ же уздаютъ [4]) и воздержатъ страхомъ Бога живаго. И что же еще посемъ придаютъ? Наказуютъ опаснѣ благочестію; молитвамъ же прилежнымъ

---

[1]) Вуй—дяди по матери.

[2]) Весьма цѣнное мѣсто для характеристики міросозерцанія князя Курбскаго.

[3]) Т. е. гангренозныя мѣста.

[4]) Обуздываютъ.

къ Богу, и постомъ, и воздержанію внимати со прилежаніемъ, завѣщаваетъ оный презвитеръ, и отгоняетъ отъ него оныхъ предреченныхъ прелютѣйшихъ звѣрей, сирѣчь, ласкателей и человѣкоугодниковъ, надъ нихъ же ничтоже можетъ быти повѣтреннѣйшаго во царствѣ, и отсылаетъ и отдѣляетъ отъ него всяку нечистоту и скверну, прежде ему приключшуюся отъ сатаны; и подвижетъ на то и присовокупляетъ себѣ въ мощь архіерея онаго великаго града, и къ тому, всѣхъ предобрыхъ и преподобныхъ мужей, презвитерствомъ почтенныхъ; и возбуждаютъ царя къ покаянію, и исчистивъ сосудъ его внутренній, яко подобаетъ, къ Богу приводятъ, и святыхъ, непорочныхъ Христа нашего таинъ сподобляютъ, и въ сицевую высоту онаго, прежде бывшаго окаяннаго, возводятъ, яко и многимъ окрестнымъ языкомъ дивитися обращенію его и благочестію.

И къ тому еще и сіе прилагаютъ: собираютъ къ нему совѣтниковъ, мужей разумныхъ и совершенныхъ, во старости мастистѣй сущихъ, благочестіемъ и страхомъ Божіимъ украшенныхъ; другихъ же, аще и въ среднемъ вѣку, такожъ предобрыхъ и храбрыхъ, и тѣхъ и онѣхъ въ военныхъ и земскихъ вещахъ по всему искусныхъ; и сице ему ихъ въ пріязнь и въ дружбу усвояютъ, яко безъ ихъ совѣту, ничесоже устроити [1] или мыслити. Воистинну премудрому Соломону глаголющему: *Царь*, рече, *добрыми совѣтники, яко градъ претвердыми столпы утвержденъ*; и паки: *любяй*, рече, *совѣтъ, хранитъ свою душу, а не любяй его, совсѣмъ исчезнетъ*: понеже, яко безсловеснымъ, надлежитъ чувствомъ по естеству управлятися, сице всѣмъ словеснымъ, совѣтомъ и разсужденіемъ. И нарицались тогда оные совѣтницы у него *Избранная Рада*. Воистинну по дѣломъ и нареченіе имѣли: понеже все избранное и нарочитое совѣты своими производили, сирѣчь: судъ праведный, нелицепріятенъ, яко богатому, тако и убогому, еже бываетъ въ царствѣ наилѣпшее; и къ тому воеводъ, искусныхъ и храбрыхъ мужей, сопротивъ враговъ избираютъ, и стратилатскіе чины устрояютъ, яко надъ ѣздными, такъ и надъ пѣшими; и аще кто явится мужественнымъ въ битвахъ, и окровитъ руку въ крови вражьей, сего дарованьми почитано, яко движными вещи, такъ и недвижными. Нѣкоторые жъ отъ нихъ, искуснѣйшіе, того ради и на вышніе степени возводились. А паразитовъ, или тунеядцовъ, сирѣчь подобѣдовъ или товарищей трапезамъ, яже блазенствомъ или шутками питаются, и кормы хаютъ, не токмо тогда не даровано, но и отгоняемо, вкупѣ съ скомрахи, и со иными, прелукавыми и презлыми, таковыми роды; но токмо на мужество человѣковъ подвизаемо и на храбрость, всякими роды даровъ или мздовоздаяньми, каждому по достоянію.

. . . .

Вслѣдъ за разсказомъ о взятіи Казани и пріѣздѣ царя въ Москву Курбскій пишетъ:

Пріѣхавъ же до Москвы, аки по двухъ мѣсяцахъ или по трехъ, разболѣлся зѣло тяжкимъ огненнымъ недугомъ такъ, иже никтоже ему жити надѣялся. Не по малыхъ дняхъ, по малу оздравляти началъ.

Егдажъ уже оздравѣлъ, обѣщался, скоро по недузѣ ономъ, и умыслилъ ѣхати сто миль отъ Москвы до единаго монастыря, глаголе-

[1] Срв. позднѣйшія жалобы самого царя Ивана на то, что онъ былъ связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ этою Избранной Радой. Курбскій въ этомъ случаѣ только подтверждаетъ свидѣтельство Ивана IV, питая своего рода олигархическій идеалъ.

маго Кириллова. Послѣжъ великаго дня Воскресенія Христова, аки на третьей или на четвертой недѣлѣ, поѣхалъ первѣе въ монастырь Троицы Живоначальныя, глаголемый Сергіевъ, иже лежитъ отъ Москвы дванадесять миль, на великой дорозѣ, которая идетъ къ Студеному морю. Поѣхалъ же не одинъ, но со царицею своею и съ новорожденнымъ отрочатемъ, на такъ долгій путь, и пребылъ въ Сергіевѣ монастырѣ аки три дни, опочиваючи себѣ: бо еще былъ не зѣло оздравѣ. А въ томъ тогда монастырѣ обиталъ Максимъ преподобный, мнихъ святыя горы Аѳонскія Ватопеда монастыря, Грекъ родомъ, мужъ зѣло мудрый, и не токмо въ риторскомъ искусствѣ многъ, но и философъ искусенъ, и ужъ въ лѣтѣхъ превосходныя старости умащенъ, и по Бозѣ въ терпѣніи исповѣдальческомъ украшенъ: много бо претерпѣлъ отъ отца [1]) его многолѣтныхъ и тяжкихъ оковъ и многолѣтнаго заточенія въ прегорчайшихъ темницахъ, и другихъ родовъ мученій искусилъ неповиннѣ, по зависти Даніила митрополита, прегордаго и лютаго, и ото вселукавыхъ мниховъ, глаголемыхъ Осифлянскихъ, а онъ былъ его изъ заточенія свободилъ, по совѣту нѣкоторыхъ синклитовъ своихъ, исповѣдающихъ ему, иже отнюдь неповиннѣ страждетъ таковый блаженный мужъ. Той предреченный мнихъ Максимъ началъ совѣтовати ему, да не ѣдетъ на такъ далекій путь, наипачежъ со женою и съ новорожденнымъ отрочатемъ.

«Аще, рече, и обѣщался еси тамо ѣхати, подвижуще святаго Кирилла на молитву ко Богу; но обѣты таковые съ разумомъ не согласуютъ, а то сего ради: егда доставалъ еси такъ прегордаго и сильнаго Бусурманскаго царства, тогда и воинства христіанскаго храбраго тамо не мало отъ погановъ падоша, яже брашася съ ними крѣпцѣ по Бозѣ за православіе, и тѣхъ избіенныхъ жены и дѣти осиротѣли и матери обѣщадѣли, во слезахъ многихъ и скорбѣхъ пребываютъ. И далеко, рече, лучше тѣхъ тебѣ пожаловати и устроити, утѣшающе ихъ отъ таковыхъ бѣдъ и скорбей, собравше ихъ ко своему царственнѣйшему граду, нежели тѣ обѣщанія не по разуму исполняти. А Богъ, рече, вездѣ сый, все исполняетъ и всюды зритъ недреманнымъ своимъ окомъ, яко пророкъ рече: *сей не воздремлетъ, ни уснетъ, храняще Израиля*; а другій пророкъ: *у него жъ*, рече, *очи седмь кратъ солнца свѣтлѣйши*. Тѣмъ же не токмо святый Кириллъ духомъ, но и всѣ первородныхъ праведныхъ духи написанные, на небесѣхъ, иже предстоятъ нынѣ у престола Господня, имущи очи духовныя острозрительнѣйши, паче съ высоты, нежели долготы во адѣ, и моляся Христу за всѣхъ человѣковъ на земномъ кругу обитающихъ, паче же за кающихся грѣховъ и волею обращающихся отъ беззаконій своихъ ко Богу: понеже Богъ и святые его не по мѣсту объятія молитвамъ нашимъ внимаютъ, но по доброй волѣ нашей и по самовластію. И аще, рече, послушаеши мене, здравъ будеши и многолѣтенъ, со женою и отрочатемъ». И иными словесы множайшими наказуя его, воистину сладчайшими паче меда, каплющаго ото устъ его преподобныхъ.

Онъ же, яко гордый человѣкъ упрямясь, толико *ѣхати, да ѣхати*, рече, *ко святому Кириллу*; къ тому ласкающе его и поджигающе міролюбцомъ и любо-имѣннымъ мнихомъ и похваляюще умиленіе царево, аки богоугодное обѣщаніе: бо тѣ мнихи богатолюбные не зрятъ богоугоднаго, а ни совѣтуютъ по разуму духовному, чему были должны

---

[1]) Т.-е. великаго князя Василія III.

суще паче въ мірѣ живущихъ человѣкъ, но всячески со прилежаніемъ слухаютъ, что бы угодно было царю и властемъ, сіе рѣчь, чѣмъ бы выманити имѣнія монастырямъ, или богатство многое, и жити въ сладострастіяхъ скверныхъ, яко свиньямъ питающеся, а не глаголю, въ калѣ валяющеся [1]). Прочее же умолчимъ, да не речемъ чего горшаго и сквернѣйшаго, и ко предреченнымъ возвратимся, о ономъ добромъ совѣтѣ глаголюще. Егда же видѣвъ преподобный Максимъ, иже презрѣлъ его совѣтъ и ко ѣханію безгодному устремился царь, исполнився духа пророческаго, началъ прорицать ему: «Аще, *рече*, не послушаеши мене, по Бозѣ совѣтающаго ти, и забудеши крови оныхъ мучениковъ, избіенныхъ отъ погановъ за правовѣріе, и презриши слезы сиротъ оныхъ и вдовицъ, и поѣдеши со упрямствомъ: вѣдай о семъ, иже сынъ твой умретъ и не возвратится оттуды живъ; аще послушаеши и возвратишися, здравъ будеши, яко самъ, такъ и сынъ твой». И сія словесы приказалъ ему четырмя нами: первый исповѣдникъ его, презвитеръ Андрей Протопоповъ, другій Іоаннъ княжа Мстиславскій, а третій Алексѣй Адашевъ, ложничій его, четвертымъ мною. И тѣ слова слышавъ отъ святаго, исповѣдахомъ ему по ряду; онъ же не радяще о семъ, и поѣхалъ оттуды до града, глаголемаго Дмитрова, и оттуды до монастыря единаго, речннаго на Песочнѣ, иже лежитъ при рѣцѣ Яхромѣ; туто имѣлъ суды уготованны ко плаванію.

Ту ми зри со прилежаніемъ, что врагъ нашъ непримирительный, діаволъ, умышляетъ и къ чему человѣка окаяннаго приводитъ и на что подвижетъ, влагающе ему аки благочестіе ложное и обѣщаніе къ Богу сопротивное разуму! И аки бы стрѣлою по примѣтѣ, царемъ стрѣлилъ до того монастыря, идѣже епископъ, уже престарѣвшійся во днехъ мнозѣхъ, пребывалъ: прежде былъ мнихъ отъ Осифлянскія оныя лукавыя четы, иже былъ великій похлѣбникъ отца его, и вкупѣ со прегордымъ и проклятымъ Даниломъ митрополитомъ, предреченныхъ оныхъ мужей многими лжесшиваньми оклеветаша и великое гоненіе на нихъ воздвигоша. Той-то митрополитъ Силвана преподобнаго, Максимова ученика, обоего любомудрія, внѣшняго и духовнаго, искуснаго мужа, во своемъ епископскомъ дому злою смертію за малые дни уморилъ; и скоро по смерти князя великаго Василія, яко митрополита московскаго, такъ того коломенскаго епископа, не токмо по совѣту всѣхъ синклитовъ, но и всенароднѣ, изгнано отъ престоловъ ихъ, явственныя ради злости.

Что же тогда приключишеся? Таково то воистинну: иже приходитъ царь до онаго старца въ келлію, и вѣдая, яже отцу его единосовѣтенъ былъ и во всемъ угоденъ и согласенъ, вопрошаетъ его: «Како бы моглъ добрѣ царствовати и великихъ и сильныхъ своихъ въ послушествѣ имѣти?». И подобало рещи ему: самому царю достоитъ быти яко главѣ, и любити мудрыхъ совѣтниковъ своихъ, яко свои уды, и иными множайшими словесы отъ священныхъ писаній ему подобало о семъ совѣтовати и наказати царя христіанскаго, яко достоило епископу нѣкогда бывшу, пачежъ престарѣвшемуся уже въ лѣтѣхъ довольныхъ. Онъ же что рече? Абіе началъ шептати ему во ухо, по древней своей обыкновенной злости, яко и отцу его древле ложное сикованціе шепталъ, и та-

---

[1]) Образчикъ рѣзкой оцѣнки монастырей, продавшихся тогдашнему правительству и занявшихся накопленіемъ богатствъ.

ково слово реклъ: «Аще хощеши самодержцемъ быти, не держи себѣ совѣтника ни единаго мудрѣйшаго собя: понеже самъ еси всѣхъ лучше; тако будеши твердъ на царствѣ, и все имѣти будеши въ рукахъ своихъ! Аще будеши имѣть мудрѣйшихъ близу собя, по нуждѣ будеши послушенъ имъ». И сице соплете силлогизмъ сатанинскій. Царь же абіе руку его поцѣловалъ и рече: «О! аще и отецъ былъ бы ми живъ, таковаго глагола полезнаго не повѣдалъ бы ми»!

Ту ми разсмотри прилежно, яко согласуетъ древній гласъ отечь съ новымъ гласомъ сына! Искони отецъ, прежде бывшій Фосфоросъ, глаголютъ, видѣвъ себя пресвѣтла и сильна и надо многими полками ангельскими чиноначальникомъ отъ Бога постановленна, и забывъ, иже сотвореніе есть, рече себѣ: «Погублю землю и море и поставлю престолъ мой выше облакъ небесныхъ и буду равенъ Превышнему;» аки бы реклъ: «и могу сопротивиться ему»; и абіе денница низпаде восходящая заутра, и низпаде ажъ въ преисподнюю: возгордѣвъ бо и не сохранивъ своего чина, яко писано есть: «и отъ Фосфора Сатана нареченъ», сирѣчь отступникъ. И сынъ гласъ подобенъ провѣщалъ, паче же онъ самъ точію дѣйствовалъ устами престарѣвшимися старца, и рече: «ты лучше всѣхъ, и недостоитъ ти никого имѣти мудраго», аки бы реклъ: «понеже еси Богу равенъ».

О гласъ воистинну діаволій! всякія злости и презорства и забвенія преполонъ! Забылъ ли еси, епископе, во второмъ Царствѣ реченнаго? Егда совѣтовалъ Давыдъ со синклиты своими, хотяще считати людей Израильскихъ, яко речено: *совѣтоваша ему вси синклитове, да не сосчитаетъ, понеже умножилъ Господь людъ Израилевъ, по обѣщанію своему ко Аврааму, аки песокъ морскій, и превозможе*, рече, *глаголъ царевъ*: сирѣчь не послушалъ совѣтниковъ своихъ и повелѣлъ считати людъ, дани ради большія. Забылъ ли еси, что принесло непослушаніе синклитскаго совѣта, и яковую бѣду навелъ Богъ сего ради? Мало весь Израиль не погибе, аще бы царь покаяніемъ и слезами многими не предварилъ. Запомнилъ ли еси, что гордость и совѣтъ юныхъ, а презрѣніе старѣйшихъ совѣту, Ровоаму безумному принесло? И иныя вся безчисленныя во священныхъ писаніяхъ о семъ учащія оставя, вмѣсто тѣхъ шептаній, пребеззаконный глаголъ царю христіанскому, покаяніемъ очищену сущу, во уши всѣялъ еси. Подобно лѣнился еси прочести златыми усты вѣщающаго о семъ въ словѣ о Духу святомъ, ему же начало: *Вчера отъ насъ любимицы*; такожe и во другомъ словѣ, въ послѣдней похвалѣ о святомъ Павлѣ, сирѣчь во 9-й, ему жъ начало: *Обличили насъ друзи нѣкоторые*, яко онъ похваляетъ нарицающе даръ духа совѣтъ отъ Бога данный, идѣже въ нихъ разсуждаетъ о различныхъ дарованіяхъ духа, яко мертвыхъ воскрешати и предивныя чудеса творити и различными языки глаголати, дары духа нарицаетъ, такожъ и совѣтовати полезныя на прибыль царства, даръ совѣта нарицаетъ, и свидѣтельство на то приводитъ не худаго мужа, ни незнаемаго, но самого славнаго Моисея, со Богомъ бесѣдовавшаго, моря раздѣлителя, и Фараонова Бога и пресильныхъ Амалехитовъ потребителя, и предивныхъ чудесъ дѣлателя, а дара совѣта не имѣюща, яко писано: *но принялъ*, рече, *совѣтъ окромнаго*, сирѣчь отъ чужеземца алибо отъ страннаго человѣка, отъ тестя своего; *и не токмо*, рече, *Богъ совѣтъ Рагуила тестя его похвалилъ, но и въ законѣ написалъ*, яко пространнѣе въ предреченныхъ его словесахъ зрится. Царь же аще и почтенъ царствомъ, а дарованій которыхъ отъ Бога не по-

лучилъ; долженъ искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ [1]) человѣкъ: понеже даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной; убо не зритъ Богъ на могутство и гордость, но на правость сердечную, и даетъ дары, сирѣчь елико кто вмѣститъ добрымъ произволеніемъ. Ты же все сіе забылъ! Отрыгнулъ же еси вмѣсто благоуханія смрадъ! И еще къ тому, что запамяталъ еси или не вѣси, иже всѣ безсловесные душевнымъ естествомъ несутся, або принуждаются и чувствомъ правятся; а словесные не токмо человѣцы плотные, но и самыя безтѣлесныя силы, сирѣчь святые ангелы, совѣтомъ и разумомъ управляются? яко Діонисій Ареопагитъ и другій великій учитель пишутъ о семъ. А что древнихъ оныхъ блаженныхъ ликъ исчиталъ бы? Иже всѣмъ еще тамо во устѣхъ обносится, о томъ мало достоитъ воспомянути, сирѣчь дѣда того царя, Іоанна князя великаго, такъ далече границы свои разширивша, и къ тому еще дивнѣйшаго, у него жъ въ неволѣ бывъ, великаго царя Ордынскаго изгналъ и юртъ его раззорилъ, не кровопійства ради своего и любимаго для грабленія: не буди, но воистинну многаго его совѣта ради съ мудрыми и мужественными синклиты его: бо зѣло, глаголютъ, его любосовѣтна быти, и ничтоже починати безъ глубочайшаго и многаго совѣта. Тыжъ, аки сопротивъ всѣхъ оныхъ, не токмо древнихъ оныхъ великихъ святыхъ предреченныхъ, но и новаго того славнаго вашего сопротивъ сталъ: понеже всѣ тѣ согласнѣ вѣщаютъ: *любяй совѣтъ, любитъ свою душу*; а ты рече: «не держи совѣтниковъ мудрѣйшихъ себя!

О сыне діаволь! про что человѣческаго естества, вкратцѣ рещи, жилы пресѣклъ еси, и всю крѣпость разрушити и отъяти хотяще, таковую искру безбожную въ сердце царя христіанскаго всѣялъ, отъ нея же во всей Святорусской землѣ таковъ пожаръ лютъ возгорѣлся, о немъ же свидѣтельствовати словесы мню непотреба? Понеже дѣломъ сія прелютѣйшая злость произвелася, якова никогда же въ нашемъ языцѣ бывала, отъ тебя бѣды начало пріемше, яко напреди нами плодъ твоихъ прелютыхъ дѣлъ вкратцѣ изъявится. Воистинну мало по нареченію твоему, и дѣло твое показася: бо нареченіе ти *Топорковъ*; а ты не топоркомъ, сирѣчь малою сѣкеркою: воистинну великою и широкою, и самымъ оскордомъ [2]) благородныхъ и славныхъ мужей во великой Руси посѣклъ еси. Къ тому яко многое воинство, такъ безчисленное множество всенародныхъ человѣковъ ни отъ кого прежде, по добромъ покаянію своему, только отъ тебя Васьяна Топоркова царь будучи прелютостію наквашенъ, всѣхъ тѣхъ предреченныхъ различными смертьми погубилъ... И сіе оставя, до предреченныхъ возвратимся.

Напившися царь христіанскій отъ православнаго епископа таковаго смертоноснаго яду, поплытъ въ путь свой Яхромою рѣкою, ажъ до Волги, Волгою жъ плылъ колько десять миль, до Шексны рѣки ве-

[1]) Хотя бы и въ ограниченномъ смыслѣ, но князь Курбскій безусловно высказываетъ мысль, что царь долженъ искать совѣта не только въ ближайшемъ кругу призванныхъ имъ совѣтниковъ, но и *у всенародныхъ человѣкъ*. Это явный намекъ на необходимость *земскихъ соборовъ*, какъ учрежденія, по современному сказать, законосовѣщательнаго. Весь отрывокъ превосходно знакомитъ съ политическимъ міровоззрѣніемъ Курбскаго; царь не мыслимъ безъ боярскаго совѣта и даже совѣта всенародныхъ человѣкъ. Доводы приводятся столько же историческіе, сколько религіозные.

[2]) Топоромъ?

ликія, и Шексною вверхъ ажъ до озера великаго Бѣлаго, на немъ же мѣсто и градъ стоитъ. И не доѣзжаючи монастыря Кириллова, еще Шексною рѣкою плывучи, сынъ ему, по пророчеству святаго, умре. Се первая радость за молитвами онаго предреченнаго епископа! Се полученіе мзды за обѣщанія не по разуму, паче же не богоугодныя!.. И оттуда пріѣхалъ до онаго Кириллова монастыря въ печали мнозѣ и въ тузѣ, и возвратился тщима руками во мнозѣй скорби до Москвы.

. . . .

. . . .

Вслѣдъ за разсказомъ о Лифляндской войнѣ Курбскій пишетъ:

Чтожъ по семъ царь нашъ начинаетъ? Егда уже обронился, Божіею помощію, храбрыми своими отъ окрестныхъ враговъ его, тогда воздаетъ имъ! Тогда платитъ презлыми за предобрѣйшее, прелютыми за превозлюбленнѣйшее, лукавствы и хитролествы за простыя и вѣрныя ихъ службы. А якоже сіе начинаетъ? Сице: первѣе, отгоняетъ двy мужей оныхъ отъ себя предреченныхъ, Селивестра, глаголю, презвитера, и Алексѣя предреченнаго, Адашева, туне и ни въ чемъ же предъ нимъ согрѣшившихъ, отворивши оба ухи своимъ презлымъ ласкателемъ (надъ нихъ же, уже яко многажды рѣхомъ, ни единъ прыщь смертный во царствѣ повѣтреннѣйшъ быти можетъ), яже ему уже клеветаша и сикованціи во уши шептаху заочно на оныхъ святыхъ мужей, паче же шурья его и другіе съ ними нечестивые губители всего тамошняго царства. Чего же ради сіе творяху? Того ради воистинну: да не будетъ обличена злостъ ихъ и да невозбранно будетъ имъ всѣми нами владѣти, и судъ превращающе, посулы грабити и другіе злости плодити скверныя, пожитки свои умножающе. Что же клевещутъ и шепчутъ во ухо? Тогда цареви жена умре: они же рѣша, аки бы счаровали ее оные мужи (подобно, чему сами искусны и во что вѣруютъ, сіе на святыхъ мужей и добрыхъ возлагали). Царь же, буйства исполнився, абіе имъ вѣру ялъ. Услышавъ же сіе, Селивестръ и Алексѣй начаша молити, ово эпистоліями посылающе, ово черезъ митрополита русскаго, да будетъ очевистное глаголаніе съ ними. «Не отрицаемся, рече, аще повинни будемъ, смерти; но да будетъ судъ явственный предъ тобою и предо всѣмъ сенатомъ твоимъ».

Презлые же къ сему что умышляютъ? Эпистолій не допущаютъ до царя; епископу старому запрещаютъ и грозятъ; цареви же глаголютъ: «Аще, рече, припустишь ихъ къ себѣ на очи, очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ; а къ тому, любяще ихъ все твое воинство и народъ, нежели тебя самого, побіютъ тебя и насъ каменіемъ. Аще ли и сего не будетъ: обвяжутъ тя паки и покорятъ тя аки въ неволю себѣ. Такъ худые люди и ничему годные чаровницы тебя государя, такъ великаго и славнаго и мудраго, боговѣнчаннаго царя, держали предъ тѣмъ, аки въ оковахъ, повелѣвающе тебѣ въ мѣру ясти и пити и со царицею жити, не дающе тебѣ ни въ чесомъ же своей воли, а ни въ малѣ, а ни въ великомъ, а ни людей своихъ миловати, а ни царствомъ твоимъ владѣти! И аще бы не они были при тебѣ, такъ при государѣ мужественномъ и храбромъ и пресильномъ, и тебя не держали аки уздою, уже бы еси мало не всею вселенною обладалъ: а то творили они своими чаровствы, аки очи твои закрывающе, не дали ни на что зрѣти, хотяще сами царствовати и нами всѣми владѣти. И аще на очи припустишь

ихъ, паки тя очаровавши, ослѣпятъ. Нынѣ же егда отогналъ еси ихъ, воистинну образумился еси, сирѣчь во свой разумъ пришелъ, и отворилъ еси себѣ очи, зряще уже свободно на все свое царство, яко помазанецъ Божій, и никто же инъ, точію самъ единъ тое управляюще и имъ владѣюще».

И иными таковыми множайшими и безчисленными лжесшиванцы, согласясь со отцемъ своимъ діаволомъ (паче же рещи, воистину языкъ ему и уста самому глаголанію бываютъ на пагубу роду христіанскому), сице подходятъ ласкательчыми глаголы мужа, и сице опровергаютъ царя христіанскаго душу, добрѣ живущаго и въ покаянію сущаго, и сице растерзаютъ пленицу оную, Богомъ сплетенную въ любовь духовную (якоже самъ Господь рече: *идьже собрани два или три во имя мое, ту азъ посреди ихъ*); изъ посреди [1]) Бога отгоняютъ оные, проклятые, и паки реку: сицевыми прелестными глаголы царя христіанскаго губяще, добраго бывшаго много лѣтъ, покаяніемъ украшеннаго и къ Богу усвоеннаго, въ воздержанію всякомъ и въ чистотѣ пребывающа..... О злые и всякія презлости и лукавства исполненные, своего отечества губители, пачеже рещи, всего Святорусскаго царства! Что вамъ принесетъ сіе за полезное? Въ малѣ узрите надъ собою дѣломъ исполняемо и надъ чады своими, и услышите отъ грядущихъ родовъ проклятіе всегдашнее!

Царь же, напився отъ окаянныхъ, со сладостнымъ ласканіемъ смѣшаннаго, смертноснаго яду, и самъ, лукавства, пачеже глупости, наполнився, похваляетъ совѣтъ, и любитъ и усвояетъ ихъ въ дружбу и присягами себя и ихъ обвязуетъ, вооружающесь на святыхъ неповинныхъ, къ тому и на всѣхъ добрыхъ и добро хотящихъ ему и душу за за него полагающихъ, аки на враговъ своихъ, и собравъ и учинивъ уже окрестъ себя яко пресильный и великій полкъ сатанинскій [2]). И чтожъ еще къ тому первѣе начинаетъ и дѣлаетъ? Собираетъ сборище не токмо весь Сенатъ свой мірскій, но духовныхъ всѣхъ, сирѣчь митрополита и градскихъ епископовъ призываетъ, и къ тому присовокупляетъ прелукавыхъ нѣкоторыхъ мниховъ, Мисаила, глаголемаго Сукина, издавна преславнаго въ злостяхъ, и Васьяна Бѣснаго, воистиннѣ реченнаго, неистоваго, и другихъ съ ними таковыхъ тѣмъ подобныхъ, исполненныхъ лицемѣрія и всякаго безстыдія діаволя и дерзости; и посаждаетъ ихъ близу себя, благодарнѣ послушающе ихъ, вѣщающихъ и клевещущихъ ложное на святыхъ и глаголющихъ на праведныхъ беззаконіе, со премногою гордынею и уничиженіемъ. Что же на томъ соборищѣ производятъ? Чтутъ пописавши вины оныхъ мужей заочнѣ, яко и митрополитъ тогда предъ всѣми реклъ: «Подобаетъ, рече, приведеннымъ имъ быти здѣ предъ насъ, да очевистѣ на нихъ клеветы будутъ, и намъ убо слышати воистинну достоитъ, что они на то отвѣщаютъ». И всѣмъ ему добрымъ согласующе такоже рекшимъ; губительнѣйшіе же ласкатели вкупѣ со царемъ возопиша: «Не подобаетъ, рече, о епископе! Понеже вѣдомые сіи злодѣи и чаровницы велицы, очаруютъ царя, и насъ погубятъ, аще пріидутъ!» И тако осудиша ихъ заочнѣ. О смѣху достойное, паче же бѣды исполненное, осужденіе прельщеннаго отъ ласкателей царя!..

. . . .

. . . .

---

[1]) Н. Устряловъ приводитъ еще два варіанта: 1) „изъ среды" и 2) „и посреди".

[2]) Намекъ на зарожденіе опричины, см. ниже на стр. 22, 24 и 25.

Разсказавъ о побіеніи разныхъ боярскихъ и дворянскихъ родовъ, Курбскій продолжаетъ:

Не не безбѣдно же ми, мню, умолчати о священномученикахъ, отъ него пострадавшихъ; но достоитъ, яко возможно, вкратцѣ претещи, оставляюще паче тамо живущимъ, свѣдомшимъ и ближайшимъ, паче же мудрѣйшимъ и разумнѣйшимъ. Въ недостацѣхъ же или въ погрѣшенныхъ, молимся простити: рекше моего недостатка грубство наполнити, и елико достоитъ исправленію отъ насъ написанныхъ о страдальцахъ, исправити и мученическіе подвиги преукрасити и облаголѣпити, нежели отъ насъ въ гоненію крыющихся въ дальнихъ земляхъ сущихъ.

По умертвіи митрополита московскаго Аѳанасія, или по изшествію его волею отъ престола, возведенъ бысть Филиппъ, Соловецкаго острова игуменъ, на архіепископскій престолъ русскія митрополіи, мужъ, яко рѣхомъ, славна и велика рода, и отъ младости своея вольною мнишескою нищетою и священнолѣпнымъ жительствомъ украшенъ, въ разумѣ жъ крѣпокъ и мужественнѣйшъ. Егда же епископомъ поставленъ, тогда епископскими дѣлы начатъ украшатися, паче же апостольски по Бозѣ ревновати. Видѣвъ онаго царя, не по Бозѣ ходяща, всяческими кровьми христіанскими невинными обливаема, всякія неподобныя и скверныя дѣла исполняюща, началъ первѣе *молити благовременнѣ,* яко апостолъ великій рече, *и безвременнѣ належати*; потомъ претити страшнымъ судомъ Христовымъ, заклинающе, по данной ему отъ Бога епископской власти, и глаголати не стыдяся о свидѣніяхъ Господнихъ такъ прегордому и прелютому, безчеловѣчному царю. Онъ же многу съ нимъ брань воздвиже и на потвари презлые и сиковантцы абіе устремился. О неслыханныя вещи, ко изглаголанію тяжки! Посылаетъ по всей Святорусской землѣ ласкателей своихъ скверныхъ, тамо и овамо рыщуще и обтичующе, аки волцы разтерзатели отъ прелютѣйшаго звѣря посланные, ищуще и набывающе на святаго епископа изметныхъ вещей; лжесвидѣтелей же многими дарами и великихъ властей обѣщаньми, гдѣ бы обрѣсти могли, тамо и овамо обзирающе, съ прилежаніемъ изыскаютъ.

О бѣды превеликія! о неслыханныя и претягчайшія дерзости бѣсовскія! о замышленія человѣческія, безстудіемъ діаволимъ поджигаеми! Кто слыхалъ гдѣ епископа отъ мірскихъ судима и испытуема? яко пишетъ Григорій Богословъ въ словѣ о похвалѣ Аѳанасія Великаго, нарекающе на соборъ безбожныхъ Агарянъ: «иже, рече, посаждаху мірскихъ людей и привождаху предъ тѣхъ на испытаніе епископовъ и пресвитеровъ, имъ же а ни края уха не достоило таковыхъ послушати», и прочее. Гдѣ законы священные? гдѣ правила седьмостолпныя? гдѣ уложенія и уставы апостольскіе? Всѣ попраны и наруганы отъ пресквернѣйшаго кровоядца звѣря и отъ безумнѣйшихъ человѣкоугодниковъ его, пагубниковъ отечества!

Чтожъ по сихъ начинаетъ? На святителя дерзающе, не посылаетъ до патріарха Константинопольскаго, подъ егожъ судомъ русскіе митрополиты: аще бы были оклеветани отъ кого въ чемъ, нигдѣже индѣ, точію предъ нимъ достойны о себѣ отвѣтъ дати; а ни испрашаетъ отъ престола патріаршескаго ексарха на испытаніе епископское. И воистинну, бѣсясь на святаго архіепископа, негли забылъ еси повѣсть свѣжую или

не зѣло давную, устнами твоими часто произносимую, о святомъ Петрѣ сущую, русскомъ митрополитѣ, на приключшуюся ему лжеклевету отъ тверскаго епископа прегордаго? Тогда услышавше сіе, вси велицы княжата русскіе не дерзнули разсмотрѣти между епископовъ, или судити священниковъ: бо абіе послали ко патріарху Константинопольскому о ексарха, да разсмотритъ или разсудитъ о семъ, яко пространнѣйше пишетъ въ лѣтописной книзѣ Русской о семъ. Або тебѣ не образъ сіе былъ, о звѣрю кровопійственный! аще ли еси христіанинъ хотѣлъ быти?....

Но собираетъ на святителя скверныя свои сборища іерсевъ Вельзевулиныхъ и проклятое сонмище согласниковъ Каіафиныхъ, и мируетъ съ ними, яко Иродъ со Пилатомъ, и приходятъ вкупѣ съ звѣремъ въ великую церковь, и садятся на мѣстѣ святѣ... мерзость запустѣнія!... со главою окруженія ихъ и со трудомъ устенъ ихъ, и повелѣваютъ... о! смрадящія и проклятыя власти!... привести предъ ся епископа преподобнаго, во священныхъ одеждахъ облеченна, и поставляютъ лжеклеветателей, мужей скверныхъ, предателей своего спасенія... о! коль тяжко и умиленно ко изреченію!... и абіе обдираютъ святительскія одежды съ него, и катомъ отдаютъ въ руки святаго мужа, отъ младости въ добродѣтеляхъ провозсіявшаго, и нага влекутъ изъ церкви, и посаждаютъ на вола... о! паки окаянный и скверный!... и бичуютъ лютѣ, нещадно, тѣло, многими лѣты удрученное отъ поста, водяще по позорищамъ града и мѣста. Онъ же, борителъ храбрый, всякія терпяще, яко не имущій тѣла, хвалами и пѣсньми, въ таковыхъ мученіяхъ, Бога благодаряше, безчисленныхъ же народовъ, плачущихъ горцѣ и рыдающихъ, священномученическою десницею своею благословяше.

Согласующій же во всемъ злостію прелютый звѣрь прелютѣйшему древнему дракону, губителю рода человѣческаго, аще не насытился крови священномученика, а ни удовлился неслыханнымъ отъ вѣковъ безчестіемъ онымъ надъ преподобнымъ епископомъ: къ тому повелѣваетъ его по рукамъ и ногамъ и по чресламъ претягчайшими веригами оковати, и вовреши въ узкую и мрачную темницу мужа смученнаго, престарѣвшагося, въ трудѣхъ многѣхъ удрученнаго и немошнаго уже тѣ а суща, и темницу оную повелѣлъ твердыми заклепы и замки заключити, и согласниковъ своихъ въ злости къ темницѣ стражей приставилъ. Потомъ, аки день или два спустя, совѣтниковъ своихъ нѣкихъ посылаетъ къ темницѣ видѣти, аще уже умеръ. И глаголютъ ихъ нѣцыи вшедшихъ въ темницу, аки бы обрѣли епископа отъ тѣхъ тяжкихъ оковъ избавленна, на псальмопѣніяхъ божественныхъ воздѣвша руки стояща; а оковы всѣ кромѣ лежаша. Видѣвше жъ сіе, посланные синклитове плачуще, рыдающе и припадающе хъ колѣномъ его; возвратившіижесь скоро къ жестокой и непокоривой оной прегордой власти, паче же ко прелютому и ненасытивому кровоядцу оному звѣрю, вся по ряду ему возвѣщая. Егожъ абіе возогивша, глаголютъ: «Чары, рече, чары онъ сотворилъ! непріятель мой и измѣнникъ!». Тѣхъ же совѣтниковъ видѣвше умилившихся о семъ, начатъ имъ претити и грозити различными муками и смертьми; потомъ медвѣдя лютаго, заморивши гладомъ, повелѣлъ ко епископу оному въ темницу пустити и затворити (сіе воистинну слышалъ отъ достовѣрнаго самовидца, на то зрящаго): потомъ на утріе самъ приде и повелѣлъ отомкнути темницу, уповающе съѣденна быти отъ звѣря епископа, и паки обрѣтоша его, благодати ради Божія, цѣла, а ни мало

чѣмъ вреждениа, тако же, яко и прежде, на молитвѣ стояще; звѣря жъ въ кротость овчюю преложившаяся, во единомъ углѣ темничномъ лежаща. Оле чудо! Звѣріе, естествомъ люты бывше, черезъ естество въ кротость прелагаются; человѣцы жъ, по естеству отъ Бога кротцы сотворенны, отъ кротости въ лютость и безчеловѣчіе самовластно волею измѣняются! Его жъ глаголютъ абіе отходяща, глаголюща: «Чары, рече, творитъ епископъ!». Воистинну нѣкогда тожъ и мучители древніе о творяющихъ чудеса мученицѣхъ глаголали.

Потомъ, глаголютъ, епископа отъ мучителя заведен во единъ монастырь, глаголемый Отрочь, во Тверской землѣ лежащій, и тамъ, глаголютъ его нѣцыи, пребыша мало не годъ цѣлый, и аки бы посылалъ до него и просилъ благословенія его, такожъ и о возвращеніи на престолъ его. Онъ же, яко слышахомъ, отвѣщалъ ему: «Аще, рече, обѣщаешися покаятися о своихъ грѣсѣхъ и отгнати отъ себя оный полкъ [1]) сатанинскій, собранный тобою на пагубу христіанскую, сирѣчь кромѣшниковъ, або опришницовъ нарицаемыхъ: азъ, рече, благословлю тя и прощу, и на престолъ мой, послушавъ тя, возвращуся. Аще ли же ни, да будеши проклятъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ и съ кромѣшники твоими кровоядными и со всѣми согласующими тебѣ во злостяхъ!». И овы глаголютъ [2]) его въ томъ монастырѣ удавленна быти, за повелѣніемъ его, отъ единаго прелютаго и безчеловѣчнаго кромѣшника; а друзіи повѣдаютъ, аки бы въ ономъ любимомъ его граду, глаголемомъ Слободѣ, еже кровьми христіанскими исполненъ, сожженна бысть на горящемъ углію. Аще ли жъ сице, или сице: всяко священномученическимъ отъ Христа вѣнцемъ вѣнчанъ, его же измлада возлюбилъ, за него жъ и на старость пострадалъ. По убіеніи же митрополита, не токмо многихъ клириковъ, но и нехиротонисанныхъ мужей благородныхъ околько сотъ помучено различными муками и погублено: бо тамъ есть, въ той землѣ обычай: на церковной землѣ, мнози мужіе благородные свѣтлыхъ родовъ имѣнія маютъ, во время мирное архіепископомъ служатъ, а егда брань належитъ отъ супостастовъ окрестныхъ, тогда и въ войску христіанскомъ бываютъ которые нехиротонисанны.

И прежде, даже оному Филиппу на митрополію еще не возведенну, умоленъ былъ отъ князя великаго епископъ Казанскій, именемъ Германъ, да будетъ архіепископомъ Русскія митрополіи: онъ же аще и много возбраняшесь отъ тое вещи, такъ отъ него, яко и соборнѣ принужденъ къ сему. И уже аки два дни въ палатахъ церковныхъ на митрополичьи дворѣ бывша его, глаголютъ, но обаче еще воспящающася отъ оныя тяготы великаго пресвитерства, наипаче же подъ таковымъ лютымъ и неразсуднымъ царемъ быти въ томъ сану не хотяще: и вдался съ нимъ, глаголютъ, въ бесѣдованіе, тихими и кроткими словесы его наказующе, воспоминающе ему оный страшный судъ Божій и истязаніе нелицепріятное каждаго человѣка о дѣлѣхъ, такъ царей, яко и простыхъ. По бесѣдованіи же ономъ, отойде царь отъ него во свои палаты, и абіе совѣтъ той духовный любимымъ своимъ ласкателемъ изъявилъ: уже бо слеташася къ нему отовсюду, вмѣсто оныя добрыя избранныя рады, не токмо навѣтники презлые и паразиты прелукавые и блазни, но и татіе, воистинну, и разбойницы и всякихъ скверн не-

---

[1]) Срв. выше на стр. 19.
[2]) Срв. выше на стр. 4.

чистыхъ исполненные человѣцы. Они же боящеся, аще бы епископа послушалъ совѣта, абіе бы паки были отогнани отъ лица его и исчезли въ свои пропасти и норы, егда услышавше сіе отъ царя, отвѣщали яко едиными усты: «Боже, рече, сохрани тебя отъ таковаго совѣта! Паки ли хощеши, о царю! быти въ неволѣ у того епископа еще горшей, нежели у Алексѣя и у Селивестра былъ еси предъ тѣмъ много лѣтъ?». И моляша его со слезами, хъ колѣнамъ его припадающе, паче же единъ отъ нихъ, глаголемый Алексѣй Басмановъ, съ сыномъ своимъ. Онъ же послушавъ ихъ, абіе епископа съ палатъ церковныхъ изгнати повелѣлъ, глаголюще: «Еще, рече, и на митрополію не возведенъ еси, а уже мя неволею обязуешь!»... И по дву днехъ обрѣтенъ во дворѣ своемъ мертвъ епископъ онъ Казанскій: овы глаголютъ удушенна его тайнѣ, за повелѣніемъ его, овы жъ ядомъ смертоноснымъ уморенна. А былъ той Германъ свѣтла рода человѣкъ, яже Полевы нарицаются та шляхта по отчинѣ; и бѣ онъ яко тѣла великаго мужъ, такъ и разума многаго, и мужъ чистаго и воистинну святаго жительства, и священныхъ писаній послѣдователь, и ревнитель по Бозѣ, и въ трудѣхъ духовныхъ многъ; къ тому Максима Философа мало нѣчто отчасти ученія причастенъ былъ; аще же и отъ Осифлянскихъ мниховъ четы произыде, но отнюдь обычая лукаваго и обыкновеннаго ихъ лицемѣрія непричастенъ былъ: но человѣкъ простый, истинный и непоколебимъ въ разумѣ, и великій помощникъ былъ въ напастехъ и въ бѣдахъ объятымъ, такожъ и къ убогимъ милостивъ зѣло.

Потомъ убилъ [1]) архіепископа великаго Новаграда, Пимена. Той-то былъ Пименъ чистаго и зѣло жестокаго жительства, но въ дивныхъ былъ обычаяхъ: бо глаголютъ его похлѣбовати мучителю, и гонитель былъ вкупѣ на Филиппа митрополита, а мало послѣди, и самъ смертную чашу испилъ отъ него: бо пріѣхавъ самъ въ Новгородъ великій, въ рѣцѣ его утопити повелѣлъ. И тогдажъ таковое гоненіе воздвигъ [2]) во ономъ мѣстѣ великомъ, иже, глаголютъ, единаго дня посѣщи, и потопити, и пожещи, и другими различными муками получити больше пятинадесяти тысящъ мужей единыхъ, кромѣ женъ и дѣтей, повелѣлъ. Въ томъ же тогда прелютомъ пожарѣ убіенъ отъ него Андрей, глаголемый Тулуповъ, съ роду княжатъ Стародубскихъ, мужъ кротокъ и благонравенъ, въ довольныхъ лѣтѣхъ былъ; и другій мужъ Цыплетевъ, нареченный Неудача, съ роду княжатъ Бѣлозерскихъ, со женою и со дѣтками погубленъ, такожъ былъ благонравенъ и искусенъ и богатъ зѣло; а были тые даны на послуженіе великія церкви Софіи, сирѣчь Премудрости Божіей; и другіе съ ними благородные шляхетные мужи и юноши различнѣ помучени и побіени. И слышахомъ, иже великія, проклятыя, кровавыя богатства тогда пріобрѣлъ: бо въ томъ великомъ старожительномъ мѣстѣ, въ Новѣградѣ, родъ живетъ куплелюбенъ: бо маютъ отъ самаго мѣста портъ къ морю; сего ради и богати зѣло бываютъ; подобно, яко мню, великихъ ради богатствъ губилъ ихъ. Потомъ поставлена другаго архіепископа въ того мѣсто, мужа, яко слышахомъ нарочита и кротка; но аки по дву лѣтѣхъ, и того повелѣлъ убити со двѣма опаты [3]), сирѣчь игумены великими, або архимандриты. Къ тому жъ

---

[1]) Срв. выше на стр. 4, 7 и 9.
[2]) Срв. выше на стр. 4—9.
[3]) Аббаты?

въ то время множество презвитеровъ и мниховъ различнѣ помучено и погублено.

Тогдажъ убіенъ отъ него Корнилій, игуменъ, Печерскаго монастыря начальникъ, мужъ святый и во преподобію многъ и славенъ: бо отъ младости своей во мнишескихъ трудѣхъ провозсіялъ, и монастырь онъ предреченный воздвиже со многими труды и молитвами къ Богу, идѣже и безчисленныя чудеса прежде истекали, благодатію Христа Бога нашего и пресвятыя его матери молитвами, поколь было имѣній ко монастырю тому не взято, и нестяжательно мниси пребывали; егдажъ мниси стяжанія почали любити, паче же недвижимыя вещи, сирѣчь села и веси; тогда угасоша Божественныя чудеса. И тогда вкупѣ убіенъ съ нимъ другій мнихъ, ученикъ того Корнилія, Васьянъ именемъ, по нареченію Муромцовъ: мужъ былъ ученый и искусный и во священныхъ писаніяхъ послѣдователь. И глаголютъ, ихъ вкупѣ во единъ день орудіемъ мучительскимъ нѣкакимъ раздавленныхъ: вкупѣ и тѣлеса ихъ преподобно-мученическія погребены. Потомъ мѣсто великое Ивангграда, еже близу моря стоитъ на рѣцѣ Нарвѣ, выграбивъ все, сожещи повелѣлъ. Такожъ и во Псковѣ великомъ и во иныхъ многихъ градѣхъ многія безчисленныя бѣды, и тщеты, и кровопролитія тогда быша, ихъ же поряду исписати невозможно. А всѣмъ тѣмъ служители быша ласкатели его, со онымъ прелютымъ варваромъ полкомъ, нарицаемыхъ кромѣшниковъ, яко и предъ тѣмъ уже многажды о нихъ рѣхомъ: вмѣсто нарочитыхъ, доброю совѣстію украшенныхъ мужей, собралъ себѣ со всея тамошнія русскія земли человѣковъ скверныхъ и всякими злостьми исполненныхъ, и къ тому еще обвязалъ ихъ клятвами страшными, и принудилъ окаянныхъ не знатись не токмо со други и братіями, а ни съ самыми родители, но точію во всемъ ему угождати и скверное его и кровоядное повелѣніе исполняти и, на таковыхъ и паче тѣхъ прелютыхъ, ко крестному цѣлованію принуждаше окаянныхъ и безумныхъ.....

О вселукаваго супостата человѣческаго умышленія! о неслыханныя презлости и бѣды, паче всѣхъ преступленій человѣковъ въ пропасть порѣвающе! Кто слыхалъ отъ вѣка таковыя, иже Христовымъ знаменіемъ клянущесь на томъ, да Христосъ гонимъ будетъ и мучимъ? и на томъ крестное знаменіе цѣловати, да церковь Христова растерзается различными муками? и клятись клятвами страшными на томъ, да любовь естественная, отъ сотворителя нашего въ насъ всажденная, къ родителемъ и ближнимъ и другомъ, расторгнется? Здѣ ми зри бѣды неслыханныя! Здѣ заслѣпленіе человѣковъ оныхъ! Яко діаволъ навелъ ихъ хитролестнѣ Христа отрещись! Первѣе, прельстилъ царя, потомъ уже вкупѣ со царемъ тѣхъ окаянныхъ въ якую пропасть опровергль и навелъ отъ оныхъ обѣтовъ, яже бываютъ самому Христу на святомъ крещенью, отоврещись сице: еже Христовымъ именемъ клянущись, евангельскихъ заповѣдей отрицатись! А что глаголю евангельскихъ и естественныхъ: яко рѣхъ, которые въ поганскихъ языцѣхъ соблюдаеми и сохраняеми, и сохранитись будутъ и соблюдатись, по впоенному въ насъ прирожденію отъ Бога. Въ яковый ровъ человѣческій родъ діаволъ вверже со своимъ стайникомъ, зри здѣ! Се маньяковъ или похлѣбниковъ плоды полезны таковы: во евангеліи учатъ враговъ любити и гонящихъ благословляти и прочее; естественныя внутръ всѣхъ человѣковъ безъ гласа вопіютъ и безъ языка учатъ къ родителемъ покореніе, а ко сроднымъ и другомъ

любовь имѣти: а діаволъ съ клевретомъ своимъ полкъ кромѣшниковъ сопротивъ всѣхъ тѣхъ вооружилъ, и клятвами очаровалъ; и воистинну чары, всѣхъ чаровъ проклятые и сквернѣйшіе, надъ человѣческимъ бѣднымъ родомъ стались отъ чаровъ зачатаго царя. Господь заповѣдуетъ не пріимати имени своего туне, а ни малѣйшими отнюдь клятвами обязатись свободному естеству сущему, сирѣчь а ни небомъ, ни землею, ни главою своею, и прочими не клятись: а тѣ предреченные кромѣшники, аки забывши, отрекши всѣхъ тѣхъ, сопротивныя пострадаша [1]).

Но что дивитеся, здѣ живущіе издавна подъ свободами христіанскихъ кролей, аки вѣрѣ не подобны бѣды наши, оныя предреченныя, мняще! Воистинну, паче вѣрѣ не подобны бы обрѣлися, аще бы всѣ по ряду исписалъ. А сіе писалъ, къ сокращенію трагедіи тоя жалостныя зряще: понеже и такъ едва отъ великія жалости сердце ми не расторглося.

. . . .

. . . .

Заключеніе „Исторіи князя великаго московскаго“, написанной А. Курбскимъ, таково.

И нынѣ, скончавающе исторію новоизбіенныхъ мучениковъ, да похвалимъ по силѣ нашей, елико можемъ. И кто бы, умъ здравъ имѣюще, возбранялъ ихъ похвалити? Развѣ бы кто гнуснаго, и лѣниваго, и лютаго, и неистоваго ума былъ. Речетъ кто: «негли мученики царей нечестивыхъ, и идоломъ не послужили, и предъ лютыми мучители единаго Бога исповѣдали, и сего ради различныя муки претерпѣли и смерти строгія подъяли, радующесь, за Христа Бога?». Сіе воистинну и азъ вѣмъ; но и тѣ новоизбіенные отъ лютаго и безчеловѣчнаго царя: аще онъ Богу мнится и вѣровати и служити въ Троицѣ славиму, и крещеніемъ просвѣщенъ былъ; но Бога единаго и діаволи вѣдятъ, въ Троицѣ же славимаго, и иконоборцы и другіе мучители исповѣдали, но тако жъ и тѣ множество мучениковъ и исповѣдниковъ прелютыми мученьми помучили за Христа: бо былъ крещенъ и Фока мучитель и цесаремъ Римскимъ и Грецкимъ; но обаче, безчеловѣчія его ради, мучитель нареченъ есть. Азъ же реку нѣчто поистинѣ дерзостнѣйше: положилъ бы нѣкто два драконы ядовитыхъ и видѣлъ ихъ единаго внѣ, а другаго внутрь: котораго жъ бы удобнѣе было устрещися, внѣшняго или внутренняго? Ктобы прѣлъ, иже внѣшняго! Тако царіе бѣша прежніе мучители нечестивые идолослужители, болваномъ глухимъ и нѣмымъ жертву приносяще и бояшесь тѣхъ боговъ новыхъ, ихъ же не подобаше боятися, по реченному: *убояшесь страха, идѣже не бѣ страха*, и быша оные церкви Христовы явственные и внѣшніе непріятели. Но новый нашъ, не внѣшній, но воистинну внутренній драконъ, не болваномъ служити повелѣлъ, а ни жертвы приносити имъ; но первѣе самъ самого діавола волю исполнилъ, возненавидѣлъ узкій и прискорбный путь покаяніемъ ко спасенію приводящь, и потекъ съ радостію по широкому и пространному пути, водящему въ погибель, яко самимъ намъ многажды слышавшимъ ото устъ его: егда уже былъ развратился, тогда во слухъ всѣмъ

---

[1]) Характеристика *опричнины* у Курбскаго одностороння и туманна, ибо авторъ, повидимому, не имѣлъ въ своемъ распоряженіи точныхъ данныхъ, посмотрѣвъ на учрежденіе съ узко этической точки зрѣнія; онъ схватилъ его ходячія внѣшнія черты.

глаголалъ: «едино, рече, предъ себя взяти, или здѣшнее или тамошнее!», сирѣчь или Христовъ прискорбный путь, или сатанинъ широкій.

О безумный и окаянный! забылъ еси прежде себя царей царствовавшихъ, и въ новомъ и въ ветхомъ Завѣтѣ, паче же прародителей твоихъ, княжатъ русскихъ святыхъ, ходящихъ по Христову узкому пути, сирѣчь мѣрнѣ и воздержнѣ живущихъ; но обаче царствующихъ блаженнѣ, яко и ты самъ въ покаянію былъ немало лѣтъ и добрѣ царствовалъ. А нынѣ, егда развратился еси, прельстился отъ ласкателей, тогда таковыя словеса отрыгнулъ еси, избравши себѣ пространный Антихристовъ путь, и отринулъ отъ себя всѣхъ предобрыхъ и разумныхъ мужей, и собравши войско діаволе, сирѣчь похлѣбниковъ, и отовсюду злодѣевъ, во всѣмъ согласующихъ злостемъ твоимъ, нарицающсь церковникомъ, погналъ перковь Божію.... и яко погналъ! и коль страшне и прелюто! иже рещи и выписати невозможно! (Яко напреди мало рѣхомъ, но обаче мало нѣчто и отчасти о томъ гоненію въ предреченныхъ изъявлено). Не нудилъ жертвы приносити болваномъ, но діаволомъ вкупѣ съ собою согласовати повелѣвалъ, трезвыхъ во піянствѣ погружатися нудилъ, отъ негоже всѣ злыя возрастаютъ; не Крону жрети и дѣти закалати, но отрекшись естества, сирѣчь отца и матери и братій, рѣзати человѣковъ по составомъ повелѣлъ, яко и Басманова Ѳеодора принудилъ отца убити, и Никиту безумнаго Прозоровскаго — Василія, брата своего, и другихъ многихъ; не предъ Афротидовымъ болваномъ блудотворенія и нечистоты плодити, но явственнѣйшихъ своихъ скверныхъ пированіяхъ прескврернѣйшіе глаголы со восклицаніемъ и со вопіяніемъ отрыгати (а что по томъ послѣдовало, дѣлы исполняемыя скверности и нечистоты, сіе совѣсти ихъ пущаю лучше вѣдати); не въ Бахусову звѣзду поставленному болвану піянствующе, и безчинствующе, ни праздникъ его во едино время и въ годъ сіе творя; но вѣсь цѣлый вѣкъ свой,—егда возненавидѣлъ воздержальное житіе,—тысящу кратъ горше, нежели оные поганы, Бахуса почитающе, піянствующе и безчинствующе, крови христіанскія на проклятыхъ пированіяхъ проливающе нехотящихъ согласовати ему въ таковыхъ: яко единъ мужъ храбрый посреди пиру обличилъ его предо всѣми, ему жъ было нареченіе Молчанъ Митновъ. Егда нудимъ былъ отъ его предреченными оными великими, діаволу обѣщальными, чашами пити; тогда велегласно возопивша [1]) глаголютъ его и рекша: «О царю! воистинну яко самъ піешь, такъ и насъ принуждаешь окаянныхъ, медъ съ кровію смѣшанный братій нашихъ, правовѣрныхъ христіанъ, пити!». Онъ же, абіе возгорѣвся гнѣвомъ великимъ, копьемъ, еже во проклятомъ жезлѣ своемъ носяше, абіе рукою своею пробилъ его и внѣ храмины лютымъ кромѣшникомъ [2]) повелѣлъ извлещи его, едва дышуша, и добити. И сице исполнилъ по мостъ полаты кровію, посреди проклятаго пиру. Едали и сей мужъ не мученикъ, воистинну свѣтлый и знаменитый побѣдоносецъ!

Христіанскій, речешь, царь? И еще православный, отвѣщаю ти: христіановъ губилъ и отъ православныхъ человѣковъ рожденныхъ и ссущихъ младенцевъ не пощадилъ! Обѣщался, речешь, Христу на кре-

---

[1]) Говорятъ, что Псковъ былъ спасенъ отъ погрома словами юродиваго Салоса, который такъ встрѣтилъ царя: „Ивашко! Ивашко! долго ли тебѣ лить неповинную кровь христіанскую“.

[2]) Срв. выше на стр. 19 и 25.

щеніи, отрекшися діавола и всѣхъ дѣлъ и всѣхъ ангелъ его? Реку ти паки: поправши заповѣди Христа своего и отвергшися законоположенія евангельского, егда не явственно обѣщался діаволу и ангеломъ его, собравши воинство полковъ діавольскихъ и учинивши надъ ними стратилаты окаянныхъ своихъ ласкателей, и вѣдый волю царя небеснаго, произвелъ дѣломъ всю волю сатанинскую, показующе лютость неслыханную, никогда же бывшую въ Русіи, надъ церковью живаго Бога! Не боится, а ни ужасается новыхъ боговъ? Глаголю ти: аще не боится новыхъ, но боится чаровъ, сирѣчь стараго и древняго Веліара, научившися и ведуще, иже знаменіемъ честнаго креста всеужасіе попирается и изгоняется. Къ тому, не яко ли у мучителей древнихъ различныя орудія мученій, таможъ и у нашего новаго? не сковрады ли и пещи? не бичеваніе ли жестокое и ногти острые? не клещи ли разженныя, торганія ради тѣлесъ человѣческихъ? не иголъ ли за ногти біеніе и ,рѣзаніе по составомъ? не претренія ли вервми наполы не токмо мужей, но и женъ благородныхъ, и другіе безчисленные и неслыханные роды мукъ, на неповинныхъ произведенные отъ него?... Еще ли не мучитель прелютый!...

Окаянные и вселукавые пагубники отечества, и тѣлесоядцы, и кровопивцы сродникъ своихъ и единоязычныхъ! поколь маете безстудствовати и оправдати такого человѣко-разтерзателя? О преблаженные и достохвальные святые мученики новоизбіенные отъ внутренняго змія! за добрую совѣтсь вашу пострадасте, и мало здѣ претерпѣвши и очистившеся прехвальнымъ симъ крещеніемъ, чисти къ пречистѣйшему Христу отойдосте мзды трудовъ воспріяти! Едали тѣ много не потрудишася? едали не добрѣ страдаша, нетокмо христіанъ убогихъ отъ варваровъ въ землѣ своей обороняюще, но и царства кровопивственныя Бусурманскія цѣлыя мужествомъ храбрости своея разориша и съ самими цари ихъ безвѣрными, и предѣлы разшириша царства христіанскаго ажъ до Каспійскаго моря и окрестъ, и грады тамо христіанскіе поставиша, и святые олтари воздвигоша и многихъ невѣрныхъ къ вѣрѣ приводоша?

И что возглаголю о распространенію границъ на другія страны, служаще цареви своему и общей вещи христіанской вѣрнѣ, и яковую мзду здѣ получиша отъ того лютаго и безчеловѣчнаго царя! Едали Христосъ не воздастъ имъ и не украситъ вѣнцы мученическими таковыхъ, яже обѣщалъ и за чашу студеныя воды отдати мзду? А сего ради, воистинну, будутъ ѣздити или плавати на облацѣхъ во срѣтеніе Господне въ первомъ воскресенію, яко рече Богословъ въ Апокалипсисѣ: *блаженъ*, рече, *иже получитъ часть въ первомъ воскресенію*, и Павелъ: *яко бо о Адамѣ вси умираютъ, тако и о Христѣ вси оживутъ; койждо во своемъ чину: начатокъ Христосъ*, сирѣчь пострадавшихъ: воскресе первый въ нетлѣнномъ тѣлеси, начальникъ воскресенію за него пострадавшихъ; *потомъ Христу вѣровавшіе во пришествіе его*, сирѣчь во второе, егда со ангелы явится, *потомъ кончина*, сирѣчь Антихристово убіеніе и общее всѣхъ воскресеніе. «Тогда, рече Соломонъ, станетъ во дерзновеніи многѣ праведникъ предъ лицемъ мучителя,» рекше очевистѣ съ мучившимъ его, або со обидѣвшимъ; тогда, глаголю, и тѣ послѣдніе мученики, со древними страстотерпцы и побѣдоносцы, встрѣтятъ Христа своего, посреди аера отъ превыспреннихъ небесъ грядущаго со всѣми ангелы своими, на избавленіе ихъ: они жъ отъ земли многими и великими полки,

яко небопарный Павелъ глаголетъ, восхищенны будутъ на облацѣхъ во срѣтеніе Господне на воздусѣ, и тамо всегда съ Господемъ будутъ. Ихъ же и насъ да сподобитъ, по премногой благодати своей, а не по нашимъ дѣламъ, Господь нашъ Исусъ Христосъ, истинный Богъ, емужъ слава со безначальнымъ Отцемъ и со пресвятымъ и благимъ и животворящимъ святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки *(срв. выше на стр. 11)* вѣковъ. Аминь.

III.

Учрежденіе опричнины.

Опричнина царя Ивана IV представляетъ собою одно изъ крайне любопытныхъ явленій русской исторіи XVI вѣка и вмѣстѣ одинъ изъ тягчайшихъ пунктовъ обвиненій противъ Грознаго въ нашей литературѣ той поры, когда думали, что историки призваны къ охуленію или къ идеализаціи историческихъ лицъ. Опричнины *не* понимали очень долгое время и превращали ее въ простую нелѣпицу или результатъ умоизступленныхъ вспышекъ царя Ивана IV. Въ болѣе позднее время выступилъ проф. В. О. Ключевскій со своей выразительной и заманчивой, но далеко не обоснованной теоріей опричнины, какъ корпуса жандармовъ при государѣ, предназначеннаго исключительно для борьбы съ крамолой. Навстрѣчу обаятельнымъ построеніямъ В. О. Ключевскаго выступилъ проф. С. Ѳ. Платоновъ съ его холоднымъ обозначеніемъ опричнины, какъ учрежденія, имѣющаго опредѣленный смыслъ, и металлической аргументаціей, не поддающейся разгрому. Споръ создавался на почвѣ чрезвычай-

ной скудости первоисточниковъ по данному вопросу. Наиболѣе систематическимъ повѣствованіемъ объ учрежденіи опричнины является разсказъ Александроневской лѣтописи, впервые изданной въ III томѣ „Русской Исторической Библіотеки» (Спб., 1876). Этотъ разсказъ и приводится далѣе въ виду его глубокаго интереса. Кромѣ того, отрывокъ изъ такъ называемой Александроневской лѣтописи, извѣстной по рукописи XVII вѣка и обнимающей пространство времени отъ 1563 до 1567 года включительно, разрушаетъ, между прочимъ, ходячую легенду о томъ, что князь А. М. Курбскій, отъѣхавъ въ Литву, прислалъ къ царю Ивану IV съ письмомъ своего слугу В. Шибанова, за что корилъ его историкъ Устряловъ. Вотъ что читаемъ въ названномъ отрывкѣ. Въ маѣ 1564 г. «писали ко царю и великому князю изъ Юріева ливонского воеводы Ѳедоръ Бутурлинъ съ товарыщи да дьяки Шемей Щелепинъ да Василей Дядинъ, что изъ Юріева бояринъ и воевода князь Ондрей Курбьской государю... измѣнилъ, изъ Юріева побѣжалъ апрѣля въ 30 день, въ ночи, въ нѣмецкой городъ, ко государскому недругу къ литовскому королю; а людей съ нимъ побѣжало 12 человѣкъ; а жены своее и живота не взялъ; а человѣка его Васку Шибанова воеводы поимали, прислали ко государю. Тотъ же человѣкъ его Васка Шибановъ государю... сказалъ про государя своего князя Ондрѣя измѣнные дѣла, что государю... умышлялъ многіе измѣнные дѣла».

I.

Поѣздъ болшой государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русіи.

Тоя же [1]) зимы, декабря въ 3 день, въ недѣлю, царь и великій князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи съ своею царицею и великою княгинею Марьею и съ своими дѣтми, со царевичемъ Иваномъ и со царевичемъ Ѳедоромъ, поѣхалъ съ Москвы въ село въ Коломенское и празникъ Николы чюдотворца празновалъ въ Коломенскомъ. Подъемъ же его не таковъ былъ, якоже прежъ того ѣзживалъ по манастыремъ молитися, или на которые свои потѣхи въ объѣзды ѣздилъ: взялъ же съ собою святость, иконы и кресты, златомъ и каменіемъ драгимъ украшеные, и суды золотые, и серебряные, и поставцы всѣ всякихъ судовъ золотое и серебряное, и платіе и денги, и всю свою казну повелѣ взяти съ собою. Которымъ же бояромъ и дворяномъ ближнимъ и приказнымъ людемъ повелѣ съ собою ѣхати, и тѣмъ многимъ повелѣ съ собою ѣхати съ женами и съ дѣтми. А дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ выборомъ изъ всѣхъ городовъ, которыхъ прибралъ государь быти съ нимъ, велѣлъ тѣмъ всѣмъ ѣхати съ собою съ людьми и съ конми, со всѣмъ служебнымъ нарядомъ. А жилъ въ селѣ въ Коломенскомъ двѣ недѣли, для непогодія и безпути, что были дожди въ рѣкахъ, была поводь велика и кры въ рѣкахъ прошли. И какъ рѣки встали, и царь и государь изъ Коломенского поѣхалъ въ село въ Танинское, декабря въ 17 день, въ недѣлю, а изъ Тонинского къ Троицѣ; а чюдотворцову память Петра митро-

---

[1]) Т.-е. $\frac{7073}{1564}$ года.

полита декабря въ 21 день, празновалъ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ; а отъ Троицы изъ Сергіева монастыря поѣхалъ въ слободу. На Москвѣ же тогда быша: Аѳонасій, митрополитъ всеа Русіи; Пиминъ, архіепископъ Великаго Новаграда и Пскова; Никандръ, архіепископъ Ростовскій и Ярославскій, и иные епископы, и архимандриты, и игумены, и царевы и великого князя бояре, и околничіе, и всѣ приказные люди; всѣ же о томъ въ недоумѣніи и во униніи быша такому государьскому великому необычному подъему и путнаго его шествія невѣдамо куды бяше.

А генваря въ 3 день [1]) прислалъ царь и великій князь изъ слободы ко отцу своему и богомолцу къ Ѳѳонасію, митрополиту всеа Русіи, съ Костянтиномъ Дмитреевымъ сыномъ Поливанова съ товарыщи, да списокъ, а въ немъ писаны измѣны боярскіе и воеводскіе и всякихъ приказныхъ людей, которые они измѣны дѣлали и убытки государьству его, до его государьского возрасту, послѣ отца его, блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Василія Ивановича всеа Русіи. И царь и великій князь гнѣвъ свой положилъ на своихъ богомолцевъ на архіепископовъ, и епископовъ, и на архимандритовъ, и на игуменовъ, и на бояръ своихъ, и на дворецкого и конюшего, и на околничихъ, и на казначеевъ, и на дьяковъ, и на дѣтей боярскихъ, и на всѣхъ приказныхъ людей, опалу свою положилъ въ томъ: что послѣ отца его блаженные памяти великого государя Василія, при его государствѣ, въ его государьскіе несвершеные лѣта, бояре и всѣ приказные люди его государства людемъ многіе убытки дѣлали и казны его государьскіе тощили, а прибытковъ его казнѣ государьской никоторой не прибавливали. Также бояре его и воеводы земли его государскіе себѣ розоимали и другомъ своимъ, племяни его, государьскіе земли роздавали, и держачи за собою бояре и воеводы помѣсья и вотчины великія, и жалованія государьскія кормленые емлючи, и собравъ себѣ великіе богатства, и о государѣ и о его государьствѣ и о всѣмъ православномъ христіянствѣ не хотя радѣти, и отъ недруговъ его отъ Крымскаго и отъ Литовского и отъ Нѣмецъ не хотя крестіянства обороняти, наипаче же крестіяномъ насиліе чинити, и сами отъ службы учали удалятися, и за православныхъ крестіянъ кровопролитіе противъ безерменъ и противъ Латынъ и Нѣмецъ стояти не похотѣли. И въ чемъ онъ, государь, бояръ своихъ и всѣхъ приказныхъ людей, также и служилыхъ князей и дѣтей боярскихъ похочетъ которыхъ въ ихъ винахъ понаказати и посмотрити, и архіепископы и епископы и архимандриты и игумены, сложась съ бояры и съ дворяны и съ дьяки и со всѣми приказными людми, почали по нихъ же государю, царю и великому князю покрывати. И царь и государь и великій князь, отъ великіе жалости сердца, не хотя ихъ многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣти, оставилъ свое государьство и поѣхалъ, гдѣ вселитися, идѣже его, государя, Богъ наставитъ. Къ гостемъ же и къ купцомъ и ко всему православному крестіанству града Москвы царь и великій князь прислалъ грамоту съ Костянтиномъ Поливановымъ, а велѣлъ передъ гостьми и передъ всѣми людми ту грамоту прочести дьякомъ Путилу Михайлову да Ондрѣю Васильеву; а въ грамотѣ своей къ нимъ писалъ, чтобы они себѣ никоторого сумнѣнія не держали, гнѣву на нихъ и опалы никоторые нѣтъ.

---

[1]) Т.-е. $\frac{7073}{1565}$ года.

Слышавъ же сія преосвященный Аѳонасій, митрополитъ всеа Русіи, и архіепископы и весь освященный соборъ, что ихъ для грѣховъ сія сключишася, государь государство оставилъ, зѣло о семъ оскорбѣша и въ велицѣ недоумѣніи быша. Бояре же, и околничіе, и дѣти боярскіе, и всѣ приказные люди, и священническій и иноческій чинъ, и множества народа, слышавъ таковыя, что государь гнѣвъ свой и опалу на нихъ положилъ, государство свое отставилъ, они же отъ многаго захлипанія слезнаго передъ Ѳѳонасіемъ митрополитомъ всеа Русіи и передъ архіепископы и епископы и предъ всѣмъ освященнымъ соборомъ съ плачемъ глаголюще: увы, горе, како согрѣшихомъ передъ Богомъ и прогнѣвакомъ государя своего многими предъ нимъ согрѣшеніи, и милость его велію превратихомъ на грѣхъ и на ярость! нынѣ къ кому прибѣгнемъ, и кто насъ помилуетъ, и кто насъ избавитъ отъ нахоженія иноплеменныхъ? како могутъ быти овцы безъ пастыря? Егда волки видятъ овца безъ пастуха, и волки восхитятъ овца; кто измѣтца отъ нихъ? Также и намъ какъ быти безъ государя? И иная многая словеса подобная сихъ изрекоша къ Ѳѳонасію, митрополиту всеа Русіи, и всему освященному собору; и не токмо сія глаголюще, наипаче веліемъ гласомъ молиша его со многими слезами, чтобы Аѳонасій, митрополитъ всеа Русіи, съ архіепископы и епископы и со освященнымъ соборомъ подвигъ свой учинилъ, и плачь ихъ и вопль утолилъ, и благочестиваго государя и царя на милость умолилъ, чтобы государь, царь и великій князь гнѣвъ свой отовратилъ, милость показалъ и опалу свою отдалъ, а государьства своего не оставлялъ, и своими государьствы владѣлъ и правилъ, якоже годно ему государю. А кто будетъ государьскіе лиходѣи и которые измѣнные дѣла дѣлали, и въ тѣхъ вѣдаетъ Богъ да онъ государь, и въ животѣ и въ казни его государьская воля; а мы всѣ своими головами ѣдемъ за тобою государемъ святителемъ своему государю, царю и великому князю о его государьской милости бити челомъ и плакатися.

Такоже и гости и купцы и всѣ гражане града Москвы потомуже биша челомъ Аѳонасію, митрополиту всеа Русіи, и всему освященному собору, чтобы били челомъ государю, царю и великому князю, чтобы надъ ними милость показалъ, государьства не оставлялъ, и ихъ *на расхищеніе волкомъ не давалъ, наипаче же отъ рукъ сильныхъ* [1]) *избавлялъ*; а кто будетъ государьскихъ лиходѣевъ и измѣнниковъ, и они за тѣхъ не стоятъ и сами тѣхъ потребятъ. Митрополитъ же Аѳонасій, слышавъ отъ нихъ плачь и стенаніе неутолимое, самъ же ѣхати ко государю не изволи, для градскаго бреженія, что *всѣ приказные люди приказы государьскіе отставиша, и градъ оставиша*, ни кимъ же брегомъ, и послалъ къ благочестивому царю и великому князю въ Олександровскую слободу отъ себя того же дни, генваря въ 3 д., Пимина, архіепископа Великаго Новаграда и Пскова, да Михайлова чюда архимандрита Левкію молити и бити челомъ, чтобы царь и великій князь надъ нимъ, своимъ отцемъ и богомолцомъ, и надъ своими богомолцы надъ архіепископы и епископы и на всемъ освященномъ соборѣ милость показалъ и гнѣвъ свой отложилъ; также бы и надъ своими бояры, и надъ околничими, и надъ

---

[1]) Купечество и московская чернь молятъ Грознаго остаться на царствѣ, ибо кто въ противномъ случаѣ, вопятъ они, будетъ избавлять ихъ „отъ рукъ сильныхъ", т.-е. отъ рукъ произвола бояръ и приказныхъ. Ярко выраженная классовая рознь помогла царю Ивану IV-му въ его затѣѣ *отъѣзда*, пахнущей воспоминаніями удѣльной поры.

казначеи, и надъ воеводами, и надо всѣми приказными людми, и надъ всѣмъ народомъ крестіянскимъ милость свою показалъ, гнѣвъ бы свой и опалу съ нихъ сложилъ, и на государьствѣ бы былъ, и своими бы государьствы владѣлъ и правилъ, какъ ему государю годно; и кто будетъ ему государю и его государьству измѣнники и лиходѣи, и надъ тѣми въ животѣ и въ казни его государьская воля.

А архіепископы и епископы сами по себѣ бити челомъ поѣхали въ слободу царю, государю и великому князю о его царской милости: Никандръ, архіепископъ Ростовскій; Елеуферей, епископъ Суздалской; Филофей, епископъ Рязанской; Матөѣй, епископъ Крутицкой; Троецкой Сергіева монастыря архимандритъ Меркурей; Спаской архимандритъ Өеоктистъ; Андроньевской архимандритъ Іосифъ. Бояре: князь Иванъ Дмитреевичь Бѣлской, князь Иванъ Өедоровичь Мстиславской, и всѣ бояре, и околничіе, и казначеи, и дворяне и приказные люди многіе, не ѣздя въ домы своя, поѣхаша съ митрополичья двора изъ города за архіепископомъ и владыками въ Олександровскую слободу; также гости и купцы и многіе черные люди, со многимъ плачемъ и слезами, изъ града Москвы поѣхали за архіепископы и епископы бити челомъ и плакатися царю и великому князю о его государьской милости.

Пиминъ же, архіепископъ Великаго Новаграда и Пскова, да Чюдовскій архимандритъ Левкія, пріѣхавъ въ Слотино, и обослалися въ слободу, какъ имъ государь велитъ очи свои видѣти.

Государь же имъ повелѣ ѣхати къ себѣ съ приставы. Пріѣхаша же въ слободу генваря въ 5 день. Архіепископъ же Пиминъ и архимандритъ Левкія государю отъ митрополита Аөонасія благословеніе и челобитье исправили; архіепископы же и епископы, архимандриты и игумены соборнѣ преже биша челомъ благочестивому царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русіи о себѣ, чтобы ихъ государь пожаловалъ, очи свои велѣлъ имъ видѣти.

И царь и великій князь ихъ пожаловалъ, очи свои видѣти имъ велѣлъ; они же преже биша челомъ о себѣ, чтобы государь милость свою имъ показалъ, гнѣвъ свой съ нихъ сложилъ; потомъ же биша челомъ царю и великому князю отцемъ его и богомолцомъ Аөонасіемъ, митрополитомъ всеа Русіи, чтобы государь, для отца своего и богомолца Аөонасія, митрополита всеа Русіи, и освященнаго собора, милость свою показалъ, велѣлъ очи свои видѣти бояромъ и приказнымъ, и опалу бы свою имъ отдалъ, и государьствы своими правилъ, какъ ему государю годно, и многимъ моленіемъ молиша его со слезами о всемъ народѣ крестіянскомъ, якоже преди изрекохомъ.

Благочестивый же царь и великій князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, милосердуя о всемъ православномъ крестіянствѣ, для отца своего и богомолца Аөонасія, митрополита всеа Русіи, и для своихъ богомолцовъ, архіепископовъ и епископовъ, бояромъ своимъ и приказнымъ людемъ очи свои видѣти велѣлъ, и архіепископомъ и епископомъ и всему освященному собору милостивое свое жалованное слово рекъ: для отца своего и богомолца Аөонасія, митрополита всеа Русіи, моленія, и васъ для своихъ богомолцевъ челобитья, государьства свои взяти хотимъ; а какъ намъ свои государьства взяти и государьствы своими владѣти, о томъ всемъ прикажемъ [1]) къ отцу своему и богомолцу къ Өөонасію, ми-

[1]) Подлиннаго указа объ учрежденіи опричнины до насъ не дошло; о существованіи его извѣстно изъ описи царскаго архива XVI вѣка; быть можетъ дальнѣй-

трополиту всеа Русіи, съ своими богомолцы. И тогда же въ слободѣ архіепископъ повелѣ празновати на Богоявленіе Господне.

И отпустилъ ихъ къ Москвѣ къ отцу своему Аѳонасію митрополиту; а остави у себя бояръ, князя Ивана Дмитреевича Бѣлского, да князя Петра Михайловича Щенятева и иныхъ бояръ.

А къ Москвѣ того же дни, генваря въ 5 день, отпустилъ бояръ, князя Ивана Ѳедоровича Мстиславского, князя Ивана Ивановича Пронского и иныхъ бояръ и приказныхъ людей, да будутъ они по своимъ приказомъ и правятъ его государьство по прежнему обычаю.

Челобитье же государь, царь и великій князь архіепископовъ и епископовъ принялъ [1]) на томъ, что ему своихъ измѣнниковъ, которые измѣны ему государю дѣлали и въ чемъ ему, государю, были непослушны, на тѣхъ опала своя класти, а иныхъ казнити и животы ихъ и статки имати; а учинити ему на своемъ государствѣ себѣ опришнину, дворъ ему себѣ и на весь свой обиходъ учинити особной. А бояръ и околничихъ, и дворецкаго, и казначеевъ, и дьяковъ, и всякихъ приказныхъ людей, да и дворянъ и дѣтей боярскихъ, и столниковъ, и стряпчихъ, и жилцовъ учинити себѣ особно, и на дворцѣхъ на сытномъ, и на кормовомъ, и на хлѣбенномъ учинити клюшниковъ, и подклюшниковъ, и сытниковъ, и поваровъ, и хлѣбниковъ, да и всякихъ мастеровъ, и конюховъ, и псарей, и всякихъ дворовыхъ людей на всякой обиходъ, да и стрѣлцовъ приговорилъ учинити себѣ особно.

А на свой обиходъ повелѣлъ государь, царь и великій князь, да и на дѣтей своихъ, царевичевъ Ивановъ и царевичевъ Ѳеодоровъ обиходъ, городы и волости: городъ Можаескъ, городъ Вязму, городъ Козелескъ, городъ Перемышль два жеребья, городъ Бѣлевъ, городъ Лихвинъ, обѣ половины, городъ Ярославецъ и съ Суходровью, городъ Медынь и съ Товарковою, городъ Суздаль и съ Шуею; городъ Галичь со всѣми пригородки, съ Чюхломою, и съ Унжею, и съ Коряковымъ и съ Бѣлогородьемъ; городъ Вологду, городъ Юрьевецъ Поволской, Балахну и съ Узолою, Старую Русу, городъ Вышегородъ на Поротвѣ, городъ Устюгъ со всѣми волостьми, городъ Двину, Каргополь, Вагу; а волости: Олешню, Хотунъ, Гусъ, Муромское, селцо Аргуново, Гвоздну, Опаковъ на Угрѣ, Кругъ, Клинской Числяки, Ординскіе деревни, и станъ Пахрянской въ Московскомъ уѣздѣ, Бѣлгородъ въ Кашинѣ, да волости Вселунъ, Ошту, порогъ Ладожской, Тотму, Прибужь.

И иные волости государь поималъ кормленымъ окупомъ, съ которыхъ волостей имати всякіе доходы на его государьской обиходъ, жаловати бояръ и дворянъ и всякихъ его государевыхъ дворовыхъ людей, которые будутъ у него въ опришнинѣ [2]). А съ которыхъ городовъ и волостей доходу не достанетъ на его государьской обиходъ, и иные городы и волости имати.

А учинити государю у себя въ опришнинѣ князей и дворянъ и дѣтей боярскихъ, дворовыхъ и городовыхъ, 1000 головъ, и помѣстья имъ

шія строки изъ отрывка Александроневской лѣтописи и представляютъ собою „не вполнѣ удачное и вразумительное его сокращеніе“.

[1]) Это былъ своего рода договоръ (рядъ) царя съ народомъ; царь возвращался назадъ *на всей своей волѣ*; вернувшись, онъ постарался во всю показать населенію весь смыслъ и реальное значеніе своей воли.

[2]) Срв. выше на стр. 19, 25 и 26.

подавати въ тѣхъ городѣхъ съ одново, которые городы поималъ въ опришнину.

А вотчинниковъ и помѣщиковъ, которымъ не быти въ опришнинѣ, велѣлъ изъ тѣхъ городовъ вывести, и подавати земли велѣлъ въ то мѣсто въ иныхъ городѣхъ, понеже опришнину повелѣ учинити себѣ особно.

На дворъ же свой и своей царицѣ великой княгинѣ дворъ повелѣ мѣсто чистити, гдѣ были хоромы царицы и великіе княгини, позади Рожества пречистые и Лазаря святого, и погребы и ледники и поварни всѣ, и покурятные ворота; также и княже Володимерова двора Ондрѣевича мѣсто принялъ и митрополича мѣста.

Повелѣ же и на посадѣ улицы взяти въ опришнину: отъ Москвы рѣки Чертолскую улицу и съ Семчинскимъ селцомъ и до Всполія, да Арбацкую улицу по обѣ стороны и съ Сивцовымъ Врагомъ и до Дорогомиловского всполія, да до Никицкой улицы, половину улицы отъ города, ѣдучи лѣвою стороною и до всполія, опричь Новинского монастыря и Савинского монастыря и Алексѣевского монастыря слободы; а слободамъ быти въ опришнинѣ: Ильинской подъ Сосенками, Воронцовской, Лыщиковской.

И которые улицы и слободы поималъ государь въ опришнину, и въ тѣхъ улицахъ велѣлъ быти бояромъ и дворяномъ и всякимъ приказнымъ людямъ, которыхъ государь поималъ въ опришнину; а которымъ въ опришнинѣ быти не велѣлъ, и тѣхъ изъ всѣхъ улицъ велѣлъ перевести въ иные улицы на посадъ.

Государьство же свое московское, воинство и судъ и управу и всякіе дѣла земскіе приказалъ вѣдати и дѣлати бояромъ [1]) своимъ, которымъ велѣлъ быти въ земскихъ: князю Ивану Дмитреевичю Бѣлскому, князю Ивану Ѳедоровичю Мстиславскому, и всѣмъ бояромъ; а конюшему и дворетцкому и казначеемъ и дьякомъ и всѣмъ приказнымъ людемъ велѣлъ быти по своимъ приказомъ, и управу чинити по старинѣ; а о болшихъ дѣлѣхъ приходити къ бояромъ. А ратные каковы будутъ вѣсти или земскіе великіе дѣла, и бояромъ о тѣхъ дѣлѣхъ приходити ко государю, и государь, приговоря съ бояры, тѣмъ дѣломъ управу велитъ чинити. За подъемъ же свой приговорилъ царь и великій князь взяти изъ земского приказа сто тысячь рублевъ. А которые бояре и воеводы и приказные люди дошли до государьскіе великіе измѣны, до смертные казни, а иные дошли до опалы, и тѣхъ животы и статки взяти государю на себя. Архіепископы же и епископы, архимандриты и игумены и весь освященный соборъ, да и бояре и приказные люди, то все положили на государьской волѣ.

2.

Челобитная (указъ) царя Ивана IV на имя Симеона Бекбулатовича отъ 30 октября 1575 г.

Великому князю Семіону Бекбулатовичю всеа Русіи сю челобитную подалъ князь Иванъ Васильевичъ московской и дѣти его, князь Иванъ и князь Ѳедоръ Ивановичи московскіе, а въ челобитной пишетъ.

---

1) На первой выставкѣ картинъ художниковъ исторической живописи въ 1895 г. вопросъ объ отношеніяхъ земскихъ и опричниковъ былъ представленъ картиной *А. Н. Новоскольцева* „Опричники въ домѣ земскаго" (срв. картину *П. И. Геллера* „Иванъ Грозный и юродивый Никола Салосъ"; см. выше на стр. 26).

Государю великому князю Семіону Бекбулатовичю всеа Русіи Иванецъ Васильевъ съ своими дѣтишками, со Иванцомъ да съ Ѳедорцомъ, челомъ бьютъ. Чтобъ еси, государь, милость показалъ, ослободилъ людишокъ перебрать бояръ, и дворянъ [1]), и дѣтей боярскихъ, и дворовыхъ людишокъ,—иныхъ бы еси ослободилъ отослать, а иныхъ бы еси пожаловалъ, ослободилъ принять, — а съ твоими государевыми приказными людми ослободилъ о людишкахъ памятьми ссылатися,—а ослободилъ бы еси, пожаловалъ изо всякихъ людей выбирать и пріимать,—и которыя намъ не надобны, и намъ бы тѣхъ пожаловалъ еси, государь, ослободилъ прочь отсылати.

И какъ, государь, переберемъ людишка, и мы къ тебѣ, ко государю, имяна ихъ списки принесемъ, и отъ того времени безъ твоего государева вѣдома ни одного человѣка не возмемъ. А которыхъ людишокъ пріимемъ, и ты бъ, государь, милость показалъ, вотчинишокъ у нихъ отнимать не велѣлъ, какъ прежь сего велось у удѣльныхъ князей, а исъ помѣстишокъ ихъ имъ хлѣбишко, и денженка, и всякое ихъ рухлядишко пожаловалъ, велѣлъ отдати и людишокъ ихъ, не ограбя, велѣлъ выпустити. И которые похотятъ къ намъ, и ты бъ, государь, милость показалъ, ослободилъ ихъ быти у насъ безопально, и отъ насъ ихъ имати не велѣлъ. А которые отъ насъ поѣдутъ и учнутъ тебѣ, государю, бити челомъ, и ты бъ, государь, пожаловалъ, милость показалъ по ихъ челобитью къ себѣ, ко государю, тѣхъ нашихъ людишокъ, которые учнутъ отъ насъ отходити, пожаловалъ, не пріималъ.

Да покажи, государь, милость, укажи свой государской указъ, какъ намъ своихъ мелкихъ людишокъ держати, по нашихъ ли дьячишковъ запискамъ и по жалованьишку нашему, или велишь на нихъ полные имати,—какъ, государь, указъ свой учинишь,—и о семъ тебѣ, государю, челомъ бьемъ. Государь смилуйся, пожалуй [2]).

3.

Изъ повѣсти князя И. М. Катырева-Ростовскаго.

Царство московское, его же именуютъ отъ давнихъ вѣкъ Великая Росія, той же градъ Москву постави великый князь Данилъ и царствова въ немъ самъ, и дѣти его, и внучата, и вся степень его досдѣ, даже и до великого князя Василія Ивановича всеа Русіи. Той же князь великій Василей царствова въ томъ же градѣ Москвѣ съ супругою своею, Еленою нарицаемою; отъ ихъ супружества изыде же мужъ толико славенъ, толико честенъ, толико многоразсуденъ, имя ему Иванъ.

И въ лѣто 7042-го году, декабря въ 4 день (1533), преставися великій князь Василей Ивановичъ, а по немъ остася сынъ его, сей многославный царевичь Иванъ Васильевичъ, и воспріемлетъ великое кня-

---

[1]) „Дворяне“ здѣсь поставлены еще выше „дѣтей боярскихъ“. Термины *опричники* и *дворовые* позднѣе совпадали, срв. выраженіе: „которые князи, и боляре, и вельможи ему годны, називаше ихъ опришницами, сирѣчь дворовыми“.

[2]) „Подъ притворнымъ самоуничиженіемъ царя *Иванца Васильева*, говоритъ С. Ф. Платоновъ, въ его обращеніи къ только что поставленному *великому князю* Симеону скрывается одинъ изъ обычныхъ для того времени указовъ о пересмотрѣ служилыхъ людей при введеніи опричнаго порядка“

женіе вмѣсто отца своего, а остася послѣ отца своего трехъ лѣтъ и трехъ мѣсяцъ и десети дней. И достиже совершена мужеска возрасту, и нача владѣтелно держати скиѳетро Російскаго государства, и рати воздвигъ, и многіе окрестные государства великіе подъ свою державу, высокую руку, поручилъ: царство казанское и иные многіе бусурманскіе государства. И потомъ царь Російскаго государства прозвася и возвеличи его Богъ паче сродникъ своихъ, первоначалствующихъ царей и великихъ князей въ превеликой именитой Москвѣ, и разширися державство его пространствомъ веліемъ.

И за умноженіе грѣхъ всево православнаго крестьянства супротивенъ обрѣтеся и наполнися гнѣва и ярости, начеше подовластныхъ своихъ сущихъ рабъ злѣ и немилостивно гонити и кровь ихъ проліяти. И царство свое, порученное ему отъ Бога, раздѣли на двѣ части: часть ему собѣ отдѣли, другую же часть царю Семіону Казанскому поручи; и устрои его на Москвѣ царемъ, самъ же отъиде отъ единыхъ малыхъ градовъ Старицу зовомый и тамо жителствуя много время. И свою же часть людей и градовъ прозва *опришнина*[1]), а другую часть царя Семіона именова *земщина*; и заповѣда своей части оную часть людей насиловати и смерти предавати, домы ихъ разграбляти, и воеводъ, данныхъ отъ Бога ему, безъ вины убивати, и грады краснѣйшія разрушати, а въ нихъ православныхъ крестьянъ немилостиво убивати даже и до сущихъ младенецъ. Не усрами же ся и святительскаго чину, овыхъ убивая, овыхъ заточенію предавая. И тако многія лѣта во дни живота своего провожая, уже и на конецъ старости пришедъ, нрава же своего никако премѣнися. И разгнѣвася нань Богъ . . . .

. . . .

И по малѣ времени, отъ боляръ нѣкто, ему же имя Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, и единокровнымъ союзомъ царю (т.-е. Ѳедору Ивановичу) близоченъ, и вся держава Російскаго государствія порученна бысть ему, понеже не меншею честію предъ царемъ отъ людей почтенъ. Бысть же той Борисъ образомъ своимъ и дѣлы множество людей превзошедъ; нихто бѣ ему отъ царскихъ синклитъ подобенъ во благолѣпіе лица его и въ разсуженіи ума его; милостивъ и благочестивъ, паче во многомъ разсуженіи доволенъ, и велерѣчивъ зѣло, и въ царствующемъ градѣ многое дивное о собѣ творяше во дни власти своея. Но токмо едино неисправленіе имяше предъ Богомъ и всѣми людми: во уши его ложное приношаху; радостно тово послушати желаше и оболганыхъ людей, безъ разсуженія, напрасно мучителемъ предаваше. И властолюбивъ велми бываше, и началниковъ всего Російскаго государства и воеводъ, вкупѣ же и всѣхъ людей московскаго народу, подручны себѣ учини, якоже и самому царю во всемъ послушну ему быти и повелѣнное имъ творити . . . .

. . . .

---

[1]) Князь Василій Димитріевичъ въ духовной грамотѣ самаго начала XV вѣка пишетъ: „А што ее (т.-е. княгини его Софьи Витовтовны) примыслъ, въ томъ волна, по душѣ ли дастъ, сыну ли дастъ; да къ тому ей даю въ *опришнину* два села въ Юриевѣ Богородицкое да Олексинское, въ тѣхъ двух селѣхъ такъ же волна, по душѣ ли дастъ, сыну ли дастъ“. Напротивъ въ духовной царя Ивана IV-го 70-хъ годовъ XVI вѣка читаемъ: „А что есми учинилъ *опришнину*, и то на волѣ дѣтей моихъ Ивана и Ѳедора, какъ имъ прибыльнѣе и чинятъ; а образецъ имъ учиненъ готовъ“. Срв. выраженія въ 7080 г. „бояря изъ опришнины“, а въ 7081-мъ году уже „дворовые воеводы“.

Народи же наипаче кричаху, ови отъ препростаго ума своего, овіи же научени бывше отъ самого (т.-е. Бориса), ови же боязни ради, да и вси единогласно вопіяху: да царствуетъ надъ нами! и по многи дни бысть народное кричаніе. Той же Борисъ провидя народъ, яко непремѣнно умоляютъ его по многи дни, юже никотораго прекословія ему нѣсть ни отколѣ отъ мала даже и до велика, и повелѣ народъ собрати и обѣща имъ: яко годѣ вамъ, тако и будетъ . . . . . И подаде ему Богъ время тихо и безмятежно отъ всѣхъ окрестныхъ государствъ, мнози же ему подручна быша, и возвыси руку его Богъ, яко и прежнихъ великихъ государей, и наипаче. Той же царь Борисъ помрачися умомъ, отлошши велемудрый свой и многоразсудный разумъ и воспріемши горделивое безуміе, сірѣчь ненависть и проклятое мнѣніе, якоже и выше о семъ рѣхомъ: не усрами же ся и славна роду, но и паче въ завѣщательномъ союзѣ дружбы имѣху ихъ, и сихъ не помилова, напрасно оболгати повелѣ, и безчестнѣ влечаху по улицамъ грацкимъ, и мучителемъ предаетъ, и въ заточеніе посылаетъ, и смерти горкія сподобляетъ. Отъ сего же ужасти быша людіе царствующаго града и оскорбѣша зѣло...

«Повѣсть» князя И. М. Катырева-Ростовскаго, посвященная изображенію смутнаго времени и написанная въ 1625—6 годахъ, заканчивается такими виршами:

Сему писанію конецъ предлагаемъ,
Дѣла толикіе вещи во вѣки не забываемъ,
А настоящаго изыскуемъ,
Въ пространную сію исторію сія написуемъ.
Словеса писанію превосходятъ въ конецъ,
Умъ человѣчь нихто же можетъ испосвѣсть [1]).

4.

Изъ временника дьяка Ивана Тимоѳеева.

О опричнинѣ.

Отъ умышленія же зѣлныя ярости на своя рабы подвигся толикъ, яко возненавидѣ грады земля своея вся, и во гнѣвѣ своемъ раздѣленіемъ раздвоенія едины люди раздѣли и яко двоевѣрны сотвори, овы усвояя, овы же отметашася, яко чюжи отрину, не смѣющимъ отнюдъ именемъ его мнозѣмъ градомъ нарицатися запрещаемомъ имъ, и всю землю державы своея, *яко сѣкирою наполы нѣкако разсѣче.*

Симъ смяте люди вся, и предъ лицемъ си вмѣсто себе, кромѣ сына своея крове, отъ Измаилтъ инаго нѣкоего вѣрна царя на время поставль, себе же раболѣпно смири, и малую си часть имѣнія достоянія оставль, по малѣ паки все воспріятъ,—тако Божіими людми играя. Велможа же

---

1) Срв. книгу С. Ф. Платонова *Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ* (Спб. 1888). Объ опричнинѣ глухо говорятъ и сказанія иностранцевъ Горсея, Таубе и Крузе, Гваньини, также Дж. Флетчеръ: см. изслѣдованія С. Ф. Платонова *Очерки по исторіи смуты въ московскомъ государствѣ XVI и XVII вв.* (Спб. 1839) и С. М. Середонина Сочиненіе Джильса Флетчера „Of the russe common wealth", какъ историческій источникъ (Спб. 1891).

царствія своего многи и добромыслимыя ему изби, прочихъ же въ чюжевѣрныя земли отъ себя изгоняя, и во онѣхъ мѣсто отъ окрестныхъ странъ пріѣзжающая къ нему возлюби, и болшими даровами тѣхъ богатя, отъ нихъ же инѣхъ и въ тайномысліе си пріятова; другихъ художствы врачевные хитрости къ нему примилшихся, извѣтомъ здравія ему своея мудрости раствореніе приносяще, о нихъ же истиннѣ рещи,—души его вредъ, тѣлесное паче нездравіе, вкупѣ же съ нимъ и ненавидѣніе ему на люди его нанесоша.

О семъ чюдимся много, яко и средоумнымъ се мощи бы разумѣти, еже не яти вѣры врагомъ своимъ во вѣки; онъ же, толикій въ мудрости, никимъ побѣжденъ бысть, развѣ слабостію своея совѣсти, яко главу ему свою волею во уста аспида влагати; врагомъ, отъ странъ пришедшимъ, его же всѣмъ противнымъ, не возмощи бы ни многими силами преодолѣти, аще не бы въ руки тѣхъ самъ ся вда. Увы! вся внутренняя его въ руку варваръ быша, и яже о немъ восхотѣ да сотвориша, лишше не глаголю—самъ себѣ навѣтникъ бывъ.

И симъ земли всей великъ расколъ сотвори и усомнѣватися всѣмъ въ мыслѣхъ своихъ о бываемомъ; Бога самого премилостиваго ярость на себе разже, симъ *раздѣленіемъ*, мню,—нынѣшнея всея земля розгласіе яко прообразуя оттуду до здѣ: самъ тогда на ню руку не благословля наложи, даже оно и донынѣ неутверженымъ отъ грѣхъ колеблемо, и нѣсть ю до единаго нынѣ отъ человѣкъ, утвердити могущаго, по Христову гласу, яко «всяко царство раздѣлшееся на ся не можетъ стояти», и прочее. Яко волки ото овецъ, ненавидѣныхъ имъ, отдѣли любезныя ему, знаменія же на усвоеныя воины тмообразны наложи: вся отъ главы и до ногъ въ черное одѣяніе облекъ, сообразны же одеждамъ ихъ и коня имъ своя имѣти повелѣ; по всему воя своя вся яко бѣсоподобны слуги сотвори. Идѣже они, на казнь осужены, посылаеми суть,—яко нощь темна видѣніемъ зряхуся и неудержанно быстро ристаху свирѣпѣюще, ови державнаго повелѣнія презирати не смѣюще, ови же самохотію отъ немилосердія работающе, суетнѣ богатящеся, взоромъ бо единемъ, неже смерти прещеніемъ страшаху люди.

Се чтущимъ ото образа вещи свойство ея знатно есть.

Вслѣдъ за главой объ опричнинѣ во Временникѣ слѣдуетъ разсказъ о погромѣ Новгорода подъ заголовкомъ «О новгородскомъ плѣненіи».

Лѣта, седмь
тысѧщь. де
вѧдесѧ первагѡ
црь и гдрь. И ве
лиссіи кнзь.

Иванъ василье
вичь всеа русіи.
прислалъ въ кири
ловъ мнтырь
сіе поминаніе.

Заставки, концовки и буквы второго тома.

1. Образцы *заглавныхъ* буквъ—см. о нихъ въ объясненіяхъ перваго тома.

2. Заставка главы VIII—деталь «День и ночь» съ иконы «Ангелъ хранитель съ похожденіями» XVI вѣка, московскаго письма. Налѣво олицетвореніе *день*: дѣвица въ богатой красной одеждѣ въ правой рукѣ держитъ *солнце*, она стоитъ на крылатыхъ огненныхъ колесахъ или престолахъ, осыпанныхъ очами; назади небо съ золотыми свѣтилами. Направо олицетвореніе *ночь*: обнаженная дѣвица съ прикрытіемъ изъ темныхъ облаковъ, въ рукѣ держитъ луну; назади темное небо съ звѣздами, она стоитъ на колесѣ, которое вертитъ пара дьяволовъ (№ 1 собраніе гр. А. С. Уварова).

Концовка—деталь съ иконы «Огненное восхожденіе пророка Иліи». Палиховскаго письма начала XIX столѣтія. Илью уноситъ золотая колесница, запряженная четырьмя крылатыми огненными конями, которыми управляетъ ангелъ. Илья въ сторону Елисея бросаетъ подбитый горностаемъ плащъ (№ 4, собраніе гр. А. С. Уварова). Повтореніе указанныхъ мотивовъ заставки встрѣчается на иконѣ «Образъ чистота душевная и тѣлесная, и мірское житіе» монастырскихъ писемъ конца XVII столѣтія. Хотя икона написана по явственному воспоминанію иконы «Ангелъ хранитель съ похожденіями», тѣмъ не менѣе «иконникъ» мастеръ уже успѣлъ утратить характеръ олицетвореній древняго типа и придать своей кисти болѣе мѣстный колоритъ. Всѣ тонкости и отличительныя подробности исчезли.

3. Заставка главы IX—снимокъ съ иконы «Рождество пресвятыя Богородицы съ птицами», приведено для характеристики Строгоновскаго письма XVII столѣтія (см. въ обясненіяхъ къ *Деисусу* кисти Симона Ушакова). Зачатіе Богородицы, помѣщенное на иконѣ, описано въ Иконописномъ Подлинникѣ XVI вѣка такъ: «Іоакимъ молится въ пустыни Богу въ пригоріи; риза багоръ, исподъ лазорь. Ангелъ господень лѣтитъ к нему. Въ другомъ мѣсте Анна молится Богу в винограде, ангелъ же господень лѣтитъ къ ней, риза киноварь, исподъ лазорь. Предъ обоихъ мѣсте, целованіе Іоакима и Анны, во свитце глаголетъ Іоакимъ: Господи сердцевѣдче, иже видимыхъ и зиждителю, оуслыши мя милосерде и даруй намъ чадо, даждь намъ плодородія залогъ, яко да рожденное отъ насъ принести в даръ, яко честно дарованіе». Лебеди, помѣщенные въ нижней части иконы, происходятъ отъ сравне-

нія, употребленнаго въ службѣ Іоакиму и Аннѣ, гдѣ сказано, что они чисты, яко лебеди. Подобная икона имѣется въ Софійскомъ соборѣ въ Новгородѣ. Концовка,—бронзовое украшеніе изъ Муромскаго могильника Владимирской губерніи (собраніе графа А. С. Уварова).

4. Заставка главы X—деталь съ иконы *Соборъ пресвятыя Богородицы* стараго Строгоновскаго письма: «Внизу гора—празелень. Съ правой стороны пониже волхвовъ, Вертепъ, а въ немъ дѣвица руки простерла къ Богородицѣ на ноги, сирѣчь *Земля-Вертепъ*. По лѣвой сторонѣ, ниже пастырей, другая дѣвица, полунагая, на правомъ плечѣ мало ризъ, а лѣвую руку простерла, держитъ ясли; а сама обвилась травою и около нея цвѣты, сирѣчь *Пустыня*». Таково описаніе Подлинника гр. Строгонова XVIII в. подъ 26 декабря. Земля-вертепъ держитъ вѣтку какого-то растенія и сидитъ на мѣшкѣ, наполненномъ зернами. Пустыня лѣвою рукою держитъ ясли, изъ которыхъ виднѣются три травки; она сидитъ на зеленомъ кустѣ (изъ собранія графа А. С. Уварова подъ № 2). Концовка—деталь съ иконы «Единородный сынъ съ святыми Зиновіемъ, Григоріемъ Богословомъ, Василіемъ Великимъ, Іоанномъ Златоустомъ и Ѳотинею. Она изображаетъ олицетвореніе смерти. Сама икона Мстёрскаго возобновленія со слѣдами Новгородскаго письма (№ 12 в изъ собранія графа А. С. Уварова).

5. Заставка главы XI—«Вознесеніе» съ такъ называемыхъ *Корсунскихъ вратъ*. «Корсунскія врата» Новгородскаго Софійскаго собора слѣдуетъ строго отличать отъ Сигтунскихъ вратъ, переданныхъ въ концовкѣ перваго отдѣла перваго тома приложеній къ нашей «Русской Исторіи»; они находятся на западной сторонѣ собора и относятся къ концу XII вѣка, такъ какъ Магдебургскій епископъ Вихманъ, по заказу котораго они исполнены въ Магдебургѣ, умеръ въ 1192 г. Н. П. Кондаковъ пишетъ о нихъ слѣдующее: И самый стиль этихъ вратъ, представляющій грубые барельефы, исполненные чеканомъ, въ тяжеломъ, неуклюжемъ, почти безформенномъ пошибѣ сѣвернаго *романскаго* искусства, и завѣдомое западное происхожденіе ихъ рѣшаютъ безповоротно вопросъ о ихъ принадлежности къ древностямъ средневѣковой Германіи. Итало-византійскія (такъ называемыя Сигтунскія) двери чисто орнаментальнаго характера, тогда какъ Корсунскія представляютъ въ своихъ религіозныхъ и символическихъ сюжетахъ значительное содержаніе и уже по этому интересу, будучи древнѣйшаго происхожденія, могли получить предпочтительное названіе Корсунскихъ, которое давалось въ древней Руси всему необыкновенному въ области религіознаго искусства: дверямъ, рельефамъ, крестамъ, паникадиламъ и проч. Корсунскія двери состоятъ изъ двухъ створовъ; деревянная основа дверей покрыта набитыми на ней листами мѣди разнообразной величины; обѣ половинки дверей подѣлены на правильныя поля, число которыхъ на каждой 24. На правой створкѣ вверху и помѣщено Вознесеніе:

Христосъ возносящійся *въ славѣ*, внутри миндалевиднаго ореола, съ евангеліемъ въ лѣвой рукѣ и благословляя десницею, возсѣдая на радугѣ и попирая ногами аспида и василиска; на ореолѣ написано: *dominus virtutis* и внизу: *ipse est rex gloriae*. Ореолъ несутъ четыре ангела, по угламъ помѣщены четыре эмблемы евангелистовъ: орелъ, левъ, ангелъ и телецъ, а также солнце и луна.

Слѣдуетъ въ общемъ признать, что Корсунскія врата не принадлежатъ одному мастеру, а сборнаго состава. Концовка—бронзовое украшеніе,

состоящее изъ верхней узорчатой пластинки съ петлями на оборотѣ и книзу, къ которымъ придѣланы трехъчленнныя, гнутыя изъ проволоки суставчатыя привѣски, оканчивающіяся весьма ясно выраженными гусиными лапками (изъ Муромскаго могильника Владимирской губерніи; собраніе гр. А. С. Уварова).

6. Заставка и концовка къ главѣ XII—снимки съ Корсунскихъ вратъ (см. выше). На заставкѣ изображены: а) Литейный мастеръ Риквинъ въ богатомъ кафтанѣ, съ клещами и вѣсами въ рукахъ. б) Грѣхопаденіе: *Адамъ, Евга, снѣдоста отъ плода древа*; дерево изображено крайне условно; его вѣтви тождественны съ побѣгами разводовъ на коймахъ; подъ ногами Адама двѣ маленькія готическія капители. в) Мастеръ Авраамъ. г) *Сотвореніе Адамле и Евгино*—гласитъ надпись, но изображено лишь сотвореніе Евы у стоящаго, но почти падающаго Адама Богъ-Слово вынимаетъ изъ ребра Еву; два ангела слетаютъ внизъ головою. д) Фигура стоящаго мастера Вайсмута. Этимъ заканчивается лѣвая половина вратъ.

Концовка представляетъ лѣвую створку Корсунскихъ вратъ, корреспондируя съ *Вознесеніемъ*. Здѣсь изображена посылка на проповѣдь, занимающая всю ширину створы: въ центрѣ Спаситель въ богатыхъ, расшитыхъ одеждахъ, съ евангеліемъ въ лѣвой рукѣ и благословляющій десницею, на высокомъ тронѣ; по сторонамъ его предстоящіе ему апостолъ Петръ съ высоко поднятымъ ключемъ и Павелъ со свиткомъ. Слѣва и справа двѣнадцать апостоловъ, тоже въ расшитыхъ одеждахъ. Въ лѣвой группѣ впереди видна женская фигура: Богоматерь.

7. Заставка перваго отдѣла приложеній—московскій соборный храмъ Покрова пресвятой Богородицы (Василій Блаженный съ западной стороны) о девяти верхахъ, т.-е. во имя Покрова съ восемью придѣлами, поставленными «на возвѣщеніе чудесъ Божіихъ о казанскомъ взятьѣ и астраханскомъ, въ которые дни (празднуемыхъ святыхъ) бысть Божія помощь, побѣда православному царю надъ бусурманы». Храмъ былъ заложенъ лѣтомъ 1555 г. и окончательно отдѣланъ въ 1560 г. По свидѣтельству одного лѣтописнаго сборника XVII ст. оказывается, что *преудивленный* храмъ строили русскіе мастера по прозванію Барма и Посникъ—они «быша премудріи и удобны таковому чюдному дѣлу». Одинъ путешественникъ первыхъ лѣтъ XVII в. отмѣтилъ, что храмъ чрезвычайно красивъ, выстроенъ съ очень многостороннимъ искусствомъ всякаго рода и вида и что его верхи покрыты листовою мѣдью, свѣтлыми блестящими листами. Василій Блаженный представляетъ несомнѣнный и высокій художественный интересъ; о его стилѣ высказывались разнообразныя сужденія. Въ высокой степени цѣнное изслѣдованіе о его стилѣ сдѣлано И. Е. Забѣлинымъ, ученымъ *русскаго* стиля и съ большимъ запасомъ *русской* поэзіи. Вотъ его общее заключеніе, изъ котораго во всякомъ случаѣ приходится исходить всякому изслѣдователю древнерусскаго зодчества. Храмъ Василія Блаженнаго—типъ русскихъ крестчатыхъ и круглыхъ соборныхъ деревянныхъ церквей, форма которыхъ—форма храмовой группы, выработанная безъ всякаго посредства какихъ либо иноземныхъ руководительствъ и вліяній. Столпообразная форма членовъ этой группы—исконное явленіе и можетъ быть прослѣжена по крайней мѣрѣ отъ XIII вѣка; если эта форма и «была откуда либо заимствована, то впослѣдствіи стала вполнѣ своенародною» (?!). Оригинальность и своеобразіе храмовой группы Василія Блаженнаго представ-

ляетъ въ сущности совокупность типовъ, извѣстныхъ древней Руси еще съ хазаро-византiйскихъ временъ. И. Забѣлинъ признаетъ, что группа Василiя Блаженнаго, съ своимъ шатромъ и главами, своимъ складомъ и обликомъ ближе всего подходитъ къ индiйскимъ сооруженiямъ, съ которыми у ней какъ бы чувствуется кровное родство, впрочемъ, доказывающее только однородность, однокровность понятiй о строительной красотѣ, которая въ различное время и въ различныхъ мѣстахъ независимо ни отъ какихъ заимствованiй и подражанiй, могла создавать подобные другъ-другу типы. Пирамидальность индiйской пагоды вполнѣ отвѣчаетъ въ своемъ смыслѣ русскому шатровому храму, какъ и пирамидальность всей группы Василiя Блаженнаго вполнѣ отвѣчаетъ группамъ индiйскихъ сооруженiй. Начавъ съ нацiональнаго русскаго своеобразiя, И. Забѣлинъ все таки долженъ былъ инстинктивно закончить поисками соцiологическаго характера и закончить связью съ азiатскою культурой. См. брошюру И. Е. Забѣлина «Русское искусство. Черты самобытности въ древне-русскомъ зодчествѣ». М. 1900 (въ № 23 серiи «Вопросы науки, искусства, литературы и жизни», изд. Гросманъ и Кнебель). Первоначальную редакцiю соображенiй о русскомъ искусствѣ см. въ «Древней и Новой Россiи» за 1878 г. и въ «Художественномъ Архивѣ» 1895 года.

8. Заставка второго отдѣла приложенiй—часть Корсунскихъ вратъ (см. выше)—часть лѣвой створки съ ручкой, на которой видимъ фигуру короля съ обнаженнымъ мечемъ, Ирода на тронѣ, и бичеванiе Христа, привязаннаго къ столбу.

Концовка—гербъ князей Курбскихъ, изд. Н. Устряловымъ.

9. Заставка третьяго отдѣла приложенiй—древнiй портретъ Ивана IV. Концовка—отрывокъ изъ Синодика Грознаго или поминанья по опальныхъ, присланнаго царемъ въ Кириловъ Бѣлозерскiй монастырь за годъ до его смерти. Во вкладной книгѣ монастыря записано: «Государь, царь и великiй князь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ по опальныхъ людяхъ девятьсотъ рублевъ. Имена ихъ въ Синодикѣ писаны. Панихиды по нихъ поютъ и литургiю служатъ соборомъ въ суботу сыропустную». Въ кормовыхъ книгахъ того же монастыря значится: «Въ суботу сыропустную по опальныхъ, избiенныхъ, потопленныхъ и сожженныхъ, съ жены ихъ, и чады и домочадцы. А имена ихъ писаны въ синодикѣ. Панихиды поютъ соборомъ. Даянiя по нихъ царя и великаго князя Iоанна Васильевича въ двухъ дачахъ двѣ тысячи двѣсти рублевъ».

В. Стор.

ОГЛАВЛЕНІЕ II ТОМА.

Стр.

ГЛАВА VIII.

Народная религія и церковь въ XIV—XVI в.

Н. М. Никольскаго.

Стр.

ГЛАВА IX.

Грозный.

1. Аграрный переворотъ первой половины XVI вѣка.

2. Публицистика и „реформы“.

3. Опричнина.

ГЛАВА X.

Смута.

1. Экономическіе итоги XVI вѣка.

2. Феодальная реакція, Годуновъ и дворянство.

3. Дворянское возстаніе.

4. „Лучшіе“ и „меньшіе“.

ГЛАВА XI.

Дворянская Россія.

1. Ликвидація аграрнаго кризиса.

2. Политическая реставрація.

ГЛАВА XII.

Реформа Никона и религіозно-соціальныя движенія второй половины XVII вѣка.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ИЛЛЮСТРАЦІИ II ТОМА.

Съ объяснительнымъ текстомъ В. Н. Сторожева.

Заставки, концовки и буквы второго тома.

